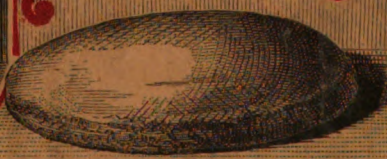

1882

ЛУСКАМ РАЧЕ.

АПРѢЛѢ

Въ

©

РУ

Оставшееся небольшое количество полныхъ экземпляровъ «РУССКОЙ РѢЧИ» за 1881 годъ можно выписать черезъ редакцію журнала по 10 р. безъ пересылки и по 12 р съ пересылкой, а за 1880—по 8 р. безъ пересылки и по 10 р. съ пересылкой. Экземпляры за 1879 годъ распроданы всѣ.

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ РУССКАЯ РѢЧЬ“ въ 1882 году.

Журналь «РУССКАЯ РѢЧЬ» въ 1882 году выходитъ въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, книжками отъ 25 до 30 и болѣе листовъ, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же постоянныхъ сотрудниковъ, которые принимали въ немъ участіе и въ прошедшемъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

безъ доставки	15 р.
съ доставкой въ Петербургѣ.	16 >
съ пересылкой	17 >
За границу: въ Европу,	} 18 >
Сѣверную Америку и Египеть.	

Въ прочія мѣста—по соглашенію съ Редакціей.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ:

	При подпискѣ	въ 1 Мал.	въ 1 Сентября
безъ доставки.	7 р.	5 р.	3 р.
съ доставкой	8 >	5 >	3 >
съ пересылкой.	9 >	5 >	3 >

Вслѣдствіе увеличившейся подписки, редакція нашла возможнымъ допустить разсрочку платы по третямъ, безъ увеличенія подписной цѣны.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала лишь городскимъ подписчикамъ Главной Конторы журнала и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые получили билеты или послали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію „Русской Рѣчи“ съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія, уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ петербургскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ петербургскіе—50 к. и изъ петербургскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію и притомъ если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, причемъ, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, жалоба должна быть заявлена не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ изъ иногородныхъ подписчиковъ, которые приложить къ подписной суммѣ 16 к. почтовыми марками.

12X

РУССКАЯ РѢЧЬ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

РУССКАЯ РѢЧЬ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И НАУКИ.

А П Р Ъ Л Ъ , 1 8 8 2 .

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція „Русской Рѣчи“ и Главная Контора журнала:

Средняя Подъячская, № 1.

1882.

Средняя Подъячестая, г. № 1
2334

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
LANSING

FEB 29 1968

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1882,

	Стр.
I. НА РУБЕЖѢ ДВУХЪ СТОЛѢТІЙ.—Историческій романъ.—Часть 1-ая, глава V-VI.—А. Шардина	1
II. РУССКОЕ ДѢЛО ВЪ ЛИТОВСКОЙ РУСИ.—Глава VIII-X.—П. Морозова	45
III. ИДЕАЛИСТЫ.—Повѣсть.—Конецъ 1-ой части.—Яна Лама.—(Переводъ съ польскаго)	76
IV. ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ДОНА.—II.—Усмиреніе Петромъ Великимъ Булавинскаго бунта.—Глава VII-VIII.—Н. Краснова	109
V. МЫТАРСТВА УПРЯМЦА.—(Современная быль).—Глава VIII-XII.—А. В. Круглова	148
VI. НАЧАЛА СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ.—Революція.—Томъ второй.—Торжество якобинцевъ.—(Продолженіе).—Иполита Тэна.—(Переводъ съ французскаго)	192
VII. М. В. П. ОЙ.—(Стихотвореніе).—Александры Львовой	250
VIII. БАВКАЗСКІЯ ПИСЬМА.—Крестьянство и дворянство Имеретин.—Евгенія Марнова	251
IX. ПОЛ-ДОРОГИ.—(Стихотвореніе).—Ф. Юрьева	290
X. ПОПУЛЯРНЫЯ БЕСѢДЫ О ВОЗМОЖНОСТИ ЛЕЧИТЬСЯ ПО ГОМЕОПАТИЧЕСКОМУ СПОСОБУ ВЪ ОТСУТСТВІЕ ВРАЧА.—Доктора медицины В. фонъ-Дитмана	292
XI. ВЪ ДѢТСКОЙ.—(Стихотвореніе).—Александры Львовой	325

- XII. ОБЗОРЪ НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—Антропология
Эд. Б. Тэйлора. Переводъ съ англійскаго доктора И. С. Иванна.—
Лекціи зоологіи профессора Поля Бера. Анатомія и физиологія.
Переводъ съ французскаго доктора Н. Л. Симонова.—Л. К. П—ва. 327
- XIII. ПРОПАВШІЙ ДОКУМЕНТЪ.—Романъ Дэвида Кристи Мюррея.—
Прологъ.—(Переводъ съ англійскаго) 347
- XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новый начальникъ Кавказскаго
края и сущность его правъ.—Основы внутренней политики
бывшихъ начальниковъ этого края князей Воронцова и Бя-
тинскаго.—Наша сѣверная окраина и ея нужды.—Проекты
комисіи семидесяти и генерала Баранова объ улучшеніи эконо-
мическаго благосостоянія края.—Необходимость воднаго соеди-
ненія Бѣлаго моря съ Балтійскимъ 1
- XV. НАУЧНАЯ ХРОНИКА.—Въ области психологіи животныхъ.—
(Чувство, инстинктъ и умъ животныхъ).—Залье. 39

НА РУБЕЖЪ ДВУХЪ СТОЛѢТІЙ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

V.

Польскій проходимецъ изъ русскихъ.

Вошедшій господинъ представлялъ изъ себя совершеннѣйшій типъ отставнаго польскаго шляхтича разсыпавшейся польской конфедераціи, хотя и по фамилии, и по выговору легко можно было увѣрится, что онъ кровный русскій.

Въ то время,—время борьбы партій, общаго колебанія и неурядицы въ Польшѣ, занятой большею частію русскими войсками и совершенно подавленной русскимъ вліяніемъ,—образовалась и особенно усилилась и размножилась та, низшаго разбора, безземельная польская шляхта, которую можно назвать родовымъ пролетаріатомъ, въ отличіе отъ пролетаріата, образуемаго гнетомъ капитала. Въ число этихъ, можно сказать, подонковъ польскаго населенія, образовавшихся историческими условіями польской жизни, втиралось множество искателей приключеній, разнаго рода проходимцевъ, стежавшихся сюда со всѣхъ концовъ свѣта.

Полная пустаго чванства, недѣятельная, лѣнивая, необразованная.

ванная, шляхта эта служила опорю всей смутѣ, всей неурядицѣ Польши, и, можно сказать, при всеобщей почти продажности магнатовъ, была чуть-ли не главною причиною гибели самостоятельности своей родины, которой и доселѣ не даетъ покоя возбужденіемъ традиціонныхъ волненій. Привыкнувъ еще со времянь Гонсевскаго, Лисовскаго и Сапѣги жить на счетъ военныхъ приключеній и грабежа, она не хотѣла ничего болѣе, какъ воевать и грабить. Во время тридцатилѣтней войны она много поддерживала собою германскія войска и той, и другой стороны, хотя и была исключительно католическою. Правда, въ армію Валленштейна она поступала массами, тогда какъ съверные князья далеко не могли рассчитывать въ такой же степени пользоваться ея услугами. Но это ничего не значило. Шляхта не задумывалась даже переходить изъ арміи въ армію, когда считала это для себя полезнымъ и выгоднымъ.

Во время этой войны она много усилилась прибылымъ элементомъ нѣмецкихъ придорожныхъ рыцарей, разбойничьи логовища которыхъ были разрушены развивающеюся цивилизаціею, и которые, также какъ и эта шляхта, не хотѣли примириться съ новымъ строемъ европейской жизни, но у себя дома не находили уже себѣ занятія. Дѣло въ томъ, что во время всеобщаго мира, да и во время войнъ посредствомъ регулярныхъ войскъ, разнаго рода проходимцы и искатели приключеній и наживы въ западной Европѣ не могли имѣть мѣста. Они могли пріютить себя только въ Польшѣ, вмѣстѣ съ тамошнею безземельною шляхтою. Тамъ чванство магнатовъ, громадность принадлежащихъ имъ богатствъ, наконецъ, необходимость имѣть опору своимъ требованіямъ на сеймикахъ, сеймахъ и конфедераціяхъ, заставляли ихъ кормить всю эту тунеядную сволочь въ видѣ своихъ тѣлохранителей, чтобы въ свое время ею воспользоваться. Имперскіе князья и бароны не имѣли къ тому ни средствъ, ни желанія, ни надобности. Оставаясь маленькими тиранами въ своихъ феодахъ, они прежде всего были слишкомъ бѣдны, чтобы окружать себя многочисленною свитою, и не желали обременять свою кассу напрасными расходами. Въ общемъ у нихъ былъ хоть какой нибудь, хоть внѣшній порядокъ, тогда какъ Польша въ то время не представляла даже и тѣни порядка.

Такимъ образомъ, польская шляхта, въ ожиданіи случая, переходила отъ магната къ магнату, питаясь крохами, падающими на нее отъ ихъ вельможной щедрости и родоваго польскаго чванства, и жила завтрашнимъ днемъ, надѣясь, лучше сказать мечтая, что вотъ нѣтъ-нѣтъ, да и выпадетъ случай, когда

она захватить въ свои руки царскія богатства и получить важное, преобладающее значеніе.

Но такого рода неподвижность, такая отсталость и средне-вѣковая притязательность, такая инерція мысли и предоставили польской шляхтѣ невыразимо могучую притягательную и асимилирующую силу, которая привлекала къ ней искателей приключеній со всѣхъ концовъ міра. Всѣ бездомники, всѣ проходимцы, всѣ потерявшіе почву и желающіе жить безъ труда и по возможности весело, стекались въ Польшу, вступали, тѣмъ или другимъ способомъ, въ сонмъ ея безземельной шляхты, усвоивали ея характеръ, языкъ, обычаи и становились дѣтьми Польши, но не укрѣпляющими и питающими пріютившую ихъ мать, а своимъ тунеядствомъ и производствомъ смуть явно губящими ее и разоряющими. Тунеядство, проходимство, недѣятельность переходили отъ отца къ сыну, отъ сына къ внуку черезъ цѣлыя поколѣнія, особенно въ родовыхъ обломкахъ нѣкогда славныхъ и дѣятельныхъ именъ, которыя почему либо лишились своей точки опоры. Презирая трудъ, какъ нѣчто умирающее, и отверещиваясь отъ всѣхъ видовъ производства, какъ элементовъ того же труда, они съ одинаковымъ презрѣніемъ смотрѣли на промышленность и торговлю. Ихъ идеаль былъ жизнь пана-магната, окруженнаго табунами, какъ они, прихвостниками, обманывающими его жидами, съ охотою на лосей, кабановъ, лисицъ, зайцевъ, мелкимъ развратомъ и полнымъ разгуломъ самаго разнузданнаго самодурства.

Потому-то князь Радзивиллъ, пане-коханко, и былъ такъ любимъ польскою шляхтою. Его жизнь и положеніе совершенно совпадали съ ихъ идеаломъ. Они всѣ хотѣли бы жить такъ, безъ думы о завтрашнемъ днѣ, безъ малѣйшаго труда, даже безъ мысли, а только съ выполненіемъ требованій своего самодурства и звонкимъ «не позволяемъ!» на сеймахъ. Всѣ они хотѣли хоть на время, хоть на минуту испытать подобіе такой жизни и, разумѣется, не задумывались воспользоваться всякимъ случаемъ, чтобы ее достигнуть.

Такого рода понятія, желанія, мечты вели шляхту къ взаимному сближенію, именно желаніе полнаго отсутствія труда. Они создавали въ ней какъ бы стадное свойство, которое заставляло ихъ отказываться отъ всего, чего не дѣлаютъ другіе. А другіе, кромѣ грабежа и войны, ничего знать не хотѣли и лучше готовы были вынести всякое униженіе отъ державшаго ихъ магната, чѣмъ взять какой бы то ни было положительный трудъ. Ясно, что они и могли жить только войною и гра-

бежемъ. Но какъ развивающаяся цивилизація все болѣе и болѣе ограничивала таковой родъ занятій, то изъ шляхты и всякаго накопившагося въ ней сброда поневолѣ составился контингентъ всякаго рода шулеровъ, мазуриковъ, червонныхъ валетовъ и разнаго рода проходимцевъ, своимъ стаднымъ свойствомъ поддерживавшихъ другъ друга и взаимно другъ другу сочувствовавшихъ.

Время кануна девятнадцатаго вѣка было временемъ перехода понятій. Отъ рыцарскаго феодальнаго грабежа на большой дорогѣ, понятія, втеченіи всего восемнадцатаго вѣка, переходили къ деликатному грабежу на карточномъ столѣ, къ усвоенію всякаго вида подлоговъ и къ шарлатанству во всемъ развитіи научнаго прогресса. Тотъ и другой видъ понятій имѣлъ еще своихъ представителей, тотъ и другой видъ притягивалъ къ себѣ проходимцевъ со всѣхъ странъ. Люди никакъ не хотѣли понять, что не довольно желать труда, что нужно еще его искать, думать о немъ; а думать-то они, втянувшіеся въ крѣпостную рутину, и не хотѣли.

Такимъ образомъ, среди польской шляхты послѣднихъ годовъ польской самостоятельности можно было найти и разорившагося француза, и разгуливашагося нѣмца, и прожектера-итальянца, и искателя фортуны—испанца, и даже, потерявшаго свою почву, русскаго. Въ Польшѣ того времени они находили полный просторъ для своего ничего-недѣланья, а болѣе имъ ничего было и ненужно. Этотъ просторъ исходилъ изъ условій соціального быта Польши и взаимности поддержки, которую проходимость, естественно, само для себя создавало.

Смоленская область, бывшая нѣкогда княжествомъ, будучи оторвана болѣе чѣмъ на сто лѣтъ отъ Россіи и слитая съ Польшею, все время всѣми сторонами своей жизни тянула постоянно къ своей прежней родинѣ. Она хотѣла быть русскою. Былъ однакожъ одинъ изъ ея элементовъ, который начиналъ усваивать, по крайней мѣрѣ въ разсужденіи себя, выгоды польскихъ порядковъ и началъ принимать тенденцію ополячиванья.

Если серьезные дворянскія фамиліи и не столь скоро такому ополяченію поддавались, какъ можетъ быть желали того поляки, — языкъ и вѣра были тому существенными препятствіями, — но все же поддавались, особенно вслѣдствіе перекрестныхъ браковъ.

За то дворянскому проходимству Смоленской губерніи былъ полный просторъ обращаться въ польскую шляхту, безъ малѣйшаго затрудненія. Взялъ у повѣтоваго маршалка свидѣтельство о своемъ шляхетскомъ происхожденіи, надѣлъ чамарку, прицѣ-

пилъ къ поясу саблю, затѣнулъ пистолеты—и былъ таковъ! Поступай себѣ въ свиту Сендомірскаго или Чарторыйскаго, или живи вольнымъ промысломъ,—твое дѣло. Разбогатѣешь—заводи свою маетность, свою свиту, никто не препятствуетъ; станешь изъ шляхтича ясновельможный панъ—твое дѣло, умѣй только разбогатѣть.

Можно себѣ представить, много ли, при такихъ условіяхъ, оставалось въ безземельной и шатающейся шляхтѣ убѣжденій; много ли оставалось чести возрѣвній, сознанія обязанностей, какъ человѣка и какъ гражданина?

А когда нѣтъ ни чести, ни сознанія обязанностей, ни убѣжденій, то, естественно, остается только одно проходимость, проходимость во всемъ, на все и на вся, проходимость отъ корня ногтей до кончика волосъ.

Одинъ изъ героевъ такого проходимства, Семень Нибодимовичъ Шепелевъ, стоялъ въ настоящую минуту передъ Голицынымъ.

Но какимъ образомъ онъ, Шепелевъ, принадлежащій къ одной изъ извѣстныхъ и состоятельныхъ фамилій Смоленской губерніи, потерялъ подъ собою почву въ такой степени, что попалъ въ низшій сортъ польской шляхты, въ поддонки польскаго общества, такъ что былъ вынужденъ держать стремя у князя Радзивилла, пане-коханею, служить потомъ Браницкому и подт его знаменами участвовать въ конфедераціонныхъ смутахъ, даже сражаться съ русскими войсками и, наконецъ, начать упражняться въ разнаго рода мазурничествѣ на Волыни, въ Варшавѣ и Кіевѣ?

Очень просто. Отецъ его былъ небогатъ, хотя и приходился въ близкомъ родствѣ съ Шепелевыми-богачами. У отца его было двѣнадцать сыновей и двѣ дочери. А раздѣленное на четырнадцать частей имѣніе, хотя-бы и значительное, не можетъ уже въ частяхъ своихъ представлять достаточнаго обезпеченія тѣмъ, которые привыкли жить цѣлымъ. Не смотря, однакожъ, на незначительность доставшагося наслѣдства, онъ все бы могъ у себя дома, при акуратности и экономіи, жить своимъ трудовымъ хозяйствомъ; вполнѣдствіи, можетъ быть, онъ, при стараніи, достигъ бы и лучшаго положенія, во всякомъ случаѣ болѣе покойнаго и почетнаго, чѣмъ то, въ какомъ находился теперь. Но стремленіе къ проходимству бываетъ у иныхъ людей какъ-бы свойствомъ прирожденнымъ. А тутъ выпалъ еще особый случай.

Будучи высокаго роста, стройнымъ мужчиною, съ молодости онъ былъ очень красивъ, ловокъ и нравился женщинамъ. Однимъ словомъ, былъ молодецъ во всѣхъ статьяхъ. Его двою-

родная или троюродная тетушка, Мавра Егоровна Шувалова, урожденная Шепелева, обратила на него вниманіе, какъ на человѣка, могущаго и очень могущаго нравиться. Вотъ въ одинъ изъ дней, когда она была особенно разсержена на племянника своего мужа, графа Ивана Ивановича, котораго признавала неблагодарнымъ ни себѣ, ни своему мужу, такъ какъ они, можно сказать, его въ случай вытянули, а онъ не только не поддерживаетъ финансовыхъ проектовъ своего дяди, «но даже Шаховскаго противъ него выводитъ», — ей пришло въ голову, что нехудо бы имѣть подъ рукою человѣка, который могъ бы служить постоянною угрозою неблагодарному племяннику. Она говорила:

— Случай, на который мы племянника вывели, обязывалъ его отъ насъ не отдаляться, намъ помогать; а онъ, видите, самостоятельность выдумалъ! Шаховскаго слушаетъ! Съ Петромъ Ивановичемъ даже не совѣтуется, не то чтобы ему помочь въ чемъ! А безъ Петруши что бы онъ былъ?.. Позабылъ, видно, Бекетова!... ¹⁾

Вотъ, въ расчетѣ сломить такую самостоятельность, она рѣшилась написать въ своему троюродному племяннику Семену Никодимовичу, чтобы тотъ какъ можно скорѣе пріѣхалъ въ Петербургъ, что она опредѣлитъ его въ лейбъ-компанію, и дальнѣйшая судьба его будетъ зависѣть отъ его счастья и ловкости.

Получивъ такого рода посланіе отъ своей вельможной тетушки-графини, извѣстной любимицы и наперстницы царствовавшей тогда императрицы Елисаветы, Семенъ Никодимовичъ обрадовался несказанно. Онъ прямо возмечталъ уже видѣть себя генералъ-адъютантомъ, оберъ-камергеромъ и еще Богъ знаетъ чѣмъ; проходимство, видимо, было въ крови. Сейчасъ же по этому письму онъ продалъ свою часть наслѣдства, живо собрался и пріѣхалъ въ Петербургъ. Тамъ его тетушка встрѣтила привѣтливо, дѣйствительно опредѣлила въ лейбъ-компанію, что безъ большой протекціи было почти немислимо, и скоро, пользуясь его красивою наружностью, высокимъ ростомъ и молодечествомъ, выхлопотала ему производство въ вахмистры, что равнялось уже майору арміи и давало ему право стоять на часахъ у внутреннихъ комнатъ самой государыни. Но, говорятъ, бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ. Мавра Егоровна въ тотъ же годъ умерла. Графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ не очень грустилъ о потерѣ своей супруги; не прошло полугода, онъ женился на мо-

¹⁾ См. «Родъ князей Зыдѣиныхъ», «Русская Рячъ» 1880 г.

лоденькой княжнѣ Одоевской и помирился съ племянникомъ, графомъ Иваномъ Ивановичемъ, бывшимъ, какъ говорили тогда, въ случаѣ. Ясно, ему было не до Шепелевыхъ. На Семена же Никодимовича онъ разсердился очень за то, что тотъ высказалъ откровенно свое мнѣніе, что жениться шестидесятилѣтнему старику на молоденькой шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ дѣло неподходящее.

Такимъ образомъ, за смертью Мавры Егоровны Семенъ Никодимовичъ и остался какъ-бы на бобахъ. Но онъ не унывалъ. Онъ думалъ:

«Вѣдь достанется же мнѣ стоять на часахъ; государыня увидитъ, и... и... чего не бываетъ на свѣтѣ!»

И точно, ему скоро досталось стоять на часахъ и государыня обратила на него вниманіе. И могла ли она, проходя мимо, не замѣтить высокаго, стройнаго, молодцоватаго Семена Никодимовича, отдававшего ей честь, послѣ приземистаго, растолстѣвшаго и еннухообразнаго Ивана Ивановича. Она невольно спросила фамилію и откуда.

— Шепелевъ, ваше императорское величество, изъ дворянъ Смоленской губерніи.

— Шепелевъ? А покойная Мавра Егоровна была не родня тебѣ?

— Двоюродная тетка, ваше величество.

— Молодецъ, спасибо за службу! сказала государыня и вошла къ себѣ въ спальню, такъ что Шепелевъ едва успѣлъ проговорить свое «радъ стараться, ваше величество».

Но въ спальнѣ Елисавета нѣсколько разъ проговорила: «какой молодецъ, какой молодецъ!»

Извѣстно, что въ спальнѣ императрицы Елисаветы, всегда ночевали нѣсколько дуръ и сказочницъ, а въ ногахъ самой постели, на полу, спалъ ея старый камердинеръ Василій Чулковъ, впоследствии носившій званіе камергера и бывшій тайнымъ совѣтникомъ.

Всѣ слышали замѣчаніе государыни о молодомъ часовомъ, и на другой день Чулковъ, котораго Иванъ Ивановичъ считалъ нужнымъ постоянно ласкать и дарить, счелъ себя обязаннымъ, сдѣланное государыней замѣчаніе о молодомъ и красивомъ часовомъ передать Ивану Ивановичу Шувалову.

Этого было довольно, чтобы возбудить его опасенія, и Семена Никодимовича постарались изъ лейбъ-компаніи убрать. Государыннѣ сказали, что онъ сдѣлалъ какой-то проступокъ неблагоприятнаго свойства. Противъ этого ей возражать было нечего; она болѣе его не видала и, разумѣется, забыла. Но государы-

нѣ сказали неправду. Семень Никодимовичъ тогда еще никакого неблаговиднаго поступка не дѣлалъ. Его исключили, придравшись къ тому, что будто онъ не сдѣлалъ Ивану Ивановичу, шедшему въ оберъ-камергерскомъ мундирѣ, установленной чести. Но гдѣ же было государниѣ все помнить и все знать. Иванъ Ивановичъ удержался въ фаворѣ до самой ея смерти. Семену же Никодимовичу, уволенному изъ лейбъ-компаніи, между тѣмъ приходилось плохо. Переведенный сперва въ какой-то рижскій или митавскій баталіонъ, а потомъ уволенный по прошенію въ отставку, безъ средствъ къ жизни, безъ способностей къ какому либо труду, ему едва не приходилось умирать съ голоду. Знакомства у него не было. Графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ о немъ и слышать не хотѣлъ; скоро, впрочемъ, по смерти императрицы, онъ и самъ умеръ.

Шепелевы всѣ до одного отъ него отказались еще прежде, находя совершенно несоотвѣтственнымъ стать противъ такого вельможи, каковымъ былъ тогда графъ Иванъ Ивановичъ.

Что было дѣлать? Наслѣдство свое онъ уже давно прожилъ. Жить своимъ молодечествомъ? Но для того нужно, чтобы молодечество это хоть видѣли, а его никто и не видитъ.

По счастію въ это время фехтмейстеру въ голштинскомъ отрядѣ великаго князя, весьма скоро потомъ ставшаго государемъ, потребовался помощникъ. Семень Никодимовичъ, съ русскимъ авось, и отправился къ нему просить, не возьмутъ ли его, благо онъ, служа въ лейбъ-компаніи, уроковъ съ десятокъ въ фехтованіи взялъ, чуть-ли не у него же самого, и всѣ говорили, что онъ на это понятливъ и ловокъ, да и ростъ-то его ему содѣйствовалъ.

— Да ты фехтовать-то не умѣешь!

— Выучусь.

— А пока выучишься?

— Буду вамъ помогать.

— Да въ чемъ помогать-то будешь?

— Въ чемъ прикажете.

Не смотря однако на такую неопредѣленность отвѣтовъ, фехтмейстеръ, по уваженію, что онъ шелъ къ нему чуть только не изъ хлѣба и что онъ весьма порядочно знаетъ нѣмецкій языкъ, рѣшился его взять. Онъ думалъ: этотъ молодой и красивый русскій ферфлюхтеръ можетъ выучиться скоро и станетъ мнѣ переводить, что русскіе болтаютъ...

И точно, не прошло и полугода, какъ Шепелевъ выучился фехтовать лучше своего фехтмейстера.

Тутъ случилась съ нимъ исторія, которая перевернула всю его жизнь въ другую сторону. Въ Петербургъ пріѣхалъ нѣмецъ Шлосманъ и выдумалъ штуку, казалось простую, но, какъ вышло, весьма выгодную. Эта штука была танцъ-классъ. Дескать, одному танцовать общественные танцы не выучишься, собирать же для всякаго урока у себя гостей—скучно и дорого; а вотъ тутъ пріѣзжайте всякій—и мужчины, и дамы, и дѣвицы, и танцуйте, сколько желанія имѣете. А въ назначенные часы, я самъ показывать стану!

Штука, казалось, не хитрая, а умная, потому что намолола первому, кто ее привезъ въ Петербургъ, много денегъ. Разумѣется, большіе господа къ Шлосману не поѣхали, но дѣло не въ большихъ господахъ. Къ Шлосману начали собираться нѣмочки всѣхъ сортовъ, модистки, булочницы, разныя мастерицы, а за ними явились офицеры, ухаживатели, поклонники нѣмецкой красоты и уступчивости. Сперва дѣло шло очень лично. Многие дѣйствительно выучивались танцовать, а многіе въ танцъ-классѣ и судьбу свою сыскали, женившись или выйдя замужъ. Но все это было только до поры, до времени. Начался разгромъ съ самихъ же нѣмцевъ. Приводя дочерей своихъ въ танцъ-классъ и оставляя ихъ учиться и веселиться, они сами садились играть въ шахматы, домино или тригъ-травъ, а за игрой захотѣли тянуть свое пиво и курить свой кнастеръ. Шлосманъ долженъ былъ имъ въ томъ уступить, а за пивомъ стали требоваться и чай; и вино, и водочка. И вотъ, молодые люди получили возможность разогрѣваться и утѣшаться.

Однажды, эдакъ послѣ порядочнаго уже утѣшенія, изъ-за какой-то нѣмецкой дочери Еввы, Шепелевъ поссорился и побранился крѣпко съ богачемъ-гвардейцемъ Колобовымъ. Тотъ, будучи сильно выпивши и не думая о послѣдствіяхъ, вызвалъ его на дуэль. Шепелевъ принялъ вызовъ, тутъ же нашлись секунданты и дѣло было въ шляпѣ. На другой день, проспавшись, Колобовъ увидѣлъ, вакую онъ сдѣлалъ глупость. «Дѣло дрянъ», подумалъ онъ. Первое, что онъ вызвалъ на дуэль помощника фехтмейстера и извѣстнаго стрѣлка; второе, что изъ-за неизвѣстной нѣмки, самое большее, булочницы или сапожницы, а можетъ, даже и просто нѣмки aus Riga, онъ долженъ будетъ рисковать всѣмъ своимъ будущимъ. А онъ былъ счастливый женихъ прелестнѣйшей дѣвушки, дочери нижегородскаго воеводы Ивашева, въ которую былъ искренно влюбленъ. Эта исторія, чѣмъ бы она ни кончилась, разнесется по городу, и онъ отъ невѣсты непремѣнно получить отказъ. Въ третьихъ, полкъ, ра-

зумѣется, не апробуешь, что ихъ офицеръ посѣщаетъ такія мѣста, гдѣ можно напиваться пивомъ и наталкиваться на непріятности, въ родѣ его ссоры съ помощникомъ фехтмейстера. А танцъ-классъ Шлоссмана началъ уже терять свою репутацію заведенія, гдѣ-бы можно было пріятно проводить время; тамъ начинались уже скандалы такого рода, къ которымъ гвардейскіе офицеры равнодушно относиться не могли, потому и не желали слышать, что въ нихъ бывають ихъ товарищи.

Но что же дѣлать? Куда ни кинь, вездѣ клинь! Отказаться отъ дуэли нельзя, дѣло было слишкомъ гласно. Шепелевъ — дворянинъ, офицеръ, и былъ вызванъ самимъ Колобовымъ. Онъ не только имѣетъ полное право требовать себѣ удовлетворенія, но имѣетъ возможность настоять на этомъ удовлетвореніи. Гвардія часто посѣщаетъ фехтовальный залъ его хозяина и, разумѣется, узнаетъ, что Колобовъ отказался. Припишутъ это трусости, Богъ знаетъ чему, и ему житья тогда не будетъ. Что же дѣлать?

— А вотъ что, сказалъ ему одинъ изъ кутиль-товарищей, кутиль-бѣдняковъ, поэтому кутящихъ обыкновенно на счетъ Колобова. — Деньги есть?

— Какъ не быть, сколько угодно; только не въ деньгахъ дѣло.

— Какъ не въ деньгахъ? въ деньгахъ, братецъ, всегда дѣло! Шепелевъ же, говорятъ старые его товарищи, такъ нуждается въ деньгахъ, что, говорятъ, зачастую безъ хлѣба сидитъ и радъ всякому гривеннику. Заплати ему приличный кушъ, чтобы онъ струсилъ, и дѣло будетъ въ шляпѣ.

— Какъ струсилъ?

— Да такъ! Струсилъ бы да и только! Убѣжалъ бы куда нибудь, или что бы тамъ ни было. Онъ не въ полку, близкихъ знакомыхъ у него нѣтъ. Невѣсты тоже нѣту. Ему какое дѣло, что будутъ о немъ говорить. Ну струсилъ, такъ струсилъ, и дѣло съ концомъ. На-время уѣдетъ, чтобы не слишкомъ въ глаза кидаться; а съ деньгами вездѣ хорошо жить. Онъ рассчитаетъ, что чѣмъ ему тебя убить, лучше самому денежки получить! И голову дамъ на отсѣченіе, если онъ не согласится.

— Э! Да я бы не то пятнадцати, двадцати тысячъ не пожалѣлъ бы, чтобы потушить эту исторію...

— Постой же я съѣзжу...

На другой день Колобовъ съ пистолетами, шпагами и секундантами отправляются на назначенное мѣсто дуэли и ждутъ. Дуэль было положено начать на шпагахъ и послѣ первой раны

окончить на пистолетахъ. Условія были постановлены самыя строгія, чтобы трусить было чего.

Является первый секунданта Шепелева, говорить, что заѣзжалъ къ нему, но не засталъ и подумавъ, что онъ уѣхалъ уже на мѣсто, пріѣхалъ, но вотъ его нѣтъ.

Черезъ четверть часа пріѣзжаетъ и второй секунданта и привозитъ отъ Шепелева письмо, говоря, что, собираясь къ нему, чтобы ѣхать съ нимъ сюда, получилъ отъ него письмо. Прочитавъ письмо, онъ поѣхалъ къ нему, думая показать все неприличіе его поступка, уговорить... Но не тутъ-то было. Шепелева и слѣдъ простылъ. Вотъ это письмо! И онъ подалъ его присутствовавшимъ.

Шепелевъ писалъ: «Не желая ни быть убійцею, ни быть убитымъ изъ-за совершенно ничтожнаго случая, бывшаго у меня съ г. Колобовымъ, я извиняю вполне сказанныя мнѣ г. Колобовымъ дерзкія слова, прошу въ свою очередь извинить и мои отвѣты, тѣмъ болѣе, что мы оба были въ разгоряченномъ состояніи и едва-ли хорошо помнили, что дѣлали и говорили. Затѣмъ, уѣзжая сейчасъ изъ Петербурга, отказываюсь отъ всякаго удовлетворенія и прошу не поминать лихомъ готоваго къ услугамъ Семена Шепелева».

Это письмо поразило, разумѣется, только секундантовъ. Колобовъ о немъ зналъ еще вчера, но не показалъ и виду, что все это было впередъ подготовлено. Онъ ругнулъ Шепелева изъ приличія и пригласилъ всѣхъ секундантовъ къ себѣ завтракать и распить бутылочку другую, чтобы забыть это непріятное происшествіе. Секунданты, разумѣется, были весьма рады, тѣмъ болѣе зная, что угощеніе будетъ на славу, и что тутъ же Колобовъ пригласитъ ихъ къ себѣ на свою свадьбу, долженствовавшую быть въ томъ же мясоѣдѣ.

Шепелевъ въ это время, веселый и довольный, съ пятнадцатью тысячь въ карманѣ летѣлъ на тройкѣ по бѣлорусскому тракту. «Пусть что хотятъ говорить, думалъ онъ. — Съ деньгами я вездѣ буду пань!» Ему, какъ молодому человѣку, невидавшему еще сколько нибудь значительныхъ денегъ, потому что отъ продажи своей части наслѣдства, за уплатою кое-какихъ долговъ, у него очистилось тогда всего рублей семьсотъ, или восемьсотъ, — ему казалось значительная, везомая имъ теперь въ вѣкселяхъ на варшавскихъ банкировъ сумма 15,000 р. — богатствомъ непроживаемымъ. Онъ сперва думалъ ѣхать къ себѣ въ свою Смоленскую губернію, но послѣ перемѣнилъ намѣреніе. «Чего я тамъ буду киснуть? сказалъ онъ себѣ. — Смотрѣть, какъ братья и

сестры между собою ругаются. Ужасно нужно! Катну прямо въ Варшаву, тамъ денежки прокучу, на людей посмотрю и себя покажу!»

И онъ поѣхалъ въ Варшаву, и кутнулъ тамъ такъ, что именно грянулъ карманомъ, и черезъ восемь мѣсяцевъ у него не было уже ни гроша.

Съ этой минуты началось его проходимство. Онъ переходилъ отъ занятія къ занятію, отъ дѣла къ дѣлу, но все къ такому, въ которомъ бы дѣлать было нечего. Былъ онъ и лонг-лакеемъ въ отелѣ, и крупье въ игорномъ домѣ, сбывалъ фальшивые векселя, приготовлялъ мѣченныя карты, учился и шулерству. Наконецъ, ему удалось поступить въ стрелянные князя Радзивилла. Тутъ ему было поспокойнѣе. Но и въ проходимствѣ нужно счастье, а Семену Никодимовичу, видимо, не везло. Князю Радзивиллу пришлось скоро бѣжать изъ Польши, такъ какъ онъ сталъ въ головѣ возстанія противу избранія въ польскіе короли Понятовскаго. Его состояніе было конфисковано, громадная свита распущена, тѣлохранители и оберегатели разогнаны. Семень Никодимовичъ опять остался безъ мѣста. Послѣ многихъ перипетій, онъ попалъ было подъ уголовное преслѣдованіе, отъ котораго освободился только благодаря Браницкому, къ которому поступилъ въ качествѣ завѣдывавшаго его псарней, такъ какъ оказался отличнымъ знаткомъ свойствъ разнаго рода борзыхъ и гончихъ. Но и тутъ ему не повезло. Старикъ Браницкій скоро умеръ, а молодой наслѣдникъ терпѣть не могъ ни охоты, ни собакъ, и сейчасъ же весь этотъ штатъ уничтожилъ. Семену Никодимовичу опять пришлось шлаться по Божьему свѣту безъ пристанища, поступать на службу то къ тому, то къ другому пану, участвовать опять въ конфедераціи, сражаться противъ русскихъ войскъ. Ну тутъ ему опять выгорѣлъ случай, подобный тому, какой случился съ Колобовымъ, только не въ столь значительномъ размѣрѣ. Онъ получилъ съ кого-то за отказъ отъ дуэли около пяти тысячъ. Эти денежки, наученный уже опытомъ Семень Никодимовичъ не промоталъ, какъ первая, а берегъ ихъ пуще глаза. Этотъ вторичный случай надумилъ его, что его призваніе—жизнь бретера. А въ Варшавѣ, въ то время, для такой жизни было матеріала въволю. Интриги партій, слабость нелюбимаго короля, своеволие во всѣхъ слояхъ общества, наконецъ, самый задоръ въ характерѣ поляковъ и ихъ личная храбрость, дѣлали дуэль въ Варшавѣ весьма обыкновеннымъ и до нѣкоторой степени почетнымъ явленіемъ. Семень Никодимовичъ искусно вошелъ въ игру и составилъ себѣ

свою, особую програму дуэлей. Онъ прискалъ себѣ нѣчто въ видѣ адъютанта, тоже приходимца, малоросса, бурсака и первой степени плута Квириленко. Этотъ адъютантъ долженъ былъ быть секундантомъ на всѣхъ его дуэляхъ и, въ разныхъ видахъ, устраивать или самую дуэль, или примиреніе за приличное вознагражденіе. Дѣло полагалось вести въ двухъ видахъ: или Семень Никодимовичъ дрался дѣйствительно и отправлялъ если можно къ праотцамъ, по правиламъ искусства, кого нужно было убрать съ дороги за условное вознагражденіе; или, заставивъ какимъ нибудь образомъ себя вызвать, а иногда и вызвавъ самъ, онъ обивался за извѣстное вознагражденіе струсить, отказаться, — однимъ словомъ устроить, чтобы дуэль не состоялась и вся вина падала на него. Этимъ промысломъ онъ и Квириленко жили, и иногда хорошо жили, подерживая свои ресурсы и картишками и билиардомъ, и всѣмъ что придется, не теряя притомъ своей шляхетской гордости, и не прилагая ни своихъ мышцъ къ непривычному для нихъ труду, ни головы къ непривычной для нея думѣ; напротивъ, они укрѣплялись въ своей професіи болѣе и болѣе духомъ тогдашняго польскаго общества, которое и доселѣ въ такой степени умѣть поддерживать сословность, что, кажется, явись завтра Польша, явятся съ нею немедленно же и польскіе паны, и польскіе шляхтичи, и польскіе жидаы, и польскіе батраки, и польскіе магнаты; явится все родовое, кровное, будто исходящее изъ преданій обидѣйскихъ кастахъ, съ ихъ браминами, воинами и паріями, будто бы установленныхъ высшею волею самаго Брами. Никто не хотѣлъ понять, что большаго безчестія, большаго униженія, какъ въ образованіи подобнаго типа труда, родовое начало не могло уже и придумать. Жизнь такого типа, какъ Семень Никодимовичъ была тоже жизнь труда, и труда тяжелаго и опаснаго, но труда непроеводительнаго, безчестнаго, неразумнаго и въ своихъ послѣдствіяхъ весьма вреднаго. Признавать, что такой трудъ не безчеститъ, ремесло же или торговля безчеститъ шляхетское достоинство, было такой аномаліей вѣка, которая едва ли могла совмѣститься съ анализомъ какой бы то ни было разумности. Но послѣдняя четверть восемнадцатаго вѣка именно представляла такую аномалію въ родовомъ началѣ, вызывая собою не менѣе рѣзкія аномаліи и въ другихъ элементахъ жизни.

Какъ однакожъ ни была слѣпа и беззаботна польская полиція короля Станислава Августа, какъ ни неподвижна была она въ разсужденіи всего, что касалось частной жизни, причемъ слѣпота ея доходила даже до того, что она допустила

покушеніе на похищеніе изъ среды многолюдной столицы своего короля, — она все же подмѣтила ремесло, смущавшее безопасность обывателей. Тогда Семень Никодимовичъ рѣшилъ, что не должно долго оставаться на одномъ мѣстѣ, а послѣ всякой громкой исторіи переѣзжать въ другое, и такимъ образомъ, избѣгая разговоровъ и преслѣдованій, онъ изъ Варшавы переѣзжалъ въ Вильну, или на Волинь, изъ Вильны въ Кіевъ (тогда уже русскій), изъ Кіева въ Вѣну, потомъ опять въ Варшаву, и жилъ, какъ мы сказали, то кутя какъ богатый панъ, играя и развратничая, то пригнувъ хвостъ и забирая провизію въ долгъ у знакомаго жида на такомъ условіи, что послѣ первой удачи за все платитъ втрое. Вдругъ до него какъ то дошло, что многіе красавцы и молодцы нарочно ѣдутъ въ Москву поклониться русской императрицѣ. Говорили будто, что общее поклоненіе входитъ въ сущность ея нѣкоторыхъ плановъ. Какого вздора за границей не рассказываютъ про матушку Русь. Шепелевъ повѣрилъ этому вздору и, вспоминая свою троюродную тетупку Мавру Егоровну, подумалъ: «а что, если тутъ моя судьба?» Онъ позабылъ, что послѣ того, какъ онъ поступилъ 24-хлѣтнимъ молодымъ человѣкомъ въ лейбъ-компанію, прошло безмалаго 15 лѣтъ, что эти 15 лѣтъ онъ жегъ свою жизнь, именно, что называется, во-вся, и что если онъ еще не состарѣлся, то осунулся, осовѣлъ; станъ его согнулся, глаза ввали, кутежи, бессонныя ночи, развратъ, а подчасъ бѣдность и нужда оказывали свое вліяніе, и онъ также похожъ было на молодца лейбъ-компанца, какъ старая водовозная кляча бываетъ похожа на боеваго коня. Но оставаясь на томъ же прежнемъ русскомъ авось, на томъ же «можетъ быть», съ которыми когда-то онъ шелъ къ фехтмейстеру голштинцу, онъ думалъ: «почему же не выбрать меня, почему же не я?»

Въ это время онъ, съ своимъ адъютантомъ, бывшимъ бурсавомъ, потомъ архіерейскимъ пѣвчимъ и, наконецъ, проворовавшимся гдѣ-то писцомъ, выдававшимся однакожъ, при помощи фальшивыхъ паспортовъ, за родовитаго пана литовской Руси, находились въ совершеннѣйшей крайности, были въ положеніи нищаго. Къ услугамъ Семена Никодимовича, какъ бретера, давно уже никто не обращался; чтобы обыграть когонибудь въ карты ли, въ кегли, или на биліардѣ, нужны деньги, а деньги обыкновенно скоро уходятъ отъ того, къ кому легко приходятъ. У нихъ онѣ давно всѣ вышли. Долго жили они, продавая свои вещи, потомъ на кредитъ, наконецъ, все истощилось. Бѣдность началась крайняя, безысходная; бѣдность, особенно тяжкая тѣмъ,

что слѣдовала за минувшею роскошью и кутежами, слѣдовательно такая бѣдность, которая отталкиваетъ отъ себя руку помощи. Можетъ быть именно вслѣдствіе этой бѣдности, изъ которой они не видѣли исхода, они и начали рваться къ тому, что могло тѣшить ихъ воображеніе хоть миражемъ; можетъ быть именно потому, что они не видѣли ничего ни передъ собой, ни за собой, они и начали составлять планы одинъ другаго фантастичнѣе, одинъ другаго несбыточнѣе, обманывая такимъ образомъ богатствомъ фантазіи свою жалкую дѣйствительность.

— Да-съ, ужъ это мое почтеніе, чтобы тамъ какой ни на есть бестія, русскій князь или графъ, сталъ угощать меня тамъ бараниной или котлеткой съ картофелемъ, говорилъ Семень Никодимовичъ, съ чрезвычайною жадностью поглядывая сквозь окно на продаваемую на улицѣ на лоткѣ печенку и съ трудомъ пережевывая черствую, заплѣсневѣлую корку хлѣба.— Захотятъ угостить, такъ пусть угощаютъ соусомъ изъ соловьиныхъ языковъ!

— Э, панъ, зачѣмъ такъ гордо? Пожалуй еще не узнаешь, соловьиной то языкъ, аль воробьиный. Котлетка телячья отбивная, помните какой насъ разъ въ Вѣнѣ въ трактирѣ угощали, право вещь гарная и зѣло гарная. А не то кіевская индѣйка съ соленой вишней... ужъ пусть только пригласятъ, не заставлю другой разъ себя просить, а не то вареники въ сметанѣ, право забудешь фрикасе всякое, отвѣчалъ на то Квириленко, тоже ломая свои зубы о сухой черныи хлѣбъ и запивая его квасомъ, которымъ какъ-то пріятель раздобылся.

— Ну, индѣйкѣ-то съ трюфелями пожалуй и я бы сдѣлалъ честь, но только чтобы все это было приготовлено въ наитончайшемъ видѣ, замѣтилъ Семень Никодимовичъ.

— Хорошо, больно бы хорошо, панъ, только какъ мы доберемся-то? спросилъ Квириленко, любившій всякій вопросъ ставить скорѣй на практическую почву.

— Хоть съ чумаками, въ видѣ батраковъ, варенье кіевское въ Москву повеземъ, или пшеницу, —туда говорятъ нонче много ее требуютъ,—а добраться доберемся во что бы то ни стало! Не то съ обратными богомольцами, питаюсь Божьею помощью! отвѣчалъ Семень Никодимовичъ, любившій рѣшать сразу такого рода практическіе вопросы, чтобы потомъ отдаваться полностью игрѣ своей фантазіи.

— А тамъ чѣмъ жить будемъ?

— Фу какой ты дуракъ, Квириленко! Чѣмъ будемъ жить?

Вѣдь тамъ Москва, богатая страна! Денегъ тамъ куры не клюютъ; въ какой домъ не приди, знакомый-ли, незнакомый-ли, хоть три обѣда подадутъ. Ты тамъ не былъ, такъ и не говори! Особенно когда узнаютъ, кто я! Всѣ вельможи и богачи разомъ привагятъ и прямо: «Семень Никодимовичъ, что прикажете, что нужно!» Всякій понимаетъ, что если поправлюсь, такъ отслужу, еще какъ отслужу-то! Ты не видалъ, какъ все кланялось Разумовскому или Шувалову. А что такое Разумовскій? Простой хо-холь былъ, какъ вотъ и ты же, больше ничего! Ну а развѣ я могу не поправиться? Ну смотри меня, оглядывай! Не скажешь ли, ростомъ малъ?

И Шепелевъ вытянулся во всю свою величину.

— Ну, гляди!

Квириленко оглянулъ Семена Никодимовича, но разумѣется, видя его каждый день и почти не разлучаясь, онъ не могъ замѣтить тѣхъ бороздъ и морщинъ, той одутловатости въ лицѣ, которыхъ привело и поставило на нихъ обоихъ время, бессонныя ночи, кутежи, волненія страстей и переходы отъ роскоши и несообразнаго мотовства къ безпомощной нуждѣ и нищенской бѣдности,—поэтому сказалъ:

— Нѣтъ, ничего... но измать маленько!

— Поотваляюсь, какъ жизнь-то иная пойдетъ! На суходѣнїи поневодѣ измать!

— Но какъ-же? Вѣдь надо, стало быть, поотваляться, да и попрюдѣться!

— Разумѣется! Это и дѣло тѣхъ вельможь и богачей, которые нами пользоваться захотятъ. Какъ только приѣдемъ, я явлюсь къ кому нибудь изъ тамошнихъ богачей князей или графовъ и скажу: «ну вотъ, смотрите, каковъ я человекъ есть; если полагаете, что какъ слѣдуетъ, то поддержите, а я ужъ отблагодарю!» Ты только слушай, Кириленко, а ужъ я дѣло поведу! Не бойсь, не задумаюсь!..

Вотъ на этихъ-то основанїяхъ и расчетахъ и начали собираться ѣхать въ Россїю наши паны; въ такихъ-то мечтахъ, продавая что можно и занимая у кого можно, они, то пѣшкомъ, а то и на подводѣ, добрались до Москвы, съ новою венгеркою Семена Никодимовича въ котомкѣ, которую они сохранили, не смотря на претерпѣванїе иногда холода и голода и перенесенїе во всѣхъ видахъ чрезвычайной нужды.

Не смотря на эту нужду, не смотря на совершенное отсутствїе всякихъ средствъ, Семень Никодимовичъ, безъ гроша въ карманѣ, явился къ оберъ-камергеру князю Александру Михай-

ловичу Голицыну со всею наглостью челяди польскихъ магнатовъ, усвойвасямою ею въ безцеремонности передней.

— Прямо изъ Кіева, ваше сіятельство, сказалъ басомъ саженный и усатый господинъ, наступая на князя такъ близко, что тотъ принужденъ былъ отступить на полъ-шага.— Имѣю честь представиться! Служилъ въ лейбъ-компаніи вахмистромъ, теперь въ отставкѣ арміи секундъ-маіоромъ; имѣю счастье помнить, какъ ваше сіятельство изволили первый разъ надѣть офицерскій шарфъ въ преображенскомъ полку, такъ что до нѣкоторой степени позволяю себя считать вашимъ сослуживцемъ, сирѣчь, по оружію сотоварищемъ. Приѣхалъ просить вашего покровительства и помощи; надѣюсь не откажете, потому что заслужу, право слово, рука честнаго человѣка, заслужу!

Князь—истинный петиเมตรъ французскаго общества, петиเมตรъ съ головы до пятокъ, проведеншій большую часть молодости заграницей въ качествѣ резидента, а потомъ и посланника при разныхъ дворахъ, едва не смѣшался передъ такою личностью, какой онъ не только никогда не видалъ, но и вообразить себѣ не могъ. Тѣмъ не менѣе на заявленіе, что онъ прямо изъ Кіева, будто для него могло имѣть значеніе то, что онъ изъ Кіева, а не изъ Архангельска, не могъ не отвѣчать саркастически:

— Весьма сожалѣю, милостивый государь о Кіевѣ, который вы изволили оставить. Чѣмъ-же я могу быть полезнымъ вамъ здѣсь, въ Москвѣ?

— Прежде всего, ваше сіятельство, у меня нѣтъ ни грошика денегъ, а жить здѣсь, въ Москвѣ, у-у какъ дорого! Не признаете ли, ваше сіятельство, возможнымъ, по нашему старому сотовариществу по службѣ, ссудить меня заимообразно рублями хотъ пятью-стами. Знаете, съ дороги пооправиться, приодѣться нужно. Видитъ Богъ, отблагодарю, пусть будетъ удача. Вотъ какъ отблагодарю, вѣкъ слугой буду!

У Голицына расширились зрачки отъ изумленія. Какъ! Человѣкъ, котораго онъ видитъ первый разъ въ жизни и который, будучи моложе его, по меньшей мѣрѣ, пятнадцатю годами и будучи не болѣе, какъ вахмистръ лейбъ компаніи, или хотъ арміи маіоръ, увѣряетъ его, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и оберъ камергера, что онъ ему сослуживецъ и сотоварищъ, и уже съ совершенною безцеремонностію просить денегъ взаймы,—такое нахальство ему бросилось въ глаза. «О, о!» думалъ князь.—«Это уже изъ рукъ вонь!»

— На ваше «прежде всего», милостивый государь, считаю

нужнымъ сказать, отвѣчалъ князь, стараясь говорить сдержанно, — что къ сожалѣнію исполнить вашей просьбы не могу, такъ какъ имѣю привычку всѣ свои деньги тратить самъ; а затѣмъ позволю себѣ спросить, что же вамъ будетъ угодно послѣ?

— Гм! Нельзя такъ, нельзя? Вотъ чего не ожидалъ. Я, признаюсь, надѣялся, что ваше сіятельство, входя въ положеніе бывшаго преобразенца... Ну, нельзя, такъ нельзя. Богъ дастъ, какънибудь и сами справимся! А послѣ... послѣ... моя просьба, услышавъ которую можетъ быть вы пожелаете исполнить и мою первую просьбу. Моя вторая просьба — испросить дозволенія представиться великой государынѣ, Семирамидѣ сѣвера, и лично выразить мое усерднѣйшее поздравленіе съ славнымъ миромъ и мое всенижайшее ей рабское почитаніе!

— Что? болѣе и болѣе изумляясь спросилъ Голицынъ. — Вы хотите представиться государынѣ?

— Точно такъ, ваше сіятельство; я надѣюсь, что она, по своей великой мудрости, не откажетъ въ томъ одному изъ ея вѣрнѣйшихъ и преданнѣйшихъ подданныхъ!

— Но какія же права, какія основанія? Чего хотите вы отъ государыни? По какому дѣлу?

— У меня, ваше сіятельство, нѣтъ дѣла! Да я собственно и не желаю никакихъ дѣлъ имѣть. Я желаю, чтобы государыня приняла меня на службу при своей особѣ!

— На службу? съ тѣмъ же выраженіемъ изумленія спрашивалъ Голицынъ. — Чѣмъ же вы при государынѣ хотите быть? И Голицынъ невольно улыбнулся, оглядывая великана съ головы до ногъ.

— Чѣмъ ей будетъ угодно. Она не найдетъ человѣка болѣе вѣрнаго и преданнаго, поэтому можетъ назначить тамъ меня хоть своимъ шталмейстеромъ что ли, или мундшенкомъ, это все равно! Чѣмъ ей будетъ угодно.

— Не лучше ли ужъ прямо оберъ-камергеромъ? не безъ ироніи спросилъ князь.

— Тамъ ужъ куда она захочетъ! съ наглیمъ нахальствомъ отвѣчалъ Семенъ Никодимовичъ, — по достоинству и по заслугѣ.

— Какія же ваши заслуги?

— Будутъ, непременно будутъ, пусть только узнаетъ меня! Для того-то я и прошу васъ испросить дозволеніе ей представиться.

— Въ этомъ видѣ?

— А что же, развѣ мой видъ не хорошъ? И онъ приса-
нился, какъ бы желая показать, что онъ за себя постоять, и

хорошо помнить, что его многіе находили статнымъ молодцомъ, а когда-то даже красавцемъ.

— Извините, милостивый государь, это невозможно!

— Отчего же невозможно?

— Отъ того, что у насъ установлена особая форма и извѣстный церемоніаль для представленія государынѣ. Отступить отъ этого церемоніала я не вправѣ безъ особаго высочайшаго повелѣнія.

— Я о томъ только и прошу, чтобы вы высочайшее пожеланіе испросили. Вотъ скажите, отставной лейбъ-компанецъ, помнить ея величество еще великой княгиней, просить дозволенія представиться въ томъ видѣ какъ есть, по важному дѣлу.

— Но вы говорили, что у васъ дѣлъ нѣтъ?

— Найдутся; не мое, а ея дѣло. Не умирать же мнѣ здѣсь съ голоду по дѣлу ея величества?

— У васъ есть отъ когонибудь письмо?

— Ни отъ кого. Да и зачѣмъ мнѣ письмо, когда я самъ отъ себя?

— Въ такомъ положеніи я не могу ничего даже и докладывать, по крайней мѣрѣ прежде, чѣмъ вы скажете мнѣ, по какому дѣлу вы хотите беспокоить государыню. Скажите.

— Ну ужъ это, ваше сіятельство, извините, атанде-съ! Вамъ не скажу! Ужъ это пусть сама спросить!

— Въ такомъ случаѣ, милостивый государь, прошу извинить, ничего сдѣлать для васъ не могу!

— И не доложите?

— Не доложу, потому что не имѣю права, не могу!

— Не можете, и дѣло съ концомъ! Можетъ оно и къ лучшему! Я самъ о себѣ доложу!

— Какъ это?

— Просто пойду и скажу: матушка царица, дозвожь твоему вѣрному и преданному рабу тебя видѣть!

— Ну этого я вамъ не совѣтую!

— Отчего?

— Оттого, что можете натолкнуться на чрезвычайную неприятность. Мы спокойствіе нашей государыни умѣемъ оберегать!

— Ну тамъ увидимъ!

И усатый, высокій господинъ, повернувшись на каблукахъ, живо исчезъ.

«Вотъ еще какая личность, пожалуй тоже исцатель милости и фавора! подумалъ Голицынъ, съ презрѣніемъ смотря вслѣдъ уходящему.— Не даромъ же онъ говорилъ о своихъ

будущихъ заслугахъ, о своей благодарности... Бѣдная государыня! какъ всѣ эти господа должны мучить ее. Какое презрѣнiе къ человѣчеству должны они вызывать... Однако нужно написать Волконскому, чтобы отъ такихъ господъ поберегъ не только государыню, но и самый дворецъ. Отъ нихъ все станется!»

Александръ Семеновичъ Васильчиковъ самъ понималъ, что онъ попалъ не на свое мѣсто, что онъ въ положенiи вороны, залетѣвшей въ высокiе хоромы. Но что ему было дѣлать? Безвонечно добрый, мягкiй и ужъ вовсе не честолюбивый, онъ былъ все время своего случая, «своего счастья», какъ говорили всѣ, въ положенiи кролика, который неожиданно попалъ подъ стаю собакъ. Его травятъ, преслѣдуютъ, давятъ, ловятъ со всѣхъ сторонъ. Онъ кувырывается, вертится, мечется во всѣ стороны, припадаетъ, прячетъ свою бѣленькую голову—ничего не помогаетъ, спасенiя нѣтъ. Враги окружили, грозятъ со всѣхъ сторонъ, и черезъ мгновенiе разорвутъ на части.

Неразвитый, молчаливый, полуобразованный, Васильчиковъ былъ въ положенiи именно этого кролика. Тѣ, которые, пользуясь отъѣздомъ графа Григорiя Григорьевича Орлова въ Фокшаны, помогли ему взобраться на недоступную для него высоту, требовали отъ него, чтобы онъ, во что бы то ни стало, на этой высотѣ держался, и упрекали безпрестанно, что онъ то то, то другое упустилъ для своего положенiя. А какое тутъ укрѣпленiе положенiя, когда онъ чувствовалъ, что и безъ того у него кружится голова, что отъ паденiя его одинъ шагъ, да онъ радъ бы и упасть, только не знаетъ какъ, чтобы не разбиться въ дребезги.

Другiе, напротивъ, съ самаго перваго дня какъ онъ сталъ приближеннымъ, старались его сбить, спутать, столкнуть,—чѣмъ нибудь копрометировать. Иногда расскажутъ ему анекдотъ, событiе, обстоятельство, чрезвычайно ему, кажется, любопытное. Онъ передастъ этотъ анекдотъ или событiе государынѣ, думая ей угодить, разсѣять, развлечь, а та сердится, говорить: какъ можно такой вздоръ говорить, или такому вздору вѣрить! А почему онъ могъ знать, что это вздоръ? Разъ, напримѣръ, сказали ему, что, завтра, послѣ солнечнаго заката петербургскiй меридiанъ простыми глазами можно будетъ видѣть. Онъ сказалъ ей это, думая, что и ей будетъ прiятно взглянуть; вмѣсто того государыня разгнѣвалась. Но особенно помнить онъ, какъ она разсердилась за то, когда онъ разсказалъ, что

слышалъ будто въ Москву привезли попа съ козлиными рогами. Государыня даже изъ себя вышла. Иногда вздумаютъ увѣрять его, что въ него влюбилась такая-то дама или такая-то дѣвица, влюбилась безъ памяти и готова утопиться, если не окажетъ онъ ей какого либо знака вниманія. Эта дама или дѣвица въ самомъ дѣлѣ кокетничаетъ съ нимъ безъ милосердія. Онъ повѣритъ, подойдетъ къ ней, думая сказать только нѣсколько словъ, а та дѣлаетъ видъ и потомъ увѣряетъ его въ глаза, что онъ сдѣлалъ ей декларацію, хотѣлъ соблазнить, и Богъ знаетъ что. Изволь тутъ отговариваться, отдѣлываться, увѣрять. Просто травятъ, именно, какъ кролика травятъ.

Все же эти не такъ опасны; но свои, свои, отъ нихъ не отвертисься, не отговоришься, не отдѣлаешься. Напримѣръ, графъ Никита Ивановичъ. У него кажется отъ одной мысли, что графъ Григорій Григорьевичъ опять будетъ, душа въ пятки ушла; одно воспоминаніе объ Орловѣ наводитъ на него лихоградку. «Отъ его бѣшеннаго и мстительнаго характера можно всего ожидать, говорить онъ.—Онъ Бирона напомнить и пожалуй распорядится такъ, что позавидуешь Волынскому».

А Чернышевъ объясняетъ:

— Елисавета была добрѣе, мягче, сердечнѣе Екатерины. Она во все свое царствованіе ни одного смертнаго приговора не утвердила и не допустила. А эта—положимъ, злодѣевъ—Пугачева съ сообщниками, да Мировича, не задумалась палачу отдать. А и при Елисаветѣ, Трубецкой съ Шуваловыми захотѣли, такъ съ Бестужевой, Лопухиной и Головкиными, Лиліенфельдшей сѹмѣли такъ распорядиться, что пожалуй и о смертной казни можно было пожалѣть. А Орловъ, вѣдь это звѣрь! Она поневолѣ его послушаетъ. Вѣдь шутка, лѣтъ двѣнадцать привыкла ему въ глаза смотрѣть. Еще при покойной императрицѣ, никто и не догадывался; а вотъ какъ скончалась императрица, они покойнаго императора такъ обошли, что не дай Богъ слышать. А все Орловы! Пять братьевъ. Ну, пускай, пятый молодецъ, старшій въ деревнѣ, но три брата одинъ за другаго стѣною стоятъ. Они окружаютъ императрицу, къ ней и не подойдешь. А сами и давай всѣхъ душитъ! Тебя, Васильчиковъ, первымъ на колъ; насъ, Панина, Брюсшу, Голицыныхъ,—кому голову долой, кого въ Сибирь навѣчно, или въ крѣпость. Нѣтъ, нѣтъ! Держись, Васильчиковъ, во что бы то ни стало держись! А то, знаешь: избави Богъ отъ глада, труса, потопа, нашествія иноплеменниковъ и трехъ плутовъ братьевъ Орловыхъ, коимъ мѣсто давно уготовилъ еси въ гееннѣ огненной...

Это пѣли на всѣ лады и съ разныхъ тоновъ и Ададуровъ, и Елагинъ, и Тепловъ, когда-то ближайшій Алексѣя Орлова помощникъ, и статсъ-секретари Екатерины, и близкія къ ней особы Протасова, Лопухина, Нарышкинъ, Строгоновъ, и даже Матрена Даниловна, единственная дурочка и шутиха императрицы Екатерины, наконецъ, и княгиня Дашкова, приписывавшая всѣ свои невзгоды зависти Орловыхъ, хотя, сказать по правдѣ, ни одинъ изъ нихъ о ней и не думалъ.

— Ты, Александръ Семеновичъ, ужь постарайся, братецъ, говорилъ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, угощая своего пріятеля всѣмъ, чѣмъ могъ,—какъ нибудь этакъ по-ласковѣе, да по-внимательнѣе. Только удержиись, непременно удержиись, а то бѣда!

А Васильчикову чего ужь было держаться, когда, какъ мы сказали, онъ и скатиться то не зналъ какъ. Говорятъ—по-ласковѣе; а когда и ласка-то не къ сердцу, когда и отъ ласки-то зѣваютъ.

— Вы, Александръ Семеновичъ, выдумайте что нибудь по-занимательнѣе и начинайте рассказывать, да такъ, чтобы вашему разсказу и конца не было. Государыня привыкнетъ васъ слушать и будетъ слушать съ удовольствіемъ, говорилъ Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, вспоминая, что онъ точно такимъ образомъ забавлялъ графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго. Этими разсказами онъ держался, и въ люди вышелъ, и теперь такого же рода разсказами милость императрицы заслужилъ.—Вспомните сказки изъ тысячи одной ночи и султаншу Шехеразаду, продолжалъ объяснять Елагинъ.—На что положеніе ея было хуже? Султанъ разсердился и, не говоря ни слова, велѣлъ въ куль да въ воду. Она выпросила дозволенія только одну сказку разсказать. Султанъ согласился. Вотъ она и начала, да и разсказывала тысячу одну ночь, до тѣхъ поръ, пока, право не помню, султанъ ли померъ или Шехеразада померла, или оба живы остались и оба другъ друга полюбили. Вотъ и вы выдумайте.

«Да, да! думалъ Васильчиковъ,—хорошо вамъ говорить «выдумайте»; а что я выдумую, когда она, кажется, все знаетъ! На что кажется занимательнѣе а разсказъ придумалъ о томъ, какъ, стоявши въ Ригѣ, мы въ круговую въ свайку играли, съ тѣмъ, что кто выиграетъ, того Амальхенъ, хорошенькая трактирщица, должна поцѣловать, и какъ я всѣхъ обыгралъ, и отъ Амальхенъ поцѣлуй получилъ, а въ Амальхенъ былъ влюбленъ толстый претолстый гарнизонный маіоръ. Отъ зависти онъ захотѣлъ на

стулъ вскочить и вдругъ... Такъ вѣдь даже договорить мнѣ не дала, сказала: «перестань болтать, Александръ, садись лучше за вышивку. Право, когда ты молчишь, такъ и хотѣлось бы, чтобы ты чтонибудь заговорилъ; а какъ заговоришь, готова Богъ знаетъ что дать, чтобы молчалъ».

Панинъ уговорилъ его разъ попросить государыню, чтобы она чтонибудь ему прочитала. Государыня согласилась съ удовольствіемъ. Она любила читать и по-французски читала прекрасно. Васильчиковъ тоже хорошо зналъ французскій языкъ, хотя ни по-русски, ни по-французски не читалъ никогда и ничего, кромѣ приказовъ по полку, когда состоялъ въ числѣ полковыхъ офицеровъ. Государынѣ пришло въ голову, что его просьба о чтеніи вызвана въ немъ невольною потребностію души, и она подумала, что чтеніе поможетъ ей развить любимого человѣка. «Можетъ быть, подумала она,—чтеніемъ я вызову въ немъ тѣ силы души, тотъ полетъ ума, ту нѣжность чувства, которыя теперь находятся въ немъ какъ бы въ летаргій, вслѣдствіе неразвитости, меркантилизма и мелочности интересовъ, въ которые онъ погруженъ съ дѣтства недостаточнымъ воспитаніемъ».

Обманутая замѣчательно красивою наружностію Васильчикова, Екатерина не хотѣла вѣрить, чтобы вся эта истинно мужская, энергическая красота была ничего болѣе, какъ фیزیологическая игра природы. Она не хотѣла вѣрить, что выразительность лица не доказываетъ ничего болѣе, кромѣ подвижности связывающихъ различныя части его мускуловъ, что огонь глазъ происходитъ просто отъ сильнаго отдѣленія фосфористыхъ частицъ съвозъ сѣтчатую оболочку зрачка, а осмысленность пріятной улыбки—ничего болѣе, какъ случайное очертаніе подбородка. Она думала: «лицо—зеркало души, если душа спитъ, нужно ее разбудить!» Мысль стать Прометеемъ для этой, уснувшей въ красивомъ тѣлѣ, души, заняла Екатерину, увлекла ее, и она съ серьезнымъ вниманіемъ начала думать о томъ, въ какомъ порядкѣ должно происходить ея чтеніе, чтобы оно могло быть именно прометеевымъ огнемъ для человѣка, пользующагося ея расположеніемъ. Послѣ нѣсколькихъ колебаній, она положила начать чтеніе съ нѣкоторыхъ драматическихъ произведеній Вольтера. Ей очень нравились его Заира и его Магометь II.

Она думала: «въ Вольтерѣ, правда, нѣтъ характерныхъ отличій; въ немъ нѣтъ ни мѣстнаго колорита, ни бытовыхъ очерковъ времени, ни народности. Его Магометь въ своемъ сералѣ, скорѣй Людовикъ XIV среди своего развратнаго двора. Но за

то нигдѣ не разлито столько чувства общечеловѣчности, столько гуманизма. Въ немъ вездѣ умъ, вездѣ чувство, идеальное правда, но возвышающее, возбуждающее, и вездѣ человекъ въ его высочайшихъ стремленіяхъ и ощущеніяхъ. Для Александра, я думаю, такое воспроизведеніе идеаловъ человечества должно быть особенно полезно. Оно-то особенно должно вызвать въ немъ силу мысли. Къ тому же стихи Вольтера, чудные стихи».

И она начала читать эти звучные, могучіе, будто выкованные изъ стали стихи, не потерявшіе своего достоинства даже теперь, послѣ гармоническихъ строфъ Ламартина и Виктора Гюго. Но что же? Не успѣла она прочитать нѣсколько страницъ, какъ увидѣла, что оживляемая ею душа спитъ въ креслахъ сномъ праведника.

Екатерина положила книгу, опустила абажуръ на лампу до полутемноты, вздохнула и вышла изъ кабинета.

Васильчиковъ проснулся уже послѣ полуночи и долго не могъ прийти въ себя, будучи не въ силахъ дать себѣ отчетъ, какимъ образомъ онъ сюда попалъ.

За то, на другой день, когда онъ опять заикнулся было о чтеніи, Екатерина, смѣясь, отказала, сказавъ:—Ну полно, Александръ, какое тебѣ чтеніе? Я не хочу служить для тебя усыпительной машиной. Садись лучше вышивать!

Но въ тотъ день ему и вышивать не пришлось. Только что онъ успѣлъ усѣсться за пальцы и разобрать вновь присланные шелка, какъ въ кабинетъ государыни торопливо вошелъ ея старшій камердинеръ Захаръ Константиновичъ Зотовъ.

— Матушка-государыня, ваше величество, сказалъ онъ,—отъ генераль-фельдмаршала изъ арміи курьеромъ генераль-маіоръ Потемкинъ!

Государыня обрадовалась.

— Зови, зови! сказала она.—Дай Богъ съ добрыми бы вѣстями. Уходи, Александръ! Можетъ быть ему при тебѣ и неловко будетъ говорить.

Васильчиковъ поневолѣ долженъ былъ исчезнуть.

«Ну, подумалъ про себя Потемкинъ, входя въ кабинетъ и замѣтивъ исчезновеніе Васильчикова,—меня бы ужъ навѣрное не прогнали».

VI.

Замыслы и предположенія.

— Язъ же панъ быть? Что станемъ дѣлать? спросилъ, дергая себя за губы и оправляя свою старую, заплатанную свитку панъ Квириленко у Семена Никодимовича, когда тотъ, сердитый и ругающійся, ввалился въ ихъ общую кануру, съ заявленіемъ, что суетились, тратились и мучились они безъ толку; что пріѣхали они ни по что и не привезутъ ничего, такъ какъ князь Голицынъ, не только деньгами помочь не хочетъ, но даже объявилъ, что и докладывать государынѣ о его просьбѣ объ аудіенціи не станетъ, и самого пробраться не допустить.

— Что же теперь дѣлать, панъ? повторилъ Квириленко, обдергивая опять свитку, которая была когда-то щегольскою, но теперь рѣшительно валилась съ плечъ, такъ что уже года съ три панъ Квириленко таскалъ въ ней и воду и воеводу.

— Что дѣлать? По-моему, прежде всего нужно жрать, а потомъ думать, отвѣчалъ сердито Семенъ Никодимовичъ, разглаживая свои черные, какъ смоль, длинные усы.

— Великое слово, панъ, сказать изволили, отвѣчалъ Квириленко не безъ юмора. — Оно точно, что на-тощакъ какъ-то плохо думается. Глупое дѣло, а безъ яствы какъ-то зубы портятся. Вотъ, напримѣръ, теперь у меня они цѣлыя сутки стоятъ безъ помола, думаю отъ того другъ о друга колотить начинаютъ. Это вѣрно! Но что же дѣлать, когда помолу-то никто не везетъ. Я было и такъ, по старой бурсацкой памяти, забрался на огородъ, думалъ, не вырою ли гдѣ хоть картошку—другую, чтобы работу зубамъ задать. Да эти проклятые москали такимъ снѣгомъ огороды свои заваливаютъ, что и до земли, не то, что до картофеля, никакъ не доберешься.

— Вотъ дуракъ, зимой по малину пошелъ! Ты бы лучше въ чуланахъ гдѣ порылся, можетъ и на картофель попалъ бы.

— Пробовалъ, панъ, пробовалъ! Да здѣсь не то, что у насъ: чуланы мочалкой не завязываютъ. Все на замкѣ, да на запорѣ, за всѣмъ глаза. И такъ, сосѣдняя кабатчица на меня помехомъ пригрозила и будочника позвать хотѣла за то, что я полотенцо съ веревки думалъ стащить. Нѣтъ, тутъ гдѣ не клалъ, не бери; сторонка ужъ такая. То ли дѣло у насъ...

— Чортъ знаетъ, какое положеніе благороднаго дворянина,

и еще какого дворянина-то, у котораго дяди дворцы и въ Москвѣ и въ Питерѣ имѣютъ, тысячами душъ владѣютъ! Надо говорить правду, у меня просто животъ подвело. Право, Квириленко, я тебя съѣмъ, если ты не выдумаешь чегонибудь поумнѣе.

Разговоръ этотъ происходилъ въ грязнѣйшей канурѣ постоялаго двора, въ какомъ-то страшнѣйшемъ захолюствѣ Москвы, гдѣ-то въ Зарядьѣ, или что-то въ этомъ родѣ; въ такой труппѣ, которой не только многіе не знали, но даже и не подозрѣвали.

— Нужно, панъ, чтонибудь поумнѣе выдумать; а то если я васъ, а вы меня станете кушать, то, надо полагать, отъ обоихъ ничего не останется. Любопытно бы было тогда побачить, кто изъ насъ сытнѣе будетъ? Надо полагать я, потому что видите, панъ, какой вы рослый.

— Не мели вздора, а вотъ что, Квириленко, слушай! Оба сыты и оба пьяны будемъ. Ты только молчи! Я ужъ обдумалъ. Я тебя завтра продамъ!

— Якъ продадите, панъ?

— А такъ, продамъ, да и только! Вотъ завтра напечатаю: дворянинъ, пріѣхавшій изъ провинціи, по крайней нуждѣ въ деньгахъ, продаетъ своего ученаго садовника весьма дешево. Вѣдь ты садовую часть знаешь?

— Знаю, знаю садовую часть. Еще бурсакомъ грушевицу и яблонцы воровать хаживалъ, а также и въ огородахъ брюквенцу, морковицу; да и горохомъ забавлялись. А картошка-то, бывало, нашъ хлѣбъ; его, бывало, идемъ рыть скопомъ. Соберутся, бывало, философы и риторы съ собою захватятъ. Квесторъ всѣмъ дѣломъ руководилъ. Нароемъ въ ночь-то мѣшка два, не то и три, глядишь и сыты. А здѣсь, у-у! соломенки не сыщешь! Не даромъ говорятъ: Москва бьетъ съ носка!

— Именно съ носка! Хоть бы этотъ князь Голицынъ. Что денегъ не даетъ, это такъ, это понятно. Значитъ моя фигура не въ его вкусѣ, и онъ думаетъ, какъ еще понравится. Не понравится, дескать, и деньги пропадутъ. Но чтобы отказать въ докладѣ, это обидно! И какое онъ право имѣеть? я дворянинъ...

— Такъ чтожъ ты думаешь, панъ? Ты его на дуэль вызови! Тогда, пожалуй, и деньги будутъ.

— Кого? Голицына-то, оберъ-камергера? Нѣтъ, братъ Квириленко, ты ужъ очень глупъ! Вѣдь здѣсь не Польша и такія штуки куда не любятъ. Тамъ тоже, коли ты вызовешь какогонибудь Сангушку или Замойскаго, такъ приежжутъ познакомить тебя хорошенько съ арапниками, чтобы ты, какъ сверчокъ, зналъ

свой шестокъ. Ну, а здѣсь на арапникахъ не останоятся, какъ разъ туда отправятъ, куда Макаръ телятъ не загонялъ, эдакъ, въ Нерчинскъ или въ Камчатку упрячутъ, не то въ казематъ сгноятъ! Нѣтъ, это не дѣло! А вотъ тебя продать—дѣло безопасное. Тутъ Москва, хоть и бьетъ, какъ ты говоришь, съ носка, но мы и Москву обойдемъ!

— А продадите, панъ, такъ я вѣдь крѣпостнымъ буду?

— Разумѣется, я и крѣпость выдамъ. Да ты развѣ не убѣжишь? Вѣдь ноги-то, чай, у тебя не въ закладѣ у жида оставлены?

— А коли поймають?

— Ну спину вздуютъ. Бѣги, чтобъ не поймали!

— Коли только вздуютъ—это еще ничего, вотъ на цѣпь бы не посадили!

— Не посадятъ! Какой дуракъ за тебя деньги заплатить, да захочетъ даромъ хлѣбомъ на цѣпи кормить? Купилъ садовника, такъ велитъ ходить за садомъ. Ты только смотри, какъ показывать тебя стану, всякую, какую ни на есть траву латынью обзывай. Вѣдь латынь-то, чай, у тебя не совсѣмъ еще изъ головы вылетѣла?

— Ну, какъ не вылетѣла; она и въ бурсѣ-то у меня не крѣпко держалась, больше на обѣ ноги хромала. Изъ-за нея-то проклятой я и не попалъ въ философы!

— Такъ вотъ, на первое время, исходъ найденъ. За тебя бѣдно дадутъ триста, а можетъ и всѣ пятьсотъ! Пообзаведемся и мѣсяць другой проживемъ. А въ два мѣсяца мало ли что придумать можно. Можетъ удастся въ картишки, или на биліардѣ, или за дуэль съ кого сорвать. Заживемъ опять панами! А тамъ, Богъ дастъ, и аудіенцію выпросимъ.

— Пойдите, панъ, вы, я вижу, о себѣ подумали; пятьсотъ рублей точно деньги! А я-то тутъ причемъ?

— Да вѣдь ты ко мнѣ-же убѣжишь, проживать ихъ будемъ вмѣстѣ. Что я обижаю тебя что-ли, когда у меня деньги есть?

— Нѣтъ, я этого не говорю. А паспортъ?

— Куда-же онъ дѣвается? Какой у тебя есть теперь, тотъ и будетъ! И панскій, и бурсацкій, оба цѣлы будутъ! Вѣдь не могу-же я продавать тебя съ твоимъ паспортомъ отставнаго ритора и архіерейскаго пѣвчаго, а теперь магистратскаго писца, стало быть, чуть не чиновника? Тѣмъ паче не могу продавать ясно-вельможнаго литовскаго пана, герба зеленой смоквицы. Я продамъ тебя, какъ своего крѣпостнаго

двороваго человѣка, ученаго садовника, Яшку Товстогуба, числящагося за мной по ревизіи подъ № 5. У меня встаети и ревизскія сказки проданной мною деревни съ собой. Для того мнѣ никакого паспорта не нужно. Я отъ себя повушцику купчую выдамъ. Онъ пусть съ купчей и сидитъ. Только не забывай отъливаться. Какъ я клянну: «Яшка!» ту же минуту отвѣчай: «сейчасъ, сударь!» а то подозрѣніе наведешь. Еще травы, какъ ни на-есть, а все по-латынѣ катаетъ. Коли ученый, такъ ученымъ надо и быть. Ну идетъ, что-ли?

— Признаться, боюсь!

— Чего?

— А какъ утечь-то я утеку, да васъ не найду.

— Куда-жъ я дѣнусь?

— А кто-же вѣдаетъ? Съ деньгами вамъ дорога всюду скатертью.

— Дуракъ, дуракъ и трижды дуракъ! А кто у меня потомъ въ секундантахъ-то будетъ? Кто карты крапить, фальшивые паспорта заготовлять, дуэли на мировую склонять будетъ? Да въ нуждѣ можемъ и опять теперешнюю штуку повторить, можно будетъ снова тебя продать, если не за садовника, то за повара или за слесаря. У тебя-же руки-то будто отъ роду только и дѣла дѣлали, что замки, да ключи ковали. Нѣтъ, братъ Квириленко, мы съ тобой друзья неразрывные; насъ если и повѣсятъ, такъ на одной веревкѣ. За то коли я когда въ случай попаду, тебѣ лучшую фрейлину предоставлю.

— Смѣйся, панъ! Коли и докладывать не хотятъ, стало быть плохо дѣло!

— Безъ денегъ, разумѣется, плохо; ну а съ деньгами и безъ доклада найдемъ случай показаться, стало быть, смѣяться нечего, а нужно дѣло дѣлать. Хоть жаль, а дѣлать нечего: неси ты мою новую венгерскую пару къ этому, знаешь, вырещенцу, послѣ завтра выкуплю, а пока похожу и въ старой; возьми ты у него рублей хоть тридцать, купи печенки, да рубца что-ли голодъ заморить. Ну и чтобы по швальчику обоймъ. Здѣсь разсчитаемся, а квартиру я возьму хоть на Арбатѣ. Ты дѣлай видъ будто радъ, что я тебя продаю; дескать, часто голодать приходилось. А какъ купчую я подпишу, денежку получу, то дамъ тебѣ синенькую на водку, дескать за твою прежнюю службу, и сдамъ тебя съ руеъ на руки. Ты съ новымъ господиномъ ступай, сдѣлай ему честь, у него по-завтракай или пообѣдай, а какъ смеркнется и задавай лататы сюда. Здѣсь тебя знаютъ, поэтому пустятъ. Здѣсь ты будешь

опять Яковъ Ѳедоровичъ Квириленко, а не Яшка Товстогубъ, и паспорта твои будутъ съ тобой. А если ко мнѣ придутъ, то я отвѣчать знаю какъ; скажу: дескать, я сдалъ съ рукъ на руки, а тамъ не мое дѣло; можетъ на родину ушелъ, на Волянъ, или въ вашу Хохландію, тамъ пусть и ищутъ. Я-же буду знать, гдѣ тебя найти.

— Пусть ищутъ!

— Такъ валай! Неси венгерку, завтра-же и объявленіе пустимъ.

Какъ было сказано, такъ и сдѣлано. На другой день въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано, что по крайности въ деньгахъ пріѣзжимъ помѣщикомъ продается дворовый человѣкъ, ученый садовникъ.

Не прошло нѣсколько часовъ послѣ появленія объявленія, какъ въ бѣдную, но все-же приличную комнату въ гостинницѣ, явился пріѣзжій изъ Вологды помѣщикъ Лихаревъ и спросилъ помѣщика Семена Ниводимовича Шепелева.

— Онъ самъ, къ вашимъ услугамъ! отвѣчалъ Семень Никодимовичъ, который, для пущей важности, въ ожиданіи посѣтителей, сидѣлъ на диванѣ и курилъ изъ длиннѣйшаго чубука княстеръ.

— Позвольте представить себя: вологодскій помѣщикъ Андрей Прокофьевичъ Лихаревъ!

— Радъ познакомиться! Просимъ занять мѣсто. Чѣмъ просить прикажите: водочки, или закусить, или, по модному, чаекъ изволите кушать?

— Нѣтъ, благодарю! Я ничего не хочу. Я ужъ, грѣшный человѣкъ, пообедалъ. Вѣдь у насъ по деревенскому, какъ полдень, такъ и обѣдъ, отвѣтилъ Лихаревъ, садясь на стулъ подлѣ дивана.

— Можетъ трубочку прикажете, — настоящій голландскій?

— Благодарю, я не курю.

Нужно сказать, что въ то время курильщики были рѣдки; больше нюхали; курили только записные забулдыги.

— А я, грѣшный человѣкъ, покуриваю, отвѣчалъ Шепелевъ, — знаете, отъ скуки!

Оба замолчали; наконецъ, Лихаревъ началъ:

— Вы продаете садовника?

— Да-съ, ученаго, хорошаго садовника. У графини Браницкой семь лѣтъ въ ученикахъ выжилъ, а потомъ три года самъ всѣми графскими садами и оранжереями заправлялъ.

— Затѣмъ-же вы продаете?

— Крайность-съ! Заѣхалъ сюда, у меня здѣсь дѣло въ сенатѣ съ братомъ-съ! Послѣ дяди большое наслѣдство осталось. Братъ все себѣ забрать хочетъ. Этого нельзя; согласитесь, нельзя. Мы родные, такъ пополамъ слѣдуетъ. Вотъ и пріѣхалъ. Ну а здѣсь расходы, на все расходы, и на жизнь расходы, и по дѣлу расходы, да такъ прожился-съ, что не знаю, какъ и быть, а дѣлу все конца не вижу; такъ, знаете, тутъ уже не до садовниковъ. Купите, уступлю дешево.

— Не старикъ?

— Нѣтъ, молодой еще человѣкъ, т. е. въ настоящихъ годахъ, лѣтъ 28-ми, не угодно-ли взглянуть?

— Сдѣлайте одолженіе!

— Яшка!

— Сейчасъ, сударь! отвѣчалъ Квириленко изъ-за перегородки, куда онъ былъ нарочно засажень въ ожиданіи покупателей.

И онъ вышелъ изъ-за перегородки, держа въ рукахъ барскій сапогъ, который будто-бы чистилъ.

— Это онъ? Да еще молодой и съ виду здоровый человѣкъ.

— Здоровый, совсѣмъ здоровый, и боленъ никогда не бывалъ, а сильный какой, что ваша лошадь! выхваливалъ Семень Никодимовичъ.

— Ты садовникъ? спросилъ Квириленку Лихаревъ.

— Точно такъ-съ, только вотъ-съ здѣсь въ Москвѣ все больше по лакейской должности, при баринѣ.

— Ну, видишь, у меня есть чайное дерево, нарочно отсюда изъ Москвы выписалъ, и цвѣло такъ хорошо. Только вотъ нонче весной, ни съ того, ни съ сего, вдругъ завяло и листья падать начали. Чтобы такое?

— Фебрисъ пехтинались, проговорилъ Квириленко, не моргнувъ глазомъ и глядя Лихареву прямо въ лицо, съ хохлацки лукавымъ выраженіемъ, будто и въ самомъ дѣлѣ онъ могъ знать, что сдѣлалось съ деревомъ, чуть ли не за тысячу верстъ, и опредѣлялъ это что-то съ математическою точностію.

— Какъ? переспросилъ Лихаревъ.

— Фебрисъ пехтинались, повторилъ Квириленко не улыбувшись, — болѣзнь такая садовая бываетъ.

— И можно вылечить?

— Отчего не вылечить, боли не очень засушила. Нужно взять аэву апонитумъ, смѣшать съ сальвой и посыпать мерзля

монукусъ; поливать этимъ два раза въ день, и надо полагать, недѣли не пройдетъ, цвѣсти опять станеть.

— А за розами ходить умѣешь?

— Какъ же-съ, на то обучался. Розы вѣдь разные бываютъ: сентифоліумъ, аморантосъ, делись и мѣсячныя. Всякая изъ нихъ своей снаровки требуетъ. Вотъ къ гг. Кочубеямъ меня на совѣтъ звали; у нихъ розы были крутусъ профондусъ и вдругъ захирѣли. Такъ нужно было аквой дистилатисъ полить. Какъ полили и хорошо пошли.

Разговоръ въ этомъ родѣ продолжался довольно долго. Квириленко вралъ безъ милосердія, выдумывая слова, чтобы пустить Лихареву пыли въ глаза. И точно его затуманилъ. Лихаревъ былъ въ восторгѣ отъ его учености, и вдругъ спросилъ:

— А водку пьешь?

— Употребляемъ безъ излишества. Якъ же можно человеку безъ горилки быть?

— То то, безъ излишества, а то у меня, братъ, смотри! Роща березовая въ самомъ саду растеть.

— Ступай къ себѣ, сказалъ Семень Ниеодимовичъ, боясь, чтобы не вышло какого разочарованія.—Ну, какъ вы находите? спросилъ онъ у Лихарева, когда Квириленко исчезъ.

— Ничего, человекъ кажется знающій; только одного боюсь, не разбалованъ ли очень? спросилъ Лихаревъ.

— О нѣтъ, я баловать не люблю! Оно, разумѣется, здѣсь въ Москвѣ нельзя распорядиться по настоящему, не то что дома, а все какъ въ зубы дернешь разъ, другой, такъ будетъ помнить.

— А какъ цѣна?

— За такого садовника право и двухъ тысячъ заплатить не жаль. Батюшкѣ покойному одно обученіе рублей тысячу стоило. Но крайность, что же дѣлать? Даромъ отдаю: семьсотъ рублей.

— Семьсотъ, однако жъ семьсотъ! Нѣтъ, за эту цѣну не пойдетъ, дорого просите.

— Помилуйте, когда одно обученіе...

— Такъ-то оно такъ, а все же семьсотъ...

— Какая же ваша цѣна?

— Да по моему рубликовъ бы триста...

— Что вы, помилуйте!..

— Поторговались и сошлись на пятистахъ. Пятьдесятъ рублей Лихаревъ далъ задатку.

— Что же, сказать ему, или ужъ до завтра? спросилъ онъ.

— Отчего же, шельма радъ будетъ, что отъ меня уходитъ... Яшка!

— Сейчасъ, сударь! и Квириленко явился.

— Слушай, любезный, началъ Лихаревъ,—я тебя у барина покупаю, такъ у меня, гляди, ухо востро держать!

Квириленко сдѣлалъ суровую фizioномію.

— Рады стараться, сударь! Намъ все едино, кому не служить. Будемъ стараться угодить вашей милости; что же касается своей части, то въ этомъ, не извольте беспокоиться, за себя постояимъ!

— То-то, смотри! А то вѣдь у меня чуть что—такую баню задамъ, что до новыхъ вѣвниковъ не забудешь!

Лихаревъ держался методы застращиванія, хотя былъ человѣкъ вовсе не злой.

— Вѣдь нашему брату и нигдѣ спуску не даютъ. Коли кормятъ, такъ и работать велятъ. Вотъ впроголодь, такъ работа по неволѣ изъ рукъ валится.

— Ну, у меня сытъ будешь!

— Будемъ Богу молиться за вашу милость.

— Еще вѣдь холостъ?

— Холостъ, сударь!

— Захочешь жениться, дамъ дѣвку хорошую, но барынныхъ горничныхъ—ни-ни! И подумать не смѣй!

— А на что мнѣ онѣ, сударь; по мнѣ ихъ хоть бы и вовсе не было.

— Ну ладно, ладно! Вотъ тебѣ на первый разъ выпить за здоровье твоей будущей барыни, Татьяны Марковны.

И Лихаревъ далъ Квириленкѣ полтинникъ.

Квириленко вошелъ въ свою роль и весьма находчиво отвѣчалъ:

— Благодаримъ за милость, постараемся заслужить вашей чести, позвольте вашу ручку поцѣловать!

Лихаревъ подалъ ему руку. И Квириленко ловко, по школьнически, чмокнулъ ноготь своего собственнаго большаго пальца, поднося руку Лихарева къ своимъ губамъ.

На другой день была совершена купчая. Шепелевъ получилъ деньги, причемъ далъ синенькую на водку своему старому слугѣ, который, прощаясь, поклонился ему въ ноги. Потомъ онъ поклонился въ ноги и своему новому барину, которому старый баринъ тутъ же, при всѣхъ его передалъ:

— Не оставьте вашею милостью, сударь, сказалъ Квириленко.—Будемъ служить по силамъ!

— Ну, ну! отвѣчалъ тотъ.—Старайся, братецъ, и все будетъ хорошо.

Лихаревъ взялъ его съ собой и по дорогѣ спрашивалъ разную разность. Квириленко жаловался на бывшаго барина, хватался садовыми подвигами и, разумѣется, вралъ безъ милосердія, но не проврался ни разу. Приѣхавъ домой, Лихаревъ повелъ свою новую покупку къ женѣ, Татьянѣ Марковнѣ. Новый садовникъ ей тоже понравился, и она, допустивъ его къ своей ручкѣ, велѣла накормить съ барскаго стола.

Квириленко не задумался сдѣлать честь страпнѣ вологодской страпухи и, вспоминая сухояднѣе послѣднихъ дней, наѣлся такъ, что завидно смотрѣть было; а въ вечеру его и слѣдъ простылъ, будто и не бывало.

Екатерина дѣйствительно не узнала Потемкина, когда тотъ къ ней вошелъ, хотя и помнила случай, бывший съ нею при вступленіи на престолъ, и помнила его фамилію, какъ одного изъ ретивѣйшихъ ея партизановъ. Но вмѣсто сухопарага, тощаго, блѣднаго и криваго юнкера, еще не окрѣпшаго и не сформировавшагося, къ ней вошелъ молодой, свѣжій, съ румянцемъ во всю щеку и небольшимъ загаромъ въ лицѣ, но уже плотный и осанистый генераль, смотрящій на нее твердо и спокойно обоими глазами. Онъ подошелъ къ ней почтительно, скромно, но съ достоинствомъ, не сдѣлавъ даже общепринятаго поклона. Это сдѣлалъ Потемкинъ умышленно, представляя изъ себя видъ какъ бы фронтоваго ординарца, которому, разумѣется, поклоны не полагаются. Спокойно, ровно, какъ рапортъ во фронтъ, высказалъ онъ, что привезъ ратификованный султаномъ мирный трактатъ и выраженіе чувствъ глубокой признательности побѣжденныхъ ею народовъ за дарованный имъ миръ.

Проговоривъ эти слова, Потемкинъ на мгновеніе остановился, устремивъ на Екатерину свой пристальный, глубокій взглядъ. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ продолжалъ, но какъ то мягче, нѣжнѣе, выразительнѣе. Потемкинъ обладалъ необыкновенною способностію до чрезвычайности разнообразить модуляцію своего голоса и давать этимъ своей рѣчи особую гибкость и выразительность.

Онъ сталъ говорить отъ себя, фельдмаршала и всей арміи объ общей радости, что могутъ принести своей государынѣ поздравленіе съ побѣдами и миромъ, и выраженіе общей готовности всего войска не жалѣть себя,—пролить послѣднюю

каплю крови для пользы службы ея величества. Онъ говорилъ объ общемъ восторгѣ арміи при полученіи словъ ея милостиваго одобренія; объ общемъ счастіи, что черезъ него они могутъ ратификованный славный трактатъ мира, вмѣстѣ съ другими трофеями войны, повергнуть къ священнымъ стопамъ своей милостивой и обожаемой ими государыни.

При послѣднихъ словахъ онъ раскрылъ явившійся вдругъ у него въ рукахъ ковчежець, котораго до того Екатерина не замѣтила, вынулъ изъ него подлинный трактатъ съ привѣшенными къ нему золотыми печатами султана и, припавъ на одно колѣно, воснулъ трактатомъ ногъ государыни, потомъ подалъ его Екатеринѣ.

Государыня была чрезвычайно обрадована, растрогана и поражена. Ее будто нѣсколько смущалъ пристальный, глубокій, почти неподвижный взглядъ Потемкина; но увлекаемая мелодичностію его рѣчи и радостными извѣстіями, которыя онъ привезъ, она не обратила на то вниманія. Она сама не знала почему, но чувствовала, что ее охватилъ приливъ радости, будто она о привезенномъ трактатѣ ничего не слыхала. И удивительно ли? Трактатъ этотъ представлялъ полное удовлетвореніе ея желаній, полное торжество ея самолюбія; благодаря этому трактату, она становилась на пьедесталъ европейскаго величія. Ей даже казалось, что будто эта радость ея есть откликъ на мелодическую рѣчь Потемкина, откликъ, вызванный его неподвижнымъ взглядомъ, глубину котораго она въ ту минуту чувствовала.

— Привѣтствую васъ, генераль, весело сказала Екатерина, обдавая его мягкостію своего взора и ясностію своей свѣтлой улыбки.—Очень рада васъ видѣть! Вы добрый вѣстникъ, а доброму вѣстнику всегда сердечный привѣтъ!

И она подала ему руку. Потемкинъ поцѣловалъ ее почти тельно, но не такъ какъ цѣловали руку императрицы ежедневно всѣ, кому только она ее подавала. Въ его поцѣлуѣ будто чувствовалось особая преданность; чувствовалась какая-то нѣжность, какая-то не то мольба, не то желаніе, которое какъ бы исходило изъ самаго поцѣлуя; казалось даже будто онъ удержалъ ея царскую ручку въ своихъ рукахъ нѣсколько дольше, чѣмъ это требуется придворнымъ этикетомъ.

— Садитесь, генераль! Вы нашъ дорогой гость! Надѣюсь, вы оставили фельдмаршала здоровымъ? спросила Екатерина.

Потемкинъ всталъ съ колѣнъ, опустилъ ея руку, еще разъ пристально взглядываясь въ ея лицо, и только потомъ отдалъ

ей общепринятый поклонъ, касаясь рукой пола, и сѣлъ по ея вторичному приглашенію.

Онъ сталъ докладывать ей о состояніи арміи, о чувствахъ, одушевляющихъ войска,---чувствахъ безпредѣльной въ ней преданности.

Послѣ разговоръ перешелъ къ Турціи, къ лицамъ, окружающимъ султана, и къ царствующимъ кругомъ его интригамъ.

Екатерина слушала его съ удовольствіемъ.

Ей чрезвычайно нравился его спокойный, самоувѣренный тонъ, ясность изложенія и сдержанность. Онъ излагалъ свой взглядъ на положеніе дѣлъ, и Екатерина не могла не отдать справедливости мѣткости его замѣчаній. Подъ часъ ей хотѣлось даже спросить, не былъ ли онъ или даже не жилъ ли когда въ Константинополѣ, и не знаетъ ли лично этихъ людей, которыхъ такъ характерно описываетъ. «И какъ занимательно говорить онъ, думала Екатерина,—а взглядъ, что за взглядъ!»

И точно взглядъ Потемкина былъ особенный, почти необыкновенный. Нужно сказать, что желая сдѣлать возможно менѣе замѣтнымъ свой вставной глазъ, Потемкинъ пріучилъ себя чрезвычайно рѣдко мигать, почему во взглядѣ его являлась неподвижность, почти автоматическая, и эта неподвижность, какъ бы желавшая проникнуть насеквозъ говорящаго съ нимъ, представлялась совершенно необыкновеннымъ явленіемъ.

Екатерину невольно смущалъ этотъ неподвижный взглядъ глубоко и пристально устремленныхъ на нее глазъ. На нее никто никогда не смѣлъ смотрѣть такъ. Вниманіе ея останавливало также это рѣдкое, весьма рѣдкое миганье, какъ бы подмигиваніе одного глаза. «Рѣшительно не знаю никого, кто бы могъ смотрѣть, какъ онъ!» думала государыня, всматриваясь въ его свѣжее, молодое лицо.—«Въ немъ есть что-то особое, продолжала она мысленно,—есть что-то властное, барское, что-то такое, чего не было ни въ Орловѣ, ни въ Васильчиковѣ, не смотря на ихъ выдающуюся красоту. Это что-то меня трогаетъ, задѣваетъ... А какъ онъ уменъ!»

Вслѣдъ за этимъ замѣчаніемъ, пробѣжавшимъ въ ея мысли, ей пришлось смѣяться отъ всей души.

Потемкинъ отъ общаго очерка соціальной жизни турокъ, перешелъ къ анекдотической сторонѣ ихъ внутренняго быта, рассказывалъ одну исторію смѣшнѣе другой и заключилъ описаніемъ свадьбы стараго сераскира Халиль-паши, который, разбогатѣвъ страшно во время войны, захотѣлъ побаловать себя подъ старость молоденькой и хорошенькой женкой. Узнавъ

онъ, что у одного изъ его товарищей по дивану, недавно сдѣланнаго скутарійскимъ пашей, бѣдняка Мустафы-паши есть рѣдкой красоты внучка Фатима; онъ съ нимъ и сговорился, заплативъ за невѣсту порядочныя деньги. Мустафа, будучи только что назначенъ на высокій постъ и не имѣя никакихъ средствъ, хотѣлъ по турецкому обычаю прежде всего нажиться какъ можно скорѣе, поэтому деньги взялъ, но пользуясь тѣмъ, что невѣсту везутъ въ мечеть и въ жениху въ домъ, крѣпко укутанною покрывалами, а также и тѣмъ, что присланное французскимъ посломъ на свадьбу въ подарокъ сераскиру шампанское, выпитое имъ, вопреки закону Магомета, непременно должно было отуманить голову сераскира, и рассчитывая, что внучка красавица можетъ ему пригодиться, хотя бы даже для самаго султана, котораго пожалуй потребуетъ умиловать новому скутарійскому пашѣ, тогда какъ сераскиръ, что ему теперь сераскиръ? онъ и самъ теперь членъ дивана высокой Порты,—отправилъ Халиль-пашѣ невѣсту и тоже Фатиму, только не внучку, а свою нѣкогда бывшую супругу, ея бабушку.

— Онъ справедливо разсудилъ, говорилъ Потемкинъ,—что деньги съ Халиль-паши уже получены, а онъ самъ получилъ высокое положеніе, такъ что ему теперь Халиль-паша? Самъ отъ стыда молчать будетъ! Рассказывая эту исторію, Потемкинъ съ чрезвычайнымъ комизмомъ очертилъ Халиль-пашу, его сына,—бѣднаго, недавно назначеннаго скутарійскимъ пашей Мустафу, желаніе послѣдняго скорѣй нажиться, пріѣхавшую вмѣсто своей внучки невѣсту, Фатиму-бабушку, всѣхъ лицъ содѣйствовавшихъ обману и весь этотъ турецкій бытъ даже съ присланнымъ шампанскимъ, которое Халиль-паша пилъ, и которымъ поилъ своихъ гостей украдкой, по секрету,—и очертилъ все это въ такомъ видѣ, что Екатерина смѣялась отъ всей души, хотя Потемкинъ, рассказывая, едва улыбнулся.

Такого рода рассказы, перемѣшанные съ серьезными объясненіями и дѣловыми докладами, передаваемыми ловко, сжато, умно, такъ заняли Екатерину, что она и не замѣтила, какъ прошло время. Она продержала его у себя болѣе трехъ часовъ, пока, наконецъ, не вспомнила, что Потемкинъ явился къ ней прямо съ дороги, что ему нуженъ отдыхъ. Тутъ она засуетилась, приказала приготовить ему комнаты во дворцѣ; выразила сожалѣніе что такъ долго задержала его, и была весьма польщена его отвѣтомъ, что ея милостивыя слова были для него лучшимъ отдыхомъ. И дѣйствительно, потому ли, что милостивый пріемъ въ самомъ дѣлѣ придалъ Потемкину новыя силы, или потому,

что молодая энергія Потемкина была въ немъ въ то время необъятна, но въ Потемкинѣ рѣшительно не было замѣтно ни малѣйшей усталости, будто онъ и не ѣхалъ двухъ тысячъ верстъ на курьерскихъ или будто въ самомъ дѣлѣ ласковое слово Екатерины могло разомъ его оживить. Онъ такъ свѣжо и свѣтло смотрѣлъ ей въ лицо, улыбка его была столь радостна, а молодой румянецъ такъ ярко горѣлъ на его щекахъ, что Екатерина сама улыбнулась отъ удовольствія, и съ невольнымъ выраженіемъ особой благосклонности проговорила свое отпускное «съ Богомъ!» прибавивъ:—до свиданія, надѣюсь часто будемъ видѣться!

И она подала ему свою руку. Потемкинъ горячо, страстно поцѣловалъ ее. Она замѣтила, что въ его поцѣлувъ было болѣе страстности, чѣмъ почтительности, тѣмъ не менѣе, а можетъ быть именно потому, въ видѣ выраженія своего благоволенія, она сама слегка пожала ему руку.

Потемкинъ ушелъ отъ нея очарованный, и сладкіе снились ему сны...

Вечеромъ Екатерина сидѣла съ одною изъ своихъ приближенныхъ, Анной Петровной Лопухиной.

— Скучно, скучно, силъ нѣтъ какъ скучно съ нимъ, говорила Екатерина, — скучно до онѣменія, до обморока! Ну подумай, Анюта, я ему говорю, хоть бы объ этомъ трактатѣ, говорю, что Крымъ долженъ подпасть подъ наше преобладающее вліяніе, и должно стремиться, чтобы онъ сталъ совсѣмъ русскимъ, составлялъ бы часть имперіи; тогда, говорю я, — Россія, упираясь въ ледовитый океанъ на сѣверѣ и имѣя два моря Черное и Каспійское на югѣ, можетъ имѣть вліяніе на всякое рѣшеніе Европы и Азіи. Я говорю ему о такомъ могущемъ быть величій нашего отечества, и какъ ты думаешь, что онъ мнѣ на это отвѣтилъ?

— Право не умѣю сказать, государыня! отвѣчала Лопухина смѣясь, — мало ли что можетъ отвѣчать на такое сообщеніе человѣкъ любимый нами и близкій... Думаю, что, забывая объ отечествѣ, онъ прицель въ восторгъ отъ его руководительницы и, можетъ быть, вмѣсто всякаго отвѣта, просто попросилъ позволенія поцѣловать вашу ручку.

— О, нѣтъ! Хотя по моему и это было бы очень глупо. Голубкамъ и тѣмъ нельзя только ворковать на свѣтѣ. По моему, дѣлу должно быть время, а потѣхъ часъ. Но съ подобнымъ отвѣтомъ можно бы еще помириться. Но нѣтъ! Въ немъ не хватаетъ ума

даже настолько, чтобы понять, что глупость свою слѣдуетъ замаскировать хотя лестью. Онъ просто, на вопросъ, касающійся будущаго величія и славы нашего отечества, съ наивностію ребенка спрашиваетъ: можно ли смѣшать голубой и зеленый шелка, вышивая попугая. Можетъ ли безтактность и глупость переходить такіе геркулесовы столбы?

— Да! нельзя сказать, чтобы онъ былъ очень находчивъ...

— И это послѣ графа Григорія, который, пусть хоть немного понималъ, но ко всему относился съ горячістію истиннаго патриота: все принималъ къ сердцу. А фантазія его, можно сказать, парила... Помню, какіе смѣлые планы кружили всегда его голову. Воображенію его, кажется, не было предѣла. Крѣпость льва, мужество рыцаря, блескъ метеора сверкали въ каждомъ его словѣ и въ его истинно мужественномъ характерѣ. А вѣдь какъ добръ, какъ незлобивъ былъ онъ...

— Да, за то его братъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ...

— Ну тотъ плутъ, о немъ и говорить нечего. Онъ всѣхъ болѣе воспользовался положеніемъ своего брата. Въ то время, какъ Грегуаръ почти ничего никогда для себя не просилъ, Алексѣй умѣлъ вытягивать отъ меня все, что можно. Положимъ, что онъ оказалъ мнѣ не одну услугу, и изъ такихъ, какія государи не забываютъ. Чесменская битва и доставленная мнѣ самозванца, это такія его дѣйства, которыя должны быть сохранены и будутъ сохранены въ моей памяти. Но Грегуаръ, Грегуаръ! Какая красота, какая фантазія, какая сила! Что если-бы этотъ человѣкъ былъ образованъ? Знаешь, Анюта, онъ такъ умѣлъ увлекать, такъ умѣлъ заставлять быть себѣ преданной, что я... не будь его несчастнаго характера... Онъ былъ добръ какъ овца, но эта пылкость, это бѣшенство... Не будь этого, я сейчасъ бы...

— За то его пылкость, какъ ваше величество изволите называть его порывы, признаюсь, приводили насъ всѣхъ въ смущеніе. Мы, признаюсь, изумлялись вашему терпѣнію, вашей снисходительности, и, скажу откровенно, подъ часъ даже боялись за васъ...

— Что же дѣлать? Мнѣ много приходилось терпѣть отъ этой пылкости, доходящей до бѣшенства, до ража, до сумашествія. Иногда точно даже думалось, что оставаться съ нимъ опасно. Когда находили на него такого рода припадки, онъ положительно не помнилъ себя... Но за то человѣкъ былъ, истинный человѣкъ! Благороденъ, великодушенъ, добръ... И что бы потомъ я ни говорила, чѣмъ бы не грозила, какъ бы не упрекала, онъ все принималъ, на все полагался, умоляя только о прощеніи,

и только о томъ, чтобы я не отдаляла его отъ себя... Я не могла не сдаваться на его мольбы, на выраженіе его преданности, раскаянія, не могла не цѣнить этой нѣжности, страсти, любви. Какъ женщина, я ему уступала... Къ несчастію, и нѣжность, и страсть, и любовь были опять до перваго припадка ража, до перваго бѣшенства... Но за припадкомъ опять слѣдовало раскаяніе, опять нѣжность, и вездѣ отвага, геройство, вездѣ душа... Да это человѣкъ былъ! А этотъ, этотъ? Ну что мнѣ въ томъ, что онъ мягокъ какъ мокрая курица, что его кажется ничѣмъ не выведешь изъ себя.

— А красивъ?

— Да! пожалуй лучше Орлова, хотя и тотъ былъ рѣдкій красавецъ-мущина. Но это картина, статуя, которую не оживилъ бы даже огонь Прометей. Знаешь, Анюта, разъ я увлеклась было мыслию, нельзя ли сколько нибудь развить его понятія, разумъ, чувство... Но вижу, это трудъ Сизифа. Это просто кукла, которой не коснулся огонь разума! Можно любоваться статуей, находить красивой художественно исполненную куклу, но любить? Никогда!.. Пигмаліона я не понимаю!.. Онъ по моему безнадеженъ. Никакая сила всеоживляющей любви не въ силахъ вытащить его изъ того омута ничтожества, мелочности, обыденности, пустоты, въ которыхъ онъ увязъ по уши, которыми питается, живетъ, и которыми чувствуемую мною съ нимъ скуку онъ доводитъ до одурѣнія, именно, какъ я говорила, до обморока. Болѣе я не въ силахъ переносить таковой жизни. Для меня невыносимо видѣть моего генераль-адъютанта, моего тайнаго совѣтника, моего друга, близкаго мнѣ человѣка, вышивающимъ въ пальцахъ и задающимъ мнѣ вопросы о синемъ и зеленомъ шелкѣ... У меня къ тебѣ просьба, Анюта, поговори съ нимъ: пусть онъ просится въ Петербургъ, откланивается и уѣзжаетъ. Я ему дамъ все, что онъ пожелаетъ, кромѣ вліянія на дѣла. Этого вліянія впрочемъ ему и не нужно. Онъ самъ понимаетъ, что всякое его вмѣшательство только вредить. Въ этомъ отношеніи онъ похожъ на старшаго Разумовскаго, не касается того, что ему недоступно. Тотъ—по крайнему недостатку образованія, этотъ—по совершенной неспособности обсужденія чего бы то ни было. Оба были тѣмъ и хороши, что не брались за то, чего не могли выполнить. Въ этомъ отношеніи я ему очень благодарна. Но мнѣ съ нимъ скучно... Иногда, знаешь, глядя на его вышивки, я думаю: да и самъ-то онъ не вышить ли изъ шелка и гаруса, хоть и красиво вышить! Поговори, Анюта!

— Слушаю, ваше величество, ваше желаніе будетъ испол-

нено сегодня же. Это тѣмъ справедливѣе, что если ужъ скучно съ человѣкомъ близкимъ, то гдѣ же исвать развлеченія отъ скуки? Но позволю себѣ доложить: мы, слабыя женщины, какъ то невольно сдаемся на то, что намъ необходима опора въ мужчинѣ. Безъ мужчины мы невольно чувствуемъ себя сами не въ себѣ. Поэтому поневолѣ иногда должны быть снисходительны. Какъ ни скученъ иногда человѣкъ близкій, но одиночество еще скучнѣе.

— Ты права, Анюта. Но я вовсе и не обрекаю себя на одиночество. Если судьба, одаривъ меня счастьемъ, можно сказать, всесторонне, лишила меня одного счастья семейнаго, то, покоряясь Промыслу и находя невозможнымъ вступать въ новый бракъ, для отстраненія могущихъ быть затрудненій въ будущемъ нашего отечества,—затрудненій, которыя Россія уже испытала въ борьбѣ двухъ линий Романовскаго дома отъ царей Иоанна и Петра Алексѣевичей, отказываясь даже, ради отстраненія возможныхъ интригъ и пронырства, отъ права матери на своего ребенка, я вмѣстѣ съ тѣмъ нахожу, что, ради блага того же отечества, я должна думать о своемъ здоровьѣ и спокойствіи. Больная и раздраженная государыня не можетъ принести своему государству ничего, кромѣ вреда. Я ненавижу развратъ, но не принадлежу къ числу тѣхъ чопорныхъ недогрозъ, тѣхъ ханжей-барынь, которыя въ мысляхъ своихъ перебираютъ Богъ знаетъ что и доводятъ мужей своихъ до чахотки, но вмѣстѣ съ тѣмъ боятся тѣни, если только эта тѣнь—незаконный супругъ. Замужъ идти я не могу, но не могу жить одинокой. Мужской умъ, мужская сила мнѣ нужны не столько въ физическомъ, сколько въ нравственномъ отношеніи. Нужно только, чтобы это былъ умъ, соединенный съ мужествомъ, силою, доблестью, всѣми мужскими добродѣтелями. Александръ, не смотря на свою физическую красоту, не можетъ быть мнѣ ни другомъ, ни опорой, потому что въ немъ нѣтъ того, что мнѣ нужно,—нѣтъ мужскаго ума, способнаго дополнять, отгнѣять тѣ стороны моего женскаго ума, которыя жаждутъ полноты, всеобъемлемости, мужской силы.

— О, государыня, улыбнувшись, возразила Лопухина,—да гдѣ же вы найдете такой мужской умъ, который бы въ силахъ былъ дополнить вашъ свѣтъ...

— Ты хочешь польстить мнѣ, Анюта, перебила ее Екатерина;—ты хочешь сказать, что я такъ умна, что нѣтъ уже надобности ни въ какомъ дополненіи? Не лести! Я сама знаю, что я не глупа; тѣмъ не менѣе во мнѣ нѣтъ того, что можетъ

быть въ весьма недалнемъ мужинѣ, если только онъ не такъ глупъ, какъ Васильчиковъ. Во мнѣ нѣтъ способности обобщенія, объединенія фактовъ, даваемыхъ анализомъ. Это способность чисто мужская. Мы, женщины, всё вообще беремъ больше фантазію, чувствомъ; нашъ анализъ скорѣе исходитъ изъ синтеза, чѣмъ служить ему основаніемъ. Способность обсуждать и объединять замѣчаемыя явленія для вывода общаго закона меня всегда привлекала; отсутствіе этой-то именно способности въ Васильчиковѣ и заставляетъ меня просить тебя... Поѣзжай, Анюта, съ Богомъ! Сегодня онъ у Нарышкина, тамъ ты и можешь съ нимъ поговорить. Еще разъ скажу: обѣщай ему все, чтъ можно...

Послѣ перваго своего доклада, когда Потемкинъ такъ увлекъ своими разсказами Екатерину, что она забыла съ нимъ время, онъ сталъ часто приглашаться въ покои государыни, какъ для дѣловыхъ объясненій по привезеннымъ имъ бумагамъ и особому письму фельдмаршала, такъ и для препровожденія времени и развлеченія государыни. Было видно, что ей съ нимъ было пріятно. Потемкинъ этимъ пользовался и въ своихъ разсказахъ не щадилъ фельдмаршала, описывая его подозрительность, мнительность, вапризы, странности и затѣи. Анекдотическая часть этихъ очерковъ давала обильный матеріалъ его остроумію, и государыня много смѣялась, слушая ихъ, а иногда и сердилась, но не на разсказчика. Въ то же время на Потемкина, какъ на добраго вѣстника мира, рекомендованнаго фельдмаршаломъ за его храбрость, распорядительность и разумность, сыпались награды. Онъ былъ произведенъ въ генераль-поручики. Государыня собственноручно надѣла на него александровскую ленту. Ему была дана деревня въ тысячу съ чѣмъ-то душъ, подаренъ дорогой перстень и серебряный сервизъ, послѣ дано было что то больше пятидесяти тысячъ. Эти награды, а еще болѣе частыя приглашенія и бесѣды, иногда съ глазу на глазъ, обратили на Потемкина общее вниманіе. Начались толки, пересуды, заискиванія, усилившіяся особенно послѣ того, какъ узнали, что Васильчиковъ уже уволенъ и уѣхалъ въ Петербургъ. Однимъ словомъ, Москва, праздновавшая торжественно славный миръ, заговорила. Въ Потемкинѣ уже видѣли восходящую звѣзду и, по тогдашнимъ взглядамъ общества, готовы были передъ нею склоняться.

Между тѣмъ празднованіе мира шло своимъ чередомъ. Со-чувствуя словамъ государыни и исполняя ея желаніе праздни-

вать славу русскаго оружія сколь возможно торжественнѣе и оживленнѣе, москвичи давали праздникъ за праздникомъ, балъ за баломъ, одинъ богаче, великолѣпнѣе и изящнѣе другаго. Всѣ эти праздники Екатерина удостоивала своимъ присутствіемъ и на нихъ, уже по самой выказываемой ему явно государынею благосклонности, первенствовалъ привезшій радостную вѣсть о мирѣ молодой генераль-поручикъ Григорій Александровичъ Потемкинъ. За отъѣздомъ Васильчикова, Москва начинала уже думать, что онъ все; что онъ уже человекъ случая,—человѣкъ, который можетъ располагать большимъ, чѣмъ кажется. И всѣ сгибались передъ Потемкинымъ, смотрѣли ему въ глаза, искали случая угодить ему. А эти поклоненія, заискиванія, угодливость болѣе и болѣе волновали честолюбивую душу Потемкина, болѣе и болѣе разжигали его желанія. Онъ зналъ, что ничего такого нѣтъ; зналъ, что съ нимъ говорятъ, его слушаютъ, но только потому, что нѣтъ никого, кто бы говорилъ занимательнѣе его, кто бы былъ интереснѣе его, зналъ больше его. Явись ктонибудь другой—и, пожалуй, онъ можетъ остаться въ сторонѣ.

«Москва, думалъ Потемкинъ,—какъ добрая, но болтливая старушка, забѣгаетъ впередъ. Она не обсудила, что послѣ Васильчикова нетрудно быть занимательнымъ кому бы то ни было. Но это еще далеко до силы, до вліянія».

Дѣйствительно, государыня показывала явно особую благосклонность Потемкину, но не болѣе, чѣмъ она оказала бы всякому другому, привезшему ей радостную вѣсть мира во время ея сомнѣній и колебаній, особливо если-бы этотъ другой оказался человекомъ способнымъ и занимательнымъ.

Но ни балы, ни праздники, ни московскіе пересуды и сплетни не отвлекали вниманія отъ наблюденія тѣхъ, кто могъ и кому нужно было знать дѣйствительное положеніе дѣлъ при дворѣ. Графиня Парасковья Александровна Брюссъ, урожденная Румянцева, была одною изъ тѣхъ, которыя не только желали все видѣть, все знать, но желали направлять и, если возможно, руководить. Видя на придворномъ горизонтѣ новое свѣтило, столь отличное отъ прежнихъ, она занялась имъ. Къ глубокому своему сожалѣнію, она увидѣла, что Потемкинъ не поддается ея вліянію и что его ни въ какомъ случаѣ нельзя признавать своимъ союзникомъ. Поэтому, видя дѣло въ настоящемъ свѣтѣ, она сочла себя обязанною написать своему брату-фельдмаршалу.

«Въ выборѣ вѣстника мира ты сдѣлалъ величайшую ошибку. Нѣтъ сомнѣній, онъ добьется своего. Это можно сказать утвер-

дительно. И оно не замедлится, хотя теперь еще ничего нѣтъ. Но достиженіе имъ своей цѣли будетъ намъ не только не въ пользу, а въ жестокой вредъ. Даже теперь, еще ничего не видя, онъ много и сильно успѣлъ уронить тебя въ ея глазахъ. Пока есть время, принимай мѣры!..»

Прочитавъ такое письмо отъ своей умной и любимой сестры, фельдмаршалъ графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій невольно ударилъ себя по лбу.

«Ахъ, негодяй! подумалъ онъ. — Надулъ, просто надулъ! Какъ онъ здѣсь распинался, да подлещивался! Какимъ преданнымъ притворился!.. Обмануль, нечего и говорить, совсѣмъ обмануль! Просто обомелъ! И ее обойдетъ непременно; сестра права, добьется своего, это вѣрно! Какъ ему не обойти ее, когда меня, меня съумѣлъ вокругъ пальца обвести! На что другое, а на это способенъ! Да вѣдь потому-то я и послалъ его, что видѣлъ, что способенъ. И самъ я выискалъ случай, самъ писалъ, училъ, распинался за него, а онъ?.. Ахъ, мерзавецъ!»

Гнѣву фельдмаршала не было предѣловъ.

«Опять, какъ было и не повѣрить? разсуждалъ онъ. — Казалось, весь былъ почтеніе и преданность. Головы своей не жалѣлъ, чтобы мнѣ хоть чѣмъ нибудь угодить, чѣмъ нибудь меня потѣшить, чтобы только мое вниманіе на себя обратить. Въ глаза бывало смотреть; только и думалъ о томъ, чтобы мнѣ приятное сдѣлать... Надулъ, просто надулъ, что и говорить! Бывало бранить Васильчикова: «Какъ, дескать, не догадаться и не напомнить государынѣ, что мой графскій гербъ давно княжескою маптією прикрытъ слѣдуетъ, а для позолоты княжескаго герба должно образовать княжество, хоть изъ отвоеванныхъ мною отъ Турціи земель. Я бы, говорить, на колѣняхъ умолялъ, для ея же славы и чести; въ ея бы глазахъ съ голоду себя уморилъ, если-бы не сдѣлала». Ну, я и повѣрилъ. Рѣшительно старѣться начинаю! Провелъ, во всѣхъ отношеніяхъ провелъ!.. «Прими мѣры, пока есть время», пишетъ сестра. Но какія же мѣры отсюда за 2,500 верстъ я могу принять? Потребовать его къ арміи? Онъ не побѣдетъ; скажетъ, что по высочайшему повелѣнію долженъ представить объясненія на тѣ или другіе вопросы. Война же теперь кончилась. Самъ далъ письмо, самъ хвалилъ толькѣ и храбрость, самъ рекомендую обращаться къ нему за разъясненіями. Какое же можетъ быть тутъ требованіе въ арміи? Нечего говорить, самъ своими руками вытащилъ, самъ подвнялъ, за то онъ же меня и топить. О, люди, люди!.. Что тутъ дѣлать?»

Ничего не выдумаешь! Развѣ соперника послать... но кого, кого? Такого ловкаго бестію другаго трудно найти!»

Въ это время въ его кабинетъ вошла графиня, его жена, урожденная Голицына, сестра фельдмаршала, бывшаго въ Петербургѣ въ то время главнокомандующимъ и генераль-губернаторомъ. Она пріѣхала въ Букарестъ къ мужу еще тогда, когда только пріостановились военныя дѣйствія и начались переговоры о мирѣ, и жила все это время съ нимъ, такъ какъ до нея дошли слухи, что ея супругъ, хотя и не старикъ, но все же человѣкъ солидный, вспомнилъ свою молодость и началъ черезъ-чуръ увлекаться привѣтливыми и далеко не недоступными молдаванками.

— Мой другъ, сказала графиня,—ты не имѣешь ничего противъ того, что я сегодня приглашу къ себѣ обѣдать Ріегга?

Румянцевъ ударилъ себя по лбу.

— Чего я думаю, чего думаю! Ужъ именно женскій умъ лучше всякихъ думъ! Да, Ріегге единственный человѣкъ, который можетъ смять, уничтожить, затмить интриганта. Онъ хоть кого изъ сѣдла выбьетъ, даже противъ своего желанія. И онъ то ужъ никакъ не обманетъ, не станетъ противъ, за одно съ врагами. Какъ это я прежде не подумалъ? Да, Ріегге единственный человѣкъ, который можетъ спасти. Государыня же его, кажется, еще не видала, или видѣла прежде женитьбы, когда она изъ-за Орлова, можно сказать, никого и ничего не видала. Да, Ріегге, этотъ не станетъ Лазаремъ прикидываться, не станетъ, говоря обо мнѣ, глаза къ небу поднимать, но за то и не подастъ вмѣсто хлѣба камень, не станетъ интриговать. Да, да, Ріегге!..— Прощу тебя, душа моя, пригласи! обратился онъ къ женѣ.— Ты меня много обяжешь. Онъ же у насъ давно не былъ, а мнѣ нужно съ нимъ поговорить. Пожалуйста, пригласи! И прикажи, чтобы обѣдъ былъ поделикатиѣе, подлучше! Изъ погреба приважи достать бутылочку рюдесгейма, изъ тѣхъ, что германскій императоръ въ подарокъ прислалъ. Онъ такой рѣдкій гость, что хотѣлось бы угостить.

Графиня ушла и написала пригласительную записку къ своему кузену генераль-поручику князю Петру Михайловичу Голицыну, прося его отъ себя и отъ имени своего мужа, главнокомандующаго, пріѣхать къ нимъ запросто обѣдать.

А. Шардинъ.

(Продолженіе будетъ).

РУССКОЕ ДѢЛО ВЪ ЛИТОВСКОЙ РУСИ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Впечатлѣніе, произведенное отозваніемъ графа Муравьева. — Назначеніе К. П. Кауфмана. — Записка генерала Потапова о Сѣверо-Западномъ краѣ. — Направленіе принятое К. П. Кауфманомъ, его довѣрчивость. — Крестьянское дѣло. — Народно-образованіе. — Процентный сборъ. — Обращеніе въ православіе. — Православное духовенство. — Латинское духовенство. — Иновѣрцы.

Отозваніе изъ Вильны графа М. Н. Муравьева, какъ я выше говорилъ, произвело сильное смущеніе въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Одни радовались, рассчитывая на возвращеніе къ старымъ порядкамъ; другіе огорчались, тревожась за будущее. Всѣхъ занимали слухи и предположенія о томъ, кто заступитъ мѣсто графа Муравьева, но всѣ понимали, что замѣнить его — болѣе чѣмъ трудно. Обѣ враждующія силы, съ напряженнымъ вниманіемъ, ожидали разрѣшенія этого вопроса. Латино-шляхетская сила надѣялась возвратитъ себѣ потерянное значеніе, а народно-русская сила, только что ожившая, но не успѣвшая еще окрѣпнуть, ожидала предстоящихъ событій съ понятнымъ волненіемъ. Въ Вильнѣ въ особенности шли оживленные толки. Тамъ предполагали, что одинъ изъ помощниковъ графа Муравьева будетъ назначенъ на его мѣсто. Генералы Хрущовъ и Потаповъ давали поводы къ этимъ разговорамъ.

Назначеніе директора канцеляріи военнаго министерства генераль-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана удивило многихъ; его нѣмецкая фамилія приводила въ недоумѣніе нѣкоторыхъ, но

русскіе люди скоро успокоились, узнавъ, что онъ былъ указанъ Д. А. Милютинымъ.

Съ другой стороны, К. П. Кауфманъ не могъ быть подготовленъ къ столь обширной дѣятельности и отправлялся въ совершенно незнакомый ему край. Надлежитъ замѣтить, что до марта 1368 года общее направленіе дѣлъ въ край не подвергалось измѣненію, почти всѣ служащіе оставались на занимаемыхъ ими мѣстахъ. Но только не было той сильной, руководящей всѣми и каждымъ власти. Многие, облеченные значительными правами, иногда злоупотребляли ими во вредъ достоинству русской власти. Возмутительный поступокъ одного полковника на Жмуди съ ксендзами и ихъ домашними хозяевами произвелъ тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ русскихъ людей. При К. П. Кауфманѣ вообще много говорили, много писали, но дѣла дѣлалось менѣе по всѣмъ отраслямъ управленія.

Разсказываютъ, что генералу Потапову было предложено оставаться помощникомъ при новомъ генералъ-губернаторѣ, но онъ положительно отказался и испросилъ себѣ заграничный отпускъ, представивъ записку объ управленіи Сѣверо-Западнымъ краемъ. Записка эта была передана на разсмотрѣніе К. П. Кауфману, который указалъ на многія ея слабыя стороны. Между прочимъ, генералъ Потаповъ пояснилъ, что Ковенская область съ своимъ сплошнымъ фанатическимъ латинскимъ населеніемъ представляетъ всегда готовый очагъ для всякихъ беспорядковъ: почему и предполагалъ подвергнуть эту область усиленному онѣмеченію, какъ средство для умиротворенія области. Противъ этого сильно возражалъ К. П. Кауфманъ, доказывая, вполнѣ основательно, что Ковенская область, расположенная географически между восточною Пруссіей и прибалтійскими областями, должна по возможности подвергаться со стороны русскаго правительства не онѣмеченію, а обрусенію, тѣмъ болѣе, что въ сѣверной части Ковенской области уже много находится нѣмцевъ-землевладѣльцевъ, а жмудское населеніе до сего времени не такъ легко поддавалось ополяченію, какъ бѣлорусское. Генералъ Потаповъ находилъ полезнымъ льготную продажу казенныхъ земель, въ достаточныхъ размѣрахъ, русскимъ людямъ, въ особенности отставнымъ военнымъ, которые скорѣе состоящихъ на службѣ водворятся въ селеніяхъ и займутся хозяйствомъ. Также онъ считалъ полезнымъ устраивать казармы и при нихъ давать земельный надѣлъ отставнымъ семейнымъ русскимъ солдатамъ, на подобіе штабъ-квартиръ на Кавказѣ. Сверхъ того, генералъ Потаповъ признавалъ нужнымъ обратить вниманіе на воспитаніе мо-

лодаго дворянскаго поколѣнія, отдавая при этомъ преимущество закрытымъ заведеніямъ. Вообще записка не выражаетъ большаго знакомства съ условіями быта Сѣверо-Западнаго края, въ которомъ, прежде всего, должно быть обращено вниманіе на народно-русское дѣло. Закрытыя даже военно-учебныя заведенія въ столицахъ не перевоспитали ополченныхъ западно-руссковъ, изъ числа которыхъ многіе принимали дѣятельное участіе въ вооруженномъ мятежѣ. Тѣмъ менѣе еще можно было рассчитывать на закрытыя заведенія въ самомъ краѣ. Кадетскій корпусъ въ Вильнѣ былъ закрытъ почти за поголовное сочувствіе мятежу. Дворянскій мужской институтъ въ Вильнѣ—тоже.

Записка генерала Потапова не имѣла дальнѣйшихъ послѣдствій, но заслуживаетъ вниманія только какъ выраженіе мнѣнія будущаго главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края.

Самыя благія намѣренія воодушевляли добрѣйшаго К. П. Кауфмана, но его слабость и довѣріе къ подчиненнымъ не имѣли границъ. Слѣдуя безусловно народно-русскому направленію, онъ не имѣлъ никакой подготовки по прежней службѣ и не обладалъ обширнымъ кругозоромъ государственнаго сановника, какъ его предшественникъ графъ Муравьевъ. Человѣкъ безузорищенной честности, онъ не замѣчалъ многихъ злоупотребленій и часто довѣрялъ людямъ недостойнымъ. Душою преданный русскому дѣлу, онъ вѣрилъ, что и другіе, складно говорившіе по этому поводу, готовы принести все въ жертву на пользу родины. Будучи самъ хорошо обеспеченъ по службѣ, онъ легко забывалъ, что вопросъ о хлѣбѣ насущномъ, для людей семейныхъ въ особенности, долженъ имѣть существенное значеніе при всякихъ обстоятельствахъ. Дѣятельность К. П. Кауфмана на народно-русскихъ началахъ навлекла на него вражду латино-шляхетской силы и неудовольствіе петербургскихъ либеральныхъ западниковъ, что стало для него особенно замѣтнымъ съ апрѣля 1866 года. Во время управленія краемъ К. П. Кауфмана, въ Вильнѣ возникло много комисій и канцелярій, а именно: по крестьянскимъ дѣламъ, по водворенію русскаго землевладѣнія, по еврейскому вопросу, юридическая (?), по разбору древнихъ актовъ и грамотъ, наконецъ, была образована особая канцелярія по водворенію русскихъ землевладѣльцевъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Въ каждой области дѣйствовали: повѣрочныя комисіи по крестьянскимъ дѣламъ въ уѣздахъ, особыя присутствія по обеспеченію быта православнаго духовенства и церковно-строительные комитеты. Управляющій комисіей по крестьянскимъ дѣламъ (И. А. Зубковъ), собственно говоря, былъ

управляющей канцеляріею по этимъ дѣламъ, а члены комисіи были чиновники особыхъ порученій генераль-губернатора. Въ этой канцеляріи производились, кромѣ крестьянскихъ дѣлъ, и дѣла о старообрядцахъ, о вольныхъ людяхъ и русскихъ поселенцахъ. Другія комисіи еще менѣе могли принести дѣйствительной пользы; въ ихъ составъ входили лица, занимавшія разныя должности въ Вильнѣ и потому очень занятыя своими прямыми обязанностями. Менѣе всѣхъ другихъ удовлетворяла потребностямъ комисіа по еврейскому вопросу, которая, разсуждая о разныхъ узаконеніяхъ, относящихся до евреевъ, не коснулась вовсе существа дѣла, т. е. не затронула вопроса объ обособленности евреевъ, узаконенной нашимъ сводомъ законовъ (сборщики податей, кошерное мясо, кагалъ, бетъ-динъ и проч.)

Изъ этого краткаго перечня видно стремленіе къ работѣ, но, къ сожалѣнію, работа не была плодотворна по своимъ послѣдствіямъ. Много говорили, еще болѣе писали, и оставили послѣ себя много исписанной бумаги въ архивахъ.

Всѣ распоряженія графа Муравьева по уничтоженію вѣщныхъ проявленій полонизма были оставлены въ полной силѣ и строго соблюдались, а виновные въ несоблюденіи этихъ распоряженій подвергались строгимъ денежнымъ пенямъ. Латинское духовенство и польское дворянство были оставлены подъ строгимъ надзоромъ мѣстнаго начальства въ лицѣ уѣздныхъ начальниковъ, назначаемыхъ изъ военныхъ. Должности во всѣмъ вѣдомствамъ предоставлялись исключительно русскимъ чиновникамъ. К. П. Кауфманъ обратилъ особое вниманіе на крестьянское дѣло и старался о лучшемъ обезпеченіи не только крестьянъ-хозяевъ, т. е. владѣющихъ участковымъ надѣломъ (20—30 дес. земли) или полуучастковымъ, но и о надѣлѣ тремя десятинами кутниковъ, огородниковъ и бобылей, неимѣющихъ правъ на участковые надѣлы. Опредѣленіе правъ на тотъ или другой надѣлъ составляло одну изъ труднѣйшихъ задачъ дѣателей по крестьянскимъ дѣламъ. При очевидномъ желаніи помѣщиковъ удержать за собою побольше земли, приходилось обращаться къ старымъ документамъ, инвентарямъ и планамъ, а также къ свидѣтельскимъ показаніямъ, что по дѣламъ о собственности представляетъ крупное юридическое затрудненіе. Опредѣляя границы крестьянскихъ надѣловъ по дѣйствительному владѣнію (при возможности лишнихъ захватовъ со стороны крестьянъ) и отрѣзая для надѣла кутниковъ, огородниковъ и бобылей отъ владѣльческихъ угодій, нужно было много безпристрастія и знанія

дѣла, чтобы быть вполнѣ справедливымъ; равнымъ образомъ, и при оцѣнѣ отходящихъ отъ пановъ къ крестьянамъ земель для исчисления выкупной ссуды и выкупныхъ платежей крестьянъ. Тогдашнее поколѣніе бывшихъ помѣщиковъ, можно сказать, расплачивалось за грѣхи прежнихъ поколѣній, немилосердно отягощавшихъ чрезмѣрными работами бѣдное литовско-русское хлопство, угнетавшихъ его всѣми способами, отрѣзавшихъ его лучшія земли въ свою пользу и даже вторгавшихся въ его духовную жизнь, насильственно обращая его то въ унию, то въ латинство. Нѣтъ возможности достаточно ясно выразить все, что перетерпѣлъ западно-русскій народъ, до великаго дня освобожденія отъ крѣпостной зависимости, отъ иноплеменныхъ ему пановъ. При участковомъ владѣніи крестьянъ землею и при переходѣ по наслѣдству нераздѣльныхъ участковъ, число безземельныхъ естественнo должно было постоянно увеличиваться, независимо уже отъ отобранія многихъ крестьянскихъ земель ихъ помѣщиками, посредствомъ отпуска на волю цѣлыхъ семействъ, или обращенія въ дворовые или батраки подъ разными предлогами. Инвентарное положеніе сороковыхъ годовъ несомнѣнно много способствовало въ удержанію земель за крестьянами, но при польскихъ чиновникахъ и слабости высшей русской власти въ краѣ были возможны частныя злоупотребленія. По этихъ причинамъ были установлены правила о возвращеніи полевыхъ надѣловъ тѣмъ, у кого они были отобраны послѣ введенія инвентарнаго положенія, а также о надѣлѣ нѣкоторыхъ гремя десятинами, а другихъ огородами и усадебными мѣстами въ мѣстечкахъ. Такимъ образомъ, приходилось въ тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ въ прежнее время было болѣе отобрано земель у крестьянъ, нынѣ болѣе отрѣзать отъ владѣльческихъ угодій, для удовлетворенія законныхъ потребностей крестьянъ, и преимущественно тѣхъ земель, которыя были отъ крестьянъ прежде отобраны.

Изъ этихъ запутанныхъ отношеній и возникали тѣ нареканія, по которымъ обвиняли чуть не поголовно всѣхъ дѣятелей по крестьянскимъ дѣламъ времени К. П. Кауфмана и его самаго въ потворствѣ разоренію помѣщиковъ безъ надобности; рассказывали, что будто нарочно устраивали чрезполосицу владѣльческихъ земель съ крестьянскими, чтобы побуждать первыхъ продавать послѣднимъ свои имѣнія за безцѣнокъ. Еще говорили, что предоставляя крестьянамъ надѣлы изъ садовъ и вообще усадебныхъ владѣльческихъ мѣстъ, дѣлали тѣмъ умышленно невозможнымъ сохраненіе за собою панамъ подобныхъ

имѣній. Далѣе я буду говорить, какъ при самомъ тщательномъ изысканіи подобныхъ случаевъ въ 1868 году не удалось найти много дѣйствительныхъ примѣровъ, подтверждавшихъ жалобы пановъ на русскихъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу. Еще болѣе было жалобъ на низкую оцѣнку надѣленныхъ крестьянамъ земель. Но взявъ во вниманіе спѣшность работы и вполне понятное сочувствіе русскихъ людей къ угнетенному вѣковымъ рабствомъ литовско-русскому народу, а также полную неподатливость на всякія соглашенія пановъ, въ то время крайне озлобленныхъ на глубоко презираемое ими доселѣ хлопство, а также недовѣріе крестьянъ ко всякимъ предложеніямъ пановъ, и при всемъ томъ невысокую цѣнность земли, въ то время, въ Сѣверо-Западномъ краѣ вообще, при страшной бѣдности крестьянъ бѣлорусскихъ въ особенности—будетъ вполне доступно пониманію cadaго безпристрастнаго наблюдателя, какъ трудно было русскимъ дѣтелямъ того времени избѣжать нареканій со стороны бывшихъ помѣщиковъ, если только относиться сочувственно къ бѣдному безгласному народу. Но по русской пословицѣ: въ семьѣ не безъ уroda, — бывали случаи и чрезмѣрныхъ увлеченій, всегда вредныхъ для пользы дѣла. Эти-то отдѣльные случаи и дали поводъ къ преднамѣреннымъ обобщеніямъ всего хода дѣла. Всѣ вышеприведенныя обстоятельства препятствовали правильному ходу межевыхъ работъ на мѣстахъ, къ точному опредѣленію дѣйствительныхъ границъ владѣнія, и соглашеніямъ къ уничтоженію чрезполосности и разныхъ неудобныхъ для обѣихъ сторонъ сервитутовъ, т. е. пользованія извѣстными правами въ владѣльческихъ угодьяхъ, какъ, на примѣръ, право крестьянамъ пасты свой скотъ на паровыхъ поляхъ и въ лѣсахъ бывшихъ помѣщиковъ.

Всѣхъ этихъ затрудненій не было въ тѣхъ бѣлорусскихъ уѣздахъ, въ которыхъ существовалъ душевой надѣлъ, гдѣ польское владѣтельство не успѣло измѣнить старинный русскій обычай общиннаго владѣнія съ правами cadaго крестьянина на землю.

Рассказывали, что К. П. Кауфманъ думалъ о введеніи общиннаго владѣнія во всѣхъ областяхъ Сѣверо-Западнаго края, но не рѣшался даже писать о томъ, по убѣжденію опытныхъ и свѣдущихъ людей, доказавшихъ ему невозможность и несвоевременность подобной крутой мѣры.

Было воспрещено евреямъ селиться на крестьянскихъ земляхъ, въ видахъ освобожденія крестьянъ отъ денежной зависимости отъ евреевъ и уменьшенія развитія числа питейныхъ заведеній со всѣми къ нимъ неизбѣжными придатками. Евреи могли жить

только въ мѣстечкахъ и на владѣльческихъ земляхъ. Но въ средѣ осѣлости крестьянъ находились очень часто владѣльческія и казенныя корчмы съ огородами, отдаваемые почти всегда въ аренду исключительно евреямъ, и только со времени продажи (1869 года) мелкихъ казенныхъ оброчныхъ статей крестьянскимъ обществамъ, какъ увидимъ ниже, незначительныя казенныя корчмы съ усадебными мѣстами перешли во владѣніе крестьянъ. Эти казенныя корчмы были устроены въ прежнее время мѣстными палатами государственныхъ имуществъ единственно въ видахъ увеличенія доходовъ казны. Но всѣ владѣльческія корчмы остались за землевладѣльцами и доставляютъ имъ хорошій доходъ отъ евреевъ-арендаторовъ. Позднѣйшія правила (1874 года), о дозволеніи евреямъ торговать виномъ только въ домахъ своихъ единоувѣрцевъ, всегда очень легко обходились разными сдѣлками.

Большинство мировыхъ посредниковъ, пользуясь довѣріемъ крестьянъ, много содѣйствовали къ устройству приличныхъ зданій для волостныхъ правленій и для народныхъ училищъ и своимъ нравственнымъ вліяніемъ облегчали по возможности трудное положеніе народныхъ наставниковъ по полученіи ими опредѣленнаго жалованья, хлѣба, дровъ для топлива, сторожей, а также содѣйствовали къ исправному посѣщенію училищъ крестьянскими дѣтьми и т. п. До введенія общей воинской повинности, крестьяне, въ особенности латинскаго вѣроисповѣданія, находясь еще подъ разными дурными вліяніями, избѣгали посылать дѣтей въ школы, опасаясь обращенія ихъ тамъ въ православіе, видя, что нѣкоторые ученики народныхъ училищъ очень охотно поютъ въ хорахъ при православномъ богослуженіи.

Мировые посредники старались, чтобы писарями въ волостныхъ правленіяхъ были русскіе православные изъ отставныхъ военныхъ писарей и т. п. лицъ, а къ нимъ въ помощники назначали сыновей мѣстныхъ крестьянъ, обучавшихся въ народныхъ училищахъ. К. П. Кауфманъ оказывалъ особое вниманіе и довѣріе всѣмъ служившимъ по крестьянскимъ дѣламъ и не вѣрилъ множеству обвиненій, взводимыхъ на нихъ лицами, къ нимъ нерасположенными. Такое исключительное положеніе давало возможность нѣкоторымъ употреблять во зло оказываемое имъ довѣріе, но къ чести всего состава служащихъ по крестьянскимъ учрежденіямъ слѣдуетъ замѣтить, что подобные случаи были рѣдкимъ исключеніемъ изъ общаго правила. Обвиняли еще этихъ лицъ въ томъ, что они дѣлали гораздо болѣе то, что не входило въ кругъ ихъ прямыхъ обязанностей, и часто въ ущербъ

имъ. Въ то время въ краѣ пользовались особымъ значеніемъ уѣздные начальники и всѣ служащіе по крестьянскимъ дѣламъ, имъ преимущественно было присвоено наименованіе русскихъ дѣятелей. Ихъ называли проводниками русскаго «элемента».

Это послѣднее нерусское слово было введено чиновниками во всеобщее употребленіе и даже вошло чрезъ чиновниковъ въ нѣкоторыя правительственныя распоряженія. Эти лица болѣе другихъ говорили объ упроченіи русскаго «элемента» въ краѣ. Имъ были поручаемы разнородныя дѣла особой важности. При объѣздахъ края, К. П. Кауфманъ относился къ нимъ и въ православному духовенству съ особеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ, что конечно возвышало ихъ въ глазахъ мѣстнаго населенія. Сверхъ того, при объѣздахъ края онъ посѣщалъ всѣ находящіяся по пути православныя храмы и народныя школы, приходя въ восхищеніе отъ невѣроятныхъ успѣховъ учениковъ, конечно не подозрѣвая, что его нагло обманывали, усаживая въ школы подставныхъ дѣтей изъ гимназій, даже перевоза нѣкоторыхъ изъ одного училища въ другое по пути его слѣдованія. К. П. Кауфманъ допускалъ устройство ему разныхъ торжественныхъ встрѣчъ. Это, между прочимъ, давало оружіе въ руки его многочисленныхъ враговъ и завистниковъ. Внѣшняя сторона иногда въ его глазахъ получала значеніе, какъ, напримѣръ, одѣваніе въ русское платье и т. п. При немъ возникло предположеніе о вызвѣ русскихъ ямщиковъ для почтовой гоньбы. Хотя это предположеніе не могло быть осуществлено, но до сихъ поръ сохранилось распоряженіе, по которому почто-содержатели обязываются по заключаемымъ съ ними контрактами имѣть ямщиками и старостами на почтовыхъ станціяхъ исключительно русскіхъ людей, — правило почти несоблюдаемое по его излишней стѣснительности, въ особенности на Жмуди. Были выписаны изъ Москвы рабочіе для типографій, одѣтые въ красныя кумачевыя рубахи, но вскорѣ они всѣ разѣхались.

Установленный въ краѣ съ 1863 года процентный (10% сѣ чистаго дохода) сборъ со всѣхъ безъ исключенія землевладѣльцевъ на необходимыя расходы по устройству и умиротворенію края не могъ возбуждать неудовольствія ни съ чьей стороны, такъ какъ всѣ одинаково нуждались и желали успокоенія и благоустройства. Но когда были освобождены отъ этого сбора всѣ русскіе и нѣмецкіе землевладѣльцы, то возникли ходатайства и отъ разныхъ лицъ польскаго происхожденія, извѣстныхъ по своей официальной благонадежности; освобожденіе однихъ возбудило ходатайство другихъ, съ ссылкой на примѣры, и число благона-

дежныхъ для освобожденія отъ сбора постоянно увеличивалось въ Сѣверо-Западномъ краѣ; между тѣмъ общая сумма сбора со всего края оставалась неизмѣнною на покрытіе опредѣленныхъ расходовъ, а потому платежи процентнаго сбора становились болѣе, и сборъ этотъ сталъ называться поляками контрибуціею, такъ какъ онъ принялъ совершенно другой видъ по своему существу. Первымъ изъ поляковъ былъ освобожденъ отъ процентнаго сбора самый богатый изъ землевладѣльцевъ Сѣверо-Западнаго края генераль князь Л. Радзивиллъ, который, не довольствуясь освобожденіемъ на будущее время, возбудилъ ходатайство о возвращеніи ему внесеннаго имъ за прежніе года процентнаго сбора, уже израсходованнаго на мѣстныя потребности по усмиренію мятежа. Вслѣдъ за симъ были освобождаемы и другіе богатые паны, умѣвшіе ходатайствовать. Но были изъ числа самыхъ благонадежныхъ поляковъ и такіе, которые находили неудобнымъ возбуждать подобныя домогательства и продолжали безпрекословно платить процентный сборъ, какъ, напримеръ, землевладѣлецъ Ковенской области генераль-адъютантъ М.

Многіе паны оставались недовольны пріемами генераль-губернатора, а въ особенности неудовлетвореніемъ ихъ многочисленныхъ домогательствъ и жалобъ, преимущественно по крестьянскимъ дѣламъ. Одинъ богатый панъ, желая получить заграничный паспортъ, обѣщаль устроить въ своемъ имѣніи близъ Курляндіи православный храмъ и дать земли подъ водвореніе вызванныхъ для этой дѣли русскихъ людей. Получивъ желаемое, богатый панъ, съ перемѣною главнаго начальника края, забылъ свое обѣщаніе, а устроенная на казенныя деньги православная церковь осталась безъ прихожанъ.

Особенное вниманіе русскаго общества привлекло на себя обращеніе въ православіе цѣлыхъ латинскихъ приходовъ, иногда съ ихъ всендзами, кромѣ частныхъ единичныхъ случаевъ. Но, къ сожалѣнію, дѣломъ этимъ занималось преимущественно гражданское начальство, что конечно и отразилось на всемъ ходѣ дѣла. Къ возвращеннымъ изъ уни въ православіе были вопліи примѣнимы слова «оторгнутые силою—возвращены любовію». Нельзя было того-же связать по дѣлу присоединенія къ православію бѣлоруссовъ-латинянъ, предки вонхъ были дѣйствительно насильственно обращены изъ православія въ латинство. Но тогдашнее поколѣніе уже сжилося съ латинствомъ, было къ нему привязано, и не путемъ духовнаго убѣжденія оставило вѣру своихъ отцовъ и дѣдовъ для перехода въ вѣру

своихъ предковъ, о которыхъ они не знали. Усердіе чиновниковъ уничтожило возможность мирнаго постепеннаго вліянія русскаго православія и вызвало еще большую рознь между латинскимъ и православнымъ западно-русскимъ народомъ. Дѣло перехода въ православіе приняло въ то время совершенно несвойственное духу русскаго народнаго чувства направленіе, основанное на обѣщаніяхъ и т. п. дѣйствіяхъ. Особенно сдѣлался извѣстнымъ по этому дѣлу виленскій уѣздный начальникъ князь Хованскій, который, при содѣйствіи полицейскаго чиновника Якубовскаго (татарина и магометанина), обращалъ латинянъ Виленскаго уѣзда, въ которомъ было образовано 7 новыхъ православныхъ приходоу. Но столь важное дѣло, веденное спѣшно и притомъ безупречно, не можетъ быть признано удачнымъ и прочнымъ и было несомнѣннѣе съ достоинствомъ свѣтской власти, вмѣшавшейся въ чуждую ей область религіозныхъ убѣжденій. Вновь присоединенные, введенные въ заблужденіе разными обѣщаніями, скоро начали раскаиваться, тѣмъ болѣе что неудачный выборъ духовныхъ пастырей во вновь образованные православные приходы не могъ ихъ достаточно укрѣпить въ новой для нихъ вѣрѣ. Взиманіе платы за требы, часто не по средствамъ бѣдныхъ прихожанъ, небрежное совершеніе богослуженія, отсутствіе духовныхъ поученій, побуждали ново-присоединенныхъ вспоминать о бывшихъ своихъ латинскихъ пастыряхъ. Враги русскаго дѣла, съ своей стороны, пользовались всѣми промахами русской власти и поддерживали тайное неудовольствіе. Большинство воссоединенныхъ отказывалось посѣщать православные храмы (передѣланные изъ латинскихъ костеловъ), а также совершать всякія требы у православныхъ священниковъ. Дѣти оставались некрещенными. Даже народныя училища почти не посѣщались дѣтьми вновь присоединенныхъ. Въ другихъ уѣздахъ и областяхъ Бѣлоруссін было тоже нѣсколько обращеній цѣлыхъ приходоу изъ латинства въ православіе, не болѣе удачныхъ вышеприведенныхъ примѣроу въ Виленскомъ уѣздѣ.

Отдѣльные случаи присоединеній къ православію также не могли имѣть полезнаго для русскаго дѣла значенія. Присоединеніе князя Александра Друцкаго-Любецкаго (происходящаго отъ святаго Владиміра) обратило на себя, газетными статьями, гораздо болѣе вниманія, чѣмъ оно въ дѣйствительности заслуживаетъ. По большей части присоединеніе дѣлалось по расчету или удержать за собою выгодное мѣсто, или вновь поступить на государственную службу, причемъ большинство, присоединенныхъ по такимъ соображеніямъ, имѣли семейства и дѣтей

латинскаго вѣроисповѣданія, и дѣлались православными только по послужному списку для вида близорукаго начальства. Православное духовенство почти не принимало въ этомъ дѣлѣ участія и потому оно не можетъ подлежать обвиненію. Но духовному начальству слѣдовало-бы назначать въ новоприсоединенные приходы съ бѣльшимъ разборомъ приходскихъ священниковъ, наблюдать непосредственно за ними, способствуя сколько можно болѣе ознакомленію новоприсоединенныхъ съ истинами православія. Взиманіе-же платы за требы возбуждало не мало ропота въ среди бѣднаго населенія, видящаго другое отношеніе къ дѣлу со стороны латинскаго духовенства, умѣющаго, съ внѣшней стороны, казаться народу хорошими духовными пастырями. Менѣе всего удовлетворяли потребностямъ края православные священники изъ числа прибывшихъ сюда изъ внутреннихъ русскихъ областей, совершенно незнакомые съ мѣстными условіями и очень равнодушно относившіеся къ своимъ обязанностямъ.

Мѣстные уроженцы, въ особенности воспитанные подъ надзоромъ митрополита Іосифа, гораздо болѣе удовлетворяли своему высокому назначенію. Ихъ знаніе мѣстнаго народнаго быта и всѣхъ обстоятельствъ судебъ православія въ краѣ, дѣлали изъ нихъ полезныхъ русскихъ дѣятелей. Напрасно смущались нѣкоторые недалековидные наблюдатели употребленіемъ ими въ домашнемъ быту польскаго языка и вообще нѣкоторыхъ польскихъ обычаевъ. Новое поколѣніе постепенно оставитъ это внѣшнее наслѣдіе польскаго владычества въ краѣ до 1863 года.

Постройка новыхъ, возобновленіе ветхихъ и передѣлка костеловъ въ православные храмы шли быстро, но неудовлетворительно. Многія работы производились крайне недобросовѣстно. Видя это, латиняне утверждали, что православіе насаждается непрочно и потому оно здѣсь недолговѣчно, въ особенности при сравненіи съ постройками латинскихъ монастырей и костеловъ, для которыхъ выбирались всегда мѣста водныя и возвышенныя, а самыя постройки производились чрезвычайно прочно и основательно, въ особенности все, что возводили іезуиты. Не всегда бывалъ удаченъ выборъ мѣстъ для православныхъ храмовъ и, вопреки указаній по этому поводу бывшаго главнаго начальника края, иногда ихъ строили въ отдаленіи и какъ-бы скрытно отъ глазъ наблюдателя. Скромные храмы господствующей церкви казались еще болѣе скромными по сравненіи съ огромными и великолѣпными костелами воинствующей церкви и невольно обращали на себя общее вниманіе. Въ то время много говорили

противъ безбрачія латинскаго духовенства, но, очевидно, измѣнить эту коренную особенность латинскаго исповѣданія не представлялось возможнымъ; при самыхъ искреннихъ желаніяхъ благо-разумныхъ членовъ латинской церкви. Хотя преподаваніе закона Божія во всѣхъ безъ исключенія учебныхъ заведеніяхъ края было введено на русскомъ языкѣ, но употребленіе русскаго языка при латинскомъ богослуженіи было воспрещено въ краѣ еще со временъ императора Александра I Павловича. Запрещеніе это было исходатайствовано на томъ основаніи, что, будто, православные, при посѣщеніи костеловъ, слыша русскій языкъ, будутъ легко обращаться въ латинство. Такая іезуитская заботливость о православіи сдѣлала латинство орудіемъ польской пропаганды и установила раздѣленіе всего народа на исповѣдающихъ русскую и польскую вѣру (по мѣстному выраженію), отождествляя латинство съ полонизмомъ. Латинскія духовныя семинаріи усиленно опоячивали молодыхъ людей, подготовлявшихся къ священному сану; на эти семинаріи не было достаточно обращено вниманія до сего времени. Семинаріи эти, плохо поставленныя, дурно содержимыя, безъ бдительнаго надзора русской власти, ожидаютъ коренныхъ преобразованій для подготовленія образованныхъ русскихъ священниковъ латинскаго исповѣданія. Настоящее же поколѣніе латинскаго духовенства, съ высшаго до органистовъ, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, всецѣло предано польско-шляхетскимъ мечтаніямъ и враждебно русско-народнымъ стремленіямъ. Ловкая изворотливость, при всякихъ обстоятельствахъ, избавляетъ ихъ отъ дѣйствительнаго надзора близорукихъ русскихъ властей, предоставляя имъ возможность вліять на темную, неразвитую часть туземнаго населенія, сохраняя при этомъ хорошія отношенія съ богатыми панами и вообще съ польскою интеллигенціею края.

Каждому латинскому священнику необходимо пользоваться расположеніемъ вліятельныхъ прихожанъ и чрезъ нихъ своего духовнаго начальства, не обращая вниманія на русскія власти. Мѣстное же латинское духовное начальство всегда найдетъ возможнымъ вознаградить хорошимъ мѣстомъ, полезнаго для польской силы, священника и наказать неподатливаго переводомъ въ бѣдный приходъ. Вообще латинскій духовный міръ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, тогда и теперь, совершенно незнакомъ непосвященнымъ въ его тайны и потому всѣ распоряженія правительства, вызывая напрасный ропотъ на притѣсненія, по большей части не могли привести къ благопріятнымъ послѣдствіямъ. Богатое латинское духовенство знаетъ хорошо, гдѣ ему нужно

искать опоры, чего бояться и чѣмъ пренебрегать, и до сего времени умѣетъ вести дѣла, какъ ему нужно. Не строгія преслѣдованія, а ближайшее знакомство со всѣми условіями быта мѣстнаго духовенства можетъ измѣнить это неестественное положеніе дѣлъ въ край.

Реформаты-кальвинисты и нѣмцы-католики очень близки ко всему польскому и далеки отъ народно-русской силы. Тоже можно сказать и о татарахъ, водворенныхъ на Литвѣ со времени великаго князя Витовта. Эти татары сжились съ условіями края и вполне применили къ польской интеллигенціи, проникнувшись латино-шляхетскими притязаніями. Конечно, я говорю о современномъ поколѣніи, не предрѣшая вопроса о подростомъ нынѣ уже при совершенно другихъ условіяхъ жизни. Хотя большинство евреевъ и знаетъ говорить по-польски, но, подъ вліяніемъ новыхъ обстоятельствъ, они всё стараются говорить по-русски и стремятся помѣщать своихъ дѣтей въ общеобразовательныя среднія учебныя заведенія края. Только нѣмцы остались вѣрными своей цѣли—общегерманскаго единства.

Въ этихъ видахъ, К. П. Кауфманъ не разрѣшалъ имъ приобрѣтать поземельную собственность въ Ковенской области, куда они преимущественно стремятся. Но министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ сообщилъ, что нѣмцамъ должны быть предоставлены одни права съ русскими.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Возстановленіе виленскаго свято-духовскаго братства. — Братства Сѣверо-Западнаго края. — Водвореніе русскихъ поселенцевъ. — Вызовъ бѣлоруссовъ изъ Курляндіи въ Ковенскую область и поселеніе ихъ на казенныхъ земляхъ. — Водвореніе поселенцевъ въ Виленской и Гродненской областяхъ. — Причина малаго количества земель для поселеній.

Въ августѣ 1865 года былъ утвержденъ, столь извѣстнымъ литовскимъ митрополитомъ Іосифомъ (Сѣмашко) и главнымъ начальникомъ края, уставъ возстановленнаго виленскаго свято-духовскаго братства, которое, какъ и въ прежнее время, имѣло цѣлю служеніе нуждамъ и пользамъ православной церкви въ Сѣверо-Западномъ край Россіи и содѣйствіе къ распространенію духовнаго просвѣщенія въ народѣ.

Возстановленіе этого древняго братства знаменательно по

тому значенію, которое братство это имѣло въ прежнее время въ судьбахъ православно-русскаго народа на литовской Руси.

Много было писано въ послѣднія 90 лѣтъ о значеніи православныхъ церковныхъ братствъ въ западной Россіи. Профессоръ М. О. Кояловичъ, знатокъ дѣла, придаетъ имъ особенное значеніе. Все указываетъ на то, что братства много содѣйствовали къ сохраненію чистоты православія и къ сохраненію русско-народнаго духа въ западной Россіи, порабощенной латино-польскимъ шляхетствомъ. Сплоченныя духовнымъ единствомъ, братства составляли силу, съ которою не могли совладать ни іезуиты, ни польская шляхта. Безъ блеска и шума, почти незримо, братства работали одни, а позднѣе съ помощію днѣпровскаго казачества, на пользу православно-русскаго дѣла, до самаго воссоединенія края съ имперіею и тогда только передали свое завѣтное дѣло въ болѣе сильныя руки. Великій князь Литовскій Ягайло еще въ 1387 году даровалъ виленскимъ жителямъ греческаго и римскаго закона, состоявшимъ въ вѣдѣніи городской ратуши, грамоту на магдебургское право, подтвержденную въ 1432 году королемъ Сигизмундомъ. Вслѣдствіе этого и образовались ремесленные цехи, отъ которыхъ были заимствованы нѣкоторые обряды для благотворительныхъ общинъ—братствъ. Константинопольскій патріархъ Іеремія II, прибывъ въ Литву въ 1588 году, не только утвердилъ братство и далъ ему соотвѣтственное устройство, но предоставилъ ему значительныя права, сдѣлавъ его ставропигіальнымъ, т. е. зависящимъ непосредственно отъ него, помимо мѣстной власти. Король Сигизмундъ III въ 1589 году предоставилъ братству разныя права. Благолѣпіе православныхъ храмовъ, образованіе юношества и издательская дѣятельность составляли главныя заботы братства и заботы эти были весьма плодотворны. Насильственное введеніе уніи въ литовскую Русь привели къ преслѣдованіямъ всѣхъ братствъ, въ особенности виленскаго, которое однако еще съ большею силою продолжало свое служеніе русскому дѣлу, во все время польскаго владычества.

Послѣ воссоединенія съ имперіею, братства уже не заявляютъ себѣ ничѣмъ особеннымъ, сохранивъ только нѣкоторые обычаи. Передъ 1863 годомъ братства, состоя почти исключительно изъ бѣднаго сельскаго населенія, закрѣпощеннаго большею частию панамъ, очевидно не могли представить какія либо особыя явленія.

При этомъ считаю умѣстнымъ присовокупить, что въ 1865 г. существовало довольно братствъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, какъ

дѣйствовавшихъ по утвержденнымъ уставамъ, такъ и по изстари установившимся обычаямъ. Въ литовской православной епархіи, т. е. въ областяхъ Виленской, Ковенской и Гродненской, было до 150 братствъ, изъ коихъ только 18 имѣли утвержденные уставы и вели отчетность; въ Ковенской области было только одно братство, а наибольшее число въ Гродненской области; въ Виленской же нѣкоторыя братства, устроенныя въ новопри- соединенныхъ приходахъ чиновниками, за выбытіемъ ихъ, прекратили свою дѣятельность. Въ Минской епархіи до 40 братствъ были извѣстны епархіальной консисторіи, но въ этой епархіи, равно какъ и въ епархіяхъ Витебской и Могилевской, почти при каждой православной церкви существовало братство и дѣйствовало по стариннымъ обычаямъ. Почти всѣ эти братства мало извѣстны и сохранили отъ прежнихъ временъ нѣкоторыя особенности. Въ нѣкоторыхъ приходахъ, прихожане имѣютъ въ церквяхъ свою скрину (сундузъ), имѣвшую въ старыхъ братствахъ большое значеніе. Въ ней береглись братскія суммы, которыя, какъ прежде, такъ и нынѣ, употребляются на приобрѣтеніе свѣчей и на другія церковныя потребности, по приговорамъ собраній братчиковъ. Теперь, какъ и прежде, въ этой скринѣ хранятся братскіе взносы и толстыя восковыя свѣчи, съ которыми братчики и братчицы стоятъ при молебнахъ, панихидахъ и во время важнѣйшихъ частей праздничнаго богослуженія, предъ царскими вратами. При нѣкоторыхъ церквяхъ было и по два братства. Устройство братствъ было самое разнообразное, но не имѣло уже братскаго суда, братскихъ союзовъ и совѣщаній, богадѣлень, школь и типографій; всѣ они оставили уже мысль о непосильной имъ борьбѣ съ латинствомъ, преслѣдуя только мысль о сохраненіи своей вѣры и церкви, имѣли только свои иконы, хоругви и скрины; братскіе взносы рѣдко превышали 15 к., иногда дѣлались складчины для братскихъ обѣдовъ въ храмовые праздники. Вліяніе іезуитской униі отразилось на нихъ и ими были приняты нѣкоторыя латинскія обрядности.

Съ освобожденіемъ народа отъ крѣпостной зависимости и съ улучшеніемъ общаго быта православнаго духовенства, братства призваны къ болѣе широкой дѣятельности на поприщѣ нравственно-духовнаго просвѣщенія народа на православно-русскихъ началахъ. Духовно-нравственное усовершенствованіе народа и ознакомленіе съ его прошлымъ—вотъ высокія задачи, завѣщанныя современнымъ братствамъ ихъ предшественниками.

Русское общество отнеслось съ большимъ сочувствіемъ къ

возстановленному виленскому свято-духовскому братству. Пожертвованія отъ лицъ разныхъ слоевъ общества стевались со всѣхъ концовъ Россіи, укрѣпляя все болѣе и болѣе духовную связь литовской Руси съ московскою. Но само братство, состоя по болѣе части изъ лицъ служащихъ, а потому нерѣдко покидающихъ край, не могло получить надежной устойчивости въ своей дѣятельности.

Но даже одно существованіе этого, нѣкогда знаменитаго, братства въ Вильнѣ несомнѣнно полезно для русскаго дѣла въ край.

Водворенію русскихъ людей (мѣщанъ и крестьянъ, а также отставныхъ русскихъ воиновъ) на казенныхъ и конфискованныхъ земляхъ было, какъ сказано выше, положено начало при графѣ Муравьевѣ, который придавалъ этому дѣлу большое значеніе, ожидая благотворныхъ послѣдствій отъ введенія въ составъ мѣстныхъ сельскихъ обществъ вполне благонадежныхъ въ политическомъ отношеніи русскихъ людей. Въ этихъ видахъ министерствомъ государственныхъ имуществъ, по соглашенію съ графомъ Муравьевымъ, было введено правило, въ наставленіе люстраціоннымъ комисіямъ, предназначать исключительно подъ водвореніе русскихъ поселенцевъ казенныя земли по границамъ съ царствомъ польскимъ и въ лѣсахъ (правило, вовсе несоблюденное, какъ увидимъ ниже) а также участки, оставшіеся свободными за выселеніемъ мятежной шляхты. Сверхъ того могли быть предназначены и другія казенныя земли, оставшіеся свободными за удовлетвореніемъ потребностей мѣстныхъ крестьянъ. Приэтомъ было вмѣнено въ обязанность мѣстнымъ палатамъ государственныхъ имуществъ, чтобы фермерныя угоды предварительно поступили въ распоряженіе казны, посредствомъ соглашеній съ ихъ съемщиками, а въ противномъ случаѣ ожидать окончанія срока контрактовъ. Водвореніе русскихъ людей должно было производиться по указаніямъ генераль-губернатора.

Графъ Муравьевъ предполагалъ обезпечить земельными надѣлами, прежде всего, русскихъ людей податныхъ сословій, оказавшихъ услуги правительству по усмиреніи мятежа, или пострадавшихъ отъ ярости мятежниковъ за преданность русской власти. Такимъ образомъ возникла, какъ было выше сказано, Александровская слобода, въ 30 верстахъ отъ г. Ковны, и затѣмъ на память о повѣшенномъ на Жмуди Кирьяновѣ была названа его именемъ волость въ Шавельскомъ уѣздѣ и обра-

зована деревня—Кирияново, надѣленіемъ землею родныхъ повѣщеннаго мѣщанина. Независимо сего графъ Муравьевъ предполагалъ надѣлять и другихъ мѣстныхъ безземельныхъ русскихъ людей казенною землею съ предоставленіемъ имъ льготъ, всемілостивѣйше дарованныхъ русскимъ поселенцамъ (т. е. избавленіе въ продолженіи трехъ лѣтъ отъ оброка за землю, повинностей и рекрутства). Затѣмъ уже предполагалось вызывать русскихъ людей изъ внутреннихъ областей для водворенія на остальныхъ казенныхъ земляхъ.

Успѣшность русскаго заселенія находилась вполнѣ въ зависимости отъ постепенности и правильности веденія столь важнаго дѣла. Но, къ сожалѣнію, оно было ведено крайне неудовлетворительно, безъ опредѣленно-выработанныхъ основаній, и потому не могло достигнуть желаемой цѣли. При К. П. Кауфманѣ дѣломъ этимъ занимался дѣйствительный статскій совѣтникъ А. А. Деревницкій, и было обращено особенное вниманіе на Ковенскую область, гдѣ уже возникло до того времени нѣсколько русскихъ слободъ, преимущественно старообрядцевъ. Въ г. Ковнѣ дѣло это находилось въ рукахъ мѣстнаго управляющаго государственными имуществами Энгельмейера. Не приведя въ извѣстность количество и качество земель, могущихъ быть обращенными подъ водвореніе русскихъ людей, и не собравъ свѣдѣній о мѣстныхъ безземельныхъ русскихъ, водвореніе коихъ было бы желательно и лежало, такъ сказать, на обязанности правительства, было признано возможнымъ вызвать изъ сосѣдней Курляндіи православныхъ бѣдняковъ для водворенія ихъ на Жмуди, какъ русскихъ поселенцевъ.

Въ восточной части Курляндіи находятся любопытные русскіе поселки, основанные, на чуждой въ то время почвѣ, бѣлоруссами, бѣжавшими туда, отъ ужасовъ войны, возгорѣвшейся въ XVII вѣкѣ между царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и польскимъ королемъ Яномъ Казиміромъ, за подданство Малороссіи, внизъ по Двинѣ въ странѣ древнихъ земголы, летголы и куроновъ (корсь по Несторовой лѣтописи), гдѣ нынѣ находятся города Якобштадтъ и Иллуксты. Часть этихъ бѣжавшихъ бѣлоруссовъ поселилась на землѣ герцогскаго имѣнія Гольмгофъ; поселеніе это, называвшееся первоначально «русскою слободою», возведено было въ 1670 году курляндскимъ герцогомъ Яковомъ на степень города и названо въ честь его Якобштадтъ. Тамъ былъ устроенъ на средства бѣдныхъ бѣлоруссовъ свято-духовскій монастырь, видѣвшій въ своихъ стѣнахъ русскаго полководца времени Петра I Бориса Петровича Шереметева, въ немъ

молившагося и пожертвовавшаго монастырю участокъ земли, доселѣ принадлежащій свято-духовской церкви. Монастырь этотъ состоялъ со временъ основанія въ завѣдываніи бѣлорусскихъ архипастырей, а по присоединеніи Курляндіи къ Россіи (1795 г.) причисленъ къ псковской епархіи и закрытъ по неимѣнію будто бы средствъ въ существованію. До присоединенія же къ російской державѣ онъ, хотя и скудно, но все-таки существовалъ, тѣмъ болѣе, что даже окрестные иновѣрцы усердствовали къ нему, какъ это видно изъ сборныхъ монастырскихъ росписей. До сего времени иновѣрцы притекаютъ въ православный храмъ для совершенія молебновъ, освященія сѣмянъ для посѣва и т. под. Мѣстное преданіе гласитъ, что свидѣтель чудеснаго исцѣленія недужнаго латыша отъ иконы Богоматери (въ малой георгіевской церкви) купецъ Радкевичъ, сплавлявшій по Двинѣ свой товаръ, былъ основателемъ храма во имя Сочествія Святаго Духа, куда и была перенесена чудотворная икона, привлекающая до нашихъ дней иновѣрныхъ богомольцевъ.

Потомки поселившихся въ Курляндіи бѣлоруссовъ не входили въ составъ мѣстныхъ крестьянскихъ обществъ, а были приписаны по большей части къ разнымъ городскимъ обществамъ. Обращенные въ унию, они, при общемъ воссоединеніи всѣхъ бѣлоруссовъ, воссоединились съ православіемъ, хотя многіе изъ нихъ во время униіи не избѣжали перехода въ латинство. Поставленные въ тяжелыя условія средневѣковаго устройства Курляндіи—трудно было бѣднымъ бѣлоруссамъ, заброшеннымъ сюда, сохранить неприкосновенно свою народность, и они ее мало-по-малу утрачивали, принимая обычаи и нравы ихъ окружающаго населенія.

Тѣсными гордыми баронами и мѣстными нѣмецкими властями, на ихъ долю выпала тяжелая борьба за существованіе бездомныхъ и неприютныхъ тружениковъ и батраковъ въ иновѣрной и чуждой имъ средѣ. Съ восторгомъ отзывались они на призывъ идти селиться на казенныя земли на Жмуди и сдѣлаться тамъ осѣдлыми собственниками. Едва уже понимая русскій языкъ, часто безъ денегъ и хозяйственной опытности, потянулись они въ незнакомую имъ Жмудь, чтобы служить тамъ проводниками русскихъ начальъ, быть носителями русскаго духа и стать въ разрѣзъ вѣками установившемуся тамъ строю жизни.

Очевидно, что они не могли соответствовать своему призванію. Нѣкоторые изъ нихъ приняли православіе для полученія права на землю; въ семействахъ же большинство были латиняне. Всѣ они нуждались въ ознакомленіи съ православіемъ и съ

русскимъ языкомъ, были неопытными хозяевами, будучи до сего времени только батраками или вообще рабочими.

При распредѣленіи казенныхъ земель въ г. Ковнѣ въ мѣстной палатѣ государственныхъ имуществъ не обходилось безъ злоупотребленій чиновниковъ. Старобрядцы, болѣе ловкіе и зажиточные, всегда умѣли получить лучшія земли, оставляя для курляндскихъ выходцевъ, что было по-хуже. Эти бѣдняки, отдавъ въ Ковнѣ за билеты на землю иногда послѣдніе гроши, отправлялись въ уѣзды искать, отъ начальства къ начальству, назначенную имъ землю, и находя землю иногда въ арендномъ содержаніи до наступающаго экономическаго срока 23 апрѣля (во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ земли въ аренду сдаются съ 23 апрѣля). Большинство изъ нихъ пришло въ продолженіи лѣта 1866 года, такъ что имъ приходилось ждать окончанія срока аренды до 23 апрѣля 1867 года. Между тѣмъ, какъ по правиламъ, преподаннымъ министерствомъ палатамъ государственныхъ имуществъ, надлежало отдавать подъ поселеніе фермерныя угодья, свободныя отъ съемщиковъ. Тѣ изъ поселенцевъ, которые нашли земли свободными, могли кое-какъ помѣститься въ ветхихъ фермерныхъ постройкахъ и, выпросивъ сѣмянъ для посѣва заимообразно изъ общественныхъ запасныхъ магазиновъ, могли произвести посѣвы. Большинство мировыхъ посредниковъ и нѣкоторые уѣздные начальники отнеслись вполне сочувственно къ новымъ пришельцамъ, и чѣмъ могли помогали бѣднякамъ. Православное духовенство, весьма немногочисленное на Жмуди, съ своей стороны, входило въ положеніе православныхъ поселенцевъ, облегчая, по мѣрѣ возможности, ихъ бѣдственное состояніе, представляло о нихъ своему духовному начальству. Въ особенности сдѣлался извѣстенъ по своей заботливости о поселенцахъ тельшевскій приходскій священникъ Софроній Зосимовичъ, къ которому я еще возвращусь въ дальнѣйшемъ повѣствованіи. Многіе латиняне, входившіе въ составъ семействъ поселенцевъ, были обращены въ православіе. Для удовлетворенія духовныхъ нуждъ поселенцевъ было рѣшено устроить нѣсколько новыхъ православныхъ приходовъ на Жмуди, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ болѣе водворено поселенцевъ. При этомъ обнаружилось, что при водвореніи курляндскихъ выходцевъ не была вовсе принята во вниманіе необходимость расположенія православныхъ поселеній въ возможно близкомъ разстояніи отъ православныхъ храмовъ. Оказалось, что православные были расселены небольшими поселками, а иногда и по оди-

ночь между латинскимъ населеніемъ, тогда какъ старообрядцы были болѣе скучены и ближе къ православнымъ храмамъ.

Отсутствие предварительныхъ соображеній обнаружилось уже поздно, когда исправить ошибки было невозможно. Старообрядцы могли быть водворены между латинянами, безъ всякаго опасенія утраты ими своей народной самобытности, тогда какъ православные бѣлоруссы, не утвердившіеся въ своей вѣрѣ и не имѣвшіе почти никакой отличительной народности, неминуемо должны были подпасть влиянію окружающей ихъ туземной среды. Не могли имѣть на нихъ благотѣльнаго влиянія и ихъ духовные пастыри, по отдаленности и разбросанности приходоу, хотя и было предоставлено православному духовенству право даровой ѣзды на обывательскихъ лошадахъ. Устройство большихъ русскихъ слободъ съ православными храмами, какъ, на примѣръ, Благовѣщенской, на земляхъ упраздненнаго латинскаго хвалойнскаго монастыря (Шавельскаго уѣзда), или при мѣстечкѣ Вѣкшни (того же уѣзда, на линіи либавской желѣзной дороги), были рѣдкими исключеніями. Недружелюбно взглянуло на новыхъ пришельцевъ мѣстное жмудское населеніе, видя въ поселенцахъ посягателей на установившійся строй мѣстной жизни. Латинское духовенство, постигнувъ, что съ ихъ приходоу должно усилиться число и значеніе православнаго духовенства, также не могло сочувственно отнестись къ новымъ пришельцамъ и не замедлило возбудить противъ нихъ своихъ прихожанъ.

Не пользуясь правомъ голоса на сельскихъ и волостныхъ сходахъ, новые поселенцы были немедленно привлечены къ отбыванію разныхъ мірскихъ повинностей, отъ которыхъ они не были избавлены дарованными имъ льготами. Да и самыя льготы могли быть примѣняемы въ нимъ только послѣ перечисленія ихъ по новымъ мѣстамъ водворенія; а для перечисленія ихъ казенною палатою были необходимы увольнительныя свидѣтельства отъ прежнихъ обществъ, которыя не выдавали этихъ свидѣтельствъ до уплаты разныхъ недоимокъ, быть можетъ, и неправильно на нихъ насчитанныхъ по прежнему ихъ состоянію. Пока шла своимъ обычнымъ канцелярскимъ порядкомъ переписка о томъ, съ поселенцевъ требовали уплаты всякихъ сборовъ и оброка за землю, а также отбываніе всякихъ повинностей. Выданное имъ чрезъ посредство мировыхъ посредниковъ, на первоначальное обзаведеніе, заимообразно, пособіе на 6 лѣтъ изъ суммъ секвестрованныхъ имѣній въ размѣрахъ 100, 75 и 50 р. на семейство, было отъ нихъ частію отобрано полиціею на уплату разныхъ сборовъ и недоимокъ. Хотя и было разрѣшено ихъ перечислять

по новымъ мѣстамъ водворенія безъ пріемныхъ приговоровъ обществъ, но неимѣніе увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ прежнихъ обществъ препятствовало ихъ перечисленію, а потому они и не могли пользоваться льготами, необходимыми имъ при самомъ началѣ. Тогда же возникла переписка по поводу неясной редакціи, на кого именно должны распространяться льготы, предназначенныя для поселенцевъ. Недоразумѣніе это было разъяснено только по высочайше утвержденному положенію комитета министровъ уже въ декабрѣ 1866 года, послѣ отозванія К. П. Кауфмана (западный комитетъ уже не существовалъ съ 1865 года). Поселенцамъ предоставлялись, по казенной оцѣнѣ, казенныя фермерныя постройки, а гдѣ ихъ не было—по 100 пней лѣсу изъ ближайшихъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ. Но и при этомъ не обошлось безъ затрудненій для поселенцевъ. Часто имъ назначали лѣсъ въ очень дальнемъ разстояніи отъ мѣстъ ихъ водворенія; не имѣя средствъ для перевозки, поселенцамъ приходилось продавать казенный строевой матеріалъ и на своихъ мѣстахъ пріобрѣтать уже другой отъ частныхъ владѣльцевъ, часто хуже и дороже ими проданнаго. Возникшія по этому поводу жалобы вызвали присылку въ край для разъясненія недоразумѣній вице-инспектора корпуса лѣсничихъ, который впрочемъ отнесся очень равнодушно къ дѣлу русскихъ поселенцевъ.

Въ иномъ видѣ представляется водвореніе русскихъ людей въ Виленской области, гдѣ оно производилось почти безъ вмѣшательства высшаго начальства. Мѣстная палата государственныхъ имуществъ только представляла главному начальнику края списокъ лицъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ, въ качествѣ русскихъ поселенцевъ, и вообще держалась порядка, установленнаго со временъ графа Муравьева. Водворялись, почти исключительно, только мѣстные православные, старообрядцы, а иногда и принявшіе православіе. Никакихъ пособій при водвореніи имъ не выдавалось. Знакомые съ мѣстными условіями, на худшихъ земляхъ, при недостаточномъ надѣлѣ, они сумѣли устроиться удовлетворительно, хотя и были обложены высшими платежами, сравнительно съ мѣстными сосѣдними государственными крестьянами, не говоря о прежнихъ помѣщичьихъ.

Такова, впрочемъ, всегда была судьба русскихъ людей: быть поставленными въ худшія, по сравненію съ другими, условія.

Въ Гродненской же области было водворено только нѣсколько семействъ русскихъ крестьянъ, вызванныхъ изъ Псковской области. Крестьяне эти, поставленные съ перваго шага въ

неблагоприятныя условія, еще долгое время спустя вызывали заботы о себѣ мѣстнаго начальства.

Въ Минской, Витебской и Могилевской областяхъ не было вовсе водворенія русскихъ поселенцевъ.

Въ Виленской, Ковенской и Гродненской областяхъ, гдѣ представлялось особенно полезнымъ и желательнымъ введеніе русскихъ людей въ составъ сельскихъ обществъ, было вообще предназначено очень мало казенной земли подъ поселеніе русскихъ людей, потому что, съ изданіемъ высочайше утвержденной 23 іюля 1865 года инструкціи о продажѣ на очень льготныхъ условіяхъ казенныхъ земель чиновникамъ (см. ниже главу X), явилось стремленіе какъ можно болѣе образовать продажныхъ участковъ со стороны лицъ, надѣющихся воспользоваться льготнымъ приобрѣтеніемъ, въ видѣ награды за службу. По неимѣнію на этотъ предметъ точныхъ указаній свыше, личныя выгоды и расчеты чиновниковъ взяли первенство надъ пользою для русскаго дѣла отъ водворенія большаго числа поселенцевъ, и значительная часть казенныхъ земель была обращена въ участки, образованные по правиламъ, составленнымъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, для продажи ихъ по правиламъ инструкціи 23 іюня 1865 года.

Послѣ того уже не оставалось болѣе земель для водворенія русскихъ поселенцевъ тамъ, гдѣ въ этомъ представлялась существенная надобность.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Привлеченіе русскихъ приобретателей имѣній въ край. — Инструкція 23 іюля 1865 года. — Законъ 10 декабря 1865 года. — Выдача свидѣтельствъ на право приобрѣтенія поземельной собственности въ край. — Товарищество приобретателей имѣній въ Западномъ край, утвержденное 10 августа 1866 года. — Назначеніе графа Шувалова шефомъ жандармовъ. — Отзываніе К. П. Кауфмана. — Итоги его дѣятельности.

Кромѣ крестьянскаго дѣла, К. П. Кауфманъ обращалъ особенное вниманіе на усиленіе русскаго землевладѣнія въ край посредствомъ: а) привлеченія русскихъ людей для приобрѣтенія имѣній въ край, б) продажи имѣній (секвестрованныхъ) лицъ, высланныхъ изъ края за участіе въ мятежѣ 1863 года, и в)

воспрещеніе всѣмъ лицамъ польскаго происхожденія вновь приобрѣтать земельную собственность въ краѣ.

Для привлеченія въ край русскихъ приобрѣтателей имѣній, еще при графѣ Муравьевѣ было издано высочайше утвержденное 5 марта 1864 года положеніе съ дополнительными къ нему правилами. Далѣе я буду говорить, почему это положеніе и правила не привели къ благопріятнымъ послѣдствіямъ.

Вырабатываемыя правила для льготной продажи казенной и конфискованной собственности были высочайше утверждены 23 іюня 1865 г. и обнародованы въ указѣ сената отъ 19 января 1866 года, въ видѣ инструкціи министерству государственныхъ имуществъ. Для привлеченія чиновниковъ русскаго происхожденія, военнаго и гражданскаго званія, на службу по гражданскому вѣдомству въ Западный край и для поощренія ихъ къ продолженію тамъ службы, а другихъ благонадежныхъ лицъ, русскаго же происхожденія, къ постоянному въ томъ краѣ водворенію, назначены были въ продажу безъ торговъ, по особо составленной низкой оцѣнкѣ, казенныя и конфискованныя имущества, въ размѣрахъ отъ 300 до 600 дес. и отъ 600 до 1,000 дес., а по особымъ соображеніямъ и болѣе сего количества десятинъ, въ послѣдствіи же отъ 50—300 дес. и отъ 30—50 дес.; послѣдніе участки исключительно для народныхъ наставниковъ и волостныхъ писарей русскаго происхожденія. При предоставленіи имуществъ въ видѣ награды за службу, стоимость ихъ можно было вносить втеченіи 20 лѣтъ по равной части безъ %; а когда онѣ предоставлялись для водворенія, то при совершеніи купчей вносились $\frac{1}{5}$ стоимости, а остальныя $\frac{4}{5}$ разсрочивались съ % на 37 лѣтъ по банковымъ правиламъ. Но при этомъ возлагались на приобрѣтателей извѣстныя обязательства, за несоблюденіе которыхъ имущества безвозвратно отбирались въ казну, причемъ сдѣланные взносы не возвращались. Воспрещалось имущество тѣ отдавать въ аренду или въ управленіе полягамъ и евреямъ, а также закладывать или какимъ либо образомъ переступать этимъ лицамъ. Продавать же разрѣшалось только съ согласія министра государственныхъ имуществъ и мѣстнаго генералъ-губернатора. Безъ сомнѣнія, ограниченія по управленію и арендованію участковъ всегда безнаказанно обходились, при извѣстной изворотливости, и только крайне стѣсняли лицъ, относящихся болѣе добросовѣстно къ добровольно принятымъ на себя обязательствамъ.

Столь выгодная продажа, конечно, должна была вызвать и дѣйствительно вызвала много желающихъ воспользоваться почти

даровымъ приобрѣтеніемъ собственности. Но для успѣшности дѣла было необходимо: 1) удовлетворительное образованіе земельныхъ участковъ, дабы они заключали въ себѣ всѣ условія для возможнаго веденія сельскаго хозяйства и имѣли бы нужныя постройки, въ виду отсутствія денежныхъ средствъ у большинства приобрѣтателей, а также лѣсъ для топлива и для исправленія старыхъ и возведенія новыхъ построекъ, и 2) выборъ лицъ, обладающихъ извѣстными данными для предположенной цѣли водворенія, что, конечно, не такъ легко найти между чиновниками, состоящими на государственной службѣ. Далѣе мнѣ придется сказать, насколько оба эти главныя условія были соблюдаемы и къ какимъ результатамъ привели эти жертвы правительства на пользу русскаго дѣла въ краѣ.

Но главнѣйшимъ дѣломъ К. П. Кауфмана было представленіе высшему правительству особой записки, составленной имъ по соглашенію съ кievскимъ генералъ-губернаторомъ Безакомъ, о мѣрахъ къ усиленію русскаго землевладѣнія въ краѣ. Въ этой запискѣ подробно и обстоятельно разъясняется положеніе въ то время землевладѣнія въ Западномъ краѣ, вызывающее принятіе чрезвычайныхъ мѣръ для измѣненія существующаго порядка вещей, при которомъ было невозможно принятіе мѣръ для коренныхъ преобразованій существовавшихъ учреждений на народно-русскихъ началахъ, въ видахъ неразрывнаго сліянія съ имперією. Предположенія обоихъ генералъ-губернаторовъ по этому предмету были сообщены министру государственныхъ имуществъ, который по высочайшему повелѣнію передалъ ихъ на разсмотрѣніе особо образованной изъ высшихъ сановниковъ комисіи, подъ предсѣдательствомъ князя П. П. Гагарина, такъ какъ западный комитетъ уже не существовалъ въ то время и всѣ дѣла его переданы были въ комитетъ министровъ. При разсмотрѣніи представленныхъ соображеній, комисія, приняла во вниманіе, «что въ девяти западныхъ губерніяхъ на десятимилионное населеніе, преимущественно малороссійское, бѣлорусское и частію жмудско-литовское, имѣется, сравнительно весьма ничтожное по числительности, населеніе польскаго происхожденія; что населеніе это, состоящее большею частію изъ помѣщиковъ и мѣщанъ, даетъ всему краю характеръ польскій и мѣшаетъ остальному, нисколько не польскому населенію, правильно развиваться и пользоваться наравнѣ съ прочими подданными многими предпринятыми его величествомъ реформами; и что сила этого словія заключается въ корпоративной замкнутости владѣнія недвижимою собственностью, не допускающею проникать къ себѣ

никакую другую національность и особенно русскую. При такихъ обстоятельствахъ, по мнѣнію комисіи, правительство должно прибѣгнуть къ такой мѣрѣ, которая, посредствомъ устраненія лицъ польскаго происхожденія отъ права приобрѣтать вновь имѣнія въ Западномъ краѣ, не стѣсняя законныхъ правъ владѣнія нынѣшнихъ польскихъ помѣщиковъ, окончательно преградила бы возможность усиленія сего класса».

Въ составъ комисіи входили членами, кромѣ предсѣдателя князя П. П. Гагарина, обоихъ генераль-губернаторовъ, А. А. Зеленаго, К. П. Чевкина и Д. А. Милютина, еще министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, министръ финансовъ Рейтернъ, и др.

Мнѣнія въ комисіи раздѣлились и далеко не всѣ члены соглашались съ доводами и мѣрами, предложенными обоими генераль-губернаторами. Но государь императоръ, по разсмотрѣніи соображеній и мнѣній комисіи, 10 декабря 1865 года, высочайше повелѣть соизволилъ: «впредь до окончательнаго устройства Западнаго края, посредствомъ достаточнаго усиленія въ ономъ числа русскихъ землевладѣльцевъ, воспретить лицамъ польскаго происхожденія вновь приобрѣтать помѣщичьи имѣнія въ девяти западныхъ губерніяхъ, и со времени объявленія сего постановленія, считать недействительными всѣ совершенные послѣ того акты и сдѣлки на переходъ означенныхъ имѣній, въ предѣлахъ этихъ губерній находящихся, къ лицамъ польскаго происхожденія, всякимъ инымъ путемъ, кромѣ наслѣдства по закону». Сверхъ того, согласно съ заключеніемъ нѣкоторыхъ членовъ комисіи высочайше повелѣно: «высланнымъ изъ Западнаго края владѣльцамъ секвестрованныхъ имѣній предоста- вить право, въ двухгодичный срокъ, (съ 10 декабря 1865 года), продать свои имѣнія въ Западномъ краѣ лицамъ русскаго происхожденія, православнаго или протестанскаго вѣроисповѣданій, или же, вмѣсто продажи, промѣнять симъ лицамъ свои имѣнія, состоящія въ Западномъ краѣ, на частныя имѣнія, находящіяся въ другихъ мѣстностяхъ имперіи». Приэтомъ для облегченія подобныхъ сдѣлокъ, договаривающіеся между собою были освобождены отъ крѣпостныхъ и другихъ пошлинъ. Высочайшее повелѣніе 10 декабря 1865 г., съ вышеприведенными соображеніями комисіи было обнародовано въ указѣ правительствующаго сената отъ 23 декабря 1865 года, а нѣкоторыя дополнительныя разъясненія закона 10 декабря 1865 года были обнародованы въ указѣ сената отъ 31 декабря 1865 года. Въ этомъ указѣ объявлено, что имѣнія, подлежащія обязательной

продажѣ и непроданныя добровольно въ 2-хъ годичный срокъ, по минованіи сего срока (10 декабря 1867 г.) должны быть оцѣнены по правиламъ оцѣнки казенныхъ имѣній, и проданы съ торговъ, а при неуспѣшности торговъ должны поступить въ казну, а владѣльцамъ будетъ выдано 5% рента ихъ оцѣнки.

До сего времени не разъяснено, почему въ указѣ сената отъ 23 декабря 1865 года были пропущены столь существенныя части закона 10 декабря, которыя были уже дополнительно обнародованы, послѣ сообщенія о пропускѣ министру юстиціи генералъ-адъютантомъ Зеленымъ, во время рождественскихъ праздниковъ.

По соображеніямъ вышеупомянутой комисіи, подъ выраженіемъ «лица польскаго происхожденія» надлежало понимать не вообще католиковъ, а только поляковъ, и тѣхъ западныхъ уроженцевъ, которые усвоили себѣ польскую національность; при этомъ комисія присовокупила, что хотя въ юридическомъ отношеніи выраженіе это можетъ показаться неточнымъ, но на практикѣ, въ примѣненіи къ лицамъ, оно не возбуждало до селѣ никакихъ сомнѣній; между тѣмъ выраженіемъ этимъ устраняется вполне вопросъ о вѣроисповѣданіи, такъ какъ было бы совершенно несправедливо дѣлать различіе между лицами не по политическимъ, а по религіознымъ соображеніямъ.

Обнародованіе во всеобщее свѣдѣніе взглядовъ высшаго правительства на дѣло землевладѣнія въ краѣ, въ вышеприведенныхъ указахъ сената, произвело потрясающее впечатлѣніе на все польское населеніе Западнаго края и оживило надежды русской народной силы. Столь рѣшительный шагъ правительства разрушалъ много надеждъ латино-шляхетской силы. К. П. Кауфманъ, убѣдившій высшее правительство принять подобную мѣру, сдѣлался мишенью для всѣхъ нападокъ враждебной силы и приобрѣлъ огромное значеніе въ глазахъ русскихъ людей. Оставалось только неизбежно утвердить принятая положенія и неклонно слѣдовать по пути, указанному правительствомъ и вызванному соображеніями, обнародованными во всеобщее свѣдѣніе. Гласное сознаніе въ необходимости столь существенныхъ мѣръ, казалось бы, должно было обезпечить дальнѣйшее направленіе русскаго дѣла въ западныхъ областяхъ. Ярыя нападки европейской печати на эти правительственныя мѣры еще болѣе должны были убѣдить всѣхъ русскихъ людей въ целесообразности и справедливости этихъ мѣръ, руководствуясь опытомъ и извѣданными соображеніями, что европейская печать и наши евро-

пейскіе друзья всегда хвалятъ все, что направлено ко вреду Россіи, и всегда порицаютъ все, полезное для русскаго народа.

Позднѣйшими распоряженіями, истекающими изъ духа закона 10 декабря 1865 года, лица, высланные за участіе въ мятежѣ 1863 года, не имѣли права пріобрѣтать недвижимую собственность въ городахъ и были обязаны доставшюся имъ по наслѣдству земельную собственность продать русскимъ въ установленный 2-хъ-годичный срокъ со времени получения наслѣдства. Но нераздѣльные имѣнія въ коихъ части принадлежали высланнымъ изъ края, были освобождены отъ обязательной продажи, впредь до изданія особыхъ на этотъ предметъ правилъ, составленіе которыхъ замедлилось, и правила эти не были изданы до времени прекращенія всякихъ дѣлъ, возникшихъ по мятежу 1863 года, по особому всемилостивѣйшему милосердію въ 1873 году. Было разъяснено, что подъ выраженіемъ закона 10 декабря 1865 года «помѣщичьи имѣнія» надлежитъ разумѣть всякую земельную собственность, такъ какъ за прекращеніемъ обязательныхъ отношеній крестьянъ въ крайъ у же не могло быть помѣщичьихъ имѣній.

Законъ 10 декабря 1865 г., воспрещающій лицамъ польскаго происхожденія вновь пріобрѣтать поземельную собственность въ Западномъ крайѣ всякимъ инымъ путемъ, кромѣ наслѣдства по закону, возбудилъ вопросъ, на кого именно должно распространяться это запрещеніе, т. е. кого слѣдуетъ признавать поляками въ Западномъ крайѣ и кому не могутъ быть выдаваемы свидѣтельства, особо установленныя на право пріобрѣтенія поземельной собственности въ Западномъ крайѣ? На право же пріобрѣтенія имѣній подлежавшихъ обязательной продажѣ былъ установленъ особый видъ свидѣтельствъ, ровно какъ и на право пользованія льготами по положенію 5 марта 1864 года, выдаваемыя министромъ государственныхъ имуществъ. При различныхъ условіяхъ, для полученія каждаго свидѣтельства требовались особыя свѣдѣнія о каждомъ отдѣльномъ лицѣ, что конечно представляло немало затрудненій для лицъ, желающихъ получить свидѣтельства. При выдачѣ свидѣтельствъ на право пользованія льготами по положенію 5 марта 1864 года, отбирались особыя обязательства въ томъ, что воспользовавшіеся одною изъ льготъ подчиняются извѣстнымъ ограниченіямъ по отдачѣ тѣхъ имѣній въ аренду или въ управленіе лицамъ польскаго происхожденія и евреямъ; ограниченія эти имѣли болѣе видъ обязательства нравственнаго, чѣмъ юридическаго, такъ какъ отвѣтственности за нарушеніе принятыхъ на себя

себя обязательствъ не было установлено закономъ (какъ это было сдѣлано по казеннымъ имѣніямъ, проданнымъ по правиламъ инструкціи 23 іюля 1865 г.).

Съ другой стороны, законъ 10 декабря 1865 года, ограничивая права (по приобрѣтенію земельной собственности въ краѣ) значительной и зажиточной части туземнаго населенія, не могъ точно и вполне ясно разъяснить, на кого именно должно распространяться это ограниченіе. Конечно, никакой законъ не можетъ безошибочно опредѣлять принадлежность къ той или другой народности по однимъ внѣшнимъ признакамъ. Главному начальству края приходилось при выдачѣ свидѣтельствъ на право приобрѣтенія поземельной собственности основываться на полицейскихъ свѣдѣніяхъ, въ достовѣрности которыхъ въ столь трудномъ дѣлѣ можно было сомнѣваться. Обращаясь же къ соображеніямъ особой комисіи, выработавшей законъ 10 декабря 1865 года, оказывается что подъ словомъ «польскаго происхожденія» надлежитъ понимать не только поляковъ, но и западныхъ уроженцевъ, усвоившихъ себѣ польскую народность. Такимъ образомъ, почти вся мѣстная интеллигенція была признана польскою, и мѣстной полиціи приходилось опредѣлять народность во всякомъ дѣлѣ полученія правъ на приобрѣтеніе земельной собственности.

По этимъ причинамъ и до сего времени главнымъ образомъ принимается въ соображеніе вѣроисповѣданіе просителей, и только крестьянамъ латинскаго исповѣданія разрѣшается приобрѣтать поземельную собственность.

Болѣе ловкіе люди всегда находили возможнымъ обходить законъ 10 декабря 1865 г., приобрѣтая земельную собственность на чужое имя и обезпечивая свои права разными законными сдѣлками. Противъ этого борьба полицейскими мѣрами немислима, и законъ 10 декабря терялъ свое значеніе, въ особенности послѣ изыятія многихъ богатыхъ поляковъ отъ его дѣйствія, подъ предлогомъ ихъ политической благонадежности.

По изданіи закона 10 декабря настояла еще болѣе, чѣмъ прежде, необходимость способствовать привлеченію въ край новыхъ русскихъ землевладѣльцевъ.

Положеніемъ 5 марта 1864 г. постановлено было образовать, для выдачи ссудъ на покупку имѣній въ Западномъ краѣ, особый фондъ изъ суммъ, выручаемыхъ отъ продажи казенныхъ земель и оброчныхъ статей. Но на составленіе такого фонда въ достаточномъ, для достиженія правительственныхъ цѣлей, размѣрѣ, потребовалось бы немало времени, такъ какъ при тог-

дашнихъ экономическихъ условіяхъ невозможно было одновременно и съ выгодой для казны обратить въ продажу значительное количество казенныхъ имуществъ. Въ этихъ видахъ и для облегченія русскимъ людямъ получать ссуды подь приобретаемыя ими имѣнія въ Западномъ краѣ было, по докладу генералъ-адъютанта Зеленаго, высочайше повелѣно образовать особую комисію подь его, генерала Зеленаго, предсѣдательствомъ, для изысканія возможности удовлетворить вышеприведенныя потребности.

Комисія, не найдя возможнымъ, при обстоятельствахъ того времени, обращеніе выдачи ссудъ на средства государственнаго казначейства, признала полезнымъ: образовать особое учрежденіе по выдачѣ ссудъ на приобрѣтеніе имѣній въ Западномъ краѣ, которое могло бы привлечь въ этому дѣлу частные капиталы, съ предоставленіемъ ближайшаго участія въ семь дѣлъ самимъ покупателямъ имѣній, посредствомъ образованія изъ нихъ, при содѣйствіи правительства, особаго товарищества, при взаимной круговой поруцѣ. Составленный комисією, на изложенныхъ основаніяхъ, проектъ товарищества приобрѣтателей имѣній въ Западномъ краѣ, былъ, по соглашенію съ министромъ финансовъ, внесенъ министромъ государственныхъ имуществъ въ комитетъ министровъ и затѣмъ проектъ товарищества удостоился 10 августа 1866 г. высочайшаго утвержденія. Объ утвержденіи товарищества и о соображеніяхъ, вызвавшихъ его учрежденіе, было обнародовано въ указѣ правительствующаго сената отъ 17 августа 1866 года.

Правленіе новаго товарищества находилось въ С.-Петербургѣ, въ составъ его входили члены отъ разныхъ министерствъ, а ссудныя кассы находились въ городахъ Кіевѣ и Вильнѣ.

Взаимное поручительство всѣхъ заемщиковъ другъ за друга обезпечивало товарищество отъ всякихъ убытковъ и устанавливало прочныя взаимныя отношенія между новыми русскими землевладѣльцами, основанныя на экономическихъ основаніяхъ. Для первоначальныхъ оборотовъ было предоставлено товариществу изъ особыхъ источниковъ министерства государственныхъ имуществъ пять миліоновъ рублей. Оцѣнка имѣній для назначенія соразмѣрныхъ ссудъ отъ товарищества была возложена на служащихъ по мировымъ крестьянскимъ учрежденіямъ, пока не окажется на мѣстахъ членовъ заемщиковъ товарищества. Участіе въ дѣлахъ товарищества членовъ отъ разныхъ министерствъ должно было обезпечить правильное и законное направленіе дѣлъ.

Все обѣщало тогда прочное и плодотворное развитіе русскаго землевладѣнія въ Западномъ краѣ, но ужасное событіе 4 апрѣ-

ля 1866 года измѣнило во многомъ общее направленіе дѣлъ въ высшихъ правительственныхъ слояхъ. Вновь назначенный шефомъ жандармовъ графъ П. А. Шуваловъ сталъ приобретать все болѣе и болѣе значенія и вліянія. Новые сановники, съ другими взглядами на народно-русское дѣло, замѣняли постепенно прежнихъ дѣятелей. Вниманіе русскаго общества къ Западному краю, возбужденное мятежемъ 1863 г. и всѣми его темными вознями, стало понемногу ослабѣвать. Страданія западно-русскаго народа отъ вѣковаго гнета латино-шляхетства начали забываться, уступая новымъ, вопіющимъ потребностямъ русскаго народа. Зародыши внутренней крамолы обратили на себя вниманіе правительства и общества. Избранныя для борьбы съ нею средства, къ сожалѣнію, привели только къ большому ея развитію. Были пріостановлены преобразованія на народно-русскихъ началахъ. Органы печатнаго слова все болѣе и болѣе подвергались разнымъ ограниченіямъ.

Въ сентябрѣ 1866 г. К. П. Кауфманъ былъ отозванъ изъ Вильны и только что передъ этимъ назначенный прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ графъ Э. Т. Барановъ былъ призванъ управлять Сѣверо-Западнымъ краемъ.

Не болѣе полутора года находился К. П. Кауфманъ въ Вильнѣ.

Искренно желая слѣдовать по пути, избранному графомъ Муравьевымъ, К. П. Кауфманъ не обладалъ многими необходимыми качествами для столь важнаго и отвѣтственнаго мѣста. Почти всѣ служившіе при графѣ Муравьевѣ продолжали службу на своихъ мѣстахъ и при К. П. Кауфманѣ. При немъ особенное значеніе получилъ дѣйствительный статскій совѣтникъ А. А. Дервицкий, предсѣдательствовавшій въ разныхъ комисіяхъ, И. А. Зубковъ, управлявшій комисією по крестьянскимъ дѣламъ, В. Д. Левшинъ, управлявшій особою канцелярією по водворенію русскихъ землевладѣльцевъ. Вновь былъ назначенъ, въ самомъ концѣ, правителемъ общей генералъ-губернаторской канцеляріи бывшій директоръ нѣжинскаго князя Безбородко лицея Е. П. Стеблинъ-Каменскій.

Помощниковъ по управленію краемъ и войсками при К. П. Кауфманѣ не было.

Припоминая все сдѣланное въ столь короткое время управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ, нельзя не отнестись съ благодарнымъ воспоминаніемъ къ стремленіямъ К. П. Кауфмана содѣйствовать прежде всего успѣхамъ русскаго землевладѣнія

въ краѣ. Не говоря уже о томъ, что было начато при его предмѣстникѣ и что онъ продолжалъ въ томъ же направленіи, нужно сказать, что законъ 10 декабря 1865 г. и учрежденіе товарищества пріобрѣтателей имѣній въ Западномъ краѣ были исходатайствованы по его убѣдительнымъ представленіямъ. Онъ предполагалъ, что обложеніе процентнымъ сборомъ большинства польскихъ землевладѣльцевъ, увеличивающееся постепенно отъ освобожденія нѣкоторыхъ избранныхъ лицъ, а также выдача выкупныхъ за крестьянскій надѣлъ ссудъ на общемъ основаніи только тѣмъ изъ польскихъ пановъ, кои продадутъ всѣ свои имѣнія въ краѣ, побудитъ многихъ продавать свои имѣнія въ сѣверо-западныхъ областяхъ. Но въ этомъ онъ сильно ошибался, какъ я буду далѣе подробнѣе говорить.

Неудачное обращеніе въ православіе и неуспѣшное веденіе крестьянскаго дѣла и водворенія русскихъ поселенцевъ были послѣдствіемъ его чрезмѣрной довѣрчивости и канцелярскаго отношенія къ дѣлу. Въ своихъ работахъ онъ слишкомъ вдавался въ подробности и мелочи, отвлекающія отъ существа дѣла. Нѣкоторые неосторожныя дѣйствія подали поводъ его многочисленнымъ врагамъ дѣйствовать успѣшно противъ него. Но увлекаясь иногда несбыточными надеждами, К. П. Кауфманъ, какъ многіе безусловно честные люди, вѣрилъ въ торжество добра и правды надъ зломъ и ложью.

Безпристрастная исторія воздастъ должное К. П. Кауфману и произнесетъ нелицеприятный приговоръ надъ его политическими врагами.

П. Морозовъ

(Продолженіе будетъ..)

ИДЕАЛИСТЫ.

ПОВѢСТЬ

ЯНА ЛЯМА.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Пословица «утро вечера мудренѣй» не оправдалась на Карлѣ, да и не могла оправдаться; она касается спящихъ ночью, а непосвящающихъ этому дѣлу цѣлый день. Поэтому, вѣроятно, по разъ заведенному обычаю, Карлъ, проснувшись, былъ очень не въ духѣ; глубокое молчаніе царило вокругъ, когда онъ мѣрно пилъ свой кофе; никому не хотѣлось начать разговоръ съ грознымъ домашнимъ Юпитеромъ и навлекать на себя его громы. Теперь, правда, повсюду вкоренилось ложное убѣжденіе, будто Зевсъ-громовержець былъ подъ башмакомъ у Юноны; этотъ взглядъ на олимпійскія отношенія распространили своими оперетами Мельякъ, Галеви и Оффенбахъ. Кто же читалъ Гомера, тотъ знаетъ навѣрное, что отецъ боговъ прекрасно поддерживалъ домашнюю дисциплину.

Вкусивъ амброзіи и окутавшись облакомъ дыма, Зевсъ окинулъ все болѣе благосклоннымъ взоромъ и изволилъ спросить: гдѣ дѣти?

— Вышли на минутку въ садъ, тревожно отвѣчала пани Леокадія, — сейчасъ вернутся.

— Какъ? одни? загремѣлъ олимпіецъ.

— Я не могла... я знала, что ты проснешься и спросишь кофе. Съ ними пошелъ панъ Ролинскій.

— Который разъ слышу я: «съ ними пошелъ?!» Нѣтъ что ли у Ролинскаго другаго дѣла, какъ гулять съ дѣтьми и Еленой! Что жъ по твоему для взрослыхъ барышень лучшаго спутника, какъ Ролинскій, и желать нечего? Онъ вѣдь юнецъ, вертопрахъ.

— Что же дѣлать? Ты самъ вѣдь и слышать не хотѣлъ ни объ учительницѣ, ни о гувернанткѣ. Учатся же наши барышни у Ролинскаго геометріи и рисованію, у Финеля исторіи, у Джанелли языкамъ, музыкѣ у Черскаго? Почему не ходитъ имъ гулять съ ними? Правда, предлагала мнѣ свои услуги Тщетакевичова....

— Да избавить насъ Богъ отъ этой вѣдьмы! Слышать о ней не хочу!

— Я ее не просила; но нельзя же прогнать, когда приходитъ. Она была только сегодня, и все жалуется. Несчастливая, право, женщина.

— Что, цѣната вседохнуть?

— Брось эти шутки! У нея столько горя съ племянницей. Этотъ Згожельскій столько лѣтъ водить ее за носъ и до сихъ поръ даже не посватался. Ванда отказалась отъ нѣсколькихъ хорошихъ партій, все ждетъ, а между тѣмъ года.... Видитъ Богъ, во всемъ виновата Замецкая.

— Замецкая? Не помню, говорилъ ли я тебѣ, но вѣдь Елена взяла къ себѣ Ванду съ намѣреніемъ прогнать эту глупую страстишку.

— Такъ-то такъ, а между тѣмъ.... ну ужъ не буду; я знаю, ты не любишь бабьихъ сплетень.

— А сегодня люблю. Расскажи все, что ты слышала. Вы, бабы, готовы сами присочинить половину того, что говорите о другихъ, а потому бываетъ нужно иной разъ подрѣзать крылышки даже самымъ правдивымъ сплетницамъ. Ну говори, что ты знаешь?

Пани Леокадія съ удовольствіемъ привязалась къ случаю облегчить передъ мужемъ свою душу и вмѣстѣ съ тѣмъ отвлечь его вниманіе отъ домашнихъ, болѣе щекотливыхъ вопросовъ.

— Признаться сказать, начала она, — мнѣ даже не вѣрится всему, что наплела Тщетакевичова. Она увѣряетъ, будто За-

медкая влѣзла Вандѣ въ душу, притворяется что мирволить ей пашнямъ, всѣми мѣрами старается, чтобы дѣвушка только и думала о Згожельскомъ, а между тѣмъ...

— Что между тѣмъ?

— Тутъ-то мнѣ и не вѣрится. Развѣ женщина немолодая, такъ многимъ обязанная своему мужу, можетъ рѣшиться на такой низкій обманъ? Просто вымыселъ Тщетецакевичовой... такой у нея злой язычокъ! Не стоитъ повторять.

— А по моему стоитъ! Говори сейчасъ, что еще выдумала Тщетецакевичова?

— Будто... будто сватовство Згожельскаго только предлогъ бывать у Замецкихъ; будто онъ ухаживаетъ совсѣмъ не за Вандой... Но я не вѣрю... вѣдь если-бы даже Елена такъ исподнилась, такъ забыла о своемъ долгѣ, самъ Тадеушъ не спѣлъ же! Да и Ванда, увидѣвъ, что ее водятъ за носъ, бросила бы Згожельскаго...

— Да, положимъ... Но, въ концѣ концовъ, Згожельскій бываетъ у Замецкихъ?

— О, конечно! Встрѣчается съ ними за границей, навѣщаетъ и въ городѣ, а когда въ деревнѣ, то сидитъ въ Рымишовѣ чуть не день деньской.

— И такъ, чѣмъ менѣе довѣряться оптимизму, тѣмъ лучше. Когда Елена увѣряла, что не потерпитъ посѣщеній Згожельскаго, а вѣрилъ ей... А впрочемъ, кто ее знаетъ? Можетъ быть и у нея, какъ у большинства женщинъ, есть страстишка сватать? Трудно допустить съ ея стороны возможность любви къ человеку, къ которому она можетъ питать только презрѣнiе.

Пани Скрыптовичова горячо подхватила мысль мужа и Карлъ съ спокойнымъ духомъ принялъ ее за аксиому; онъ зналъ, что жена его говоритъ всегда то, что чувствуетъ, а потому, питая сильное пристрастiе къ нѣмецкимъ умозаключенiямъ, отъ отдѣльных фактовъ восходитъ до общей истины, онъ заключилъ, что такъ какъ его жена не въ силахъ была бы полюбить лишеннаго всякихъ нравственныхъ совершенствъ и даже немогущаго импонировать своимъ общественнымъ положенiемъ мужчине, то и всякая женщина неспособна при такихъ условiяхъ на нѣчто подобное. Ходъ мыслей невольно натолкнулъ его на Тщетецакевичову и вызвалъ новый взрывъ негодованiя на неумѣстные визиты.

— А хуже всего, что такая сплетница сейчасъ все пронюхаетъ и распишетъ на славу. Узнай она только, что ты пускаешь дѣвочекъ гулять съ Ролинскимъ, увидишь, что она намъ преподнесетъ! Покорнѣйше прошу, чтобы это не повторялось.

— А все-таки, Карль...

— Пожалуйста безъ все-таки! Не «все-таки», а потому что я не хочу, не хочу! и basta! Конецъ этимъ прогулкамъ! Пусть дѣвочки гуляютъ съ тобой или сидятъ дома! Не позволяю и запрещаю!

— И дѣвочекъ нельзя запирать въ клетку возразила пани Скрыптовичова такъ смѣло, что въ первую минуту Скрыптовичъ совсѣмъ оторопѣлъ.— Вотъ ты и слушать не хотѣлъ о какойнибудь барынѣ, которая занялась бы хозяйствомъ; отъ гувернантокъ ты руками и ногами... Всѣ уроки поручилъ мужчинамъ. Съ одной стороны и хорошо: барышни мои скоро сами станутъ книги писать; но съ другой...

Что съ другой?

— А то, что не моя вина, если Елена влюбилась въ Ролинскаго. Онъ себѣ ничего, не глупъ; только, кажется, не особенно благоволитъ къ ней, а то, кто знаетъ, была бы парочка. Нехорошо, положимъ, и не по-христіански отъерещивать бѣду на сосѣда, а все-же я рада, что это не случилось съ которойнибудь изъ моихъ дочерей. Слава Богу, панъ Финкель шепелявить, панъ Черскій такъ неуклюжъ, что дѣвочки надъ нимъ потѣшаются, а Джанелли старъ и женатъ... За то Ролинскій можетъ понравиться и понравится Леночкѣ. Ты вѣдь не могъ не замѣтить, какъ она измѣнилась, какъ груститъ и мечтаетъ. Въ свободное время забьется въ свой уголокъ и пишетъ дневникъ; я перехватила два листика; на, читай!

Карль, точно ошпаренный, взялъ у жены этотъ *coprus delicti* и прочелъ:

« Вячеславъ также сиротка. Онъ рассказывалъ намъ вчера, что девяти лѣтъ остался безъ крова и хлѣба. Отецъ его былъ вдовый русскій попъ; когда онъ умеръ, преемникъ выгналъ сиротку на улицу. Вячеславъ весь день бродилъ по селу, но не смѣлъ признаться, что голоденъ и попросить поѣсть. Подъ вечеръ онъ заснулъ подъ плетнемъ на травѣ, возлѣ самой дороги. Отъ голода и холода онъ схватилъ лихорадку и снилось ему въ бреду, что ангелъ небесный несетъ его съ собой, укладываетъ въ теплую постельку, а кругомъ слышится голосъ органовъ... Какъ пречудесно онъ рассказываетъ! Мнѣ казалось, что я дѣйствительно вижу сонмъ ангеловъ, которые поютъ «осанна» и несутъ на крыльяхъ бѣднаго мальчика. Какой онъ былъ бѣдный! Гораздо бѣднѣе меня! Нянька у меня была злая и все била меня, но не мѣшала погрѣться въ хатѣ. Но и ему, какъ мнѣ, не пустая снилась сказка. Онъ, дѣйствительно, проснулся въ постелькѣ; подлѣ

него былъ докторъ, давалъ ему лекарства; а ангеломъ, спасшимъ его отъ дождя и холода, былъ старый ксендзъ изъ сосѣдней деревни, который воспиталъ его какъ сына. Я хорошо помню какъ звали ксендза; его звали Хижицкій. Онъ также, вѣрно, добрый человекъ; таковой же добрый, какъ панъ Замецкій и какъ дядя Карлъ, и какъ тетя, и какъ всѣ. Боже! сколько на свѣтѣ добрыхъ людей! Пусть жалуются, что ихъ мало, а вотъ сирота всегда находитъ пріютъ и ласку. Кто знаетъ, если-бы Вячеславъ зналъ, сколько общаго въ нашей судьбѣ, онъ любилъ бы меня, какъ я его. Я не смѣла рассказать ему; тетя не любитъ, чтобы я вспоминала объ этомъ; въ тому-жъ я расплакалась. Тетя цѣловала и обнимала меня; она поняла, что во мнѣ происходило. Но она отгадала не все; я плакала не надъ однимъ своимъ горемъ, но вообще о всѣхъ, кого некому любить, которые только позже, гораздо позже находятъ близкихъ своему сердцу и понимаютъ, что значить любить... А можетъ быть и совсѣмъ не находятъ! О, если-бы Вячеславъ догадался...»

— Тысяча херувимовъ и серафимовъ! воскликнулъ панъ Карлъ;—ужъ эти мнѣ дѣвочки! Чуть изъ пеленокъ—и влюбляются. *Cognis delicti* такъ ясенъ и наивенъ, что я просто не знаю что дѣлать!... А, что-бъ васъ! Направо, налѣво, всѣ только влюбляются! Какъ тутъ быть? Особенно, если господчикъ твой не раздѣляетъ чувствъ Елены?

— Т. е. онъ ничѣмъ ихъ передъ ней не обнаружилъ.

— Ну... это говорить въ его пользу. Вѣдь онъ знаетъ, какое за Леночкой приданое?

— Нѣтъ не знаетъ. Она и сама не знаетъ; вѣдь ты велѣлъ скрывать. Но при чемъ-же тутъ приданое?

— А при томъ, что я не люблю молодчиковъ, которые сердцемъ чуютъ гдѣ больше денегъ и направляютъ туда всѣ свои нѣжныя чувства. Кто любить—долженъ жениться; а кто женится, у того долженъ быть кусокъ хлѣба, чтобы подѣлиться съ женой. Я глубоко уважаю древній обычай нѣкоторыхъ странъ, въ силу котораго въ приданое давали только тряпки.

— Слѣдуя твоимъ правиламъ, всѣ богатые нѣвѣсты оставались бы въ дѣвкахъ.

— И были бы счастливыѣй, чѣмъ съ купленными за деньги мужьями. Какъ бы то ни было, а надо вмѣшаться въ дѣло Леночки и разъяснить все, пока не поздно.

— Помилуй, твое вмѣшательство будетъ такъ грубо, такъ не кстати.

— Вижу, что вы, милостивая государыня, считаете своего

мужа медвѣдемъ изъ Бѣловѣжской пуши. Пусть такъ! Но если Ролинскій не любитъ Елены, признайся, что лучше поскорѣй положить конецъ ея мечтамъ и помѣшать ей видѣться съ предметомъ ея любви.

Въ эту минуту влетѣли въ комнату нѣсколько очень молодыхъ и болтливыхъ барышень, въ сопровожденіи молодого, статнаго и красиваго мушкетера, о которомъ пани Скрыптовичъ недавно еще отозвалась, что «онъ ничего себѣ». Скрыптовичъ подалъ ему руку и пошелъ въ свою комнату, а жена его занялась приготовленіемъ чая для возвратившихся съ прогулки дѣтей. Елена торопливо стала прибирать и прятать въ ящикъ всѣ свои бумаги, но тутъ, какъ нарочно, вывалился у нея листокъ, видимо бывшій предметомъ ея особенной заботы. Она мигомъ нагнулась за нимъ, но Вячеславъ успѣлъ предупредить ее и поднять бумажку. Елена стала просить и умолять отдать плодъ своей глупой фантазіи, какъ она называла рисунокъ, долго настаивала и, вѣроятно, въ концѣ концовъ, поставила бы на своемъ, если-бы Вячеславу не помогли дочери Скрыптовича. Самъ Скрыптовичъ молча слѣдилъ за сценой сквозь полукрѣпленную дверь; такъ какъ онъ успѣлъ проспать, то глаза его прекрасно разглядѣли бумажку. Рисунокъ былъ ни оригиналенъ, ни особенно хорошъ; онъ походилъ на тысячи виньетокъ нѣмецкихъ и французскихъ «Reveries du soir» и представлялъ мальчика, окруженнаго сонмомъ ангеловъ и безконечнымъ множествомъ пухлыхъ облачковъ. Единственной замѣчательной чертой было странное обстоятельство, что мальчикъ какъ двѣ капли воды походилъ на Ролинскаго, только безъ усовъ, а одинъ изъ ангеловъ, обличавшій несомнѣнное желаніе поцѣловать этого мальчика въ лобъ, имѣлъ очень подозрительное сходство съ профилемъ самой Леночки.

Дѣвушка покраснѣла; она сильно протестовала противъ разсматриванія «этой мазни», а лицо Вячеслава выражало такую глубокую думу, что онъ только черезъ нѣсколько секундъ вынырнулъ изъ туманнаго моря, въ которое погрузилась душа его, что впрочемъ весьма понятно, такъ какъ на облака не пожалѣли въ рисунокѣ ни черной, ни бѣлой туши.

Панъ Скрыптовичъ скрылся въ своей комнатѣ на весь вечеръ. Что-же касается прочихъ дѣйствующихъ лицъ вышеописанной сцены, то я могу навѣрное сказать только одно: что во всемъ городѣ не было юноши, который занимался бы въ этотъ вечеръ математикой такъ разсѣяннo, какъ Вячеславъ, а черные глаза Леночки обнаруживали полное отсутствіе всякаго присутствія. Панъ Скрыптовичъ видѣлъ только Леночку,

а Вячеслава не видѣлъ, и потому твердо остался при прежнемъ намѣреніи.

Белетристика всѣхъ цивилизованныхъ народовъ разрослась въ настоящее время до такихъ размѣровъ и такъ усердно занималась и занимается анализомъ одного и того же чувства, что пришлось бы повторить исторію многихъ тысячъ героинь, чтобы рассказать происходившее въ головѣ и на сердцѣ Елены. Нескромность ея опекуновъ, которые вытащили на свѣтъ Божій таковой секретный документъ, какъ дневникъ Елены, избавила меня отчасти отъ лишняго труда.

Во первыхъ, намъ стало ясно, что Елена должна была влюбиться въ Вячеслава, такъ-же, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ должна была перенести корь и коклюшъ, и какъ путешественники изъ Дувра въ Кале непременно должны перетерпѣть морскую болѣзнь. А тѣ, которые пріѣхали нѣсколько днями ранѣе, удивляются несчастному виду и терзающимъ сердце взорамъ новоприбывшихъ; они уже забыли о своей болѣзни и не понимаютъ, какъ возможно падать духомъ и просить у Бога смерти потому только, что пароходъ немного качаетъ? Никто еще не умеръ отъ морской болѣзни, никто не умеръ и отъ любви; пусть сравненіе кажется тривіальнымъ, но я смѣю утверждать, что сходство между болѣзнями идетъ еще гораздо далѣе. Морская болѣзнь очень хорошо дѣйствуетъ на организмъ; всякіе желудочные катары исчезаютъ, пациенты ѣдятъ съ необыкновеннымъ аппетитомъ и отличаются цвѣтущимъ здоровьемъ и веселымъ настроеніемъ духа. Потому-то вѣроатно и забываютъ они такъ легко о непріятностяхъ морскаго путешествія и такъ охотно смѣются надъ блѣдными, истерзанными и павшими духомъ новичками.

Не то ли же бываетъ съ любовью? Когда болѣзнь прошла, восстанавливается равновѣсіе между умомъ и сердцемъ, является, пожалуй, даже здоровый, нравственный аппетитъ. Когда любовь вся выгорѣла, всякія впечатлѣнія воспринимаются живѣе и глубже, а ничѣмъ незанятый умъ взвѣшиваетъ и оцѣниваетъ ихъ по достоинству; прямымъ послѣдствіемъ бываетъ спокойное настроеніе духа и невозмутимое хладнокровіе, съ которымъ глядишь на людей, не пережившихъ этой болѣзни. Паралель можно провести и дальше: подобно тому, какъ есть природы, не поддающіяся головокруженію даже въ самый разгаръ стихійнаго урагана, природы, точно предназначенныя для борьбы съ непріятельскими флотами, такъ точно и на сушѣ встрѣчаются существа, впередъ застрахованныя отъ чувства, которое я осмѣлился

сравнить съ морскою болѣзнію; но къ числу такихъ существъ ни въ какомъ случаѣ не принадлежатъ шестнадцатилѣтнія барышни, особенно же воспитанныя въ духѣ Елены Гродецкой и съ малыхъ лѣтъ окруженныя нѣжною материнскою опекою.

Воспитаніе Елены было, впрочемъ, далеко не «модное» и въ кругъ его входили не одни только традиціонныя «фортепiano, кадрили и *parlez vous français*»; изъ разговора пана и пани Скрыптовичъ мы знаемъ, что барышни ихъ очень систематично учились весьма многому; за послѣднее время это, слава Богу, уже не новость.

Читали онѣ также достаточно, частію все, что попадалось подъ руку, частію же по указанію Скрыптовича; танцовали, ржались и кокетничали ни больше, ни меньше, сколько нужно женщинамъ и барышнямъ. Нужно замѣтить, встаетъ, что кокетство кокетству рознь; много значать и цѣли, и средства его. Однѣ непремѣнно требуютъ шелка и кружевъ, жемчугъ и злато, чтобы ослѣпить всѣхъ и вся, нагнать на женщинъ желто-зеленую зависть, а на мужчинъ нѣмое отчаяніе; другія довольствуются всякой хорошенькой, ловко скроенной обновкой, и соперничество вовсе не входитъ въ кругъ ихъ расчетовъ. Правда, и этимъ послѣднимъ также хочется правиться всѣмъ; но онѣ не претендуютъ на безусловное господство въ кругу своихъ соперницъ, не желаютъ, во что бы то ни стало, окружить себя толпою колѣнопреклоненныхъ безнадежныхъ воздыхателей; если онѣ и стараются обратить на себя вниманіе привыкшаго къ лакейству прекраснаго пола, то отнюдь не мечтаютъ играть роль натертой сукномъ гутаперчевой палочки, способной притягивать и сталкивать бузинныхъ болванчиковъ. Мечта ихъ—найти одного покорнаго раба, поморить его немножко, а потомъ отдаться на всю жизнь на его милость и казнь, позволить командовать и распоряжаться собою по произволу даже такому невзрачному коротышу, какъ Скрыптовичъ, съ такой же, какъ у него, обширною лысиною, посреди которой, какъ курганъ въ степи, возвышается большой желвакъ. Я забылъ раньше упомянуть объ этомъ головномъ украшеніи пана Скрыптовича; друзья приписывали его вулканическимъ силамъ мозговъ; они утверждали, что накопившіяся въ его головѣ мысли, не находя себѣ выхода втеченіи длинныхъ, посвященныхъ Морфею дней, образовали на темени подобный вулканъ и кратеръ. А все же пани Леокадія любила своего мужа; терпѣливо переносила она его капризы, пугалась, когда онъ кашлялъ или жаловался на головную боль, и умилялась, если ему случилось вспомнить, что женѣ нужно башмаки или шляпка.

Подобныя женщины составляютъ загадку человѣческой природы; загадочнѣе же всего, что находятся барышни, жаждущія подобной участи. Онѣ и находятся; но каждой—ея Скрыптовичъ кажется лучше всѣхъ; для нея онъ Антиной, добрый какъ ангель. Для Леночки онъ долженъ быть похожъ на Вячеслава Ролинскаго; жизнь съ нимъ, даже если-бы онъ вѣчно спалъ и ворчалъ, была бы раемъ; но нѣтъ! онъ вѣдь не спалъ бы! А если-бы разворчался, Леночка прильнула бы къ нему головою и слушала бы. У него такой пріятный голосъ; а когда онъ сердитъ или взволнованъ, онъ говоритъ такъ хорошо, такъ благородно! Какія у него тогда возвышенныя мысли!

Все, что я говорю, только перифраза замѣтокъ и мыслей изъ дневника Елены, попавшагося въ руки пани Леокаді; дневникъ хранился въ ящикѣ, подъ всѣми прочими бумажками и тетрадами, а въ ящикѣ была щель, черезъ которую листки провалились, а потомъ, тѣмъ же путемъ, были всунуты обратно. Пани Леокаді ничего не сказала Еленѣ; она только обнимала и цѣловала ее, между тѣмъ, какъ обѣ ея дочери были посвящены во всѣ планы и подолгу перешептывались, по вечерамъ, о всякой мелочной подробности романа. Франя ¹⁾ и Аделя мечтали даже о платьяхъ, въ которыхъ будутъ фигурировать въ качествѣ подружекъ невѣсты, но мечтали про себя, чтобы не огорчать Леночку. А Леночка не догадывалась! Она была такъ, такъ увѣрена, такъ безнадежно увѣрена, что Вячеславъ не любитъ ея, что разъ, когда сестры вслухъ строили воздушныя замки, горько-прегорько расплакалась. Напрасно сообщали онѣ ей свои наблюденія, изъ которыхъ было ясно, какъ дважды два четыре, что Вячеславъ далеко къ ней неравнодушенъ. Онъ такъ любитъ разговаривать съ ней, такъ весель, когда она тутъ, такъ задумчивъ, когда ея нѣтъ; когда онъ говоритъ, то обращается только къ ней и голосъ у него тогда такой задушевный.

Что-жъ изъ этого? Вѣдь она, Леночка, едва-едва смѣетъ говорить съ нимъ, краснѣетъ при малѣйшемъ намекѣ на чувство, если намекъ этотъ даже невольно проскользнетъ между словами. Сердце у нея сильно бьется, когда его ждуть; при неожиданной встрѣчѣ ей становится дурно; а говорить и думать о немъ она рѣшается только, когда его нѣтъ! О, если-бы Вячеславъ любилъ ее, съ нимъ было бы то же! А онъ такъ свободно говоритъ съ нею, такъ беззащѣнно подаетъ ей, гуляя, руку!

¹⁾ Франя—уменьшительное отъ Франциска.

Елена не знала, что Франя и Аделя всегда ухитрялись заставить Вячеслава подать Леночку руку; она не догадывалась, что дрожь наслаждения, которая пробѣгала приятно по всѣмъ ея жилкамъ и заставляла плясать и вертѣться вокругъ ея бѣдной, очарованной головки дерева, людей и камня, не такъ сильно дѣйствуетъ на мужской организмъ! О, ей было ясно, какъ день... нѣтъ, нѣтъ, безъ слезъ она и вспомнить не могла объ этомъ!

Но на другой день, послѣ случая съ рисункомъ, произошло нѣчто особенно важное. Послѣ урока, Вячеславъ совершенно равнодушно попросилъ Елену дать ему рисунокъ; тамъ надо было кое-что поправить. Она, конечно, покраснѣла, какъ только можетъ покраснѣть шестнадцатилѣтняя невинность; покраснѣла тѣмъ румянцемъ, который, понемногу, переходитъ въ область преданій, но покрывалъ когда-то лицо, шею, руки, грудь, мѣшало глядѣть и слышать. Она не могла и не хотѣла дать рисунка, даже плакала и отчаявалась при мысли, что будетъ думать о ней Ролинскій.

Но тотъ сталъ просить все нѣжнѣе и нѣжнѣе, Франя и Аделя присоединились къ его просьбамъ и бросали другъ другу ликующіе взгляды... однако Елена не дала рисунка.

Тогда Франя и Аделя занялись чѣмъ-то въ другой комнатѣ, а Елена стояла около своего столика, опустивъ глаза и чувствуя, что вотъ-вотъ заплачетъ; но она ни за что не хотѣла плакать и до крови закусывала губы. Тогда Вячеславъ еще разъ подошелъ къ ней, тихо, тихо попросилъ рисунокъ, побѣдилъ, и о, предатель! поцѣловалъ ей руку, а потомъ и рисунокъ, тамъ гдѣ была головка ангела. И все!.. По крайней мѣрѣ Елена ничего больше не помнила; только Франя и Аделя были необыкновенно веселы, хохотали и кричали, цѣловали и обнимали ее, а потомъ завертѣли въ такомъ вихрѣ самозобрѣтенныхъ танцевъ, что вся мебель заплясала кругомъ... и только, только... но вмѣстѣ съ тѣмъ очень много.

Но былъ человѣкъ, который давно пережилъ морскую болѣзнь, такъ давно, что даже не признавалъ за ней права существованія. Это былъ самъ панъ Скриптовичъ, также, по своему, любившій Леночку. Онъ не зналъ Вячеслава ближе, но зналъ, какъ легко сходятъ дѣвицы съ ума изъ-за людей совершенно негодныхъ. Во всякомъ случаѣ ему показалось, что двухчасовой ежедневный урокъ, потомъ прогулка и чай, болѣе чѣмъ достаточны для укрѣпленія нѣжныхъ чувствъ, питаемыхъ одной стороной, или обоюдно. А потому панъ Скриптовичъ рѣшился

поговорить съ Вячеславомъ, постараться узнать, пораспросить его, отнюдь не запрещая ему притомъ любить Елену, но во всякомъ случаѣ устранить ежедневныя посѣщенія. И такъ, дня два спустя послѣ знаменательной минуты, пока еще ни одна изъ заинтересованныхъ сторонъ не успѣла придти въ себя отъ радости, одна потому, что попросили рисунокъ и такъ съ нимъ поступили, другой потому, что рисунокъ дали, сопровождая актъ отдачи взглядомъ, ясно говорившимъ «недобивай меня!» — панъ Скрыптовичъ раннимъ утромъ, порядкомъ предварительно выспавшись, неожиданно появился въ комнатѣ Вячеслава.

Комнатка была маленькая, чистенькая, и все въ ней говорило, что жилецъ любитъ порядокъ, науку и панну Елену Гродецкую, потому что надъ всѣми книгами, бумагами, рисунками, въ порядкѣ разставленною мебелью и вовсе не по-студентски постланною постелью царила, не скажу чья, фотографія въ рамкѣ и подъ стекломъ, и притомъ въ такихъ размѣрахъ, что могла помѣститься на сердцѣ, но никакъ не въ сердцѣ, потому что головка была въ естественный ростъ.

«Славно! подумалъ Скрыптовичъ. — Правда, всѣ онѣ снимались, но въ кабинетномъ форматѣ; молодчикъ, видно, самъ позаботился о такой карточкѣ, да и повѣсилъ надъ постелью, чтобы хвастать передъ товарищами. Не люблю!...»

— Здравствуйте, господинъ Ролинскій! громко перебилъ онъ самъ себя. — Вы, вѣроятно, удивляетесь, что я уже всталъ въ такую пору? Не бойтесь! До свѣтопредставленія далеко и послѣ обѣда я опять лягу. Я и пишу, и работаю по ночамъ, а днемъ высыпаюсь; мнѣ кажется, что напрасно говорятъ, будто мой образъ жизни не согласенъ съ законами природы; если бы всѣ люди вставали утромъ, ложились вечеромъ, нельзя бы было жить въ странахъ, гдѣ день и ночь длятся по три мѣсяца. Кто знаетъ? Можетъ быть и на полюсѣ есть обитаемый клочекъ земли, а тамъ вѣдь ночь длится шесть мѣсяцевъ. Когда я ложусь, солнце садится въ Санъ-Франциско и Гонолулу; такимъ образомъ знаніе географіи разсѣиваетъ много предрасудковъ. Если-бы Коперникъ жилъ въ наше время и видѣлъ бы какъ подъ 75° широты солнце не восходитъ и не заходитъ, а цѣлыми днями ходитъ вокругъ земли, а потомъ совсѣмъ исчезаетъ надолго, не было бы ни малѣйшей съ его стороны заслуги утверждать, что солнце не бѣгаетъ вокругъ земли всякіе 24 часа. Вы, какъ я вижу, готовитесь въ экзаменамъ?

— Я сдалъ уже всѣ экзамены; теперь надо подумать о

дальнѣйшей разработкѣ моей специальности. Приходится ѣхать за границу, вздохнуть Вячеславъ.

— Само собою разумѣется! У насъ есть, кажется, двадцать каедръ, съ которыхъ поучаютъ юношество, что предки негровъ и индѣйцевъ, незнавшіе объ Іисусѣ Христѣ до пришествія Васко-де-Гама и Колумба, отправятся за это незнаніе прямо хонько въ адъ, а Торквемада и Арбуэць въ рай; но за то у насъ нѣтъ ни одной каедры технической химіи. Вы, кажется, исключительно занимаетесь химіею?

— О, нѣтъ! Но я особенно люблю эту науку. Трудно найти кусокъ хлѣба съ одною только химіею. Вѣроятно придется быть путейскимъ инженеромъ.

— Хапнуть и потомъ жениться, да? спросилъ панъ Карль, искоса взглянувъ на Леночкину карточку и видимо упиваясь молчаніемъ и крайнимъ смущеніемъ Вячеслава. — Послушайте, продолжалъ Скрыптовичъ, — я пришелъ поговорить о щекотливомъ дѣлѣ.

— Я къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ Вячеславъ, который, между прочимъ, очень не жаловалъ Скрыптовича, сердился на незваннаго гостя и мысленно называлъ его лѣнтаемъ и образиной.

Приступивъ къ дѣлу, Карль вспомнилъ, что собирался составить дома цѣлую рѣчь, но позабылъ ее, а потому, не зная съ чего начать, началъ какъ Богъ на душу положилъ.

— Вотъ вижу я у васъ портретъ моей воспитанницы; сама она вамъ его презентовала?

Вячеславъ покраснѣлъ.

— Нѣтъ... т. е. — заикаясь отвѣчалъ онъ — панна Елена дала мнѣ позволеніе взять одну карточку, когда я ходилъ за ними къ фотографу; я и велѣлъ передѣлать ее въ большомъ форматѣ; маленькія были такъ непохожи.

— Вотъ эта, напротивъ того... А что, какъ вы думаете, форматъ вѣдь не слишкомъ удобенъ? Богъ ихъ знаетъ, какой къ вамъ ходитъ народъ.

— Вячеславъ вспыхнулъ, но не отъ замѣшательства.

— Позвольте замѣтить вамъ, милостивый государь, что Богъ знаетъ какой народъ ко мнѣ не ходитъ; мои друзья не станутъ дѣлать какихъ нибудь преположеній о причинахъ существованія этого портрета, а кромѣ друзей у меня никто не бываетъ.

— Но все же, можетъ случиться. Да вотъ, кстати, пого-

воримъ прямо о томъ, зачѣмъ я пришелъ. Вы вѣдь знаете, что я опекунъ Елены, и что она сиротка?

«Ага! явился читать мнѣ нотаци, хочеть отказать мнѣ отъ дома, подумалъ Вячеславъ,—уродъ эдакій! Не уступлю, ни за что!» рѣшилъ онъ въ умѣ.

— Да, я знаю, милостивый государь, что вы опекунъ панны Елены, и знаю, что она сиротка.

Съ людьми, которые выбрасываютъ порой за окно тарелки съ супомъ можно еще, пожалуй, поладить, когда они въ духѣ; въ другое же время малѣйшій жестъ, пустѣйшее слово выводить ихъ изъ себя. Какъ только Вячеславъ подумалъ, что Скрыптовичъ уродъ, что онъ ему ни за что не уступитъ, лицо его приняло необыкновенно суровое выраженіе; панъ Барль въ свою очередь глядѣлъ на Вячеслава съ неменьшимъ неудовольствіемъ, и думалъ про него, что онъ невѣжа, нахаль, что его не мѣшаетъ пробовать.

— Да, я опекунъ панны Елены, повторилъ панъ Скрыптовичъ. — Елена въ такихъ лѣтахъ, что почти можетъ выйти замужь, а потому приходится обращать должное вниманіе какъ на ея склонности, такъ и на нѣвоторныя, условно принятыя свѣтомъ мелочи; а потому, скажу вамъ что... тутъ Скрыптовичъ остановился и видимо желая придать всему разговору фамиллярно-добродушный тонъ, прибавилъ: что вы баламутите барышню.

— Милостивый государь, живо возразилъ, становясь въ позытуру Вячеславъ,—я ничѣмъ не подавалъ вамъ повода дѣлать мнѣ подобныя упреки; а что касается моихъ мыслей и чувствъ, я въ нихъ воленъ и никому не обязанъ отдавать отчета. Я бѣдный сирота, и пока будущность моя не будетъ обезпечена, я ничѣмъ не обнаружу передъ панной Еленой моихъ сокровенныхъ желаній. Если когда либо я буду просить взаимности и найду ее, я буду очень счастливъ; но выраженіе, вами употребленное, неумѣстно, милостивый государь; панны Елены баламутить нельзя, милостивый государь, и я не изъ тѣхъ, милостивый государь, которые осмѣливаются сопоставить ея имя и слово баламутить. Всѣ ваши наставленія были совершенно изляшни; такъ-то-съ, милостивый государь!

— А вы-съ, милостивый государь, забываете, что я опекунъ панны Елены?

— А вы, милостивый государь, слишкомъ часто напоминаете, что вы ея благодѣтель. Благодѣанія и опека, милостивый государь, отнюдь не даютъ вамъ права употреблять унижительныя

для нея выраженія; сверхъ того, не думаю, что прилично хвастать тѣмъ, что сдѣлано для сиротки. И у меня есть опекунъ, которому я всѣмъ обязанъ; но онъ не попрекаетъ меня на каждомъ словѣ.

— Что это вы, милѣйшій, вздумали мнѣ проповѣдывать? Я говорилъ про опекуна, а не про благодѣянія. Леночкѣ моихъ благодѣяній не надо; у нея пятьдесятъ тысячъ приданого, а со временемъ она будетъ богатѣйшей наслѣдницей, а мужъ ея Рымшовскимъ паномъ. Вы, небось, оттуда; знаете чѣмъ это пахнетъ? Съ процентами—шестьдесятъ тысячъ годоваго дохода. Я тутъ не причемъ; интересуюсь я ею потому, что она дочъ моей сестры, а если вамъ, милостивый государь, это не по нутру, такъ я избавлю васъ отъ моего присутствія, а вы потрудитесь избавить насъ впредь отъ своего.

Вячеславъ поблѣднѣлъ, пока Скрытовичъ громилъ его своей филиппикой; ораторъ говорилъ такимъ тономъ и голосомъ, какого, кромѣ пани Леокадіи, не слыхивалъ еще ни одинъ изъ смертныхъ; а пани Леокадія не разъ уже вслушивалась въ эти милые звуки, когда бывалъ пересоленъ супъ или свернувшись сливки. Вячеславъ не обратилъ даже вниманія на объявленіе войны, которымъ закончилъ свою рѣчь Скрытовичъ, и полуотчаяннымъ, полуизумленнымъ голосомъ воскликнулъ:

— Такъ у панны Елены есть приданое!

Черезъ нѣсколько минутъ онъ опомнился и, видя, что Карлъ взялъ шляпу и собирался уйти, вѣжливо поклонился ему и надорваннымъ голосомъ сказалъ:

— Извините меня за рѣзкій тонъ; я не зналъ, что у панны Елены есть приданое. Даю вамъ честное слово, что нога моя не будетъ больше въ вашемъ домѣ. Благодарю за урокъ и за предостереженіе.

Панъ Карлъ вышелъ и нелегко притворилъ за собою двери. Скорымъ шагомъ прошелъ онъ черезъ весь коридоръ, и бросалъ вокругъ себя такіе яростные взгляды, что перепугалъ нѣсколько попавшихся на встрѣчу кухарокъ и горничныхъ. На полдорогѣ внизъ онъ былъ еще очень сердитъ; на другой уже меньше, а потомъ и раздумался. Когда онъ спустился во дворъ, онъ совсѣмъ остановился, не рѣшаясь выйти на улицу.

«Бѣдный мальчишъ! Молодецъ! И съ душою, и съ сердцемъ! подумалъ онъ.—Не понимаю, чего я такъ вспылить?»

И сердясь на себя, на домъ, на темную лѣстницу, панъ Карлъ медленно сталъ опять подыматься наверхъ.

Вячеславъ сидѣлъ у стола, положивъ голову на руки и за-

врывъ глаза. Карлъ былъ хорошій наблюдатель, а если не сердился, то и психологъ. Онъ и догадался, и замѣтилъ, что Вячеславъ плакалъ. Портрета уже не было; завернутый въ бумагу онъ лежалъ на шкапу.

— Ролинскій, обратился къ Вячеславу Скриптовичъ, протягивая ему руку, — вспльчивые легко раздражаются, но легко и мирятся. Вы не поняли, зачѣмъ я пришелъ; я вѣдь не успѣлъ даже объясниться. Мнѣ и въ голову не приходило становиться поперекъ чувствамъ и намѣреніямъ вашимъ относительно Елены. Напротивъ того, познакомившись съ вами поближе, я радъ за нее; радъ потому, что знаю, что она къ вамъ равнодушна. Мнѣ хотѣлось только допытаться, какъ далеко зашли вы оба, и на всякій случай обратиться къ голосу вашей чести и сообща условиться съ вами, какимъ числомъ ограничить сумму недѣльных визитовъ. Съ моей стороны нѣтъ никакихъ свѣтскихъ предразсудковъ; ну ихъ совсѣмъ! Но индифферентизмъ мой не долженъ простираться на вѣренныя моей опеки особы. Дайте мнѣ руку и помиримся; а прежде всего объявляю вамъ разъ навсегда, что вы должны бывать у насъ, или... клянусь миліономъ купидоновъ, я вызову и убью васъ!

Вячеславъ украдкой вытеръ слезы, привсталъ и съ горькой улыбкой подалъ Скриптовичу руку.

— Ну, какъ же? спросилъ тотъ — придете къ чаю? Раза два въ недѣлю? На первый разъ приходите сегодня.

— Нѣтъ, спокойно и твердо отвѣтилъ Вячеславъ, — нѣтъ не приду. Я не зналъ о миліонной безднѣ; она лежитъ между мной и Еленой. Теперь еще успѣю заглушить въ себѣ неумѣстное чувство, потомъ было бы поздно.

— Жена моя отвѣчала бы вамъ, что, по вашему, значить, богатыя наслѣдницы должны оставаться въ дѣвкахъ, если не влюбятся въ миліонера. Вѣдь это вздоръ! Леночка, насколько мнѣ извѣстно, къ вамъ равнодушна; знаю даже, что она искренно и горячо васъ любитъ. Что за вздорная щепетильность! Плюньте на нее!

— Папна Елена легко забудетъ меня, а я никогда ее не забуду. Благодарю васъ за доброту и ласку, которыхъ я не заслужилъ. У меня упрямая, русская натура. Отецъ мой былъ русскимъ священникомъ, а дѣдъ однимъ изъ послѣднихъ украинскихъ казаковъ. Другаго объясненія я вамъ дать не могу. Еще разъ очень благодаренъ.

Всѣ уговоры Скриптовича были напрасны. Въ тотъ же день

Вячеславъ собрался въ дорогу и поѣхалъ въ Рыжишовъ къ своему опекуну, ксендзу Хижницкому.

Панъ Карлъ вернулся домой поздно, въ свергнѣйшемъ настроеніи духа. По тону и поведенію Вячеслава онъ понялъ, что рѣзкими словами и намеками на приданое Елены онъ глубоко оскорбилъ молодаго человѣка и, пожалуй, сдѣлалъ зло и ему, и его возлюбленной. Скрыптовичъ, правда, былъ склоненъ смотрѣть на все съ цинической и скептической точки зрѣнія, но на этотъ разъ онъ напрасно старался уменьшить свою вину досужими философствованіями и представить въ розовомъ свѣтѣ результаты своего похода. Напрасно толковывалъ онъ себѣ, что молодой человѣкъ, осмѣлившійся повѣсить у себя въ комнатѣ портретъ молодой дѣвушки, которая пока еще не его невѣста и ничѣмъ не дала ему права на таковой поступокъ, принадлежитъ къ числу заурядныхъ юнцовъ, десятками встрѣчающихся на улицахъ: самодовольныхъ, вѣтреныхъ, хвастуновъ, умѣющихъ по своему пользоваться мнимыми и дѣйствительными побѣдами и неспособныхъ полюбить глубоко и беззавѣтно. Напрасно раскидывалъ онъ умомъ, какъ это такъ молодой человѣкъ, едва начинающій свою карьеру, полюбившійся молодой, красивой дѣвушкѣ, испугался и отступилъ, узнавъ, что у предмета есть приданое, да еще наслѣдство *in vivo*. Обыкновенно дѣлается совсѣмъ обратно. Все это ясно какъ день доказывало Скрыптовичу, что въ его умозаключеніяхъ есть какой-то прыжокъ; онъ чувствовалъ, что Вячеславъ искренно и глубоко любить Елену, и что теперь онъ безповоротно рѣшился заглушить свои чувства.

«Дернуло-жъ меня идти къ нему! говорилъ самъ себѣ панъ Скрыптовичъ, стуча кулакомъ въ лобъ,—на вой чортъ было мѣшаться въ интимныя дѣла влюбленныхъ? Вѣдь тоже самое можно было сдѣлать потихоньку, понемножку; сказать, напримѣръ, о приданомъ, когда они пришли бы подъ благословеніе съ твердымъ намѣреніемъ голодать и мерзнуть, но жить вмѣстѣ хотя бы въ курной избѣ! Послѣдствія разрыва могутъ быть роковыми для обоихъ. Я еще самъ вѣдь говорилъ, что влюбись Лечочка или которая нибудь изъ моихъ дочерей, я не буду мѣшкать, если только возлюбленный не будетъ мошенникъ или негодяй! Да будь онъ даже мошенникъ, все-же лучше видти за любимаго человѣка, чѣмъ научиться скрывать и подавлять въ себѣ чувство, видѣть цѣль бытія своего въ кокетствѣ и ложномъ блескѣ. Лучшій примѣръ моя дрозжайшая сестрица, За-

медкая. И вотъ, въ концѣ концовъ, я все перепуталъ и понадѣлалъ вздору.»

Подъ тяжелымъ бременемъ всѣхъ этихъ неприятныхъ мыслей и предчувствій отправился панъ Карлъ по разнымъ друзьямъ и знакомымъ Ролинскаго, и такъ неумѣло заводилъ рѣчь о молодомъ человѣкѣ, такъ беззащитно спрашивалъ о его характерѣ и наклонностяхъ, что каждый подозрѣвалъ, что тутъ что-то кроется. Въ вѣщамъ своему огорченію, панъ Скрыптовичъ только и слышалъ, что Вячеславъ работающій, порядочный и очень способный молодой человѣкъ, и всѣ, знавшіе его ближе, отзывались о немъ съ любовью и уваженіемъ. Наконецъ, возвращаясь домой, панъ Карлъ встрѣтилъ извозчичьи дрожки, а на нихъ, среди вучи чемодановъ и узелковъ, увидѣлъ разстроенное, грустное лицо молодого Ролинскаго. А дома, само собою разумѣется, онъ воспользовался первымъ попавшимся случаемъ, чтобы придратъся въ женѣ и дѣтямъ и воочію доказать всѣмъ и каждому, что Юпитеръ можетъ быть не правъ, но тогда и всѣ вокругъ него еще болѣе виноваты.

Я увѣренъ, что Скрыптовичъ не вполне еще сознавалъ, какихъ онъ натворилъ бѣдъ, а то-бы навѣрняка заставилъ своими придирками выселиться всю семью и сосѣдей въ глубь центральной Африки. Во первыхъ, онъ сильно и глубоко огорчилъ Вячеслава. Часа два спустя, послѣ отъѣзда изъ города, онъ былъ уже въ Римшиновскомъ пріоратѣ, куда вела теперь желѣзная дорога, станція которой находилась въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ замка. Ксендъ Хижицкій только-что успѣлъ вернуться изъ клуба и сердечно обрадовался пріѣзду питомца.

— Дай расцѣлю! Не ожидалъ такъ скоро! говорилъ онъ.— Ну что? Какъ твои экзамены? Все въ порядкѣ?

— Даже очень, отвѣчалъ Вячеславъ, цѣлуя руку ксендза, — мнѣ остается только много, много разъ поблагодарить васъ за все хорошее и доброе.

— Ну, ну, будетъ! Что бы я ни сдѣлалъ, ты давно уже отплатилъ мнѣ своею любовью и поведеніемъ; я старъ, семья у меня нѣтъ; нѣтъ даже ключницы, какъ бываетъ у многихъ, прибавилъ онъ, улыбаясь.— Вотъ я и радъ, что изъ тебя вышелъ человѣкъ, который иной разъ съ удовольствіемъ вспомнить о старомъ дуракѣ и его профессиональныхъ hospis-rosus. Эта мысль для меня пріятнѣе, чѣмъ тебѣ всѣ мои благодѣянія. Прекрасно сдѣлалъ, что пріѣхалъ! Гораздо лучше отдохнуть, чѣмъ все лѣто давать уроки! Подумаемъ-ко о будущемъ: вѣдь тебѣ теперь двадцать четыре года; пора завестись своимъ домкомъ;

не жениться ли? Какъ ты думаешь? Ну, ну, чего голову-то повѣсилъ, какъ моя гнѣдая кобылка? Когда Матвѣй задремлетъ на возлахъ, она всегда размышляетъ: отчего это у пана графа въ Телентвахъ ее попотчивали постной сѣчкой, когда по календарю никакого поста не значится. Вотъ, къ слову пришлось: графъ строить огромную фабрику съ трубами, какъ минареты; общаетъ назначить тебя директоромъ, а барышень здѣсь—что цвѣтовъ въ подѣ... Да ну тебя! Съ голоду ты, что-ли, печалишься? Отвѣчай, а то обругаю какъ не всендзъ! Вивентій! Ужинать! Баринъ съ дороги голоденъ!

Но Вячеславъ напрасно старался поддѣлаться подъ веселое настроеніе всендза, а старый Вивентій даже обидѣлся, замѣтивъ, что старательно приготовленный ужинъ остался не тронуть. Кдендзъ былъ очень въ духѣ; анекдотъ за анекдотомъ такъ и лились у него; онъ разсказалъ о графинѣ въ Телентвахъ, которая въ страдную пору вызвала изъ города іезуитовъ, чтобы проповѣдывать крестьянамъ нравственность и трезвость; какъ крестьяне послѣ каждой проповѣди выпивали безконечное количество горѣлки, дрались, буянили и баламутили всю окрестность, такъ что пришлось даже усилить надзоръ, между тѣмъ какъ откупщикъ набивалъ карманы. Разсказалъ онъ и о скачкахъ въ Стайникахъ у пана Копытинскаго; англійскій жеребецъ нашего спортсмена навѣрно взялъ бы первый призъ, если-бы не простудился и не заболѣлъ наканунѣ такъ, что не могъ добѣжать до конца, почему призъ остался въ сохранности; кромѣ англійскаго жеребца не было другихъ соперниковъ, такъ что оставалось только превзойти самого себя; но и то не удалось. Отъ анекдотовъ всендзъ вернулся къ мечтамъ о будущемъ; на первомъ планѣ стояла, конечно, женитьба Вячеслава; а Вячеславъ тѣмъ временемъ глядѣлъ, точно его собирались не женить, а хоронить. Наконецъ, послѣ рѣшительнаго требованія объяснить меланхолическое свое настроеніе, Вячеславъ, не смотря на скрытую и замкнутую въ себѣ самомъ природу, разразился слезами и откровенно сознался своему благодѣтелю, отъ котораго онъ, между прочимъ, никогда ничего не тайлъ, что хотѣлъ бы убѣжать куда нибудь по-дальше, совсѣмъ съ глазъ долой; что пріѣхалъ онъ совсѣмъ не на каникулы, а только проститься и въ послѣдній разъ благодарить за всѣ благодѣянія.

— Ого, понимаю! восхлинулъ всендзъ Хижичкій. — Красавица-полька опутала моего русскаго молодца. О, красавицы, особенно польки, на это мастерицы! Поиграла, пошутила, какъ котъ съ мышью, да и отпустила. А русинъ загрузилъ, очень

ужь полюбилъ, не знаетъ дѣвичьихъ нравовъ; напустилъ на себя меланхолю и тужить. Э! перемелется, мука будетъ!

Но Вячеславъ грустно покачалъ головою и въ подробности разсказалъ всендзу исторію всей своей неотличавшейся драматизмомъ любви, а потомъ разговоръ съ Скрыптовичемъ и рѣшимость не искать руки богатой наслѣдницы. Но кромѣ того, было у него и другое огорченіе; онъ слышалъ укоры совѣсти. Дѣло въ томъ, что Скрыптовичъ совершенно вѣрно замѣтилъ ему, что развѣшивать у себя карточки Клены совсѣмъ не кстати.

— Я никогда не вспомнилъ о томъ, что могутъ подумать другіе, говорилъ онъ.—Панъ Скрыптовичъ заставилъ меня понять, что «джентльменъ», какъ тамъ говорятъ, не сдѣлалъ бы подобной безтактности. Да, да, моя грубая, мужицкая природа не дала мнѣ догадаться раньше. Я съ такимъ наслажденіемъ всматривался въ эти черты! Мнѣ такъ хотѣлось, чтобы онѣ всегда были передъ моими глазами! Мнѣ казалось, что комнатка моя съ портретомъ была святынею; я самъ переступалъ порогъ ея съ какимъ-то страннымъ благоговѣніемъ, не понимая, что дѣлаю святотатство, что далеко мнѣ до такого счастья.

— Ну, въ томъ, что ты говоришь, много болѣзненной утѣровки, но есть и доля правды. Можетъ быть, тебѣ дѣйствительно дали понять, что барышня не про тебя писана, а можетъ быть ты все только самъ себя придумалъ. Ну, а она-то, какъ ты думаешь?

— Я думаю, что ей и въ голову никогда не приходило, что я смѣю мечтать о ней. Было время, когда я воображалъ, что она равнодушна ко мнѣ; но это было давно, пока я считалъ ее своею ровнею. Но теперь мнѣ все стало ясно. Я знаю, что и важныя барышни улыбаются иной разъ такимъ бѣднякамъ, какъ я, будучи вполнѣ увѣрены, что бѣднякъ пойметъ свое положеніе и приметъ улыбку и ласку, какъ подаеніе, какъ милостыню, но отнюдь не какъ обнадеживаніе. Какъ только я переступилъ эту границу, мнѣ тотчасъ весьма ясно показали, что я забылся. Скрыптовичъ самъ ничего не знаетъ о домашнихъ дѣлахъ и добровольно ни во что не мѣшается; женскій персоналъ вѣроятно нажаловался на меня и, догадавшись о моихъ чувствахъ, подослалъ главу дома предостеречь меня. Впрочемъ, совершенно напрасно; достаточно было сказать, что у Гродецкой большое приданое. Хоть я и сынъ бѣднаго попа, но все же я слишкомъ гордъ, чтобы рискнуть получить отказъ; да и въ противномъ случаѣ, надѣясь я даже на успѣхъ сватовства, я не погнался бы за приданымъ. Мнѣ больно вспомнить, что

цѣлый годъ носился я съ безумными мечтами; со временемъ все переболить.

— Это вѣроятно названная дочь Замецкаго, о которой онъ такъ часто вспоминаетъ, такъ расхваливаетъ ее... даже при женѣ. Не понимаю только, отчего Скрыптовичъ ея опекунъ? Да, какъ близкій родственникъ, пожалуй... Что дѣлать, Вячеславъ! въ томъ, что ты говоришь, немало истины; дай Богъ, чтобы все переболѣло! Что же касается всѣхъ твоихъ плановъ, мы обсудимъ ихъ послѣ; ты и такъ здѣсь мимолетный гость; оставайся и развесели меня немного. Заведи знакомства, поразсѣйся; пойдемъ завтра въ замокъ; пани Тадеушова ¹⁾ вѣрно тебѣ понравится; она премилая, превеселая дама... правда, съ нѣсколько аристократическими замашками, съ утрированной эзальтациею. Самаго пана Замецкаго ты вѣрно помнишь? Прекраснѣйшій человекъ и, не смотря на древній родъ и богатство, не напускаетъ на себя важности; умный человекъ, добрый человекъ, пусть даже называютъ его позитивистомъ и материалистомъ. Онъ заслуживаетъ лучшей жены, не будь она даже красавицей.

Долго говорили еще ксендзъ и Ролинскій; наконецъ, Вячеславъ всталъ и попрощался съ Хижицкимъ.

Въ это самое время и панъ Скрыптовичъ, исчерпавъ всевозможные поводы къ придиркамъ и нравоученіямъ, отходилъ ко сну и при помощи жены старательно повязывалъ свой ночной колпакъ. Перспектива постели и подушки смягчила вѣроятно его гнѣвъ и онъ вдругъ необыкновенно ласковымъ голосомъ спросилъ:

— Почему это Леночка весь день была весела и въ ударѣ, а къ вечеру совсѣмъ раскисла?

— Не былъ Ролинскій; она ждала его къ чаю, но онъ не пришелъ.

— И не придетъ. Эхъ, заварилъ же я кашу! кракнулъ Карлъ, раскуривая трубку.

Пани Леокадія не смѣла спросить, что случилось. Она видѣла только послѣдствія.

— Бѣдная! вздохнула она.

— Бѣдная, бѣдная! подтвердилъ Скрыптовичъ.—Если онъ къ ней равнодушенъ, пусть она лучше забудетъ о немъ. Впрочемъ, я говорилъ съ нимъ; я былъ что-то сердитъ... сказалъ,

¹⁾ Т. е. жена Тадеуша Замецкаго.

что у Леночки есть приданое... Однимъ словомъ, онъ вдругъ объявилъ мнѣ, что больше бывать у насъ не можетъ, а потомъ уѣхалъ, вѣроятно въ Римшиновъ. Я старался отговорить его...

— Ты вѣрно сказалъ ему что нибудь оскорбительное, а между тѣмъ...

— Ну что между тѣмъ? Можетъ быть мнѣ слѣдовало «между тѣмъ» упасть къ его ногамъ и умолять полюбить Елену? Оставьте меня въ покоѣ со всѣми вашими любовными исторіями; вотъ онъ мнѣ до какихъ поръ! Я спать хочу!

Таковъ былъ конецъ супружескихъ переговоровъ. Неужели мнѣ приходится сознаться, что въ данномъ случаѣ пани Скрыптовичъ впервые въ жизни осмѣлилась «свое сужденіе имѣть»? Она была увѣрена, что ея «Карлуша» въ тяжелый часъ такъ оскорбилъ Ролинскаго, что тому оставалось только съ окровавленнымъ сердцемъ отказаться отъ всякихъ надеждъ, а первымъ дѣломъ—отъ посѣщеній. Пани Скрыптовичова не только осмѣлилась упорствовать въ своемъ убѣжденіи, но когда черезъ нѣсколько дней оказалось, что Ролинскаго нѣтъ какъ нѣтъ, подѣлилась мыслями съ Леночкою. Я совсѣмъ неспособенъ описать впечатлѣнія, произведеннаго на нее этимъ открытіемъ; не сумѣю рассказать и горя пани Леокадіи и ея дочеръ. Замѣчу только, что въ собственномъ его домѣ на Скрыптовича смотрѣли какъ на людоѣда, въ молчаніи отдавали ему должную дань покорности и уваженія, но взирали вообще съ спасительнымъ ужасомъ. Когда онъ появлялся въ такъ называемой гостиной, все общество мало-по-малу удалялось и сосредоточивалось въ спальнѣ. Скрыптовичъ добирался и до спальни и заставагъ всѣхъ, кромѣ Леночки, съ заплаканными глазами; сама героиня была только мертвенно-блѣдная, но слезъ у нея не было, *уже* или *еще*—не знаю. Скрыптовичъ говорилъ—ему едва отвѣчали; Скрыптовичъ хотѣлъ вести жену и барышень гулять, или въ театръ, или въ гости; хотѣлъ, наконецъ, принимать у себя, рѣшался, однимъ словомъ, на подвиги, о которыхъ ему прежде и не снилось—напрасно! Мигрень, зубныя боли приняли въ семьѣ положительно эпидемическій характеръ; никто не сопротивлялся открыто, но всѣ старались, елико возможно, разрушать его наиболѣе благія намѣренія. Происходило что-то въ родѣ пассивной оппозиціи, которую выдумали недавно чехи; непреодолимый сумбуръ покорности, лояльности, дѣйствительной или притворной апатіи, безмолвныхъ слезъ и вздоховъ, отчаянія во взглядахъ, отчаянія неопредѣленнаго, безъ цѣли и направленія, точно расплывшагося въ непредѣльномъ пространствѣ.

Но у пана Скрыптовича нервы были не такъ крѣпки, какъ у австрійскихъ государственныхъ мужей. Безмолвный бунтъ не длился и двухъ недѣль—и панъ Карлъ сдался на капитуляцію. Во первыхъ, онъ сталъ спать ночью, выходить днемъ, показываться людямъ, которые раньше никогда не могли застать его, потому что панъ Карлъ былъ всегда или «болень», или «уоставши», и никого не принималъ. Только благодаря подобной пере-мѣнѣ въ образѣ жизни Скрыптовича, явилась возможность продолжать романъ; достаточно только замѣтить, что на восьмой день отъ начала молчаливаго наступленія жены, дочерей и панны Елены, Скрыптовичъ велѣлъ подать себѣ конвертъ и марку и написалъ нѣсколько словъ:

«Тадеушъ, пріѣзжай! писалъ онъ, — я погибаю! Леночка влюблена, всѣ на меня воятся, это невыносимо! Собираюсь эмигрировать въ Новую Гвинею, даже дальше. Пріѣзжай сейчасъ же!

Карлъ».

Кто такъ рѣдко пишетъ, какъ Скрыптовичъ,—никогда не отправляетъ писемъ иначе, какъ заказными. Панъ Скрыптовичъ также принялъ эту предосторожность, чтобы не писать вторично. Но прошла недѣля, Тадеушъ несомнѣнно получилъ письмо, однако не было ни отвѣта, ни пана Замеццаго.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Извѣстія, которыя распространяла пани Тшетцакевичова, вовсе не были ложными. Панъ Альфредъ Эгожельскій дѣйствительно давно уже былъ постояннымъ и желаннымъ гостемъ Замецкихъ. Онъ совсѣмъ вошелъ въ составъ клуба, попивалъ пиво, былъ даже лучшимъ украшеніемъ собиравшагося на верандѣ общества, такъ какъ всегда шутилъ, смѣялся и вообще располагалъ къ себѣ всѣхъ простотою своего обращенія. Года не только не испортили красивой внѣшности пана Альфреда, напротивъ, даже очень помогли ему.

Онъ возмужалъ и похорошѣлъ, елико возможно простому смертному, и былъ весьма близокъ къ идеалу красиваго мужчины. Особенно же большіе, выразительные глаза его смотрѣли такъ прямо и открыто, что невольно привлекали всеобщія симпатіи. Онъ часто говаривалъ о своемъ прошломъ, бурномъ и далеко

не примѣрномъ, и такъ свободно, съ такою горечью и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушіемъ, сознавался въ своихъ ошибкахъ, какъ человѣкъ, который давно уже перебѣсился и смотритъ на всю свою прежнюю дурь съ точки зрѣнія человѣка, знающаго цѣну всякихъ юношескихъ сумасбродствъ и искушеній. Частыя заграничныя путешествія, своего рода опытность, придавали его разговорамъ правда неглубокій, но полный живаго интереса и сердечной теплоты колоритъ. Стоило только посмотрѣть, какъ самъ докторъ Химерскій при одномъ видѣ пана Альфреда разглаживалъ свое наморщенное чело и утверждалъ, что Згожельскій лучшее лекарство отъ сплина. Нечего и говорить, что панна Ванда безусловно раздѣляла мнѣніе доктора, и что даже панъ Тадеушъ отчасти склонялся на его сторону. Послѣдній, впрочемъ, больше всего радовался тому, что молодой сосѣдь «перебѣсился», что все время его уходитъ на чтеніе и заботы по хозяйству и что онъ постоянно сидитъ въ Крухувѣ, рѣдко заглядывая въ свѣтъ дальше Рымшова.

Ксендзъ Хижицкій, не смотря на привычку иронизировать, любилъ вообще всѣхъ безъ исключенія, а потому и пана Альфреда. Только пани Елена не раздѣляла всеобщаго увлеченія; напротивъ того, она находила въ Альфредѣ много дурныхъ сторонъ. Когда, напримѣръ, докторъ Химерскій восхищался его здоровымъ и мужественно красивымъ видомъ, она вставляла колкое замѣчаніе, что панъ Альфредъ самъ прекрасно сознаетъ свое преимущество и даже слишкомъ усердно занимается своею наружностью, между прочимъ, всѣми правдами и неправдами старается скрыть слѣды преждевременной лысины. Когда панъ Тадеушъ съ видимымъ удовольствіемъ говорилъ, что Згожельскій остепенился, поумнѣлъ, даже болѣе, чѣмъ можно было думать, она напрямикъ объявляла, что не вѣритъ въ его исправленіе, что онъ не того полета птица, что при первой возможности, онъ опять начнетъ играть, дѣлать долги и т. д. и т. д.; что же касается его ума, то этотъ послѣдній засѣлъ вѣроятно такъ глубоко, что не можетъ выйти на Божій свѣтъ, такъ какъ болѣе глупаго, пустаго и безсодержательнаго разговора ей ни отъ кого не приходилось слышать. Хуже всего было, когда панъ Тадеушъ настаивалъ, чтобы Альфредъ провожалъ ее въ поѣздахъ верхомъ; докторъ непремѣнно велѣлъ ей ѣздить, а панна Ванда ѣздить не умѣла, а потому ей оставалось любоваться паномъ Альфредомъ изъ экипажа, какъ онъ сопутствовалъ пани Еленѣ верхомъ на своемъ гнѣдомъ скакунѣ, прославившемся безчисленными скачками черезъ рвы, заборы и ворота. Больше

всего злилась пани Елена на Альфреда за Ванду; какъ-то разъ, когда ксендзъ Хижицкій сказалъ, что у Альфреда доброе сердце, она рѣзко отвѣтила ему:

— Будь у него дѣйствительно сердце, онъ навѣрно не сталъ бы мучить такъ дѣвушку, въ которую яко-бы влюбленъ. Онъ набитый дуракъ! Ему льститъ, что всѣ видятъ ея нѣжныя чувства, а онъ не умѣетъ даже отплатить ей взаимностью. Каждый день повторяю я мужу, зачѣмъ было приглашать его къ намъ; знаю только одно, что будь я мужчиною, Альфредъ давно далъ бы рѣшительный отвѣтъ, но такъ какъ у Ванды нѣтъ родни, за нее некому заступиться.

— Если-бы ты была мужчиною, возразилъ Тадеушъ, — всѣ сказали бы, что у тебя рыцарскій, но слишкомъ скоропалительный духъ. Я приглашалъ Альфреда потому, что вижу чувство Ванди, а мнѣ, на старости лѣтъ, пріятно смотрѣть на молодую любовь. Что же касается намѣреній Альфреда, я ихъ знаю; не пригрозивъ ему ни пистолетомъ, ни саблею, ни шпагою, ни какимъ-бы то ни было другимъ холоднымъ или горячимъ оружіемъ, я получилъ отъ него вполне удовлетворительный отвѣтъ. Кружка приноситъ ему около трехъ тысячъ годоваго дохода; проценты и уплата банковаго долга съѣдаютъ половину. Альфредъ надѣется, что черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ совсѣмъ освободится отъ всякихъ уплатъ и тогда, вмѣстѣ съ тѣмъ, что ты даешь въ приданое Вандѣ...

— Я не дамъ рѣшительно ничего! Милѣйшій, возлюбленнѣйшій мой матеріалистъ, не извольте отпираться передъ ксендзомъ Хижицкимъ отъ своихъ эгоистическихъ, безбожныхъ поступковъ! Хотя ты никогда не исповѣдуешься, ксендзъ хорошо знаетъ сокровенныя уголки твоего сердца. Все онъ, онъ, — говорила она, указывая на мужа, — онъ даетъ Вандѣ приданое; я даю только тряпки и то изъ своего бюджета на «шпильки». Какъ Богъ святъ, того, что онъ даетъ, за глаза довольно; а если Згожельскій все-таки не женится, такъ только потому, что не любитъ, не любилъ и никогда не будетъ любить не только Ванды, но и вообще кого бы то ни было; онъ ждетъ только, не подвернется ли партія по-лучше, пока онъ еще не совсѣмъ оплѣшивѣлъ.

— Да полно, Елена, будь благоразумна! Самолюбіе Згожельскаго въ данномъ случаѣ не только простиительно, но и очень похвально; онъ хочетъ окружить жену своего рода удобствами и достаткомъ. Отъ нихъ много зависитъ не только въ настоящей, но и въ будущей жизни, судя, по крайней мѣрѣ, по-

тому, что наши соотчичи на другой день послѣ смерти публикуютъ, что умеръ такой-то землевладѣлецъ.

— Это потому, вставилъ ксендзъ, — что они думаютъ, вѣроятно, что количество небесныхъ благъ будетъ пропорціонально количеству земныхъ.

— Хорошо вамъ смѣяться! съ горечью сказала пани Зацепкая, — а Вандя, тѣмъ временемъ, восьмой годъ дожидается благъ земныхъ. Ты говоришь, что Альфредъ хозяйничаетъ, откладываетъ? Какъ бы не такъ! Хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть на его Крухувку! Что за хозяйство! Какая во всемъ экономія! О, бѣдной Вандѣ придется ждать до втораго пришествія.

— Ну, ну, подождемъ; года черезъ два...

— Черезъ два! Боже! Онъ чуть-ли не бѣлится и не румянится, а Ванда... не хочу сказать про нее того-же... но года бѣгутъ...

— Бѣгутъ, бѣгутъ; но вѣдь и наши бѣжали! А имъ обоимъ порядкомъ еще придется пождать, если захотятъ сыграть свадьбу въ такихъ лѣтахъ, какъ мы... а все же... и тутъ панъ Тадеушъ, вмѣсто всякаго продолженія, нѣжно поцѣловалъ руку жены, лежащую на спинкѣ его кресла.

— Знаемъ! отвѣчала та, запечатлѣвъ супружескій поцѣлуй на гладкомъ лбѣ своего мужа, — у тебя на все найдется отвѣтъ! И потрепавъ его по щекѣ, она ушла поискать Ванду, которая вѣрно мечтала гдѣ нибудь на скамеечкѣ у пруда.

Тогда ксендзъ Хижицкий повѣрилъ пану Тадеушу свое горе съ воспитанникомъ и рассказалъ ему всю исторію его любви. Панъ Тадеушъ слушалъ внимательно, особенно когда узналъ, кто былъ предметомъ любви. Ему очень хотѣлось познакомиться съ молодымъ человекомъ, котораго онъ видалъ еще подросткомъ и снабжалъ книжками изъ своей библіотеки. А такъ какъ разговоръ какъ разъ пришелся на другой день приѣзда Вячеслава въ Рымшовъ, то ксендзъ обѣщалъ привести воспитанника на слѣдующій день послѣ обѣда и представить его пану Тадеушу.

Вячеславъ засталъ весь клубъ на верандѣ; докторъ Химерскій возставалъ противъ обычая пить съ чернымъ кофе венгерскую сливовую настойку, — занятіе, которому ежедневно предавались Тадеушъ и панъ Згожелъскій. Докторъ предпочиталъ французскую шартрезъ, а ксендзъ — рюмку стараго токая. Докторъ объяснялъ, что сливовая, какъ и всѣ другія настойки на косточкахъ, заключаетъ въ себѣ немного синильной кислоты, очень опасной для здоровья; а пану Тадеушу слѣдуетъ тѣмъ болѣе остерегаться ея, что у него есть порокъ сердца и склон-

ность къ удару, и ужъ ни въ какомъ случаѣ не пить по двѣ рюмки сразу. Панъ Згожельскій съ невинною веселостью школьника увѣрялъ, что синильная кислота въ такомъ видѣ должна быть очень пріятнымъ ядомъ. Когда есендзъ привелъ Вячеслава и представилъ его всѣмъ присутствовавшимъ, дамъ на верандѣ не было; панъ Тадеушъ съ участіемъ спрашивалъ Вячеслава о научныхъ занятіяхъ, когда вдругъ появились на верандѣ пани Елена съ Вандой. Вся веранда была густо затянута дикимъ виноградомъ и на ней было очень темно, такъ какъ вся она выходила на сѣверовостокъ. Пани Елена всегда казалась моложе своихъ лѣтъ; сегодня же она была въ бѣломъ пикейномъ платьѣ, цвѣтъ и покрой котораго дѣлали ее еще лѣтъ на десять моложе. Однимъ словомъ Вячеславъ устался на нее какъ на что-то сверхъестественное, и чуть-чуть не забылъ отвѣсить поздній и очень неловкій поклонъ.

— Елена, вотъ Вячеславъ Ролинскій, о которомъ мы говорили сегодня утромъ; есендзъ Хижицкій прекрасно о немъ отзывается!

— Очень пріятно познакомиться, сказала пани Елена, предупредительно подходя къ молодому человѣку и подавая ему руку, — надо порядкомъ пробрать вашего опекуна за то, что онъ не познакомилъ насъ раньше.

Есендъ извинялся, говоря, что Вячеславъ пріѣзжалъ всегда только на каникулы, когда Замецкіе бывали за-границей; а Вячеславъ, забываясь, повторялъ тѣмъ временемъ какія-то пошлыя, избитыя фразы и былъ точно самъ не свой. Одинъ только Замецкій, казалось, нисколько не удивлялся впечатлѣнію, произведенному появленіемъ дамъ; сходство дочери съ матерью всегда было поразительно, а здѣсь, въ полумракѣ, въ бѣломъ, скромномъ платьѣ, пани Замецкая совсѣмъ ошеломила Вячеслава; ему казалось, что передъ нимъ стоитъ сама Елена Гродецкая. И ее также зовутъ Еленой.

Панъ Замецкій все зналъ и обо всемъ догадывался и съ добродушной улыбкой глядѣлъ на Вячеслава, между тѣмъ какъ есендзъ Хижицкій, докторъ Химерскій и панъ Згожельскій, каждый по очереди и на свой ладъ, думали, что молодой человѣкъ очень застѣнчивъ и не привыченъ къ обществу дамъ. Тоже думала, вѣроятно, и пани Елена; но вмѣсто злобной усмѣшки, скользившей по губамъ мушинъ, на лицѣ ея выражались искреннія усилія, предупредительностью и ласкою облегчить молодому человѣку первый шагъ въ обществѣ постороннихъ ему

лицъ. Трудно описать, какъ искренно преклонялся передъ ней за это въ душѣ докторъ Химерскій и какъ благодаренъ былъ ксендзу.

— Все это прекрасно, сударыня, перебилъ ее, наконецъ, докторъ;—но если вы вздумаете читать нотации ксендзу, я, въ свою очередь, прочту вамъ. Сколько разъ придется мнѣ повторять, чтобы вы не извоили забывать своей прогулки верхомъ? Вчера—жарко, завтра—дождь, и такъ изо дня въ день. Докторъ вашъ, хорошій патриотъ, ничего не заработаетъ, не приобрѣтетъ ни славы, ни денегъ, не получитъ ни пива, ни шлема; а вамъ придется ѣхать въ Карлсбадъ.

— Если влудъ непременно хочетъ сбыть меня съ рукъ, чтобы безнаказанно подавать молодымъ людямъ примѣръ пивопитія и взаимнаго обыгрыванія, я, пожалуй, одѣнусь и ѣду. Вы пьете пиво? спросила она, обращаясь къ Вячеславу.

— Нѣтъ.

— O! infauste adolescens! воскликнулъ докторъ,—да вы не знаете одного изъ лучшихъ наслажденій!

— Вы не знаете одной изъ сввернѣйшихъ привычекъ, правила его пани Елена.—А ѣздите вы верхомъ?

— Я не записной наѣздникъ, но...

— Но все-же ѣздите? Прекрасно! Я дамъ вамъ возможность прислужиться пану Эгожельскому; я вижу, какъ онъ дрожитъ при мысли, что придется отказаться отъ возможности выиграть кусочекъ бумажнаго гульдена. У насъ въ конюшнѣ есть необыкновенно разумный, покойный конь, на которомъ вы можете сопровождать меня, а пану Эгожельскому мы дадимъ временный отпускъ.

И не смотря на умоляющіе взгляды панны Ванды, Елена позвонила, велѣла осѣдлать лошадей, а сама пошла переодѣться. Но въ дверяхъ она остановилась.

— Я забыла, что игрокамъ надо дать чернаго кофе. Ванда, милая, займи мое мѣсто и похозяйничай, а то Викентій отравитъ ихъ своею бурдою! Съ тѣхъ поръ какъ умерла Прылиняская, некому даже кофе варить. Не забудь, Ванда, дать Тадеушу его любимую серебряную чашку съ нашимъ вензелемъ.

Глаза Ванды заблестѣли чувствомъ искренней благодарности и она побѣжала расцѣловать Елену. Панъ Тадеушъ хорошо понялъ челоуѣколюбивыя намѣренія своей жены и такъ искусно втянулъ Ванду въ разговоръ, что ей пришлось остаться на верандѣ. Она должна была даже стасовать для Альфреда варты, подать ему зажженную сигару, и Боже! какимъ взглядомъ, какимъ ангельскимъ кивкомъ поблагодарилъ онъ ее! Ванда была

безмѣрно счастлива; она отъ души желала, чтобы Елена и Ролинскій ѣхали, ѣхали, ѣхали... хотя-бы на конецъ свѣта! Только кофе какъ-то не удался; надо было запивать его наливкой; но никто изъ присутствовавшихъ не выдалъ этой тайны, чтобы не смутить блаженство Ванды.

Я уже говорилъ, что ксендзь Хижицкій разсказалъ Замецкому все, что зналъ о Ролинскомъ; тотъ, въ свою очередь повторилъ все женѣ и, назвавъ ее покровительницей всѣхъ влюбленныхъ, просилъ ее заняться судьбою Ролинскаго такъ же горячо, какъ она приняла въ сердцу любовныя дѣла Альфреда и Ванды Цихоцкой. Пани Елена была какъ разъ въ очень веселомъ настроеніи духа и спросила мужа, не хочетъ ли онъ лечить молодого инженера гомеопатіей? Тотъ очень благодушно отвѣтилъ ей, что гомеопатія никогда не повредитъ, потому что даетъ малыя дозы; много еще шутили и смѣялись на эту тему, причѣмъ со стороны Елены не было недостатка въ болѣе или менѣе прозрачныхъ намекахъ на происхожденіе таинственной воспитанницы Тадеуша, о которой онъ такъ часто говоритъ, но которую никогда не показываетъ. Пани Елена сдѣлала даже очень злостное предположеніе, что мужъ ея боится вѣроятно возможности нѣкотораго сходства въ чертахъ лица, и что едва-ли вспоминалъ онъ о воспитанницѣ такъ же свободно при первой женѣ, какъ при второй. Панъ Тадеушъ нахмурился и отвѣтилъ, что если-бы онъ вздумалъ заняться своею воспитанницею еще при жизни первой жены, ему бы нечего было играть въ прятки. Онъ чуть было не прибавилъ, что первая жена его навѣрно взяла бы дѣвочку къ себѣ, воспитала бы ее какъ можно старательнѣе, но удержался и перемѣнилъ разговоръ. Любопытство пани Елены узнать хотя что-нибудь о таинственной воспитанницѣ мужа, было одною изъ главныхъ причинъ, почему она такъ настоятельно звала Вячеслава сопутствовать себѣ на прогулкѣ.

Въ черной амазонкѣ, въ шляпѣ, съ длиннымъ чернымъ вуалемъ, на прекрасной карей арабской лошади, пани Замецкая была еще лучше чѣмъ на верандѣ. Вячеславъ глядѣлъ на нее какъ на что-то загадочное, необъяснимое, между тѣмъ какъ старшій казакъ пана Замецкаго, дремавшій въ сѣдлѣ верхомъ за господами, печально поглядывалъ на конецъ своей люльки, торчавшей изъ кармана куртки, жалѣя, что нельзя закурить.

«То ли дѣло нашъ паничъ изъ Крухувки! ворчалъ онъ, — знаетъ, что безъ люльки скучно и скажетъ: закури, Дубына, только держись подале, а то у барыни голова разболится! Хорошій баринъ!—Э, куда ни шло!» прибавилъ мысленно Ду-

бына, замѣтивъ, что Вячеславъ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго намѣренія пригласить его закурить; онъ остановилъ лошадь, выбилъ огня и черезъ нѣсколько минутъ заднимъ какъ паровозъ, усердно слѣдя только за тѣмъ, чтобы вѣтеръ не занесъ «духу» къ барынѣ.

«Отчего онъ такъ въ меня всматривается? думала между тѣмъ, глядя на Вячеслава, пани Замецкая. — Не началось ли уже произвольное гомеопатическое леченіе?» И тутъ она сама перебила себя взрывомъ истерическаго смѣха, которымъ женщины такъ часто насъ удивляютъ, не будучи сами въ состояніи объяснить себѣ причину веселости.

А Вячеславъ все время сравнивалъ ея черты съ чертами Елены Гродецкой. Глаза были несомнѣнно тѣ же, съ тѣми же длинными рѣсницами, но съ другимъ выраженіемъ; не смотря на все сходство, главная и существенная разница была именно въ выраженіи. И носъ былъ тотъ же, и губы тѣ же, и волосы, и цвѣтъ лица; у Елены Гродецкой онъ былъ, конечно, свѣжѣе и лучше; но всѣ эти мелочи и частности, не смотря на несомнѣнную тождественность, давали въ совокупности иное цѣлое, какъ буквы въ омонимахъ; онѣ и звучатъ и значутъ то же самое, но слово, изъ нихъ составленное, имѣетъ не одно, а два и нѣсколько значеній. Вячеславъ долго и напрасно ломалъ себѣ голову, въ чемъ лежитъ различіе, и разсѣянно думалъ о немъ, когда смѣхъ Елены Замецкой вдругъ прервалъ молчаніе. Онъ невольно вздрогнулъ отъ этого смѣха; звукъ его былъ такъ металлически чистъ, такъ обворожителенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ холоденъ, какъ смѣхъ рѣдко бываетъ; Леночка никогда такъ не смѣялась.

«Кажется, я открылъ разницу, подумалъ Вячеславъ, удержавшись отъ всякаго выраженія удивленія по поводу внезапной веселости пани Замецкой:—въ ней есть что-то демоническое, во взглядѣ, въ складѣ губъ, во всемъ; у Леночки этого нѣтъ».

Пани Замецкая продолжала смѣяться.

— Пание Ролинскій, какъ вамъ нравится панъ Згожельскій? спросила она.

— Я не имѣлъ случая... сконфузясь началъ было Ролинскій.

— Но кое-что вы, вѣрно, замѣтили? Замѣтили вы, напримѣръ, что Зюжельскій никогда не садеть иначе, какъ спиной къ стѣнѣ, да и то если сзади нѣтъ зеркала.

Но Вячеславъ только разъ видѣлъ Згожельскаго, и втеченіи десятиминутнаго знакомства конечно трудно сдѣлать замѣчаніе требующее продолжительныхъ наблюденій. Но все же, такъ какъ

инициатива критическихъ обсужденій исходила отъ пани Замецкой, не оставалось ничего лучшаго, какъ только выразить нѣкотораго рода удивленіе по поводу такого страннаго влеченія къ стѣнамъ и отвращенія отъ зеркаль.

— Панъ Згожельскій плѣшивѣть, продолжала смѣяться пани Замецкая—не какъ всѣ, отъ темени, а отъ затылка, и всячески старается скрыть это обстоятельство отъ глазъ людскихъ. Не понятно, какъ это могутъ жить люди, постоянно скрывающіе, таящіе что нибудь передъ свѣтомъ. Не правда ли?

— Грустное и неблагодарное занятіе.

— А все же—прибавила, точно про себя, Елена,—всѣ мы что нибудь да скрываемъ.

Вячеславъ выразилъ на лицѣ своемъ недоумѣніе коварно и несправедливо обвиненнаго.

— Я не хочу сказать, продолжала она,—что всѣ мы скрываемъ какой нибудь поступокъ, физическій или нравственный недостатокъ; но есть вещи, въ которыхъ мы иногда не признаемся даже самимъ себѣ, а тѣмъ болѣе постороннимъ. Возьмемъ хоть недостижимые, неосуществимые идеалы нашей юности. Мы старательно укрываемъ ихъ въ темномъ уголочкѣ нашей души, и даже не смѣемъ потѣшиться, какъ тѣшится порой матеріально разоренный богачъ, вытащивъ изъ-подъ спуда какую нибудь драгоценность, остатокъ прежняго величія, перстень или медальонъ; онъ стряхнетъ съ него пыль, почиститъ, осмотритъ со всѣхъ сторонъ, вздохнетъ и опять запрычетъ.

— Да вѣдь идеалы не вещи; ихъ нельзя вытаскивать и провѣтривать совсѣмъ безнаказанно.

— Такъ вы никогда не провѣтриваете своихъ идеаловъ? наивно спросила она.—Ахъ да, извините! я вѣдь забыла, что вы еще не успѣли раззориться и затосковать по идеаламъ далекаго прошлаго. О да, я знаю! Нельзя безнаказанно повытаскать на свѣтъ Божій идеалы нашей юности.

Тутъ она замолчала и пустила лошадь рысью. Черезъ нѣсколько минутъ она, точно очнувшись, сказала:

— Нарисуйте мнѣ портретъ своего идеала.

Вячеславъ грустно улыбнулся и отвѣтилъ, что у него нѣтъ идеала.

— Такъ расскажите что нибудь; вы должны занимать меня. Расскажите, напримѣръ, какова собой нѣкая барышня, проживающая у моего двоюроднаго брата, Скрыптовича.

Вопросъ совсѣмъ огорошилъ Вячеслава; онъ сильно сконфузился. Неужели Замецкая знаетъ его тайну? Раздумывать было поздно, надо было отвѣтить.

— Вы говорите о Еленѣ Гродецкой?

— Да, смѣло отвѣчала она, не смотря на то, что въ первый разъ слышала имя молодой дѣвушки, — о Еленѣ Гродецкой; расскажите о ней все, нарисуйте ея портретъ. — Тутъ нервное движеніе капризной амазонки пустило въ галопъ ея лошадь. — Что она — брюнетка, блондинка, высокая, стройная?..

— Нарисовать портретъ будетъ очень легко: когда вы вернетесь, подойдите къ зеркалу и съ весьма небольшими неточностями вы увидите вылитый, какъ говорятъ, портретъ панны Елены; ни одинъ живописецъ не напишетъ такъ сходно. Мнѣ никогда еще не случалось видѣть такого сходства между лицами, не принадлежащими къ одной семьѣ; но я вѣрно ошибаюсь...

Елена рванула поводья; лошадь остановилась какъ вкопанная, такъ что Вячеславу удалось задержать свою только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Замецкой. Благодаря тому онъ и не замѣтилъ страннаго, недоумѣвающего взгляда, сверкнувшаго въ глазахъ пани Елены въ отвѣтъ на портретъ Гродецкой. Когда она вновь поравнялась съ Ролинскимъ, она опять уже смѣялась тѣмъ же серебристымъ, раскатыстымъ, но точно насильнымъ, леденящимъ смѣхомъ.

— О, моя Зулейка дѣлаетъ мнѣ честь, говорила она, — а Тадеушъ, — онъ училъ меня ѣздить, — можетъ, въ свою очередь, гордиться ученицей. Я увѣрена, что самъ Абдъ-эль-Кадеръ не осадилъ бы лучше своего бѣгуна. Признаться сказать, я хотѣла подшутить надъ вами; я была увѣрена, что мужнинъ Карько также остановится, и что вамъ придется схватиться за гриву. Но все же я рада, что шутка не удалась. Не правда ли, Рымишовъ очень хорошъ съ этой горы?

— Очень. Но я давно знаю это мѣсто; я вѣдь недалеко родился и выросъ подъ тѣнью тѣхъ липъ, вонъ тамъ, возлѣ костела. Много воспоминаій дѣтскихъ лѣтъ соединены съ этимъ видомъ, — воспоминаій, частію грустныхъ, частію трогательныхъ, частію милыхъ.

— Ахъ да, костель! Правда, въ немъ много поэзіи. Я люблю его странною любовью. Замѣтили вы образъ Богоматери надъ главнымъ алтаремъ? Я привезла его изъ Италіи; положимъ, Тадеушъ смѣялся, говорилъ, что я переплатила, что торговецъ обманулъ меня, увѣривъ, что это Рафаэль. Но, все равно, я какъ-то особенно люблю, особенно почитаю эту картину. Нѣтъ ничего возвышеннѣе и трогательнѣе картины любви и материнской нѣжности, съ которой Матерь Божія холить свое дитя. Это идеаль матери. Идеаль всего высокаго, святаго! Иной разъ,

подъ вечеръ, я прошу ксендза Хижицкаго отворить мнѣ костель и долго, долго сижу, смотря на мать съ божественнымъ ребенкомъ! Мать! сколько въ этомъ словѣ смысла!

— А у васъ нѣтъ дѣтей? робко спросилъ Вячеславъ.

— Увы, вздохнула пани Замецкая, — небо не дало намъ этого счастья! Вотъ онъ, мой недостижимый, неосуществимый идеаль; потому, вѣрно, и умиляетъ меня эта картина. Она для меня завѣтная вещьца несчастнаго, которой видомъ онъ порой упиивается, вспоминая далекое, когда-то снившееся, но незнакомое счастье.

Пока она говорила, демоническое выраженіе исчезло съ ея лица и она опять была поразительно похожа на Леночку. Вячеславъ, очарованный, увлеченный, всей душой сочувствовалъ ея точно невольнo брошеннымъ словамъ. Онъ думалъ, что она, вѣроятно, не совсѣмъ счастлива; думалъ о томъ, зачѣмъ она спрашивала о Еленѣ Гродецкой; онъ невольнo самъ вернулся къ разговору о ней же.

— Вашъ двоюродный братъ, панъ Скрыптовичъ, поднялъ бы на смѣхъ наши разговоры объ идеалахъ.

— Ахъ, Скрыптовичъ! презрительно сказала Елена, — чловѣкъ испошлившійся до мозга костей! Я никогда не слушаю, чтó онъ говоритъ. Удивительно только, какъ могутъ люди съ головою и сердцемъ повторять почти то же, что говоритъ мой братецъ, и отрицать все, чего только не понимаютъ, не осязаютъ, не могутъ обдумать и взвѣсить. А панна Елена, прибавила она улыбаясь, — вѣрнo она въ идеалы? Не смѣется она надъ чувствомъ, если чувство и его проявленія не обдуманы, не рассчитаны и не размѣрены впередъ, не назначено имъ время и мѣсто? Не сердитесь на меня, сказала она, не дожидаясь отвѣта, и видя, что слова ея неприятно затронули Вячеслава, — признаюсь, что нескромно было съ моей стороны затрогивать въ шутку чувствительныя струнки.

Добрый и ласковый взглядъ, сопровождавшій слова Елены, теплое рукопожатіе, совсѣмъ помирили Вячеслава; оба они вернулись въ замокъ въ полномъ согласіи, чувствуя взаимно пробуждавшіяся симпатіи.

— Не грѣхъ ли вамъ, воскликнула пани Елена, входя на веранду, гдѣ все еще процвѣталъ благородный культъ виста, — не грѣхъ ли вамъ проводить такимъ образомъ прекрасный іюньскій вечеръ, коптить другъ друга табачнымъ дымомъ, ворпѣть въ духотѣ, и пивомъ, и наливкой, гнать въ голову кровь! Ай-

да клубъ позитивистовъ! Боже милосердый! И это называется искать жизненной правды!

— Гдѣ-жъ прикажете ее искать? спросилъ докторъ, который въ силу своего ремесла былъ скептикъ до мозга костей.

— Гдѣ? Въ полѣ, въ лѣсу, на лугахъ, въ дуновеніи вѣтерка, въ щебетаніи птицъ, въ благоуханіи цвѣтовъ! съ комическимъ пафосомъ воскликнула пани Замецкая.

— Знаемъ, наизусть знаемъ, перебилъ Эгожелъскій: — въ полѣ — на волѣ, птичекъ — синичекъ, цвѣтистыхъ — серебристыхъ. Все это прелестно и съ научной точки зрѣнія описано въ «Литературной стражѣ» бессмертнымъ Дивославомъ Габданкъ-Пшитулисскимъ, а идеальная муза Эглантины, съ береговъ Попрада, не менѣе поэтическимъ стономъ и вздохомъ отвѣчала ему въ «Литературно-пчельниче-экономическомъ трехмѣсячномъ обзорѣ». Я держусь мнѣнія Поля: «На дно жизни — на дно правды!» И при этихъ словахъ панъ Альфредъ залпомъ осушилъ рюмку сливовой настойки, а потомъ, прекрасно передразнивая гримаску ребенка, просящаго конфекту, попросилъ панну Ванду налить ему вторую рюмку.

— Какой онъ умный, какой веселый, какой красивый, подумала въ эту минуту Ванда. О! какъ охотно бросилась бы я ему на шею!»

Она не только подумала, но и сказала ему это, не словами, но дрожаніемъ руки и рѣсницъ, когда наливала неолимпійскій нектаръ.

— Всѣ ваши замѣчанія, отрѣзала пани Замецкая, — мы читали уже въ разныхъ юмористическихъ листахъ. Если вы забыли, я велю Викентію подать послѣдній номеръ «Отчаяннаго полемизатора». Но, шутки въ сторону! сознайтесь господа, кто изъ насъ ближе къ правдѣ, мы ли, идеалисты, въ восхищеніи созерцающіе природу, или вы, позитивисты, создающіе искусственные удовольствія и восторги? Мы ли, въ нашемъ стремленіи выразить чувства и мысли наши, насколько позволяетъ негибкій людской языкъ, или вы, съ гордостью хвещающіе своимъ позитивизмомъ?

— Но послушай, душа моя, — протестовалъ панъ Тадеушъ, — кто-же говоритъ, что позитивизмъ заключается въ куреніи табаку и пивопитіи? Да и возможно ли утверждать будто любовь къ красотамъ природы есть идеализмъ? Нѣтъ ничего реальнѣе, правдивѣе того, что веселитъ нашъ глазъ или вообще чувственнымъ образомъ дѣйствуетъ на нашъ умъ. Идеализмомъ называется, если мы насильно стараемся испытывать сами и

заставить испытывать другихъ чувства, въ дѣйствительности не-существующія, или если мы изъ ничего создаемъ понятія и образы, неизмѣющіе ни малѣйшей практической, а часто и логической подкладки.

— Въ такомъ случаѣ правы тѣ, которые упрекаютъ позитивистовъ въ излишнѣй практическаго смысла.

— Не придирайся, милая, къ словамъ — рѣзко отвѣтилъ Тадеушъ; лицо его давно выражало беспокойство и какое-то лихорадочное нетерпѣніе. — Я употребилъ слово «практическая» подкладка не въ обыкновенномъ значеніи этого слова, а только потому, что оно попало на языкъ; мнѣ хотѣлось выразить этимъ нѣчто существующее, дѣйствительное, реальное. Видишь ли, прагна — слово греческое, означаетъ дѣяніе, дѣйствіе...

Но въ эту минуту Тадеушъ вдругъ схватился за грудь и откинулся назадъ, какъ будто хотѣлъ глубоко вздохнуть и не могъ. — Всѣ взглянули на него, а Замецкая вскочила, сильно встревоженная, и быстро подошла къ нему.

— Что съ тобой, Тадеушъ? Ради Бога, да вѣдь ты боленъ!

— О нѣтъ, ничего... сейчасъ пройдетъ, — отвѣчалъ панъ Тадеушъ, сильно измѣнившись въ лицѣ и поблѣднѣвъ какъ полотно. Докторъ Химерскій пощупалъ его пульсъ, а жена обвила его шею руками.

— Сколько разъ говорилъ я вамъ, что вы когда нибудь отравитесь сливовой настойкой! Развѣ можно пить синильную кислоту, хотя бы и разбавленную? — говорилъ докторъ. — Замыните-ка все это, всякіе роиссе-сабѣ и настойки, — продолжалъ онъ обращаясь къ Еленѣ, — и не давайте ему безъ позволенія доктора. Все это для вашего мужа чистый ядъ.

Оставьте, теперь мнѣ легче, — сказалъ Земецкій, уклоняясь тихонько отъ ласкъ жены и всю грудь вдыхая свѣжій воздухъ.

— Что это за синильная кислота? спросила, успокоившись, пани Елена.

Синильная кислота, иначе *acidum prussicum*, мгновенно дѣйствующій ядъ, заключается въ косточкахъ многихъ плодовъ, больше же всего въ горькомъ миндалѣ, который ею и пахнетъ. Нѣсколькихъ капель достаточно, чтобы убить человѣка.

— Дѣйствительно, замѣтила пани Замецкая, понюхавъ рюмку мужа: — запахъ наливки напоминаетъ мнѣ лавровишневые капли, или горькій миндаль. Каковой же ты неосторожный, скверный, — прибавила она обращаясь къ мужу — что пьешь такую отраву! Теперь шабашъ! Сердись, не сердись, мнѣ все равно; но нектара

своего ты больше не получишь. Лучше поспорить и поссориться немало, чѣмъ отравиться.

И она опять стала ласкать его; на этотъ разъ Тадеушъ не отстранился.

— Пустыки, душа моя, докторъ напрасно пугаетъ тебя! Богъ знаетъ, найдется ли капля кислоты въ цѣлой бочкѣ; въ лавровишневыхъ капляхъ кислоты гораздо больше, а ихъ даютъ даже дѣтямъ.

— Даютъ, но очень неохотно; никогда нельзя утверждать съ увѣренностью, сколько именно яда заключается въ какойнибудь органической субстанціи, такъ какъ трудно предвидѣть въ какое соединеніе онъ вступить водою и съ прочими составными частями лекарства; собственно слѣдовало бы передъ каждымъ пріемомъ изслѣдовать лекарство. Вѣрно только то, что самый способъ приготовления сливовой наливки способствуетъ самообразованію яда.

— Какъ такъ способствуетъ? очень наивно спросила За-мецкая.

— Я боюсь наскучить вамъ химическимъ трактатомъ.

— Не наскучите. Еслибы я не была слишкомъ стара, то начала бы сама въ угоду Тадеушу учиться химіи, какъ науку положительной; мнѣ хотѣлось бы сдѣлаться позитивисткой. Въ данномъ случаѣ публичная лекція ваша принесетъ пользу и ему, такъ какъ, можетъ быть, внушитъ спасительный страхъ къ сливовой наливкѣ.

— Ну, слушайте. Косточки нѣкоторыхъ плодовъ, черешень, сливъ, миндаля, заключаютъ въ себѣ два вещества; амигдалинъ и эмульсинъ. Первое растворяется въ спиртѣ; если же спиртовой растворъ амигдалина смѣшать съ водою и эмульсиномъ, то получаемъ одну часть миндального масла, двѣ части сахара и часть синильной кислоты. При фабрикаціи сливовой наливки, входитъ все, необходимое для образованія синильной кислоты: косточки, спиртъ и вода, а потому непременно кислота должна образоваться и никто не можетъ предвидѣть, отравится ли онъ сразу или мало по малу.

— Видишь, видишь Тадеушъ! воскликнула, съ безпокойствомъ глядя на мужа, пани Елена,

Докторъ, войдя разъ въ профессорскій тонъ, продолжалъ тѣмъ временемъ свою лекцію.

— Симптомы отравленія синильной кислотой таковы, что порядкомъ, надѣюсь, васъ напугаютъ; отравленный чувствуетъ ни больше ни меньше какъ то же, что только что случилось

и съ вами; такая же трудность дыханія, то же головокруженіе, сжиманіе сердца, неопредѣленный страхъ, зловѣщій блескъ въ неподвижныхъ глазахъ. У васъ было все, хоть въ клиникѣ показывай. Вторичные симптомы—судороги, громкій крикъ, всеобщій параличъ, сердце перестаетъ биться и все кончается втеченіи четверти часа, а иногда даже минуты.—Все зависитъ отъ величины приѣма.

— Ужасно! сказала Замецкая.—Надѣюсь, что такого яда въ аптекѣ купить нельзя?

— Самой синильной кислоты конечно не держатъ, но въ нѣкоторыхъ аптекахъ продается ціанистый кали; онъ нуженъ фотографамъ. Дѣйствіе его такое же. Въ газетахъ то и дѣло попадаются случаи отравы; ціанистаго кали достаточно взять одну чайную ложку и смерть бываетъ мгновенна.

— Хотѣлось бы мнѣ знать,—вставилъ всендзъ:—могутъ ли врачи узнать, произошла ли смерть отъ отравы или нѣтъ?

— Въ случаѣ отравы ціанистымъ кали, запахъ горькаго миндаля бываетъ почти единственнымъ указаніемъ; другія примѣты сомнительны. Присутствіе ціанистаго кали или синильной кислоты можно обнаружить только немедленно и то съ помощью реактивовъ. Затѣмъ ядъ быстро разлагается, а съ разложеніемъ исчезаетъ и запахъ.

— Тадеушъ!—тревожно воскликнула опять пани Елена,—тебѣ все еще нездоровится. Взгляните на него, докторъ!

И дѣйствительно панъ Замецкій былъ блѣднѣе прежняго; онъ дышалъ съ трудомъ и признался, что чувствуетъ сильное головокруженіе; не смотря на то, онъ все еще храбрился, но наконецъ долженъ былъ уступить настояніямъ доктора и жены, отправиться къ себѣ въ спальню, раздѣться и лечь. Пани Елена не пускала къ нему даже прислуги и все время съ необыкновенной заботливостію и легко объяснимою беспомощностію ухаживала за мужемъ; по всему было видно, что страхъ совсѣмъ ошеломилъ ее. Тадеушъ смѣялся и старался ее успокоить, но напрасно. Черезъ нѣсколько времени она выбѣжала обратно въ залу; тамъ были только докторъ Химерскій, Згожельскій и Ванда; всендзъ и Вячеславъ Ролинскій распрощались раньше. Елена объявила доктору, что не отпустить его, что онъ будетъ ночевать у нихъ. Хотя онъ охотно согласился исполнить ея просьбу, но въ то же время говорилъ, что нечего бояться, что опасности нѣтъ никакой.

— Тадеушъ очень полнѣетъ въ послѣднее время, объяснялъ онъ, и нездоровье его прямое слѣдствіе долгаго сидѣнья на

верандѣ и пивопитіи. Я напугалъ его умышленно, авось станеть вести иной образъ жизни. Побольше движенія, поменьше пива, и по возможности отреченіе отъ разныхъ другихъ вредныхъ привычекъ.

— Будьте такъ добры, докторъ, зайдите взглянуть на него; я такъ поражена вашей лекціей химіи, что вся какъ въ лихорадкѣ. Ванда..... воды!

При этихъ словахъ она быстро сѣла въ темномъ углу на козетку. Ей видимо стало дурно. Всѣ въ одно и то-же время вынулись къ графину съ водой; она напилась и Богомъ умоляла доктора идти въ Тадеушу.

— Обо мнѣ, пожалуйста, не беспокойтесь, говорила она, —я въ обморокъ не упаду. Я никогда еще не падала въ обморокъ. Идите пожалуйста къ мужу!

«Несравненная женщина! подумалъ докторъ, выходя изъ комнаты.—Добрая, чувствительная, любящая, умная! Никакого притворства, никакой рисовки! Ни слѣда обычныхъ женскихъ штучекъ! Неопѣненная женщина!»

«Бѣдная! подумала панна Ванда,—о, если-бы Альфредъ поблѣднѣлъ также какъ онъ, и у него-бы захватило дыханіе, какъ-бы я перепугалась!»

— Ванда, милая, будь такъ добра... мнѣ нездоровится.... тамъ, въ моей спальнѣ, на умывальникѣ или подлѣ палецъ, стоитъ стьялочка съ туалетнымъ уксусомъ. Принеси, пожалуйста! И съ этими словами пани Елена въ совершенномъ изнеможеніи опустила голову на спинку дивана.

Ванда убѣжала. Въ гостиной остался только панъ Альфредъ.

Солнце зашло уже четверть часа тому назадъ. Зала, три окна которой выходили на веранду, а два почти совсѣмъ заросли деревьями, была почти темная. Поэтому, конечно, пани Елена не могла замѣтить равнодушнаго выраженія лица, съ какимъ панъ Альфредъ принялъ вѣсть о болѣзни Замецкаго и подавалъ воду ей самой. И панъ Альфредъ, съ своей стороны, не могъ, конечно, замѣтить ни блѣдности, ни изнеможенія пани Елены; не замѣтилъ онъ также, какъ она, послѣ ухода Ванды, почти мгновенно оправилась. Панъ Альфредъ столько лѣтъ ухаживалъ уже за панной Вандой, такъ старался всѣми силами привести въ порядокъ имѣніе, чтобы жениться и устроиться насколько возможно прилично, что былъ, очевидно, слишкомъ занятъ исчезновеніемъ своей возлюбленной и не могъ раздумывать о болѣзни Елены. Да я и самъ того мнѣнія, что въ ту минуту трудно было найти другую, подобно имъ остав-

ленную вдвоемъ парочку, менѣе занятую взаимнымъ присутствіемъ и вообще склонную заняться чѣмъ либо подобнымъ. Мы уже знаемъ мнѣніе Елены объ Альфредѣ; мы слышали, какъ она отзывалась о немъ въ присутствіи своего мужа, какъ злобно, насмѣшливо нападала на него при постороннихъ. Она и Ванду старалась убѣдить, что онъ совершенно пустой, безсодержательный человѣкъ; она втолковывала всѣмъ и каждому изъ близкихъ и знакомыхъ своихъ, что нѣтъ, да никогда и не было, человѣка, одареннаго менѣе Альфреда какими-бы то ни было положительными качествами; что онъ во всемъ полагается только на свою предрасполагающую внѣшность, по въ сущности калѣка и въ нравственномъ, и физическомъ отношеніи. За все это Альфредъ оплачивалъ Еленѣ явнымъ и нисколько не прикрашеннымъ образомъ. Онъ никогда не сказалъ о ней добраго слова, отказывая ей даже въ несомнѣнномъ ея преимуществѣ, въ красотѣ. Антипатія ихъ была, однимъ словомъ, обоюдною, и весь Рымишовъ и окрестности хорошо знали о ней.

Благодаря, вѣроятно, этой антипатіи, пани Елена сейчасъ послѣ ухода Ванды быстрыми шагами вышла на веранду; а панъ Альфредъ, испугавшись, можетъ быть, привидѣній, существованіе которыхъ въ высокихъ, темныхъ замковыхъ комнатахъ было если не несомнѣнно, то, во всякомъ случаѣ, весьма вѣроятно, также вышелъ на веранду, подъ которой внизу лежали роскошныя клумбы цвѣтовъ, залитыя яркимъ свѣтомъ луны; тѣни деревьевъ отчетливо выдѣлялись на широкихъ, посыпанныхъ желтымъ пескомъ, дорожкахъ сада. Резеда и розы, а дальше жасминъ, окропленные вечерней росой, наполняли воздухъ своимъ благоуханіемъ. Соловьи, покончивъ съ любовными дѣлами еще въ маѣ мѣсяцѣ, упорно молчали; за то издалека, кромѣ кваканья лягушекъ, доносились звуки какой-то дудочки, а въ самомъ саду такъ и стоялъ крикъ маленькихъ совъ, которыхъ нѣкоторые несвѣдущіе и неблагодарные критики совершенно неосновательно обвиняютъ въ неспособности къ музыкѣ. Не знаю, удастся-ли мнѣ возстановить доброе имя пушца¹⁾, но, по моему мнѣнію, это превеселая, очень полезная птичка, довольно крикливая, но любящая свое потомство и совершенно несправедливо сопоставленная со всякими предчувствіями и трагическими впечатлѣніями. Вѣдь и Аделину Патти большинство не слышало до захода солнца, но никому и въ

¹⁾ Пушцикъ—мелкая порода совъ, величиной не больше скворца.

голову не приходило, что голосъ ея предвѣщаетъ недоброе! Пугачъ, избравшій мѣстопробываніе свое въ лѣсахъ, птица сильная и драчливая, съ голосомъ выслужившаго пенсіонъ басиста и необыкновенно любящая заячье жаркое, отчасти, пожалуй, заслужилъ свою дурную репутацію; но домашняя сова—пѣвецъ, котораго можно слушать съ большимъ удовольствіемъ, особенно если отречься отъ нѣкоторыхъ, несогласныхъ съ духомъ времени предразсудковъ и помнить, что до сихъ поръ еще нѣтъ партитуръ Обера, Беллини или Гуно, приспособленныхъ къ скромнымъ птичьимъ гортанямъ. Иными словами, сова, въ сравненіи съ соловьемъ, ничуть не хуже дилетанта львовскаго музыкальнаго общества въ сравненіи съ Филлеборномъ или Цеслевскимъ ¹⁾).

Что-нибудь въ родѣ этого говорила, вѣроятно, прогуливаясь между грядками, и пани Замецкая; панъ Альфредъ, конечно, расходился съ ней во вкусахъ и, по обыкновенію своему, противорѣчилъ Еленѣ, такъ что между ними въ полголоса завязался живой, оснащенный рѣзкими жестами, споръ. На минуту Замецкая остановилась и въ глубокой задумчивости, ломая судорожно вытянутыя руки, упорно глядѣла въ землю. Панъ Альфредъ, тѣмъ временемъ, съ увлеченіемъ доказывалъ ей что-то, разводилъ руками, и вообще всѣ жесты его показывали что онъ чего-то не можетъ сдѣлать, или понять, или признать, или позволить. Потомъ и пани Елена сдѣлала нетерпѣливый, рѣшительный жестъ, и пана Ванда, которая въ то время какъ разъ сходила по лѣстницѣ со стѣлянкою въ рукахъ, услышала, какъ Елена говорила:

— Это должно кончиться, и я знаю какъ! А, вотъ и ты, Ванда! Спасибо, милая! прибавила она.—Я дамъ вамъ передъ отъѣздомъ книжку, обратилась она опять къ пану Альфреду,—въ которой вы найдете все что нужно, или, лучше сказать, въ чемъ вы, вѣроятно, должны нуждаться; тамъ будетъ тысячи двѣ подходящихъ аргументовъ; надѣюсь, довольно?

— Мало и двадцати, и тридцати тысячъ. Но постараюсь воспользоваться и тѣмъ, что найду.

— О чемъ же рѣчь? съ видимымъ любопытствомъ спросила Ванда.

— Ахъ да! Панъ Альфредъ излагалъ цѣлую теорію, будто счастье не въ обладаніи и наслажденіи, а въ ожиданіи, въ пред-

¹⁾ Оба известные польскіе оперные пѣвцы.

вкусеніи, какъ онъ говоритъ, наслажденія. Теорія эта, по моему мнѣнію, прямо заводитъ насъ въ область старыхъ холостяковъ, на порогахъ которой и стоитъ панъ Альфредъ. У меня въ библиотекѣ есть романъ, гдѣ герои женятся въ первой главѣ и счастливо живутъ цѣлыхъ два тома. Я увѣренъ, что этотъ прекрасный примѣръ совсѣмъ убѣдитъ Альфреда.

— За книгу я буду очень благодаренъ; замѣчу только, что теорія, которая... нѣтъ, теорія, которую вы мнѣ приписываете, вовсе не... однимъ словомъ, мы вовсе о ней не говорили, т. е. лучше сказать, я не говорилъ...

— Ага! засмѣялась пани Замецкая, — преступникъ схваченъ на мѣстѣ преступленія и отпирается! О, въ такомъ случаѣ есть надежда на исправленіе. Но вернемся домой. Викентій уже зажигъ лампы; я посмотрю каковъ Тадеушъ, а потомъ поищу для васъ книжку.

— У пани Замецкой пренепріятная привычка навязывать людямъ слова и мысли, какихъ имъ и въ голову не приходило, началъ панъ Альфредъ, когда Елена пошла къ мужу; — я говорилъ только, что и надежда можетъ насъ осчастливить, а она построила на моихъ словахъ умозаключеніе, о которомъ мнѣ и не снилось. Сарказмъ и скептицизмъ въ устахъ женщины мнѣ ненавистны, да и вообще я не люблю сарказмовъ; довольно съ насъ и насмѣшекъ судьбы; и она достаточно насъ преслѣдуетъ. При этомъ онъ такъ нѣжно взглянулъ на Ванду, что та не утерпѣла и подала ему руку; онъ горячо два раза поцѣловалъ ее.

— Вы ангель; вы бы не смѣялись надъ несчастнымъ. О, я очень, очень несчастенъ!

Ванда не была въ состояніи промолвить ни слова. Она смотрѣла со слезами на глазахъ. «Онъ несчастливъ! думала она. — Почему? Нельзя-ли помочь? И о чемъ говорили они съ Еленой? О, вѣроятно она опять настаивала, чтобы Альфредъ посватался за Ванду! Добрая Леночка! О, ее надо зацѣловать и замучить и непремѣнно дознаться, почему Альфредъ несчастливъ.»

Тѣмъ временемъ вернулся и докторъ Химерскій и объявилъ, что болѣзнь пана Замецкаго не опасна, но что нѣсколько дней ему придется полежать въ постели и пользоваться полнѣйшимъ спокойствіемъ.

Справедливость требуетъ сказать, что предписанія доктора были выполнены добросовѣстнѣйшимъ образомъ, и, подъ предлогомъ болѣзни, а потомъ вжздоровленія, къ пану Тадеушу ни-

кого не пускали и даже не отдавали ему писемъ. Потому-то Скрыптовичъ и не дождался отвѣта на свое лавоническое письмо.

Панъ Альфредъ давно уже велѣлъ заперчь свою нейтъчанку ¹⁾ и ждалъ только Елену, чтобы съ ней попрощаться, тѣмъ болѣе, что ему надо было стѣздить на нѣсколько дней въ городъ. Черезъ нѣсколько времени пани Елена вернулась и дала ему обѣщанную книжку.

— Поучайтесь, сказала она, — и смотрите, не растеряйте листовъ; нѣкоторые выпадаютъ.

Панъ Альфредъ обѣщаль быть осторожнымъ и поѣхалъ. За деревней, въ полѣ, онъ открылъ книгу, которую все время сжималъ такъ, точно боялся, что она разсыпется. Книга, какъ оказалось, была вовсе не романомъ въ двухъ томахъ, а какимъ-то французскимъ *in quarto*, съ рисунками и описаніями разныхъ типовъ и характеровъ; о счастливыхъ супругахъ, наслаждающихся взаимной любовью болѣе чѣмъ на восьми стахъ страницахъ, не было и рѣчи.

Пани Замецкая вѣроятно ошиблась; панъ Альфредъ внимательно просмотрѣлъ всю книгу и нашелъ, наконецъ, двѣ бумажки, которыя, послѣ тщательнаго осмотра, запряталъ въ свой бумажникъ. Во имя исторической правды, надо прибавить, что на бумажкахъ не было ни карикатуръ, ни юмористическихъ рисунковъ, хотя отдѣлка ихъ была очень тщательная. Весь юморъ заключался въ томъ, что на одной сторонѣ каждой изъ нихъ стояло увѣреніе, что нѣкій банкъ, о которомъ весь свѣтъ знаетъ, что онъ никогда не платитъ золотомъ, выплатитъ владѣльцу бумажекъ стоимость ихъ звонкой монетой. Альфредъ горько усмѣхнулся, подумавъ, вѣроятно, какъ можно давать такія неисполнимыя обѣщанія, а потомъ принялся читать третью бумажку, лежавшую тутъ-же и всю написанную мелкимъ, изящнымъ почеркомъ.

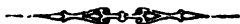
«Повидайся съ Дроздовской и дознайся, что случилось съ ребенкомъ; побывай также у Карла или вообще постарайся увидѣть какъ нибудъ дѣвушку, которую Замецкій зоветъ приеменною дочерью. Я кое-что подозреваю и подозрѣнія эти беспокоютъ меня не меньше дѣла твоего съ Бергеромъ. Напомни Гомуловичу, что онъ обѣщаль найти католика, готоваго дать денегъ за сносные проценты. Посули ему что хочешь, лишь-бы обдѣлалъ дѣло. Хоть на этотъ разъ не играй, или, по край-

¹⁾ Легкая пароконная бричка.

ней мѣрѣ, если проиграешь, не плати. Сважи тамъ, что ни на урсулинокъ, ни на непокалянокъ ¹⁾ я не дамъ ни гроша, потому что нѣтъ денегъ. Всѣ ресурсы такъ исчерпаны, всѣ струны такъ натянуты, что я ничего не могу сдѣлать. Постарайся обернуться какъ можешь и возвращайся. Помни о Дроздовской и о Карлѣ».

Панъ Альфредъ разорвалъ записку на кусочки и выбросилъ ихъ изъ брочки; на станціи онъ купилъ билетъ и тотчасъ-же поѣхалъ съ поѣздомъ въ городъ, гдѣ мы недавно оставили Скрыптовича, страшно пришибленнаго судьбой, бдящаго днемъ и спящаго ночью, такъ что приходится поневолѣ ждать важныхъ послѣдствій въ дальнѣйшемъ ходѣ нашей повѣсти.

Конецъ первой части.

¹⁾ Женскіе монашескіе ордена.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ДОНА.

II.

УСМИРЕНІЕ ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ БУЛАВИНСКАГО БУНТА.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Матеріалы для исторіи булавинскаго бунта.—Лихоимство въ началѣ XVIII вѣка.—Бралъ ли взятки князь Юрій Долгоруковъ съ казаковъ?—Предметы и моменты дѣйствія Булавина противъ московскаго правительства.—Кто усмирилъ булавинскій бунтъ?—Петръ Великій въ 1707 г.—Разница между Булавинымъ и Стенькою Разинымъ.—Обычаи, правленіе и судъ въ верховыхъ донскихъ городкахъ.

Переходя къ изслѣдованію главнаго предмета нашей статьи, мы предупреждаемъ читателей, что будемъ основываться лишь на документахъ и монографіяхъ, строго согласованныхъ съ архивами петровскаго времени. Изъ историческихъ трудовъ обращаемъ вниманіе на «Исторію Петра Великаго» Новикова, и на «Исторію Россіи въ эпоху преобразованій», С. Соловьева¹⁾. Пятнадцатый томъ этого историка-философа можетъ быть настольною книгою для повѣствователя или романиста, желающаго знакомить общество съ бытомъ русскаго государства въ началѣ XVIII вѣка.

¹⁾ Устряловъ не издалъ тома, заключающаго башкирскій, астраханскій и булавинскій бунты.

Чѣмъ чаще пробѣгаешь Соловьева, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что то былъ трудолюбивый, талантливый писатель, съ душою чуткою, отзывчивою и любящею все русское. Нерѣдко изумляешься его вѣрной характеристикѣ донскаго казачества. Замѣтимъ, что оба историографа преклоняются передъ гениемъ Петра и прощаютъ ему даже недостатки. Морской архивъ далъ намъ также возможность хотя нѣсколько освѣтить нѣкоторые факты описываемаго періода.

Сцены, помѣщенные нами въ предъидущихъ главахъ, были необходимы для ознакомленія съ общимъ характеромъ мало извѣстной исторіи Дона; булавинскій же бунтъ самъ по себѣ представляетъ событіе большаго интереса и можетъ быть изложенъ въ формѣ дидактической. Сознаемся однако же, что этотъ періодъ исторіи Петра Великаго все же мало изслѣдованъ. Много есть пропусковъ, недомолвокъ, и мы ихъ не смогли пополнить. Не говоря уже о личности Кондратія Булавина и его сообщниковъ—Некрасова, Драннаго, Голаго и другихъ, самыя перипетіи борьбы атамана голытьбы противъ московскаго правительства и отношенія къ бунту гетмана Малороссіи не выясняются изданными монографіями и прочитанными нами подлинными документами. Цѣлый мѣсяцъ бездѣйствія Булавина мы можемъ объяснить лишь ожиданіемъ помощи со стороны Мазепы, или весьма возможнымъ разгуломъ и пьянствомъ предводителя голытьбы, послѣ избранія его войсковымъ атаманомъ въ Черкасскѣ. Въ этомъ отношеніи бунтъ Стеньки Разина, личность богатыря-разбойника и его сообщниковъ, благодаря трудамъ Костомарова, выяснена далеко съ большею опредѣленностью. И Булавинъ, какъ увидимъ, подобно многимъ другимъ вожакамъ русскихъ народныхъ волненій, не осмѣливается поднимать бунтъ противъ самого царя. Онъ призываетъ своихъ приверженцевъ оставаться вѣрными московскому государю, но стремится уничтожить воеводъ, бояръ, взяточниковъ и прибыльщиковъ.

Видно они въ началѣ XVIII столѣтія настолько же потрясали экономическое положеніе русскаго народа, насколько незамѣтно, впродолженіи послѣднихъ 25 лѣтъ, его угнетали евреи, унаслѣдованные Россіею вмѣстѣ съ возвращенными отъ Польши литовскими провинціями.

Лихоимство оказывалось долгое время самою страшною язвою Россіи и въ этомъ отношеніи мы вѣруемъ, что прогрессивныя идеи XIX вѣка много способствовали ослабленію подобнаго

недуга. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нынѣ народилось уже много честныхъ и добросовѣстныхъ людей, а воровъ стало далеко менѣе, хотя они и крупнѣе; но въ петровское время язвою лихоимства были заражены, не только подъячіе и приказные, но воеводы, управлявшіе провинціями, и государственные люди, стоявшіе близко царскаго престола. Иностранные источники съ особенною настойчивостью упираютъ на эту нравственную эпидемію Россіи въ эпоху преобразованій. Неудивительно, что казаки Дона, вѣроятно привыкшіе давать взятки чиновнымъ людямъ, присылаемымъ изъ посольскаго приказа, подозрѣвали въ лихоимствѣ и князя Юрія Долгорукова, отправленнаго самимъ царемъ на Донъ для сыска людей, зашедшихъ въ казачьи города послѣ азовскихъ походовъ.

Мы, съ своей стороны, думаемъ, что князь Юрій Долгоруковъ не бралъ взятокъ, а поступалъ именно по указу государя и дѣйствовалъ съ особенною настойчивостью, достойною лучшей участи. Приведенное нами въ пятой главѣ донесеніе московскому государю, съ статистическими данными о казачьихъ городкахъ, дышетъ правдивостью. Сличая это донесеніе съ послѣдовавшею катастрофою, приходишь къ убѣжденію, что предшественники его по сыску бѣглыхъ, стольники Пушкинъ и Кологривовъ, принявши взятки отъ донецкихъ, хоперскихъ и устьмедвѣдичьихъ городковъ, отписали въ посольскій приказъ, что въ тѣхъ городкахъ всѣ казаки старослуживые, т. е. зашедшіе на Донъ до 1695 года.

Долгоруковъ весьма возможно, не пошелъ на компромисъ, не бралъ взятокъ, сталъ сыскивать по указу, и во многихъ айдарскихъ городкахъ нашелъ бѣглыхъ людей, зачисленныхъ въ казаки послѣ азовскихъ походовъ, т. е. бѣглыхъ, подлежащихъ выселенію. Откупившись уже отъ стольниковъ, казаки не могли стерпѣть настойчивости новаго лица, присланнаго царемъ съ тою же цѣлью; они не повѣрили честности князя и полагали, что онъ требуетъ новыхъ взятокъ.

Сводъ казачьихъ городковъ и сыскъ бѣглыхъ на Дону историкъ Соловьевъ признаетъ главною причиною булавинскаго возмущенія; но въ этомъ отношеніи мы болѣе раздѣляемъ взглядъ автора историческаго описанія войска донскаго и держимся того воззрѣнія, что булавинскому бунту способствовали многія причины, даже неимѣвшія прямого отношенія къ территоріи и населенію рѣки Великой.

Работать постоянно, на спѣхъ, днемъ и ночью, въ будни,

праздники и воскресенье, въ холодъ и зной, безъ оплаты за труды, а за неисполненіе требованій правительства ожидать пытокъ и бзней; отдавать свое время и деньги почти сряду пятнадцать лѣтъ, какъ того требовалъ, въ первую половину своего царствованія. Преобразователь нравовъ и обычаевъ на нѣмецкій ладъ,—этого всего не могъ вынести русскій народъ, не терпящій постоянной, упорной дѣятельности, и по своимъ историческимъ условіямъ, и по естественному климатическому положенію своей страны, придающему человѣку, такъ сказать, медвѣжьи инстинкты. Русскій народъ тогда еще болѣе, чѣмъ нынѣ, въ лѣни находилъ единственный свой комфортъ, удобство и пѣгу; въ правѣ работать и не работать объяснял онъ свою свободу. Это можетъ быть печально, но вѣрно. Русскій человѣкъ и до сихъ поръ гуляетъ и работаетъ запоемъ, и постоянной, акуратной, ежедневной работы нѣмца, онъ не переноситъ. Стремленіе русскаго простолюдина къ свободѣ совершенно иное, чѣмъ западнаго европейца, или гражданина Соединенныхъ Штатовъ Америки. Мы знаемъ героизмъ русскаго народа въ извѣстные грандіозные моменты его исторіи; тогда онъ дѣйствительно жертвуетъ и достояніемъ, и временемъ, и жизнью; но жертвовать, служить государству, ежедневно, ежечасно онъ не можетъ. Для него лучше смерть, чѣмъ подобное невыносимое положеніе, и мы увидимъ, что онъ будетъ умирать тысячами, казалось бы, безъ всякой цѣли.

Своего народа въ этомъ отношеніи не хотѣлъ понять великій русскій государь, не совѣтовавшійся съ свѣдущими, выборными людьми и желавшій передѣлать натуру нашего простолюдина по нѣмецкимъ правамъ и обычаямъ, по западно-европейскимъ образцамъ. Если не могъ русскій народъ поступиться свободою въ избраніи работы, по своему собственному усмотрѣнію, то какъ могъ ею поступиться донскою казакъ, считавшій военное дѣло единственнымъ своимъ ремесломъ и признававшій лишь тѣ промыслы—звѣроловство, рыболовство и скотоводство, которые способствовали развитію его военныхъ дарованій.

Петръ Великій требуетъ на службу весь русскій народъ; царь не церемонится и съ донскими казаками. Послѣднихъ онъ приглашаетъ отправлять ненавистное для нихъ дѣло: сидѣть по крѣпостямъ, возить почту и выламывать соль для азовскаго гарнизона.

Царь, чрезъ своихъ воеводъ и губернаторовъ, Толстаго и Апраксина, не только не пускаетъ казаковъ гулять по Азов-

скому и Черному морямъ, гдѣ они, сами наживаясь, способствовали могуществу всего государства,—нѣтъ, Петръ I идетъ дальше: онъ запираетъ для донцевъ и запорожцевъ устья Дона и Днѣпра, уничтожаетъ ихъ вольное рыболовство, дѣлаетъ и еще шагъ—хочетъ запретить донскимъ казакамъ имѣть верховыхъ лошадей. Для почтовой гоньбы казаковъ сгоняютъ съ насиженныхъ мѣстъ, гдѣ имъ такъ привольно, гдѣ у нихъ свое управленіе и свой судъ; требуютъ, чтобы они заселили станціи отъ Воронежа до Азова и Таганрога, чтобы они отказались отъ самоуправленія и подчинились-бы дьякамъ, стольникамъ и другимъ лицамъ, присылаемымъ изъ посольскаго приказа. Вѣдь войсковой кругъ уже подчинился коменданту крѣпости Азова, графу Толстому. Чего-же еще болѣе?

Интересна сохранившаяся челобитная воронежскихъ землевладѣльцевъ, писанная въ 1706 году самому царю.

«Да по твоему-же, великаго государя, указу въ Воронежскомъ уѣздѣ лѣса всѣ, которые намъ даны были въ угоды, отписаны на тебя, великаго государя, и выбрана къ намъ для береженія стража и та стража намъ, богомольцамъ и холопьямъ твоимъ и крестьянишкамъ, въ тѣ лѣса для дровъ и лучины и иныхъ подобныхъ домашнихъ нуждъ выѣзжать и рубить не велить ¹⁾ ... и отъ той тяжелой работы (корабельнаго дѣла) и отъ ихъ, подъяческаго, немилостиваго боя и съ голоду наша братія, крестьянишки наши, многіе померли и многіе изъ нихъ, холопей твоихъ, изъ всѣхъ селъ и деревень, покидая помѣстья и домишки свои, разошлись безвѣстно и разбѣжались на Донъ и на Хоперь и нынѣ бѣгаютъ непрестанно, а подговариваютъ и провожаютъ такихъ бѣглыхъ людей на Дону донскіе казаки... и вели, великій государь, послать нарочито дворянина, мимо воеводъ, и давать ему для поимки служивыхъ людей изъ городовъ, чтобы ему, дворянину, будучи за чертою въ степи, было съ кѣмъ бѣглецовъ и подговорщиковъ имать и надъ непріятельскими людьми ²⁾ поискъ имѣть... и чтобы намъ, богомольцамъ твоимъ, и съ остальными крестьянишки отъ вышесказанной тягости и отъ безвременной, нужной, нестерпимой работы и тяжелыхъ возовъ и отъ подъяче-

¹⁾ Въ 1878 году стремленіе администраціи сохранить отъ расхищенія донскіе станичные лѣса чуть не возбудило волненія между казаками и кончилось безпощаднымъ истребленіемъ древеснаго топлива.

²⁾ Вѣроятно крестьяне подразумевали донскихъ казаковъ.

скихъ мучительствъ, бою и взятокъ и отъ непрестанныхъ посылокъ и карауловъ и отъ подговору и провожанія донскихъ казаковъ остальныхъ людшекъ и крестьянишекъ нашихъ вѣчно, въ конецъ, не разорится»¹⁾.

Корабельная верфь въ Воронежѣ и крѣпость Азовъ, вотъ двѣ придуманныя царемъ каторги для безобиднаго, ни въ чемъ неповиннаго русскаго простолюдина; вотъ главные, вѣрно намѣченные предметы военныхъ операцій предводителя казачьей голытьбы, Кондратія Булавина. Предметы дѣйствій, съ военной, стратегической точки зрѣнія избраны весьма удачно; нашлись даже и исполнители. Еще остроумнѣе избранъ моментъ для вступленія въ бой съ правительствомъ. Мы видѣли, въ какомъ угнетенномъ положеніи находилось въ 1707 году московское государство. Побѣдоносный, талантливый, счастливый въ военныхъ операціяхъ шведскій король вступаетъ въ предѣлы Россіи и по пути все передъ нимъ преклоняется. Малороссія кишитъ интригою; бунтуютъ запорожскіе казаки, возстаетъ Башкирія; неспокойны русскіе колонизаторы на Терекѣ; злобою и ненавистью дышатъ русскіе выходцы на Кубани²⁾; не потухъ еще астраханскій вулканъ и лава изъ него струится огненнымъ потокомъ. Въ центрѣ Россіи—семейства раззоренныхъ и озлобленныхъ стрѣльцовъ и раскольниковъ. Купцы, дворяне, духовные недовольны поборами на корабельное дѣло. Присоедините неприязнь къ царю его супруги и роднаго сына-первенца и скажете сами, что моментъ былъ избранъ трагически ужасный. Дальше усмотримъ, что историкъ Россіи въ эпоху преобразованій критикуетъ военныя операціи Булавина; по Соловьевъ, незнакомый съ различіемъ регулярныхъ войскъ и казачьей вольницы, придаетъ послѣдней слишкомъ большое значеніе. Со стороны Булавина все состояло въ выборѣ предмета и момента дѣйствія. И тотъ, и другой соображены съ замѣчательнымъ искусствомъ, и мы вполне увѣрены, что то сдѣлано не имъ лишь, а при подстрекательствѣ, съ одной стороны, Мазепы, а съ другой Игнатія Некрасова, энергическаго охрянина³⁾, перешедшаго въ подданство турецкаго султана. Что Азовъ и Воронежъ должны были содѣлаться, при успѣхѣ Бу-

¹⁾ «Морской архивъ». См. также приложенія къ «Исторіи русскаго флота», Елагина (Періодъ Азовскій).

²⁾ Некрасовъ и другіе перебѣжчики изъ людей старой вѣры.

³⁾ Охряннами назывались раскольники, принимавшіе мусульманскую вѣру.

лавина, главными предметами для дѣйствій, показываютъ письма Петра I въ Меншикову, Апраксину, Толстому и усмирителю булавинскаго возстанія, князю Василию Владиміровичу Долгорукову.

Булавинъ, какъ и большая часть его сообщниковъ, начиная возстаніе, не приняли въ расчетъ одного, но весьма важнаго, обстоятельства, имѣвшаго неотразимое и главнѣйшее вліяніе на относительно быстрое усмиреніе бунта. Булавинъ и большинство народа полагали, что царь въ отсутствіи, за границую, а государствомъ правятъ бояре; притомъ предводитель голытьбы могъ думать, что Петръ I, занятый борьбою съ Карломъ XII, не приметъ личнаго непосредственнаго участія въ подавленіи возстанія казаковъ Дона. На дѣлѣ же оказалось, что атаманъ голытьбы боролся, не съ боярами и воеводами, которыхъ надѣялся одолѣть, а съ самимъ геніальнымъ, энергичнымъ и неутомимымъ государемъ Россіи. Не князь Василій Долгоруковъ усмирилъ булавинскій бунтъ. Мы увидимъ, что этотъ способный военачальникъ, безъ посредства и личнаго участія царя, не собралъ бы даже войскъ, назначенныхъ для усмиренія казаковъ. Страшный, по могущимъ быть отъ него послѣдствіямъ, булавинскій бунтъ сломленъ твердостью, пастойчивостью и чудовищною энергіею Петра, слѣдившаго шагъ за шагомъ за перипетіями этой послѣдней борьбы казачества противъ администраціи. Чуть не ежедневныя письма царя къ разнымъ лицамъ и понуканіе Василя Долгорукова показываютъ, какое громадное значеніе придавалъ подобному возмущенію прозорливый и неутомимый государь, и въ какое время! Не говоря уже о политическихъ обстоятельствахъ, Петръ въ 1707 году постоянно страдалъ и душевно, и тѣлесно. Его сердце болѣло отъ успѣховъ шведскаго короля; его тѣло одолѣвали злая лихорадка и полное разстройство нервной системы. Въ 1707 году мы встрѣчаемъ въ его письмахъ нервное раздраженіе. Онъ обижаетъ горькимъ словомъ Апраксина, Мазепу и другихъ; онъ грозитъ извести донскихъ казаковъ, но вслѣдъ затѣмъ спохватывается, проситъ извиненія у обиженнаго Апраксина и тщится усмирить бунтъ вроткими, гуманными мѣрами.

Слѣдовательно, Булавинъ, искусно избравши моментъ и предметъ для дѣйствія, не рассчиталъ, что онъ будетъ вести борьбу противъ самаго царя, «сунулся въ воду, не спросясь броду», какъ гласитъ русская пословица. Съ этой точки зрѣнія необходимо смотрѣть на перипетіи кровавой трагедіи, самое изложеніе которой можно прочесть у Соловьева.

Бромъ того, булавинскій бунтъ, мало еще изслѣдованный, нельзя приравнивать къ простой, всегда возможной вспышкѣ угнетеннаго народа, въ родѣ еврейскихъ беспорядковъ 1881 г. Усмиреніе подобнаго, осмысленнаго и соображеннаго съ обстоятельствами времени бунта составляетъ одну изъ блестящихъ страницъ въ исторіи великаго государя Россіи.

По отношенію этого историческаго событія, философскія воззрѣнія англичанина Бовля ¹⁾, писателя столь популярнаго въ Россіи, выдерживаютъ критику лишь съ одной стороны. Булавинъ, дѣйствительно въ своемъ лицѣ представляетъ народныя и казачьи стремленія начала XVIII вѣка. Умень ли, силенъ, рѣчиствъ, даровитъ-ли предводитель—въ данномъ случаѣ было неважно. Нуженъ былъ вождь для возстанія противъ правительства; народъ уже давно былъ приготовленъ и ждалъ случая во очію указать правительству, что онъ доведенъ до крайности. Въ свою очередь, казакамъ нуженъ былъ человекъ, рѣшившійся завладѣть Азовомъ, ибо надежды на результаты взятія этой крѣпости Петромъ не оправдались. Казаки желали уничтожить и воронежскую верфь, и правительственный флотъ, а затѣмъ они повели бы борьбу противъ остальныхъ преобразованій Петра. Такимъ образомъ за спиною Булавина скрывались недовольные царемъ донскіе казаки и отягощенный и обездоленный русскій народъ.

На другой же сторонѣ мы видимъ вовсе не государство, какъ выражается Соловьевъ, а одну колоссальную личность, рѣшившуюся во что бы то ни стало сломить своеволие казаковъ и приуготовить ихъ къ воспринятію гражданственности на общихъ для имперіи условіяхъ. Мы не вѣримъ, какъ говоритъ Соловьевъ, чтобы, при тождественныхъ обстоятельствахъ, могло сломить Булавина и его сообщниковъ правительство царей Михаила Θεодоровича и Алексѣя Михайловича. Принимая во вниманіе обстановку и преслѣдуемыя цѣли, возмущеніе Булавина оказывается болѣе серьезнѣе бунта Степки Разина. Разинъ былъ талантливымъ разбойникомъ, хотя и не безъ популярныхъ для русскаго простолюдина воззрѣній, тогда какъ Булавинъ представляется народнымъ бунтаремъ, въ обширномъ значеніи этихъ словъ. Только подобные бунтари, при такомъ жестокѣмъ угнетеніи народа и при описанныхъ нами обстоятельствахъ, могутъ возстановить русскій народъ противъ правительства.

¹⁾ «Исторія цивилизаціи Англіи».

Булавинъ взялъ на себя задачу не по силамъ лишь потому, что имѣлъ главнымъ своимъ врагомъ самого представителя государства, гениальнаго и самодержавнаго царя, неостановившагося даже передъ относительно громадными успѣхами Карла XII. Вотъ почему мы избрали соответствующее заглавіе настоящаго историческаго очерка, и читатель увидитъ, что мы были правы.

Булавинъ, какъ то будетъ усмотрѣно изъ послѣдующаго повѣствованія, жалуется народу, что царь стремится уничтожить существовавшіе порядки въ казачьихъ городкахъ. Ознакомившись въ прежнихъ статьяхъ съ войсковымъ кругомъ въ Черкасскѣ, прослѣдимъ, какъ въ описываемую эпоху управлялись малые и большіе казачьи городки ¹⁾.

Всѣ граждане въ казачьихъ городкахъ, по словамъ бытописателя Казанской станицы ²⁾, имѣли одинаковыя права, пользовались одинаковою свободою и составляли изъ себя общезительное братство; жили они артелями (сумами), человекъ по десяти и болѣе и имѣли все общее, кромѣ только денегъ. Средства къ жизни они получали отъ добычи надъ непріятелями, охоты за дичью въ степяхъ и рыбной ловли. Промыслы эти производились ими сообща всею станицею. Все добытое дѣлилось поровну между всѣми участвовавшими. Дѣлежь этотъ (дуванъ) производился непременно при возвращеніи съ похода, не доходя до станицы. Получивъ слѣдующую часть добычи, каждый отдавалъ ее въ свое артельное имущество. Выборъ артели зависѣлъ отъ воли каждаго. Также вольно было каждому, взявъ все, идти въ другую станицу, или куда угодно. Если артель считала что либо изъ имущества своего для себя излишнимъ, напримѣръ, какіе нибудь предметы роскоши, добытые отъ непріятелей: ковры, камни, мѣха, шелковыя матеріи и прочее, то она продавала все это тутъ же на мѣстѣ, пріѣхавшимъ изъ Россіи купцамъ, или отправляла все это для продажи въ русскіе города съ кѣмъ либо изъ своихъ сочлеповъ. Вырученныя за проданное имущество, деньги шли на приобрѣтеніе для артели разныхъ жизненныхъ продуктовъ, а также пороху, свинцу, струговъ (лодокъ), тенетъ, сѣтей и проч. Если же во всемъ этомъ не было нужды, то вырученныя деньги дѣлились поровну между всѣми членами артели и обращались въ личную собственность

¹⁾ «Общественный бытъ и народныя обычаи Казанской станицы», Н. Тимощенковъ. Труды областного войска Донскаго статистическаго комитета 1874 г.

²⁾ Въ Устьмедвѣдицкомъ округѣ, на Дону.

каждаго. Позже станицамъ присылалось жалованье отъ русскаго царя, состоявшее обыкновенно въ деньгахъ, хлѣбѣ, свинцѣ, порохѣ и сукнѣ. Имъ граждане распорядились также, какъ и добычею.

Вѣдѣніе всѣхъ гражданскихъ дѣлъ находилось въ рукахъ всѣхъ гражданъ; все зависѣло отъ воли общества и рѣшалось по большинству голосовъ. Но безъ столба и заборъ не стоитъ, безъ перевязла и вѣнокъ рассыпается, говорили граждане, и потому, для уряда и распоряженія общественными дѣлами, они избирали изъ среды себя атамана и есаула. Атаманъ въ отдѣльномъ вазачьемъ городкѣ былъ главное лицо, а есаулъ его помощникъ. Оба избирались на годичный срокъ. Принимая власть отъ общества для извѣстной цѣли, атаманъ содѣлывался полновластнымъ, самымъ неограниченнымъ поводителемъ, какъ избравшихъ его, такъ и всѣхъ тѣхъ, которые послѣ вступали въ общество. Во всей силѣ власть атамана высказывалась особенно во время походовъ противъ непріятеля. Тутъ жизнь и смерть cadaго подчиненнаго находились въ рукахъ атамана. Вообще принципъ подчиненія власти былъ таковъ, что кругъ, избирая атамана, говорилъ ему: «куда ты глазомъ кинешь, туда мы кинемъ головы свои». Впрочемъ, атаманъ всегда оставался отвѣтственнымъ передъ временными своими подчиненными, которые, избирая его на одинъ годъ, могли продержатъ не болѣе недѣли, если-бы онъ дѣйствовалъ несогласно интересамъ общества. За оплошность и нанесеніе вреда общественному дѣлу атаманъ подвергался, какъ и каждый другою гражданинъ, общественному суду.

Всѣ общественныя дѣла обсуждались въ кругу. Тутъ же творились судъ и расправа надъ виновными. Кругъ собирался всегда на площади между станичною избою и часовнею. Мѣсто это называлось майданомъ. Когда нужно было собрать кругъ, то есаулъ съ жезломъ въ рукахъ шелъ по станицѣ и на перекресткахъ, слявъ шляпу, на-распѣвъ кричалъ: «атаманы-молодцы, сходитесь на майданъ войсковую грамату слушать», или: «для общаго станичнаго дѣла», смотря потому, для чего собирался кругъ. Когда кругу предстояло обсуждать очень важное и спѣшное дѣло, напримѣръ, о принятіи мѣръ противъ показавшагося въ виду станицы непріятеля, о немедленномъ выступленіи въ походъ на помощь войску или какою станицѣ и проч., то есаулъ сзывалъ въ него гражданъ, съ развивающеюся хоругвью въ рукахъ. Это служило сигналомъ для гражданъ, что станица находится въ опасномъ положеніи. Въ кругъ выносились

всегда изъ часовни хоругви и онъ считался мѣстомъ священнымъ, правительственнымъ. Граждане стояли въ немъ безъ шапокъ. Атаманъ предлагалъ кругу для обсужденія дѣла; есаулъ же смотрѣлъ въ это время за порядкомъ. За нарушеніе приличія и оскорбленіе святости круга каждый изъ гражданъ тутъ же могъ быть наказанъ. За преступленія разнаго рода кругъ наказывалъ своихъ гражданъ позоромъ и штрафомъ. Позоръ состоялъ въ томъ, что виновнаго били въ кругу дубинами и чѣмъ попало, сажали въ темную комнату (кѣлтку), забивали въ колодку и проч.; штрафъ же въ томъ, что у виновнаго забирали (грабили) все, лично ему принадлежащее имущество въ общественную пользу. Иногда оба эти наказанія присуждались одному и тому же лицу. Это называлось «бить и грабить». Битье вообще считалось болѣшимъ наказаніемъ, нежели грабежъ (лишеніе имущества). Если кого присуждали бить, то непременно приэтомъ грабили. Грабежъ же могъ быть и безъ битья. Наказаніе это несли уличенные въ воровствѣ, трусости, непослушаніи, прелюбодѣянніи, несоблюденіи постовъ и проч. Приговоры круга исполнялись желающими, если же такихъ не оказывалось между гражданами, то приговоръ приводилъ въ исполненіе есаулъ. Тѣхъ гражданъ, которые оказывались виновными въ болѣе важныхъ преступленіяхъ, какъ-то: въ убійствѣ, трусости, если отъ этихъ преступленій произошелъ общественный вредъ, въ особенности при обвиненіи въ измѣнѣ, въ станичномъ кругу не судили, а забивали въ колодки и везли для суда въ войско, гдѣ они судимы были или войсковымъ кругомъ, или войсковымъ атаманомъ, станичными атаманами и избранными отъ каждой станицы, по два или болѣе, стариками-депутатами. Тамъ болѣею частію ихъ приговаривали къ смертной казни чрезъ «куль и воду». Преступника сажали въ мѣшокъ, въ который предварительно накладывали камней или насыпали песку, опускали на веревкѣ въ воду и держали тамъ до тѣхъ поръ, пока онъ задыхался. За измѣну войску иногда казнили и такъ: выводили преступника за границу, перерубивали его пополамъ и одну половину оставляли на своей землѣ, другую же перебрасывали на непріятельскую.

Тѣ изъ гражданъ, которые бывали наказываемы въ кругу за преступленія, лишались всегда права голоса между гражданами и назывались исковыми, т. е. опороченными, штрафными. Они были какъ бы лишены покровительства законовъ; суда имъ не было и всякій могъ ихъ безнаказанно бить и грабить. Однакоже, возстановить свои гражданскія права, уничтожить на себѣ

общественную пеню они могли во всякое время, стоило имъ сдѣлать какое либо отличіе.

Общество станицы наполнялось выходцами изъ Россіи, выходцами изъ другихъ станицъ и плѣномъ. Какъ извѣстно, донскіе казаки производили свои набѣги на жилища турокъ, татаръ и черкесовъ; мужчинъ убивали, женщинъ же и дѣтей обоего пола брали въ плѣнъ и вмѣстѣ съ другою добычею доставляли въ свои городки. Отсюда они ихъ иногда препровождали въ Россію, за что русскій царь хвалилъ ихъ и дарилъ, а большею частію оставляли у себя и на женщинахъ женились, а дѣтей усыновляли и воспитывали.

Браки существовали, но за неимѣніемъ церкви они совершались не по уставамъ церкви, а особеннымъ образомъ. Женихъ выводилъ невѣсту въ кругъ и спрашивалъ дозволенія имѣть ее женою; кругъ спрашивалъ о согласіи невѣсты и, если она была согласна, утверждалъ бракъ. Иногда невѣста была плѣнница, доставшаяся жениху при дѣлежѣ добычи. Вотъ какъ объ этомъ гласитъ донская пѣсня¹⁾.

На Дону то все живутъ братцы, люди вольные,
Люди вольные, живутъ то донскіе казаки.
Собирались казаки други во единый кругъ,
Они стали межъ собою, да все дуванъ дѣлать:
Какъ на первый-атъ пай они владѣли пятьсотъ рублей,
На другой то пай они владѣли всю тысячу,
А на третій становили красну дѣвицу.
Какъ растужится, какъ расплачется добрый молодецъ:
Голова-ль ты моя, головушка, неладивая,
Въ бою то, ко батальниці ты напервая,
На пая то, на дуванъ ты послѣдняя.
Какъ возговорить красна дѣвица добру молодцу:
Ахъ, не плачь ты, не тужи, удачь добрый молодецъ!
Я сотку тебѣ шелковъ коверъ въ пятьсотъ рублей,
А другой коверъ сотку тебѣ во всю тысячу,
А третій то коверъ я сотку, что и смѣты нѣтъ.

Казаки могъ плѣнницу продать, промѣнять и сбыть съ рукъ, какъ ему было угодно; но имѣть ее женою, безъ разрѣшенія круга, онъ не могъ, потому что оскорбилъ бы этимъ общественную нравственность и былъ бы наказанъ въ кругу, какъ уголовный преступникъ. Если мужъ и жена не соглашались продолжать сожителство, то съ разрѣшенія круга они могли рас-

¹⁾ «Сборникъ донскихъ народныхъ пѣсенъ», составилъ А. Савельевъ. 1866 г. Бн. IV.—Апрѣль, 1882.

торгнуть супружество и вступить въ новое. Если жена была прежняя раба, плѣнница мужа, то, по разводѣ съ нею, мужъ сохранялъ надъ нею прежнія права и могъ ее или пустить на волю, или подарить кому угодно, продать, промѣнять на коня, харчи или что другое. Съ «неотказанною» (неразведенною) женою онъ не могъ этого сдѣлать.

Вообще женатыхъ въ станицѣ было очень мало, хотя женщинъ иногда было довольно.

Въ началѣ XVIII столѣтія, въ нѣкоторыхъ станицахъ, одинъ женатый приходился на 100 возмужалыхъ казаковъ. Ребенка нянчила и качала вся станица¹⁾.

Женщины въ станицахъ жили съ мужчинами въ артели, занимались хозяйствомъ, а во время опасности, при нападении на городокъ непріятелей, брались за оружіе наравнѣ съ мужчинами. Сохранились многія преданія, что при штурмованіи городка турками и татарами, всѣ женщины, находившіяся въ городѣ, бывали одѣты въ мужское платье и сражались у палисадовъ и плетней.

Въ случаѣ обиды общественной, станица жаловалась главному войску и получала всегда удовлетвореніе. Если находилъ на нее непріятель, то защищать ее поднималось, если оказывалась нужда, все войско. Въ свою очередь станица обязана была исполнять безпрекословно всѣ грамоты высшаго донскаго правительства, что бы въ нихъ не предписывалось, и идти немедленно на помощь всякой другой станицѣ, если той грозила опасность отъ непріятеля. Если войсковое начальство заключало миръ съ какамъ-нибудь народомъ, напримѣръ, азовцами и ногаями, то и станица обязывалась соблюдать миръ.

Въ случаѣ неисполненія этого условія, станица могла подвергнуться войсковою пени, а именно лишиться гражданства. Тогда ея представители не принимались въ войсковой кругъ; суда и защиты ей въ войскѣ тоже не было. Мало того, противъ нея могло пойти все войско и истребить самую память о ней, разорить и выжечь безъ остатка, что и случилось съ нѣкоторыми станицами. Атамана и вліятельныхъ гражданъ въ такомъ случаѣ казнили смертію, а всѣхъ остальныхъ гражданъ продавали въ неволю туркамъ и татарамъ.

¹⁾ «Сказаніе о Курюморской станицѣ». «Войсковыя донскія вѣдомости» 1862 года.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Басейнъ рѣки Айдаря. — Откуда возникъ бунтъ? — Рѣшеніе хоперскихъ казаковъ. — Умерщвленіе Долгорукова и катастрофа въ Шувальскѣ. — Дѣйствовалъ ли Булавинъ по личному усмотрѣнію. — Первое пораженіе булавинцевъ на рѣкѣ Айдарѣ. — Довесеніе Лукьяна Максимова. — Неотвѣтственность Булавицы за бунтъ передъ исторіею. — Пѣсня про Азовъ. — Тщетное успокоеніе царя Петра.

Впадающая въ Сѣверный Донецъ рѣчка Айдаръ ¹⁾ или, какъ ее харьковцы называютъ, «Хайдаръ», очень извилиста, съ быстрымъ теченіемъ, имѣетъ много бродовъ и, въ описываемое время, на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, вправо и влево, была опоясана роскошными, густыми, почти непроходимыми листовыми лѣсами, въ которыхъ могли скрываться тысячи всадниковъ. На лѣвой сторонѣ Айдаря, кромѣ Старого и Нового Айдаря казачьихъ городковъ того же наименованія, лежали Завотный и Шувальскій городки. Послѣдній былъ устроенъ до азовскихъ походовъ. Черезъ Боровскій и Трехъизбянскій городки, лежавшіе на лѣвой сторонѣ Сѣвернаго Донца, айдарскіе городки имѣли сношеніе съ главнымъ войскомъ и донскимъ правительствомъ, находившимся въ Черкасскѣ. Отсюда всѣ донецкіе, какъ и другіе, городки получали и повелѣнія и наставленія, словесно и письменно.

Булавина одни признаютъ станичнымъ атаманомъ Трехъизбянскаго, другіе — Бахмутскаго городка. Соловьевъ же и другіе источники называютъ его походнымъ атаманомъ, а слѣдовательно начальникомъ казачьяго отряда въ нѣсколько тысячъ человекъ и, по тогдашнему времени, предводителемъ, назначеннымъ не войсковымъ или верховнымъ правительствомъ, а избраннымъ на эту временную должность самими казаками.

Прочитанные нами документы не указываютъ на столь видное значеніе Булавина; но, вѣроятно, историкъ Россіи говоритъ не безъ основанія. Какъ мы уже приводили въ своемъ мѣстѣ, городокъ Бахмутъ былъ крѣпостью, устроенною Петромъ, а слѣдовательно Булавинъ не могъ быть станичнымъ атаманомъ именно этого городка. Весьма возможно также, что атаманъ голытѣбы, казакъ Трехъизбянскаго городка, имѣлъ свои хутора по рѣчкѣ Айдарю, такъ какъ и доселѣ сохранились наименованія: Бахмутка и Булавиновка, лежація по этой рѣкѣ.

¹⁾ Протяженіе 190 верстъ.

Походнымъ же атаманомъ онъ былъ выбранъ, по всей вѣроятности, для надзора за ногайскими татарами, кочевавшими въ нынѣшнемъ Мѣускомъ округѣ. Безспорно, что на территоріи бассейна Сѣвернаго Донца Булавинъ пользовался вліяніемъ и сносился съ войсковымъ атаманомъ и старшинами, большинство которыхъ раздѣляло его взгляды.

Царь Петръ, еще въ 1703 году, повелѣлъ свести и уничтожить запольные городки, т. е. лежащіе по лѣвой сторонѣ Донца и его притоку Айдарю, и перевести ихъ въ «поле», т. е. на правую сторону Донца.

Войсковой кругъ отстаивалъ передъ правительствомъ неприкосновенность айдарскихъ городковъ; но государь отклонилъ ходатайство главнаго войска. Стольники не нашли въ нихъ новослуживыхъ казаковъ, какъ это видно изъ приведенной нами отписки князя Юрія Долгорукова московскому царю; но изъ той же отписки усматривается, что Завотный городокъ былъ устроенъ казаками въ 1699 году, т. е. послѣ азовскихъ походовъ, а слѣдовательно весь подлежалъ своду.

Согласно данной князю инструкціи, надо полагать, что Долгоруковъ прежде всего обязанъ былъ обратить вниманіе на городки, лежавшіе по верховьямъ Хопра, гдѣ находился многолюдный Пристанскій городокъ, впоследствии отошедшій въ Воронежскую губернію, а затѣмъ производить ревизію въ донецкихъ и айдарскихъ городкахъ. Князь ¹⁾, въ 1707 году, командовалъ бригадою, т. е. двумя полками; но были ли въ экспедиціи оба полка, т. е. 4,000 человекъ солдатъ, документы положительно не говорятъ. Силы свои онъ разбилъ на отдѣльные отряды, подъ руководствомъ грамотныхъ офицеровъ и приказныхъ; ближайшая его задача состояла не въ военныхъ дѣйствіяхъ, а въ описи казачьихъ городковъ, собраніи на мѣстѣ статистическихъ данныхъ и отправленіи бѣглыхъ на прежнія мѣста. Главная квартира Долгорукова находилась въ Шульгинскомъ городкѣ. При штабѣ, кромѣ командира, находилось еще десять офицеровъ, въ томъ числѣ, кромѣ самого Долгорукова, еще два лица княжескихъ фамилій.

Получивъ указъ объ отправленіи на Донъ князя Юрія Дол-

¹⁾ Въ 1706 году Долгоруковъ былъ назначенъ командиромъ въ Троицкѣ, на Тагань-Рогу и въ указѣ сказано, что подъ его начальство поступаетъ 2,000 человекъ. («Морской Архивъ»). Въ этомъ «Архивѣ» фамилія Долгоруковыхъ найдеть много для себя интереснаго.

горукова, войсковоу атаманъ, а за нимъ и войсковоу кругъ, т. е. донское правительство, приняли царскаго довѣреннаго съ хлѣбомъ и солью и, какъ говорилось тогда, съ честью, т. е. съ почетомъ. Войсковоу атаманъ Лукьянъ Максимовъ, не соглашаясь дозволить Долгорукову производить ревизію въ самомъ Черкасѣ, тѣмъ не менѣе, собственно для описи верховыхъ и донецкихъ городковъ, въ помощь князю далъ пять именитыхъ старшинъ, изъ которыхъ Григорьевъ и Емельяновъ, одинъ до 1707 года, а другой впоследствии, были войсковыми атаманами. Наиболѣе же видною и преданною верховному правительству личною былъ Ефремъ Петровъ ¹⁾, знакомый съ требованіями цари и неупраздненнаго еще посольскаго приказа.

Судя по документамъ, прочитаннымъ нами въ «Морскомъ Архивѣ», а именно, на основаніи показаній приказныхъ, бѣжавшихъ въ Азовъ изъ поля Долгорукова, порученіе свое князь началъ съ нижнихъ донскихъ городковъ; но подъ непосредственною, т. е. личною командою Долгорукова находились отряды, квартировавшіе въ донецкихъ городахъ, со штабною квартирою въ Шульгинскомъ городѣ. По опросамъ приказныхъ оказывалось, что волненіе, осенью 1707 года, возникло въ хоперскихъ и устьмедвѣдичскихъ городкахъ.

Противъ верховнаго правительства, тотчасъ же по прибытіи отрядовъ, на Хопрѣ возстали всѣ молодые казаки; напротивъ, старые держались буквальнаго смысла граматы войска и наставленій пяти старшинъ о полномъ подчиненіи требованіямъ лица, пользовавшагося царскимъ довѣріемъ и, повидимому, имѣвшаго значительныя полномочія.

Молодежь не хотѣла внимать наставленіямъ стариковъ, шумѣла въ станичныхъ кругахъ, и послѣдніе, управляясь большинствомъ, рѣшили не допускать отрядовъ Долгорукова до розыска бѣглыхъ. Въ большинствѣ хоперскихъ станицъ, по словамъ приказныхъ (писарей) ²⁾, рѣшено было убить всѣхъ офицеровъ, солдатъ же пригласить къ поступленію въ казачество, а иначе тоже убивать.

По всѣмъ городкамъ были получены наставленія Булавина противодѣйствовать всѣмъ зависящими мѣрами отрядамъ Долго-

¹⁾ Потомки его, съ фамиліями Ефремовыхъ, впоследствии были войсковыми атаманами въ царствованіе императрицы Екатерины II.

²⁾ «Морской Архивъ». Дѣло приказа морскаго воинскаго флота о посылкѣ князя Долгорукова. — Дѣло адмиралтейскаго приказа, за №№ 158 и 24, о розыскѣ бѣглыхъ и убійствѣ князя Долгорукова.

рукова и, судя по другимъ источникамъ и какъ это будетъ видно дальше, Булавинъ дѣйствовалъ на основаніи инструкцій, данныхъ войсковымъ правительствомъ и самимъ войсковымъ атаманомъ. Двучиность Лукьяна Максимова обнаружилась съ самаго начала и, повидимому, Булавинъ вѣрилъ, что за возстаніе казаковъ и бунтъ стоитъ все войско. Но уже съ самаго начала не всѣ станицы внимали подстрекательствамъ булавицевъ. Распросы писарей наглядно рисуютъ, что, напримѣръ, Федосѣевскій городокъ, на Хопрѣ, подъ вліяніемъ своего станичнаго атамана, рѣшительно сталъ за верховное правительство и постановилъ булавицевъ бить и грабить.

Въ прошедшей главѣ мы рассмотрѣли, какіе были порядки въ отдѣльныхъ городкахъ и какъ они управлялись своими кругами. Въ данномъ случаѣ, не получая отъ войска ясныхъ указаній, каждый верховый городокъ дѣйствовалъ вполне самостоятельно; время можно было назвать «военнымъ и осаднымъ», почему станичный атаманъ или избранный казаками начальникъ городка имѣлъ первенствующее значеніе.

Какія причины содѣйствовали подобной розни во взглядахъ верховыхъ казаковъ мы объяснить не можемъ, но увидимъ въ послѣдствіи, что, не смотря на проникновеніе бунта далеко за предѣлы тогдашней донской территоріи въ нынѣшнюю Тамбовскую губернію, въ мятежу не пристали также Правоторовскій, Бурацкій, Казанскій и Устьмедвѣдичей верховые городки.

Извѣстные намъ документы и историческія монографіи не говорятъ, въ какомъ именно изъ казачьихъ городковъ было рѣшено перебить отрядъ князя Долгорукова. Мы полагаемъ, что по этому вопросу собирался кругъ гдѣ нибудь на Хопрѣ и вблизи Пристанскаго городка; но рѣшившись строго держаться исторіи, удерживаемся отъ изображенія сцены подобнаго народнаго совѣщанія. Во всякомъ случаѣ Булавинъ дѣйствовалъ не лично, а на основаніи рѣшенія большинства казаковъ съ Хопра, Устьмедвѣдичи и притока этой рѣки Бузулука. На Хопрѣ же было рѣшено также убить самого князя Долгорукова въ его штабной квартирѣ, въ Шульгинѣ, на Айдарѣ. Убить Долгорукова взялъ на себя самъ атаманъ голытьбы.

При князѣ, въ Шульгинѣ находилось, кромѣ него, десять офицеровъ и пять казачьихъ старшинъ. Въ глухую, темную ночь, булавицы собрались въ сосѣднихъ лѣсахъ и внезапно, со всѣхъ сторонъ, напали на Шульгинскій городокъ, умертвили всѣхъ десять офицеровъ, самого князя и 1,000 человекъ солдатъ, какъ говорятъ всѣ добументы и донесеніе, доставленное

царю Петру. Расправу съ княземъ Долгоруковымъ взялъ на себя Булавиный. Соловьевъ и другіе документы приводятъ, что Долгорукова «Кондрашка хватилъ». Весьма возможно, что предводитель голытьбы ударилъ князя не оружіемъ, а кулакомъ; по жрайней мѣрѣ историкъ Россіи въ эпоху преобразования приводитъ догадку, что со дня смерти Долгорукова Булавинымъ произошла поговорка, указывающая на мгновенную смерть отъ удара. Это же преданіе даетъ намъ поводъ считать атамана голытьбы человѣкомъ атлетическаго сложенія, но, какъ увидимъ въ послѣдствіи, личностью, не надѣленно выдающимися умственными дарованіями. Цифры—десять офицеровъ и 1,000 человѣкъ солдатъ повторяются, какъ мы сказали, въ различныхъ документахъ. Князя Долгорукова и десять офицеровъ ¹⁾ бросили и засыпали въ одной общей ямѣ; насчетъ же тысячи солдатъ мы недоумѣваемъ, ибо тотчасъ за этою катастрофою встрѣчаемъ дозвѣшеніе войсковаго атамана, объясняющаго, что Булавиный предводительствовалъ толпою всего изъ 200 вооруженныхъ людей. Нужно думать, что, приводя эту цифру, Лукьянъ Максимовъ отводилъ глаза московскому правительству, но что съ самаго начала бунта, т. е. съ августа 1707 года сторонниковъ Булавина было около 20,000 человѣкъ.

Какъ въ Шульгинскомъ городѣ, такъ и въ послѣдствіи, булавинцы, не смотря на превосходство въ силахъ надъ солдатами, дѣйствуютъ не открытою силою, а хитростью и коварствомъ, однакоже по заранѣ начертанному плану, обдуманному въ казачьихъ кругахъ. Если читатель припомнитъ, что дѣло происходило въ Слободской Украйнѣ, гдѣ женщины были далеко привѣтливѣе, чѣмъ на Дону, и сельское и домашнее хозяйство уже распространилось между жителями айдарскихъ городковъ, то можно нарисовать по случаю печальной картины князя Долгорукова драматическую сцену, въ которой на первомъ планѣ долженъ быть представленъ разгулъ штабныхъ офицеровъ, прельщеніе или насилваніе женщинъ, какъ о томъ и жаловалось

¹⁾ Въ дѣлѣ № 24 адмиралтейскаго приказа читаемъ: «2 декабря 1708 г. отписать въ азовскій столъ изъ бѣгородскаго стола, что съ полковникомъ княземъ Юріемъ Долгоруковымъ въ донскихъ городкахъ полку его оицера и азовскіе дворяне, кто именно побиты отъ воровъ и бунтовщиковъ (имена). Всего 1 майоръ, 1 капитанъ, 4 поручика, 4 прапорщика и крокъ того 4 подъячыхъ. Въ числѣ оицеровъ князя Иванъ Степановичъ Тенебековъ и Семень Несвидкій (шведскій при полковникѣ, вѣроятно, въ деньщикахъ, какъ это было принято въ петровское время).

въ посольскій приказъ донское правительство; о томъ же гласить и донскія пѣсни.

Какъ бы то ни было, Булавинъ оказывается простымъ исполнителемъ общаго рѣшенія верховныхъ казачьихъ городковъ. Въ историческомъ описаніи войска донскаго приводится: «Склонивъ на свою сторону донецкіе и по заповѣннымъ рѣчкамъ (Айдаръ, Деркуль, Калитва, входящія въ Донецъ съ лѣвой его стороны) населенные городки, Булавинъ отправился на р. Хоперь, гдѣ по совѣщанію было положено умертвить князя Долгорукова, что и было исполнено на рѣчкѣ Айдарѣ. Принесся такимъ образомъ въ жертву своей лютои князя Долгорукова и до 1,000 солдатъ и офицеровъ, Булавинъ немедленно разослалъ по всѣмъ казачьимъ городкамъ возмутительныя письма, убѣждая всѣхъ принять участіе въ общемъ дѣлѣ. Письма Булавина розлили пламя возмущенія по всей верхней части Дона и по рѣкамъ Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулузу и Донцу. Войсковою атаманъ тщетно разсылалъ увѣщательныя войсковыя грамоты, чтобы не слушали клеветамъ и не приставали къ возмутителямъ; но легковѣрные не внимали этимъ убѣжденіямъ. Булавинъ, начальствуя 20,000 войска, состоящаго изъ бѣглецовъ или вольницы, намѣренъ уже былъ идти къ Москвѣ; но войсковою атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ старшинами и казаками нижнихъ донскихъ городковъ, неприставшихъ къ возмутителямъ, разбилъ его въ октябрѣ 1707 года, захватилъ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ и отправилъ въ Москву со старшиною Ефремомъ Петровымъ». Гораздо подробнѣе эти обстоятельства разсказаны у Новикова, приводящаго много писемъ царя Петра, и у Соловьева. Послѣдній говоритъ: «Въ Черкасѣ старшины приняли Долгорукова честно и дали ему пять человѣкъ изъ своей среды для провожанія и помощи въ отысканіи бѣглыхъ. Но въ то же время пошла ходить между казаками грамота отъ имени старшины, съ увѣщаніемъ не допускать Долгорукова до исполненія царскаго указа и бить сыщиковъ. Бахмутскій атаманъ, изъ трехъязвнскихъ казаковъ, Кондратій Булавинъ, объявилъ, что надобно исполнять по войсковой грамотѣ. Разумѣется охотниковъ помогать ему въ этомъ дѣлѣ нашлось много. На рѣчкѣ Айдарѣ, ночью на 9 октября, Булавинъ нечаянно напалъ на Долгорукова и истребилъ весь отрядъ, вмѣстѣ съ предводителемъ. Совершивши этотъ подвигъ (?), Булавинъ пошелъ по донецкимъ городкамъ, разсылая возмутительныя грамоты». Дальше историкъ Россіи въ эпоху преобразованій излагаетъ. «По этимъ, т. е. грамотамъ отъ войсковаго донскаго правительства, атаманъ Закотен-

своей станицы (на верхнихъ частяхъ р. Айдара) собралъ толпу человекъ въ 500 и хотѣлъ было идти къ Булавину, да остановился, потому что многіе казаки одумались и начали отъ него отставать; тѣмъ не менѣе товарищи Булавина не одумывались; имъ нужно было идти въ украинные города для коней и для добычи; то были бурлаки безконные, безъ оружія и безъ одежды. Атаманъ стараго Боровскаго городка со всею станицею встрѣтилъ Булавина съ хлѣбомъ, виномъ и медомъ и принималъ его торжественно, въ станичной избѣ. Около Булавина образовалась старшина, т. е., по нынѣшнему, штабные офицеры, которымъ даютъ отдѣльные отряды. Одинъ изъ булавинскихъ старшинъ назывался полковникомъ; прозвище ему было Лоскутъ, пришлецъ съ Валуйки. Про него говорили, что былъ при Стенькѣ Разинѣ лѣтъ семь; другой назывался полковникомъ же, сынъ стародавняго атамана. Третій изъ коротояескихъ подъячихъ. Боровскій атаманъ говорилъ Булавину:

— Заболыхали вы всѣмъ государствомъ; что вамъ дѣлать, если придутъ войска изъ Руси; тогда и сами пропадете и намъ пропасть.

— Не бойтесь, отвѣчалъ Булавинъ, — началъ я это дѣло не просто; былъ я въ Астрахани, и въ Запорожѣ, и на Терекѣ. Астраханцы, запорожцы и терчане ¹⁾ всѣ мнѣ присягу дали, что имъ быть во мнѣ на вспоможеніе въ товарищи, и скоро они къ намъ будутъ. А теперь мы пойдемъ по казачьимъ городкамъ и будемъ къ себѣ казаковъ приворачивать, а которые къ намъ не пойдутъ, такихъ мы, назадъ вернувшись, будемъ жечь, и животы грабить, и какъ городки свои къ себѣ склонимъ, пойдемъ изюмскимъ полкомъ, т. е. по землямъ изюмскаго слободскаго полка (находившагося подъ начальствомъ перваго соперника Булавина, полковника Шидловскаго) ²⁾ до Рыбнаго; конями, ружьемъ и платьемъ наполнимся, а потомъ пойдемъ въ Азовъ и Таганрогъ, освободимъ ссыльныхъ и каторжныхъ, кои намъ будутъ вѣрные товарищи, а на весну, собравшись, пойдемъ на Воронежъ и до Москвы.

Тутъ Лоскутъ сказалъ Булавину:

— Не бойся; я прямой Стенька, но не какъ тотъ Стенька, безъ ума голову потерялъ... и я вашу вождь буду.

¹⁾ До сихъ поръ мы не нашли подтвержденія этихъ словъ Булавина; но мы слышали, что г. Полюко (авторъ книги «Терскіе казаки») желаетъ пересмотрѣть архивъ посада Азова.

²⁾ Соляными варяны.

«Боровской атаманъ со всею станицею, говоритъ Соловьевъ, — передался Булавину; но не всё и донецкіе городки сдавались, а изъ донскихъ городковъ при немъ не было и одного человѣка»¹⁾. Далѣе историкъ Россіи приводитъ:

«Атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ товарищами узналъ, что Булавинъ убилъ Долгорукова и поднимаетъ бунтъ, пошли противъ него и разгромили у Айдара».

Вотъ какъ доносило о происшествіи на этой рѣчкѣ донское правительство:

«Мы, выбравъ отъ себя изъ войска знатныхъ старшинъ (имена пяти человѣкъ и въ томъ числѣ Ефрема Петрова), придали ихъ князю Юрію Владиміровичу. И наши старшины съверскимъ Донцомъ, по казачьимъ городкамъ розыскъ чинили. И какъ пріѣхали на рѣку Айдаръ, въ Шульгинскій городокъ, и въ томъ городѣ заночевали октября, противу 9-го дня, и къ той ночи Трехъизбянскаго городка, Кондрашка Булавинъ, прибравъ къ себѣ Ивашку Лоскута и иныхъ гулящихъ людей, человѣкъ съ 200, князя, офицеровъ и солдатъ побили и нашихъ старшинъ также хотѣли побить и не застали, потому что въ однѣхъ рубашкахъ выскоча, едва ушли, и они воры за нами гоняли и за темнотою ночи не нашли, понеже разбѣжались. И мы, атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ войскомъ, осадили Булавина у рѣчки Айдара, бой учинили и къ нимъ приступали и приспѣло время ночи и мы мало (немного) отступили, однако же съ того мѣста свободы имъ для прохода въ Закотный городокъ не дали и караулы въ удобныхъ мѣстахъ поставили. И они, вида надъ собою нужную осаду, въ началѣ Булавинъ тайно отъ нихъ въ лѣсъ ушелъ; также и иные совѣтники единъ по едину въ лѣсъ разбѣжались и между всѣми ими мятежъ учинился и разбѣжались. И мы, не дожидаясь свѣта, на нихъ били и, перебивъ многихъ рядовыхъ, наказаніе учинили. Носы рѣзали больше ста человѣкамъ, а иныхъ плетми били и въ русскіе города выслали, а пущихъ заводчиковъ, около 10 человѣкъ, повѣсили на деревьяхъ за ноги, а иныхъ пристрѣляли въ смерть, а 12 человѣкъ послали къ тебѣ, великому государю».

Остановимся на этомъ сообщеніи, дышащемъ и лживостью, и двоедушіемъ Лукьяна Максимова. Все говоритъ за то, что

¹⁾ Нужно полагать, что Соловьевъ подразумеваетъ лишь городки нижніе, т. е. отъ Раздоровъ до Чергаска.

Булавинъ дѣйствовалъ не по собственной инициативѣ. Быть не можетъ, чтобы у него на рѣкѣ Айдарѣ было всего 200 человекъ, ибо съ этими силами невозможно было умертвить 1,000 человекъ регулярныхъ солдатъ.

Со дня первой побѣды надъ атаманомъ голытьбы, Булавинъ не зовется уже Кондратиємъ, а всюду въ документахъ значится воромъ Кондрашкой; между тѣмъ мы видѣли, что его въ Боровскомъ городкѣ принимали не только съ хлѣбомъ, виномъ и медомъ, но и торжественно, какъ принято и нынѣ принимать въ донскихъ станицахъ окружныхъ атамановъ¹⁾. Слова Булавина, сказанныя въ Боровскомъ городкѣ, обнадеживаютъ на помощь, со стороны Запорожья, Астрахани и Терека, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ Булавинъ оказывался личностью весьма популярною и вліятельною. Онъ несетъ на себѣ бремя общаго войсковаго дѣла. Уже ни въ какомъ случаѣ Булавина невозможно приравнять къ Стенькѣ Разину. Последнему вмѣстѣ съ вольницею захотѣлось вспомнить древнее казачье рыцарское дѣло и погулять сперва на Волгѣ, а затѣмъ и на Каспійскомъ морѣ; побывать и въ Персіи. Булавинъ же беретъ на себя тяжелую обязанность — отстоять противъ правительства права, нравы, обычаи и самоуправленіе казачьихъ городковъ, и отстоять отъ произвола администраціи до конца обездоленный русскій народъ. Онъ даже не вождь, въ смыслѣ военачальника, а скорѣе ораторъ, бунтарь, и лишь только явились въ его штабъ способные люди, Лоскутъ, а впоследствии Дранный, Голой и Некрасовъ, онъ имъ передаетъ предводительство надъ казачьимъ войскомъ. Въ отстаиваніи желаній русскаго народа, Булавинъ напоминаетъ не Стеньку Разина, а, пожалуй, Прокофія Лапунова. Нравственной отвѣтственности за содѣянное зло Булавинъ передъ лицомъ безпристрастной исторіи нести не долженъ, ибо онъ дѣйствовалъ по повелѣнію донскаго правительства, а мы видѣли, какимъ былъ войсковою кругъ передъ эпохою образованій. Мы не идеализируемъ личность предводителя казачьей вольницы, а освѣщаемъ ее на основаніи документовъ. Хотя историкъ Россіи приводитъ тѣ же документы, но онъ рассматриваетъ Булавина съ одной государственной, такъ сказать, административной точки зрѣнія. Новиковъ и Соловьевъ, преклоняясь передъ всѣми, даже не симпатичными чертами преобра-

¹⁾ Ихъ встрѣчаютъ съ колокольнымъ звономъ, по крайней мѣрѣ наиболее популярныхъ и любимыхъ казаками.

зователя Россіи, совершенно забываютъ народъ. Если подобный атаманъ голытьбы явился бы въ царствованіе Екатерины II, когда, послѣ Бирона, отъ древняго казачества остались однѣ лохмотья, то мы назвали бы Булавина безумцемъ и отчаяннымъ. Совсѣмъ другое дѣло, въ 1707 г., когда донскіе казаки еще помнили свою славу подъ Азовомъ и поступательное движеніе по Черному морю къ самой столицѣ турецкой имперіи.

Мы не нашли въ сборникѣ донскихъ пѣсень воспоминаній о Булавинѣ. Донскіе казаки поютъ объ Игнашеѣ Некрасовѣ; этотъ былъ въ дѣйствительности донской казакъ, перебѣжавшій на Кубань и принявшій, вмѣстѣ съ переходомъ, мусульманскую вѣру. Булавинъ же, какъ мы видѣли, былъ казакомъ Слободской Украины, и мы увѣрены, что на малороссійскомъ языкѣ, въ нынѣшней Харьковской губерніи, можно найти пѣсни про атамана голытьбы. Если малороссіянне съ презрѣніемъ относятся къ измѣнѣ коварнаго и лживаго Ивана Мазепы ¹⁾, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что они съ душевною симпатіею вспоминаютъ Кондратія Булавина. Не даромъ имя его извѣстно между крестьянами малоросссами Міускаго округа Донской области.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Кондратій Булавинъ принадлежалъ и къ донской казачьей семьѣ, считалъ своимъ донское правитель-ство, подчинялся войсковому кругу и раздѣлялъ скорби донскихъ казаковъ объ утратѣ ими крѣпости Азова.

Тотчасъ по взятіи царемъ Петромъ этой крѣпости, еще въ атаманство Флора Минаева, сложилась пѣсня, говорящая, что донскіе казаки печаловались на московскаго государя, заградившаго имъ азовскими твердынями путь въ турецкія морскія воды. Вотъ что гласитъ донская былина:

Приуныли, приуныли на Дону донскіи казаки,
 А яцкіе, донскіе, запорожскіе,
 А и что казаки увыли?
 Да что вялѣ у нихъ государь царь-городъ,
 Со тремя тѣми со малыми со пригородами,
 А и со славною со Кубаньей ²⁾, съ крѣпкимъ Лютикомъ.
 А во славномъ, да въ Черкасскомъ земляномъ городѣ,
 А стоитъ у казаковъ золотой бунчугъ,
 А на бунчугъ стоитъ чуденъ золотой крестъ,
 А передъ крестомъ тутъ стоитъ войсковои ихъ атаманъ,

¹⁾ Чуйкевичъ. «Военно-статистическое описаніе Харьковской губерніи». Язви-тельнѣе нельзя обидѣть малороссіяннина, какъ назвавъ его Мазепомъ, хотя они не знаютъ, что это была за личность и тѣмъ онъ провинился.

²⁾ Вѣроятно Кабанье гирло р. Дона.

А по имени ли Флоръ, смнѣ Минаевичъ.
 Ко кресту тутъ собирались донски казаки,
 А и донскіе, гребенскіе, запорожски хохлячи;
 Становились молодцы во единый войсковой кругъ,
 Среди круга стоятъ войсковоу атаманъ,
 А по имени ли Флоръ, смнѣ Минаевичъ.
 Атаманъ рѣчи говорилъ, будто въ трубу трубляъ:
 «А и вы, братцы, казаки, вы яцкіе, донскіе, запорожскіе,
 Пособите мнѣ атаману вы думу думати.
 Челобитну ли намъ писатъ, Государю подавать,
 Самому ли мнѣ атаману въ Москву ѣхати?
 Перемирье бы намъ взять передъ самимъ царемъ
 Залегли пути-дороги за сиве море гулять...
 А и не стало намъ добычи на синемъ морѣ
 И на тихомъ Дону, на Ивановичѣ».

Московский грозный царь, по словамъ пѣсни, далъ имени-
 тому войсковому атаману отвѣтъ уклончивый.

У тебя, у атамана есть казачій судъ.
 Суди правдой по тому суду,
 По тому суду, да правому,
 Живи съ козаками на Дону, во миру ¹⁾

Вотъ въ 1707 году донскіе казаки и рѣшили своимъ су-
 домъ отнять у московскаго правительства Азовъ, а предво-
 дителемъ избрали бахмутскаго походнаго атамана Булавина,
 котораго мы уже ни въ какомъ случаѣ не можемъ разжа-
 ловать изъ его почетнаго и вліятельнаго званія въ разбойника
 по большимъ дорогамъ и рѣчнымъ путямъ. А что звали его
 «воромъ» ²⁾ Кондрашкой, то вѣдь морской министръ Петръ
 Головинъ пишетъ царю, «что и у насъ не безъ воровъ»,
 т. е. въ то время у самаго престола были люди, недовольные
 дѣйствіями администраціи. Но будемъ продолжать свое повѣ-
 ствованіе.

Царь Петръ, еще прежде полученія извѣстія отъ донскаго
 правительства, успокоился и написалъ Меншикову, «что мы
 нынѣ получили подлинныя свѣдѣнія, что то учинилось не бун-
 томъ, но бѣглые, которыхъ князь Юрій высылалъ, собравшись
 ночью тайно, напали и убили его и съ нимъ десять человекъ.
 На бунтовщиковъ сами казаки изъ Черваска выслали отрядъ
 и въ Азовъ дали знатъ».

Изъ историческаго описанія войска Донскаго видно, что

¹⁾ Сборникъ донскихъ народныхъ пѣсень А. Савельевъ 1866 г.

²⁾ Ворами звали и разбойниковъ, и бунтовщиковъ.

бунтъ въ октябрѣ 1707 года уже распространился по всей донской территоріи, за исключеніемъ Черкаска, въ которомъ находилось 5,000 казаковъ. Иначе невозможно объяснить того обстоятельства, что вслѣдъ за отпискою Лукьяна Максимова силы булавинцевъ насчитывались въ 20,000 человекъ. Даже первая катастрофа очерчена историографами неясно. Изъ распросовъ приказныхъ легко усмотрѣть рѣшеніе булавинцевъ убивать офицеровъ, а солдатъ шадить во всѣхъ городкахъ, гдѣ находились отряды Долгорукова. Затѣмъ изъ полковыхъ списковъ видно что въ 1706 году въ полку Долгорукова считалось 52 офицера, а въ началѣ 1708 года ихъ оставалось уже 32 офицера¹⁾. Архивныя дѣла адмиралтейскаго приказа говорятъ, что въ 1708 году требовалось на пополненіе полка Долгорукова 20 офицеровъ. Не погибло ли еще 10 офицеровъ въ другихъ казачьихъ городкахъ? Мы думаемъ тоже, что 1,000 солдатъ вышло изъ строя не въ одномъ Шульгинскомъ городѣ, а изъ всѣхъ отрядовъ, находившихся въ различныхъ городкахъ.

Такимъ образомъ и на основаніи общаго смысла документовъ можно принять за вѣрное, что Долгоруковъ изъ своей бригады взялъ на Донъ одинъ полкъ въ 2,000 человекъ солдатъ съ 52 офицерами, и что половина солдатъ и 20 офицеровъ погибли въ разныхъ казачьихъ городкахъ, на Хопрѣ и Донцѣ; но штабъ Долгорукова, вмѣстѣ съ полковымъ командиромъ погибъ на рѣкѣ Айдарѣ, въ Шульгинѣ. Войсковые старшины спаслись бѣгствомъ. Весь полкъ не погибъ лишь потому, что не всѣ городки приняли сторону булавинцевъ и нѣкоторые изъ хоперскихъ стояли прямо за правительство, а верхніе айдарскіе, напримѣръ Закотенскій городокъ, выжидали, чѣмъ разыграется катастрофа. Если послѣдующія дѣйствія можно приписать сообщникамъ Булавина, то начальную катастрофу слѣдуетъ отнести къ двуличности войсковаго атамана. Впослѣдствіи, при розыскѣ дѣла, братомъ убитаго, княземъ Василиемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ, мы увидимъ, что въ бунтѣ онъ обвиняетъ, не только Лукьяна Максимова, но и все главное войско.

Когда царь Петръ получилъ изъ посольскаго приказа отписку войсковаго правительства, то онъ вновь писалъ Мень-

¹⁾ «Морской Архивъ». Дѣло адмиралтейскаго приказа. Это свидѣніе, доставленное по поводу прошенія поручика Петрова, ходатайствовавшего о дарованіи ему капитанскаго чина, по случаю отгравшейся вакансіи въ полку Долгорукова.

шивову: «О донскомъ дѣлѣ объявляю, что конечно сдѣлалось партикулярно; на воровъ сами казаки съ атаманомъ Лукьяномъ Максимовымъ ходили и учинили съ ними бой и оныхъ воровъ побили и разорили совсѣмъ; только заводчикъ съ малыми людьми (съ небольшими силами) ушелъ; за нимъ пошли въ погоню; надѣмся, что и онъ не уйдетъ. И такъ сіе дѣло милостію Божіею окончилось». Но царь ошибся. Въ дѣйствительности шульгинская катастрофа оказалась лишь прологомъ къ донской трагедіи, извѣстной подъ наименованіемъ «булави́нскій бунтъ».

Въ 1870 году, по случаю трехсотлѣтняго служенія войска Донскаго, Савельевымъ издана монографія, подъ наименованіемъ «Очерки изъ исторіи донскихъ казаковъ». Сколько намъ извѣстно, этотъ недавно умершій донской труженикъ ¹⁾ раздѣлялъ взглядъ доселѣ весьма распространенной на Дону партіи казакмановъ, требующей замены войска отъ приѣма въ него постороннихъ элементовъ. Савельевъ, писавши свою монографію, повидимому ознакомился со всѣми матеріалами, касавшимися исторіи войска донскаго, и мы не считаемъ себя вправѣ опустить его взгляда на булави́нское возмущеніе. Вотъ что онъ говоритъ ²⁾:

«Для объявленія царской грамоты и наблюденія за ея исполненіемъ былъ присланъ царскій стольникъ, которому повелѣно было обходиться съ войсковыми атаманами, старшинами и казаками вѣжливо, не вымогать отъ нихъ взятокъ и не требовать лишняго корма и подводъ. Но, не смотря на это, казаки въ своихъ отпискахъ постоянно жаловались на насильственные поступки царскихъ сыщиковъ».

«Въ концѣ 1707 года присланъ былъ на Донъ, для сыску бѣглыхъ, князь Юрій Владиміровичъ Долгоруковъ. Извѣстно, какою жестокостію въ этомъ дѣлѣ ознаменовалъ себя князь Юрій. Не даромъ въ народныхъ донскихъ пѣсняхъ и до сихъ поръ живетъ имя князя Долгорукова, какъ главнаго виновника тогдашнихъ смутъ на Дону. Казаки обвиняли его въ томъ, что онъ, вопреки царскаго повелѣнія, раззорилъ и пожегъ многіе казачьи городки; пыталъ, билъ ихъ кнутомъ, рѣзалъ имъ носы и губы, наругался

¹⁾ Савельевъ былъ секретаремъ статистическаго комитета и редакторомъ неофициальной части «Войсковыхъ донскихъ вѣдомостей».

²⁾ «Трехсотлѣтіе войска донскаго» 1570—1870, стр. 54.

надъ женами и вѣшалъ дѣтей по деревьямъ». Народная пѣсня, по словамъ Савельева, добавляетъ:

«Ты за что на насъ, батюшка, прогнѣвался,
Захотѣлъ старикамъ, усы, бороды брить
И молодыхъ казаковъ во солдаты брать.
Ты прѣхалъ къ намъ на Тихій Донъ,
Безъ указа то насъ разорять сталъ».

Вѣсть о насильственныхъ поступкахъ Долгорукова и его сыщивовъ, продолжаетъ Савельевъ, — быстро распространилась по Дону и, разумѣется, въ искаженномъ и преувеличенномъ видѣ дошла до казачьихъ полковъ, бывшихъ въ то время на шведской границѣ. Пѣсня гласитъ:

«Какъ у насъ-то на Тихомъ Дону нездорово:
Какъ прѣехали къ намъ на Тихій Донъ все разсмышляци,
Во разсмышлякахъ были два болрина,
Безъ указа государева они насъ разоряють,
И они сами стариковъ всѣхъ ссылають,
Молодыхъ же малолѣтковъ берутъ въ солдаты.
Отъ нихъ нашъ славный тихій Донъ возмутился,
Возмутился славный тихій Донъ вплоть до устьяца,
Какъ до славнаго до города Черкаскаго».

«Такими крутыми мѣрами князь Долгоруковъ, говоритъ Савельевъ, — успѣлъ собрать по казачьимъ городкамъ до 3,000 бѣглыхъ; однако же неудовольствія противъ него все увеличивались и, наконецъ, атаманъ бахмутскаго казачьяго городка, Кондратій Булавинъ, однажды ночью напалъ на отрядъ Долгорукова и истребилъ его вмѣстѣ съ предводителемъ. Братъ убитаго князя Юрія, впоследствии присланный на Донъ для усмиренія мятежа, обвинялъ въ этомъ убійствѣ самаго войсковаго атамана, Лукьяна Максимова».

Дѣйствительно, Василий Долгоруковъ впоследствии писалъ царю, что Лукьянъ Максимовъ «послалъ указъ на Бахмутъ къ атаману тамошнему, Булавину, чтобы онъ брата убилъ; умыселъ ихъ воровскій былъ такой: когда брата убьютъ, то тѣмъ воровство ихъ закрыто будетъ, и видя въ то время его величество въ войнѣ великой со шведомъ, разсудили, что за помянутою войною оставлено ихъ воровство будетъ».

Дальше историкъ «трехсотлѣтїя» продолжаетъ: «Но вѣрнѣе другія обстоятельства способствовали развитію булавинскаго бунта. Въ то время коренныхъ домовитыхъ казаковъ немного

было на Дону: одна часть ихъ была на сѣверѣ, на шведской границѣ, другая, подъ начальствомъ старшины Кумшацкаго, находилась въ составѣ русской арміи въ Польшѣ и Малороссіи». Самъ Булавинъ писалъ запорожцамъ: «У насъ войско донское въ походъ послало тысячъ съ 15 и больше».

«Очень естественно, заканчиваетъ этотъ эпизодъ Савельевъ, — что за выходомъ съ Дону 15,000 казаковъ, голытьба, въ которой взымалъ Булавинъ и его сообщники, составляла большинство и силу».

Если въ убійствѣ князя Юрія Долгорукова и умерщвленіи половины его отряда мы оправдываемъ атамана голытьбы и приписываемъ инициативу подобнаго злодѣянія подстрекательству двуличнаго войсковаго атамана Лукьяна Максимова, то, въ свою очередь, мы не раздѣляемъ взгляда Савельева и другихъ историковъ, касавшихся донскихъ казаковъ, что Юрій Долгоруковъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ, не только корыстолюбиво, но и жестоко, что будто онъ билъ кнутомъ казаковъ, рѣзалъ имъ уши и носы, насиловалъ ихъ женъ. Все это невѣрно.

Что оказывалось возможнымъ въ Малороссіи и Слободской Украинѣ, то было еще немыслимо на рѣкѣ Великой до усмиренія булавинскаго бунта. Проверимъ факты.

Указъ о назначеніи князя Юрія послѣдовалъ 2 августа 1707 года ¹⁾. Черезъ два мѣсяца, т. е. 2 октября, Долгоруковъ писалъ царю донесеніе, въ которомъ обрисовываетъ историческій ходъ дѣла о сводѣ казачьихъ городковъ и представляетъ статистическія данныя о народонаселеніи городковъ и времени ихъ возникновенія. О личныхъ своихъ распоряженіяхъ въ этомъ донесеніи онъ ничего не упоминаетъ, а уже 9 октября послѣдовала катастрофа. Судя по архивнымъ документамъ того времени, при Петрѣ I канцелярская работа занимала очень много времени. Мы видѣли, что князь Юрій въ сентябрѣ прибылъ въ Черкасскъ, гдѣ ознакомился съ дѣлопроизводствомъ о сводѣ казачьихъ городковъ, затѣмъ, объѣхавши нижніе городки по Дону, онъ отправился къ Шульгинѣ, гдѣ основалъ свою штабную квартиру, и здѣсь вѣроятно составилъ донесеніе царю, трудъ, требовавшій значительной кабинетной работы. Лично онъ не могъ успѣть произвести строгую ревизію въ хоперскихъ городкахъ, отстоявшихъ отъ Шульгини на 200—300 верстъ, и, какъ мы говорили, онъ отправилъ туда отряды солдатъ, подъ руковод-

¹⁾ Лишь въ сентябрѣ Юрій Долгоруковъ прибылъ въ Черкасскъ.

ствомъ офицеровъ и приказныхъ, собственно для описи. Слѣдовательно, Юрій Долгоруковъ успѣлъ выразить только желаніе, стремленіе, на словахъ, а не на дѣлѣ, съ энергіею и твердостью исполнить возложенное на него порученіе, и если успѣлъ приступить къ фактическому его выполненію, то лишь въ одномъ Шульгинскомъ городѣ. Всѣ же документы говорятъ, что рѣшеніе убить князя и истребить его отрядъ обсуждено и рѣшено на Хопрѣ, повидимому, близъ Борисоглѣбска. Другіе историческіе матеріалы ясно указываютъ, что отъ главнаго войска, а слѣдовательно отъ войсковаго круга, не только послѣдовало распоряженіе, но и письменная грамота, не исполнять распоряженій Долгорукова. Слѣдовательно уже въ день прибытія князя въ Черкасскъ созрѣла мысль о возмущеніи, а на Хопрѣ въ казачьемъ кругѣ было поставлено учинить злодѣяніе, которое содѣлалось бы предвареніемъ общему возстанію. Почти вслѣдъ за катастрофою въ Шульгинѣ, какъ мы видѣли, войсковой атаманъ Максимовъ разбилъ булавинцевъ на рѣкѣ Айдарѣ. Атаманъ захватилъ нѣсколько десятковъ человѣкъ, и это онъ, а не князь Юрій, рѣзалъ носы и уши, и вѣшалъ по деревьямъ, о чемъ и донесъ въ посольскій приказъ.

Народная молва между казаками, находившимися на службѣ противъ шведовъ¹⁾, смѣшала между собою два событія, послѣдовавшія одно за другимъ, въ одну катастрофу и приписала князю Долгорукову жестокости, содѣяныя самимъ войсковымъ атаманомъ. Даже приведенная выше пѣсня гласитъ о возмущеніи донскихъ казаковъ по поводу прибытія для сыска двухъ бояриновъ, а въ данномъ случаѣ, стольниковъ Пушкина и Кологривова, а вовсе не князя Юрія. Слѣдовательно, по нашему крайнему разумѣнію, Юрій Долгоруковъ неповиненъ въ приписываемыхъ ему жестокостяхъ; совсѣмъ другое дѣло его братъ, Василій Владиміровичъ, о которомъ рѣчь будетъ впереди.

Сколь не мало важна для общей исторіи Россіи катастрофа на рѣкѣ Айдарѣ, однакоже она указываетъ, что недовольство противъ новшествъ Петра I и непосильныя и несимпатичныя народу и казакамъ работы въ Воронежѣ, Азовѣ, а въ Малороссіи— въ Кіевѣ и Каменномъ Затонѣ, при тайномъ подстрекательствѣ

¹⁾ Въ 1878 году, подобная же молва распространилась между казачьими полками, стоявшими на границѣ Австріи, о захватѣ правительствомъ станичныхъ лѣсовъ.

гетмана Мазепы, подготовили возстаніе донскихъ казаковъ уже къ прїѣзду Долгорукова, къ сентябрю 1707 года. Воспламеняющіе матеріалы были собраны и сложены: умерщвленіе Долгорукова и его отряда оказалось только искрою или, еще лучше, по выраженію самого великаго государя, тѣмъ «горящимъ фитилемъ», который зажегъ громаднѣйшій пожаръ на рѣкѣ Великой.

И самъ Булавинъ дѣйствовалъ не по собственному увлеченію и отчаянію, хотя и рисуется отважнымъ походнымъ атаманомъ; онъ оказался ширмою, за которою читателю слѣдуетъ видѣть малороссійскаго гетмана Мазепу, войсковаго атамана Дона Максима Лукьянова и войсковою кругъ, охреянину и бывшаго главу донскихъ раскольниковъ Игнатія Некрасова, кошеваго запорожцевъ Костьку Гордѣнку, а съ ними всѣхъ недовольныхъ новшествами Петра донскихъ и малороссійскихъ казаковъ и русскій народъ въ Слободской Украинѣ. Обратимся къ изложенію самыхъ событій, въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Н. Красновъ.

(Продолженіе будетъ).

МЫТАРСТВА УПРЯМЦА.

(СОВРЕМЕННАЯ БЫЛЬ).

VIII.

Невеселые рассказы.

Бузоратовъ былъ сильно взволнованъ.

«Оставить это такъ я не могу, разсуждалъ онъ самъ съ собою.—Я напишу въ газету: пусть знаютъ милые нравы нашихъ земцевъ. Земцы!...»

Онъ насмѣшливо улыбнулся.

«Впрочемъ, какіе же земцы? Секретарь-чиновникъ, земская ярыжка!»

Это слово совершенно невольно вызвало въ памяти молодого человѣка образъ земскаго ярыжки изъ романа Загоскина.

«Конечно, ярыжка! повторилъ учитель мысленно.—Кто же иначе? А какую силу забираютъ эти ярыжки въ земствѣ!...»

Ему припомнился секретарь губернской сонской управы Преображенскій. «Тотъ держалъ въ рукахъ все и всѣхъ; доктора отъ него зависѣли, мало—цѣлое собраніе умѣлъ подчинить себѣ и водилъ какъ лошадь на кордѣ! Правда, дѣльный! Этимъ и бралъ... И краснорѣчивъ же! Его такъ всѣ и звали сонскимъ Демосееномъ! А кто?—Семинаристъ! Да, эти вутейники забираютъ силу. А почему? Во первыхъ, конечно, потому,

что умный, хотя и грубый, нахальный народъ по большей части. А во вторыхъ, земцы-то сами каковы? Соколовы, Груздевы, Балалайкины—что это за дѣтели? Такими легко вертѣть!.. Да, а все-таки напишу... Надо!»

Съ этимъ рѣшеніемъ онъ вошелъ въ маленькую горенку постоялаго двора Зиновихи.

— Можно у васъ достать чернилъ? обратился онъ къ хозяйкѣ, которая пришла узнать, не надо ли чего «гостю».

— Чернилъ-то? Есть, какъ же, въ баночкѣ онѣ, гдѣ только вотъ она... постой, поищу.

— И перо?

— И перо есть, какъ же! Михеичъ ономнясь писалъ. Погоди чуточку, я тѣ отыщу.

Черезъ нѣсколько минутъ она принесла баночку, на днѣ которой оказалась какая-то грязная масса, и перо, покрытое ржавчиной.

— Э, да это каша, а не чернила, сказалъ Бузаратовъ.

— Густовато, батюшка... да водицы налей, завсегда Михеичъ водицей разводилъ. А гумага-то у тебя есть?

— Что-о?

— Гумага, говорю, есть?

— Есть, есть!

— Ну, и ладно, а то гумаги-то у насъ, чай, и не отыщешь. Дай-ка я чернила-то разбавлю, оно и лучше будетъ.

Чернила были свѣтлы, какъ вода, перо царапало бумагу, но взволнованный молодой человекъ словно не замѣчалъ ни того, ни другаго, и лихорадочно писалъ корреспонденцію. Онъ не ограничился сообщеніемъ факта, но высказалъ и нѣсколько общихъ замѣчаній, свой взглядъ на дѣло. Земцамъ, въ родѣ Груздева и Балалайкина, и секретарю Кудрявцеву досталось вдоволь.

«Немножко сильно, согласился самъ авторъ, прочитавши написанное,—но такъ и надо, рѣшилъ онъ.—Что такое въ самомъ дѣлѣ: довольно того, что пишешь сочиненія для печки, выносишь дурацкія наставленія Федосѣевыхъ, а тутъ... еще бить тебя будутъ!»

Онъ досталъ изъ кармана сюртука мятый конвертъ, вложилъ письмо и надписалъ: въ редакцію «Голоса».

— Почта близко? спросилъ онъ у Зиновихи.

— Близко, батюшка, по нашему же проулку, сейчасъ тутъ.

Возвращаясь назадъ, Бузаратовъ столкнулся въ сѣняхъ харчевни съ учителями.

- А-а! въ разъ угадали! воскликнули тѣ.
- Я съ почты.
- Не удержались? послали въ газету?
- Написалъ!
- Ну, смотрите! Нажили врага! замѣтилъ одинъ изъ учителей, по фамилиі Богородскій.
- А что мнѣ Кудрявцевъ?
- Разумѣется, вѣдь чужой уѣздъ! согласился другой учитель.
- Но инспекторъ одинъ!
- Да вѣдь нельзя же молчать! воскликнулъ Бузаратовъ:— развѣ можно пропускать такіе факты? Предсѣдатель написалъ бы первый... пускай лучше я предупрежу.
- Вѣдь это онъ только такъ! промолвилъ Богородскій.
- Что такъ?
- Сгорача сказалъ! Гдѣ же жаловаться! Сами они виноваты... Послѣ васъ вѣдь онъ призывалъ Кудрявцева...
- Что же?
- Долго говорили. Всего-то разговора не было слышно, а только, какъ двери-то пріотворились, когда секретарь выходилъ, мы и слышали: «надо все-таки осторожнѣе, теперь не то, что прежде... долго ли!»
- Что же секретарь?
- Золь!
- А вамъ все-таки далъ?
- Далъ, но и ругался же!
- Вотъ видите! воскликнулъ Бузаратовъ:— развѣ замѣчаніе предсѣдателя имѣли значеніе?
- Да вѣдь мы не про то, чуть не въ одинъ голосъ промолвили оба учителя.
- Про что же?
- Его не урезонишь, сказалъ Богородскій:—я говорю только, что на васъ то не будутъ писать, а то гдѣ секретаря переломить, ни за что!
- Субъектъ, однако!
- Да-а... Ну, а что же насчетъ полосканія вишекъ китайской травкой? какъ полагаете?
- Не мѣшало бы! поспѣшно согласился товарищъ Богородскаго.—Идти лучше будетъ.

Но начавшійся вскорѣ дождь къ вечерамъ обратился въ ливень; все небо заволокло тучами. Пускаться въ путь было невозможно и молодые люди рѣшились переночевать у Зино-

вихи. На другой день всё трое рано утромъ отправились въ дорогу.

Оба учителя шли той ровной, однако, довольно скорой походкой, которая свойственна людямъ, уже привывшимъ къ дальней и частой ходьбѣ. Бузоровъ не отставалъ, но для него это было нѣсколько трудно. Учителя замѣтили, наконецъ, свое преимущество и пошли тише.

— Вамъ тяжело съ непривычки. А мы ужъ приучены: изъ бурсы, бывало, на праздники домой пойдешь, такъ послѣ обѣда отправишься, а верстъ сорокъ отмахашь—ничего!

Богородскій, произнеши эту фразу, помолчалъ съ минуту и затѣмъ опять заговорилъ, видимо, продолжая прерванную рѣчь.

— Такъ вотъ видите что: вы говорите не надо уступать...

— Тамъ, гдѣ можетъ упрекнуть совѣсть, вставилъ Бузоровъ, въ видѣ замѣчанія.

— Упрекнуть совѣсть! повторилъ учитель;—да позвольте, а вотъ примѣръ... Мы до сихъ поръ рассуждали теоретически; примѣръ возьмемъ.

— Берите!

— Я учителемъ въ такой мѣстности, гдѣ въ самомъ селеніи и вокругъ старовѣры. Не сплошь все, а много, на половину, если не больше.

— И что же?

— Какъ тутъ быть? Когда я пріѣхалъ, я просто ужаснулся. Моего предшественника до полусмерти избил.

— Старовѣры?

— Богъ вѣсть кто. Избили—и баста!

— Да за что же?

— Тоже неизвѣстно; объясненія не оставили.

— Но слышно же все-таки, говорятъ въ народѣ?

— Да оно, конечно, понятно. Въ шволѣ раздоры и безпорядки шли ужасные. Ребята православные смѣялись надъ старовѣрами, влички давали разныя, насчетъ обрядовъ, посуды, различныхъ словъ... бѣда и только!

— Война!

— Настоящіе два воинствующие лагеря. И ты между двумя огнями. Пріѣхалъ и слышу: «посмотримъ, каковъ-то новый», говорятъ православные. «А ну-ка, что этотъ за птица?» рассуждаютъ старовѣры. Я обошелъ кой-кого, вижу—вражда. Дѣло

трудное! А скандалы начались почти съ первой недѣли. Заставляю читать одного «Богородицу»,—куда: Христородица, да и только! Наши ребята православные смѣются! Какъ быть?

— Да вамъ-то что? спросилъ Бузоратовъ.

— Какъ что мнѣ? Да вѣдь нельзя же позволить смѣяться!

— Надо заставить читать по-нашему.

— Попробуйте! Нѣтъ, объ этомъ и мечтать нечего, да и къ чему? Дѣло все въ томъ, что ребятъ надо усмирить. Старовѣры обидчивы; что немного — сейчасъ своихъ возьмутъ изъ школы.

— И пускай возьмутъ!

— Сказали.

— Да что вамъ? Не хотятъ и бери, работы меньше.

— А начальство-то?

— Что же начальство?

— Скажете: отчего такъ мало учениковъ? Отъ ста восьмидесяти вдругъ тридцать останется, кто будетъ виноватъ?

— Конечно, не вы!

— Меня одного и обвинять. Число учениковъ уменьшается — учитель худъ; это ясно!

— Развѣ же у васъ нѣтъ объясненія?

— Какое?

— Скажите всю правду!

— То есть, что старовѣры... и такъ далѣе?

— Да, что старовѣры и такъ далѣе, повторилъ Бузоратовъ, улыбаясь.

— Такъ. А что вы мнѣ скажете, если я вамъ объявлю, что старовѣровъ въ той мѣстности, гдѣ я учу, нѣтъ?

— Не понимаю, промолвилъ Григорій Нестеровичъ, съ изумленіемъ глядя на учителя.

— Разгадайте!

— Есть—и нѣтъ! Вѣдь вы же сказали сейчасъ, что есть?

— Есть.

— И въ то же время нѣтъ?

— И въ то же время нѣтъ.

— Да вѣдь... Ахъ, постойте, понимаю! Это официально нѣтъ, да?

— А-а, догадались! То-то и есть! Официально, по-поповски—все православные...

— Значить, платятъ попу?

— Еще-бы! Береть хорошую дань и знать ничего не знаетъ. Отмѣчаетъ: были на духу и все прочее. По праздникамъ ѣздитъ

славить; въ домъ не входитъ, на крыльцо работникъ все выноситъ, а гдѣ и пустятъ, такъ сами не выйдутъ и послѣ попа все по своему переосвятятъ. Попу-то ладно, а мнѣ каково?

— Вамъ? Да что же, вамъ за дѣло до поповскихъ интересовъ?

— Стало быть, уличить его во лжи?

Бузоратовъ промолчалъ.

— А знаете, чѣмъ это пахнетъ? Попъ всегда верхъ возьметъ, потому что и старовѣражь ложь на руку, да и начальству ложь правды сподручнѣе. Сунься-ка, такъ и поплатишься!

— Службой?

— Это само собою, да этого мало.

— Пожалуй, избытуютъ?

— Зачѣмъ стало дѣло? Нынѣ жизнь дешева!

Нѣсколько времени всѣ шли молча.

— А теперь вы уладили все? спросилъ Бузоратовъ.

— Да; по крайней мѣрѣ улаживаю и со всѣми въ мирѣ. Даже попъ благоволяетъ.

— А это главное? съ легкой усмѣшкой сказалъ Бузоратовъ.

— Еще-бы! Попъ да становой—важныя лица.

— Какъ же вы уладились? полюбопытствовалъ Григорій Несторовичъ.

— Кое-какъ; разъяснилъ ребятамъ, что надо... хлопотъ и возни было много... «смертію смерть» поправъ, или «на животь смерти наступивъ»,—надо это было разъяснить... бился! И посуду отстоялъ. Мой предшественникъ нарочно злилъ старовѣровъ: придетъ къ комунибудь въ домъ и напьется изъ общей кадки, да старовѣрскимъ ковномъ; ковшъ бросають, а обида—обидой! А я ихъ обычай одобрилъ и православнымъ доказывалъ, что такой порядокъ имѣетъ хорошую сторону: всякому давать пить изъ своей посуды — долго-ли заразиться; разный людъ — другой больной!

— Убѣдились?

— Нѣкоторые да. Да дѣло-то впрочемъ не въ томъ, чтобы убѣдились. Старовѣры и не требуютъ отъ учителя такого подвига. Они только желаютъ видѣть уваженіе къ своему обряду, къ себѣ; хотять, чтобы вы ихъ не затрогивали. Я, напримѣръ, никогда не курю въ школѣ, и это имъ нравится: дѣти ихъ соблазну не видятъ. Не хотять старовѣры, чтобы дѣвочки учились съ мальчиками вмѣстѣ—и я нарочно учу въ разное время. Больше труда, да иначе нельзя. Они благодарны, и за трудъ немножко платятъ особо.

— Но вѣдь все-таки вы лжете передъ совѣстью?

— А какъ же по вашему?

— Бросить такое мѣсто, по крайней мѣрѣ!

— Гм! Да развѣ другое мѣсто такъ легко найти? Это развѣ. А во вторыхъ, здѣсь я привыкъ, меня полюбили, и мнѣ, если хотите, выгодно. Управа плохо платитъ, но за то старовѣры поддерживаютъ.

— Это иное дѣло! не безъ ироніи сказалъ Бузоровъ.

— Да и польза отъ меня есть, развѣ не правда?

— Можетъ быть, незнаю, пожалуй плечами Бузоровъ;—во всякомъ случаѣ я бы не остался. Что въ пользѣ, если... да я просто не могъ бы такъ дѣлать,, какъ вы... не обижайтесь, пожалуйста!

— За что же? Вы не хотите обидѣть. Всякій таковъ, каковъ есть!

Они опять замолчали.

— А по-моему знаете что, госнода? произнесъ вдругъ товарищъ Богородскаго, все время хранившій глубокое молчаніе.

Бузоровъ и Богородскій обернулись въ его сторону.

— Всего лучше не поступать въ народныя учителя! Въ самомъ дѣлѣ: какіе-то гроши... бейся какъ рыба объ ледъ, да еще нареканія терпи.

— И у васъ развѣ неладно? отнесся къ нему Бузоровъ.

— Бѣдно! школа у меня махонькая, скоро совсѣмъ, какъ жетса, пустота будетъ царить... маешься, а вѣдь я женатъ!

— Развѣ? воскликнулъ Бузоровъ.

— Да-съ!

— Мужъ, мужъ! съ улыбкою сказалъ Богородскій.

— Что-о вы?

— Pater familias, какъ же! А вы почему удивились? не похожъ?

— Молоды очень.

— Это ничего!

— Тогда вамъ надо проситься на лучшее мѣсто, отнесся опять Бузоровъ къ «отцу семейства».

— И прошусь! Да не могу добиться. Я былъ раньше на очень порядочномъ мѣстѣ въ Сольскомъ уѣздѣ.

— Не ужились?

— Становой нагадилъ.

— Доносъ?

— Да, радѣя о государственной пользѣ.

— За что же онъ на васъ?

— Изъ-за бабъ. Моя Настасья не поладила съ его любовницей. Ссора вышла: та мужу, тотъ у нея подъ башмакомъ, и донесъ! Работалъ я хорошо, а ничего не помогло; повѣрили, и въ наказаніе сюда. Еще-де и это милость; а не хочешь ли на всѣ четыре стороны? Вотъ вамъ и учительская доля. Теперь я какъ ни стараюсь—не вывозить. Третій годъ не могу выбраться. А дѣти... просто бѣда!

— Господи! За какіе пустяки можно пострадать! промолвилъ съ горечью Бузаратовъ.

— Еще какъ! Мы несчастіе всѣхъ! Насъ всякій писаришка «доѣхать» можетъ. Если-бы не семья, ей-Богу, бросилъ бы учительство! А теперь нельзя: скоро ли найдешь другое мѣсто? Тяжело отозвались въ душѣ Бузаротова эти слова.

«А еще мнѣ рубль предлагаетъ! подумалъ онъ, — экая чистая, простая душа!»

Когда они стали прощаться, Григорій Несторовичъ на-отрѣзъ отказался отъ денегъ.

— Да какъ же вы, какъ же?

— Ничего, обойдусь!

— Ни-ни! безапелляціонно произнесъ Богородскій.— У меня возьмите! Я вѣдь на выгодномъ мѣстѣ. Берите!

— И у васъ...

— Берите!

— Ну, хорошо, вашъ рубль давайте!

— Да какъ же вы съ однимъ-то? сказалъ товарищъ Богородскаго.

— Въ Кулагинѣ достану; у тамошняго учителя попрошу; я его знаю немножко, солгалъ Бузаратовъ.

Они разстались дружески, обѣщаясь переписываться, хотя изрѣдка, но—непремѣнно.

IX.

Теплое житье.

Кулагино—деревня большая, расположенная подъ прямымъ угломъ. Дома, числомъ около восьмидесяти, идутъ въ двѣ линіи. Противъ самаго угловаго дома, клиномъ выдающагося на улицу, на противоположной сторонѣ, стоитъ церковь. Дома широко

разступились, уступая для храма какъ можно болѣе простора. Но старая и долго неремонтированная церковь производит своимъ вышнимъ видомъ неособенно отрадное впечатлѣніе. Угловой домъ, высокій и обитый новымъ тесомъ, кажется дворцомъ въ сравненіи съ старою каменною церковью, стѣны которой и позернѣли, и пооблущились.

«Гдѣ же тутъ школа?» подумалъ Бузуратовъ, останавливаясь съ недоумѣніемъ при самомъ входѣ въ деревню.

Всѣ строенія были одинаково смиренны и одинаково угрюмо смотрѣли своими тусклыми окнами, въ которыхъ на половину разбитыя стекла были замѣнены досками или заткнуты какимъ-то тряпьемъ.

«Гдѣ же школа? Ба! Вонъ тамъ виднѣется около церкви хорошій домъ, вѣроятно это училище. Вблизи церкви... конечно, такъ!»

Онъ пошелъ далѣе, увѣренный въ своей догадкѣ.

Изъ низенькихъ, совсѣмъ уже скосившихся воротъ показался рыжий мужиченка, который во всѣ глаза осмотрѣлъ молодого человѣка и, пошевеливъ своею рваную шапчонкою, пошелъ было въ сосѣдній дворъ. Бузуратовъ окликнулъ мужика.

— Эй, дядя!

— Што тѣ?

— Это школа-то ваша?

Онъ указалъ рукою на высочій домъ, виднѣвшійся вблизи церкви.

— Какая школа? Это не школа.

— А что же это?

— Это-то? Мужикъ оправилъ рубашку, подернулъ красную тесемку, которою былъ подпоясанъ ниже живота, и промолвилъ:—это отца Александра, попа нашего.

— А гдѣ же школа?

— Школа-то? А школа тѣ будетъ, значить, далѣ. Ты это возьми за домъ-то поповскій влѣво... да чего смотришь: отсе-лева не видать!.. Ты заверни за уголь-то и ступай... сичасъ, стало, будетъ правленье, а рядомъ кабакъ, а еще рядомъ и школа; вона гдѣ она, стало!

Бузуратовъ былъ озадаченъ.

«Какъ? рядомъ съ кабакомъ и школа? Да что же это такое?»

Мужикъ подергалъ себя за рубашку и повернулъ въ ворота, оставивъ Бузуратова одного съ его недоумѣніемъ.

Молодой человѣкъ постоялъ нѣсколько минутъ и тоже пошелъ. Онъ обогнулъ домъ священника и сталъ искать глазами

училище. Вотъ и правленіе—большое, длинное зданіе, точно сарай... А, вотъ и школа! Не казиста! По наружному виду нѣтъ никакой возможности узнать, что это именно «храмъ науки». Даже доска, на которой полустертая надпись гласила: «Кулагинская центральная школа», была такъ мала и приколочена на такомъ неудобномъ мѣстѣ, что едва замѣтна. Бузоровъ замѣтилъ ее только послѣ тщательнаго осматриванія лицевой стороны дома.

— Однако! Онъ пожалъ плечами, поправилъ на спинѣ мѣшокъ и отворилъ калитку.

На дворѣ царила полная тишина.

Онъ осмотрѣлся и по соришучимъ старымъ ступенькамъ взобрался на крыльцо. Пройдя маленькія сѣни, онъ отворилъ двери и вступилъ въ комнату, уставленную довольно короткими небольшими столами.

Высокая фигура, въ нанковомъ пальто и въ опоркахъ на босу ногу, съ угрюмымъ желтымъ лицомъ и едва замѣтными глазами, вслѣдствіе совсѣмъ нависшихъ бровей, встрѣтила Бузорова. Эта фигура мела полъ и держала теперь въ рукѣ щетку, точно швейцаръ свою булаву.

— Что надо? спросила фигура.

— Я бы учителя желалъ видѣть. Дома?

— Должно быть; только сейчасъ ушелъ отсюда.

— Развѣ онъ живетъ не здѣсь?

— Нѣту. Онъ имѣетъ квартиру при правленіи. А вы кто будете сами?

— Я тоже учитель. Такъ онъ дома, вы говорите?

— Дома, должно. А вы куда это, на мѣсто къ себѣ пробираетесь?

— Да, въ Глушковскій уѣздъ. Какъ учителя зовутъ?

— Данилой Лексѣичемъ. Да вы къ нему зачѣмъ?

— Надо.

Бузоровъ молча кивнулъ головой и вышелъ изъ класса. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ въ правленіи и уже докладывалъ бабѣ, отпершей дверь, что желаетъ видѣть Данила Алексѣевича.

— А вотъ погодь, я сейчасъ скажу ему. Онъ только сѣлъ за обидѣ.

Она оставила Бузорова въ сѣняхъ и отправилась съ «докладомъ».

Прошло минутъ пять, прежде чѣмъ послышались тяжелые

шаги и въ сѣни вышелъ самъ учитель, Данила Алексѣевичъ Кашинъ.

Это былъ мужчина средняго роста, очень полный, съ объемистымъ животомъ. Коротко подстриженные черные волосы стояли щеткою. Заплывшіе сѣрые глазки имѣли заспанное выраженіе. Всею фігурою учитель хотѣлъ, вѣжется, сказать: «я люблю покой, пожалуйста не тревожьте напрасно!» А поватый назадъ лобъ ничего не говорилъ въ пользу его интеллектуальныхъ способностей. За то развитыя, выдающіяся впередъ челюсти съ толстыми губами намекали на любовь къ обжорству. Сопя и отдуваясь, приблизился онъ къ Бузорову и устремилъ на него свои глаза, ожидая, что скажетъ незнакомецъ. Ему точно было лѣнь задать вопросъ.

— Бузоровъ, учитель, ѣду въ Глушковскій уѣздъ, отрекомендовался Григорій Несторовичъ.

Кашинъ только пошевелилъ губами и засопѣлъ еще сильнѣе.

— Позвольте у васъ пробыть съ денегъ, отдохнуть? продолжалъ Бузоровъ.—Можно?

— Милости прошу, промолвилъ Кашинъ,—пожалуйте въ комнату.

Онъ повернулся и сопя, и отдуваясь, пошелъ въ квартиру. Бузоровъ послѣдовалъ за нимъ.

Какая разница между школою и квартирою учителя! Онъ занималъ двѣ комнаты. Одна изъ нихъ, маленькая, служила спальнею, а другая—гостиною, кабинетомъ, заломъ и столовою въ одно и то же время. Она была обставлена довольно порядочно. Большой столъ, обтянутый клеенкою, стоялъ въ простѣнкѣ двухъ оконъ. По обѣимъ сторонамъ стола—по стулу. Такихъ же деревянныхъ желтыхъ стульевъ было въ комнатѣ около дюжины. Широкій диванъ, обитый ситцемъ, стоялъ у стѣны, занимая мѣсто отъ печки до перегородки, отдѣлявшей спальню отъ первой комнаты. По другую сторону печки возвышался шкафъ и рядомъ съ нимъ помѣщался деревянный обѣденный столъ. Надъ клеенчатымъ столомъ висѣлъ портретъ государя, внизу фотографическая карточка сонскаго архіерея, а надъ диваномъ—зеркало и по обѣ его стороны, въ дешевыхъ рамкахъ, нѣсколько фотографическихъ карточекъ.

— Агулина, положи-ка куда нибудь ихній узелъ, проговорилъ учитель, проходя кухней (ходъ былъ черезъ нее).

Кашинъ обѣдалъ, и не одинъ, а вмѣстѣ съ какимъ-то жиденькимъ, вертлявымъ брюнетомъ, безпрестанно улыбавшимся и нюхавшимъ воздухъ своимъ длиннымъ носомъ.

Хозяинъ представилъ коллегу своему гостю.

— Учитель, Бузоровъ. Э... э...

— Григорій Несторовичъ, догадался подсказать Бузоровъ.

Брюнетъ широко улыбнулся, втянулъ съ присвистомъ струю воздуха и отрекомендовался кулагинскимъ волостнымъ писаремъ, Яковомъ Петровичемъ Губановымъ.

Кашинъ пригласилъ Бузорова обѣдать. Григорій Несторовичъ не сталъ отказываться.

— Пьете? спросилъ хозяинъ у коллеги.

— Благодарю, нѣтъ.

— Никакой? удивился писарь.

— Никакой почти.

— То есть это какъ же почти? улыбаясь, освѣдомился писарь.

— Да безо всякаго случая. Ну, въ компаніи, при торжествѣ—немного...

— А теперь съ дорожки, и за компанію съ нами! предложилъ писарь.—Налю?

— Да, пожалуй... Это что?

— Рябиновая-сь, рябиновая. Препользительно! Мы съ Данилой Алексѣвичемъ все полезное только. Правда, Данила Алексѣвичъ?

— Ми, ми! промычалъ тотъ, жуя.

— А вы, выпьете тоже? Съ товарищемъ-то? А?

— Пожалуй!

Онъ проглотилъ кусокъ рыбы и отдулся.

Чокнулись и выпили.

— Превосходно! восхитился писарь.—Выпьешь, и точно это самъ ангелъ босыми ножками пройдетъ по твоей душенькѣ. Отлично! А не повторить ли? А?

— Нѣтъ, благодарю! сказалъ Бузоровъ:—водка и такъ крѣпка.

— О, что вы! И какая же это крѣпость! Вонъ вчера мы съ Павломъ Иванычемъ, это фершалъ, вчера мы съ нимъ абсентусу навлевались у становаго, тотъ крѣповъ. А это что! будто водичка. Позвольте?

— Нѣтъ, нѣтъ, благодарю, не могу!

— Не привыкли! Да-сь. Ну, ничего, привыкните! увѣренно заключилъ писарь.

— Почему вы думаете?

— Да какъ же-сь, помилуйте! Если не пить, что же и дѣ-

лать? Здѣсь вѣдь глушь, мужичье, необразованность, можно сказать! Скуза-съ!

— Но, вѣдь, не мало и дѣла...

— Скуза-съ! Да вотъ, вы спросите Данилу Алексѣвича: что молъ, правда, иль нѣтъ? Ну-съ, а какъ это немножко пропустишь, на душѣ легче, на сердцѣ веселѣе и—отлично!

Онъ налилъ себѣ еще рюмку и, поднося ее ко рту, произнесъ:

— За ваше здоровье!

Выпилъ, улыбнулся, закусилъ хлѣбомъ и, принимаясь за рыбу, не удержался, чтобы не сдѣлать вопроса:

— А вы куда это изволите ѣхать? Далеко?

— Въ Глушковскій уѣздъ.

— У-у-у! Глушь хуже нашей! И куда-съ именно?

— Въ Лучинское, знаете?

— Помилуйте, какъ не знать! Отъ Глушковска сорокъ верстъ еще, ай, ай, ай!

— Что?

— И куда васъ послали? Да вѣдь это дрянное селеньишко. И какіе мужики, скажу я вамъ. Какіе мужики!

— Какіе же?

— Грубые, сѣрые, какъ есть! Отъ мужика что спрашивать: извѣстно, глупъ, необразованъ. А тѣ-съ... И онъ только махнулъ рукою, какъ бы желая выразить: «ужь такіе мужики, что и говорить не стоитъ!»

— Это ничего, что сѣры, возразилъ Бураторовъ,—знаете пословицу: «кафтанъ сѣръ, а умъ не чортъ сѣлтъ!»

— Ну да-съ, но вѣдь это что же, пословица! Мало-ли что говорить пословица! А вы посмотрите, развѣ это люди? Бьешься, бьешься, стараешься вразумить, наставишь словомъ, эдакъ, разумно,—что стѣна! Одинъ исходъ: отругаешь и понялъ!

Бураторовъ промолчалъ; ему казалось излишнимъ спорить съ писаремъ. «Что мнѣ въ немъ, выпилъ и городить; хочетъ показать, что образованный, пускай! А что вотъ за личность учитель?» И чтобы вовлечь его въ разговоръ, Григорій Несторовичъ обратился къ хозяину съ вопросомъ:

— А вы ужь давно здѣсь, Данила Алексѣвичъ?

— Да, шесть лѣтъ! Еще до земства!

— Данила Алексѣвичъ совсѣмъ аэлимантизовался! вѣшался писарь, желая щегольнуть своимъ образованіемъ передъ учителемъ, только что прибывшимъ изъ губернскаго города.

Бузоратовъ не обратилъ вниманія на это замѣчаніе и отнесся опять къ хозяину:

— И хорошо вамъ здѣсь?

— Хорошо.

— Какъ у Христа за пазушею живетъ здѣсь Данила Алексѣвичъ! Если-бы только не необра...

Писарь икнулъ и тѣмъ самымъ далъ возможность Бузоратову перебить его рѣчь.

— Много у васъ учениковъ? спросилъ онъ у Кашина.

— Около восьмидесяти.

— Но вѣдь тѣсно?

— Да, тѣсно-то, согласился Кашинъ.

Обѣдъ кончился и онъ поднялся съ мѣста. За нимъ встали Бузоратовъ и писарь.

— Я пойду, Данила Алексѣвичъ, сосну, сказалъ этотъ послѣдній, пошатываясь.— Голова болитъ что-то.

— Идите.

— Да, пойду. Прощайте, Данила Алексѣвичъ, прощайте, Григорій Несторовичъ. Да мы еще увидимся? Вы до завтра пробудете?

— Пробуду, если позволить Данила Алексѣвичъ? промолвилъ Бузоратовъ.

— Сдѣлайте милость, сказалъ Кашинъ, садясь на диванъ и набивая трубку.

— Увидимся? До свиданія!

Бузоратовъ былъ очень радъ тому, что писарь ушелъ. Онъ подошелъ къ хозяину и свелъ опять разговоръ на школу.

— Развѣ нѣтъ помѣщенія получше? сказалъ онъ.

— Мм, мм... нѣтъ! отвѣтилъ хозяинъ, пуская клубъ табачнаго дыма.

— Кажется, домъ правленія довольно большой, замѣтилъ Бузоратовъ.

— Все занято! Я вотъ...

Кашинъ попыхалъ и потыкалъ пальцемъ въ трубку.

— Я вотъ, да писарь... правленіе само... ну, комната на случай пріѣзда властей, и все!

— У священника славный домъ! Это его собственный?

— Собственный.

— Вотъ бы гдѣ школь-то! воскликнулъ Бузоратовъ.

— Н-ну, гдѣ же, дорого. Отецъ Александръ дешево не отдастъ внизу; а вверху—онъ самъ, семейство!

— Большое у него семейство? какъ-то машинально спросилъ Григорій Несторовичъ.

— Нѣтъ, неособенно: самъ съ матушкой, да дочка. Теперь племянница гостить! Да что же стѣсняться-то безъ нужды...

Кашинъ выколотилъ изъ трубки остатки табаку и поставилъ чубуку въ уголъ за диванъ.

— А вы меня извините, промолвилъ онъ, подымаясь:— я немножко сосну!

— Помилуйте!

— Привыкъ уже. Да и вы съ дороги не хотите ли прилечь, здѣсь же на диванчикѣ, удобно!

— Благодарю.

— Къ чаю насъ разбудятъ. Окулина, дай-ка сюда подушку! крикнулъ Кашинъ.

Онъ зѣвнулъ и замѣтилъ вслухъ: «вонъ сама природа напоминаетъ», и отправился въ сосѣдную комнату.

Скоро оттуда послышался громкій храпъ со свистомъ, котораго никогда не могъ переносить Бузоровъ. Онъ повертѣлся на диванѣ и, вида, что не въ состояніи заснуть, пошелъ побродить по Кулагину.

— Что, познакомились? окривнулъ Бузорова споватый бась.

Онъ повернулъ голову. Вопросъ принадлежалъ училищному сторожу, сидѣвшему на скамьѣ у правленскаго крыльца. Возлѣ сторожа стоялъ мужикъ съ хомутомъ, повѣшеннымъ на руку.

И сторожъ, и мужикъ курили: первый трубочку, второй «цгарку».

— Да, познакомился, отвѣтилъ Бузоровъ, останавливаясь.

Мужикъ пошевелилъ на головѣ шапку, не снялъ, а именно только пошевелилъ; сторожъ, не вынимая изъ зубовъ трубочки, подвинулся на скамьѣ, чтобы дать мѣсто учительскому гостю.

Григорій Несторовичъ присѣлъ.

— Да-а, Митричъ, трудно, проговорилъ сторожъ, сплевывая въ сторону, — трудно!

Онъ помолчалъ и вдругъ обратился къ сосѣду:

— А что, Данило Лексѣичъ, чать, легъ спать?

— Легъ, отвѣтилъ Бузоровъ.

— Ужъ онъ всегда такъ... привыкъ! Ты ему что хошь дай — не можеть. Да оно и то: какъ поѣлъ сытно, поневолѣ уснешь... клонить! Это вѣрно. — И онъ зѣвнулъ приѣтомъ.

— Вотъ, Савелій Лукичъ, промолвилъ мужикъ, бросая

докуренную «цыгарву»:—кому трудно, а кому и легко. Данилъ Лексѣичу, што и отцу Ливсандру, жисть вольготная!

— Да-а, покровительственно произнесъ сторожь,—ему што! Жизнь спокойная, хорошая, прибавилъ онъ такимъ тономъ, какъ будто возвышалъ и самого себя.

— Я думаю не мало и дѣла? замѣтилъ Бузаратовъ.

— Извѣстно дѣла, безъ дѣловъ кто-жъ и деньги получаетъ? Только-съ дѣла эти самыя не причиняють большой ма-яты. Данило Лексѣичъ себя бережетъ. Да иначе и какъ же: ты не береги-ка себя, долго-ль съ ими, сорванцами... уходишь себя какъ разъ. Карактеръ у него таперича спокойный, это много помогаетъ; ну, и строгость: боятся и слушаются!

— Я слышалъ имъ всѣ очень довольны! схитрилъ Бузаро-томъ, желая узнать правду.

— Еще-бы! снисходительно улыбнулся сторожь: — такихъ учителей на рѣдкость!

— Это точно, это правда твоя, Савелій Луевичъ, заговорилъ мужикъ:—человѣкъ онъ разсудительный и житейскій, не верто-прахъ, ни-ни, не то што Судаковскій, бывало, помнишь?

— Какъ можно!

— Не-е, это не такой! Домовитый, хозяйственный, словно и не учитель, право!

— Што говорить, подтвердилъ сторожь:—не безпутный ка-кой, всего есть: одѣнется ли—што твой посредникъ, платье хорошее. Все есть. Живеть домовито, денежки водятся. Не шетъ зря... ну, конечно, выпиваетъ, а чтобы пьянствовать—никогда! Знавалъ я учителей-то: у другаго одна рубаха на тѣлѣ-то, да за душой ни гроша,—а то же форсу задаетъ... а што въ его форсѣ, когда всякій мужикъ его богаче! А это не таковскій, шалишь! Этотъ самъ хозяинъ!

— Хозяинъ, это-такъ! поддакнулъ мужикъ:—запасливый!

— Холостой, вѣдь? спросилъ Бузаратовъ.

— Вдовый!

— Вдовый? вотъ какъ! Снова жениться надо!

— Оно такъ и есть. Намѣтилъ ужъ Данило Лексѣичъ; совсѣмъ, почитай, налажено!

— Да? На комъ же?

— А на дочкѣ нашего священника. Богатый священникъ, благочинный, за кой-то какого и не выдалъ бы, одна дочка; ну, да Данила Лексѣичъ любъ батюшкѣ. Степенный, мужъ рѣд-костный, жену по міру не пустить.

— Онъ не изъ духовныхъ ли?

— Изъ духовныхъ! Кончалый! Скубентъ семинаріи и перво-разрядный! Если бы хотѣлъ, могъ бы въ священники вступить давно. Да!

— А я такъ думаю, сказалъ мужикъ:—какъ поженится это Данило Лексвичъ на поповнѣ-то, такъ перейдетъ онъ жить въ поповскій домъ.

— Вѣрно! Такъ и рѣшено.

— Стало, земскій пунктъ-то къ отчалу?

— А онъ въ правленіе перейдетъ!

— Отъ чего же не школа? полюбопытствовалъ Бузоровъ.

— А зачемъ ей? Нешто тутъ-то худо?

— Тѣсно!

— Ну, будетъ мѣста. Къ тѣсотѣ-то ребятамъ не привывать стать. Еще и то хорошо; индѣ и того хуже, въ банѣ учатся, да молчатъ. А то тѣсно!

— Зимой-то духъ-то не тово, тошно, замолвилъ слово и мужикъ.

— Духъ! Эка тѣ важность—духъ! огрызнулся сторожъ.— Поди у тебя въ хатѣ духъ-то лучше?

Мужикъ промолчалъ.

— Тоже духъ, не унимался сторожъ, словно замѣчаніе крестьянина кровно обидѣло его:—а што же тѣ нужно-то? Не куревомъ ли какимъ надушить? Да по робатамъ ли вашимъ такое курево, дай тебя спросить?

— Вѣдь не въ этомъ дѣло, сказалъ Бузоровъ:—воздуху мало.

Но сторожъ не обратилъ вниманія на слова Григорія Несторовича и продолжалъ:

— Пустое болтаешь. На вѣтеръ! Начальство ѣздитъ, видитъ, всякій «духъ» слышитъ—одобряетъ, а ты лѣзешь!

— Да я что же, Савелій Лувичъ, я ничаво!

— Ничаво, ничаво! передразнилъ сторожъ;—а ничаво такъ и не бей языкомъ зря, не мутовка, чать!

Онъ спряталъ трубочку въ карманъ и, кряхтя, поднялся съ скамейки.

— Куда хомуть-то? спросилъ онъ отрывисто, но уже примиреннымъ тономъ.

— А къ Игнахѣ.

— Ну, такъ по дорогѣ! Прощенья просимъ! прибавилъ сторожъ, дотрогиваясь до козырька, но не кланяясь и не глядя на Бузорова.

Мужикъ и теперь только пошевелилъ свою шапку—и они пошли.

Григорій Несторовичъ посидѣлъ съ минуту-другую на скамейкѣ и тоже всталъ. Онъ прошелъ по улицѣ до церкви, посмотрѣлъ на нее, хотѣлъ зайти къ фельдшеру, да во первыхъ, вспомнилъ разсказъ о немъ писаря, а во вторыхъ, подумалъ: съ какой стати и зачѣмъ? и—пошелъ обратно въ квартиру учителя.

Данила Алексѣевичъ еще не проснулся. Но уже самоваръ былъ поставленъ и скоро Окулина пошла будить учителя.

На окнѣ лежали двѣ книги. Бuzоратовъ полюбозытствовалъ узнать, что это за книги: одна изъ нихъ оказалась «Таинственнымъ Монахомъ» Зотова, а другая—сборникомъ пѣсенъ, изданія Манухина. За разсматриваніемъ этой второй книги и засталъ гостя Кашинъ, вышедшій изъ спальни.

— А, и вы встали? сказалъ онъ, вѣвая.

— Я и не спалъ!

— Отчего?

— Не могъ заснуть, ходилъ гулять...

— А я схрапнулъ, славно таково! Вотъ теперь попьемъ чайку, потомъ... если хотите... вы играете въ карты?

— А вы любите?

— Отъ скуки—отчего-же, мы почти каждый вечеръ съ Явовомъ Петровичемъ сражаемся по маленькой, а то и старшина, фельдшеръ. Когда случается наѣзжаетъ слѣдователь или становой, ну, тогда побольше!

— Вы со всѣми въ ладу, кажется?

— А то какъ-же? удивился Кашинъ.—Да изъ-за чего намъ сориться? что дѣлать?

— Хорошій человекъ этотъ писарь?

— Ничего; заливааетъ порой... да мнѣ что? Какое мнѣ дѣло?

— Онъ, кажется, безъ всякаго образованія?

— А кто его знаетъ! Я и не спрашивалъ, гдѣ онъ учился, что мнѣ за интересъ!

Окулина принесла самоваръ, и Кашинъ сталъ заваривать чай. Заваривши, онъ поставилъ чайникъ на самоваръ и сѣлъ возлѣ стола.

Наступило молчаніе и можетъ быть оно продолжалось бы долго, если-бы Бuzоратовъ не прервалъ его.

— Это не изъ училищной библіотеки? спросилъ онъ у Кашина, держа въ рукахъ романъ Зотова.

— Въ училищѣ нѣтъ библіотеки, отвѣтилъ Кашинъ, снимая чайникъ.

— Совсѣмъ?

— Нѣту!

— А что же читаютъ дѣти.

— Да ничего, кромѣ учебниковъ.

— Но вѣдь это... тормазитъ развитіе?

— Ну, какое имъ тамъ особенное развитіе! Да и книгъ нѣтъ... гдѣ я ихъ возьму?

— А попечитель? кто у васъ попечителемъ?

— Тутъ одинъ торговецъ Да этотъ не раздобрится.

— Земство помогло-бы!

— Земство бѣдно! И на бумагу не хватаетъ, не то что на книги... Пожалуйте-ка, я налилъ чайку.

— Благодарю. А гдѣ-же вы берете книги? продолжалъ Бузоровъ, подсаживаясь къ столу.

— Да я тоже почти не читаю; некогда, да и не люблю, сказать по правдѣ. Утро-то въ школѣ, тутъ обѣдъ, поспишь, тамъ въ картишки, нето въ гости пойдешь къ отцу Александру, то да другое, когда? Балуюсь порой на гитарѣ, отъ скуки, а книгъ... Богъ съ ними!

«И это учитель? съ сожалѣніемъ подумалъ Бузоровъ.— И его всѣ любятъ?»

— А педагогическіе-то журналы, по крайней мѣрѣ, читаете? сказалъ гость, уже не умѣя скрыть своего удивленія.

— Нѣтъ тоже. Получается «Народная школа», да я и не гляжу... что тамъ!

— Какъ что? воскликнулъ Бузоровъ, совсѣмъ уже озадаченно:— да тамъ...

— Пустяки! махнулъ рукою Кашинъ, отхлебывая чай съ блюдца.— По книгамъ нельзя учить, мало-ли чего напишутъ! И зачѣмъ? Съ насъ этого и не требуютъ. Я безъ всякихъ книгъ научу читать и писать, а еще чего-же?

Бузоровъ не выдержалъ и началъ развивать свой планъ. Кашинъ выслушалъ молча и, когда гость кончилъ, спокойно замѣтилъ:

— Все это лишнее. Крестьяне и тѣмъ довольны.

— Но это не причина! Ихъ требованія еще ничего не значать!

— Да и начальство довольно! А мнѣ что-же? Я исполняю

что надо! Буду я еще брать на себя-то, чего и не требуют! Да къ чему? По вашему и въ то внимай, и въ другое, что ужь совсѣмъ не наше дѣло. Соваться туда не слѣдъ, куда не нужно!

— Помилуйте! да послѣ этого какая-же польза? Ваши ученики черезъ нѣсколько лѣтъ все забудутъ! горячо произнесъ Бузоровъ.

— А это меня не касается!

— Но... ваши цѣли...

— Это не мое дѣло! Вы говорите объ обученіи большихъ, про распространеніе знаний о здоровьѣ, о природѣ. Да съ какой стати, развѣ это для меня обязательно? Кому надо что спросить—самъ придетъ, скажу, совѣтъ дамъ; ну, онъ поблагодарить, а соваться самому, да съ чего? Развѣ мнѣ это вмѣнено уставомъ? Выходить изъ программы не имѣю ни права, ни желанія. Деревня—не школа. Что мнѣ?

— Конечно. Да вѣдь вы сами можете желать помочь?

— Я самъ вовсе не хочу даромъ тратить времени, что за радость? И кто станетъ это дѣлать, любопытно знать?

— Я первый!

Капинъ посмотрѣлъ на гостя такъ, какъ смотритъ дѣловой опытный человѣкъ на ребенка, слушая его наивный лепетъ.

— Значитъ вы не любите своего дѣла, сказалъ Бузоровъ съ улыбкой, которой желалъ смягчить свою рѣчь.

— Да какая-же тутъ любовь, промолвилъ Капинъ, нисколько не обижаясь:—учу за то, что платять, и все тутъ.

— Дадутъ больше, возьмете другое дѣло?

— Разумѣется!

— Тогда вамъ надо-бы идти въ священники, это выгоднѣе учительской карьеры!

— За-то и труднѣе!

— Чѣмъ-же?

—хлопотъ не мало и спокойствія меньше. Ночью требуютъ за нѣсколько верстъ къ больному—вставай! Ну и самъ, отвѣтственность за него. Потомъ опять какое мѣсто! А мнѣ и здѣсь хорошо, дѣло свое справилъ—и шабашъ! Цѣлое лѣто свободенъ, развѣ этого мало?

Спорить было-бы напрасно и Бузоровъ постарался подавить свою горячность.

— У васъ теперь не начались еще классы? спросилъ онъ.

— Съ сентября.

— А отдыхаете съ мая?

— Съ мая.

— И сколько-же жалованья?

— Семнадцать съ полтиной.

— И не мало?

— Нѣтъ, ничего. Квартирка готовая. Ну, землишка.

— Какъ землишка? Какая?

— Да огородъ, и пахотной, сѣнокосной немножко.

— Откуда-же это?

— А купилъ. Сѣна на корову хватается, да и еще на одну хватить. Хлѣбець есть. Огородъ кормить весь годъ. Яйца тоже не куплены, куры свои, да и провизія дешева здѣсь. Ничего! И нажить можно, если имѣть грошъ лишній!

— На чемъ нажить?

— Мало-ли! Предъ оброками скотъ дешево продается, же-ребенокъ иногда за рубль идетъ. Купишь, откормишь на под-ножномъ и продашь на ярмаркѣ... гладишь копѣйку и запибешь!

«Боже мой! съ ужасомъ и съ омерзѣніемъ подумалъ Бузо-ратовъ:—учитель—кулакъ и торгашъ, да послѣ этого онъ и деньги пожалуй отдаетъ подъ проценты. Ну, однако, учитель-же! Настоящій просвѣтитель!»

— Это только едва-ли удобно! сказалъ Бузоровъ, хотя съ его языка готова была сорваться болѣе рѣзкая фраза.

— Отчего?

— Народъ можетъ посмотрѣть....

Онъ затруднялся въ подысканіи болѣе или менѣе мягкаго выраженія.

— Что народъ? Народъ ничего! убѣдительно возразилъ хо-зяинъ.—Нашъ мужикъ самъ человекъ практической и людей, умѣющихъ нажить копѣйку, уважаетъ. Увѣряю васъ, что очень немногіе учителя пользуются такимъ почетомъ, какъ я. Да вы что думаете, оживился вдругъ Капшинъ:—мужикъ кого почи-таетъ? Кто съ деньгой! Кого нельзя прижать, а кто его приж-метъ! А надъ тѣми, кто въ его рукахъ, кто его бѣднѣ—онъ наглухнетъ. Особенно властный мужикъ!.. Вы спросили про пи-саря. И писарь, и старшина со мной пріатели. А отчего? Оттого, что я отъ нихъ не завишу. Я хорошъ съ ними, по-тому что зачѣмъ ссориться... глупо! Но они меня не прижмутъ!

Еще ни одной фразы Капшинъ не произносилъ съ такимъ оживленіемъ какъ эту, и гость ясно увидѣлъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло.

Они замолчали.

— Жить надо умѣть, на этотъ разъ заговорилъ хозяинъ первый.—А то пожалуй на тебя садуть и поѣдутъ.

— Лучше самому съѣсть?

— Ужъ конечно лучше, чѣмъ везти! Да вотъ....

— Данила Лексѣичъ, отъ отца Ликсандра прислали, заявила Окулина, входя въ комнату.

— Зачѣмъ?

— Да къ себѣ просятъ.

— Скажи, что я велѣлъ благодарить, но не могу, у меня-де гость, учитель, ѣдетъ въ Глушковскій уѣздъ.

— Данила Алексѣичъ, да вы напрасно, началъ было Бузоровъ.—Идите!

— Нѣтъ, что-же, я къ нимъ могу всегда, близко живемъ! Угодно еще чайку?

— Благодарю, довольно ужъ!

— Маловато ѣдете. Мы по-деревенски, не такъ!

Онъ подбавилъ кипятку и налилъ себѣ чуть-ли не пятый стаканъ.

— А что-же на счетъ картишекъ, какъ?

— Да вы играйте, я погляжу!

— Ну, что такъ-то: глядѣть—не веселье! Да вы хоть по одной десятой!

— Право не люблю!

— Совсѣмъ вы ученый! Книги и книги только; да что-же вы будете дѣлать въ Лучинскомъ?

— Какъ что? Развѣ тамъ мало дѣла?

— Не больше моего!

— Но вы забыли, что я буду дѣлать не только то, что вы...

Кашинъ опять сострадательно посмотрѣлъ на гостя и хотѣлъ что-то сказать, но вторичное появленіе Окулины помѣшало ему.

— Что тебѣ?

— Да опять отъ отца Ликсандра!

— Ну?

— Зовутъ очинно; и съ гостемъ, говорятъ, пусть, милости просимъ, безъ церемоній!

— Григорій Несторовичъ, слышите? пойдете!

— Нѣтъ, благодарю васъ, не хочется, идите вы одни.

— Да что же я... вы въ гостяхъ у меня, и вдругъ...

— Я усталъ; а вы не должны стѣсняться—свои люди!

Кашинъ колебался. Но появленіе писаря рѣшило вопросъ.

— Ну, что же! запротестовалъ тотъ:—пулька бы, а тутъ

вдругъ... вѣдь они же не хотятъ и просятъ сами васъ не стѣс-
няться... идемте!

— Пожалуйста идите; я усталъ и лягу спать, сказалъ Бу-
зоратовъ.

— Въ такомъ случаѣ что же, я пойду! согласился Кашинъ.
Черезъ нѣсколько минутъ онъ одѣлся и отправился вмѣстѣ
съ писаремъ къ отцу Александру.

Далеко за полночь вернулся домой Кашинъ. Онъ былъ на-
веселъ и въ очень благодушномъ настроеніи духа, благодаря
тому, что въ картахъ сегодня сильно везло.

— Э-э, да вы еще не спите? промолвилъ Данила Алексѣичъ,
проходя черезъ комнату, гдѣ на диванѣ расположился Бузо-
ратовъ. Онъ замѣтилъ слабый огонекъ папиросы, которую вурить
Григорій Несторовичъ.

— Не сплю.

— А не пошли;—говорили, что хотите спать.

— Хотѣлось; а легъ, и не могъ уснуть.

— Напрасно только не пошли! Превеселый вечерокъ вы-
дался у отца Александра, право!

Онъ подошелъ къ обѣденному столу и присѣлъ на стулъ.
Помолчавъ немного, онъ снова повторилъ съ тѣмъ же вооду-
шевленіемъ:

— Прекрасный вечеръ!

По голосу, какимъ сказана была эта фраза, Бузоратовъ по-
нялъ, что Кашинъ подвыпилъ.

— Играли? спросилъ онъ у Кашина.

— Какъ же, зачѣмъ и шли!

— И что же, везло?

— Чертовски везло! обыгралъ фельдшера какъ липку....
ха-ха-ха! разсмѣялся вдругъ Кашинъ;—вотъ свинья-то, ей-Богу!

Но это восклицаніе не было выраженіемъ ругани, а скорѣе
выказывало собою внутреннее удовольствіе говорившаго.

— Если-бы вы слышали, что рассказывалъ онъ сегодня,
продолжалъ учитель, едва выговаривая слова, вслѣдствіе душив-
шаго его смѣха.

Бузоратовъ молчалъ,

— Эдакая свинья!... да вы слушаете?

— Слушаю.

— Вѣдь можно же такъ. Есть здѣсь одинъ мужиченка,

не то, что богатый, а и не бѣдный, но ужасно скупой, а главное крючекъ, что не такъ—сейчасъ законъ: ты-де по закону ли! Вотъ хорошо! Заболѣла у этого мужика голова, а онъ пѣшивый, весь лысый; ну-съ вотъ... ха-ха-ха! пришелъ онъ къ фельдшеру въ пунктъ. Тотъ сидитъ за чаемъ.

— Здорово, Павелъ Ивановичъ!

— Здравствуй, молъ, что скажешь?

— Да такъ и такъ... нездоровится.

— Ну что же, лечиться надо.

— Къ тебѣ и пришелъ потому.

— А развѣ теперъ пріемъ? Развѣ часы пріемные?

А у нашего фельдшера, надо вамъ сказать, такъ положено: кто не въ пріемные часы, тотъ плати за совѣтъ.

— Но это незаконно, сказалъ Бузоровъ.

— Ужъ тамъ какъ хотите, а у него такъ. Вотъ этотъ мужиченка тоже самое и говоритъ, что вы: «когда де не приду, все равно—болѣзнь часу не знаетъ».

— А я не въ указанное время даромъ не лечу, знаешь, чай, говоритъ Павелъ Ивановичъ.

Ну—споръ. Слово за слово... Мужиченка на законъ. Фельдшеръ и думаетъ: «а, ты такъ-то, ну я тебя, голубчикъ, проучу».

Прикинулся и говоритъ законнику:

— Вижу, Климъ, тебя не убѣдишь; все ты до тонкости знаешь. Такъ и быть, я тебѣ скажу что надо дѣлать, только не болтай другимъ, что даромъ, а то всѣ пойдутъ... убыточно.

Климъ согласился.

Даль фельдшеръ ему горчицы и велѣлъ поставить на голову, да держать до утра. Тотъ такъ и сдѣлалъ, а на утро-то ему такой пузырь вздуло, что страхъ... ха-ха-ха!...

— Послушайте, вѣдь это же подлость! не удержался Бузоровъ.

— За скупость—наука!

— Человѣкъ могъ умереть, и если обошлось счастливо, такъ это даже удивительно!

— Нѣтъ, а каковъ мерзавецъ фельдшеръ-то... а? Какую штуку-то выкинулъ, а?

Бузоровъ крѣпко стиснулъ зубы отъ злости. Ему страшно, неудержимо хотѣлось назвать Кашина самого подлецомъ и негодяемъ, но онъ все-таки удержался.

— Да-а... штука! промолвилъ Данила Алексѣевичъ, помолчавши.—А вечеръ былъ славный! Какая щучина... нѣтъ, что вы не говорите, а съ мужикомъ надо умѣючи. Вотъ, отецъ Але-

Александръ, вѣдь ужь цастырѣ... не мы... а тоже... развѣ по таксѣ? Ну, и домогѣ... и хозяйство... Да!.. а вы меня можете поздравить, слышите?

Онъ это послѣднее слово даже выкинулъ.

— Съ чѣмъ? приневолилъ себя выговорить Бузоровъ.

— Совсѣмъ порѣшено! Женюсь!

— Поздравляю!

— Да вы спросите, на комъ!

— Я угадываю: на дочери отца Александра?

— Да-съ! а что?

— Ничего, поздравляю! насмѣшливо сказалъ Бузоровъ.—

По любви? тѣмъ же тономъ прибавилъ онъ.

— Мм... да, дѣвица хорошая. Хозяйка, расчетливая... не молодая ужь и... впрочемъ она ничего! А что за руководѣльница! И вѣдь всѣмъ домогъ править! да какъ—у нея ничто не пропадетъ, ни порошинки. А такую-то мнѣ и надо!

— Разумѣется, уже ехидно сказалъ Григорій Несторовичъ.

— Да-съ, мнѣ это главное, чтобы такая... ну и...

— Деньги, вонечно, за нею? не безъ ироніи опять спросилъ Бузоровъ.

— А то какъ же? На безприданницѣ развѣ жениться? Денегъ три тысячи, пол-дома... А рука-то, рука-то!

— Какая рука?

— Отецъ-то Александръ! Благодѣтельный! друженъ съ Оеодсѣевымъ, любимцемъ архіерея... сила!..

— Въ духовные развѣ порѣшили?

— Это зачѣмъ? сказалъ я, что нѣтъ... а вы опять...

— Что же вамъ тогда въ силѣ отца Александра?

— Какъ что, а мѣсто! Въ городѣ лучшее мѣсто дадутъ. Да мнѣ городъ—плевать! А вотъ въ Богородское село—чудесно бы! И попаду!..

— Тамъ развѣ плохъ учитель, что его смѣнять?

— Ну, вотъ! Хотя кого лучше, да захочетъ инспекторъ и переведетъ, его воля!

— И вы возьмете?

— А почему же нѣтъ? Не дуракъ же я, что буду отказываться отъ хорошаго мѣсто!

«Да, не дуракъ, но за то и подлецъ же!» подумалъ Бузоровъ и далъ себѣ слово ни за что не разговаривать болѣе съ Кашинымъ, а завтра, какъ можно ранѣе, уйти изъ Кулагина.

«Но какъ же безъ денегъ? мелькнулъ вдругъ вопросъ въ его головѣ.—Только вѣдь одинъ рубль?»

«Э, все равно! рѣшилъ онъ сгоряча:—лучше милостыней добратся до Глушковска, нежели брать взаймы у такого мерзавца. И какая семейва ихъ здѣсь: одинъ другаго лучше. Учитель—булакъ, фельдшеръ—взятчикъ, писарь такой же... попъ... видно тоже одного поля ягода. Вотъ спѣлись-то, вотъ компанія-то! Сосутъ мужика, какъ пивки: кто болѣзнь эксплуатируетъ, кто—смерть и рожденіе, кто—нищету и темноту... печаль и радость людей—все даетъ имъ наживу и доходъ,—и живутъ они не нуждаясь, припѣваючи. Да, теплое житье!

Башинь, продолжая развивать свои мысли, нѣсколько разъ пробовалъ добиться отъ гостя отвѣта на вопросы, но Бузаратовъ упорно молчалъ. Понялъ ли, наконецъ, кулагинскій учитель настоящую причину молчанія гостя, или подумалъ, что тотъ уснулъ, но только онъ поднялся съ дивана и отправился въ свою спальню.

Онъ раздѣлся, не зажигая свѣчи, легъ и почти въ ту же минуту захрапѣлъ.

А Бузаратову не спалось. Ему было душно въ этой комнатѣ, гадко и тяжело на сердцѣ. Въ душѣ же крѣпла одна мысль: «работы много, враговъ тьма, зло сильно и велико», и затѣмъ являлось и зрѣло рѣшеніе: «работать, бороться до послѣдней капли крови!»

X.

Post-scriptum къ предыдущей главѣ.

Стояло пасмурное и хотя еще августовское, но уже совершенно осеннее утро. Тучи заволокли небо, и, казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ хляби небесныя разверзнутся и зальютъ землю цѣлыми потоками дождя. Но его не было.

По тряской и неровной дорогѣ, идущей отъ Кулагина въ Глушковскъ, медленно двигалась простая крестьянская телѣга, запряженная въ одну маленькую и невзрачную лошаденку. Въ телѣгѣ сидѣло двое: одинъ изъ нихъ былъ мужикъ, въ своемъ національномъ костюмѣ—сермягѣ и съ востелкомъ на головѣ, а его сосѣдъ, молодой человекъ,—въ пальто и въ шапкѣ; хотя то и другое доказывало убѣдительно бѣдность владѣльца, но, въ то

же время, фигура владѣльца и въ особенности лицо говорили о его принадлежности къ интеллигенціи.

Мужичекъ былъ коренной житель Кулагина и отправлялся въ Глушковскъ хлопотать по своему дѣлу въ палатѣ, а «интеллигентный пролетарій» — нашъ знаемець, Григорій Несторовичъ Бузоровъ.

Онъ буквально бѣжалъ отъ Кашина рано утромъ, когда еще учитель спалъ. Забравъ свои скудные пожитки, молодой человекъ вышелъ изъ дому, наказавъ кухаркѣ благодарить Данилу Алексѣевича.

— Да что же вы такую рань, батюшка? удивилась кухарка: — гляньте-ка, шести вѣту.

— Въ городъ надо, до вечера-то и доберусь!

— Да нешто пѣшкомъ вы? воскликнула баба.

— Пѣшкомъ. Сколько верстъ?

— Да тридцать семь считаютъ, а оно всѣ сорокъ съ хвостикомъ.

— Дойду!

— Трудно по такой-то дорогѣ, у насъ вязко, куда какъ вязко! Да погодите-ка, я вамъ извощика подыщу. Сегодни Софронъ Безрукій въ городъ хотѣлъ ѣхать; идите-ка къ нему, до городу за пустяки дозеветъ, право слово.

Она объяснила, какъ найти избу Безрукаго. Бузоровъ поблагодарилъ и отправился. Безрукій уже выѣзжалъ, когда явился къ нему Григорій Несторовичъ.

— Я къ тебѣ, дядя!

— Что тебѣ? спросилъ Софронъ, приостанавливая лошадь.

— Да вотъ, дѣло... ты въ Глушковскъ ѣдешь?

— Ёду... вѣрно! Въ палату надоть, а ты што, туды же?

— Туда, не подвезешь ли? Я тебѣ за это заплачу немного.

— А што-жь, садись, милый человекъ, садись! Тяжести ужъ не Богъ-вѣсть сколько... садись!

Онъ подвинулся на грудѣ сѣна, покрытаго рогожею сверху, и далъ на сидѣннѣ мѣсто учителю. Усѣлись и поѣхали.

Разказалъ Софронъ о своемъ дѣлѣ, тянувшемся больше года въ палатѣ, «пожалился на писарьковъ палатскихъ», спросилъ у Бузорова куда онъ ѣдетъ и промолвилъ на это, съ киваніемъ головы:

— Такъ, такъ, понимаю: учителемъ, — дѣло!

Софронъ досталъ изъ-за пазухи лепешку съ «овсяной политкой» и началъ грызть ее.

Телѣга медленно двигалась, покачиваясь изъ стороны въ сто-

рону и встряхивая ежеминутно сѣдковъ. Бузоратовъ сидѣлъ на рогожѣ и глядѣлъ на необъятныя поля, танувшіяся по обѣимъ сторонамъ дороги. Свободно разгуливалъ вѣтеръ на обширныхъ поляхъ, на которыхъ уже не было видно волнистаго движенія созрѣвающей ржи, а видѣлась щетинистая, колая жнива. Хлѣбъ былъ весь сжатъ и собранъ въ скирды, которыя гордо стояли возлѣ овиновъ.

Григорій Несторовичъ сидѣлъ и думалъ:

«Вотъ и счастливы крестьяне! Рады богатству... А какая натура: закаленная, вѣрпкая! Эта грязь, холодъ этотъ, пасмурная погода—все ни почемъ русскому мужичку! Неприхотливъ онъ. Не приводятъ его въ уныніе обезкудрявленные деревья, не обращаетъ онъ вниманія на вьющуюся, подобно траурной лентѣ, дорогу. Его мысли сосредоточены на одномъ: какъ бы обмолотиться, отдать подати, избу починить, да лошадку купить... А дальше? О, онъ силенъ духомъ! Но этотъ богатырь еще спитъ, надо пробудить въ немъ все человѣческое, всѣ высшія потребности, создать... А эта нищета? эта грязь? впрочемъ, что же: свѣтъ знанія все уничтожить, подвинетъ его на новую жизнь, онъ сдѣлается такимъ же поселяниномъ, какъ и западный... Труда и людей только бы! А гдѣ они, эти люди, которые бы не жалѣли силъ своихъ для дѣла? Ихъ, этихъ Кашиныхъ, больше, неизмѣримо больше! Ахъ, какіе гады, какіе негодяи! воскликнулъ молодой человѣкъ невольно.—И они еще смѣютъ говорить, что мужики—животныя; сами хуже ихъ! А народъ хорошо все понимаетъ, онъ терпитъ пока, и—только!»

У Бузоратова явилось желаніе поговорить съ Софрономъ о «гадахъ», узнать, какого онъ мнѣнія о нихъ?

— А что, Софронъ, есть у тебя дѣти? промолвилъ Григорій Несторовичъ.

— У кого нѣту этого добра! отвѣтилъ мужикъ не то шуточно, не то съ досадою.

— Много?

— Тройка цѣльная.

— Мальчики?

— Двѣ дѣвочки и мальчонко.

— Большой сынокъ-то?

— Нѣ, ещо, девять годковъ всево.

— Учится, чай?

— Бѣгаетъ въ школу, какъ же, оно не очень-то... не всегда, потому въ другорядъ и неспособно, а спосылаю, бѣгаетъ.

— А что вашъ учитель—хорошъ?

— Даниль-то Левсыичъ? Ничаво! почесаль затылокъ мужикъ:—человѣкъ степенный, резонетный, непутнаго слова у ево не займешься... Человѣкъ хороший!

— Да къ вамъ-то хорошъ онъ, довольны вы?

— Што же, мы имъ довольны. Онъ завсегда, стало, при дѣлѣ; учить, какъ слѣдуетъ, ну и... степенный! Баловства ни-ни! Не допустить! Што немного, отстегаетъ такъ, что любо-дорого, чудесно! Малыши ево боятся, опасаются. Ну и хорошо оно: не балуются!

— И вы довольны? изумился Бузоровъ.

— Довольны, протянул Софронъ;—а пошто же намъ быть недовольнымъ? никакихъ художествъ и стало быть ничего такого зазорнаго за нимъ не водится... чево быть недовольнымъ?

— Да онъ... кулакъ! воскликнул Бузоровъ:—онъ жметъ васъ! Онъ лошадьми торгуетъ, какъ барышнякъ!

— Это такъ, это справедливо! подтвердилъ Софронъ:—торгуетъ, да-а!

— И вы... и вы довольны? горячился молодой человѣкъ.

— Да вѣдь это што же... разви это нашихъ дѣловъ касается? Извѣстно, всякій человѣкъ свои выгоды наблюдаетъ, ну и, стало быть, хочеть себѣ получить. А што онъ обижаетъ... ни... онъ не обижаетъ! И штобы вынуждать—тоже николи; ну, принесешь, иной разъ, чаво, мальчонка для—ну, онъ приметъ; надо сказать по правдѣ, не гордъ, не обидить—приметъ! а штобы понуждать, ни-ни! не водится за нимъ; человѣкъ онъ хороший!

Мужикъ помолчалъ съ минуту и, точно вспомнивъ что, вдругъ воскликнулъ:

— Вотъ Павелъ Иванычъ, такъ тотъ дѣвствительно вынуждаетъ, это такъ!

— Кто такой Павелъ Иванычъ? спросилъ Бузоровъ, забывъ, что такъ зовутъ фельдшера.

— А фершалъ, отвѣтилъ Софронъ,—нашъ фершалъ! Вотъ онъ вымогаетъ! Ты ему безпремѣнно неси, сколько назначить, хоть винъ да положи; на чуточку менѣ—и вонъ убирайся, не станеть и слушать!

— И вы терпите?

— Да што же подѣлаешь? Ево сила! Мы народъ темный, вотъ онъ за темноту нашу эту самую и беретъ. Онъ такъ и говорить: «вамъ, говорить, сто разовъ объясни, вы што столбы верстовые... ну, стало и плати!»

— Вы бы жаловались!

— Да кому жалиться? Дохтуру говорить... такъ боязно.

— Почему же?

— Да ужь кривливъ больно; закричить и оплюеть тебя всево, лучше и не спрашивай! А Павелъ-то Иванычъ хоша и возьметъ, да ужь растолкуеть... дѣло-то онъ знаетъ свое. Это надо говорить правду! ну и даешь!

— А правда, что онъ съ Климомъ съигралъ такую гадость? спросилъ Бузоровъ, рассказавъ то, что слышалъ вчера отъ Кашина.

— Вѣрно; это какъ есть такъ, согласился Софронъ:—была такая оказія, была!

— Вѣдь же это подлость! умереть могъ Климъ!

— А-а? Ишь ты! изумился мужикъ: — во каваа штука-то! Да ужь это такъ. Павла Иваныча лучше не серди, онъ человекъ глумливый и потѣшиться любить, это вѣрно!

— Да вѣдь за такія штуки подъ судъ можно отдать! сказалъ Бузоровъ:—а вы, какъ ребята малые, молчите!

Въ голосѣ его слышалось раздраженіе и досада.

— Сказали бы хоть попу, продолжалъ онъ:—тотъ его могъ бы урезонить.

«Ну-ка, что онъ скажетъ о попѣ?» подумалъ Бузоровъ.

— Отецъ Ликсандръ его пріятель, отвѣтилъ мужикъ,—всѣ они втроемъ пріятели: и фершалъ, и писарь, да и Данилъ Лексѣичъ тоже... ихъ одна компанья... гдѣ-жъ тутъ жалиться!

— Вотъ видишь, самъ говоришь: «одна компанья?» а раньше называлъ учителя хорошимъ человекомъ!

— Такъ што же, нешто не хорошій? Коли же я тебѣ свазалъ, што не хорошій?

— Да сейчасъ!

— Ни! Я рази сказалъ?

— Одна компанья, говоришь!

— Извѣстно, одна, потому пріятели. Да оно и то: попъ, учитель, ну, писарь, фершалъ и старшина тоже... все это люди... старшина, извѣстно, начальство, ну и писарь съ нимъ. Попу—уваженіе... а учитель что же? Какъ можно учителю идти супротивъ всѣхъ: и попу наперекоръ, и начальству? Не можное это дѣло!

Бузорова возмущала такая рѣчь. Онъ не сталъ ни спорить, ни убѣждать Софрона, но, помолчавъ нѣкоторое время, спросилъ его категорически:

— Скажи ты мнѣ на милость, попъ-то хорошій человекъ?

— Отецъ Ликсандръ? Священникъ—ничаво: причтъ у ево въ струнѣ и самъ соблюдаетъ себя, ну и его почитаютъ.

— Ахъ ты, Господи! воскликнулъ Бузоратовъ съ нетерпѣніемъ:— да что ты мнѣ про другое говоришь; я тебя спрашиваю, каковъ онъ какъ человѣкъ? Злой или добрый, за васъ или противъ васъ, ну?

— Чаво ему противъ насъ, нешто мы его вороги! Извѣстно, онъ духовный отецъ, а мы ево дѣти.

— И хорошій отецъ онъ вамъ?

— Хорошій! Наставленье завсегда дастъ, ну и строгій! А ничего, не гордь! Если что и надо, такъ онъ тебѣ скажетъ тихо, совѣстливо. Примѣрно, недавно свадьба была у мово брата...

— Ну, ну? торопилъ Бузоратовъ.

— Свадьба, значить... ну вотъ! Пришелъ братъ къ отцу Ликсандру, говоритъ. А тотъ ему ласково и тихо: «Менѣе шести рублевъ я не возьму, потому я нездоровъ и мнѣ совершать обрядъ въ тягость». Братъ, стало, началъ просить. Другой бы сейчасъ окричалъ, а отецъ Ликсандръ съизнова тихо и учтиво: «И не проси, сынъ мой, не могу... болѣе бы надо, да ужъ по бѣдности твоей, любя тебя... у меня сердце доброе!» И точно, время было такое: послѣдніе дни. Опуститъ и вѣнчаться нельзя. Запроси болѣе—дашь! А онъ пощадилъ! Ну, братъ мой продалъ телушку, да овечекъ пару, и пособралъ денегъ...

— И обвѣнчалъ?

— Свѣнчалъ! И рѣчь хорошую сказалъ, наставленье далъ: «любите, говорить,—потому Божье дѣло», и все такое... хорошее наставленье далъ!

Мужикъ произнесъ послѣднія слова съ чувствомъ, вполне довольный тѣмъ, что поцъ далъ хорошее наставленіе!

— Стало быть, у тебя всѣ хорошіе? раздраженно спросилъ Григорій Несторовичъ.

— Ничаво... отвѣтилъ Софронъ.

— И даже фельдшеръ?

— Дѣло онъ знаетъ! только глумливъ, надъ нашимъ братомъ потѣшливъ, а то ничаво!

«Вотъ тутъ и говори съ нимъ!» съ сердцемъ подумалъ Бузоратовъ.

Но изъ разговоровъ съ мужикомъ вся «кулагинская компанія» все-таки еще болѣе выяснилась для молодого человѣка и онъ вполне созналъ свое право назвать этихъ представителей «теплаго житья» науками.

— Ты гдѣ же остановишься-то? спросилъ Софронъ Бузорова, когда, въѣзжая въ Глушковскѣ, поравнялись они съ мѣстнымъ острогомъ. Это зданіе первое бросается въ глаза при въѣздѣ въ уѣздные и губернскіе города матушки-Руси.

— Гдѣ нибудь; гдѣ ты, тамъ и я.

— Знакомыхъ-то никово, рази?

— Никого!

— Ишь!

И это «ишь» какъ-то обидно задѣло Бузорова. Точно мужикъ, казалось ему, хотѣлъ сказать: «ишь ты какой, жалкій, никто-то тебя и не знаетъ, вмѣстѣ со мною будешь почевать, а еще противъ попа, писаря и другихъ такихъ же лицъ возстаешь; тѣ противъ тебя—господа!»

Само собою разумѣется, что словомъ «ишь» Софронъ и не думалъ выражать подобной мысли, обидной для Бузорова, но этотъ послѣдній былъ убѣжденъ въ правотѣ своего предположенія. И онъ не безъ злости сказалъ вслухъ:

— Вотъ, поди, писарю или попу не придется такъ, какъ мнѣ, у нихъ есть знаомне?

— На-ка! воскликнулъ Софронъ, и это «на-ка» еще обиднѣе показалось Бузорову.—У писаря здѣся знакомства што! продолжалъ мужикъ:—у яво пріятелевъ много, все чиновники, самъ справникъ его чтить и принимаетъ... вона! А про попа ужъ што, у тово здѣсь братъ соборный, живетъ тоже а-ахъ какъ! чудесно!

«Еще бы!» произнесъ мысленно Бузоровъ:—гады всегда имѣютъ норы».

И вдругъ ему сдѣлалось мучительно-тяжело. Точно ножомъ рѣзнуло по сердцу, словно камнемъ придавило его затѣмъ. Григорій Несторовичъ глубоко вздохнулъ, забирая струю воздуха.

Огоньки домиковъ замелькали кругомъ. Нѣсколько минутъ медленной ѣзды—и телѣга остановилась у постоялаго двора.

XI.

Въ Глушковскѣ.

Поѣвши за шесть копѣекъ «русскихъ щей» и картофеля безъ масла, Бузоровъ вышелъ изъ душевой и жаркой избы на

улицу. У воротъ стояла скамеечка, на которую и присѣлъ молодой человѣкъ, чтобы на свѣжемъ воздухѣ обдумать, какъ дѣйствовать завтра.

«Прежде всего надо достать денегъ, рѣшилъ онъ: — изъ рубля у меня осталось сорокъ копѣекъ, ихъ мало, чтобы только дойти; да не это важно, въ случаѣ чего можно и пѣшкомъ, а вотъ вопросъ-то: чѣмъ жить мѣсяцъ? Сразу просить тамъ у когонибудь — плохо, могутъ не дать; а во вторыхъ въ кабалу черезъ это попадешь; гадко! Нѣтъ, надо здѣсь...

«У кого же? Первѣе всего пойду къ предсѣдателю управы»
На домъ схожу, гораздо лучше; въ управѣ чиновники, а тутъ онъ одинъ... Каковъ только онъ?»

— Добрый вечеръ, раздался мужской голосъ подь самымъ ухомъ Григорія Несторовича.

Бузоровъ поднялъ голову. Передъ нимъ стоялъ средняго роста мущина, въ халатѣ, на кожанныхъ подметкахъ и въ шапкѣ безъ козырька.

— Нельзя ли подвинуться, попросила фигура въ халатѣ.

Бузоровъ молча исполнилъ просьбу. Фигура сѣла, подпернула свой халатъ, запахнула одну полу на другую и, доставъ изъ-за пазухи кيسеть, стала набивать трубку.

— Вы сичасъ изволили прѣхать съ мужичкомъ съ Кулагина? заговорила фигура.

— Да, неохотно отвѣтилъ Бузоровъ, вообще худо настроенный и неособенно довольный тѣмъ, что ему помѣшали.

— Видѣлъ-съ... учителемъ въ Лучинское!

На этотъ вопросъ Бузоровъ даже не отвѣтилъ.

— Слышалъ-съ, произнесъ халатъ, какъ будто получилъ отвѣтъ отъ собесѣдника:—а я къ вамъ-съ съ просьбою?

— Что вамъ угодно?

— У меня-съ братъ тамъ служить писаремъ; не свезете ли письмецо?

— Сдѣлайте одолженіе!

«Писаремъ?... Такая же, надо думать, свинья, какъ и Губановъ. А впрочемъ, какъ вѣдь знать...»

— Вы здѣсь служите? спросилъ, въ свою очередь, Бузоровъ, не глядя на сосѣда.

— Я безъ мѣста-съ. Служилъ-съ въ управѣ, да лишился мѣста.

— Въ земской управѣ?

— Да-съ, въ земской.

«Спросить развѣ у него о предсѣдателѣ? Или нельзя довѣ-

рять: выгнали—стало быть, злится; ну, да вѣдь будетъ видно съ первыхъ словъ».

— Скажите, пожалуйста, каковъ здѣшній предсѣдатель?

— Петръ Петровичъ? Ни-и-чего-о-съ... горды только.

— Горды?

— Да-съ, амбиція большая! Бариномъ важнымъ живутъ, любить чествованіе.

— Вы отчего же потеряли мѣсто?

— Я-съ? Да вотъ по этой самой причинѣ-съ! Видите, какъ было, отважлянувшись, заговорилъ халать:—я подвыпивши былъ, а они, Петръ-то Петровичъ, шли подъ руку съ супругою; а я не поклонился... да еще самимъ-то бы туда-сюда, а главное, Софья Христофоровнѣ; онѣ еще амбиціоннѣе будутъ.

— Эдакъ ему къ нему лучше и не ходить?

— А вы по какому случаю? Представиться? Нѣтъ-съ, какъ же, безпремѣнно идите; иначе обидятся! Только вы эдакъ... почтительнѣе, особенно къ Софья Христофоровнѣ, если увидите; она-съ много значить!

— Вотъ какъ! А кто здѣсь, скажите пожалуйста, учителемъ въ приходскомъ училищѣ? Вѣдь Головинъ умеръ?

— Да-съ, умеръ; а пока еще никто.

— Какъ никто?

— Никто-съ. Такъ и стоитъ школа.

— Да почему же? удивился Бузоровъ.

— А видите, какъ это. Послѣ-то Головина здѣшній городской голова захотѣлъ посадить учителемъ своего знакомаго, нѣкто Аладьевъ будетъ. Такъ-съ! Но вѣдь надо отъ инспектора одобреніе, утвержденіе...

— Ну да. Такъ что же?

— А господинъ Федосѣевъ не пожелали Аладьева.

— Тогда другаго!

— Они-съ и указали на нѣкоего Дьяконова.

— Что же?

— Нашъ городской голова не желаетъ, а безъ его желанія нельзя тоже. Оба-съ имѣютъ силу по закону. Одинъ, стало быть, утверждаетъ, одобряетъ, а другой даетъ согласіе. Теперь такъ: голова говоритъ, отчего не Аладьевъ? Инспекторъ не находитъ его достаточно подготовленнымъ. А голова Дьяконова не желаетъ. Идетъ промежъ нихъ споръ; уступить не хотятъ. Ну школа и стоитъ безъ учителя.

— Вотъ безобразіе-то! воскликнулъ Григорій Несторовичъ.

— Споръ-съ! Халать валянулъ и, помолчавши, произнесъ

опять своимъ тоненькимъ, слащавымъ голоскомъ:—Такъ можно-съ письмо-то?

— Сдѣлайте одолженіе! Я завтра отправляюсь, такъ въ полдень.

— Премного благодаренъ! А я и приписочку сдѣлаю брату. Будьте знакомы. Мой братъ тихій, скромный. Вотъ старшина доѣзжаетъ все... бѣда!

Халатъ ушелъ, а Бузоровъ опять возвратился къ своимъ думамъ.

«Что-то скажетъ и какъ-то приметъ меня важный земець, мужъ своей жены? размышлялъ молодой человѣкъ.— А что, если откажетъ? Гдѣ я достану тогда денегъ? Хорошо, если не вретъ этотъ халатъ, тогда у писаря можно. А если вретъ? Если писарь такая же свинья, какъ и вулагинскій? Ну, да утро вечера мудренѣе!» закончилъ Бузоровъ, вставалъ, и отправился въ избу.

А тамъ была масса народа; удушливый и пропитанный какою то «кислиною» воздухъ спираль дыханіе и давилъ на голову.

Но «сермяжные граждане» спали сладко, храпя, свистя и сопя на всю комнату.

— Могу видѣть Петра Петровича?

Горничная осматрѣла съ ногъ до головы произнесшаго эту фразу и нерѣшительно спросила:

— А вамъ зачѣмъ? кто вы?

Нерѣшительность заключалась въ томъ именно, что дѣвушка видимо затруднялась, отнестись ли къ молодому человѣку на «вы», или на «ты».

— Я учитель изъ Сонска, отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Потрудитесь пождать, я доложу! сказала дѣвушка и, зашелкнувъ крючокъ парадной двери, пошла съ докладомъ къ барину, оставивъ учителя дожидаться отвѣта въ передней.

Прошло минутъ пять, если не болѣе, прежде чѣмъ она воротилась.

— Баринъ еще не вставали; вы можете подождать?

— Хорошо.

— Какъ ваша фамилія?

— Бузоровъ.

Она опять сходила въ кабинетъ и, возвратясь, сообщила, что баринъ проситъ подождать.

— Пожалуйте сюда! промолвила она, отворяя дверь въ комнату, оказавшуюся билиардною.

«Дѣйствительно, по-барски живеть; въ такомъ захолустьѣ— и билиардная! Посмотримъ, что за гусь самъ!»

За дверьми, въ сосѣдней комнатѣ, скоро послышалось фырканье, бульканье, кто-то харкалъ и кашлялъ, полоскалъ ротъ и горло, отдувался, сопѣлъ, и послѣ этого опять харкалъ и фыркалъ. Затѣмъ раздалось звяканье умывальника и Бузорову стало слышно, какъ побѣжала вода, съ шумомъ скатываясь въ ведро.

«Вѣрно это онъ умывается», рѣшилъ Бузоровъ.

Вотъ все смолкло и кто-то зашлепалъ туфлями по полу. Съ шумомъ отодвинулось кресло на колесахъ и кто-то грузно опустился на него.

— Иванъ! раздался пріятный баритонъ.

Быстрые шаги—и дѣвушка, вошедши въ комнату, доложила барину, что Иванъ усланъ барынею.

— А-а! Ну, хорошо. Что онъ, учитель, гдѣ?

— Ждутъ въ билиардной.

— Мм... вычищенъ халатъ?

— Да-съ.

— Принеси сюда зельтерской!

Прошло еще съ четверть часа до той минуты, когда въ билиардную явилась дѣвушка и объявила учителю, что баринъ «вставши и просить въ кабинетъ».

— Пожалуйте за мною! пригласила она.

Кабинетъ предсѣдателя, Петра Петровича Жданова, былъ убранъ очень просто, но это была простота барская, говорившая о вкусѣ хозяина, точно также какъ яркая пестрота и неумѣстная, бросающаяся всюду въ глаза позолота выдаетъ «мѣщанина во дворянствѣ». У Жданова было всего въ пору, въ мѣру, все на мѣстѣ и вполнѣ изящно. Самъ Ждановъ глядѣлъ истымъ аристократомъ. Это былъ высокій, полный человекъ, лѣтъ сорока пяти. Совсѣмъ еще свѣжее лицо его обрамлялось густою, выхоленною бородою. Цѣлая шапка вьющихся и ниспадающихъ на плечи волосъ какъ будто увеличивала размѣръ головы, придавая ей какой-то львиный видъ. Основательный славянский носъ, красивый четырехъ-угольный лобъ. Приемы и движенія показывали въ немъ истаго барина. Мягкія линіи вокругъ рта свидѣтельствовали о добротѣ, свѣтившейся отчасти и въ его большихъ голубыхъ глазахъ.

Ждановъ учителя принималъ любезно, но сдержанно, даже

болѣе—эта сдержанность граничила и переходила въ холодность. Онъ пригласилъ его сѣсть на стулъ противъ себя и попросилъ показать бумаги.

— Вы изъ гимназіи все-таки? проговорилъ онъ, возвращая документы обратно.

— Да, отвѣтилъ Бузоровъ,—мнѣ уже оставалось немного до окончанія.

Ждановъ даже и намекомъ не спросилъ о причинѣ, которая заставила молодаго человѣка выйти изъ гимназіи.

— Очень радъ, что не испугались нашей глуши, сказалъ онъ, расправляя бороду.—Вы еще молоды, силъ хватить. Ну, а за знанія ручается ваша рекомендація. Будемте работать заодно; въ чемъ могу помочь—съ удовольствіемъ. Не буду только скрывать правды: мы бѣдны, очень бѣдны. Впрочемъ, въ этомъ мы не составляемъ особеннаго исключенія, прибавилъ онъ съ легкой улыбкою, въ которой было опять-таки и немало любезности, и еще болѣе сознанія своего достоинства.

— Когда же вы ѣдете на мѣсто? спросилъ предсѣдатель, спустя минуту.

— Сегодня же, думаю.

— И отлично... скоро начнутся занятія. Вы имѣете чтонибудь еще ко мнѣ?

— Я бы хотѣлъ просить васъ насчетъ подъемныхъ!

— Какихъ подъемныхъ? не безъ изумленія задалъ вопросъ Ждановъ.

— Если хотите—прогонныхъ, поправился учитель.

— У насъ ничего этого не полагается, покачалъ лъвиною головою предсѣдатель.

Бузоровъ былъ озадаченъ.

— У меня совсѣмъ нѣтъ денегъ, не безъ труда выговорилъ онъ.—Нельзя ли мнѣ...

— Вы хотите аванса? Строго говоря и этого нельзя, перебилъ предсѣдатель.—Жалованье вы будете получать по четвертямъ, за каждые три мѣсяца, по ихъ истеченіи.

— Какъ это неудобно! произнесъ учитель.

Ждановъ слегка нахмурился.

— Таково правило, сказалъ онъ строго.—Но въ виду исключительнаго вашего положенія, на первый разъ я могу дать изъ своихъ. Вамъ сколько?

— Я, право, не знаю!

— Рублей пятнадцать довольно?

— Давать, такъ давать больше, что жалѣть-то!

Эта фраза, сказанная громкимъ и веселымъ тономъ, принадлежала господину высокаго роста, съ очень маленькою головою и съ острыми, птичьими чертами лица.

— Ахъ, это вы, Викторъ Павловичъ! съ любезною улыбкою промолвилъ Ждановъ, несовсѣмъ, однако, довольный вступительною фразою пришедшаго. Этотъ послѣдній, небрежно бросивъ шляпу на стулъ и поздоровавшись за руку съ хозяиномъ, кивнулъ головою Бузорову и проговорилъ тѣмъ же тономъ, что и первую фразу:

— Что это вы торгуетесь?

— Да вотъ... позвольте представить вамъ, Викторъ Павловичъ, новаго нашего учителя, господина Бузорова!

Григорій Несторовичъ всталъ и снова поклонился.

— Прыгунчиковъ, членъ управы! отрекомендовался новопривышій, подавая руку молодому человѣку.

— Давно вы здѣсь? спросилъ онъ, опускаясь снова на стулъ.

— Вчера только.

— Изъ Сонска?

— Да!

— У-у! ну, какъ ѣхали? Ничего?

И не давши Бузорову отвѣчать, добавилъ слѣдно:

— А это за что же деньги?

— Аванса желаетъ господинъ Бузоровъ.

— А-а! понимаю! Въ дорогѣ издержки и прочее!.. Такъ, такъ! И сколько же вы отпускаете? произнесъ онъ, съ умысломъ говоря отпускаете, вмѣсто отпускаете.

Ждановъ чуть-чуть замѣтно поморщился.

— Я еще вотъ спрашиваю сколько надо, отвѣтилъ предсѣдатель, видимо тяготясь вопросами, крайне неприятными для него.

— Мнѣ довольно пятнадцати рублей, поспѣшилъ заявить Бузоровъ.

— Сію минуту.

Петръ Петровичъ отперъ ящикъ въ столѣ и, вынувъ изъ кошелька три пятирублевыхъ бумажки, подалъ ихъ учителю.

— Благодарю васъ! поклонился Бузоровъ.

Предсѣдатель также кивнулъ ему на это головою.

Григорій Несторовичъ сейчасъ же всталъ, понимая, что оставаться долѣ неприлично, да и нѣтъ пужды.

— Такъ сегодня? спросилъ Ждановъ, подавая учителю руку, но не пожимая его руки.

— Сегодня!

- Ну, съ Богомъ! Всякаго успѣха!
- Постойте... я васъ подвести могу, хотите? предложилъ вдругъ Прыгунчиковъ.
- Вы развѣ туда ѣдете? отнесся къ нему Ждановъ.
- Ёду-съ!
- Куда?
- Къ Михаилу Ивановичу.
- Охота?
- Охота!.. Давно уговорились... Такъ угодно? обратился Прыгунчиковъ снова къ учителю.
- Очень вамъ благодаренъ!
- Съ большимъ удовольствіемъ. Вы гдѣ остановились? Да вотъ что: заходите черезъ часъ ко мнѣ, мы потолкуемъ, тутъ подадутъ лошадей, мы заѣдемъ за вещами—и маршъ! Я васъ до Лучинскаго мигомъ доставлю.
- Вѣдь вы въ сторону немного, замѣтилъ хозяинъ.
- Ну, много ли... двѣ версты какія-то... Я могу...
- Я тамъ дойду и пѣшкомъ, сказалъ Бuzоратовъ.
- Ну, это увидимъ... До свиданья!
- И они еще разъ пожали другъ другу руки.

«Однако дѣла начинаютъ поправляться, съ удовольствіемъ подумалъ Григорій Несторовичъ, спускаясь съ крыльца предсѣдательскаго дома.—Это люди кажется недурные, во всякомъ случаѣ порядочные... о, какъ же можно, неизмѣримо порядочнѣе всѣхъ тѣхъ. Самъ предсѣдатель хотя и баринъ... и... а вотъ, кажется, очень простой и радушный. Должно быть и дѣятельный, судя по подвижности натуры. Только вотъ внѣшность-то неособенно внушительная», заключилъ молодой человѣкъ, припоминая фигуру Прыгунчикова и въ особенности его маленькую голову.

«Такіе черепа (кажется, вслѣдствіе того, что окостенѣніе хрящей совершилось въ слишкомъ ранній періодъ и развитие черепа остановилось)—вмѣщаютъ въ себѣ недоразвитый мозгъ. Люди съ такими миниатюрными головами, говорятъ, бываютъ или хитры (недостатокъ самобытности и логики возполняется изворотливостью), или очень глухи.—Что Прыгунчиковъ неособенно уменъ, это можно заключить и потому, рассуждалъ Бuzоратовъ далѣе,—что его полузростпій волосами лобъ очень узокъ, а такіе лбы не должны считаться признаками способности къ сложнымъ мозговымъ комбинаціямъ. Но если онъ не-

сильно уменъ, то все-таки далеко неглухъ, а что хитерь... какъ рѣшить это? Правда, подбородокъ довольно малъ, подтянуть назадъ, что указываетъ на отсутствіе силы воли и опять-таки на хитрость. Но вѣдь... все-таки одно вѣрно: это не упорный человѣкъ! рѣшилъ Бузоровъ. — Онъ подвиженъ, суетливъ, глаза его такъ и бѣгаютъ безпокойно, какъ бы разбѣгаются отъ массы возникающихъ въ головѣ мыслей и вопросовъ, но ничто не указываетъ на силу характера... да! Это — нетвердый человѣкъ! Но что-же: это еще не такая бѣда; его можно убѣждать, онъ будетъ увлекаться... лишь бы недурная душа! А кажется, что недурная!»

Мы можемъ сказать читателямъ нѣсколько больше о Прыгунчиковѣ и сообщить то, чего и не зналъ Бузоровъ.

Да, этотъ земець не былъ человѣкомъ упорнымъ и твердымъ. Но за то всѣмъ увлекался и за все брался. Ратовалъ одно время за усовершенствованныя конныя грабли, находя, что тѣ, которыя за границей — непригодны на нашихъ кочковатыхъ луговинахъ, а хороши только на ровной плоскости англійскаго газона. Принялся съ жаромъ за это усовершенствованіе, потрагился, ничего не добился и бросилъ. Черезъ годъ онъ носился уже съ писецультурой. Повторилась та же исторія. Послѣ этого ему пришла въ голову геніальная мысль, изобрѣсти какой-то летательный снарядъ. Денегъ на эту затѣю ушло очень много, но въ результатѣ тотъ же нуль, какъ и ранѣе. Послѣ этой неудачи Прыгунчиковъ укатилъ въ Петербургъ, шлялся тамъ, читалъ, спорилъ, сблизался съ умными людьми — и съ новымъ запасомъ идей и знанія появился въ Сонской губерніи. Здѣсь въ нему подѣхалъ одинъ ссыльный аферистъ, человѣкъ замѣчательно умный, но прошедшій огонь, воду и мѣдныя трубы. Этотъ баринъ началъ подбивать Прыгунчикова на изданіе «Сонскаго Листка». Викторъ Павловичъ былъ не прочь, но его испугала денежная смѣта и онъ ускользнулъ тихонько въ свои родовыя дебри. Тамъ попалъ въ земскіе люди и началъ ораторствовать. Говорилъ онъ прекрасно, не блестяще, какъ истые заграничныя ораторы, но бойко, съ громкими фразами, умѣя блеснуть и знаніемъ языковъ, и знакомствомъ съ литературой. Если хотите, у Прыгунчикова было очень немало общаго въ этомъ отношеніи съ Федосѣевымъ. Онъ, какъ и тотъ, любилъ говорить и часто спорилъ только ради спора, доказывая сегодня то, что завтра же опровергалъ. Онъ былъ поэтому и консерваторъ, и прогресистъ въ одно и то же время. Самъ себя онъ считалъ и называлъ либераломъ, и это было вполне вѣрно въ томъ отношеніи,

что онъ дѣйствительно «свободно мыслилъ», ничѣмъ не стѣсняясь. Увлечется и начнетъ доказывать, что «многоженство—прекрасная и полезная вещь»; пройдетъ время... и онъ съ жаромъ старается убѣдить всѣхъ въ необходимости «запросы тѣла подчинить требованіямъ духа».

Прыгунчиковъ жслалъ быть полезнымъ, но большею частію самъ же и старался уничтожить то, что создавалъ. Онъ, напримеръ, изо всѣхъ силъ убѣждалъ собраніе устроить учительскіе сѣзды. Ихъ устроили. Но когда черезъ годъ одинъ изъ гласныхъ опять подалъ голосъ за сѣзды, Прыгунчиковъ всѣмъ краснорѣчіемъ обрушился на эти сѣзды.

— Викторъ Павловичъ, возразили ему:—да не вы ли сами прошлый годъ настаивали на нихъ!

— Это было затѣмъ, господа, чтобы показать вамъ всю ихъ несостоятельность, всю непригодность. Я хотѣлъ, чтобы вы убѣдились на опытѣ, который краснорѣчивѣе всякихъ фразъ, вернулся земець.

Въ собраніяхъ Прыгунчиковъ любилъ обращаться къ крестьянамъ-гласнымъ, посвящая имъ обыкновенно заключительныя слова рѣчи:

— Не такъ ли, друзья мои? говорилъ онъ имъ съ жаромъ:— правда моя или нѣтъ? Я люблю родную землю, и ваши интересы мнѣ дороги, друзья мои!

Его друзья, не понявъ изъ всей рѣчи ничего, кромѣ того, что они «друзья барина» и онъ ихъ любить, туло расширяли свои глаза и хлопали ушами, до слуха которыхъ доносились очень ужъ мудренныя слова. На обращеніе же лично къ нимъ, крестьяне спѣшили согласиться съ баринномъ и односложно, несмѣло отвѣчали ему:

— Вѣстимо, батюшка, правда твоя... земля родная и всѣ мы...

Торжествующій Прыгунчиковъ перебивалъ ихъ, заглушая своимъ голосомъ.

— Вотъ видите, господа, еще громче прежняго ораторствовалъ онъ, обращаясь къ собранію:—представители здороваго народнаго разума поняли меня и соглашаются; вы, представители интеллигенціи, на которыхъ возложены всѣ упованія края, не пойдете, конечно, противъ яснаго народнаго ума!.. и т. д.

И часто онъ выигрывалъ. Надо впрочемъ добавить, что Прыгунчиковъ особенно любилъ пощеголять фразой на губернскихъ собраніяхъ, куда онъ являлся въ качествѣ представителя отъ глушковскаго земства.

XII.

У пристани.

Все, что мы рассказали читателямъ, не было извѣстно Григорію Несторовичу. Но земець не замедлилъ познакомиться учителя съ собою. Подкупленный сразу простотой Прыгунчикова, Григорій Несторовичъ, пробѣжавъ съ нимъ около сорока верстъ, убѣдился, что «этотъ человѣкъ не только не твердый и не упорный, но положительно безъидейный, хотя порядочный и свѣжій». Все время Прыгунчиковъ въ разговорахъ держался «интеллигентныхъ темъ», «высокихъ матерій», обнаруживая свое образованіе, знакомство съ литературой и личное со многими ея представителями, свое прогрессивное сочувствіе и желаніе быть полезнымъ. Говорилъ онъ съ жаромъ, увлекательно, что и было принято молодымъ человѣкомъ сначала за горячее убѣжденіе.

Трудно объяснить причину, ради чего Викторъ Павловичъ щеголялъ передъ молодымъ учителемъ: вслѣдствіе ли того, что тотъ пріѣхалъ изъ губернскаго города, поѣтому былъ человѣкъ свѣжій, новый, котораго надо сразу очаровать и записать въ число своихъ поклонниковъ; потому ли, что Бузоровъ дѣйствительно нѣсколькими вопросами умѣлъ затронуть «живую струнку» Прыгунчикова; или же наконецъ оттого, что Викторъ Павловичъ узналъ изъ словъ учителя, что онъ будетъ обо всемъ писать товарищамъ, а тѣ ему, согласно общанію. Можетъ быть земцу захотѣлось, чтобы его расхвалили и воспѣли. Кто знаетъ? Это ли послѣднее обстоятельство или всѣ вмѣстѣ явились причиною—трудно рѣшить, но только Прыгунчиковъ «щеголялъ напропалую».

Когда Бузоровъ разсказалъ о поступкѣ съ нимъ въ песчанской управѣ, Викторъ Павловичъ воскликнулъ:

— О, это язва—наша бюрократія! Она внесла свои растлѣвающія начала и въ великое дѣло самоуправленія. Она затягиваетъ, засасываетъ все свѣжее. Поймите: равенство прежде всего! Кто бы вы ни были, кто бы я ни былъ—это безразлично! Я говорю безразлично, если мы собратья по труду! Если мы работники! Вы учитель, а я членъ управы, прекрасно! Но неужели оттого только, что я получаю тысячу слишкомъ, а вы какихъ нибудь полтараста рублей—вы меня хуже, меньше? Нисколько! Вы и я равные дѣятели. Наши цѣли одинаковы. Слѣдовательно, нѣтъ и не можетъ быть начальства! Да и къ чему

оно: мы обязаны помогать взаимно другъ другу и только! Неправда ли, вѣдь обязаны?

— Конечно, согласился Бузоровъ.

— То-то и есть; а бюрократія сейчасъ со своимъ «начальствомъ»! Да нѣтъ, что бюрократія! Въ русскомъ человѣкѣ ужь съ молокомъ матери всасывается это понятіе о начальствѣ. Это ужасно! Смотришь: прекрасные люди. А дай имъ попасть хоть въ комитетъ «общества ничего-недѣланія» сейчасъ и метаморфоза: начальствомъ смотреть! «Не разговаривать! Слуш-а-ай!» Чортъ знаетъ что такое!

Прыгунчиковъ горячился, а когда онъ горячился, лицо его нервно подергивалось, въ глазахъ загорались и потухали искорки. У Виктора Павловича была еще привычка: горячась, онъ ерошилъ волосы, которые носилъ обыкновенно гладко прилизанные, волосокъ къ волоску. Взбитые волосы, топырились сзади, какъ распушенный хвостъ птицы.

Бузоровъ былъ вполне согласенъ съ Прыгунчиковымъ, потому что фактъ, констатированный имъ, дѣйствительно вѣрный. Согласіе учителя только подзадорило земца, который впрочемъ не утерпѣлъ и, въ силу наклонности къ противорѣчію, вставилъ таки свое замѣчаніе:

— Впрочемъ надо взять и обратную сторону медали: въ насъ живетъ и распушенность. Мы или кланяемся до земли, или не хотимъ совсѣмъ знать начальства. Намъ чортъ не братъ! На все плевать! Нѣтъ старшихъ—всѣ одинаковы! Нѣтъ, погодите, какъ же всѣ, стало быть нѣтъ никакихъ градацій: рядовой и генераль—все равно? Нелѣпость! Тогда и министра нѣтъ... и.. вѣдь это уже анархія, наконецъ!

— Формализма много вездѣ, вотъ что худо! замѣтилъ Бузоровъ, разсѣянно глядя на поля по сторонамъ и припоминая стихотвореніе «Поля» Майкова.

— О, да! съ горькой усмѣшкой промолвилъ Прыгунчиковъ:— форма—обрядъ! А попробуйте-ка разубѣдить? Не хватаетъ силъ! Да вотъ примѣръ. Говорю я мужикамъ:

— Братцы, вѣдь въ страду силушки сколько кладете и вы, и вани бабы?

— Что говорить, отвѣчаютъ:—одно слово стало: страда!

— Такъ вы бы, настаиваю, питались-то получше! Пища силу даетъ.

— Такъ, вѣстимо, соглашаются!

— Ну такъ чего же вы? спрашиваю.

— Да чѣмъ, говорятъ, Викторъ Павлычъ, питаться-то, при-

мѣрно въ петровки? Постъ самый что ни на есть голодный... овощи еще не поспѣли. Что ѣсть-то? Рыба—дорога!

— А молоко, говорю? свое вѣдь, непокупное!

— Смѣются. Шутишь, баринъ: развѣ своромъ можно?

— Да вѣдь это, убѣждаю, рутина (ну, конечно, я имъ не сказалъ такъ, я просто объяснилъ), — главное говорю — суть ученія Христа. Началъ имъ объяснять... Куда! И слышать не хотятъ! А пьянствовать—охотно! Вотъ вамъ!

Теперь земець даже пригаль: онъ и не думалъ убѣждать мужиковъ, какъ рассказывалъ учителю.

— Да, обрядъ убилъ вѣру! сказалъ Бузоровъ. — Многие соблюдая его, живутъ совершенно противъ требованій религiи.

— О да! Но не забывайте одно! возразилъ Прыгунчиковъ, подымая указательный палець:—для народа религiя нужна!

— Я развѣ говорю...

— И если хотите, самый обрядъ для мужаеа полезен! Суть високаго ученія ему недоступна, но обрядъ—онъ понимаетъ, видитъ. А вы посмотрите, какая теперь вездѣ развращенность, распущенность... если еще и устои пошатнутся, что же останется? Да, надо умѣть щадить и обрядъ, онъ великая сила. Я вотъ недавно...

— А что, Викторъ Павлычъ, имъ на Лучинское? произнесъ вдругъ ямщикъ, оборачиваясь назадъ.

— Да, да... а что?

— Да вотъ мы тутъ...

— А-а! уже свертываешь? Ну, ладно! Вотъ Григорiй Несторovich вы и у пристани! Сейчас подымитесь на эту гору—и Лучинское какъ на ладони. Съ версту какую нибудь и околица. Желая вамъ всего лучшаго! Не забывайте же, что мы... работники одного дѣла.

— Благодарю васъ!

— До свиданья! Ну, трогай!

Сытые лошади понеслись съ прежней быстротой, а Бузоровъ медленно началъ взбираться на гору и черезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ раскинувшееся въ безпорядкѣ Лучинское.

Онъ былъ у пристани!

А. В. Кругловъ.

(Продолженiе будетъ).

НАЧАЛА СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ.

СОЧИНЕНІЕ ИПОЛИТА ТЭНА.

РЕВОЛЮЦІЯ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Торжество якобинцевъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Уже предварительно государственное древо было такъ сильно потрясено, что оно колебалось на своемъ основаніи. Не взирая на всю ограниченность правъ короля, якобинцы не переставали ихъ у него оспаривать, не допуская даже наружнаго ихъ вида. Съ перваго своего засѣданія они отказываютъ ему въ титулъ величества. Для нихъ онъ не наследственный представитель французскаго народа, какъ гласитъ конституція, но лишь «первый государственный дѣятель», т. е. простой чиновникъ, осчастливленный уже тѣмъ, что ему позволяютъ занять кресло на ряду съ президентомъ собранія, котораго они называютъ «президентомъ націи». По ихъ мнѣнію, единственнымъ владыкою является само собраніе. «Между тѣмъ какъ другія власти, говоритъ Кондорсе,—могутъ законно дѣйствовать лишь въ силу спеціальнаго

разрѣшенія особаго закона, собраніе можетъ дѣлать все, что не запрещено ему прямо самымъ формальнымъ закономъ, другими словами, имѣетъ право по своему объяснять конституцію, измѣнять ее, отмѣнять и, при надобности, передѣлывать. Вслѣдствіе этого, не взирая на конституцію, оно оставило за собою право объявленія войны ¹⁾, и въ рѣдкихъ случаяхъ, когда король пользуется своимъ veto, оно дѣйствовало по своему, вопреки этому veto. Тщетно отвергалъ король, согласно своему законному праву, всѣ декреты, преслѣдовавшіе неприсягнувшихъ священниковъ, конфисковавшіе имѣнія эмигрантовъ, учреждавшіе вооруженный лагерь подъ самымъ Парижемъ. По предложенію якобинскихъ депутатовъ ²⁾, неприсягнувшихъ священниковъ притѣсняютъ, изгоняютъ, заключаютъ въ тюрьму по приказанію муниципалитета и департаментскихъ совѣтовъ; имѣнія и дома эмигрантовъ и ихъ родственниковъ отдаются безъ всякаго сопротивленія на произволъ жакеріи; вмѣсто лагеря подъ Парижемъ сзываютъ федерацію въ Парижъ. Короче, избѣгаютъ санкціи монарха или совсѣмъ безъ нея обходятся. Что же касается его министровъ, то они лишь чиновники законодательнаго корпуса, «находящіеся въ услуженіи у короля». Съ ними нисколько не стѣсняются, и во время засѣданій издѣваются надъ ними, оскорбляютъ ихъ, ругаются надъ ихъ званіемъ, словно они хуже послѣднихъ лакеевъ, а скорѣе злоумышленники и негодяи. Имъ дѣлаютъ публичные допросы, имъ воспрепятствуютъ выѣзжать изъ Парижа, предварительно не представивъ всѣхъ отчетовъ, дѣлаютъ у нихъ постоянные обыски, просматриваютъ всѣ ихъ бумаги, вмѣняютъ имъ въ преступленіе самаго умѣ-

¹⁾ Бюше и Ру, XIII, 97, 61, 28 января 1792 года. Король, съ обычною своею мягкостью, обращаетъ вниманіе собранія на узурпацію своихъ правъ: «Принятый вами образъ дѣйствія подлежитъ важнымъ замѣчаніямъ; я не стану ихъ развивать сегодня: важность существующихъ обстоятельствъ тѣмъ болѣе требуетъ нашего взаимнаго соглашенія, нежели постоянного спора изъ-за отнимаемыхъ у меня правъ».

²⁾ Соевѣ, II, 99. Письмо депутата Вернерей къ дубской директоріи: «Директорія департамента имѣетъ полное право относиться съ крайнею строгостью къ бунтовщикамъ и непокорнымъ и, не касаясь статьи объ ихъ пенсіи, во всемъ остальномъ придерживаясь предписаній, данныхъ имъ въ декретѣ. Если-бы исполнительная власть захотѣла помѣшать распоряженіямъ директоріи, то послѣдняя прибѣгаетъ къ національному собранію, которое, по всемъ вѣроятіямъ, сзываетъ предохранить ее отъ министерскихъ нападеній». «Мониторъ», XII, 202, засѣданіе отъ 23 апрѣля. Докладъ Ролена, министра внутреннихъ дѣлъ. Уже тогда изъ 42 департаментовъ были изгнаны неприсягнушіе священники.

ренныя выраженія и самыя достойныя поступки, возбуждаютъ противъ нихъ доносы, возмущаютъ противъ нихъ ихъ подчиненныхъ¹⁾, учреждаютъ противъ нихъ комитетъ надзора и вѣтветы; имъ грозятъ безпрестанно эшафотомъ, ихъ подвергаютъ обвиненіямъ, или угрожаютъ обвинить ихъ и ихъ агентовъ, и все это подъ самыми ничтожными предлогами и въ силу пустѣйшихъ доказательствъ²⁾, по бѣльшей части прибѣгая къ такому явному извращенію фактовъ, что дважды собраніе, вслѣдствіе неотразимаго свидѣтельства, отступаетъ отъ своего поспѣшнаго рѣшенія и объявляетъ невинными тѣхъ, кого еще наканунѣ обвинило. Ничто ихъ не спасаетъ, ни строжайшее исполненіе закона, ни ихъ покорность комитетамъ собранія, ни ихъ приниженность передъ самимъ собраніемъ, «они только и думаютъ о томъ, какъ-бы польстить ему и этимъ избавиться отъ каторги». Но этого недостаточно: они сами должны сдѣлаться яacobинцами; а то верховный орлеанскій судъ будетъ для остальныхъ, какъ для Делессара, преддверіемъ каторги и гильотины. — «Ужасъ и тероръ» — говоритъ Верньо, указывая пальцемъ на Тюльери — «часто въ древнія времена исходили изъ этого знаменитаго дворца, во имя деспотизма; пусть-же они сегодня вернутся туда во имя закона!»

¹⁾ «Мониторъ», X, 440, засѣданіе отъ 22 ноября 1791 года. Читаютъ письмо Сутона, директора монетнаго двора въ По, «жалующагося какъ на послѣдній произволъ, на приказаніе министра внутреннихъ дѣлъ отправиться къ 25 текущаго мѣсяца въ По, подвергаясь въ случаѣ неявки отрѣшенію отъ должности». Изнарь поддерживаетъ эту жалобу. «Сутонъ пріѣхалъ сюда, чтобы работать надъ подробнѣйшимъ доносомъ на министра внутреннихъ дѣлъ. (Съ трибуны рукоплесканія). Если отсылать въ ихъ департаменты ревностныхъ гражданъ, возстающихъ противъ злоупотребленій, то у насъ совѣтъ не будетъ доносовъ. (Рукоплесканія возобновляются.)». Ibid., X, 504, засѣданіе 29 ноября. Рвчъ Изнаря: «Скажемъ нашимъ министрамъ, что мы не очень довольны ихъ поведеніемъ (повторяющіяся рукоплесканія), что пусть они впредь изберутъ или общую благодарность, или законное возмездіе, и что подъ словомъ отвѣтственность мы понимаемъ смерть (рукоплесканія возобновляются). — Рвчъ эту собраніе приказываетъ напечатать и разослать департаментамъ.

²⁾ «Мониторъ», XI, 603, засѣданіе 10 марта. Рвчъ Бриссо, обвиняющая Делессара, министра иностранныхъ дѣлъ. Делессаръ «предатель», такъ какъ онъ написалъ въ одной депешѣ, что конституція сдѣлалась для огромнаго большинства націи закою-то религіею, восторженно принятой ею». Оба эти выраженія Бриссо признаетъ анти-патріотическими и невѣрными. Ibid., XII, 438, засѣданіе 20 мая, рвчъ Годѣ: «Мировой судья Ляриверъ самъ обвинилъ себя въ ужаснѣйшей и отвратительнѣйшей изъ всѣхъ страстей, въ желаніи захватить власть, порученную конституціей національному собранію».

Они тамъ царятъ даже и при якобинскомъ министрѣ. Роланъ, Клявьеръ и Серванъ, не только не предохраняютъ короля, но еще выдаютъ его, и подъ ихъ покровительствомъ, онъ, съ ихъ-же соглашенія, еще болѣе притѣсненъ, униженъ и презираемъ, нежели когда-либо. Сторонники ихъ въ собраніи поочередно клеветаютъ на него, а Изнаръ предлагаетъ составить противъ него самый возмутительно-грубый адресъ ¹⁾. Передъ его дворцомъ только и раздаются крики насилія и смерти; то священника или военного избиваютъ до полу-смерти и тащатъ въ тюльерійскій бассейнъ, то гвардейскій канониръ обращается съ королевой какъ съ рыбною торговкой и кричитъ ей: «Какъ-бы я хотѣлъ воткнуть твою голову на остріе моей пики!» Подъ этимъ двойнымъ давленіемъ законодательнаго собранія и улицы его считаютъ окончательно разбитымъ; рассчитываютъ на его испытанную покорность или, по крайней мѣрѣ, на его невмѣшательство, на его бездѣйствіе; думаютъ, что превратили его въ подписывающую машину, чего бывало требовалъ Кондорсе. Вслѣдствіе этого, не предупредивъ его и словно тронъ не былъ занятъ, Серванъ предлагаетъ собранію, по своему собственному почину, устроить подъ Парижемъ вооруженный лагерь. Роланъ, съ своей стороны, во время засѣданія совѣта дѣлаетъ королю выговоръ, подобно высокоумному педагогу разбираетъ его чувства, указываетъ ему на его обязанности, убѣждаетъ его обратиться къ новой «религіи», утвердить декретъ противъ неприягнувшихъ священниковъ, другими словами, присудить въ нищенству, къ тюремному заключенію, къ изгнанію 70,000 священниковъ и монахинь, виновныхъ въ вѣрности своей религіи, допустить устройство лагеря подъ Парижемъ, т. е. отдать свой тронъ, свою особу и свое семейство на произволъ 20,000 изступленныхъ, избранныхъ клубами и собраніями намѣренно, съ цѣлью произведенія относительно его всевозможныхъ насильій,—короче отречься заодно и отъ совѣсти, и отъ здраваго смысла. Странное дѣло, но на этотъ разъ тронъ не поддается усиленному напору: король не только отказывается, но даже смѣняетъ своихъ министровъ. Тѣмъ хуже для него! Онъ, во что бы то ни стало, долженъ взять ихъ обратно, и если онъ упорствуетъ и стоитъ поперекъ дороги, то черезъ него перешагнутъ, хотя его не считаютъ опаснымъ и способнымъ

¹⁾ «Мониторъ», XII, 396, засѣданіе 15 мая. Этотъ адресъ Изнара послужилъ матеріаломъ Ролану для его знаменитаго письма.

выйти изъ своей законной неподвижности. И дѣйствительно, до 10 августа, изъ одного отвращенія ко всякому предпріятію и изъ боязни возбудить междоусобную войну, онъ отвергаетъ всѣ планы, могущіе произвести открытый разладъ. Онъ станетъ ссылаться до послѣдняго дня на конституціонный законъ и на общественную пользу, когда дѣло идетъ объ его собственномъ спасеніи и о безопасности его семейства. Передъ отставленіемъ отъ должности Сервана и Ролана, онъ захотѣлъ представить поразительное доказательство своихъ миролюбивыхъ наміреній; онъ утвердилъ уничтоженіе гвардіи, онъ обезоружился не только для нападенія, но даже и для защиты; съ этой минуты онъ каждодневно ждетъ у себя бунта, которымъ ему постоянно угрожаютъ; онъ съ покорностью переноситъ все, отказываясь лишь обнажить мечъ, и положеніе его напоминаетъ собою положеніе первыхъ христіанъ среди римскихъ цирковъ ¹⁾. Однако предложеніе учредить подъ Парижемъ лагерь возбудило протестъ со стороны 8,000 парижскихъ національныхъ гвардейцевъ; Ляфайетъ обличаетъ передъ собраніемъ всѣ злоупотребленія яacobинской партіи, и послѣдняя боится за свое могущество, которому угрожаетъ пробужденіе и союзъ друзей порядка. Нужно приступить къ дѣлу; она уже втеченіи мѣсяца подготавливаетъ это дѣло, а матеріалу у нея достаточно для возобновленія событій 5 и 6 октября.

II.

Въ Парижѣ всегда живетъ своя сотня тысячъ несчастныхъ и неимущихъ, свое контрабандное и неосѣдлое населеніе, цѣлая треть котораго состоитъ изъ вочевниковъ, прибывшихъ изъ другихъ департаментовъ, «изъ нищихъ по породѣ и по ремеслу», изъ людей, подобныхъ тѣмъ, которыхъ Ретифъ-де-ля-Бретонъ, еще 13 іюля 1789 года, видѣлъ проходящими цѣ-

¹⁾ «Малъ-Дюпанъ, Мемуары», I, 303. Письмо Малю отъ 29 іюня: король спокоенъ и приготовленъ ко всему; онъ писалъ 19 своему духовнику: «Придите, прошу васъ, я никогда еще такъ не нуждался въ вашихъ утѣшеніяхъ; я покончилъ съ людьми, и взоры мои теперь устремлены къ небу. На завтра возвѣщаютъ большія несчастія, но у меня хватитъ мужества на все.—«Lettres de Corai au Protorsalte de Smyrne (переведенныя Кё де-Сантъ-Илеромъ р. 145, 1 мая. «Дворъ выходитъ въ непрестанной опасности, и потому не удивитесь, если я вамъ скоро напишу объ убіеніи этого бѣднаго короля и его жены».

лыми толпами передъ своими дверьми въ улицѣ Биеврѣ, чтобы присоединиться къ себѣ подобнымъ въ Сэнтъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ, а съ ними и этихъ «ужасныхъ сплавщиковъ лѣса», выгрузчиковъ и плотовщиковъ при гонкахъ лѣса, вскормленныхъ въ лѣсахъ Нievры и Ионны, чистѣйшихъ дикарей, привыкшихъ управляться съ багромъ и топоромъ, недалеко ушедшихъ отъ настоящихъ людоѣдовъ, и которые будутъ фигурировать въ первыхъ рядахъ при сентябрьскихъ избиеніяхъ; вмѣстѣ съ ними и ихъ жены, «женщины, проводящія жизнь на сплавахъ и баркахъ, ожесточенныя нуждою и страданіемъ, подобно животному понимающія и видящія недалеже настоящей минуты», и за три мѣсяца передъ тѣмъ разграбившія лавки колониальныхъ торговцевъ. Все это составляло «страшную, грозную громаду, словно говорящую при каждомъ ея колыханіи: насталъ день расплаты для богатыхъ и достаточныхъ; завтра наша очередь, завтра мы заснемъ на пуховикахъ». Еще большія опасенія вселяло настроеніе настоящихъ рабочихъ, въ особенности-же въ предмѣстьяхъ; такъ какъ, во-первыхъ, если цѣны на хлѣбъ были не такъ высоки, какъ онѣ были 5 октября, то нищета пожалуй была еще сильнѣе. Всѣ производства предметовъ роскоши были прекращены уже около трехъ лѣтъ, и ремесленники, лишеныя работы, давно прожили свои скудныя сбереженія. Со времени санъ-домингскаго разгрома и разграбленія колониальныхъ лавокъ, всѣ цѣны на привозные колониальные товары были невѣроятны: и столяръ, и каменщикъ, и слесарь, и рыночный носильщикъ, всѣ были лишены своего обыденнаго утренняго кофе, и они роптали каждое утро и негодовали при мысли о томъ, что наградою ихъ патриотизма являлись лишь новыя и возрастающія лишенія.

Всѣ они сдѣлались якобинцами, и догматъ народнаго владычества послѣ тридцати-двухмѣсячнаго проповѣдыванія успѣлъ пустить въ ихъ праздномъ мозгу глубокіе корни. «По мнѣнію толпы, пишетъ одинъ полицейскій комисарь, — конституція совершенно бесполезна, и вся власть должна исключительно принадлежать народу. Парижскіе граждане, собравшись на площади, воображаютъ, что они-то и есть весь народъ, *populus*, то, подъ чѣмъ мы понимаемъ весь составъ гражданъ». Напрасно станете вы имъ доказывать, что кромѣ Парижа есть еще вся Франція. Дантонъ убѣдилъ ихъ въ томъ, что столица состоитъ изъ гражданъ, принадлежащихъ до нѣкоторой степени всѣмъ 83-мъ департаментамъ, что она способнѣе всѣхъ оцѣнить поведеніе министровъ, что она первый стражъ всей націи; и они увѣрены въ справедливости своихъ требованій.

Не убѣждайте ихъ въ томъ, что существуютъ болѣе свѣдущіе и компетентные авторитеты. Робеспьеръ увѣряетъ ихъ, «что геній и гражданственность народа непогрѣшима, а что всѣ непринужденныя къ народу часто и жестоко заблуждаются»; и они убѣждены въ своихъ способностяхъ. Они, въ своихъ собственныхъ глазахъ, законные и компетентные представители Франціи, и единственная тема, напѣваемая имъ на всѣ лады ихъ прислужниками прессы, клуба и трибуны, уже втеченіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ, эти слова герцога де-Виллерау Людовигу XV, еще ребенку: «Взгляните, ваше величество, на это обширное королевство. Знайте, что все оно ваше, все это ваша собственность; вы его единственный владыка». Нужны, конечно, полу-сумасшедшіе и полу-животныя, чтобы проглотить и переварить столь грубую неправду; но именно подобные-то люди и выдѣляются изъ благоразумнаго или неподвижнаго стада и образуютъ шайку, вліяніе которой непреодолимо. Убѣжденные въ томъ, что уличное сборище имѣетъ права и власть равносильныя власти и правамъ націи, засѣдающей на своихъ комиссіяхъ, они единственно и собираются на улицахъ, и считаютъ себя королями, такъ какъ, вслѣдствіе своего безумства и своей дерзновенности, они убѣдились въ своемъ верховномъ владычествѣ.

Такова новая власть, возникавшая на ряду съ властію законною, съ первыхъ мѣсяцевъ 1792 года. Конституція ея не предвидѣла; но она, тѣмъ не менѣе, существуетъ, высказывается, ее видятъ, считаютъ ея повобранцевъ. 29 апрѣля, всѣ три батальона Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, приблизительно 1,500 человекъ, съ согласія собранія и вопреки закону, направляются въ залъ тремя колоннами: одна, состоящая изъ фузелеровъ, а двѣ другія—изъ людей, вооруженныхъ пиками, «отъ восьми до десяти футовъ длины», грозными на видъ и всевозможныхъ родовъ и видовъ,—«пиками на подобіе лавровыхъ вѣтокъ, пиками на подобіе трилистника, пиками съ гранеными концами, пиками похожими на вертелъ, пиками съ оконечностями въ видѣ сердца, пиками съ змѣинымъ жаломъ, пиками съ вилою на концѣ, пиками съ топкимъ стилетомъ, пиками съ сѣбирами, пиками съ пѣтушьими клювами, пиками съ острыми рогами, пиками на подобіе копья, покрытаго желѣзными иглами».

По ту сторону Сены также составлены и вооружены три батальона Сентъ-Марсельскаго предмѣстья. Все это составляетъ ядро изъ 3,000 ратниковъ, а въ остальныхъ кварталахъ Парижа наберется, можетъ быть, еще до 3,000 подобныхъ же. При-

бавьте къ этому всѣхъ канонировъ, входящихъ въ составъ 60 батальоновъ національной гвардіи, которые почти всѣ кузнецы и слесаря, и большинство жандармовъ, бывшихъ солдатъ, отставленныхъ отъ службы за неповиновеніе, естественнымъ образомъ, клонящихся къ мятежу; всего, не считая обычнаго конвоя, изъ бродячихъ и обыкновенныхъ бандитовъ, около 9,000 чело-вѣкъ, невѣжественныхъ, эзальтированныхъ, но въ то же время предприимчивыхъ, рѣшительныхъ, хорошо вооруженныхъ, образующихъ цѣлый корпусъ готовыхъ наступать и дѣйствовать. Вотъ настоящая сила, стоявшая на ряду съ болтающими властями; она дѣйствуетъ и дѣйствуетъ одна исключительно. Какъ бывало въ Римѣ, преторіанцы кесарей, какъ въ Багдадѣ турецкая гвардія калифовъ, она отнынѣ становится владычицею столицы, а посредствомъ столицы и всего государства.

III.

Каково войско, таковы и вожди; для воловъ нужны гуртовщики, превосходящіе ихъ лишь на одну степень, волопасы, съ своею подходящею одеждою, съ своимъ жесткимъ голосомъ и съ своимъ обращеніемъ, не испытывающіе ни отвращенія, ни чувства гадливости, грубые отъ природы или сознательно загрубѣвшіе, не гнушающіеся никакихъ хитростей, обычныхъ барышникамъ, никакихъ уловокъ и приемовъ боенъ, сами принадлежащіе къ народу или прикидывающіеся, что принадлежать къ нему. Сантеръ, пивоваръ изъ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, командиръ батальона Найденышей (Enfants-Trouvés), здоровенный крупный силачъ, съ громовымъ голосомъ, пожимающій руку каждому встрѣчному на улицѣ, а у себя, при помощи денегъ герцога Орлеанскаго, опаивающій всѣхъ; Лежандръ, холерическій мясникъ, даже въ конвентѣ сохраняющій свои мясницкія замазки; два-три иностранца и авантюриста, годныхъ на дѣло убійства и съ наслажденіемъ размахивающихъ саблею и штыкомъ. Первый изъ нихъ учитель англійскаго языка Ротондо, бунтовщикъ по профессіи, впоследствии за убійство и воровство повѣшенный въ Пиемонтѣ. Второй—нѣкто Лазовскій, полякъ, бывший щеголь, красивый фатъ, ставшій, въ силу своей славянскою податливости, однимъ изъ самыхъ разнузданныхъ санюлотовъ; сперва пользовавшійся прибыльнымъ мѣстомъ, затѣмъ выброшенный на улицу, онъ кричалъ во всѣхъ клубахъ противъ своихъ бывшихъ покровителей, теперь потерявшихъ свое

значеніе; его избрали капитаномъ канонировъ сенъ-марсельскаго батальона и онъ станетъ однимъ изъ сентябрьскихъ убійць; однако, его салонный темпераментъ недостаточно выносливъ для его роли и онъ умираетъ, годъ спустя, отъ пьянства и горячки. Третій — также одинъ изъ главныхъ сентябрьскихъ убійць, Фурнье, прозванный американцемъ, бывший плантаторъ, вынесшій изъ Сенъ-Доминго презрѣніе къ человѣческой жизни; онъ похожъ на пирата съ своею мрачною и смертельно-блѣдною фізіономіею, съ своими усами, съ своимъ тройнымъ кушакомъ, усаженнымъ пистолетами, съ своею грубою рѣчью, съ своими непрерывными ругательствами и божбою. На ряду съ ними можно назвать Кьюретъ-Верриера, маленькаго горбатаго адвоката, неумолимаго болтуна, парадировавшаго 6 октября 1789 года на большой бѣлой лошади, а впоследствии работавшаго у Марата; его фигура, цѣлкомъ взятая изъ кукольной комедіи, запечатлѣлась въ народномъ воображеніи вслѣдствіе этихъ двухъ событій; въ тому же, грубымъ неучамъ, собиравшимся по ночамъ у Сантера, нуженъ былъ человѣкъ, владѣющій перомъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ исполнялъ у нихъ письменную работу. Къ этому свопищу принадлежали еще ничтожнѣйшія и совершенно подчиненныя ему личности, каковы: «виноторговецъ Бриеръ, Никола, саперъ изъ батальона Найденшей (Enfants-Trouvés), Гоноръ, величавшій себя побѣдителемъ Бастиліи¹⁾», Россиньоль, отставной солдатъ, ватѣмъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, впоследствии предсѣдательствовавшій при избіеніяхъ въ де ла Форсъ (одна изъ большихъ парижскихъ тюремъ), неожиданно облеченный генеральскимъ чиномъ и щеголявшій въ Вандеѣ своею неспособностью, своимъ обжорствомъ и своими разбоями; «безъ сомнѣнія еще нѣкоторые», также Гюгененъ, бывший раззорив-

¹⁾ Бюше и Ру, XV, 122. Зливленіе Ляреина, волонтера батальона Иль-сенъ-Люи. Къ довереннымъ агентамъ, названнымъ имъ, я прибавлю Гюгенена, такъ какъ ему было поручено 20 іюня прочесть петицію бунтовщиковъ, и Сенъ-Юржа, такъ какъ послѣдній предводительствовалъ толпою вмѣстѣ съ Сантеромъ. О Россиньолѣ, смотри Добана, *la Demagogie de Paris*, 369 (по рукописнымъ мемуарамъ Мерье дю-Роше). Онъ является 21 августа 1793 года въ Фонтена, съ представителемъ Бурботомъ, генераль-комисаромъ Моморо, съ тремя комисарами Муляномъ, Газаромъ, бывшимъ священникомъ, бывшимъ комедіантомъ Грамонемъ и нѣсколькими дѣвушками. «Красивѣйшая изъ нихъ была любовницею Бурбота и Россиньола». Ихъ помѣстили въ одномъ отелѣ, гдѣ все было опечатано. «Печати были сорваны, и всѣ драгоценности, платья, женскія украшенія, все было конесковано въ пользу генерала и его свиты. Даже посуда и фарфоръ сдѣлались жертвою этихъ грабителей, называвшихъ себя республиканцами».

шійся адвокатъ, затѣмъ карабинеръ, дезертиръ, таможенный чиновникъ, а теперь главный ораторъ Свѣтъ-Антуанскаго предмѣстья и, наконецъ, президентъ сентябрьскаго городского общественнаго управленія; безъ сомнѣнія также извѣстный городеръ Пале-Рояля, Свѣтъ-Абрюжъ, прозванный отцомъ Адамомъ (Père Adam), маркизь, превратившійся въ бродягу, пьющій съ тряпичниками, одѣвающийся носильщикомъ, вооруженный громадною дубиною, таскающій за собою всякое отребье¹⁾. Вотъ и всѣ возаки. Якобинцы, засѣдающіе въ муниципалитетѣ и въ собраніи, лишь одобряютъ предпріятіе и потворствуютъ ему; однако, пусть лучше возстаніе покажется случайнымъ, неподготовленнымъ; изъ предосторожности ли или стыдливости, но жирондисты Петіонъ, Манюэль и даже Дантонъ, остаются въ тѣни; да имъ и не къ чему выходить на свѣтъ. Тѣ, другіе, столь близкіе народу, слившіеся съ толпою, болѣе ихъ способны придумать для своей шайки подходящую для нея фэбулу, приспособленную къ размѣрамъ, къ качеству его разсудка и могущую повліять на него; простую и незамысловатую фэбулу, или, скорѣе, балаганную мелодраму, съ добрыми по одну сторону, съ злыми по другую, и людодѣломъ, какимъ либо лютымъ тираномъ или чернымъ предателемъ, какъ центральнымъ, выдающимся лицомъ, непременно изобличеннымъ подъ-конецъ и наказаннымъ по заслугамъ, все это въ трескучихъ тирадахъ и съ припѣвомъ, исполненнымъ хоромъ, въ видѣ финала. Въ несложномъ мозгу грубаго и возбужденнаго работника всякая политика можетъ улечься лишь въ формѣ топорно-вырубленныхъ и ярко раскрашенныхъ картинъ, подобныхъ Марсельезѣ, Карманьоль (la Carmagnole) и Ça ira. Фабрикують необходимую для его поученія легенду, и подъ этимъ увеличительнымъ и обезображивающимъ стекломъ, добродушнѣйшая фи-

¹⁾ Матонъ де ля Вареннь, «Histoire particulière des évènements, qui ont eu lieu en juin, juillet, août et septembre 1792, р. 23 (онъ лично зналъ Свѣтъ-Юрюжа). Свѣтъ-Юрюжъ женился въ 1778 году въ Лионѣ на одной комедіанткѣ. По возвращеніи въ Парижъ онъ узнаетъ отъ полиціи, что жена его, бывшая распутная женщина, и онъ по-своему расправляется съ нею. Последняя, взбѣшенная, изучаетъ прошлое Свѣтъ-Юрюжа, открываетъ въ немъ два преступленія, одно въ грабежѣ и убійствѣ завязкаго купца, другое—въ дѣтубійствѣ, и добивается его приговора. Его заточили сперва въ Шарантонъ (отъ 14 января 1781 года до 7 декабря 1784); затѣмъ перевели въ другую тюрьму и, наконецъ, выслали въ его имѣніе, откуда онъ бѣжалъ въ Англію. Онъ вернулся во Францію въ самомъ началѣ революціи.

зіомія принимаетъ въ его глазахъ дьявольскія очертанія. Ему рисуютъ Людовика XVI, «какъ чудовище, употребляющее свою власть и свои сокровища единственно съ цѣлью помѣшать возрожденію французовъ. Онъ является новымъ Карломъ IX, накликающимъ на Францію гибель и смерть. «Такъ знай же, извергъ, что насталъ конецъ твоимъ преступленіямъ! Самъ Даміенъ менѣе тебя виновенъ. Онъ былъ наказанъ ужаснѣйшими муками за то, что захотѣлъ избавить Францію отъ чудовища. А ты, покушеніе котораго въ двадцать пять миліоновъ разъ больше, ты пользуешься безнаказанностью!..¹⁾ Свергнемъ въ прахъ это жалкое подобіе короля! Трепещите, тираны! Сцеволы не перевелись еще между нами!»—Все это произносится, дѣламируется или, скорѣе, выкрикивается публично, открыто, подъ самыми окнами короля, уличными ораторами, взбирающимися на стулья; а изъ комитета, учрежденнаго у Сантера, исходятъ каждодневно подобныя же подстрекательства, то въ видѣ афишъ и объявленій, выставляемыхъ по предмѣстьямъ, то въ видѣ петицій, разносимыхъ по собраніямъ и клубамъ, то, наконецъ, въ видѣ заявленій, дѣлаемыхъ группамъ тюльерійскимъ и палэ-рояльскимъ, группами площадей Гревской и въ особенности Бастильской.

Со 2 іюня вожаки учредили въ церкви Найденышей (Eufants-Trouvés) новый клубъ, чтобы имѣть свою специальную лабораторію и возможность работать на мѣствъ²⁾. Подобно дема-

¹⁾ «Мониторъ», XII, засѣданіе 12 іюня 1792 года. Разсказъ депутата Дельёо. При казни Даміена присутствовали еще жившіе тогда парижане, а «Карлъ IX», Мори Шенье, была тогда трагедіей самой популярной. «Жители Парижа, говорить де-Феррьеръ (I, 35),—выходили съ представленіемъ съ жаждою мести и крови. Это было особенно замѣтно въ концѣ четвертаго акта, когда погребальный колоколъ возвращаетъ начало избіенія: проходила глухой ропотъ, а затѣмъ простые крики: «Тише, тише!» словно, зрители боялся, что звуки этого смертнаго колокола недовольно глубоко проникнуть въ сердце каждаго присутствующаго. «Парижская революція», № отъ 23 іюня 1792: «Уличные ораторы раздѣляли между собою роли: одинъ говорилъ противъ штабовъ, другой—противъ священниковъ, третій—противъ судей, департаментскихъ правленій, министровъ, въ особенности же противъ короля. Были и такіе между ними, въ чѣмъ мы не можемъ не согласиться съ Дельёо, которые переходятъ границу, совѣтуя убійство и подстрекая къ тому и жестами, и взглядами, и голосомъ».

²⁾ Мортимеръ-Терно, I, 133. Тѣ же расчеты и та же лабораторія въ Сэнъ-Марсельскомъ предмѣствѣ. Доклады Сэнъ-При, командира валь-де-грасскаго батальона: «Всѣ умы были спокойны до открытія одного клуба у Сэнъ-Марсельскихъ воротъ; теперь всѣ возбуждены и вездѣ царитъ несогласіе. Клубъ этотъ, вступившій въ корреспонденцію съ Сантеромъ, приглашаетъ гражданъ отправиться завтра (20 іюня) въ полномъ вооруженіи въ національное собраніе и къ королю, вопреки приказаніямъ конститучіонныхъ властей».

гогамъ Платона, они знаютъ свое ремесло; они доискались до тѣхъ криковъ, которые заставляютъ трепетать народное животное, до тѣней, пугающихъ его, до приманокъ, его соблазняющихъ, до дороги, куда слѣдуетъ его сманить; разъ привлеченное и пустившееся въ путь, оно слѣпо пойдетъ впередъ, увлекаемое своимъ невольнымъ порывомъ и давя своею тяжестью все, что попадется ему подъ ноги.

IV.

Приманка придумана ловко и умно: будутъ праздновать годовщину же-де-помской клятвы. Посадятъ дерево свободы на терасѣ фельянтинцевъ и представятъ собранію, а затѣмъ и королю, соотвѣтствующія обстоятельствамъ, петиціи; изъ предосторожности и чтобы внушить уваженіе злоумышленникамъ, просители будутъ вооружены ¹⁾. Народная процесія вещь весьма заманчивая; къ тому же въ то время было столько рабочихъ, не имѣвшихъ никакихъ занятій, которые были рады чѣмъ-либо пополнить свой день. Кромѣ того очень пріятно быть дѣйствующимъ лицомъ въ патріотической оперѣ, и многіе, въ особенности же женщины и дѣти, горѣли желаніемъ увидать *Monsieur* и *Madame Veto*. Пригласили пригородныхъ крестьянъ; бродяги и безпріютные оборванцы, конечно, примутъ во всемъ живѣйшее участіе, и можно было смѣло рассчитывать на столь многочисленныхъ парижскихъ зѣваекъ, на празднопатающихся, примыкающихъ къ каждому зрѣлищу, на любопытныхъ, даже и въ настоящее время цѣлыми сотнями толпящихся вдоль набережныхъ, чтобы полюбоваться на упавшую въ Сену собаку. Все это вмѣстѣ образуетъ препорядочный корпусъ, невольно и безсознательно слѣдующій за своимъ главою. 20 іюня, въ пять часовъ утра, скопища уже были въ полномъ составѣ въ Сентъ-Антуанскомъ и въ Сентъ-Марсельскомъ предмѣстьяхъ; всѣ находились на лицо: національная гвардія, люди, вооруженные пиками, канониры съ своими орудіями, люди вооруженные саблями и палками, женщины и дѣти. Правда, что афиша, только что наклеенная на стѣну, гласила

¹⁾ Мортимеръ-Терно, I, 136. Эта програма была представлена сперва на ривемотрѣніе общаго совѣта городского общественнаго управления Лазовскимъ и девятью другими (16 іюня). Общій совѣтъ отвергаетъ ее, ссылаясь на законъ. «Просители, услышавъ подобное рѣшеніе, громогласно заявляютъ, что оно несколько не похвщаетъ имъ собраться въ полномъ вооруженіи».

о томъ, что всякія сборища строго воспрещаются, и муниципальные чиновники, облеченные въ свои шарфы, приказывали и наконецъ просто умоляли толпу не нарушать закона. Но въ народномъ мозгу всѣ идеи настолько же упорны, насколько онѣ кратковременны. Всѣ рассчитывали на патріотическую процессію, и для этого поднялись чѣмъ свѣтъ; канониры уже впрягли своихъ лошадей, деревцо уложено на повозку; все готово для церемоніи; всѣ ждутъ удовольствія и естественно не желаютъ вернуться во-свояси, не вкусивъ его. Къ тому же у всѣхъ лишь самыя благія намѣренія; всѣ не хуже муниципальных чиновниковъ знаютъ законъ: «вооружились исключительно съ цѣлью поддержать и исполнить его». Всѣмъ хорошо извѣстно, что уже многіе вооруженные просители являлись въ національное собраніе; чѣмъ же они хуже, и, если «законъ равенъ для всѣхъ», и если тѣхъ допустили, отчего не допустить и ихъ? Во всякомъ случаѣ они попросятъ разрѣшенія у самаго собранія; за тѣмъ-то именно они и идутъ туда. Наконецъ, послѣдній аргументъ, и прекраснѣйшій изъ всѣхъ, состоитъ въ слѣдующемъ: чтобы доказать муниципалитету, что у присутствующихъ нѣтъ намѣренія учинить бунтъ, его просятъ примѣнуть къ шествію.

Между тѣмъ проходитъ нѣсколько часовъ, и въ толпѣ, уже ожесточенной промедленіемъ, самыя нетерпѣливыя, самыя грубые, самыя предприимчивыя, берутся за дѣло. Въ валь-де-грасской главной квартирѣ, люди, вооруженные пиками, бросаются на пушки и волочатъ ихъ за собою; національные гвардейцы не прекословятъ имъ; командиры, Сэнъ-При и Леклеръ, которымъ грозятъ смертью, слѣдуютъ за шествіемъ, принужденные къ тому силою. То же зрѣлище было въ Монтрейльской части; сопротивление четырехъ, изъ шести, батальонныхъ командировъ способствуетъ лишь тому, что самая безграничная власть переходитъ въ руки Сантера, возбудителя бунта,—съ этой минуты онъ глава всего скопища. Около одиннадцати съ половиною часовъ онъ выходитъ изъ своей пивоварни и, сопровождаемый орудіями, знаменемъ и колесницею, на которой помѣщенъ тополь, становится во главѣ шествія, состоящаго приблизительно изъ «тысячи пятисотъ человѣкъ, включая и любопытныхъ»; но толпа по мѣрѣ своего приближенія все растетъ, подобно снѣжному кому, и остановившись передъ національнымъ собраніемъ, содержитъ въ себѣ уже отъ семи до восьми тысячъ человѣкъ. Просителей впускаютъ, вслѣдствіе предложенія Года

и Верньо. Ораторъ ихъ, Гюгененъ, въ высокопарномъ и угрожающемъ адресѣ обвиняетъ министровъ, короля, депутатовъ правой стороны, требуетъ «крови» и возвѣщаетъ, что народъ «поднялся» и самъ добьется правосудія ¹⁾. Затѣмъ вся толпа шествуетъ черезъ залъ при барабанномъ боѣ и подъ звуки музыки, подъ надзоромъ Сантера и Сэнтъ-Юрюжа; время отъ времени проходятъ нѣсколько взводовъ національныхъ гвардейцевъ, смѣшанныхъ съ толпою и затерявшихся въ «странствующемъ лѣсу пикъ»; все остальное чистѣйшая чернь, «отвратительныя явленія», говоритъ одинъ изъ депутатовъ, лица, на которыхъ нищета и распутство наложили свое клеймо, оборвыши, люди «полу-одѣтые», безъ всякаго верхняго платья, вооруженные чѣмъ попало, кухонными вилками, рѣзками, ножными лезвиями, насаженными на палки, одинъ съ пилою, прикрѣпленною къ десятифутовому шесту, между ними дѣти и женщины, размахивающія саблями; посреди этого шествія возвышаются старые штаны, воткнутые на пикъ, съ девизомъ: Да здравствуютъ санкюлоты! а на вилѣ телячье сердце съ надписью: Сердце аристократа, многозначительныя эмблемы, исполненныя мрачнаго веселья, какія только въ состояніи изобрѣсть воображеніе ветошника или мясника для политическаго карнавала. И это дѣйствительно настоящій карнавалъ; усердно пьютъ, многіе пьяны. Не довольствуются однимъ парадомъ, хотятъ и повеселиться: проходя черезъ залъ поютъ *Ca ira* и, порою, пляшутъ. Въ то же время заявляютъ о своемъ патриотизмѣ, криками: «Да здравствуютъ патриоты! Долой veto!»; братаются на ходу съ добрыми депутатами лѣвой стороны, правой же отпускаютъ двусмысленныя шутки, показываютъ булакъ; одному изъ нихъ, извѣстному своимъ большимъ ростомъ, заявляютъ, что при первомъ удобномъ

¹⁾ «Мониторъ», XII, 717. «Какое несчастье для людей свободныхъ, передавшихъ вамъ всю свою власть, быть принужденными обогреть руки въ крови заговорщиковъ!» etc.—Самый слогъ уже ясно указываетъ, каково умственное развитіе вожаковъ. Неучъ-писакъ, составившій адресъ, не понимаетъ даже значенія словъ. «Это воля народа, а голова его стоитъ же головы коронованныхъ деспотовъ. Голова эта генеалогическое древо націй, и передъ этой мощной головой должна склониться слабая трость». Видно, что онъ когда-то училъ басню о «дубѣ и трости», что ему извѣстны имена Демосеена, Цицерона и Катиланы. Онъ похожъ на школьнаго учителя, сдѣлавшагося рыночнымъ писаремъ и сочиняющаго въ своей лавчонкѣ по одному су съ листа.

случаѣ раздѣляются съ нимъ ¹⁾. Такимъ образомъ выдвигаютъ передъ собраніемъ готовыхъ сотрудниковъ, готовыхъ на все, даже и противъ него самаго. Однако, если не считать садовой рѣшотки, проломанной вслѣдствіе сильнаго напора толпы, и вторженія этой толпы на терасу фельянтинцевъ, то пока не было совершено ни одного насилія; за исключеніемъ моментовъ ярости, населеніе Парижа скорѣе болтуны и ротовъи, нежели люди свирѣпые; къ тому же до сихъ поръ ему не было оказано никакого сопротивленія. Ему даютъ вволю нагуляться и накричаться; многіе начинаютъ зѣвать отъ скуки и усталости; бьетъ четыре, и вотъ уже цѣлыхъ десять или двѣнадцать часовъ какъ они на ногахъ. Человѣческая волна, отхлынувшая отъ собранія, вылилась на площадь Карусель, тамъ застряла и, повидимому, готова была потечь въ свои обычные каналы. Но не того желаютъ вожаки. Сантеръ, появляющійся съ Сэнтъ-Юрюжемъ, видитъ, что необходимо послѣдній и рѣшительный толчокъ; онъ кричитъ своимъ людямъ: «Зачѣмъ не пошли въ замокъ». Нужно отправиться туда; мы только затѣмъ и явились сюда. «Мы проникли въ Карусель, восклицаетъ одинъ поручикъ валь-де-грасскихъ канонировъ, — слѣдуетъ проникнуть и въ замокъ. Валь-де-грасскіе канониры вступаютъ сегодня въ первый разъ: они не трусы и не подлецы. За мною же, канониры, идемъ на врага!» Между тѣмъ, по ту сторону двери, муниципальные чиновники, выбранные Петіономъ изъ самыхъ красныхъ всего совѣта, отстраняютъ сопротивленіе своими рѣчами и внушеніями. «Во всякомъ случаѣ, доказываетъ одинъ изъ нихъ, по имени Муше, — право подавать петцію священно». — «Отворите дверь, кричатъ Сержанъ и Буше-Ренё, никто не вправѣ ее запираетъ; каждый гражданинъ имѣетъ право

¹⁾ Гюа, 134. Бурень, «Мемуары», I, 49. (Онъ находился въ то время съ Бонапартомъ въ одномъ ресторанѣ, въ улицѣ Сэнтъ-Оворе, около Паль-Рояля). «Выходя, мы увидѣли, что по направленію къ рынку (Halles) шла толпа, показавшаяся Бонапарту приблизительно въ 5,000 или 6,000 человекъ, состоявшая изъ оборванцевъ, шутовски вооруженныхъ, оравшихъ и изрыгавшихъ самыя грубыя проклятія и направлявшихся къ Тюльери. Это была несомнѣнно самая подлая и презрѣнная часть населенія предмѣстствъ. «Пойдемъ вслѣдъ за этою швалью», сказалъ мнѣ Бонапартъ. (Они направились къ терасѣ, лежащей у берега). Невозможно передать того чувства изумленія и негодованія, которое сцены эти возбуждали въ немъ. Онъ не могъ понять и не допускалъ подобной слабости и подобнаго долготерпѣнія... «Che coglione! Что за дурачь! восклицалъ онъ довольно громко. Какъ допуститъ войти эту сволочь! Надо было бы снести пушечными выстрѣлами по крайней мѣрѣ четыре или пять сотенъ этой швали и разогнать всѣхъ остальныхъ штыками».

въ нее войти». Одинъ канониръ поднимаетъ засовъ и дверь отворяется; въ секунду весь дворъ былъ переполненъ¹⁾, толпа бросается подъ сводъ и на большую лѣстницу такъ стремительно, что одна изъ валь-де-грасскихъ пушекъ, поднятая на рукахъ, моментально оказывается въ третьемъ залѣ перваго этажа. Двери трещатъ подъ ударами топора, и въ большомъ залѣ Эль-де-Бѣфа (l'Oeil-de-Bœuf) толпа встрѣчается лицомъ къ лицу съ королемъ.

При подобныхъ обстоятельствахъ, всѣ представители общественной власти, директоріи департаментовъ, муниципалитеты, военные начальники, а 6 октября и самъ король, всѣ до сихъ поръ уступали; они или уступали, или погибали. Увѣренный въ благоприятномъ для него исходѣ, Сантеръ предпочитаетъ не принимать личнаго участія въ этомъ набѣгѣ; какъ человекъ осторожный, онъ удаляется, сторонится, и пробирается до комнаты совѣта, куда пріютились королева, маленький дофинъ и женщины²⁾. Тамъ онъ заслоняетъ ихъ своимъ громаднымъ ростомъ, своею толщиною, и предотвращаетъ бесполезныя и опасныя для его же цѣлей убійства. Однако въ Эль-де-Бѣфъ онъ не заглядываетъ; пусть тамъ дѣлаютъ что знаютъ; тамъ и въ его отсутствіи съумѣютъ справиться, и, повидимому, онъ не ошибается въ расчетѣ. Здѣсь, въ оконномъ углубленіи, на скамейкѣ, король, почти одинъ, а передъ нимъ четыре или пять національныхъ гвардейцевъ, составляющихъ единственную его защиту; тамъ, въ другихъ покояхъ, огромная и по мѣрѣ того, какъ слухъ о вторженіи распространяется по сосѣднимъ квар-

¹⁾ Пинонъ, начальникъ 5-го легіона и баталіонный командиръ Вано хотѣли запереть рѣшетку свода; ихъ отталкиваютъ со словами: «чтобы спасти одного человека, вы хотите погубить тысячи». Эти многозначительныя слова безпрестанно повторяются во время революціи и объясняютъ удачу бунтовъ. «Къ чему, говоритъ Александръ въ своемъ докладѣ (командиръ санъ-марсельскаго батальона), — къ чему сопротивленіе, совершенно бесполезно для блага общественнаго и даже могущее ему повредить?»

²⁾ Показаніе Дирейни. Поведеніе Сантера въ немъ очерчено весьма отчетливо. На дворѣ, у самой лѣстницы, его останавливаетъ толпа гражданъ, грозящая ему «сдѣлать его ответственнымъ за все зло, могущее произойти»; ему говорятъ: «вы единственный зачинщикъ этого противоконституціоннаго сборища, вы ослѣпили этихъ добрыхъ людей, вы извергъ». Тонъ, съ которымъ эти честные граждане обратились къ Сантеру, заставлялъ его поблѣднѣть; но ободренный многозначительнымъ взглядомъ, брошеннымъ на него Лежандромъ, онъ прибѣгъ къ хитрой ловкѣ, и обращаясь къ своей шайкѣ, сказалъ: «прошу васъ составить протоколъ о моемъ отказѣ идти во главѣ васъ въ покоя короля». Вмѣсто всякаго отвѣта, толпа, отлично понимавшая Сантера, разогнала группу честныхъ гражданъ.

таламъ, все прибывающая толпа, отъ пятнадцати до двадцати тысячъ человѣкъ; громадное скопленіе, сплошная колышущаяся масса, бурливое море человѣческихъ тѣлъ, непрестанно сталкивающихся, обыкновенный приливъ или отливъ которыхъ способенъ разбить объ стѣну вдесятеро сильнѣйшія препятствія; гвалтъ, отъ котораго дребезжать стекла, «несмолкаемый грозный ревъ», ругательства, проклятія, «Долой veto! къ чорту veto! Пусть вернутъ министровъ-патріотовъ! Онъ долженъ подписать, иначе мы не выйдемъ отсюда» ¹⁾. Впереди всѣхъ Лежандръ, болѣе рѣшительный, нежели Сантеръ, объявляетъ себя ораторомъ и уполномоченнымъ народа-владыки. «Monsieur», обращается онъ къ королю, и замѣчая его изумленный жестъ, повторяетъ:— да, «Monsieur», выслушайте насъ, это ваша первѣйшая обязанность. Вы измѣнникъ, вы насъ всегда обманывали и обманываете насъ и теперь; но берегитесь, мѣра переполнена, народъ усталъ служить вамъ игрушкою». «Ваше величество, кричитъ другой изступленный,—прошу васъ именемъ ста тысячи душъ оружающихъ меня о возвращеніи министровъ-патріотовъ... Я требую утвержденія декрета относительно священниковъ и тѣхъ 20,000 человѣкъ. Утвердите—или вы погибнете». И, дѣйствительно, угроза эта едва не приводится въ исполненіе. Первые толпы ворвались уже, «держа пики наготовѣ», и въ средѣ ихъ «разбойникъ», съ «очень острымъ» и заржавленнымъ сабельнымъ клинкомъ, насаженнымъ на палеу, который онъ «направляетъ» прямо на короля. Попытка совершить это убійство упорно возобновляется еще нѣсколько разъ тремя или четырьмя разъяренными, рѣшившимися во что бы то ни стало покончить съ нимъ; одинъ изъ нихъ рябой, едва прикрытый лохмотьями, возбуждаетъ себя самыми грязными выраженіями; второй, «одинъ изъ тахъ называемыхъ побѣдителей Бастиліи», бывший porte-tête Фулона и Бертъе, выгнанный изъ своего батальона; третій—рыночный носильщикъ, вооруженный саблею и дѣлающій болѣе часа неимоверныя усилія, чтобы пробиться къ королю ²⁾.

¹⁾ Хроника пятидесяти дней Реверера. «Я долженъ сознаться, что во время конвента, мясникъ Лежандръ заявилъ Буасси-д'Англа, отъ котораго я это и слышалъ, что намѣреніе ихъ было убить короля.—Прюдомъ, «Преступленія революціи» («Les Crimes de la Revolution»), III, 43: «Рѣшено было убить короля. Мы слышали, какъ полуодѣтые, оборванные граждане говорили: а все-таки жаль, онъ съ виду добродушная каналья».

²⁾ М-ше Кампанъ, «Мемуары», II, 212: «Баталіонный командиръ Вано оттолкнулъ оружіе одного злодѣя, направленное на короля. Одинъ гренадеръ отразилъ ударъ шпаги, направленный по тому же направленію».

Ничто не дѣйствуетъ: не смотря на всѣ угрозы, король остается невозмутимъ. Онъ беретъ руку одного гренадера, жезлающаго его успокоить, и прикладываетъ ее къ своей груди, со словами: «Послушайте, такъ ли бьется сердце, взволнованное страхомъ»¹⁾. Лежандру же и другимъ, требующимъ отъ него подписи, онъ спокойно отвѣчаетъ: «Я никогда не уклонялся отъ конституціи... Я поступлю такъ, какъ потребуетъ этого конституція и декреты... Вы поступаете противозаконно». И втеченіи трехъ слишкомъ часовъ, все время стоя и осаждаемый на своей скамейкѣ²⁾, онъ упорствуетъ, не проявляя ни малѣйшаго признака слабости или гнѣва. Наконецъ, подобное хладнокровіе производитъ свое дѣйствіе, и впечатлѣніе зрителей оказывается совсѣмъ не то, какового они ждали. Видимо, личность, стоящая передъ ними, далеко не чудовище, каковымъ его рисовали имъ, не мрачный и высокомерный тиранъ, не злобный и угрюмый Карлъ IX, котораго они освистываютъ въ театрѣ. Они видятъ нѣсколько толстаго человѣка, съ благодушнымъ и спокойнымъ лицомъ, котораго легко можно было принять, не будь на немъ голубой орденской ленты, за самаго мирнаго буржуа³⁾; рядомъ съ нимъ его министры, три или четыре человѣка, одѣтые въ черные кафтаны, люди честные, хорошіе чиновники и похожіе на то именно, что они есть; въ углубленіи другаго окна—мадамъ Элизабетъ, съ своимъ кроткимъ и непорочнымъ лицомъ. Этотъ предполагаемый тиранъ совсѣмъ не отличается

¹⁾ Показаніе Ляшене, начальника легіона.—«Мониторъ», XII, 719, вечернее засѣданіе 20 іюня. Рѣчь Ало, очевидца. (Король дважды сдѣлалъ подобный жестъ, произнося каждый разъ приблизительно тѣ же слова; первый разъ сейчасъ же послѣ вторженія толпы, а второй разъ, вѣроятно, послѣ рѣчи Верньо).

²⁾ Гравюра, помѣщенная въ «Парижскихъ Революціяхъ», изображаетъ его сидящимъ и отдѣленнымъ отъ толпы пустымъ пространствомъ—это намѣренная партийная ложь.

³⁾ Одинаковое же впечатлѣніе было произведено королевою. Прюдомъ въ своемъ журналѣ называетъ ее «австрійскою пантерою» и выраженіе это отлично передаетъ мнѣніе о ней жителей предѣльствъ. Какая-то дѣвка останавливается передъ нею и изрыгаетъ на нее сотни проклятій. Королева говоритъ ей: «Развѣ я вамъ сдѣлала какое либо личное зло?»—«Нѣтъ; но вы причиняете несчастія всей націи». — «Васъ обманули, продолжаетъ королева;—я вышла замужъ за короля Франціи, я мать дофина, я французенка; я никогда больше не увижу своего отчества, я могу быть счастлива или несчастлива лишь во Франціи; и я была счастлива, когда вы меня любили». Тогда дѣвушка говоритъ ей со слезами: «Простите мнѣ, я не знала васъ; теперь я вижу, что вы очень добры». Но Сантеръ, опасаящійся всеобщаго умиленія, восклицаетъ: «Дѣвка эта пьяна!» (M-me Самрап, II, 214. Донесеніе Манда, начальника легіона).

отъ другихъ людей; онъ говоритъ разумно, спокойно; утверждаетъ, что законъ на его сторонѣ, и никто ему на это не возражаетъ; онъ, быть можетъ, менѣе виновенъ, нежели предполагаютъ. Если-бы онъ только захотѣлъ сдѣлаться хорошимъ патриотомъ! Одна женщина размахиваетъ саблею, на которую насажена кокарда; онъ дѣлаетъ движеніе рукою, ему передаютъ саблю и онъ восклицаетъ вмѣстѣ съ толпою: «Да здравствуетъ нація!» Вотъ уже хорошій знакъ. Красный колпакъ раскачивается на концѣ высокаго шеста; кто-то подаетъ ему этотъ колпакъ, онъ одѣваетъ его себѣ на голову, поднимаются рукоплесканія, кричатъ: «Да здравствуетъ нація! Да здравствуетъ свобода!» и даже «Да здравствуетъ король!» Главнѣйшая опасность теперь уже миновала. И не то, чтобы осаждающіе отказались отъ дальнѣйшей осады. «Онъ чертовски хорошо сдѣлалъ, говорятъ они, — что одѣлъ колпакъ, иначе вышло бы плохо; и если онъ не утвердитъ декретъ о священникахъ и о лагерѣ, мы будемъ возвращаться каждый день; этимъ мы его утомимъ и запугаемъ». Однако, день на исходѣ; духота становится нестерпимою, утомленіе невыносимымъ; теперь король нѣсколько лучше охраненъ; пятерымъ или шестерымъ депутатамъ, тремъ муниципальнымъ чиновникамъ, нѣсколькимъ офицерамъ національной гвардіи удается добраться до него; является, наконецъ, самъ Петіонъ и, взобравшись на кресло, обращается къ народу съ своими обычными льстивыми рѣчами ¹⁾. Въ то же время, Сантеръ, понимая, что случай потерянь, прикидывается избавителемъ и кричитъ своимъ грубымъ голосомъ: «Я самъ отвѣчаю за королевское семейство; положитесь на меня!» Национальные гвардейцы образуютъ шпалеру передъ королемъ и медленно, нехотя, вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ и убѣжденій мэра, толпа расходится лишь къ восьми часамъ вечера.

¹⁾ Мортимеръ-Терно, I, 213: «Граждане, вы законнымъ образомъ изложили ваше желаніе передъ наслѣдственнымъ представителемъ націи; вы дѣйствовали съ достоинствомъ и величіемъ свободаго народа. Безъ сомнѣнія, требованіе ваше повторится всѣми 83 департаментами, и королю невозможно будетъ уклониться отъ всеобщаго народнаго желанія. Теперь удалитесь... и, оставаясь долѣе, не подавайте предлога заподозрить въ преступности ваши честныя намѣренія».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

Такъ какъ первая попытка не удалась, то слѣдуетъ сдѣлать новую. Это тѣмъ болѣе необходимо, что партія якобинцевъ окончательно сбросила маску, и повсемѣстно люди честные негодуютъ на то, что конституція подчинена произволу низшей черни. Почти всѣ высшія администраціи, семьдесятъ пять директорій департаментовъ, присылаютъ вполне сочувственные отвѣты на письмо Лафайэта, или же отвѣчаютъ ободреніемъ на обнародованіе короля, столь умѣренное и столь благородное, въ которомъ онъ, описывая насилія, причиненныя ему, поддерживаетъ свою законную власть съ грустною и непоколебимою кротостью. Множество большихъ и малыхъ городовъ благодарятъ его за его твердость, и всѣ, подписывающіе сочувственные адреса, принадлежатъ къ лучшимъ и избраннѣйшимъ гражданамъ, какъ-то: кавалеры ордена св. Людовика, бывшіе офицеры, судьи, окружные администраторы, доктора, нотариусы, стряпчие, сборщики податей, почтдиректоры, фабриканты, негоціанты, все люди съ положеніемъ, короче, самые уважаемые и самые значительные. Въ Парижѣ, подобная же петиція, составленная двумя бывшими членами учредительнаго собранія, содержитъ 247 страницъ подписей, засвидѣтельствованныхъ 99 нотариусами. Даже въ общемъ совѣтѣ городского общественнаго управления большинство порицаетъ публично мэра Петіона, главнаго прокурора Манюэля, администраторовъ полиціи Паписа, Сержана, Вигера и Перрона. Департаментскій совѣтъ возбуждаетъ слѣдствіе уже съ вечера 20 іюня; слѣдствіе ведется усердно и быстро и подтверждаетъ самыми достовѣрными доказательствами намѣренное бездѣйствіе, лицемерное потворство главнаго прокурора и мэра; онъ временно отрѣшаетъ ихъ отъ должности и обвиняетъ ихъ передъ судомъ также, какъ и Сантера и его соучастниковъ. Наконецъ, Лафайетъ, подтверждая свое мнѣніе своимъ личнымъ присутствіемъ, является самъ въ собраніе съ требованіемъ «дѣйствительныхъ, сильныхъ» мѣръ противъ захвата якобинской «секты» и наказанія зачинщиковъ волненій 20 іюня, «какъ преступниковъ противъ націи». Послѣдній и еще болѣе многозначительный симптомъ: поступокъ его одобряется большинствомъ ста голосовъ.

Однако и эти усилія не поведутъ ни къ чему, такъ какъ со стороны приверженцевъ конституціи, каковы бы они ни были, короли, депутаты, министры, генералы, администраторы, всевозможные представители и избранные, національные гвардейцы,— всѣ старанія ограничиваются одними словами; а причина этого заключается въ томъ, что они люди цивилизованные, издавна привыкшіе къ правильнымъ общественнымъ учреждениямъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе заинтересованные въ соблюденіи закона, встревоженные мыслью о послѣдствіяхъ, волнуемые всевозможными предположеніями, неспособные понять и допустить, что въ томъ первобытномъ состояніи, къ какому вернулась Франція, возможна одна лишь идея, идея человѣка, примирившагося съ мыслью объ объявленной войнѣ, отвѣчающаго на нападеніемъ на нападеніе и выходящаго изъ дома не иначе, какъ съ заряженнымъ ружьемъ, чтобы защитить себя противъ дикихъ разрушителей человѣческаго общества. Никто не поддерживаетъ Лафайета, единственнаго человѣка, имѣвшаго мужество выступить борцомъ за общее дѣло; на сходку, которую онъ назначаетъ въ елисейскихъ поляхъ, является лишь сто человѣкъ. Тамъ рѣшаютъ идти на слѣдующій день противъ якобинцевъ и закрыть ихъ клубъ въ такомъ случаѣ, если для того наберется до 300 человѣкъ, а явилось лишь 30. Лафайету не остается ничего инаго, какъ оставить Парижъ и заявить свой протестъ въ новомъ письмѣ. Протесты, ссылки на конституцію, на право, на общественную пользу, на здравый смыслъ, правильно выведенные аргументы—вотъ все, что проявляетъ эта сторона; все ограничивается рѣчами и бесполезнымъ писаніемъ, а въ затѣвляющейся борьбѣ и рѣчи и писаніе ни къ чему не служатъ. Представьте себѣ, напримѣръ, споръ между двумя людьми, изъ которыхъ одинъ разсуждаетъ правильно, другой же, умѣющій лишь вопить и кричать, встрѣтилъ на дорогѣ огромнаго пса, съумѣлъ приласкать и приманить его, и теперь водить съ собою въ видѣ помощи. Для пса всѣ прекраснѣйшія разсужденія равносильны измаранной бумагѣ или безсодержательному шуму; онъ устремляетъ свои загорѣвшіеся глаза на временнаго хозяина и ждетъ лишь его приказанія, чтобы броситься на указываемыхъ ему противниковъ. Уже 20 іюня, онъ едва не задушилъ одного и обрызгалъ его своею пѣною. 21 іюня, онъ уже опять на-сторожѣ. Онъ не перестаетъ рычать втеченіи послѣдующихъ пятидесяти дней, сперва глухо, но вскорѣ грозно и неудержимо. 25 іюня, 14 іюля, 27 іюля, 3 августа, 5 августа, онъ снова бросается на всѣхъ и его едва лишь сдерживаютъ.

Уже разъ, 29 іюля, клыки его впились въ живое тѣло.¹⁾ При каждомъ поворотѣ парламентскихъ преній, беззащитный приверженецъ конституціи видитъ эту разверзнутую пасть; чего же удивительнаго, если онъ самъ бросаетъ или допускаетъ, чтобы бросили на сѣденье псу всѣ декреты, негодные жирондистамъ. А послѣдніе, увѣренные въ своей силѣ, возобновляютъ нападеніе, и планъ ихъ компаніи, повидному, искусно обдуманъ. Они, пожалуй, потерпятъ короля, но лишь съ условіемъ, чтобы онъ изображалъ пустаго манекена, чтобы вернулъ министервъ-патріотовъ, чтобы предоставилъ имъ выборы воспитателя для дофина, чтобы смѣнилъ Ляфайэта. Иначе собраніе свергнетъ его съ престола и заберетъ въ свои руки исполнительную власть. Таковъ коридоръ съ двойнымъ выходомъ, въ который они запираютъ собраніе и короля. Если загнанный и припертый такимъ образомъ король не пройдетъ черезъ первый проходъ, то такимъ же способомъ припертое собраніе должно будетъ пройти черезъ второй, и въ обоихъ случаяхъ, всемогущіе ли министры покорнаго короля, или же облеченные исполнительной властью депутаты покорнаго собранія, но они будутъ властелинами Франціи.

II.

Для достиженія этого, они сперва обвиняютъ короля и стараются страхомъ принудить его ко всему. Они снимаютъ временное отрѣшеніе, произнесенное противъ Петіона и Манюэля, и приводятъ ихъ обратно въ городскую думу. Теперь послѣдніе станутъ царить въ Парижѣ безконтрольно и безнаказанно, такъ какъ директорія департамента подала въ отставку; нѣтъ больше высшей власти, могущей помѣшать ихъ требованію вооруженной помощи и отдачи приказовъ по своему усмотрѣнію; они теперь ни передъ кѣмъ не отвѣтственны и никому не подчинены. Такимъ образомъ король Франціи въ хорошихъ рукахъ, въ рукахъ тѣхъ, которые, 20 іюня, отказались обуздать звѣря—народъ и которые объявляютъ, что послѣдній поступилъ хорошо, что онъ былъ вправѣ, что ему не помѣшаютъ возобновить свою попытку. По ихъ мнѣнію, дворецъ монарха—общественная собственность; въ него каждый можетъ войти какъ

¹⁾ Убіенство Дюгамеля, подпоручика національной гвардіи, въ елисейскихъ шюахъ марсельцами.

въ ресторанъ; во всякомъ случаѣ, если муниципалитетъ занятъ въ иномъ мѣстѣ, то онъ не обязанъ противиться этому: «развѣ кромѣ Тюльери и короля нечего болѣе оберегать въ Парижѣ?»¹⁾ Второй способъ состоитъ въ томъ, что уничтожаютъ всѣ орудія, еще имѣющіяся въ рукахъ у короля. Какъ-бы ни были достойны и безобидны его новые министры, всякій разъ какъ они являются въ собраніе, ихъ встрѣчаютъ шиканьемъ съ трибунъ. Изнаръ, указывая пальцемъ на главнаго изъ нихъ, восклицаетъ: «Вотъ измѣнникъ!» Укоряютъ ихъ во всѣхъ народныхъ волненіяхъ и преступленіяхъ; и Гаде объявляетъ, что, въ качествѣ совѣтниковъ короля, они отвѣчаютъ за всѣ смуты, которыя могутъ возникнуть вслѣдствіе двойнаго veto. И не только партія объявляетъ ихъ виновными въ насилахъ, ею-же возбуждаемыхъ, но даже требуетъ ихъ смерти, чтобы искупить убійства, ею совершаемыя. «Сообщите Франціи, говоритъ Верньо,—что министры отвѣчаютъ отнынѣ головою за всѣ беспорядки, имѣющіе предлогомъ религію». «Кровь, пролитая въ Бордо, говоритъ Дюко,—должна пасть на исполнительную власть»²⁾. Лясурсъ предлагаетъ «наказывать смертью» не только министра, не прибавившаго немедленнаго исполненія утвержденнаго декрета, но также и чиновниковъ, неисполнившихъ приказаній министра. Вездѣ и всегда смерть всѣмъ тѣмъ, кто не принадлежитъ къ ихъ сектѣ.

¹⁾ «Мониторъ», XIII, 155, засѣданіе 16 іюля. Мортимеръ-Терно, II, 69: «Удостоенные вашего снисхожденія, говоритъ Манюэль,—граждане имѣли право явиться къ первому чиновнику государства. Домъ короля долженъ быть подобно церкви открытъ для каждаго. Бояться народа, значить оскорблять его. Имѣй Людовикъ XVI душу Марка-Аврелія, онъ-бы спустился въ свои сады, съ цѣлью утѣшить сто тысячъ душъ въ медленности революціи. Никогда еще не было въ Тюльери менѣе воровъ, нежели въ тотъ день, такъ какъ всѣ придворные разбѣжались. Красный колпакъ украсилъ голову Людовика XVI; онъ-бы долженъ захватить ему корону». Въ эту торжественную минуту король братался съ народомъ, «а на слѣдующій день, тотъ-же король предастъ свой народъ, клеветать на него и обезчещиваетъ его!» Бесмыслица Манюэля превосходить все, что можно себя представить подобнаго: «Съ той минуты возникаетъ въ стѣнахъ Дувра попытка, рождающая во мракѣ темницу Петіону. Департаментъ, поражающій муниципалитетъ, объясняетъ, какимъ образомъ во время празднествъ въ честь закона, онъ самъ изображалъ законъ въ видѣ крокодила» и т. д.

²⁾ «Мониторъ», XIII, 224, засѣданіе 23 іюля. Двухъ неприсягнувшихъ священниковъ только что убили въ Бордо и разгуливали по улицамъ съ ихъ головами, воткнутыми на пали. Дюко прибавляетъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ исполнительная власть наложила свое veto на репрессивныя мѣры противъ евангелизма, народъ возобновляетъ свои казни. Когда суды перестаютъ исправлять свои обязанности, то... я не доканчиваю», Ibid, XIII, 301, засѣданіе 31 іюля.

Вслѣдствіе такого террористическаго режима, министры безпрестанно подають въ отставку, а отъ короля требуютъ немедленнаго назначенія новыхъ; не довольствуясь этимъ и желая сдѣлать ихъ положеніе еще опаснѣе, собраніе постановляетъ, что впредь они будутъ «всѣ отвѣтственны взаимно». Ясно, что здѣсь дѣло идетъ не столько о министрахъ, какъ о самомъ королѣ, и жирондисты ничего не упускають, чтобы сдѣлать правленіе невозможнымъ для него. Онъ подписываетъ и этотъ новый декретъ, и безъ малѣйшаго протеста; на всѣ преслѣдованія, которымъ онъ подвергается, онъ отвѣчаетъ лишь молчаніемъ, изрѣдка какимъ-либо изліаніемъ своего добраго честнаго сердца, или же кроткою, трогательною мольбою, похожею на безконечный стонъ¹⁾. Но догматическое упорство и нетерпѣливое властолюбіе остаются невольно глухи къ самымъ искреннимъ и къ самымъ горестнымъ выраженіямъ; его чистосердечіе принимается за новый обманъ. Верньо, Бриссо, Торне и Кондорсэ съ вышины трибуны обвиняють его въ измѣнѣ, требуютъ для собранія права его низложенія и подають сигналъ своимъ союзникамъ якобинцамъ. По приглашенію главнаго руководящаго общества, всѣ вспомогательныя провинціальныя общества приходятъ въ движеніе, и революціонный механизмъ дѣйствуетъ одновременно всѣми своими машинами и частями, возбуждая волненіе, сборища на общественныхъ площадяхъ, распространеніе возваній къ убійству, и прилеиваніе ихъ по стѣнамъ, зажигательныя предложенія въ клубахъ, ревъ и неистовые крики съ трибунъ, оскорбительныя адреса собранію и отправленіе туда-же возмутительныхъ депутацій²⁾. Черезъ тридцать шесть дней по-

¹⁾ «Мониторъ», XIII, 323, засѣданіе 3 августа. Декларацию, прочитанную отъ имени короля, должно взвѣсить отъ перваго слова до послѣдняго; она какъ нельзя лучше опредѣляетъ все его поведеніе, весь его образъ дѣйствій и заканчивается такимъ образомъ: «Что значатъ личныя опасности для короля, котораго хотятъ лишитъ любви его народа? Вотъ это именно составляетъ настоящую ризу моего сердца. Быть можетъ народъ когда нибудь узнаетъ, какъ дорого маѣ его счастье, какъ счастье это всегда было моею главнѣйшею заботою, моею первѣйшею потребностью. Сколько горя могло бы изгладиться малѣйшимъ проявленіемъ ея возврата!»

²⁾ «Мониторъ», XIII, 26, 170, 373, засѣданія 12, 17, 28 июля. Мортимеръ-Терно, II, 122, засѣданіе 23 июля. Адресы марсельскаго муниципальнаго совѣта, федералистовъ, анжерскихъ петиціонеровъ, шарантскихъ волонтеровъ и т. д.: «Наслѣдственная монархія противна человѣческимъ нравамъ. Провансите его низверженіе—и Франція спасена. Осмѣльтеся поразить мечемъ закона чиновника-предателя и заговорщика. Льѣйте—презрѣннѣйшій и преступнѣйшій, гнуснѣйшій изъ убійць народа», и т. д.

добнаго режима, жирондисты воображаютъ, что окончательно побороли короля, и 26 іюля, Гаде, а затѣмъ Бриссо, обращаются къ нему съ трибуны съ послѣдними, по ихъ мнѣнію, неотразимыми требованіями. Глубокое заблужденіе. Опять послѣдовалъ отказъ, какъ и 20 іюня, и никогда король не назначитъ министровъ изъ среды жирондистовъ.

Такъ какъ онъ загораживаетъ одинъ изъ проходовъ, которыми они хотѣли получить власть, то они выйдутъ другимъ, и если жирондистамъ не удастся царствовать его именемъ, то они будутъ царствовать и безъ него. Петіонъ, отъ имени городского общественнаго управленія, предлагаетъ лично этотъ новый планъ и требуетъ низверженія короля. «Разъ принявъ эту важную мѣру, говоритъ онъ,—и въ виду того, что крайне сомнительно, будетъ ли нація чувствовать довѣріе къ существующей династіи, мы требуемъ, чтобы министры, взаимно отвѣтственные, избранные національнымъ собраніемъ, но въ силу конституціоннаго закона, внѣ среды собранія, избранные спискомъ свободныхъ людей, вотирующихъ прямо, изустно, были бы временно облечены исполнительною властью». Они надѣялись, при помощи изустнаго голосованія, руководить дѣломъ по собственному произволу; это окажется лишь новымъ декретомъ, вынужденнымъ какъ и много другихъ, а большинство уже давно выносить то же давленіе, какъ и король. «Если вы станете противиться нашимъ желаніямъ, гласила уже афиша отъ 23 іюня,—то оружіе наше на готовѣ и что мы казнимъ измѣнниковъ, гдѣ-бы они ни нашлись, даже и между вами». «Въ средѣ вашей засѣдаютъ, говоритъ одна петіція отъ 6 августа,—приверженцы и любимцы двора; пусть погибнетъ ихъ неприкосновенность, если она будетъ обладать пагубнымъ правомъ, безнаказанно мѣшать волѣ народной». Въ собраніи крики съ галерей были невообразимы, и голосъ ораторовъ, говорящихъ противъ низложенія, окончательно заглушается; ихъ сгоняютъ съ трибуны неумолкаемыми свистками. Иногда правая сторона отказывается отъ преній и оставляетъ залъ. Дерзость галерей доходить, наконецъ, до того, что все собраніе начинаетъ роптать на ихъ произволъ; короче, большинство громко негодуетъ на свою неволю. Но это ему не пройдетъ даромъ: на трибунахъ и у всѣхъ входовъ въ собраніе толпятся федералисты, люди съ мощнымъ кулакомъ; они съумѣютъ заставить его вотировать въ пользу рѣшительной мѣры, въ пользу декрета, въ силу котораго долженъ пасть вооруженный защитникъ конституціи и короля, заставить обвинить Лафайета. Для большей дѣствительности, жи-

рондисты требуют поименной переключки; при таком способе объявленные и напечатанные имена укажут черни на ее противников, и не один из них не уверен в том, что вернется домой с цѣлыми членами. Но именно Ляфайетъ, будучи либераломъ, демократомъ, роялистомъ, настолько же приверженный революціи, какъ и закону, является личностью, лучше всего олицетворяющею мнѣніе собранія и Франціи, вслѣдствіе недалекорзости своего ума, несвязности своихъ политическихъ убѣжденій и возвышенности своихъ противорѣчивыхъ чувствъ¹⁾. Къ тому же его популярность, его мужество и его армія представляютъ послѣднее убѣжище, послѣднюю защиту. Очень многие чувствуютъ, что, выдавая его, собраніе выдаетъ самое себя и потому оправдываютъ его большинствомъ 400 голосовъ противъ 224. И здѣсь стратегія жирондистовъ оказалась неправильною. Во второй разъ власть ускользаетъ отъ нихъ; ни король, ни собраніе не согласились вручить имъ эту власть, а это дѣло не терпитъ отлагательства до болѣе благопріятныхъ условий; они не могутъ заставить ждать своихъ помощниковъ якобинцевъ. Тонкій шнурокъ, за который они держали на привязи революціоннаго пса, разорвался въ ихъ рукахъ; песь теперь на свободѣ и на улицѣ.

III.

Никогда еще люди лучше не работали для другихъ: всѣ тѣ мѣры, при помощи которыхъ жирондисты надѣялись захватить власть, послужили лишь къ тому, чтобы предоставить ее черни. Съ одной стороны, они, посредствомъ цѣлой серіи законодательныхъ декретовъ и муниципальных приказовъ, отдалили или расеасировали вооруженную силу, бывшую въ состояніи удержать или утратить ее. 29 мая они распускаютъ королевскую гвардію. 15 іюля они высылаютъ изъ Парижа всѣ линейныя войска. 16 іюля они избираютъ, для образованія корпуса пѣшихъ жандармовъ, бывшихъ французскихъ гвардейцевъ, служившихъ революціи еще

¹⁾ Бюзо, «Мемуары» (изданіе Добана), 83 и 84: «Большинство французскаго народа вздыхало по королевской власти и по конституціи 1790 года... Эти стремленія проявлялись сильнѣе всего въ Парижѣ и тамъ менѣе, чѣмъ гдѣ либо, стѣснялись высказываться по этому поводу въ частныхъ разговорахъ и небольшихъ обществахъ. Было лишь нѣсколько человекъ, возвышенныя и развѣтныя души которыхъ чувствовали себя достойными быть республиканцами... Всѣ же остальные исключительно желали конституціи 1791 года и говорили о республиканцахъ, какъ говорить объ очень честныхъ безумцахъ».

1 іюня 1789 года, офицеровъ, унтеръ-офицеровъ, канонировъ и солдатъ, соединившихся подъ знаменами свободы съ 12 іюля того же года, другими словами, самыхъ настоящихъ бунтовщиковъ и дезертировъ. 6 іюля, они, по всѣмъ городамъ, имѣющимъ 50,000 населенія и выше, наносятъ непоправимый ударъ національной гвардіи, вслѣдствіе смѣны всего ея штаба, «аристократической корпораціи, — какъ выражается одна петиція, — своего рода современной феодальной системы, состоящей изъ измѣнниковъ, по-видимому, имѣющихъ цѣль по своему усмотрѣнію руководить общественнымъ мнѣніемъ». Въ первыхъ числахъ августа, они поражаютъ національную гвардію въ самое сердце, вслѣдствіе уничтоженія отдѣльныхъ стрѣлковыхъ и гренадерскихъ ротъ, состоявшихъ изъ людей достаточныхъ, избранныхъ, а теперь лишенныхъ своего мундира, приравненныхъ къ другимъ, затерянныхъ въ толпѣ и въ тому же видащихъ, какъ ряды ихъ пополняются самымъ разнообразнымъ сбродомъ, людьми вооруженными пиками и федералистами. Затѣмъ, чтобы создать окончательный сумбуръ, они приказываютъ, чтобы караулъ королевскаго замка состоялъ ежедневно изъ гражданъ, взятыхъ отъ каждаго изъ шестидесяти баталіоновъ, такъ что начальники не знаютъ своихъ подчиненныхъ, а подчиненные не чувствуютъ довѣрія къ начальникамъ, причемъ уничтожается вообще всякое довѣріе къ сосѣду и даже къ самому себѣ. Такимъ образомъ, распатываются предварительно всѣ камни человѣческой плотины, чтобы при первомъ напорѣ рухнуло всякое сопротивленіе. Съ другой стороны, они позаботились о томъ, чтобы снабдить бунтовщиковъ вооруженнымъ корпусомъ и авангардомъ. При помощи другой серіи законодательныхъ декретовъ и муниципальных приказовъ, они дозволяютъ собранія федералистовъ въ Парижѣ, они даже назначаютъ имъ жалованье и расквартировываютъ ихъ по казармамъ; они позволяютъ имъ организоваться подъ руководствомъ центрального комитета, засѣдающаго у якобинцевъ и отъ нихъ же получающаго приказанія. Изъ этихъ новопривывшихъ, двѣ трети, все истинные солдаты и хорошіе патриоты, отправляются въ суассонскій лагерь и на границу; осталая треть изъ нихъ остается въ Парижѣ, чловѣкъ приблизительно около 2,000, все бунтовщики и ярые политики, принятые, обласканные якобинцами, поселившіеся у нихъ и проникнувшіеся ихъ убѣжденіями, вслѣдствіе чего они становятся еще болѣе ярыми якобинцами, нежели ихъ хозяева, и вступаютъ въ революціонные баталіоны, чтобы ружейными выстрѣлами служить правому дѣлу. Два отряда, прибывшіе поздно, не примыкаютъ къ остальнымъ и тѣмъ самымъ становятся еще

грознѣе; оба они присланы тѣми прикорскими городами, гдѣ за четыре мѣсяца передъ тѣмъ уже насчитывался двадцать одинъ случай возмущенія и бунта, всѣ изъ оставленныхъ безнаказанными и многіе по рѣшенію «морскаго» суда. Одинъ, состоящій изъ 300 человекъ, пришедшій изъ Бреста, муниципалитетъ котораго, такъ же настроенный, какъ марсельскій и авиньонскій, поступалъ по ихъ примѣру, снаряжалъ экспедиціи противъ своихъ сосѣдей, допускалъ избіенія, подобныя тѣмъ, какія произошли въ Марсели и въ Авиньонѣ, гдѣ де-ля-Жайль едва лишь остался въ живыхъ, гдѣ голова Патри была воткнута на пику, гдѣ весь флотскій экипажъ состоялъ изъ ветерановъ возмущенія, гдѣ «работники, оплачиваемые государствомъ, чиновники, учителя, унтеръ-офицеры, превратившіеся въ бунтовщиковъ, въ агитаторовъ, въ публичныхъ ораторовъ, въ цензоровъ администраціи,» ищутъ лишь обширѣйшаго поприща для дѣла рукъ своихъ. Другой отрядъ, вызванный изъ Марселя Жирондистами Ребекки и Барбару¹⁾, состоитъ изъ 516 человекъ отважныхъ и свирѣпыхъ авантюристовъ, всякаго происхожденія, марсельцевъ и иностранцевъ, «савойяровъ, итальянцевъ, испанцевъ, выгнанныхъ изъ своего отечества,» принадлежащихъ почти исключительно къ самому грязному слою черни, или занимавшихся гнуснѣйшими промыслами, «ратниковъ и завсегдатаевъ всякихъ смрадныхъ и отвратительныхъ притоновъ», привыкшихъ къ кровавой расправѣ, настоящихъ разбойниковъ, самыхъ отборныхъ изъ всѣхъ шаекъ, ходившихъ на Арль, на Эксъ и на Авиньонъ; накипь той грязной накипи, уже втеченіи трехъ лѣтъ перекипавшей черезъ бесполезныя преграды закона въ графствѣ (Comtat) и въ департаментѣ Устье въ Роны. Уже въ самый день прибытія своего въ Парижъ, они достаточно выказали свое умѣнье²⁾. Принятые якобинцами и Сантеромъ съ большимъ торжествомъ, ихъ намѣренно повели въ Елисейскія поля, въ кабакъ сосѣд-

¹⁾ Багбару, «Мемуары», 37—40. — Лоранъ Лотаръ, Марсель, отъ 1789 до 1815 года, I, 134: «Маръ Мурайль, вербовавшій ихъ, былъ, можетъ быть, крайне доволенъ тѣмъ, что могъ очистить отъ нихъ городъ».

²⁾ Бюше и Ру, XVI, 197 и слѣдующія. — Мортиеръ-Тарно, II, 148. (Всѣхъ гренадеровъ было лишь 166). — «Мониторъ», XIII, 310, засѣданіе 1 августа. Адресъ гренадеровъ: «Они клянутся честью, что обважили сабли лишь послѣ четверти-часовыхъ угрозъ, оскорбленій и униженій, принужденные защищать жизнь противъ шайки разбойниковъ, вооруженныхъ ристолетами и даже карабинами». — Чтеніе этого показанія безпрестанно прерывается свистками съ трибуны, не смотря на увѣщанія и приказанія президента». Ихъ встрѣчаютъ и проомаютъ усиленными свистками.

ній съ рестораномъ, гдѣ филь-санъ-томаскіе гренадеры національной гвардіи, по большей части банкиры, маклера, все люди значительные и извѣстные своею привязанностію монархической конституціи, давали свой годовой обѣдъ, объявленный уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Чернь, сопровождавшая марсельскій баталіонъ, тянется передъ ихъ рестораномъ, кричитъ, бросаетъ въ нихъ грязью и наконецъ камнями. Гренадеры обнажаютъ сабли. Передъ ними немедленно раздается крикъ: «къ намъ, марсельцы, на помощь!» Послѣдніе, съ ловкостію южанъ, прыгаютъ въ окна, перелѣзаютъ черезъ рвы, бросаются на гренадеръ съ обнаженными саблями, убиваютъ одного изъ нихъ и ранятъ пятерыхъ. Невозможно было дебютировать болѣе блестящимъ образомъ; наконецъ то партія завербовала настоящихъ исполнителей¹⁾; надо держать ихъ подъ рукою. Людей такъ скоро и такъ хорошо работающихъ слѣдуетъ помѣстить по-ближе отъ тюльерійскаго дворца. Вслѣдствіе этого, въ ночь на 8 августа, мэръ, не предупредивъ объ этомъ главнокомандующаго и по собственному усмотрѣнію, приказываетъ имъ очистить казармы улицы Бланшъ и перейти съ оружіемъ и снарядами въ казармы францисканскихъ монаховъ.

Такимъ образомъ военная сила оказалась въ рукахъ якобинской черни; ей остается лишь получить власть гражданскую, и жирондисты, сдѣлавшіе имъ первый подарокъ, поторопятся сдѣлать имъ и второй. Они 1 іюля постановили, что впредь всѣ засѣданія административныхъ учреждений будутъ происходить публично, что значило подвергнуть муниципалитеты, окружные и департаментскіе совѣты, а также и самое національное собраніе громкимъ требованіямъ, оскорбленіямъ, угрозамъ и самовластію присутствующихъ, большинство которыхъ будетъ непременно принадлежать якобинцамъ. 11 іюля, вслѣдствіе объявленія отечества въ опасности, они постановили непрерывность засѣданій

¹⁾ Недостатокъ въ исполнителяхъ былъ главнымъ затрудненіемъ якобинской партіи. (Корреспонденція Мирабо и графа ля-Марка, II, 326). Письмо Монморена, 13 іюля 1792 года, о настроеніи парижскаго населенія, до крайности утопленнаго. «Оно ни на что не рѣшится, ни за, ни противъ короля; оно, вообще, не желаетъ болѣе тревожиться; бунты и тѣ совершенно искусственны; послѣднее настолько справедливо, что пришлось призвать южанъ для пронаведенія этихъ бунтовъ. Всѣ почти ворвавшіеся въ Тюльери, 20 іюня, были или иностранцы, или просто любовитыме, собравшіеся поглазѣть на это скопище пивъ и красныхъ колпаковъ, и т. д. Вся эта толпа была такъ труслива, что бѣжала, когда отрядъ національной гвардіи сталъ отдавать честь ружьями одной изъ депутацій собранія, такъ что вожакамъ пришлось успокоивать ихъ и увѣрять, что по нимъ стрѣлять не будутъ».

административныхъ учреждений и мѣстныхъ учреждений всѣхъ сорока восьми парижскихъ округовъ; другими словами, они предоставили и административныя учреждения и мѣстныя учреждения всѣхъ сорока восьми округовъ якобинскому меньшинству, вслѣдствіе своего рвенія никогда не отсутствующему и умѣющему при надобности обратиться въ большинство. Прослѣдите за послѣдствіями и вы увидите, къ какому результату привелъ этотъ двойной декретъ. Люди занятые и порядочные не станутъ, конечно, приходить на эти засѣданія каждыйдневно и оставаться тамъ весь день. У нихъ и своего дѣла достаточно: у себя дома, въ конторахъ, въ лавкахъ, у станковъ; имъ некогда терять времени. Къ тому же у нихъ слишкомъ много здраваго смысла, умѣренности и честности для того, чтобы браться командовать магистратомъ въ городской думѣ и чтобы воображать въ своемъ округѣ, что они народъ-владыга. Они боятся шума и суетни; наконецъ, парижскія улицы въ то время, по вечерамъ же въ особенности, не безопасны; политика подъ открытымъ небомъ неимоვნно способствуетъ къ умноженію дракъ и потасовокъ. Вотъ почему они уже давно перестали являться въ клубы и на трибуны національнаго собранія; замѣчается ихъ полнѣйшее отсутствіе равно и на засѣданіяхъ муниципалитета и на окружныхъ собраніяхъ. Наоборотъ, ничто не можетъ быть привлекательнѣе этихъ собраній и засѣданій для людей праздныхъ, завсегдатаевъ кофеенъ, ораторовъ кабаковъ, фланеровъ и болтуновъ, живущихъ «въ меблированныхъ комнатахъ», для отщепенцевъ и для паразитовъ общественной арміи, для всѣхъ тѣхъ, которые вышли изъ общественнаго строя и, не имѣя возможности опять применить къ нему, хотятъ разбить его въ куски; которые, за неимѣніемъ частной карьеры, создаютъ себѣ общественную; для нихъ, для праздныхъ федералистовъ, для отуманенныхъ мозговъ, для небольшого стада истыхъ фанатиковъ, непрерывныя засѣданія, продолжающіяся и ночью, не кажутся слишкомъ продолжительными. Тамъ они изображаютъ или актеровъ, или клакеровъ, и ихъ не смущаетъ шумъ, такъ какъ сами они его производятъ. Они поочередно смѣняются другъ друга, чтобы постоянно быть въ полномъ комплектѣ, и пополняютъ недостатокъ численности грубостью и насиліемъ. Округъ «французскаго театра», предводительствуемый Дантономъ, вопреки всякаго закона, уничтожаетъ разницу между дѣйствующими и недѣйствующими гражданами, и предоставляетъ всѣмъ гражданамъ, живущимъ въ его предѣлахъ, право присутствованія и подачи голоса. Другіе округа допускаютъ на свои засѣданія всѣхъ желающихъ: жен-

щинъ, дѣтей, всевозможныхъ вочевниковъ, агитаторовъ и возбужденныхъ, которые, подобно тому, какъ они дѣлаютъ въ національномъ собраніи, аплодируютъ или шикаютъ по приказанію свыше. Въ тѣхъ округахъ, которые не желаютъ отдаться произволу анонимной публики, та же стая бѣсноватыхъ шумитъ у дверей и поноситъ входящихъ избирателей. Благодаря этому странствующему персоналу подставныхъ сотрудниковъ, ярне якобинцы царятъ въ округахъ также какъ и въ собраніи; и тамъ, и здѣсь они равно изгоняютъ или заставляютъ смолкнуть умѣренныхъ, и когда залъ на половину очистится или умолкаетъ, то предложеніе ихъ проходитъ безъ труда. Затѣмъ оно разносится по сосѣдному кварталу и, спустя нѣсколько дней, возвращается въ собраніе, какъ непреложная и единодушная воля всего населенія.

Для приведенія въ исполненіе этой поддѣльной воли необходимо центральнѣйшій исполнительный комитетъ, и самъ Петионъ, мэръ-жирондистъ, по крайнему и полнѣйшему своему ослѣпленію, беретъ на себя всѣ хлопоты по его устройству и помѣщенію. Онъ учреждаетъ 17 іюля¹⁾ въ самомъ залѣ городского общественнаго управленія центральное бюро корреспонденцій между «секціями» (округами); избранный комисаръ долженъ ежедневно являться туда съ распоряженіями своей секціи и отбирать распоряженія сорока семи остальныхъ. Эти избранные комисары, естественнымъ образомъ, станутъ совѣщаться между собою въ присутствіи президента и секретаря, будутъ составлять протоколы и придерживаться всѣхъ правилъ настоящаго муниципальнаго совѣта. Естественнымъ образомъ, въ виду того, что они избраны недавно и облечены особеннымъ полномочіемъ, они считаютъ себя болѣе законнымъ учрежденіемъ, нежели муниципальный совѣтъ, избранный четыре или восемь мѣсяцевъ до того, и полномочіе котораго крайне неопредѣленно. Такимъ же естественнымъ образомъ, разъ, какъ ихъ помѣстили въ городской думѣ, въ двухъ шагахъ отъ муниципальнаго совѣта, они попробуютъ занять его мѣсто, чтобы окончательно замѣнить его; для этого слѣдуетъ лишь перейти въ другой залъ, отъ котораго ихъ отдѣляетъ всего одна галерея.

¹⁾ Бюше и Ру, XVI, 251.—Мортимеръ-Терно, II, 239 и 243. Центральное бюро сперва помѣщается въ зданіяхъ св. Духа, во второмъ этажѣ, рядомъ съ галереею, ведущею въ городскую думу. Затѣмъ комисары секцій переходятъ въ другой залъ, почти смежный съ троннымъ заломъ, гдѣ засѣдаетъ муниципальный совѣтъ, и въ ночь, съ 9 по 10 августа, оба совѣта засѣдаютъ одновременно втеченіи четырехъ часовъ въ двухъ шагахъ другъ отъ друга.

IV.

Такимъ образомъ рождается, высиженная жирондистами, ужасная парижская комунa 10 августа, 2 сентября и 31 мая. Эмѣя еще не успѣла выползти изъ гнѣзда, но уже шипитъ; за пятнадцать дней до 10 августа, она начинаетъ разгибать свои кольца, и мудрые государственные люди, такъ усердно ее пригрѣвавшіе и вскормившіе, объаты страхомъ при видѣ ея плоской и отвратительной головы. Они немедленно отступаютъ, и будутъ до послѣдней минуты дѣлать всевозможныя усилія, чтобы помѣшать ей жалить. 7 августа самъ Петіонъ является къ Робеспьеру, чтобы представить ему всѣ опасности мятежа, и упростить его способствовать предоставленію собранію времени, чтобы совѣщаться на счетъ уничтоженія этого новаго учрежденія. Въ тотъ же день, Верньо и Гаде предлагаютъ королю, черезъ посредство его камердинера Тьерри, передать правленіе, до заключенія мира, временному совѣту регентства. Въ ночь съ 9 на 10 августа, циркуляръ Петіона усердно приглашаетъ секціи къ спокойствію; но уже поздно. Пятьдесятъ дней непрерывнаго страха и волненій возбудили до изступленія безуміе встревоженныхъ больныхъ умовъ. 2 августа огромная толпа мушцінъ и женщинъ врывается въ собраніе съ криками: «Мщенія! мщенія! отравляютъ нашихъ братьевъ!»¹⁾ По разслѣдованію дѣла оказывается, что въ Суассонѣ, гдѣ хлѣбъ для войска изготовлялся въ одной церкви, нѣсколько осколковъ стекла поломанной оконной рамы случайно попали въ одинъ изъ чановъ съ опарою; немедленно распространился слухъ о томъ, будто умерло 170 волонтеровъ, а 700 отправлено въ госпитали. Кровожадный инстинктъ создаетъ себѣ враговъ по своему образу и подобию, и позволяетъ себѣ противъ нихъ тѣ же поступки, какіе онъ имъ приписываетъ. Въ комитетѣ якобинскихъ вожаковъ исполнѣ убѣждены, что дворъ замышляетъ нападеніе, и они от-

¹⁾ «Мониторъ», XIII, 318, 319. Петиція составлена, повидимому, людьми, находящимися внѣ себя отъ волненія: «Я не отвѣчаю за то, до какихъ предѣловъ могло бы довести насъ отчаяніе; не рассчитывай мы на всѣхъ, мы бы обрекли себя на погибель междоусобной войны, лишь бы удалось увлечь въ нашу погибель хотя нѣкоторыхъ изъ числа тѣхъ подлецовъ, которые насъ умерщвляютъ». — Замѣйте, что всѣ представители говорятъ въ томъ же духѣ. — Лякурсь: «Члены, здѣсь находящіеся, подобно вамъ, требуютъ мщенія». — Тюріо: «Преступленіе ужасно!»

крыли «не только признаки этого заговора, но и непреложнѣйшія доказательства»¹⁾.

«Это троянская лошадь, говорилъ Пани;—мы погибли, если намъ не удастся опорожнить ее. Бомба разорвется въ ночь съ 9 на 10 августа. Пятнадцать тысячъ аристократовъ собираются умертвить всѣхъ патриотовъ»; слѣдовательно, патриоты присвоиваютъ себѣ право умертвить аристократовъ. Въ послѣднихъ числахъ іюня, въ минимской секціи «одинъ изъ французскихъ гвардейцевъ рѣшился убить короля», если тотъ станетъ упорствовать въ своемъ veto; президентъ секціи пожелалъ изгнать царубійцу, но дѣло кончилось тѣмъ, что самъ онъ былъ изгнанъ, а царубійца оставленъ²⁾. 14 іюля, въ день праздника федерации, одинъ изъ предшественниковъ Лувеля и Фіески, вооруженный тесакомъ, прокрался въ дежурный батальонъ съ тою же цѣлью; во время церемоніи толпа рычала, и была минута, когда король былъ обязанъ жизнью исключительно непоколебимой твердости своей свиты. 27 іюля, въ Тюльерійскомъ саду, бывший конституціоналистъ д'Еспремениль, избитый, изрубленный, съ изорваннымъ платьемъ, преслѣдуемый подобно оленю черезъ Палэ-Рояль, падаетъ весь окровавленный на матрацъ у самыхъ дверей казначейства. 29 іюля, въ то время, какъ одинъ изъ адъютантовъ Ляфайета, Бюро де-Бюзи, находится въ собраніи, «въ Палэ-Рояль предлагаютъ воткнуть его голову на остріе пива». Разгоряченные и грубые умы, доведенные до послѣдней степени ярости и страха, не въ состояніи ждать долѣе. 4 августа, моконсельская секція объявляетъ «собранію, муниципалитету и всѣмъ парижскимъ гражданамъ, что она не признаетъ болѣе Людовика XVI королемъ французовъ». Ея пред-

¹⁾ Бюше и Ру, XIX, 93, засѣданіе 23 сентября 1792 года. Рѣчь Пани: «Много достойныхъ гражданъ требовало судебныхъ доказательствъ; для насъ же достаточно было и политическихъ».—Въ послѣднихъ числахъ іюля, министръ внутреннихъ дѣлъ предлагалъ Петіону послать въ тюльерійскій дворецъ двухъ муниципальных чиновниковъ для произведенія обыска; но муниципальный совѣтъ отказалъ, дабы не лишиться себя предлога къ опасеніямъ.

²⁾ Малле-Дюпанъ, «Мемуары», I, 303, письмо Малуэ, отъ 29 іюня. — Бертранъ де-Мольвилъ, «Мемуары», II, 301.—Гюа, 148.—Веберъ, II, 208.—Мадамъ Кампанъ, «Мемуары», II, 188: Уже въ концѣ 1791 года короля предупредили о томъ, что онъ подвергается опасности быть отравленнымъ однимъ якобинцемъ, поступившимъ въ дворцовые пирожники. Король, втеченіи трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, былъ принужденъ ѣсть хлѣбъ и пирожное, купленные потихоньку на сторону. 14 іюля 1792 года слуги его такъ опасались за его жизнь, что уговорили его надѣть металлическій нагрудникъ.

ставитель—портной и секретарь—прикащикъ съ вожевеннаго рынка, заканчиваютъ свой манифестъ тремя стихами изъ какой-то трагедіи, сохранившимися у нихъ въ памяти, и приглашаютъ всѣхъ благонамѣренныхъ людей на свиданіе въ слѣдующее воскресенье на бульваръ Маделены-Сентъ-Оноре. 6 августа одинъ изъ почтовыхъ чиновниковъ, Варле, предъявляетъ собранію отъ имени петиціонеровъ Марсова Поля слѣдующую програму дѣйствія: низложеніе короля, арестованіе и немедленный судъ надъ Ляфайетомъ, безотлагательное созваніе предварительныхъ (préliminaires) собраній, общая подача голосовъ, распушеніе всѣхъ штабовъ, возобновленіе всѣхъ директорій департаментовъ, отозваніе всѣхъ посланниковъ, уничтоженіе всякой дипломатіи, возвращеніе къ первобытному естественному состоянію. Теперь пусть жирондисты отсрочиваютъ, оттягиваютъ, лавируютъ и разсуждаютъ всласть: ихъ нерѣшительность приведетъ лишь къ тому, что ихъ окончательно оттолкнутъ на второй планъ, какъ робкихъ и нерадивыхъ. Благодаря имъ, у партіи есть теперь свои совѣщательныя собранія, своя исполнительная власть, свой центръ правленія, своя увеличенная армія, испытанная, готовая ко всему, и такъ или иначе, а програма ея будетъ приведена въ исполненіе.

V.

Прежде всего слѣдуетъ принудить собраніе низложить короля, и уже неоднократно ¹⁾, а именно 26 августа, 31 іюля

¹⁾ Карра, «Précis historique sur l'origine et les véritables auteurs de l'insurrection du 10 août».—Барбару, «Мемуары», 49.—Исполнительная директорія, учрежденная центральнымъ комитетомъ федералистовъ, имѣла свое первое засѣданіе въ кабакѣ «Золотое Солнце», на площади Бастилліи, второе — въ «Голубомъ Циѳерблатѣ», на бульварѣ, третье—въ комнатѣ Антуана, жившаго тогда въ одномъ домѣ съ Робеспьеромъ. Камилль Демузель присутствовалъ на этомъ засѣданіи; главными членами этой директоріи были: Савтеръ, Вестерманъ, американецъ Фурнье и Лазовскій. Другой планъ возстанія былъ начерченъ 30 іюля, въ одномъ изъ кабаковъ Шарантона, Геровомъ, американцемъ Фурнье, Барбару, Ребекии и Пьеромъ Байлемъ.—Ж. Клареси, «Камилль Демузель», с. 192. Демузель писалъ нѣсколько раньше 10 августа: «Если національное собраніе не надѣется спасти отечество, то пусть оно объявитъ, какъ это дѣлали древніе римляне, что слагаетъ конституцію въ руны всѣхъ гражданъ. Тогда, при звукахъ набата, ссызается вся нація и граждане, какъ бывало въ Римѣ, получаютъ право казнить смертью всѣхъ уличенныхъ въ заговорѣ».

и 4 августа, подпольные совѣты, на которыхъ какія-то неизвѣстныя личности рѣшаютъ судьбы Франціи, подавали сигналъ въ возстанію. Съ трудомъ сдерживаемые, они, наконецъ, согласились «потерпѣть до 9 августа 11 часовъ вечера»: въ этотъ день собраніе будетъ рѣшать вопросъ о низложеніи, и рассчитывали на то, что оно будетъ вотировать его, принужденное къ тому такою категорическою угрозою; его сопротивленіе разлетится прахомъ въ виду увѣренности, что ему грозитъ военное насиліе. Однако, 8 августа, собраніе большинствомъ двухъ третей, отказывается предать суду ихъ великаго врага, Лафайета. И такъ слѣдуетъ начать съ него и начать двойною ампутаціею, необходимою для общественнаго спасенія. Въ ту минуту, какъ произносятъ оправданіе, трибуны, обыкновенно столь бурливыя, хранятъ «мрачное молчаніе». Это происходитъ вслѣдствіе того, что приказъ имъ уже данъ и они начнутъ свои дѣйствія на улицѣ. Каждого изъ депутатовъ, вотировавшихъ въ пользу Лафайета, указываютъ толпамъ, стоящимъ у входа, и со всѣхъ сторонъ поднимаются крики: «они мерзавцы, негодяи, подвужленные измѣнниками! Надо ихъ повѣсить, надо ихъ убить!» Въ нихъ бросаютъ грязью, известкой, кусками штукатурки, камнями, осыпаютъ ихъ градомъ кулачныхъ ударовъ. На улицѣ Дофина, Модьера хватаютъ за шиворотъ и одна женщина бросается на него, но ему удается бѣжать. На улицѣ Сентъ-Оноре, толпа людей съ красными колпаками окружаетъ Реньо-Босерона и рѣшаютъ, «что его вздернуть на фонарь»; уже одинъ изъ нихъ захватилъ его сзади и поднималъ на воздухъ, когда еще во-время подоспѣваютъ сентъ-опортунскіе гренадеры, которые его спасаютъ. На улицѣ Сен-Луи, Дези, раненый въ спину нѣсколькими камнями, видитъ, какъ дважды заносятъ надъ его головою саблю. Въ галереи фельянтинцевъ, Дебуа осыпаютъ ударами и вращаютъ у него шкатулку, портфель и трость. Въ коридорахъ собранія едва не убиваютъ Жирардена ¹⁾). Восемь депутатовъ, которыхъ преслѣдовали, искали убѣ-

¹⁾ «Монитеръ», XIII, 371. Рѣчь Жирардена: «Я рѣшительно увѣжденъ въ томъ, что большинство изъ нападавшихъ на меня были чужестранцы».—Ibid., 370. Письмо Фрувьера: «Множество гражданъ говорило, выходи изъ своихъ лавокъ: «Возможно ли такъ оскорблять депутатовъ? Спасайтесь, спасайтесь!» Жюливе, пошедшій въ тотъ же вечеръ на засѣданіе якобинцевъ, объявляетъ, «что якобинскія трибуны далеко не раздѣляли этой безумной ярости». Онъ слышалъ, какъ «одно частное лицо», находившееся на трибунѣ, воскликнуло «какая гадость!», когда шла дѣло о томъ, чтобы внести въ списокъ всѣ жилища депутатовъ». Множество другихъ

жища въ пала-роальской караульнѣ; одинъ федералистъ входитъ вслѣдъ за ними; «тамъ, со взоромъ, исполненнымъ ярости и удара какъ бѣшеннѣй по столу», онъ обращается въ самому извѣстному изъ нихъ, Дюмоляру: «Если ты только осмѣлишься вступить въ собраніе, то я снесу тебѣ голову этою саблею». Что же касается Воблана, главнаго защитника Ляфайета, то онъ, преслѣдуемый три раза, имѣлъ осторожность не возвращаться домой; но изстуженные врываются въ его домъ, съ криками, что «восемьдесятъ гражданъ должны пасть отъ ихъ руки, и онъ падеть первымъ»; двѣнадцать человекъ обыскиваютъ всю его квартиру, продолжаютъ обыскъ въ сосѣднихъ домахъ, и не имѣя возможности захватить его, ищутъ его семейство; его предупреждаютъ, что если онъ вернется домой, то будетъ убитъ. Вечеромъ, на фельянтинской терасѣ, другихъ депутатовъ также жестоко оскорбляютъ; всѣ усилія жандармовъ предохранить ихъ остаются тщетными; лучше того, «на самаго командующаго національной гвардіей, возвращающагося съ своего поста, бросаются съ сабельными ударами». Между тѣмъ, въ галереяхъ яacobинцевъ, «предаютъ проклятію большинство національнаго собранія»; одинъ изъ ораторовъ объявляетъ, что народъ имѣетъ право составлять свои списки осужденныхъ, вслѣдствіе чего клубъ рѣшаетъ, что слѣдуетъ напечатать и опубликовать имена всѣхъ депутатовъ, оправдавшихъ Ляфайета. Никогда еще физическое принужденіе не примѣнялось и не выставлялось на показъ съ болѣе безстыдною откровенностію.

На слѣдующій день, 9 августа, всѣ входы въ собраніе были охвачены вооруженными людьми, вездѣ были видны сабли, даже въ коридорахъ¹⁾. Галереи, на этотъ разъ дерзновеннѣе, нежели когда-либо, раздражаются аплодисментами или одобрительнымъ

подробностей ясно указываютъ на малочисленность и на свойства бунтовщиковъ.—Ibid., 374. Рачъ д'Обера-Дюбайе: «Я видѣлъ людей, носившихъ костюмъ національныхъ гвардейцевъ и на лицѣ которыхъ запечатлѣлось все то, что злодѣйство представляетъ самаго ужаснаго. Между федералистами также не мало злонамѣренныхъ людей».

¹⁾ «Монахеръ», XIII, 370.—Ibid., письмо Шапрона.—Ibid., 372. Рачъ Воблана.—Муръ, «A journal during a residence in France», I, 25 (9 августа): «Дерзость публики на галереяхъ невыносима... Со всѣхъ галерей раздался громкій и неудержимый раскатъ смѣха при чтеніи письма, въ которомъ одинъ депутатъ писалъ, что ему угрожали отрезать голову». — «Пятьдесятъ членовъ кричало сразу, стоялъ невозможный гвалтъ, такъ что, сравнительно, самая бурная ночь въ залѣ общины, въ которую мнѣ когда-либо приходилось присутствовать, казалась совершеннымъ затишьемъ».

и торжествующимъ хохотомъ, по мѣрѣ того, какъ на трибунѣ разоблачаютъ вчерашнія покушенія. Президентъ, разъ двадцать, призываетъ нарушителей спокойствія къ порядку; и голосъ его, и звонъ колокольчика покрываются общимъ гвалтомъ. Нѣтъ возможности подавать какое-либо мнѣніе: большинство представителей, избитыхъ и оскорбленныхъ вчера, пишутъ, что больше не вернутся на засѣданіе; другіе, присутствующіе, объявляютъ, что не будутъ вотировать, «если имъ не предоставятъ полнѣйшую свободу поступать по совѣсти». При этихъ словахъ, выражающихъ затаенное желаніе «почти всего собранія», всѣ члены правой и многіе изъ членовъ лѣвой единодушно встаютъ, восклицая: «Да, да, мы не станемъ совѣщаться раньше, чѣмъ не освободимся совершенно!» Но, по обыкновенію, большинство отступаетъ въ ту самую минуту, когда слѣдуетъ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ; какъ всегда, у него не хватаетъ мужества на самозащиту, и наконецъ, три официальныхъ уведомленія, прочитанныя одно за другимъ и ясно свидѣтельствующія о громадности опасности, еще глубже повергаютъ его въ обычную нерѣшительность и робость. На этомъ-же засѣданіи главный прокуроръ департамента возвѣщаетъ, что возмущеніе окончательно подготовлено, что 900 вооруженныхъ только что вступили въ Парижъ, что въ полночь зазвучитъ набатъ, что муниципалитетъ терпитъ этотъ бунтъ или даже способствуетъ ему. На томъ-же засѣданіи, министръ юстиціи пишетъ, что «законы безсильны», и что правительство больше не отвѣчаетъ ни за что. На томъ-же засѣданіи, мэръ Петіонъ, почти признавая свое сообщничество, подходитъ къ периламъ и совершенно прямо заявляетъ, что онъ не намѣренъ прибѣгать за помощью къ силѣ общественной, такъ какъ «не желаетъ вооружать одной части гражданъ противъ другой». Видимо ускользаетъ послѣдняя точка опоры; собраніе, чувствуя свою безпомощность, окончательно теряется, и съ полнѣйшею наивностью и слабостью, хорошо характеризующихъ законодателей той эпохи, довольствуется составленіемъ философическаго адреса наставленія народу о приложеніи его имущества.

А какъ онъ его прилагаетъ, достаточно выясняется уже съ слѣдующаго дня. Въ 7 часовъ утра, одинъ депутатъ-якобинецъ подъѣзжаетъ въ фіакръ къ дверямъ фельянтинцевъ; вдругъ него образуется толпа, которой онъ говоритъ свое имя—Дельма. Толпѣ-же послышалось Дюма, имя извѣстнаго конституціоналиста; въ ярости, она вытаскиваетъ его изъ экипажа

и бѣтъ; онъ погибъ-бы окончательно, не подоспѣй другіе депутаты и не удостовѣрь, что это тулузскій патриотъ Дельма, а не «измѣнникъ Матье-Дюма». Дельма не настаиваетъ на томъ, чтобы его впустили, и встрѣчаетъ на Вандомской площади второе, не менѣе поучительное предостереженіе. Негодяи, сопровождаемые обычною сволочью, разгуливали тамъ съ отрубленными головами на концѣ пикъ, вѣроятно журналиста Сюло и трехъ другихъ, убитыхъ за четверть часа до того; «совсѣмъ молодые люди, почти еще дѣти, они играли съ этими головами, подбрасывали ихъ на воздухъ и ловили на остріе своихъ палокъ». Безъ сомнѣнія, депутатамъ правой стороны и центра благоразумнѣе было вернуться домой или совсѣмъ оттуда не выходить; и, дѣйствительно, въ собраніе они больше не показываются. Вечеромъ того-же дня, на 630 членовъ еще присутствовавшихъ за день передъ тѣмъ, 346 окажутся неявившимися, а до того, около тридцати уже отказались и сложили съ себя свои обязанности. Очищеніе полнѣйшее, подобное тому, какому Кромвель подвергнулъ въ 1648 году Долгій парламентъ. Огннѣй законодательный корпусъ, заключающій лишь 224 якобинца или жирондиста и 60 запуганныхъ и покорныхъ нейтральныхъ членовъ, будетъ безъ сопротивленія покрываться приказаніямъ, исходящимъ съ улицы. Съ составомъ измѣнился и его духъ; теперь онъ лишь раболѣпное орудіе въ рукахъ бунтовщиковъ, его искалѣчившихъ, и которые, завладѣвъ имъ при помощи одного преступленія, будутъ имъ прикрываться, чтобы узаконить всѣ свои послѣдующія покушенія и злодѣяства.

VI.

Въ ночь съ 9 на 10 августа правленіе ихъ, учрежденное обманомъ и насиліемъ, принялось за свое дѣло, за дѣло обмана и насилія. Тщетно, уже втеченіи двухъ недѣль, трудились они надъ секціями; послѣднія имъ еще не покорились, и въ настоящее время, т. е. въ одиннадцать часовъ вечера, изъ всѣхъ сорока восьми секцій лишь шесть настолько возбуждены и подготовлены, что посылаютъ немедленно въ городскую думу своихъ уполномоченныхъ комисаровъ. Вскорѣ послѣдуютъ еще нѣкоторыя; однако большинство остается бездѣйствующимъ или-же упорствуетъ и

сопротивляется ¹⁾. Большинство это слѣдуетъ или обмануть, или принудить силою къ покорности, а для этого драгоценными вспомогателями являются въ данный часъ темнота, позднее время, безпорядокъ, опасенія того, что ожидаетъ на утро, наконецъ, самая ихъ нерѣшительность относительно того, за что именно слѣдуетъ вѣзаться. Во многихъ секціяхъ засѣданія были или закрыты, или повинуты; въ залѣ оставались лишь чиновники и служащіе въ канцеляріи и, пожалуй, еще нѣсколько человѣкъ, заснувшихъ на опустѣвшихъ скамейкахъ. Является посланный отъ возставшихъ секцій, сопровождаемый надежными помощниками изъ самаго квартала, крича, что слѣдуетъ спасти погибающее отечество; спящіе открываютъ глаза, потягиваются, поднимаютъ руку и называютъ тѣхъ, кого отъ нихъ требуютъ, часто совершенно постороннихъ, незнакомыхъ, которыхъ завтра-же собравшаяся секція совсѣмъ не признаетъ; никакого протокола, никакихъ голосованій, такимъ способомъ дѣло дѣлается скорѣе; въ секціи арсенала шестеро находящихся тамъ избирателей назначаютъ троихъ изъ своего-же числа, какъ представителей 1,400 дѣйствующихъ гражданъ. Въ иныхъ кварталахъ толпы мегеръ, всякихъ проходимцевъ и ночныхъ бродягъ наполняютъ залъ, изгоняютъ друзей порядка и утверждаютъ требуемыя назначенія. Другія-же секціи соглашаются избирать, но только не даютъ избранному полномочія; многія требуютъ настоятельно, чтобы ихъ делегаты дѣйствовали не иначе, какъ заодно съ законнымъ муниципалитетомъ, не довѣряя будущему комитету, и объявляютъ заранѣе, что не станутъ ему подчиняться; иные, наконецъ, назначаютъ своихъ комисаровъ лишь въ виду того, чтобы тѣ сообщали имъ о происходящемъ, въ то-же время громко заявляя о своемъ намѣреніи обуздать мятежъ. Остальные двадцать секцій совершенно воздерживаются, выражаютъ свое неодобреніе и совсѣмъ не посылаютъ делегатовъ. Такъ что-жъ! Обойдутся и безъ нихъ. Въ три часа утра, девятнадцать секцій, а въ семь—двадцать четыре или двадцать пять имѣютъ кое-какихъ представителей въ городской думѣ, составляющихъ центральный комитетъ; по крайней мѣрѣ ничто не мѣшаетъ этимъ семидесяти или восьмидесяти интриганамъ и подчинен-

¹⁾ Мортимеръ-Терно, II, 229, 417 и слѣдующія. Мортимеръ-Терно первый изобразилъ, какъ возникла революціонная коммуна, приводя всѣ подтверждающіе документы и критически разбирая дѣло.—Шесть секцій, о которыхъ здѣсь рѣчь, слѣдующія: Ломбардовъ, Гравилье, Маконсейя, Гобелековъ, Французскаго театра и предѣстья Пуассоньеръ.

нымъ имъ головорѣзамъ, пробравшимся туда или введеннымъ посторонними усиліями, назваться законными, чрезвычайными, уполномоченными делегатами всего парижскаго населенія ¹⁾ и дѣйствовать сообразно этому. Едва лишь собравшись, подъ предсѣдательствомъ Гугенена, съ Тальэномъ въ качествѣ секретаря, они призвали «по двадцати пяти человекъ изъ каждой секціи», пятьсотъ сильныхъ молодцовъ, какъ своихъ исполнителей и охранителей. Что можетъ сдѣлать муниципальный совѣтъ, засѣдающій въ сосѣднемъ залѣ, противъ подобной шайки? Къ тому-же его самые умѣренныя и самые энергичныя члены намѣренно удалены, посланы съ разными порученіями въ собраніе, въ замокъ, въ различные кварталы; наконецъ, трибуны его переполнены разными висѣльниками, нанятыми горлодерами, и онъ совѣщается подъ непрерывными угрозами смерти. Вотъ почему, по мѣрѣ того, какъ ночь истекаетъ, уничтожается всякое равновѣсіе между обѣими собраніями, легальнымъ и нелегальнымъ, засѣдающими одно рядомъ съ другимъ, какъ на двухъ чашкахъ вѣсовъ. Съ одной стороны, утомленіе, страхъ, уныніе и побѣгъ, постепенно возрастающіе; съ другой-же—также быстро увеличивающіеся—численность, дерзость, сила и захватъ. Въ концѣ концовъ второе вымогаетъ у перваго всѣ необходимыя ему распоряженія, чтобы начать возстаніе и парализировать всякую защиту. Въ заключеніе, къ шести часамъ утра, втершійся комитетъ, именемъ народа, отрѣшаетъ законный совѣтъ, изгоняетъ его и самъ водворяется на его мѣстѣ.

Первый поступокъ новыхъ властелиновъ ясно свидѣтельствуеетъ о томъ, что они сдумѣютъ и смогутъ сдѣлать. Призванный въ думу, командующій національной гвардіей, Манда, явился, чтобы пояснить и оправдать передъ совѣтомъ свои диспозиціи и приказанія. Они его хватаютъ, въ свою очередь подвергаютъ допросу, низлагаютъ, назначаютъ на

¹⁾ Мортимеръ-Терно, II, 446. Списокъ комиссаровъ, засѣдавшихъ до 9 часовъ утра. Замѣьте, что общій списокъ комиссаровъ всѣхъ 48 секцій, составлявшихъ общій совѣтъ парижской коммуны, 10 августа 1792 года, былъ опубликованъ лишь три или четыре мѣсяца спустя и со всеми нужными поддѣлками и измѣненіями. Его можно найти у Буше и Ру, XVI, 450. Relation de l'abbé Sicard: «Въ то время, горсть злодѣевъ объявляла приказанія отъ имени всего собранія и приводила ихъ въ исполненіе, когда общее засѣданіе секцій уже кончалось, такъ что приказанія этихъ не въдали ни тѣ, отъ имени которыхъ они исходили, ни тѣ, которые становились ихъ несчастными жертвами».

его мѣсто Сантера, и чтобы извлечь возможно большую пользу изъ своего плѣнника; требуютъ отъ него удаленія половины войскъ, расположенныхъ вокругъ замка. Съ достоинствомъ и хорошо зная, чему онъ подвергается въ этомъ разбойничьемъ притонѣ въ случаѣ отказа, онъ все-таки упорствуетъ; тогда его сажаютъ въ тюрьму, затѣмъ отсылаютъ «для большей безопасности» въ другую тюрьму Аббей (l'Abbaye). Вслѣдствіе этого многозначительнаго выраженія, произнесеннаго Дантономъ¹⁾, его убиваетъ у самаго выхода изъ думы одинъ изъ приверженцевъ Дантона, Россиньоль, выстрѣломъ изъ пистолета въ упоръ.—За трагедіей слѣдуетъ комедія. Вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ Петиона, не желающаго дѣйствовать противъ бунта²⁾, ему посылаютъ отрядъ въ 400 человекъ, чтобы задержать его у него же и какъ бы противъ его воли. Такимъ образомъ, прикрытое, съ одной стороны, предательствомъ, съ другой—убійствомъ, возмущеніе можетъ расти безнаказанно въ присутствіи этого безчестнаго лицемѣра, торжественно жалующагося на свое добровольное заточеніе, даже передъ трупомъ съ раздробленнымъ лбомъ, ле-

¹⁾ Клареса, «Камилль Демуланъ», р. 467 (записки Топпино-Лебрена о процессѣ Дантона), собственныя слова Дантона изъ его защитительной рѣчи: «Я вышелъ изъ дома въ часъ (утра), я пришелъ въ городское правленіе, сдѣлавшееся революціоннымъ, я произнесъ смертный приговоръ Манда, которому было приказано стрѣлять въ народъ». Въ томъ же мѣстѣ Дантонъ говоритъ: «Я подготовилъ 10 августа».—Онъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, отъ часа до семи часовъ утра (время убіенія Манда) главнымъ предводителемъ революціонной комуны. Ни одиъ не былъ такъ всезнающъ, не умѣлъ такъ властвовать, не былъ такъ хорошо одаренъ естественски, чтобы царить въ этомъ противозаконномъ собраніи; въ тому же, между всѣми новоприбывшими, онъ былъ единственное извѣстное и довѣренное лицо, вслѣдствіе своего званія помощника главнаго прокурора. Вотъ причина его обалнія послѣ побѣды и причина его назначенія министромъ юстиціи. Его іерархическій начальникъ, главный прокуроръ Манюэль, также находившійся тамъ и подписывавшій указы, выказалъ себя тѣмъ ничтожнымъ существомъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, обидчивымъ и яростнымъ еразеромъ и смѣшнымъ. Вотъ почему его такъ и оставили главнымъ прокуроромъ въ качествѣ орудія и лакея.—Бодье, «Essais sur la Révolution Française», III, 454: «Россиньоль самъ хвалился тѣмъ, что совершилъ это убійство».

²⁾ «Pièces intéressantes pour l'histoire, par Pétion», 1793: «Я желалъ возстанія, но я сильно опасался, что оно не состоится. Положеніе мое было очень критическое; я долженъ былъ исполнить свой долгъ гражданина, не упуская въ то же время изъ виду моей обязанности, какъ магистратскаго лица; я долженъ былъ соблюдать наружный видъ, не отступать отъ принятыхъ формъ. Хотя существовалъ проектъ удержать меня въ моемъ же домѣ; но забыли о немъ или просто медлили приведеніемъ его въ исполненіе. И кто, думаете вы, посылая неоднократно и торопя въ исполненіемъ этой мѣры? Я самъ; да, я самъ».

жащимъ на крыльцѣ городской думы. На правомъ берегу баталіоны Сентъ-Антуанскаго предмѣстія, на лѣвомъ—баталіоны Сентъ-Марсельскаго, бретонцы и марсельцы выступаютъ и идутъ свободно и безпрепятственно, какъ на парадъ. Всѣ мѣры защиты были разстроены убійствомъ командующаго національной гвардіей и двуличіемъ мэра; никакого сопротивленія не было въ мѣстахъ обыкновенно охраняемыхъ, какъ напр. у Сентъ-Жанской аркады, у проходвъ на мосты, вдоль набережныхъ, въ Луврскомъ дворѣ. Авангардъ, состоящій изъ черни, изъ женщинъ, дѣтей, людей, вооруженныхъ рѣзакомъ, дубинами и пиками, располагается на покинутой площади Карусель, и, около восьми часовъ, первая колонна, подъ предводительствомъ Вестермана, показывается передъ дворцомъ.

VII.

Если-бы король хотѣлъ бороться, онъ могъ бы и защищаться, и спастись, и даже побѣдить. Въ Тюльери 950 швейцарцевъ и 200 дворянъ были готовы пасть всѣ до послѣдняго, ради него. Вокругъ дворца, отъ двухъ до трехъ тысячъ національныхъ гвардейцевъ, все избранники парижскаго населенія, только что восклицали при его проходѣ ¹⁾: «Да здравствуетъ король! да здравствуетъ Людовикъ XVI! Онъ нашъ законный король, мы не хотимъ инаго, мы хотимъ его! Долой бунтовщиковъ, долой якобинцевъ! Мы до послѣдней капли крови будемъ защищать его! Пусть онъ станетъ во главѣ насъ! Да здравствуетъ нація, законъ, конституція и король, все это вмѣстѣ составляетъ одно!» Если канониры молчали и казались недовольными ²⁾, то слѣдовало ихъ обезоружить неожиданно и быстро,

¹⁾ Въ это время Наполеонъ былъ на Карусельской площади у одного изъ братьевъ Буррьенъ: «Оттуда, говорятъ онъ, я могъ вволю насмотрѣться на всѣ подробности событій этого дня. У короля для его защиты было по крайней мѣрѣ столько же войска, сколько имѣлъ впоследствии конвентъ, 13 вандемьера, а враги послѣдняго были несравненно дисциплинированнѣе и опаснѣе. Большая часть національной гвардіи стояла за короля: надо отдать ей эту справедливость».

²⁾ Протоколъ Леру: «Со стороны сада, вдоль терасы, находящейся у берега рѣки, было мало возгласовъ: «да здравствуетъ король!» и много: «да здравствуетъ нація! да здравствуютъ санкюлоты! Долой короля! долой veto! долой

передать ихъ оружіе въ руки преданныхъ и вѣрныхъ людей; четыре тысячи ружей и одиннадцать пушекъ, подъ защитою стѣнъ двора и прочной дворцовой постройки, безъ труда справились бы съ девятью или десятью тысячами парижскихъ якобинцевъ, большинство которыхъ было вооружено лишь пиками, притомъ плохо руководимыми и управляемыми импровизированными или своевольными батальонными командирами, и еще хуже предводительствуемыми ихъ новымъ командиромъ Сантеромъ, какъ и всегда крайне осторожнымъ, и ставшимъ по возможности дальше отъ думы и отъ выстрѣловъ, могущихъ воспослѣдовать въ ея сосѣдствѣ. На Карусели стойко держались лишь восемьсотъ брестцевъ и марсельцевъ; все же остальное была толпа подобная той, которая дѣйствовала 14 іюля, 5 октября и 20 іюня. «Замокъ», говоритъ Наполеонъ Бонапартъ, — «былъ осаждаемъ послѣднею сволочью», бунтовщиками по профессіи, шайкою Мольтяра, шайкою Лазовскаго, шайкою Фурнье, шайкою Теруана, всѣми настоящими и будущими убійцами, и, какъ доказали это самыя событія, первой залпъ легко разогналъ бы подобныхъ бойцовъ.—Но у правящихъ равно какъ и у управляемыхъ, утратилось всякое понятіе о государственномъ строѣ, у однихъ изъ челоуѣколюбія, возведеннаго въ строжайшій долгъ, у другихъ изъ неповиновенія, возведеннаго въ неотъемлемое право. Въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, въ высшемъ и даже въ среднемъ классѣ питали къ кровопролитію глубочайшее отвращеніе¹⁾; смягченіе нравовъ и идилическія фантазіи ослабили

жирную свинью!» и т. д.—Но я могу засвидѣтельствовать о томъ, что всѣ эти ругательства повторялись какими нибудь десяткомъ челоуѣкъ, въ числѣ которыхъ было пять или шесть канонировъ, преслѣдовавшихъ короля, совершенно на подобіе мухъ, неотвязчиво жужжащихъ вокругъ мучимаго ими животнаго».

¹⁾ Относительно вышесказаннаго, бунтъ на Марсовомъ полѣ (17 іюля 1791 года), единственный сколько нибудь усмиранный, крайне поучительный. «Национальная гвардія, по обыкновенію, не хотѣла положить оружія по приказанію толпы, вслѣдствіе чего, также по обыкновенію, толпа принялась бросать въ нее камни. Для первой было уже достаточно большимъ лишеніемъ отказаться отъ обыденныхъ воскресныхъ развлеченій, но еще стоять подъ палящимъ солнцемъ, для того только, чтобы быть побитыми кирпичами, это превышало всякія мѣры, и потому неудивительно, что, не дождавшись приказаній, они дали залпъ и убили около десятка оборванцевъ. Остальные, конечно, немедленно разбѣжались. Между тѣмъ дожидаясь національная гвардія приказаній, ее бы перебили всю, до послѣдняго челоуѣка. Утромъ едва не убили Ляаайета; пистолетъ далъ отъчку у самой его груди. Убійцу немедленно задержали, однако Ляаайетъ приказалъ отпустить его. («Gouverneur Morris, lettre du 20 juillet 1791») Такимъ же образомъ въ Руанѣ, 29 августа 1792 года, національная гвардія, защищав-

воинственные наклонности. Представители власти совершенно забывали, что соблюдение общественного строя и цивилизации — благо несравненно высшее и во сто кратъ болѣе цѣнное, нежели сохраненіе жизни какой нибудь горсти злодѣевъ и безумцевъ; что первѣйшая обязанность и цѣль правительства, а равно и жандармскаго корпуса, это охрана порядка, помощью вооруженной силы; что жандармъ не обязанъ быть филантропомъ, что если нападаютъ на него, когда онъ находится на своемъ посту, онъ долженъ употребить въ дѣло саблю, и что онъ не исполняетъ даннаго ему приказанія, если спѣшитъ вложить ее обратно въ ножны изъ опасенія причинить вредъ нападающимъ на него.

И на этотъ разъ магистратъ, находящійся на Карусельскомъ дворѣ, «взираетъ на свою отвѣтственность, какъ на вещь невыносимо тяжелую»; онъ лишь думаетъ объ одномъ: «какъ-бы избѣгнуть кровопролитія»; онъ съ нескрываемымъ сожалѣніемъ и «нетвердымъ голосомъ» читаетъ войскамъ военный законъ. Онъ «воспрещаетъ имъ нападать и позволяетъ лишь отразить нападеніе»; другими словами имъ приказываютъ выдержать первый огонь: «вы будете стрѣлять только въ случаѣ, если откроется стрѣльба противъ васъ». Лучше того: онъ идетъ отъ взвода къ взводу, «говоря громко, что было бы безуміемъ сопротивляться такому многочисленному и хорошо вооруженному скопищу, и что одна попытка сдѣлать это была бы большимъ несчастіемъ». «Повторяю вамъ, говоритъ Леру:—я считаю сумашествіемъ всякую мысль о сопротивленіи». — Вотъ какимъ способомъ они, втеченіи часа, ободряютъ національную гвардію. «Прошу васъ объ одномъ, продолжаетъ Леру:—держитесь еще нѣсколько времени; надѣюсь, что намъ удастся убѣдить короля отправиться въ національное собраніе». Все та же тактика: лучше сдать крѣпость и выдать предводителя, нежели стрѣлять по мятежникамъ. Наконецъ, онъ, съ Редереромъ во главѣ, снова отправляется къ королю и усугубляетъ свои настоянія. «Ваше величество, говоритъ Редереръ,—время больше не терпитъ и мы

шакъ городскую думу, даетъ избивать себя камнями втеченіи цѣлаго часа; множество раненыхъ. Магистратъ дѣлаетъ всевозможныя уступки, шадитъ елико возможно, мѣръ повторяетъ пять или шесть разъ законныя требованія. Наконецъ, національная гвардія, ряды которой почти разстроены, восклицаетъ: «Если намъ воспрещаютъ силою отразить нападеніе, то мы удалимся». Она стрѣляетъ, убиваетъ четверыхъ, ранитъ двохъ и толпа разбѣгается. («Національный Архивъ F⁷, 2265. Протоколъ рюанскаго муниципалитета, 29 августа).

просили вашего позволенія увести васъ сейчасъ-же». Втеченіи нѣсколькихъ минутъ, послѣднихъ и самыхъ торжественныхъ минутъ монархіи, король колеблется ¹⁾). Здравый смыслъ вѣроятно подсказываетъ ему, что, въ настоящую минуту, отступленіе равняется отреченію; однако флегматическій умъ его не способенъ сразу выяснитъ себѣ всѣ могущія произойти послѣдствія; къ тому же оптимизмъ его никогда еще не измѣрилъ всей безконечности народной глупости и всей глубины человѣческой злобы. Онъ не способенъ допустить, чтобы клевета могла представить въ обратномъ смыслѣ его отвращеніе къ кровопролитію ²⁾). Кромѣ того, все его прошлое, привычка всегда уступать, его рѣшеніе, принятое, объявленное и поддерживаемое уже втеченіи трехъ лѣтъ, никогда и ни въ какомъ случаѣ не затѣвать междоусобной войны, его упрямая гуманность и въ особенности его набожность и кротость, удерживаютъ его. Онъ систематично заглушилъ въ себѣ всякій животный инстинктъ сопротивленія, ту искру гнѣва, возгорающуюся въ каждомъ изъ насъ въ виду несправедливаго и грубаго нападенія; христіанинъ замѣнилъ собою короля; онъ забылъ, что обязанность его быть воинномъ; что выдавая себя, онъ выдаетъ государство; что покоряясь какъ безотвѣтный баранъ, онъ ведетъ вслѣдъ за собою на бойню всѣхъ честныхъ людей. «Идемъ же, говоритъ онъ, поднимая правую руку,—дадимъ, разъ какъ того требуютъ, это послѣднее доказательство нашего самоотверженія». Онъ выступаетъ, сопровождаемый своимъ семействомъ и министромъ, между двойною шпалерой національныхъ гвардейцевъ и швейцарцевъ ³⁾),

¹⁾ Барбару, «Мемуары», 69, «Все рѣшительно обезпечивало побѣду за дворомъ, не покинь лишь король своего поста. Показись онъ только, въ особенности же верхомъ, большая часть парижскихъ баталіоновъ перешла бы на его сторону».

²⁾ «Revolutions de Paris», № du 11 aout 1792. «10 августа 1792 года ужаснѣе нежели 24 августа 1572 года, и Людовикъ XVI несравненно худшее чудовище, нежели Карлъ IX. Въ похвалахъ нашли нѣсколько тысячъ оземеловъ, сложенныхъ тамъ, вѣроятно, съ далью замечъ Парижъ по знаку современнаго Нерона. № du 18 aout. Мѣсто Людовика—Нерона и Медичи—Ангуанеты не въ башняхъ Тампля; вечеромъ того же 10 августа головы ихъ должны были пасть подъ гильотиной. (Подробное описаніе какого-то проекта короля приказать умертвить всѣхъ депутатовъ—патриотовъ, устрашить Парижъ всеобщимъ грабежомъ и гильотиной, не прекращающей своей работы).—Коронованный людоедъ и его австрійская пантера».

³⁾ «Парижскія Революціи», № отъ 18 августа. Одинъ саякилотъ выходитъ изъ толпы и старается помѣшать королю пройти, дежурный овицеръ принимаетъ его усовѣщевать, вслѣдствіе чего саякилотъ протягиваетъ руку королю. Вашу руку, к...., вы дадите ее честному человѣку. Но я совсѣмъ не желаю, чтобы к....

идеть въ собраніе, выславшее депутацію ему на встрѣчу, и входя говорить: «Я пришелъ сюда, чтобы не дать совершиться громадному преступленію». И дѣйствительно, теперь устранены всѣ причины, могущія подать поводъ къ столбовеніямъ. Мятежникамъ нѣтъ болѣе надобности дѣлать приступа, такъ какъ монархъ оставилъ замокъ со всѣми своими и со всѣмъ персоналомъ своего правленія. Къ тому же гарнизону теперь не до сраженія: уменьшенный на 150 швейцарцевъ и лишенный почти всѣхъ гренадеровъ Филь-Сень-Тома, сопровождавшихъ короля до собранія, онъ ограничивается нѣсколькими придворными, 750 швейцарцами и сотнею національныхъ гвардейцевъ; остальные, узнавъ объ уходѣ короля, считаютъ свою службу поконченою и расходятся¹⁾. Теперь, повидимому, все должно закончиться этимъ принесеніемъ въ жертву королевской власти; худшій исходъ, который предоставляетъ себѣ Людовикъ XVI, состоитъ въ томъ, что собраніе отрѣшитъ его отъ его обязанностей, и что онъ вернется въ Тюльерійскій дворецъ въ качествѣ простаго частнаго лица. Дѣйствительно, въ послѣднюю минуту до ухода онъ еще приказываетъ своему камердинеру продолжать службу во дворцѣ до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не вернется изъ національнаго собранія.

Онъ не взялъ въ соображеніе требовательности, ослѣпленія и безпорядка, неразлучныхъ съ мятежемъ. Привратники отыраваютъ ворота подъ угрозами канонировъ-якобинцевъ, оставшихся съ своими орудіями во внутреннихъ дворахъ. Тотчасъ же врываются мятежники, братаются съ канонирами, достигаютъ нижнихъ сѣней, поднимаются по большой лѣстницѣ и требуютъ, чтобы швейцарцы сдались²⁾. Послѣдніе не изъявляютъ желанія

подобная вашей женѣ, пошла съ вами въ собраніе, намъ не нужна по добная б....—Людовикъ XVI, говоритъ Прюдомъ продолжалъ свой путь, не сумѣвъ оцѣнить благороднаго порыва этого человѣка.—Это, какъ мнѣ кажется, верхъ совершенства якобинскаго истолкованія.

1) Мортимеръ-Терно, II, 311, 325. Спустившись съ лѣстницы, король спросилъ Редерера. Что станется съ лицами, оставшимися тамъ, наверху?— Ваше величество, если я не ошибаюсь, всѣ они въ цвѣтныхъ платьяхъ; тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ при себѣ шпаги, должны будутъ снять ихъ, послѣдовать вашему примѣру и выйти черезъ садъ. И дѣйствительно, большая часть придворныхъ вышла такимъ образомъ, остальные же бѣжали въ противоположную сторону черезъ луврскую галерею.

2) Де-Лявалетъ, «Мемуары», I, 81: «Тамъ вошли мы большую лѣстницу, загороженную камиль-то бревномъ, положеннымъ поперекъ, и защищаемую нѣсколькими швейцарскими офицерами, въявно отстававшими проходъ отъ человѣкъ

дѣйствовать враждебно; многіе изъ нихъ, въ знакъ дружелюбія, выбрасываютъ изъ оконъ патронташи, нѣкоторые даютъ даже обнять себя и увести. Однако полкъ, вѣрный своему приказу, не поддается на увѣщанія. «Мы—швейцарцы, отвѣчаетъ сержантъ Блазеръ,—а швейцарцы кладутъ оружіе не иначе, какъ съ жизнью. Мы кажется не заслужили подобнаго оскорбленія. Если не хотятъ насъ больше, то пусть законнымъ образомъ распустятъ нашъ полкъ. Поста же своего мы не покинемъ и не дадимъ обезоружить себя». Оба отряда остаются такимъ образомъ втеченіи трехъ четвертей часа на лѣстницѣхъ и въ сѣняхъ, другъ противъ друга и почти перемѣшанные, одинъ молчаливый и сосредоточенный, другой взволнованный, бурный и дѣйствующій со всею неудержимостію и своеволіемъ народнаго скопища; каждый изъ мятежниковъ дѣйствуетъ отдѣльно и по своему стараясь развратить, устранить швейцарцевъ, или же силою принудить ихъ сдаться. Гранье (марселецъ), на верхней площадкѣ лѣстницы, держитъ двоихъ изъ нихъ пріятельски подъ руки и старается увлечь ихъ за собою. У подножія лѣстницы бушуетъ и реветъ толпа; сплавщики, вооруженные баграми, захватываютъ часовыхъ за ихъ ремни и поясы и стаскиваютъ, такимъ образомъ, пятерыхъ или шестерыхъ, какъ рыбу, посреди громкихъ взрывовъ хохота. Въ эту самую минуту раздается пистолѣтний выстрѣлъ, но такъ что невозможно опредѣлить, откуда онъ направленъ. Тогда швейцарцы даютъ дружный залпъ, очищаютъ сѣни и дворы, бросаются на площадь, овладѣваютъ двумя орудіями; мятежники бѣгутъ въ рассыпную, укрываясь отъ выстрѣловъ. Однако, скоро храбрѣйшіе изъ нихъ собираются за выходящимъ угломъ карусельскихъ строеній, бросаютъ зажженные картузы въ мелкія надворныя постройки; производятъ тамъ пожаръ. Затѣмъ, втеченіи еще получаса, обѣ стороны, окруженныя густымъ дымомъ пожара и перваго залпа, стрѣляютъ почти на-удачу и швейцарцы, не только не смяты, но даже едва лишь потеряли двоихъ—троихъ, какъ вдругъ является д'Ервильи, посланный королемъ, съ приказаніемъ имъ прекратить огонь и вернуться въ свои казармы.

Медленно, правильно смыкаютъ они свои ряды и выходятъ чрезъ главную алею сада. Но, при видѣ этихъ чужеземцевъ въ

пятидесяти изступленныхъ, театральнѣйшѣхъ костюмъ которыхъ сильно смахивалъ на костюмъ разбойниковъ нашихъ мелодрамъ. Всѣ они были пьяны, а грубѣйшій акцентъ ихъ, странныя восклицанія и божба ясно свидѣтельствовали объ ихъ марсельскомъ происхожденіи».

красных мундирахъ, только что стрѣлявшихъ въ французовъ, всѣ баталіоны, помѣщающіеся на терасахъ, какъ-бы невольно даютъ залпъ и колонна швейцарцевъ разсыпается. Отрядъ въ 250 человекъ поворачиваетъ направо, подходитъ къ собранію, кладетъ по приказанію короля оружіе и даетъ запереть себя въ церкви фельянтинцевъ. Остальные же погибаютъ, проходя черезъ садъ, или же падаютъ на площади Людовика XV подъ сабельными ударами конныхъ жандармовъ. Пощады не дается: ведется война, на какую способна лишь чернь, не цивилизованная, а первобытная, варварская. Въ покинутомъ замкѣ, куда вступили мятежники всего пять минутъ спустя послѣ ухода гарнизона ¹⁾, убиваютъ раненыхъ, убиваютъ двухъ швейцарскихъ хирурговъ, ихъ перевязывавшихъ, убиваютъ и тѣхъ швейцарцевъ, которые совсѣмъ не стрѣляли, но взобравшись на галерею, выходящую въ садъ, «бросали внизъ свои патронташи, сабли, мундиры и шляпы, крича: Друзья наши, мы за васъ, мы французы, мы принадлежимъ къ націи». Убиваютъ вооруженныхъ и обезоруженныхъ швейцарцевъ, оставшихся на своихъ постахъ во внутреннихъ покояхъ. Убиваютъ швейцарцевъ, стоящихъ на караулѣ у дверей. Въ кухняхъ убиваютъ всѣхъ, начиная отъ метръ-д'отелей и кончая поваренками. Даже женщины едва лишь избѣгаютъ смерти. Мадамъ Кампанъ, стоя на колѣняхъ, уже видитъ занесенную надъ своей головой саблю, когда вдругъ какой-то голосъ раздается снизу лѣстницы: «Что вы тамъ творите? Оставьте! Женщинъ не убиваютъ. Вставай, мерзавка, нація милуетъ тебя!» Но нація достойно вознаграждаетъ себя тѣмъ, что на свободѣ хозяйничаетъ въ принадлежащемъ ей дворцѣ и набиваетъ себѣ карманы. И дѣйствительно, весьма немногіе честные люди приносятъ въ національное собраніе деньги и цѣнные вещи; всѣ же остальные грабятъ и уничтожаютъ. Ломаютъ зеркала, мебель, выбрасываютъ изъ оконъ дорогие часы, поютъ марсельезу подъ звуки фортепіанъ, за которыя усѣлся одинъ національный гвардеецъ, спускаются въ подвалы и напиваются тамъ до безчувствія. «Втеченіи цѣ-

¹⁾ Мортимеръ-Терно, II, 491. Незначительность потерь осаждавшихъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что дворецъ былъ покинутъ большею частью своихъ защитниковъ. Мятежники потеряли всего 74 убитыми и 54 тяжело-ранеными. Больше всего убитыхъ было въ отрядахъ: марсельскомъ (22 убитыхъ и раненыхъ 14), въ брестскомъ (2 убитыхъ и 5 раненыхъ). Наоборотъ, швейцарскій полкъ потерялъ 760 солдатъ и 26 оенцеровъ.

лыхъ двухъ недѣль и болѣе, говоритъ одинъ очевидецъ ¹⁾),—всѣ окрестности дворца были усѣяны стеклами разбитыхъ бутылокъ». Въ особенности же много было ихъ въ садахъ, гдѣ словно намѣренно усѣяли ими ален. Носильщики и чернорабочіе са-дятся на тронъ въ королевскихъ одѣяніяхъ, употребляемыхъ при коронаціи; распутная женщина ложится на постель королевы; сущій карнавалъ, на которомъ жестокіе и низкіе инстинкты, окончателно разнузданные, разгулялись вволю. Бѣглецы, вернувшіеся послѣ побѣды, прокалываютъ мертвыхъ своими пиками; хорошо одѣтыя проститутки забавляются надъ обнаженными трупами. И такъ какъ разрушители наслаждаются своимъ твореніемъ, то возможно ли имъ терпѣть какое либо внимательство. На дворахъ Карусели, гдѣ пылали зданія на протяженіи девяти сотъ сажень, пожарные тщетно четыре раза сряду принимались за тушеніе огня; въ нихъ стрѣляютъ, грозятъ сбросить ихъ въ огонь, и петиціонеры, являясь въ собраніе, грозно объявляютъ, что Тюльеріи горятъ и будутъ горѣть до тѣхъ поръ, пока они не произнесутъ низложенія короля.

Жалкое собраніе, ставшее жирондистскимъ, вслѣдствіе своего недавнаго насильственнаго усѣченія, дѣлаетъ нѣсколько тщетныхъ усилій, чтобы затормозить дѣло, чтобы поддержать, какъ оно въ этомъ поклалось, «конституціонныя власти», или, по крайней мѣрѣ, чтобы помѣстить Людовика XVI въ люксембургскій дворецъ, назначить воспитателя дофину, хоть временно сохранить тѣхъ же министровъ, и наконецъ, спасти плѣнниковъ и прохожихъ. Собраніе, павшее и плѣненное почти подобно самому королю, представляетъ въ настоящее время лишь мѣсто, гдѣ производится роспись всѣхъ народныхъ требованій и желаній, и уже съ утра, оно ясно видитъ, съ какимъ пренебреженіемъ вооруженная чернь относится къ его декретамъ. Съ ранняго утра убивали у самыхъ его дверей, не взирая на всѣ его охранныя грамоты и строжайшія приказанія; въ восемь часовъ, Сюю и еще троихъ насильственно вырываютъ изъ его кордегардіи и подъ его же окнами изрубаютъ саблями. Нѣсколько

¹⁾ Марсье, «Le Nouveau Paris», II, 108.—Le comte de Fersen et la cour de France. II, 348. Письмо Сентъ-Фуа, отъ 11 августа: «Всѣ погребки были разграблены, и 10,000 бутылокъ вина, осколки которыхъ я видалъ во множествѣ на дворѣ, до такой степени наполнили народъ, что я посмѣивалъ окончить слѣдствіе, неосторожно начатое посреди 2,000 пьяницъ, съ обнаженными оружіемъ, которымъ они размахивали крайне неосторожно».

позднѣе, шестьдесятъ или восемьдесятъ обезоруженныхъ и еще уцѣлѣвшихъ швейцарцевъ, запертыхъ въ фельянтинской церкви, ведутъ въ городскую думу и, дорогою, на Гревской площади избиваютъ ихъ всѣхъ до послѣдняго. Такимъ же образомъ умерщвляютъ другой отрядъ, который ведутъ въ рульскую секцію. Жандармскій начальникъ Карль, вызванный изъ собранія, убивается на Вандомской площади и голову его разносятъ на пикѣ. Основатель бывшаго монархическаго клуба де Клермонъ-Тоннеръ, уже болѣе двухъ лѣтъ удалившійся отъ общественныхъ дѣлъ, спокойно идетъ по улицѣ; его узнаютъ, волочатъ по землѣ и разрубаютъ на куски. Собранію, послѣ такихъ предостереженій, остается лишь повиноваться, по обыкновенію прерывая свою зависимость громкими словами. Если диктаторскій комитетъ, водворившійся въ городской думѣ, еще терпитъ его, то дѣлаетъ это какъ-бы изъ снисхожденія, предупреждая его въ то же время, чтобы оно не смѣло вмѣшиваться въ его распоряженія и дѣла. Пусть оно довольствуется своею обязанностью, а именно, изданіемъ декретовъ, которые понадобятся торжествующей партіи; и декреты эти, подобно зрѣлымъ плодамъ сильно потрясаемаго дерева, падаютъ непрерывно, цѣлыми кучами въ протянутыя за ними руки; низложеніе короля, созваніе національнаго конвента, избиратели и избираемые, освобожденные отъ всякаго налога; вознагражденіе, выдаваемое избирателямъ при всякомъ ихъ перемѣщеніи, засѣданіе собраній, подчиненное полнѣйшему произволу избирателей; смѣна и арестованіе послѣднихъ министровъ и возвращеніе къ должностямъ прежнихъ—Сервана, Клявьера и Ролана; назначеніе Дантона министромъ юстиціи; признаніе узурпаторскаго городскаго правленія; утвержденіе Сантера въ его новомъ назначеніи; предоставленіе муниципалитетамъ полицейскаго надзора общественной безопасности; арестованіе подозрительныхъ личностей, предоставляемое всѣмъ усерднымъ гражданамъ; домашніе обыски, предписываемые съ цѣлю розысканія и отбирания боевыхъ снарядовъ и оружія; подчиненіе всѣхъ мировыхъ судей вторичному избранію подсудными имъ лицами; утвержденіе въ званіи всѣхъ жандармскихъ офицеровъ ихъ же солдатами; по тридцати су въ день на каждаго марсельца съ самаго дня ихъ прибытія; военный судъ надъ швейцарцами; безотлагательный судъ надъ побѣжденными 10 августа; и множество другихъ декретовъ еще болѣе значительныхъ, какъ-то: отрѣшеніе комисаровъ, наблюдающихъ въ гражданскихъ и уголовныхъ судахъ за правильнымъ исполненіемъ законовъ; освобожденіе всѣхъ военныхъ

обвиненныхъ или приговоренныхъ за неповиновеніе, также всѣхъ обвиненныхъ въ преступленіи противъ печати и въ разграбленіи зерна и хлѣба; раздѣлъ общественныхъ имуществъ; конфискація и продажа имѣній эмигрантовъ; задержаніе ихъ отцовъ, матерей, женъ и дѣтей; изгнаніе и ссылка неприсягнувшихъ священниковъ; утвержденіе безпрелатственнаго и скорого развода, совершаемаго въ двухмѣсячный срокъ и по требованію лишь одного изъ супруговъ; короче, всѣ мѣры, могущія потратить собственность, разрознить и уничтожить семью, преслѣдовать совѣсть, уничтожить законъ, развратить правосудіе, возстановить и оправдать преступленіе и отдать на произволъ грубаго и насильственнаго самодержавія меньшинства магистратуру, всѣ виды власти, выборъ будущаго всемогущаго собранія, однимъ словомъ, все общественное управленіе; меньшинству, которое все дерзнуло, чтобы добиться диктатуры, и ни передъ чѣмъ не остановится, чтобы удержать ее.

VIII.

Остановимся на минуту и бросимъ взглядъ на великій городъ и на его новыхъ владыкъ. Парижъ походитъ издали на клубъ, состоящій изъ 700,000 бѣсноватыхъ, голосащихъ и спорящихъ на площадяхъ; вблизи же совсѣмъ не то. Поднявшаяся тина плыветъ теперь на поверхности и сообщаетъ свой цвѣтъ всей рѣкѣ; но человѣческая рѣка по прежнему течетъ въ своемъ обычномъ ложѣ и остается все тою же, не смотря на наружный перевероть. Жители этого города ничѣмъ не отличаются отъ насъ; они были также управляемы, заняты дѣлами и удовольствіями; для огромнаго большинства, даже въ революціонное время, частная жизнь, сама по себѣ достаточно сложная и всепоглощающая, оставляла лишь крайне незначительное мѣсто для жизни общественной. Вслѣдствіе необходимости и рутинны, всевозможныя производства и выставки товаровъ, продажи и покупки, опубликованія и печатанія, ремесла и професіи, шли своимъ обычнымъ чередомъ. Прикащикъ попрежнему отправлялся въ свою контору, работникъ въ свою мастерскую, ремесленникъ въ свою лавчонку, купецъ въ свой магазинъ, ученый къ своимъ книгамъ, чиновникъ на службу; они, прежде всего, заботились о своемъ личномъ дѣлѣ, о своемъ насущномъ хлѣбѣ, о своихъ платежахъ, о своемъ повышеніи, о своихъ семействахъ и о своихъ удовольствіяхъ; и для всего этого дѣла день едва ли былъ достаточно великъ. Политика отнимала у нихъ какую

нибудь четверть часа, да и то лишь какъ нѣчто любопытное, какъ театральное представленіе, которому они аплодируютъ или же которое они освистываютъ, непокидая своего мѣста, и сами не вступая на подмостки. «Объявленіе отечества въ опасности, говорятъ очевидцы,—нimalo не измѣнило обычной фізіономіи Парижа. Все тѣ же удовольствія, та же суета, тотъ же шумъ. Театры, по обыкновенію, переполнены; кабаки и всѣ общественныя увеселительныя мѣста битвомъ набиты народомъ, національными гвардейцами и солдатами. Блестящее общество попрежнему задаетъ празднества». На слѣдующій день послѣ обнародованія декрета, вся эта церемонія, такъ искусно подготовленная, произвела весьма небольшой эффектъ. «Национальные гвардейцы, приставленные въ настоящую минуту къ королю и его семейству, первые подаютъ примѣръ разсѣянности и скуки»; они крайне утомлены непрерывнымъ карауломъ и бессонными ночами; они, вѣроятно, думаютъ про себя, что трудясь для націи, они едва-ли имѣютъ время поработать для себя. Нѣсколько дней спустя, манифестъ герцога брауншвейгскаго не производитъ на эту многочисленную и утомленную публику никакого впечатлѣнія; надъ нимъ лишь смѣются; о немъ пишутъ лишь въ журналахъ и онъ извѣстенъ исключительно читающей публикѣ. Народу же о немъ ничего неизвѣстно. Коалиція и иностранное вторженіе рѣшительно никого не страшатъ. «10 августа, все въ Парижѣ спокойно, за исключеніемъ самаго театра битвы; на улицахъ, какъ и всегда, много гуляющихъ и разговаривающихъ»¹⁾. 19 августа, англичанинъ Муръ²⁾

¹⁾ Бюше и Ру, XVI, 446. Разсказъ Петрона-Арно «Souvenirs d'un sexagénaire», I, 342. (Очевидцы 10 августа): «Избѣненіе почти не перешло за предѣлы Карусели и совсѣмъ не распространилось за Сену. Во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ населеніе было совершенно спокойно, словно не произошло ничего. Въ самомъ центрѣ города, народъ едва выказывалъ нѣкоторое удивленіе; въ увеселительныхъ заведеніяхъ и кабакахъ попрежнему плясали. Въ Марэ, гдѣ я тогда жилъ, только подозрѣвали кое-что, а въ Сентъ-Жерменѣ говорили, будто въ Парижѣ что-то произошло, и съ нетерпѣніемъ ждали вечерней газеты, чтобы узнать, въ чемъ дѣло».

²⁾ Муръ, I, 122. То же зрѣлище во время всѣхъ остальныхъ кризисовъ революціи. 6 октября 1789 года («Sainte-Veuve», Causeries du lundi, XII, 461), Свѣтакъ-де-Мейльанъ, на вечерѣ слышалъ слѣдующіе разговоры:

— Что король, прошелъ онъ обратно? спрашивалъ кто-то.— Не знаю, я былъ въ театрѣ.— Молѣ игралъ сегодня?— Что же касается меня, то я принужденъ быть оставаться въ тюльерійскомъ дворцѣ; не было возможности выбраться ранѣе девяти часовъ.— Значитъ вы видѣли, какъ проходилъ король?— Я не могъ хорошо видѣть

удивляется безпечной толпѣ, наполняющей Елисейскія поля, разнообразнымъ развлеченіямъ, праздничному виду, безчисленному множеству лавочекъ, въ которыхъ продаются прохладительныя явства и напитки, съ акомпаниментомъ пѣсенъ и музыки, множеству пантомимъ и маріонетокъ. «Неужели люди эти такъ же счастливы, какъ они вѣжутся?» спрашиваетъ онъ бывшаго съ нимъ француза. — «Они счастливы, какъ боги». — «Такъ по вашему мысль о герцогѣ брауншвейгскомъ совсѣмъ не тревожитъ ихъ?» — «Будьте увѣрены, сударь, что они ни о комъ такъ мало не думаютъ, какъ о герцогѣ брауншвейгскомъ».

Таково равнодушіе и спокойствіе всей огромной эгоистической массы, занятой своими дѣлами и всегда покорной своимъ правительствамъ, каковы бы онѣ ни были; сущее стадо, невѣривающееся въ ихъ дѣла, лишь бы ему предоставили свободу пастись и рѣзвиться вволю. Что же касается людей съ сердцемъ, любящихъ родину, тѣ еще менѣе опасны, такъ какъ они или уѣхали, или уѣзжаютъ по 1,000 и даже по 2,000 человекъ въ день; на послѣдней недѣлѣ іюля ихъ уѣхало 10,000, въ первыя двѣ недѣли сентября 15,000, всего около 40,000 волонтеровъ, которыхъ составляетъ одна лишь столица, и которые, съ остальными, въ пропорціональномъ количествѣ поставляемыми департаментами, будутъ спасеніемъ Франціи. Вслѣдствіе этого выселенія достойныхъ и отважныхъ и вслѣдствіе бездѣйствія всего остальнаго стада, Парижъ переходитъ въ руки фанатиковъ черни. «Такъ называемыхъ честныхъ людей побѣдили саньютоты, писалъ патріотъ Палюа, — побѣдила парижская сволочь и чернь, и я горжусь тѣмъ, что принадлежу къ этому

различить, было такъ темно.—Другой замѣтилъ: «Мнѣ кажется, что снѣ употребилъ болѣе шести часовъ на поѣздку изъ Версаля». Остальные холодно передавали нѣкоторыя подробности. Затѣмъ: «Вы играете въ вистъ?—Да, но послѣ ужина, его сейчасъ подадутъ». Нѣкоторые шепчутся, съ слегка грустнымъ видомъ. Раздается пушечный выстрѣлъ.—«Король выходитъ изъ думы; какъ, я думаю, всѣ они устали». Ужинаютъ; говорятъ о постороннемъ; играютъ въ trente-et-quarante, и прогуливаясь въ промѣжуткахъ игры и слѣдя за своей картой, бросаютъ нѣсколько словъ: «Какъ это ужасно!», причемъ нѣкоторые переговариваются въ полголоса. Бьетъ два часа, всѣ расходятся и ложатся спать. Вы сочтете всѣхъ ихъ за людей крайне нечувствительныхъ; а между тѣмъ всѣ они готовы умереть у ногъ короля. Въ четвергъ, 23 іюня 1791 года, послѣ получения извѣстія объ арестованіи короля въ Вареннѣ, Булонскій лѣсъ и Елисейскія поля были переполнены публикою, безпечно и игриво болтавшею о предметахъ крайней важности; попадалось немало молодыхъ людей, произносившихъ смертные приговоры и въ то же время шутлившихъ и забавлявшихся съ куртизанками.

классу». «Три тысячи рабочихъ, скажетъ позднѣе жирондистъ Суляви,—совершили революцію 10 августа, противъ царства фельянтинцевъ, противъ большинства столичнаго населенія и законодательнаго собранія». Все ремесленники, поденщики и мелкіе лавочники, не считая женщинъ, обыкновенныхъ бродягъ и бандитовъ по профессіи, составляющіе вмѣстѣ лишь двадцатую часть всего мужскаго взрослого населенія, около девяти тысячъ человекъ, распредѣленныхъ на всѣ парижскія секціи, но единственные вотирующіе и дѣйствующіе посреди всеобщаго нерадѣнія и оцѣпенѣнія. На Сенской улицѣ, на примѣръ, насчитываютъ ихъ семь: Лякайлъ поварь, Филиппъ «погонщикъ скота, излечивающій больныхъ грудью ослицъ», въ настоящее время президентъ секціи, а впослѣдствіи одинъ изъ избывателей Аббей (Abbaye), Гераръ «лодочникъ изъ Руана, не занимающійся больше своимъ ремесломъ въ большомъ размѣрѣ, а переправляющій лишь въ небольшой шлюпкѣ пассажировъ съ Луврскаго моста на Мазаринскую набережную», и четверо другихъ личностей того же сорта. Но здѣсь энергія замѣняетъ и воспитаніе, и численность. Однажды Гераръ, переправивъ депутата Гюа, очень внушительно замѣчаетъ ему: «Твое счастье, мерзавецъ, что ты былъ не одинъ, а то бы я непременно опрокинулъ мою шлюпку и доставилъ себѣ удовольствіе утопить свинью-аристократа». Вотъ каковы «мѣстные матадоры». Невѣжественность немало ихъ не смущаетъ; они, наоборотъ, гордятся своею грубостію, и одинъ изъ обычныхъ ораторовъ Свѣтъ-Антуанскаго предмѣстья, рисовальщикъ Гоншонъ, «приходитъ въ собраніе и отъ имени бойцовъ 14 іюля и 10 августа» восхваляетъ политическое царствованіе грубой неспособности; по его мнѣнію, она дальновиднѣе просвѣщеннаго разума. «Всѣ эти великіе гении, украшенные звучнымъ титуломъ конституціонеровъ, принуждены отдать справедливость людямъ, изучавшимъ искусство управленія не иначе, какъ по книгѣ природы. Наши остроумцы и писатели давно уже заняты разьяснваніемъ политическаго равновѣсія, руководствуясь не принципами, а исключительно установленными обычаями; мы же нашли это равновѣсіе: оно въ сердцѣ самаго человѣка. Имѣйте правленіе, поднимающее бѣдника выше его скудныхъ средствъ и понижающее уровень средства богатаго, этимъ способомъ вы установите равновѣсіе». Это легко понимается, и къ тому же цѣль ихъ окончательная нивелировка не только политическихъ правъ, но еще и въ особенности состояній и общественныхъ положеній; они льстятъ себѣ надеждою на «полное, совершенное, дѣйствительное равенство», но

и этого имъ недостаточно: они хотятъ еще утвердить за собою всю власть и всѣ государственныя должности. Франція теперь въ ихъ рукахъ и у нихъ хватить смѣлости побороть ее окончательно. Къ тому же они знаютъ, что ускользнуть отъ нихъ добыча, они потеряны, такъ какъ брауншвейгскій манифестъ, произшедшій впечатлѣнія на массу, крѣпко засѣлъ у нихъ въ головы. Они примѣняютъ къ себѣ его угрозы, и возбужденное воображеніе доводитъ ихъ до чего-то опредѣленнаго: всѣхъ, напримѣръ, жителей Парижа поведутъ въ долину Сэнъ-Дени и на мѣстѣ умертвятъ десятую часть ихъ; предварительно же изберутъ самыхъ извѣстныхъ патриотовъ и будутъ ихъ колесовать; такъ же поступятъ съ пятидесятью рыбными торговцами. Уже 11 августа распространяется слухъ о томъ, что 800 челоувѣкъ изъ бывшихъ королевскихъ гвардейцевъ собираются напасть на Парижъ; въ тотъ же день обыскиваютъ домъ Бомарше втеченіи цѣлыхъ семи часовъ, пробиваютъ стѣны, копаются даже въ ямахъ съ нечистотами, перерываютъ весь садъ; подобный же обыскъ совершается и въ сосѣднемъ домѣ; женщины въ особенности «озлоблены и взбѣшены тѣмъ, что ничего не находятъ»; онѣ предлагаютъ возобновить обыскъ и кланутся, что, по прошествіи восьми минутъ, непременно откроютъ тайникъ. Копшмаръ этотъ видимо слишкомъ тяжелъ для ихъ жалкихъ тупыхъ мозговъ; они мечутся подъ бременемъ своего случайнаго могущества, и возбужденное самолюбіе, непомятая алчность, сильный и глухой страхъ, все это взятое вмѣстѣ производитъ ту злокачественную и зловредную смѣсь, которая въ демократическомъ, какъ и въ монархическомъ правленіи, производитъ Нероновъ.

Что же касается ихъ вожаковъ, то они, еще болѣе утраченные, ослѣпленные и до крайности деспотичные, не признаютъ ни узды, ни преградъ; самые выдающіеся изъ нихъ люди обезславленные, запятанные, и они - то, именно, увлекаютъ остальныхъ, или дѣйствуютъ по своему усмотрѣнію. Изъ троихъ представителей бывшаго муниципалитета, мэра Петіона, возвеличеннаго на словахъ и отстраненнаго на дѣлѣ, припрятываютъ пока какъ старую декорачію. Что же касается остальныхъ, дѣйствующихъ и занимающихъ должности, то первый изъ нихъ, Манталь, главный прокуроръ, сынъ привратника, высокопарный и безталанный проходимецъ, укралъ въ одномъ изъ общественныхъ складовъ частную корреспонденцію Мирабо, которую онъ поддѣлалъ, исказилъ и продалъ. По-

мошникъ Манюэля, Дантонъ¹⁾), совершая двойной обманъ, бралъ деньги отъ короля какъ бы съ цѣлью предупредить мятежь, а самъ употреблялъ ихъ на то, чтобы возбудить его. Варлэ, этотъ необычайный декламаторъ, велъ такую скверную и распутную жизнь, что мать его умерла съ горя; тогда онъ промоталъ все остальное, и теперь не имѣлъ ничего. Другіе поступили не

¹⁾ Лувайезъ, I, 467, 471: «Королева приказала передать 50,000 экю Дантону незадолго до этихъ ужасныхъ дней». — «Дворъ, уже втеченіи двухъ лѣтъ, платилъ Дантону, употребляя его противъ якобинцевъ, какъ шпіона». — Корреспонденція Мирабо и графа де-ля-Марка, III, 82. Письмо Мирабо отъ 10 марта 1791: «Дантонъ получилъ вчера 30,000 ливровъ». — Мю-де-Мелито, «Мемуары», I, 40, 42. Мю присутствовалъ во время разговоровъ Дантона, Лешандра и др. за столомъ у Де-Форма, министра иностранныхъ дѣлъ: «Дантонъ не скрывалъ своего пристрастія къ деньгамъ и къ удонольствіямъ и смѣялся надъ излишнею совѣстливостію и деликатностію. Лешандръ не истощался въ похвалахъ Дантону, когда онъ говорилъ о его талантахъ, какъ государственнаго человѣка; но онъ открыто порицалъ его образъ жизни, его любовь къ роскоши, и ни разу не принялъ участія въ его постыдныхъ спекуляціяхъ». — Робинѣ и Бужаръ придерживаются совершенно противоположнаго мнѣнія о Дантонѣ въ своихъ этюдахъ о немъ. Вообще слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующіе факты: 1) Дантонъ, въ мартѣ 1787 г., поступаая къ королевскіе адвокаты, выплачиваетъ 10,000 франковъ за свое назначеніе. 2) Въ своемъ свадебномъ контрактѣ онъ признаетъ за собою лишь 12,000 франковъ поземельною собственностію и домами, жена же приноситъ ему приданаго не болѣе 20,000 франковъ. 3) Отъ 1787 до 1791 гг., онъ, по всей вѣроятности, заработалъ немного денегъ, такъ какъ почти исключительно предавался политикѣ; Лякретель свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ принималъ участіе въ бутахъ уже 1788 года. 4) Умирая, онъ оставляетъ приблизительно 85,000 франковъ въ общественныхъ земляхъ, приобретенныхъ имъ въ 1791 году. 5) Вѣроятно помимо этого у него оставалась собственность и деньги, переведенныя при жизни на другихъ и оставшіяся за ними по его смерти. (De Martel, «Tours révolutionnaires, seconde partie», p. 139). См. относительно этого вопроса «Les Avocats aux conseils du roi» par Emile Vog, p. 513 à 520. Босъ доказываетъ, что у Дантона, въ концѣ 1791 года, было около 53,000 франковъ долгу; его-то онъ и заплатилъ деньгами, полученными отъ двора. Съ другой стороны, Дантонъ до революціи подписывался д'Антонъ, даже на важныхъ документахъ, что составляетъ присвоеніе правъ дворянства, и тогда могло легко привести его на каторгу. Двойной же обманъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, былъ тогда, конечно, дѣломъ обыденнымъ, такъ какъ всѣ вожаки того времени не отличались деликатностію и даже честностію. Мадамъ Элизабетъ говоритъ, 7 августа, Монморену, что мятежа не будетъ, что Петіонъ и Сантеръ поручались имъ въ этомъ, что они получили 750,000 ливровъ для предупрежденія его, а равно и для того, чтобы привлечь марсельцевъ на сторону его величества. (Малуэ, II, 233). Употребляя деньги короля противъ него же, Сантеръ, вѣроятно, думалъ, что поступаетъ какъ истинный патріотъ. Ни одинъ мятежь не обходится даромъ; извѣстныя суммы необходимы по крайней мѣрѣ для подкупа второстепенныхъ агентовъ и для раздачи черни крѣпкихъ нащитковъ.

только противъ чести, но и противъ самой заурядной честности.

Карра, засѣдавшій въ тайной директоріи федералистовъ и составившій планъ мятежа, былъ приговоренъ маконскимъ судомъ къ двухгодичному тюремному заточенію за кражу со взломомъ. Вестерманъ, предводительствовавшій передовой колонной, укралъ у содержателя ресторана Жана Кре серебряное блюдо съ гербомъ и дважды былъ изгоняемъ изъ Парижа за мошенничество. Пани, предсѣдатель комитета общественнаго надзора, былъ выгнанъ въ 1774 г. за воровство изъ государственнаго казначейства, гдѣ дядя его былъ помощникомъ кассира. Товарищъ его Сержанъ присвоиваетъ себѣ «трое золотыхъ часовъ, кольцо съ агатомъ и другія драгоценности» изъ одного склада, котораго онъ былъ хранителемъ. Для всего комитета вообще «сорваніе печатей, фальшивыя показанія, подлоги», похищенія, все это вещи обыденныя; цѣлыя вучи серебра и 1.100,000 франковъ золотомъ, порученныя имъ, пропадутъ бесцѣльно. Изъ членовъ новаго геродскаго правленія, самъ его предсѣдатель, Гюгененъ, чиновникъ внутренней таможи, безсовѣстный грабитель. Россиньоль, золотыхъ дѣлъ мастеръ, замѣшанный въ убійствѣ, въ ту самую минуту еще преслѣдовался судомъ. Геберъ, помойная яма журнализма, бывшій контролеръ контрмароуэ, выгнанный изъ театра Варьете (*Variétés*) за мошенничество. Изъ числа исполнителей, американецъ Фурнье, Лазовскій и Майльяръ, не только убійцы, но и воры, и на ряду съ ними возвышается будущій предводитель парижской національной гвардіи, Генрію, служившій сперва лакеемъ у одного прокурора, выгнавшего его за воровство, затѣмъ сторожемъ на фермѣ, откуда также былъ высланъ за воровство, потомъ полицейскимъ шпиономъ еще разъ заключеннымъ въ Бисетръ за воровство и, наконецъ, баталіоннымъ командиромъ; впоследствии онъ былъ одинъ изъ сентябрскихъ палачей. Въ одно время съ мошенниками и грабителями, самыя чудовищныя маньяки вылѣзаютъ изъ своихъ норъ. Де-Садъ¹⁾,

¹⁾ Гранье де Кассаньякъ, «Исторія жирондистовъ», 409. Национальный архивъ, F⁷, 3196. Письма де-Сада по поводу разграбленія его дома, находившагося въ окрестностяхъ Антъ, съ разными удостовѣрительными документами и подтвержденіями его патриотизма, между прочимъ съ приложеніемъ петиціи, составленной имъ же самимъ отъ имени пиской секціи, прочитанной въ конвентѣ 25 брюмера года II. «Законодателя! царствованіе философіи уничтожаетъ наконецъ царствованіе обмана! Поклоненіе какому то еврею—рабу римлянъ не могло удовлетворить потомковъ Сцеволы. Всеобщее благосостояніе, вѣрнѣйшій резуль-

продѣлавшій свой романъ «Жюстинъ» передъ тѣмъ, чтобы его написать, котораго революція освободила изъ Бастиліи, состоялъ секретаремъ секціи Вандомской площади. Марать, помѣшанный на убійствѣ, утверждаетъ въ думѣ съ 23 августа главнымъ журналистомъ, политическимъ совѣтникомъ, духовнымъ руководителемъ новаго городского правленія, и планъ, который онъ проповѣдуетъ уже втеченіи трехъ лѣтъ, преслѣдуемый одною неотступною мыслію, весь сводится на убійство, совершаемое въ огромныхъ размѣрахъ, немедленно и безъ всякихъ разсужденій. — «Дайте мнѣ, говорилъ онъ Барбару, — 200 неаполитанцевъ, вооруженныхъ кинжалами и держащими въ лѣвой рукѣ вмѣсто щита муфту; я съ ними обойду всю Францію и несомнѣнно произведу революцію». По его мнѣнію, «изъ челоуѣколюбія» слѣдуетъ умертвить 260,000 челоуѣкъ, такъ какъ иначе нѣтъ спасенія для остальныхъ. «Національному собранію еще возможно спасти Францію; ему будетъ достаточно издать приказъ, чтобы всѣ аристократы носили голубую ленту и что ихъ будутъ немедленно вѣшать, если застанутъ троиухъ вмѣстѣ. Имѣется еще другой способъ, а именно: поджидать въ узкихъ переулкахъ и на общественныхъ гуляньяхъ фельянтинцевъ и роялистовъ и убивать ихъ. Если на сто убитыхъ окажется десять патриотовъ, не бѣда! Все-таки на каждыхъ десятирехъ невинныхъ придется девяносто виновныхъ; къ тому же невозможно ошибиться: нападайте на тѣхъ, у кого свои экипажи, лакеи, шелковыя платья, на выходящихъ изъ театровъ; будьте увѣрены, что всѣ они аристократы». Ясно, что якобинская чернь прибрѣла совершенно подходящихъ для себя руководителей; они поймутъ другъ друга безъ малѣйшаго затрудненія; для возведенія произвольныхъ избіеній на степень административныхъ операцій, уличнымъ Неронамъ достаточно запастись приказомъ отъ Нероновъ городской думы.

татъ счастья каждой отдѣльной личности, распространяется до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ вселенной и вездѣ ужасная гидра ультрамонтанскаго суевѣрія, преслѣдуемая соединенными свѣточами разума и добродѣтели, не находя больше пристанища нигдѣ, кромѣ отвратительныхъ притоновъ умирающей аристократіи, погибнетъ вмѣстѣ съ нею съ отчаяніемъ, что философія, наконецъ, восторжествовала на землѣ».

М. В. П.....ОЙ.

Мела мятель... въ пустынь снѣжной
Ни зги, ни звука, ни слѣда.
Казалось, смерти неизбѣжной
Обречены мы навсегда.

Мела мятель... въ сугробахъ снѣга
Ныряли сани наобумъ,
Какъ бѣдный челнъ вдали отъ берега,
Подъ ревъ волны, подъ бури шумъ.

Тогда, по жизни недожитой,
По жизни, полной свѣтлыхъ грезъ,
По жизни, жизнью неразбитой,
Вы залились потокомъ слезъ.

А между тѣмъ, когда-бъ вы знали,
Какъ жизнь горька, какъ смерть легка,
Вы-бъ передъ нею не дрожали:
Она страшна издалека.

Она васъ тихо укачаетъ,
Въ алмазы всю принарядя,
И столько сказокъ вамъ наскажетъ,
Что вы заснете, какъ дитя.

Александра Львова.

КАВКАЗСКІЯ ПИСЬМА.

КРЕСТЬЯНСТВО И ДВОРЯНСТВО ИМЕРЕТИИ.

Князь Вл. М. сдержалъ свое слово и выѣхалъ за мною въ Самтреді. Я обрадовался случаю погрузиться въ настоящую деревенскую глушь Имеретіи и познакомиться на мѣстѣ и во-чю съ бытомъ ея сельскаго дворянства, въ сопутствіи чело-вѣва, такъ близко знающаго край и его обитателей. Мы нашли ко-ляску или фаэтонъ, какъ ее обыкновенно называютъ здѣсь на Кавказѣ, и покатали очень комфортабельно по шосейной до-рогѣ, прямо на сѣверъ отъ потійскаго желѣзнаго пути, на правый берегъ Ріона. Тутъ-же, около станціи Самтреді, но на лѣвой сторонѣ Ріона, уже начинается Гурія.

Признаюсь, эти фаэтоны на лежачихъ ресорахъ у каждой маленькой станціи желѣзной дороги, везущіе васъ по закавказ-скимъ проселкамъ, это шоссе, ведущее не въ Москву и не въ Базань, а просто-напросто въ деревню Кулаши, ничѣмъ не извѣстную и ничѣмъ отъ другихъ не отличающуюся,—привели меня въ большое недоумѣніе и заставили несовсѣмъ добрымъ словомъ помянуть свою родную «цивилизованную» Русь.

Ріонская равнина—это одна изъ роскошнѣйшихъ и бога-тѣйшихъ странъ всего Закавказья и, конечно, всей Россіи. Не-даромъ она издревле привлекала къ себѣ поселенцевъ Греціи и Италіи. Это одинъ громаднѣйшій неистощимо-плодороднѣйшій садъ, орошенный обильнѣйшими водами, какъ теплица защищаемый

отъ сѣвера стѣною Кавказа, отъ востока стѣною Сурама, широко открытый дыханію теплаго западнаго моря, жаркій какъ теплица, влажный какъ теплица, и какъ теплица полный цвѣтовъ и плодовъ.

Въ ріонской долинѣ не бываетъ засухи, не бываетъ неурожая. Воздухъ слишкомъ насыщенъ парами, почва слишкомъ насыщена водою ключей, чтобы особенно нуждаться въ дождяхъ.

Сухо лѣто—родится прекраснѣйшая пшеница и «гоми»; влажно лѣто—лѣзутъ изъ земли цѣлые лѣса кукурузы. Даже голодь 1879 года, отъ котораго такъ жестоко страдала Грузія, Арменія и многія другія сосѣднія области Кавказа, не могъ коснуться этого счастливаго уголка. Саранча, обычный бичъ Закавказья, висящій надъ его хозяйствомъ какъ мечъ Дамокла, точно также не посѣщаетъ ріонской долины: послѣдняя слишкомъ сыра, слишкомъ населена для нея, слишкомъ густо заросла своими лѣсами. Саранча, какъ бедуинъ, какъ всякій житель степей, любитъ просторъ, безлюдіе и сухой зной пустыни.

Въ Кулаши ѣдешь словно по Швейцаріи или южной Германіи. Такое благосостояніе, порядокъ и приличіе кругомъ.

По обѣ стороны шоссе, за рвами, полными воды, безъ конца и перерыва стелются живописныя деревни. Крестьянскіе дома ріонскихъ имеретинъ нисколько не хуже, не меньше и нисколько не менѣе красивы, какъ и домъ любого нѣмецкаго бауэра.

Ихъ высокія громоздскія кровли изъ деревянной черепицы, съ точеными рѣшоточками, съ тѣнистыми галерейками, необыкновенно привѣтливо глядятъ среди своихъ широкихъ зеленыхъ дворовъ, осѣненныхъ громадными старыми деревьями, окруженныхъ тѣсною оградой стройныхъ итальянскихъ тополей.

Ровики, полные воды, опоясываютъ снаружи эту живую ограду, совершенно разобщая сосѣднія усадьбы, обезпечивая хозяина и отъ посѣщеній сосѣдскаго скота, и отъ сосѣдскаго пожара. Впрочемъ большіе пожары совершенно немислимы въ этихъ мирныхъ хуторкахъ, гдѣ каждое строеніе одиноко тонетъ въ трафѣ и деревьяхъ; гдѣ нѣтъ ни печей, ни борововъ, ни соломы; гдѣ обширные сады раздѣляютъ другъ отъ друга сосѣднія хозяйства.

Съ улицы, въ каждую усадьбу, такъ тщательно огороженную рвами и деревьями, ведутъ большія и крѣпкія ворота. Ворота—это нѣчто очень важное въ жилищѣ имеретинскаго крестьянина. Это цѣлое серьезное сооруженіе, съ обширною крышею, подъ полями которой безъ труда прячутся арбы, съ массивными столбами, съ дѣдовскими несокрушимыми скамьями

по сторонамъ, на которыхъ усаживается глязѣть на улицу вся семья, и на которыхъ можетъ не только посидѣть, но и выспаться утомленный прохожій. Тяжелыя ворота отворяются хозяиномъ только въ необходимыхъ случаяхъ; а чтобы свотъ, достигающій на Кавказѣ необыкновенною смѣтливостью, не воспользовался калиткою наравнѣ съ человѣкомъ, калитки воротъ продѣланы аршина на 1½ выше земли, такъ что шагнуть въ нихъ можно только съ каменной ступеньки. Однако гимнастическое искусство и умственное развитіе кавказскихъ свотинъ доходить до того, что послѣдній поросенокъ ни мало не стѣсняется изобрѣтеніями хозяевъ и лѣзетъ себѣ черезъ ихъ калитки, какъ пожарный по лѣстницѣ.

Свиньи вообще разорители Закавказья. Отъ нихъ никуда не спрячешься, противъ нихъ не защититься ничѣмъ. Маленькія, худыя, взерошенныя, краснобураго цвѣта, съ громадными головами, съ пугливо-настороженными, торчащими вверхъ ушами, онѣ сохраняютъ на себѣ еще всецѣло и внѣшнимъ видомъ своимъ, и своею чуткостью и смѣтливостью, типъ того дикаго родителя своего, отъ котораго онѣ произошли и съ которымъ онѣ не перестаютъ входить въ тѣсное кровное и духовное общеніе въ многочисленныхъ лѣсныхъ дебряхъ, гдѣ хозяева предоставляютъ имъ кормиться и размножаться круглый годъ, какъ имъ заблагоразсудится, безъ всякихъ затратъ на помѣщеніе, надзоръ и кормъ, безъ всякой заботы объ улучшеніи ихъ свиной породы.

Имеретины не выносятъ жира и не могутъ ѣсть нашихъ десяти пудовыхъ сальныхъ свиней. Они не ѣдятъ даже коровьяго масла, котораго вы поэтому не встрѣтите почти нигдѣ въ Имеретіи. Если самоѣдъ и лопарь полярнаго сѣвера могутъ съ наслажденіемъ жрать пудами витовый жиръ или сальныя свѣчи, то солнце юга вызываетъ въ человѣкѣ совершенно противоположныя потребности, — непобѣдимый вкусъ къ плодамъ и вину, и отвращеніе отъ жира. Я подивился однако находчивости имеретина въ его вѣчной борьбѣ съ разорителями его хозяйства, которыми онъ тѣмъ не менѣе очень дорожить, въ виду ихъ совершенной нетребовательности и большой доходности. Мнѣ попалось множество свиней, съ надѣтыми на шею рогатками, въ родѣ воловьяго ярма, которыя должны уничтожать всякія попытки бѣднаго животнаго проникнуть черезъ дыру плетня, въ подворотню или другія запретныя мѣста, на горе имеретинскому хозяину.

Цѣлыя версты тянулись зеленые сады и домовитыя усадьбы крестьянъ, чередующіеся кое-гдѣ съ болѣе обширными и болѣе богатыми усадьбами дворянъ, которые большею частію сидятъ подъ рядъ, цѣлыми гнѣздами, отдѣльно отъ бывшихъ своихъ крестьянъ.

Дворянскія усадьбы однако вовсе не отличаются отъ крестьянскихъ своимъ типомъ, а исключительно только размѣрами и красотою домовъ.

Тѣ же зеленые дворы — скатертью, обнесенные тополами, среди которыхъ рѣдко раскинуты тѣнистые орѣхи, смоковницы, чинары; тѣ же крутоверхіе деревянные дома съ прохладною галерейкою впереди; тѣ же сады за дворомъ; тѣ же наврѣпко запертыя разукрашенные ворота на улицу. Отступленій этъ этого типа очень немного, хотя попадаются и двухъ-этажные, и каменные дома.

Мы вѣхали въ мирные зеленые сады князя Вл. М... уже вечеромъ, по длинной тѣнистой алеѣ. Домъ его представляетъ обычный типъ здѣшнихъ среднихъ дворянскихъ домовъ. Срубленный въ углы изъ двухъверхшковыхъ досокъ, связанныхъ столбами по простѣнкамъ, съ потолками безъ насыпки, съ неподсыпаннымъ одиночнымъ поломъ, приподнятымъ аршина 1¹/₂ надъ землей и незащищеннымъ фундаментомъ, домъ этотъ очень забавлялъ и изумлялъ меня, жителя цигровскихъ снѣговъ и курскихъ морозовъ, привыкшаго видѣть помѣщичьи дома, закупоренные какъ бочки съ керосиномъ, законопаченные, заштукатуренные, обшелеванные, обмазанные и засыпанные сверху и снизу, съ двойными потолками, двойными полами, двойными дверями, съ множествомъ огромныхъ печей, топящихся по два раза въ день.

Эти щели чуть не въ палець, свободно пропускающія веселый свѣтъ солнца и сквозъ стѣны, и сквозъ полъ, невольнo радуютъ мое запуганное сѣверное сердце и убѣдительно говорятъ ему, что не вездѣ же на свѣтѣ медвѣжья берлога; что есть же и у насъ на Руси счастливые уголки, гдѣ не страшна зима, гдѣ январскій воздухъ не кажется смертельнымъ врагомъ, отъ котораго стынетъ душа и тѣло, и которому нельзя позволять просунуть въ жилище человѣка даже кончикъ своего носа.

Длинная тѣнистая галерея, обнесенная кругомъ деревянными рундуками, составляетъ обычную гостинную грузинскаго дома, на которой проводятъ гораздо больше времени, чѣмъ внутри его. Впрочемъ, въ расположеніи и убранствѣ дома князя М... уже

не замѣтно ничего мѣстнаго, грузинскаго, и онъ совершенно подходит въ этомъ отношеніи на наши русскіе дома.

Вдова-княгиня, мать князя В..., его дядя и молодая кузина не говорятъ ни слова по-русски, и я долженъ былъ отвѣчать на ихъ любезныя привѣтствія и гостепріимныя приглашенія всякаго рода черезъ молодаго князя, ставшаго поневолѣ моимъ толмачемъ.

Тѣмъ не менѣе, мы бесѣдовали другъ съ другомъ за чаемъ и за ужиномъ, которымъ меня накормили хлѣбосольные хозяева. Тутъ я въ первый разъ хорошо ознакомился съ особенностями грузинской кухни, которую потомъ мнѣ пришлось изучать очень часто.

Очень крутая каша изъ «гоми», совершенно напоминающая нашу пшеничную кашу, безъ соли, ставится передъ каждымъ, вмѣстѣ хлѣба, и ею, какъ хлѣбомъ, заѣдаютъ всякое кушанье. На приборъ каждаго кладутся кромѣ того огромные и тонкіе блины изъ суховатаго тѣста безъ масла, которые можно свертывать и рвать какъ бумагу. Это «ловаши». Они служатъ грузину тарелкою и салаткою, и хлѣбомъ. Простые грузины въ нихъ завертываютъ, на нихъ кладутъ и подаютъ разное мясо, ими же утираются, или заѣдаютъ пищу. Вообще хлѣбъ играетъ большую роль въ столѣ грузина. Нашего обыкновеннаго хлѣба у нихъ нѣтъ, ни чернаго, ни бѣлаго. Но за то есть множество сортовъ своего особаго хлѣба, который всегда подается въ большомъ изобиліи. Кромѣ «гоми» и «ловашей», у нихъ есть, на примѣръ, еще «ходжа—пури», родъ прѣсныхъ лепешекъ, съ сырнымъ припекомъ, есть «чади», тоже родъ лепешекъ изъ кукурузной муки, превосходнаго вкуса, пока онѣ теплы и мягки.

Мѣстный соленый сыръ (квели) также имѣетъ важное значеніе въ столѣ грузина, который заѣдаетъ имъ всякую вещь, но особенно вино. Остальное кушанье почти исключительно состоитъ изъ разнаго рода мясъ, жареныхъ, вареныхъ, маринованныхъ. Грузинскій столъ вообще не изысканъ, деревенски просто, но обилень и сытенъ.

Впрочемъ главное украшеніе и центр тяжести всякаго грузинскаго обѣда—это не ѣда, а питье. Вино свое, и самый не богатый человѣкъ пьетъ и льетъ его кувшинами, какъ мы, жители русской деревни, пьемъ свой квасъ. Не смотря на то, что мы ужинали совершенно одни, любезные хозяева по грузинскому обычаю провозгласили нѣсколько тостовъ за меня и моихъ род-

ныхъ, и мы порядочно таки выпили на сонъ грядущій вкуснаго и неособенно легкаго мѣстнаго вина.

Утро я хотѣлъ посвятить на осмотръ имеретинскаго хозяйства и поэтому отправился съ своимъ обязательнымъ хозяиномъ пошлаться по Кулашамъ.

Меня сразу поразила сравнительная простота, пустота и безжизненность здѣшняго помѣщичьяго хозяйства. Экономій, въ нашемъ русскомъ смыслѣ, съ разнаго рода постройками и заведеніями, съ всевозможнымъ, дорого стоящимъ инвентаремъ, съ множествомъ должностныхъ и рабочихъ людей всякаго сорта, тутъ и помину нѣтъ.

Здѣшнее дворянство большею частію не имѣетъ ни возможности, ни охоты серьезно заниматься хозяйствомъ. Состоянія всѣхъ распатаны страшно, всѣ въ неоплатныхъ долгахъ, ни у кого почти нѣтъ свободнаго оборотнаго капитала для необходимыхъ затратъ; а хозяйственныхъ, техническихъ или коммерческихъ знаній еще меньше у всѣхъ, чѣмъ денегъ. Поэтому грузинское дворянство въ большинствѣ своемъ вовсе не хозяйничаетъ, даже не пытается хозяйничать, а просто живетъ на доходы своихъ имѣній, стараясь какъ можно менѣе тратить на поддержку имѣнія и оплачивать даже необходимый рабочій трудъ не деньгами, а самыми продуктами хозяйства.

Поэтому безмятежный сонъ и трогательное спокойствіе, слишкомъ непривычныя и потому отрадныя, какъ всякій идеаль, для русскаго хозяйственнаго глаза, царствуютъ въ усадьбахъ кулашскихъ помѣщиковъ.

Тутъ не увидите ни конныхъ заводовъ съ длинными конюшнями, ни скотныхъ дворовъ, ни хлѣбныхъ магазиновъ, ни сараевъ съ земледѣльческими орудіями, ни артелей пахарей, выѣзжающихъ на выкормленныхъ экономическихъ лошадяхъ съ плугами, сѣялками и запашниками.

Около дома кухонька безъ трубы, съ очагомъ посрединѣ, гдѣ въ одно и то же время готовятъ себѣ кушанье господа и ихъ прислуга, да маленькія вѣтлушки для хлѣба и птицъ, — вотъ и вся усадьба дворянина средней руки. Скотъ загоняется прямо въ открытый дворъ или пасется въ лѣсахъ и горахъ. За дворомъ, отѣненнымъ рѣдкими большими деревьями, обыкновенно тянутся кукурузники и виноградники, содержимые почти первобытно, съ разсыянными среди нихъ плодовыми деревьями. Однѣ только усадьбы обрабатываются наймомъ; поля же отдаются крестьянамъ изполу, даже на крестьянскихъ сѣменахъ

чтобы избѣгнуть всякихъ хлопотъ и расхода. Сѣютъ почти исключительно яровые хлѣба, кукурузу и томи (кавказское просо), рѣже пшеницу.

Рабочихъ достать почти нельзя, вслѣдствіе крайне высокихъ цѣнъ и большаго нежеланія имеретинскихъ крестьянъ наниматься на работу чужаго поля, вмѣсто своего собственнаго. Обыкновенному годовому работнику, вмѣсто 45 и 50 р., за которые онъ живетъ въ средней Россіи, здѣсь платятъ 120 и 150 р. въ годъ, но и то онъ работаетъ спустя рукава, а требователенъ втрое больше русскаго. Впрочемъ, и такихъ трудно найти.

Жалко ходить по цѣлымъ лѣсамъ черешень, тутовыхъ и фиговыхъ деревъ, орѣховъ разнаго рода, оплетенныхъ вездѣ виноградомъ, принадлежащимъ помѣщикамъ и совершенно нигдѣ неохраемымъ. Не только всякій идетъ туда нарвать себѣ плодовъ зрѣлыхъ и незрѣлыхъ, но прохожіе и проѣзжіе безжалостно ломаютъ цѣлыя вѣтви съ плодами, а когда понадобится—губить и цѣлыя деревья. Свиньи табунами рожь въ густой травѣ этихъ лѣсковъ, пожирая массами опадающія спѣлыя ягоды и орѣхи. Хозяйки грузинскія въ этомъ отношеніи мало домовиты, рѣдко что запасаютъ въ прокъ, рѣдко когда варятъ, сушатъ или солятъ ягоды, а пользуются ими, пока онѣ на деревѣ.

Вообще хозяйство грузинскаго дворянства производитъ впечатлѣніе поразительнаго безсилія и дремоты. Оно должно или вовсе замереть въ непробудномъ снѣ, или энергически страхнуть съ себя средневѣковыя отношенія къ землѣ и труду, вооружить способную грузинскую молодежь реальными знаніями, путемъ дѣятельнаго образованія, создать капиталы для хозяйственныхъ предпріятій, дать имъ правильный строй, помощью разныхъ хозяйственныхъ учрежденій, обществъ, фермъ, складовъ и проч. Иначе грузинскому дворянству въ самомъ скоромъ времени грозитъ всеобщее экономическое крушеніе, съ которымъ, разумѣется, тѣсно связано и общественное значеніе ихъ въ своей странѣ. Участъ испанскихъ гидальго, въ дырявыхъ плащахъ подъ рыцарскими гербами, не особенно соблазнительна и должна, кажется, образумить самыхъ безпечныхъ и самыхъ легкомысленныхъ.

Два года тому назадъ, помнится, грузинское дворянство все цѣликомъ обращалось чрезъ намѣстника съ всеподданнѣйшею просьбою къ государю императору о сложеніи съ дворянства громаднхъ недоимокъ старыхъ лѣтъ. Не знаю, могла ли быть удовлетворена эта просьба, мотивированная тѣмъ, будто обстоя-

тельства дѣлаютъ Закавказье театромъ постоянныхъ войнъ, разорительныхъ для дворянства и не позволяющихъ возникнуть въ Грузіи прочному хозяйственному строю.

Но, во всякомъ случаѣ, подобныя экстренныя мѣры не избавятъ край отъ неминуемо грозящей ему судьбы, если грузинскіе помѣщики будутъ искать причинъ своего повальнаго экономическаго упадка внѣ себя самихъ. Война войною, и въ отговорахъ этихъ есть своя доля правды. Не было бы ватажкою утверждать, что война уже такъ часто посѣщаетъ Кавказъ въ послѣдніе годы. Война дѣйствуетъ вообще разорительно на все государство, но специально на Грузію она могла бы губительно дѣйствовать только въ случаѣ оборонительной войны, при частыхъ вторженіяхъ непріятеля, чего, къ счастью, мы уже давно не помнимъ. Напротивъ того, сосредоточеніе нашихъ собственныхъ войскъ въ закавказскихъ провинціяхъ должно было бы служить одною изъ могучихъ причинъ процвѣтанія края, такъ какъ десятки миліоновъ рублей, издержанныхъ на армію и арміею, большею частію поневолѣ остаются въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ стоитъ войско. Мѣстные жители получаютъ столько случаевъ сбывать возвышенною цѣною всевозможные продукты своего хозяйства, промысловъ и торговли, служить войску своими перевозочными средствами, вообще имѣть при немъ заработки всякаго рода, что можно положительно ожидать сильнѣйшаго обѣдненія Закавказскаго края по уходѣ изъ него войскъ.

Мы уже не говоримъ о томъ, что потребности войны и войска создали множество удобныхъ путей сообщенія и много новыхъ центровъ торговли и промышленности, которыхъ Закавказье не видало бы при другихъ условіяхъ.

Война вліяетъ вредно на хозяйство Грузіи совсѣмъ другою, нравственною стороною своею. Она помогаетъ старому рыцарству Грузіи пребывать въ старыхъ рыцарскихъ преданіяхъ, вусахъ и обычаяхъ. Она сталкиваетъ ихъ слишкомъ часто съ Азіею, воспитываетъ ихъ слишкомъ долго мечемъ и копьемъ, и поневолѣ заслоняетъ отъ нихъ Европу, дѣлаетъ ихъ чуждыми ея мирныхъ идеаловъ промышленнаго труда и высокой образованности.

До сихъ поръ идеалъ наѣздника и война крѣпко сидятъ въ головѣ и сердцѣ каждаго грузина, какой бы университетъ ни прошелъ онъ, какимъ бы специальностямъ ни посвятилъ себя. Я крѣпко убѣдился въ этомъ во время своихъ поѣздокъ по деревнямъ и городамъ Закавказья.

Кажется, съ вами бесѣдуетъ человекъ въполнѣ европейскаго

воспитанія и понятій, самой миролюбивой и даже педантической профессіи, безусловно либеральный и прогрессивный, говорящій цивилизованнымъ языкомъ литературы, одѣтый въ фасоны Петербурга и Одессы. Вы совершенно забываете съ нимъ, что вы въ Азіи, что передъ вами кавказецъ; но вдругъ застучали стаканы, зазвенѣла зурна, раздалась плачущая, плакать заставляющая наивная грузинская пѣсня, — и какъ чудомъ какимъ перерождается мнимый европеецъ. Черные азіатскіе глаза вспыхиваютъ удалымъ огнемъ, трезвыя книжныя фразы внезапно замѣняются радостнымъ гиканьемъ дивара и вы уже видите его вполне своимъ, такимъ же, какъ они, съ полнымъ азарпештомъ въ рукѣ, за веселою попойкою, за дружною пѣснью, носящимся въ лезгинѣхъ, скачущимъ на конѣ въ отчаянной джигитовѣхъ.

Таковы, мнѣ кажется, всѣ грузины, отъ помѣщика и воина до судьи, учителя, попа, чуть не до самыхъ архипастырей ихъ.

И, знаете ли, я долженъ покаяться, что меня лично очаровывала эта искренняя впечатлительность и порывистость грузинскаго характера. Въ немъ столько молодости и свѣжести жизни, къ сожалѣнію, давно забытыхъ трезвыми, возмужалыми обществами Европы. Конечно, грузинское веселье всегда очень близко граничить съ ссорой, и дружескій стаканъ вина у нихъ очень скоро замѣняется ударами кинжала.

Но все-таки, сами по себѣ, безпечная удалъ и веселая общительность необыкновенно располагаютъ къ нимъ человѣка, привыкшаго у себя дома видѣть столько скуки, сдержанности и натянутости.

И однако, тѣмъ не менѣе, не смотря на трогательныя поэтическія воззванія Альфонса Додэ, le charbon rouge, цыганствующее начало жизни, вездѣ вынуждено слагать свою бродячую арфу передъ прозаически суровою пралкою хлопотливой хозяйки. Вездѣ въ мірѣ скопидомъ-муравей баснописца получаетъ право съ презрительною ироніею отворачиваться отъ легкомысленной, веселой стрекозы и самодовольно уносить свое сытое брюшко въ свой тепло насиженный домъ, оставляя на морозѣ голодную жрицу талцевъ и пѣсень. Этотъ жребій крыловской стрекозы несомнѣнно виситъ и надъ хозяйственнымъ будущимъ грузинскаго дворянства, какъ бы ни были симпатичны намъ его душевныя свойства.

За то какая разница хозяйство имеретинскаго крестьянина! Не нужно ѣздить ни въ какую Голандію, ни въ какую Швей-

царю. Наше мелкопомѣстное дворянство среднихъ губерній живетъ гораздо менѣе удобно и домовито, чѣмъ здѣшній крестьянинъ.

Имеретія—это земной рай для мелкихъ собственниковъ, которые могутъ сами обрабатывать свое поле. Могу сказать смѣло, что нигдѣ въ Россіи я не видѣлъ такого сплошнаго благосостоянія, какъ среди крестьянскаго населенія ріонской равнины, даже среди бывшихъ временно-обязанныхъ крестьянъ имеретинскихъ князей. Далѣе, къ горамъ, говорятъ, они живутъ еще лучше, еще зажиточнѣе.

Огромное преимущество здѣшняго крестьянства въ томъ, что оно поселено цѣлыми рядами отдѣльныхъ хуторковъ, совершенно разобщенныхъ отъ сосѣдей садами и огородами. Отъ воды дѣться некуда; почва не знаетъ утомленія; почти круглый годъ весна и лѣто, круглый годъ работой не спѣша; въ этомъ южномъ климатѣ земля и солнце родятъ вмѣсто овса и пеньки дорогіе плоды, душистое вино; небольшой клочекъ поля можетъ прокормить семью; топить почти ненужно, шубъ ненужно; расходы дома уменьшаются вдвое, втрое противъ русскаго мужика, которому нужны сани зимою, телѣга лѣтомъ, тулупъ и валенки, и огромная печь, вѣчно пожирающая топливо, и большіе запасы желудочнаго топлива на ту же зиму, уже не для избы, а для человѣка; у русскаго вся работа сбивается въ пять-шесть мѣсяцевъ и поневолѣ обращаетъ въ «страдную пору» единственные дни, въ которые ему можно свободно дышать и жить. Остальное время онъ замуравленъ въ медвѣжью берлогу, обреченный на невольное бездѣйствіе, на бесплодное проѣданье своихъ лѣтнихъ заработковъ.

Отрадно войти во дворъ кулашскаго крестьянина средней руки, черезъ его заповѣдныя дѣдовскія ворота. Зеленымъ сукномъ стелется его обширный безмолвный дворъ, среди котораго пріютились, подъ густою тѣнью громадныхъ орѣховъ, его домики и разныя хозяйственныя постройки. Тѣсный строй высокихъ, пирамидальныхъ тополей живописно обрамляетъ агѣтъ зеленый четырех-угольникъ. Ровная алейка изъ чинаръ идетъ по срединѣ двора къ дому, заботливо осаженная кругомъ тигровыми лилеями, ирисами и др. простыми цвѣтами.

Хозяинъ встрѣчаетъ насъ низкими поклонами, безъ шапки; въ другихъ мѣстахъ я не видалъ, чтобы грузины кланялись съ такимъ подобострастіемъ. Но онъ, временно-обязанный, недавно бывший крѣпостнымъ, а со мною его прежній господинъ. Вѣ-

роятно, его положеніе требуетъ такой исключительной учтивости, неполнѣ согласной съ общими нравами народа.

Мы просимъ его показать намъ всѣ подробности крестьянскаго хозяйства и объясняемъ ему, что я гость издалека, никогда не видалъ Имеретин и имеретинъ. Хозяинъ съ большою готовностію ведетъ насъ въ свой домъ и старается объяснить намъ все, чего мы не знаемъ. У него по здѣшнему обычаю два дома, одинъ въ родѣ кунацкой татарь, для гостей и мужчинъ, другой — семейный.

Неизбѣжная галерейка впереди, съ очень низкими скамейками, устланными ковриками, и за нею большая комната, составляетъ собственно гостинную часть дома. Эта первая комната убрана съ тщательностію, мало напоминающею наши крестьянскія избы. Тутъ орѣховый шезлонгъ съ посудомъ, сдѣланный подъ лакъ, весьма аккуратно уставленный бутылками, чашками, и всячій поставитъ, и широкія «тахты» (диваны), покрытыя коврами и «мутавами» (круглые вальки въ цвѣтныхъ чехлахъ). Тахты для бесѣды, для гостей, а для хозяина особая широкая кровать. На стѣнахъ опрятно развѣшано разное платье, очень чистое и приличное, мѣдный бубень, четырех-струнная гитара, сѣдла и всякая всячина. Ничего того, что составляетъ принадлежность грубаго домашняго хозяйства, а только все то, чѣмъ можно забавить и угостить себя и гостей, что нестыдно людямъ показать.

Въ этомъ парадномъ отдѣленіи имеретинскаго жилища помѣщается не только глава и хозяинъ дома, мужчина — вѣнецъ созданія, для котораго существуетъ и жена, и весь домъ, но и первый другъ его, первое сокровище всякаго истаго кавказца — верховой конь. Коня имеретинъ помѣщаетъ всегда тамъ, гдѣ онъ спитъ самъ. Онъ бережетъ его, какъ зеницу ока, и не до- вѣритъ его ничьему чужому глазу, особенно ночью. Въ той же гостинной комнатѣ, въ самомъ задѣ ея, сдѣлано возвышеніе съ яслями, и на этомъ-то возвышеніи пребываетъ всю зиму, какъ на престолѣ, лучшее украшеніе имеретинской гостинной. Сзади гостинной помѣщается въ домикѣ только давяльня съ пресомъ для вина и громадными каменными кувшинами («чорами»).

Въ семейномъ домѣ тоже двѣ комнаты, но тамъ уже далеко нѣтъ того приличія и чистоты. Всевозможная хозяйственная и кухонная посуда, деревянные блюда, корыта, горшки, мотыги для кукурузы, рѣшота для шелковичнаго червя изъ толстаго камыша, еще съ сѣмяннами червей, боконами и только что выдупившимися бабочками, — все это заваливаетъ переднюю комнату,

гдѣ на лавкахъ и тахтахъ сняты женщины съ дѣтьми. За нею идетъ очень обширная задняя комната, съ очагомъ по срединѣ, замѣняющая кухню и рабочую, служащая обычнымъ мѣстопребываніемъ всей семьи и близкихъ къ ней людей въ будніе дни. Очагъ совсѣмъ открытый, т. е. просто мѣсто на полу, выстланное камнемъ, на которомъ разводится огонь и надъ которымъ виситъ цѣпь съ котелкомъ. Даже въ крышѣ нѣтъ ни трубы, ни настоящаго отверстія, а только деревянная черепица ея слегка приподнята, чтобы пропускать дымъ. Тутъ тоже разныя орудія хозяйства, даже маленькій ручной жерновъ, на которомъ до сихъ поръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа, женщины продолжаютъ молотъ свой хлѣбъ. Впрочемъ, такіе жернова на моей памяти были еще и у нашихъ курскихъ крестьянъ. Кромѣ жилыхъ домовъ у каждаго имеретинскаго крестьянина непремѣнно стоитъ на дворѣ, гдѣ нибудь подъ тѣнью орѣха, высокая сушильня на столбахъ для «семенди», т. е. кукурузы, а подъ нею и около нея прячутся арбы и разныя своеобразныя, почти первобытныя орудія имеретинскаго земледѣлія. Плуги и бороны живо напоминаютъ тѣ счастливыя времена, когда Церера проводила по землѣ свои первыя борозды, и трудно сомнѣваться, чтобы во дни Язона и Улиса обитатели Колхиды не пахали свою золотonosную почву этими самыми агрономическими изобрѣтеніями.

Тесовая «саманница» для мякны и соломы, также далеко отъ земли, подъ нею тесовый свинятникъ, да отдѣльная тесовая кладовая, вотъ и всѣ хозяйственныя строенія имеретина. Особыхъ амбаровъ и конюшенъ у него нѣтъ. За первымъ жилымъ дворомъ идетъ другой, такой же зеленый и тѣнистый дворъ, обращенный частію въ садъ, частію въ огородъ; тутъ и табакъ, тутъ стрючковый и гвоздичный перецъ, тутъ острогонъ (который имеретины называютъ «торхунъ»); немудрено, что наше простонародное названіе острогона «торгунъ» взято изъ Грузіи), подлажаны, пастернакъ, укропъ; тутъ любимая грузинами, по ихнему чрезвычайно пахучая, по моему чрезвычайно вонючая, трава, которую они подмѣшиваютъ въ кушанье и называютъ «кинзи», вообще всякія огородныя, почти исключительно душистыя травы.

Тутъ же и пасѣка имеретина въ маленькихъ долбленныхъ деревянныхъ колодахъ, не стоячихъ, какъ наши улья, а лежачихъ и складныхъ. Третій участокъ—это сплошная кукуруза, но и среди нея разбросаны во множествѣ плодовые деревья. Гранаты, фиги, яблони, черешни, вишни, айва, персики какой-то

гладкой породы, шелковица, орѣхи волошскіе и фундуки, послѣднихъ особенное изобиліе.

Почти каждое дерево оплетено виноградомъ, который только кое-гдѣ поддержанъ тычками; хмѣль и ежевика добровольно присоединяютъ свои крѣпкія плети къ высающимся лозамъ винограда, такъ что иное дерево представляетъ собою поразительную густоту и еще болѣе поразительное разнообразіе плодовъ.

За третьимъ садомъ—четвертый; нѣчто въ родѣ бакши. Это участокъ самый низменный и влажный; между грядами его почти круглое лѣто держится вода. Тутъ арбузы, дыни, тыквы, огурцы, фасоль или, такъ называется грузинами, «лобіа», самое обычное и самое любимое кушанье всего закавказскаго просто-народія, какъ у насъ въ Россіи незамѣнимыя наші «картошки»; кромѣ того добрая половина участка засѣяна камышомъ, продуктомъ крайне нужнымъ для имеретина, потому что онъ дѣлаетъ изъ него крыши для своихъ хозяйственныхъ строеній.

Каждый изъ этихъ четырехъ садовъ окружонъ тѣсными рядами деревьевъ и рвами. Всего въ усадьбѣ кулашскаго крестьянина средней руки 10 «кцевовъ», а «кцева» можетъ считаться приблизительно за нашъ осьминникъ, т. е. $\frac{1}{3}$ десятины; здѣсь еще мѣрятъ землю первобытнымъ способомъ, т. е. присаживаясь къ землѣ и обхватывая въ обѣ стороны руками, откуда собственно и произошло въ древности названіе «сажень», какъ локоть произошелъ отъ мѣры черезъ согнутую руку, падъ—отъ распяленной ладони, футъ (нѣмецкое fuss, англійское foot) отъ длины ступни, вершокъ—отъ верхняго сустава пальца, и т. под.

Весь земельный надѣлъ такого крестьянина равняется 23 кцевамъ. т. е. $7\frac{1}{2}$ дес., слѣдовательно, немного болѣе того, что получилъ нашъ черноземный крестьянинъ на тягло (2 души, т. е. $5\frac{1}{2}$ дес.—6 дес.).

Счастливымъ условіемъ для здѣшнихъ крестьянъ было то обстоятельство, что они удержали у себя весь земельный надѣлъ, которымъ пользовались при крѣпостномъ состояніи; а такъ какъ историческія обстоятельства заставляли грузинское дворянство воспринимать въ себѣ болѣе воинственные, чѣмъ хозяйственные вкусы, то естественно, что они не жалѣя отдавали землю въ пользованіе своимъ крѣпостнымъ, увеличивая за то оброки и послуги разнаго рода.

Впрочемъ и у самихъ имеретинскихъ дворянъ осталось достаточно земель, если судить по тому, что, напримѣръ, для участія въ дворянскихъ выборахъ въ Кутаисской губерніи тре-

буется цензъ въ 1,500 кпеевъ или 500 дес. земли, между тѣмъ какъ въ большинствѣ губерній средней земледѣльческой Россіи цензъ этотъ равняется всего 200 дес., да и то возбуждаетъ жалобы.

Здѣшній крестьянинъ платитъ своему бывшему помѣщику 3 р. въ годъ за дворъ, т. е. усадьбу, 4 р. за лѣсъ, участокъ котораго неперемѣнно принадлежитъ каждому крестьянину, а съ поля платитъ ему натурою— $\frac{1}{4}$ урожая. О недомыслахъ оброка здѣсь даже и не говорятъ, ихъ не бываетъ.

Этого иначе и быть не могло при такомъ благосостояніи крестьянъ. Они сами сознаютъ, что быть ихъ чрезвычайно улучшился послѣ освобожденія. Однако мнѣ они прямо говорили, что дѣло пошло бы еще гораздо лучше, если-бы они были увѣрены, что земля, которую они обрабатываютъ, дѣйствительно будетъ ихъ, а не помѣщичья. Хотя многіе уже выкупили свои надѣлы, но всѣ таки большинство остается въ обязательныхъ отношеніяхъ къ дворянству. Хозяйство имеретинскаго земледѣльца это такая полная чаша, о которой нашему русскому хозяину и во снѣ не снится. Уже одно разнообразіе плодовъ и овощей, которые онъ воздѣлываетъ, показываетъ ясно, что онъ позволяетъ себѣ думать не объ одномъ насыщеніи чрева чѣмъ попало, но и о нѣкоторыхъ тонкостяхъ жизни.

Здѣшніе крестьяне увѣряли меня, что они не продаютъ ничего изъ садовъ и огородовъ своихъ, ни винограда, ни вина, ни меду, ни овощей. Все это они держатъ исключительно для себя. Продается только одна кукуруза. Но за то ничего почти и не покупается. Закопавъ въ землю нѣсколько большихъ кувшиновъ вина, насушивъ любимыхъ плодовъ и травъ, набивъ кукурузою свою вышку, имеретинъ весело можетъ встрѣчать зиму и не нуждается искать дополнительныхъ заработковъ гдѣ нибудь на сторонѣ. Удивительный климатъ и удивительная почва сторицею вознаграждаютъ его трудъ. Все растетъ и наливаются по часамъ. Тополі, только что посаженные прошлою весною тонкими лозочками, стоятъ уже въ руку толщикою, сажени 4 въ вышину, и все такъ. Орѣхъ, которому всего 40 лѣтъ, закрываетъ своими громадными суками цѣлую площадь и кажется 300-лѣтнимъ.

Имеретинскія женщины также не остаются безъ дѣла въ крестьянскомъ хозяйствѣ; онѣ раздѣляютъ труды мужчинъ по огороду и саду, вывозятъ и разматываютъ шелковичные коконы и не только готовятъ шелкъ-сырецъ, но еще ткутъ изъ него очень плотныя, хотя и грубоватыя ткани, совершенно напоми-

нающія известную китайскую «чу-се-чу», за которую, вѣроятно, и сбываются часто на разныхъ нижегородскихъ, полтавскихъ и крещенскихъ ярмаркахъ.

Последнее время аршинъ такой шелковой ткани стоилъ на деревенскихъ базарахъ копѣекъ 60, а въ Тифлисѣ до одного рубля. Вообще всѣ здѣшніе крестьяне безъ исключенія занимаются шелководствомъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время полного неурожая хлопка въ сѣверной Америкѣ, всѣ бросились даже на воздѣлываніе хлопка и заработали на немъ изрядно. Къ сожалѣнію, послѣ того цѣны сильно упали, занятіе хлопкомъ оказалось невыгоднымъ и прекратилось совершенно.

Когда мы осмотрѣли все хозяйство одного изъ домовитыхъ гулашскихъ крестьянъ, онъ пригласилъ насъ сдѣлать ему честь отвѣдать его хлѣба-соли. Быстро появился на галерейкѣ низенькій столикъ, а на немъ «пури» (лепешки), медъ, огурцы, зеленая «алыча» (очень вкусная кавказская слива) и бутылка молодого домашнего вина.

Мы выпили этого слабого и кислотоватаго напитка, пожелавъ благополучія хозяину и дому его. Онъ отвѣтилъ намъ по восточному обычаю, конечно, по-имеритински, что необыкновенно счастливъ видѣть подъ кровлею своею такого далекаго и рѣдкаго гостя, какъ русскій господинъ изъ-подъ Москвы.

Я не остался въ долгу и просилъ своего спутника увѣрить нашего волхидскаго Авраама, что сколько я ни странствовалъ по разнымъ землямъ, нигдѣ не находилъ такого благосостоянія и гостепріимства.

Съ низкими поклонами благодарилъ и провожалъ насъ довольный хозяинъ не только на улицу, но и до самаго дома князя.

Среди многихъ непріятныхъ впечатлѣній, которыя придется мнѣ здѣсь испытывать по поводу разныхъ грѣховъ нашего владычества на Кавказѣ, я съ глубокою радостью и съ чувствомъ гордости убѣдился, что мы, русскіе, все-таки принесли Грузіи великое и ничѣмъ незамѣнимое добро: мы спасли ея будущее и дали ей возможность сдѣлаться, наконецъ, истинно-христіанскою, истинно-европейскою страной, освободивъ въ 60-хъ годахъ ея крѣпостныхъ крестьянъ.

Этого никогда не должна забыть Грузія. Крѣпостное право

было укоренено въ Грузіи сильнѣе, чѣмъ въ какомъ нибудь другомъ государствѣ, и по особеннымъ обстоятельствамъ, Грузіи должно было чувствоваться особенно тяжело. Странно было бы видѣть безъ рабства эту маленькую страну, на которую втеченіи цѣлыхъ столѣтій могучіе мусульманскіе сосѣди ея, турки, персы и хищные кавказскіе горцы, — глядѣли какъ на «оленій паркъ» Людовика XV своего рода, воспитывавшій красавицъ дѣвъ и красавцевъ юношей для ихъ гаремовъ. Никакое волхидское золото не привлекало къ себѣ столькихъ жадныхъ завоевателей, какъ необыкновенная красота грузинскаго племени. Эта красота стала несчастіемъ и проклятіемъ Грузіи, она исторически развратила ее. Грузинскія страны Закавказья почти постоянно платили огромную дань туркамъ и персамъ молодыми невольниками и невольницами. Лезгинны и черкесы собирали эту дань оружіемъ. Идея невольничества естественно проникла весь общественный духъ грузинъ и стала чѣмъ-то до такой степени обычнымъ и простымъ въ грузинскихъ странахъ, что перестала возмущать нравственное чувство даже лучшихъ людей ихъ.

Торговля невольниками, начавшаяся еще во времена грековъ и римлянъ, сдѣлалась одною изъ основныхъ и любимѣйшихъ промысловностей грузинскаго племени. Князья брали въ плѣнъ сосѣдей и проѣзжихъ и продавали ихъ. Безчисленныя междуусобныя войны обращались черезъ это въ выгодныя торговыя предпріятія. Пристани древней Колхиды и всего кавказскаго побережья приобрѣли славу главныхъ невольничьихъ рынковъ Европы. Особенно Мингрелія работала и зарабатывала много на этомъ дѣлѣ, пользуясь своимъ приморскимъ положеніемъ. Эта старая привычка работоторговли держалась въ Грузіи до самаго присоединенія къ Россіи, и въ XVIII вѣкѣ свирѣпствовала почти такъ же, какъ и въ средніе вѣка.

Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ одного историческаго документа, занесеннаго въ первый томъ актовъ кавказской археографической комисіи, вклятвеннаго условія нѣкоторыхъ карталинцевъ, даннаго ими въ 1747 г. по требованію грузинскаго католикоса. «Сіе условное письмо поднесли мы, Авали-Швили Петръ, Ростомашвили Заалъ, нашъ дворянинъ, и другіе, всѣ вообще наши подданные дворяне и крестьяне, вамъ, нашему государю, грузинскому католикосу-патріарху, царевичу господину Антонію въ томъ, что въ нашемъ домѣ и владѣніи и между нашими крестьянами было много зловредныхъ и лукавыхъ дѣлъ: плѣнопродавство, убійства, грабежи, прелюбодѣянія и много законопреступныхъ дѣяній. Вы, какъ жертвующій

собою за вашъ народъ, пожаловали въ нашъ домъ и по долгу вашего званія приказали намъ, научили и наставили. И мы сіе условіе доложили и сдѣлали обѣтъ передъ Богомъ и святою небо-подобною соборною церковью, — отнынѣ впредь не вмѣшиваться ни въ продажу плѣнныхъ, ни въ убійства, и какія были между нами злодѣйства, дурныя привычки и богопротивныя дѣла, отъ всего отстать и пресѣчь, буде же отнынѣ впредь освѣдомитесь, что преступимъ вашу заповѣдь, то вы, не отвѣчая предъ Богомъ, взыщите съ насъ такъ, какъ съ злодѣевъ и разбойниковъ: духовно осудите насъ вы, а тѣлесно передайте царямъ, и пусть наша кровь послужитъ законнымъ удовлетвореніемъ. Какъ знать, быть можетъ для государства требуютъ плѣнниковъ, но и въ такомъ случаѣ довлѣдывать вамъ, а равно извѣщать, если кто будетъ заниматься въ нашемъ владѣніи плѣнопродавствомъ, стараться поймать какъ самага плѣнника, такъ и продавца, и доставить ихъ къ вамъ и т. д.»

Страна, привывшая втеченіи вѣковъ промышлять плѣномъ, продажою людей, разумѣется, не могла и сама обойтись безъ учрежденія невольничества. Не только дворянинъ и князь имѣли своихъ крѣпостныхъ, но даже крѣпостной и крѣпостной крѣпостнаго могъ имѣть своего раба или купленнаго челоуѣка (мона). Были также и дворяне въ крѣпостной зависимости своего рода отъ князей, до такой степени все снизу и доверху сжилось съ идеею насилія и зависимости. Вѣчная воинственная жизнь грузинскаго дворянства дѣлала его естественнымъ защитникомъ и покровителемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и господиномъ трудящихся классовъ. Надъ знатнымъ дворяниномъ не могло быть суда и закона; рыцарское дворянство Грузіи было сильнѣе ея царей, а дѣло вѣшной защиты государства отодвигало на задній планъ всѣ другіе интересы. Поэтому только немногіе грузинскіе цари пытались дѣлать нѣкоторыя робкія попытки обуздать хотя сколько нибудь своеволіе дворянъ надъ послѣдними.

Въ извѣстныхъ законахъ царя Вахтанга, составленныхъ въ началѣ XVIII столѣтія, не находится почти ни одного распоряженія, существеннымъ образомъ ограничивающаго произволъ владѣльцевъ. Въ древнѣйшихъ законахъ и того менѣе.

«Кто убьетъ или изувѣчитъ своего крестьянина за какое либо преступленіе, тотъ заслуживаетъ гнѣва царя и католикоса, ибо никто не имѣетъ права казнить своего крестьянина безъ царя», говоритъ 25-я статья законовъ царя Вах-

танга, причѣмъ прибавляетъ: «впрочемъ, если-бы господинъ и подлинно казнилъ или изувѣчилъ своего крестьянина, то сей послѣдній и наслѣдники его не вправѣ требовать отъ него удовлетворенія».

Правда, семья убитаго получала черезъ это право на свободу, но это право почти всегда оставалось мертвою буквою, такъ какъ другихъ судей, кромѣ князей-помѣщиковъ, не существовало почти нигдѣ; за кровь крестьянина законъ взыскивалъ въ 15 разъ дешевле, чѣмъ за кровь знатнаго князя.

Помѣщикъ былъ полный господинъ личности, чести и имущества своего крестьянина. Любую дѣвушку онъ свободно бралъ себѣ въ прислугу и въ наложницы, продавалъ враздробъ членовъ семьи въ разныя страны и разнымъ господамъ. И хотя относительно барщины и оброковъ существовали обычаи, по которымъ крестьянинъ долженъ былъ работать на помѣщика только отъ 10 до 50 дней въ году и отдавать ему не болѣе $\frac{1}{4}$ части жатвы и всякихъ плодовъ, однако существовали подати подъ другими заглавіями, всегда предоставлявшія помѣщику возможность обобрать до нитки своего крестьянина.

Таковы были, напримѣръ, страшныя своею неопредѣленностію, обязанности крестьянъ оказывать пособіе помѣщику въ уплатѣ его долговъ и при покупке имѣнія, въ разныхъ чрезвычайныхъ случаяхъ его жизни, какъ, напримѣръ, при женитьбѣ, похоропахъ и проч.; кромѣ того, крѣпостные обязаны были содержать помѣщика съ его семействомъ и свитою, на сколько бы времени ни заѣхалъ онъ къ нимъ.

Духовенство не могло существенно смягчить зла, потому что въ Грузіи духовные были родственники тѣхъ же дворянъ и, какъ они, владѣли крестьянами.

Царская власть всецѣло зависѣла отъ дворянства. Провинція за провинціею отходила отъ грузинскихъ царей; они все болѣе и болѣе нуждались въ добротныхъ подаяніяхъ дворянства, а дворянству неоткуда было извлекать этого пособія, кромѣ какъ изъ имущества крѣпостныхъ.

Пользуясь совершеннымъ отсутствіемъ паспортовъ и полицейской власти, крестьяне, тѣснямыя помѣщиками или налогами, тысячами бѣжали и переселялись въ другія мѣстности. Безконечныя войны и дробленіе наслѣдствъ разоряли дворянъ, а роскошь и праздность ихъ не уменьшалась, но увеличивалась; то, что прежде ложилось на плечи цѣлыхъ многолюдныхъ селеній, теперь ложилось на немногіе, оставшіяся у нихъ дворы.

Изъ нихъ помѣщикъ набиралъ свою прислугу, ихъ доходами онъ оплачивалъ свои попойки и свои походы.

Черезъ это положеніе крѣпостныхъ Грузіи, во времени присоединенія ея къ Россіи, сдѣлалось особенно невыносимымъ.

Было много владѣльцевъ, имѣвшихъ сообща всего нѣсколько дымовъ крестьянъ и даже встрѣчались случаи, когда 1 дымъ принадлежалъ нѣсколькимъ наслѣдникамъ.

Изъ интересной статьи г. Калантарова, помѣщенной въ «Сборникѣ свѣдѣній о Кавказѣ», т. II, видно, что въ собственной Грузіи, въ началѣ 60-хъ годовъ, 16,500 дымовъ крѣпостныхъ крестьянъ были распределены между 3,242 помѣщиками, т. е. среднимъ числомъ приходилось на каждаго помѣщика 5 дымовъ, изъ нихъ 869 человекъ имѣли менѣе, чѣмъ по 4 дыма.

Государство, при такомъ общественномъ и экономическомъ положеніи, двигалось къ гибели быстрыми шагами. Крестьянинъ не былъ заинтересованъ ни въ развитіи своего благосостоянія, которое ежедневно могло быть уничтожено по прихоти его владѣльца, ни въ защитѣ государства, гдѣ онъ не находилъ для самого себя ни свободы, ни правосудія, ни обезпеченія.

Правда, многія условія на дѣлѣ смягчали и значительно видоизмѣняли безусловное юридическое безправіе крѣпостныхъ. Грузинское дворянство, по правамъ, образу жизни и образованію своему, было очень близко къ крестьянству, невольно поэтому становилось къ нему въ нѣсколько родственныхъ, патриархальныхъ отношеній и старалось, во многихъ случаяхъ, оберегать имущество и личность крестьянина, какъ своего домохадца.

Съ другой стороны, грузинскій крестьянинъ никогда не переставалъ быть человекомъ оружія и никогда не убивалъ въ себѣ вопліи чувства своего достоинства. Кровавая расправа съ помѣщикомъ за оскорбленіе и притѣсненіе составляла въ Грузіи обычное явленіе, и безмолвная угроза ея сдерживала произволъ дворянства гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ увѣщанія католикоса и безсильные законы царя.

Народъ, привыкшій носить оружіе, никогда не можетъ совершенно обратиться въ смиреннаго раба.

И это чувство внутренней независимости человека было тѣмъ рѣвче и замѣтнѣе, чѣмъ ближе къ вольнымъ горамъ, чѣмъ дальше отъ государственнаго центра, были провинціи Грузіи. Съ полудикимъ сванетомъ и самурзаканцемъ уже нельзя было обра-

щаться, какъ съ мингрельцемъ, а мингрелецъ и имеретинъ, въ свою очередь, по чувству свободолюбія, стояли далеко выше приниженныхъ и угнетенныхъ карталинцевъ.

Но, не смотря на всѣ эти облегчающія условія, крѣпостная неволя дѣлала невозможною дальнѣйшую экономическую жизнь страны. Объединили не только крестьяне, но и дворяне, и сами цари грузинскіе.

Нація пришла къ стѣнѣ, у которой волею-неволею нужно было остановиться.

Эту стѣну могло опровергнуть только великое слово 19 февраля.

Кулашскій кланъ.

Кулаши—это дворянскій кланъ своего рода, подобный кланамъ горной Шотландіи.

Кулаши населены сплошь древнею фамиліею князей Микеладзе и ихъ бывшими крѣпостными людьми. Многіе изъ Микеладзе удержали за собою титулъ тавадовъ, т. е. князей, другіе не могли доказать своего княжества и теперь считаются дворянами. Насколько древенъ этотъ родъ можно судить потому, что недавно въ окрестной судъ былъ представленъ документъ о подаркѣ имѣнія родомъ Микеладзе 800 лѣтъ тому назадъ, какъ увѣрялъ меня одинъ изъ князей Микеладзе. Сами Микеладзе полагаютъ, что родъ ихъ существуетъ не менѣе 1000 лѣтъ. Теперь ихъ нѣсколько сотъ человекъ въ Кулашахъ. Понятно, что размножившись до такой степени, они значительно объединились. Многіе изъ нихъ обратились въ мелкопомѣстныхъ дворянъ и ведутъ самую скромную жизнь, но нѣкоторыя отрасли еще богаты и пользуются значеніемъ. Такъ, князь А. Микеладзе, домъ котораго я посѣтилъ потомъ, былъ недавно губернскимъ предводителемъ кутаисскаго дворянства, удостоивался чести принимать у себя покойнаго государя, и вообще считается какъ бы представителемъ всего рода и однимъ изъ вліятельнѣйшихъ людей своего края.

Къ обѣду собрались въ домѣ князя родные и сосѣди.

Пріѣхала внягиня М., кузина хозяина, красивая женщина, съ юною хорошенькою дочкою Като, все цвѣтущее личико ко-

торой, казалось, было поглощено ея необыкновенно большими и необыкновенно черными глазами яркой, сверкающей свѣжести.

Она была совсѣмъ ребенокъ, всего 13 лѣтъ, а ужъ смотрѣла 17-ти-лѣтнею.

Пріѣхалъ молодой князь С. въ живописномъ мѣстномъ нарядѣ конвоя его величества, ловкій и милый.

Юноша, совершенно подъ пару молоденькой княжнѣ.

И много другихъ. Мушны собрались особо, женщины тоже. Пошли рассказы, воспоминанія, смѣхъ и крикъ...

Обѣдъ былъ устроенъ въ самой парадной изъ всѣхъ столовыхъ, въ душистой зелени тѣнистаго и широкаго двора, подъ шатрами дѣдовскихъ орѣховъ. Притащили туда цѣлыя бочки вина, всякія жаренныя и варенныя мяса, и всѣ обѣли кругомъ безцеремонную деревенскую трапезу. Простота и добродушная веселость грузинской пирушки отраднo дѣйствуетъ послѣ натанутости и скуки нашихъ собственныхъ общественныхъ собраний. Мы, русскіе образованные люди, дѣйствительно стали какъ-то очень скучны и какъ-то черезъ чуръ озабочены въ послѣднее двадцатилѣтіе нашей исторіи.

Наша старая дворянская веселость исчезла вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, вмѣстѣ съ тою почвою безмятежнаго досуга и обезпеченнаго будущаго, которая казалась нашимъ отцамъ незбылемою, какъ гранитная скала. Конечно, мы многому учились, мы многому научились въ эти наши тяжелые *Lehrjahre*; конечно, мы даже сдѣлали за это время довольно много. Вообще говоря, мы пережили жестокий кризисъ и успѣли перевалить, хотя далеко неблагополучно, изъ своего періода общественной наивности въ періодъ суровой общественной сознательности. Такая важная стадія въ ростѣ народнаго организма не можетъ пройти безъ болѣзни и страданій. И мы дѣйствительно до сихъ поръ еще болѣемъ и страдаемъ; мы до сихъ поръ еще настроены слишкомъ мрачно и тяжело, потерявъ свой прежній безмятежный миръ и не приблизясь еще къ осуществленію своихъ грезъ счастливаго будущаго.

Однако, такъ или иначе, по той или другой причинѣ, изъ нашего образованнаго общества бѣжало веселье, спокойное и свѣтлое настроеніе духа, простодушная, незадумывающаяся общительность, чуждая подозрѣнія и заднихъ мыслей. Мы уже научились смѣяться искренно и добро, мы потеряли и способность, и вкусъ проживать минуту удовольствія ради самой этой минуты, беззаботно отдаваться ей и вѣрить въ нее, ничто же сумняшеся.

У грузинскаго дворянства эта старая черта характера уцѣдѣла вполнѣ. Хотя они тоже пережили тяжелую для нихъ экономическую эпоху, хотя она даже придавила ихъ интересы, можетъ быть, тяжелѣе, чѣмъ у насъ, — однако, они сьумѣли уберечь и въ этихъ новыхъ обстоятельствахъ чувство непосредственной жизни, ту искру веселья и ту страстность впечатлѣнія, безъ которыхъ человекъ пахнетъ слишкомъ много книжкою и слишкомъ мало живымъ человекомъ.

Средневѣковой вланъ князей Микеладзе далеко не распался и, не смотря на многія существенныя новшества, внесенныя въ его исторію необозримою цивилизаціею XIX вѣка, — еще не совсемъ потерялъ свой феодальный и патриархальный характеръ. Всѣ Микеладзе еще тѣсно держатся другъ друга, гдѣ бы ни жили они и какъ бы далеко ни раздвинулись ихъ связи и родство.

— «Гдѣ бы вы ни встрѣтили Микеладзе, хотя бы въ Америкѣ, говорили мнѣ мои радушныя собесѣдники, — будьте увѣрены, что онъ изъ Кулашей. Кромѣ Кулашей нѣтъ и не было Микеладзе нигдѣ на свѣтѣ, и кромѣ Микеладзе нѣтъ никого въ Кулашахъ». Въ Гунибѣ, мнѣ какъ-то передавали потомъ, будто во время турецкой кампаніи 1855 года, кулашскіе Микеладзе составили изъ себя цѣлую дружину конной милиціи и показали чудеса храбрости. Вообще Микеладзе извѣстны своею удачею и храбростію. — «На Кавказѣ не было ни одной самой маленькой войны, въ которой бы ни палъ на полѣ битвы хотя одинъ изъ Микеладзе. А Дагестанъ усѣянъ ихъ костями!» съ грустью заявляли мнѣ собравшіеся на пирушку члены этого своеобразнаго клана.

Одинъ изъ главныхъ представителей рода, князь А... Микеладзе, о которомъ я уже говорилъ выше, былъ начальникомъ грузинской милиціи въ турецкую войну, и мнѣ рассказывали, что дружина его съ безумною отвагою шла въ огонь и въ воду за своимъ любимымъ вождемъ. Многіе изъ этой дружины уже не увидѣли болѣе родимыхъ полей.

«Русскіе все подозрѣваютъ, что мы, грузины, не любимъ Россіи, говорили мнѣ по этому поводу кулашцы, — но они забываютъ, что съ первымъ выстрѣломъ на Кавказѣ всегда первымъ падаетъ грузинъ. Мы идемъ всегда впереди, всегда первые, на враговъ Россіи».

Этому можно было повѣрить, глядя на мощныхъ и ловкихъ людей, окружавшихъ меня на обѣдѣ въ Кулашахъ. Все это лихіе наѣздники, большею частію георгіевскіе кавалеры, хотя нѣбо-

торые изъ нихъ, не получивъ необходимаго школьнаго образованія, еще не заслужили офицерскихъ чиновъ.

У старика К..., дяди моего хозяина, пуля до сихъ поръ сидитъ въ груди, и онъ охотно показываетъ ее любопытнымъ, обнажая при этомъ грудь геркулеса, самъ здоровый, веселый, красивый, какъ сырая говядина, не смотря на свою старость. Впрочемъ, это пуля не врача, а пріятельской свадебной шуток. Выстрѣлъ, ударъ кинжала, въ этой атмосферѣ среднихъ вѣковъ значить тоже самое, что у насъ какое нибудь колкое слово. Когда грузины собираются на свои народные праздники, именины, свадьбы, то всегда устраиваютъ такъ называемое «Томаша», т. е. игры. Особенно большое «Томаша» бываетъ въ храмовые дни. Выѣзжаетъ на площадь иногда нѣсколько тысячъ всадниковъ; мѣстныхъ красавицы, княгини и крестьянки, являются толпами въ своихъ лучшихъ нарядахъ; изъ церкви выносятся нарочно хранимый на этотъ случай, освященный попами, огромный мячъ; всадники и пѣшіе дѣлятся на двѣ партіи, и начинается невообразимая свалка; каждая партія старается отбить себѣ завѣтный мячъ и донести его до назначенной грани; крестьяне тутъ мѣшаются съ князьями, лошади съ людьми; грудью раздвигая пѣшія толпы, всѣ давятъ и толкаютъ другъ друга, вырывая изъ рукъ подхваченный мячъ и подбрасывая его своимъ. Страсти и самолюбія партій разгорятся до крайнихъ предѣловъ: раны и увѣчья на томашахъ—самое обычное явленіе. Даже убійства часты. Побѣдители съ торжествомъ возвращаютъ мячъ въ церковь и чествуются какъ герои. Потребность празднествъ, пированія, веселій еще такъ сильна въ грузинскомъ народѣ, что не только князья, но простые крестьяне не рѣдко раззоряются на угощенія.

Средне-вѣковой обычай господъ посѣщать своихъ васаловъ еще и теперь не вполне вывелся въ Имеретіи. Имеретинскіе цари при самомъ присоединеніи Имеретіи къ Россіи еще странствовали по своей вотчинѣ отъ одного жителя къ другому, по очереди, не минуя даже состоятельныхъ крестьянъ, и опасаясь оскорбить пропускомъ кого-нибудь изъ важныхъ князей; вся многочисленная свита, провожавшая ихъ, съ своими конями и слугами, кормилась и содержалась при этомъ на счетъ хозяевъ по нѣсколько недѣль и мѣсяцевъ, такъ что послѣ прохожденія царскаго двора цѣлая мѣстность иногда оставалась раззоренною какъ послѣ нашествія непріятеля.

И до сихъ поръ имеретинскій крестьянъ ни за что не возьметъ ничего съ князя, остановившагося у него на ночлегъ съ

своею свитою, хотя бы князь этотъ прожилъ у него нѣсколько дней. Крестьяне и сами приглашаютъ въ себѣ князей, гордясь знакомствомъ знатныхъ людей, и князя безъ всякаго стѣсненія принимаютъ приглашеніе. Гостепріимный имеретинъ тогда поставитъ домъ кверху дномъ, чтобы только угостить на славу и не осрамиться передъ добрыми людьми; зарѣжетъ быка, откопаетъ «чоры» съ самымъ старымъ виномъ, словомъ раззорится въ пухъ и прахъ, а ужъ угостить, какъ только можетъ. Да и умѣютъ же пить имеретины, Богъ ихъ прости!

Эти могучіе организмы, полные огня и веселья, словно играючи опорожняють кувшинъ за кувшиномъ, пересыпая обѣдъ немолчаемыми остротами и шутками. Пустыя бутылки то и дѣло взлетаютъ на воздухъ, назадъ черезъ головы, и катятся по мягкой травѣ, гдѣ ихъ подхватываетъ сообразительная прислуга для того, чтобы наполнить вновь виномъ изъ огромныхъ кувшиновъ, пріютившихся въ холодеѣ, подъ сѣнью настоящаго Мамврійскаго дуба.

Старичекъ-виночерпій, присѣвшій на корточкахъ, не успѣваетъ даже оглядываться, не только оторваться отъ своего дѣла.

Дамы имеретинскія нисколько не церемонны и по возможности не отстаютъ отъ мужчинъ въ веселой болтовнѣ, хотя не могутъ не отстать въ опустошеніи бутылокъ. Обращеніе съ ними мужчинъ просто до трогательности. Молодыхъ дѣвушекъ добродушно берутъ за подбородокъ, гладятъ по щечкѣ и по головкѣ, треплютъ по плечу и дружески обнимають. Правда, все это болѣе или менѣе члены одного рода, родня другъ другу, хотя и порядочно дальняя. Молодой хозяинъ переводитъ мнѣ многое изъ остротъ и игривыхъ разсказовъ этихъ веселыхъ собесѣдниковъ, и я невольно присоединяюсь къ общему хохоту, къ которому и безъ того неудержимо располагаетъ это легкое и веселое, само собою льющееся въ горло вино. Его пьется такъ много, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Если-бы выпить столько у насъ на Руси нашихъ французскихъ винъ, право, и съ мѣста бы не всталъ, а здѣсь только разумъ чуть застилается веселымъ туманомъ, да словно какая-то дружелюбная волна, влекущая въ заманчивую даль, начинаетъ легонечко поволыхивать его.

Однако удалые наѣздники, хотя и подъ хмѣлькомъ, не теряютъ вѣры въ крѣпость своихъ ногъ и рукъ. Послѣ обѣда сама собою начинается джигитовка. Осѣдланые кони гостей паслись тутъ же на зеленомъ дворѣ, въ тѣни деревьевъ, и кому то пришло на умъ показать свою прыть. Лошадь быстро поймана и въ одно мгновеніе ловкій всадникъ очутился на ней

верхомъ. Градъ ударовъ нагайки сыплется въ задатокъ и безъ того ретивому коню, и онъ несется какъ сумасшедшій черезъ весь дворъ, подъ широко распростертыми вѣтвями орѣховъ, мимо опустошенныхъ кувшиновъ вина и груды моющихся тарелокъ, понукаемый дикимъ гиканьемъ расходившагося пѣздника, который почти совсѣмъ прилегъ на его шею.

Старый К. не выдерживаетъ и тоже срывается съ мѣста, тоже бросается къ осѣдланному коню. За нимъ вскакиваетъ молодежь. Перепуганныя жены и матери тщетно пытаются остановить за рукава и за полы разгулявшуюся удалъ кулашскаго рыцарства.

Маленькая жена К. повисла на его рукѣ съ громкими удоризнами, и старикъ смущенно отталкиваетъ ее, видимо непривычный сопротивляться гнѣву супруги, но въ то же время чувствуя, что храброму рыцарю непригоже на глазахъ товарищей поддаваться бабьей юбкѣ.

Крикъ, смѣхъ, пронзительныя просьбы женщинъ и поддразнивающія понуканія мужчинъ, остроты и брань, смѣшиваются въ какой-то ярмарочный гулъ. Старикъ съ усиленіемъ вырывается и молодцомъ, по-юношески, взлетаетъ на коня. Соперникъ его вскакиваетъ на другаго; вмѣсто дротиковъ у нихъ въ рукахъ очутились какія-то палки, и оба начинаютъ неистово носиться по двору, увертываясь другъ отъ друга, настигая и стараясь сорвать другъ друга съ сѣдла, то вставая во весь ростъ на стремяна и даже на сѣдло, то на всемъ скаку спалзывая чуть не подъ брюхо лошади и схватывая рукою съ травы брошенную шапку, или мѣтко попадая дротикомъ и назадъ, и впередъ себя.

Я, разинувъ ротъ, глядѣлъ и на этихъ сѣдоусыхъ пѣздниковъ, проворныхъ и смѣлыхъ какъ юноши, и больше, пожалуй, на этихъ необыкновенныхъ маленькихъ лошадокъ, которыя, казалось, сами до мозга костей проникались духомъ удали и соревнованія, то съ воспаленными глазами носились вихремъ по двору, то мгновенно останавливались какъ вкопанные, дрожа всѣми нервами и тяжело дыша, то выписывали такіе крутые, частые и быстрые повороты, словно онѣ были сдѣланы не изъ костей, а изъ резины.

Разгорачить до-нельзя лошадь ударами нагайки, пустить ее въ отчаянную скачку, и вдругъ, на всемъ скаку, какъ можно рѣзче и внезапно осадить или круто повернуть ее,—это обычные приемы верховой ѣзды Кавказа.

Немудрено, что грузинскія женщины, зная эти отчаянные

обычай своихъ мушкетъ и вида, сколько кубшиновъ опустошено вокругъ нихъ за обѣдомъ, съ большимъ опасеніемъ встрѣчаютъ вспышки ихъ хмѣльной удали. Рѣдкія игры послѣ порядочнаго обѣда кончаются благополучно.

Признаюсь, много празднои силы и здоровья должно шевелиться въ организмѣ человѣка, чтобы подобная игра могла тѣшить его и быть для него дѣйствительною игрою. Но эти первобытные организмы сами просятъ какогонибудь щедрого расхода накопленныхъ силъ, какогонибудь необычнаго напряженія ихъ. Ихъ не заѣдаетъ ни книжка, ни мысль, ни забота. Эти князья сами увѣряли меня, что, дѣтьми, ихъ кормили грудью до 5 лѣтъ. Многие въ 15 лѣтъ еще читать не умѣютъ, а охотниковъ до школьной науки среди нихъ мало до-нельзя. Кормить молокомъ 5 лѣтъ сряду—можно выпить бычковъ на славу, нечего говорить! Извѣстный сванетскій князь Тенгизь-Дадешвилянъ, богатырь и великанъ, какихъ теперь рѣдко встрѣтишь, кормился грудью, какъ передавали мнѣ въ Кулашахъ, даже до 7 лѣтъ. Кормили его будто бы 2 кормилицы разомъ, одной не хватало на отпой этого молодого титана; черезъ 6 мѣсяцевъ кормилицы перемѣнялись на свѣжихъ, а черезъ годъ перемѣнялись еще разъ.

Впрочемъ, продаю за чтѣ купилъ.

Эти обычаи древности теперь угасаютъ, и новое поколѣніе уже далеко не то, что ихъ отцы и дѣды. Но, безъ сомнѣнія, такой оригинальный способъ выкармливанія находился въ связи съ громаднымъ ростомъ и силою старинныхъ людей, рассказами о которыхъ полны былины и сказки Грузіи и Сванетіи. Кулашскіе князья сообщали мнѣ между прочимъ, что въ одной изъ сосѣднихъ съ ними старыхъ церквей хранится шапка богатыря, въ которую можетъ спрятаться человѣкъ, и сабля его, которую нельзя поднять двумя руками; около другой церкви въ могилѣ будто бы найденъ скелетъ другаго богатыря, локтевая кость котораго равнялась полутора аршинамъ, а зубы были длиною въ вершокъ. Одинъ изъ собесѣдниковъ моихъ увѣрялъ, что видѣлъ этотъ скелетъ своими глазами и что его отвезли въ Кутаисъ, къ графу Левашову, какъ замѣчательную рѣдкость. Не знаю, на сколько можетъ быть правды во всѣхъ этихъ диковинныхъ росказахъ восточнаго воображенія, но важно то, что весь Кавказъ твердо вѣритъ въ предковъ-исполиновъ, напоминающихъ Полифема, Атланта или сванетскаго Амираана.

Вечеромъ кулашскія дамы затѣяли пѣніе подъ звуки гитары, меланхолическое, вроткое, не столько музыкальное, сколько трогательное. Вообще, сколько я могъ вслушаться въ грузинскую музыку, — это народъ совершенно немусыкальный, хотя страстно любящій пѣніе и звуки. Мелодіи ихъ первобытной наивности и простоты бѣдны и сухи до крайности, сравнительно съ какими нибудь славянскими или нѣмецкими пѣснями.

Но мнѣ тѣмъ не менѣе было очень пріятно и интересно прослушать цѣлый репертуаръ ихъ поэтическихъ народныхъ мотивовъ какого-то дѣтскаго характера, смыслъ которыхъ растолковывалъ мнѣ обязательный хозяинъ.

Бъ ужину съѣхалось еще больше гостей, пирушка стала еще развязнѣе и дружелюбнѣе, вино полилось еще щедрѣе, тосты стали раздаваться чаще и за каждымъ тостомъ всѣ собесѣдники, женщины и мужчины, дѣти и старики, бывшіе гвардейцы, побывавшіе въ Парижѣ, говорящіе по-французски, и безграмотные милиціонеры, всю жизнь невѣдывавшіе съ Кавказа, всѣ дружно затягивали хоромъ какую нибудь любимую народную пѣснь.

Грузины, всѣ безъ исключенія, принимаютъ участіе въ этихъ застольныхъ пѣсняхъ, такъ что умѣніе пѣть составляетъ своего рода обязательную сторону воспитанія.

Старики помолодѣли за чарками вина, за веселыми пѣснями, и пристыживали юношей своею энергіею. Не смотря на полнѣйшую простоту и безцеремонность этой пирушки, въ ней вмѣстѣ съ тѣмъ соблюдался строжайшій этикетъ. «Тулумбаши», т. е. распорядитель пира, избранный цѣлымъ столомъ, провозглашалъ тосты въ строжайшей послѣдовательности, не забывая никого, до послѣдняго мальчишки, сидѣвшаго за столомъ, и чрезвычайно тонко распредѣляя ихъ, по степенямъ подобающаго уваженія всѣхъ присутствующихъ. Сначала чествовались старыя дамы, потомъ молодня, смотря по положенію ихъ, потомъ я, какъ гость, въ честь котораго собралась пирушка, потомъ остальные мужчины, тоже по рангамъ и родству. Каждый, за кого пили и кому пѣлись пѣсни, долженъ былъ благодарить и въ свою очередь отвѣчать тостомъ. Понятно, что тостамъ этимъ не бываетъ конца за длинными и многолюдными обѣдами. Послѣдній тостъ пьется за тулумбаши и затѣмъ дозволяется только одинъ, уже вѣзправду послѣдній, въ честь «святой Богородицы». Насидѣлись таки мы за кулашскими пирушками! Обѣдъ длился часа 3, а ужинъ съ 12 ночи до 4-хъ

часовъ утра. Солнце было уже порядочно высоко, когда мы добрались до тоста святой Богородицы!

Длинный и худощавый князь, отецъ хорошенькой Катѣ, оказался неумолимымъ и деспотическимъ тулумбаши: онъ никому не давалъ спуска и заставлялъ всѣхъ заняться въ осушиваніи кубка. Только мнѣ одному, какъ новичку и чужестранцу, онъ оказывалъ снисхожденіе не въ примѣръ прочимъ, можетъ быть, съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ моей россійской неспособности осушать грузинскіе кувшины. Такимъ же неумолимымъ запывалю и весельчакомъ оказался этотъ болѣзненный на видъ тулумбаши. Когда дѣло дошло до лезгинки, онъ досталъ отсюда-то бубенъ и сталъ ловко отчесывать на немъ костяшками своихъ худыхъ, но проворныхъ пальцевъ.

Многіе пробовали пройти въ лезгинкѣ, но она какъ-то не удавалась, пока наконецъ не выступила красивая и рослая княгиня. Съ ней въ парѣ сталъ князь С..., хорошенькій юноша въ яркоцвѣтномъ шелковомъ бешметѣ, съ откидными рукавами, кудрявый, бѣлокурый и румяный, какъ ребенокъ. Княгиня была безъ «тавсакрави» на головѣ, а по-мингрельски, съ однимъ легкимъ покрываломъ, въ распашномъ національномъ платьѣ, перехваченномъ поясомъ поверхъ бѣлой шелковой рубашки.

Я дѣйствительно увидѣлъ, наконецъ, лезгинку во всей ея своеобразной граціи. Лезгинку можно танцевать только въ характерныхъ нарядахъ Г'рузіи или Дагестана. Эти яркіе, взрывающіеся рукава, пестрота красокъ, гибкія таліи, перетянутыя сверкающими поясами, лоскъ шелка и блескъ серебра, все это составляетъ необходимое условіе прелестнаго танца Азіи.

Женщина идетъ какою-то плавною и ласковою поступью, манящею куда-то, чарующею и разнѣживающую духъ. Это самъ соблазнъ женской любви, дружелюбно дразнящей, граціозно шаловливой, словно вызывающей на состязаніе всю силу, удачу и ловкость мужчинъ, сулящей ему себя только въ награду побѣды. А мужчина—это сама страсть, это весь восторгъ первыхъ любовныхъ порывовъ. Съ смѣлою, самоувѣренною граціею, молодецки подбоченясь, лихо и ловко притоптывая мягкими сапожками, облетаетъ красавецъ-юноша кругомъ своей подруги, словно ему хочется со всѣхъ сторонъ упиться ея созерцаніемъ. Все быстрѣе и тѣснѣе дѣлаются его круги, все чаще и мельче отбивали молодецкую дробь быстро несущіяся ноги. Онъ раздвигаетъ свои руки, подхвативъ кончики живописныхъ рукавовъ, какъ распускаетъ могучія крылья молодой орель, устремившійся за испуганною птицею, намѣченною имъ въ жертву. Онъ словно хо-

четь захватить теперь этими распростертыми крыльями въ объятія свои танцующую передъ нимъ красавицу и учащаетъ во-кругъ нея свои страстные круги, словно зорко высматривая, откуда ловчѣе налетѣтъ ему на нее.

Вотъ онъ выпустилъ на воздухъ концы яреихъ рукавовъ, которые взвѣваются какъ цвѣтныя перья красивой птицы, и изъ одной руки въ другую начинаетъ перелетать сверкающій кинжалъ.

Кажется, всѣми соблазнами мужественной красоты и мужской удали хочетъ увлечь свою орлицу этотъ разыгравшій страстью орленокъ. И она, кажется, дѣйствительно охвачена, наконецъ, его увлеченіемъ. Въ какомъ-то стыдливомъ упоеніи, потупляясь и замирая, приближается она къ нему, маня его граціознымъ движеніемъ руки. Онъ несется на встрѣчу къ ней, полный смѣлаго вызова, полный торжества. И вдругъ опять мгновеніе страха и нерѣшительности. Словно электрическая искра отталкиваетъ въ стороны танцующихъ, и опять начинается, съ новыми варіаціями, съ новыми усложненіями, та же страстная игра соблазняющей и неподдающейся орлицы съ удалыми приступами неутомимо преслѣдующаго ее, жадно налетающаго на нее орленка.

Молоденькія дѣвушки, непознавшія сладкихъ чаръ жизни, даже самыя красивыя и ловкія, не умѣютъ танцовать лезгинки, въ этомъ убѣдился я своими глазами. Только женщина, пока молодо сердце ея, въ состояніи придать этому танцу тотъ скрытый въ немъ поэтический и жизненный смыслъ, который вызвалъ его на Божій свѣтъ и сдѣлалъ его однимъ изъ очаровательнѣйшихъ и увлекательнѣйшихъ танцевъ міра.

Я былъ очень доволенъ, что перезнакомился со многими изъ кулашскихъ князей. У нѣкоторыхъ довелось таки и побывать. Тутъ однако не все представители средневѣковыхъ нравовъ и феодальнаго культа. Уже встрѣчаются люди, хорошо образованные, вполне европейцы, вполне русскіе, гораздо болѣе привыкшіе къ Петербургу и обычнымъ приѣмамъ цивилизаціи, чѣмъ къ національнымъ и мѣстнымъ особенностямъ Кулашей. Мы проѣхали верхами цѣлою кавалькадою къ одному изъ такихъ представителей, князю Д..., усадьба котораго уже вполне напомнила мнѣ обычное устройство нашихъ порядочныхъ помѣщичьихъ имѣній. Князь Д... много путешествовалъ по Европѣ, учился въ Петербургѣ, и въ образѣ жизни своей почти не сохранилъ ничего грузинскаго. Когда мы возвращались отъ него,

напившись чаю, через Кулаши, была уже ночь. Въ мирныхъ дворянскихъ усадебныхъ мирно зажигались огоньки, а подъ громаднымъ многолѣтнимъ орѣхомъ передъ старою кулашскою церковью, по прагѣдовскому обычаю, собралось на свой сельскій форумъ многочисленное кулашское рыцарство.

Старики, съ воинственными сѣдыми усами, худые и толстопузые, съ длинными трубками въ зубахъ, съ длинными кинжалами за поясомъ, важно воссѣдали на земляномъ холмикѣ, приподнятомъ кряжистыми корнями орѣха, и вели между собою какую-то неспѣшную бесѣду.

Это единственный общественный клубъ патриархальнаго кулашскаго помѣщества, гдѣ можно потолкаться среди своихъ, услышать всѣ скудныя мѣстныя новости, похвалить съ пріятелями и кумовьями о томъ и о другомъ.

Официальныя сборища кулашскаго дворянства тоже происходятъ подъ этою Мамврійскою дубравою, какъ и вообще всякія народныя собранія кавказскихъ жителей. Весь родъ Микеладзе стѣнно стоитъ другъ за друга и въ дѣлахъ выборовъ дѣйствуетъ какъ одинъ человѣкъ.

Страшная масса людей и шаровъ появляется въ Бутансѣ изъ Кулашей, когда наступаютъ дни дворянскихъ выборовъ. Являются даже такіе, которые не имѣютъ во владѣніи 1,500 кцевовъ, и потому не могутъ участвовать на выборахъ. Ихъ присутствіе тѣмъ не менѣе бываетъ внушительно для другихъ, и рѣдко какая партія можетъ одолѣть когда нибудь эту тѣсно сплоченную родовую дружину Микеладзе, которая даже и становится обыкновенно цѣлымъ своимъ станомъ.

Молодой князь, хозяинъ мой, былъ встрѣченъ очень дружественно кружкомъ своихъ родичей, бесѣдовавшихъ подъ дубомъ. Онъ представилъ меня каждому изъ собесѣдниковъ, и мы слѣзли съ коней посидѣть полчаса на этой, кстати попавшейся намъ дворянской «громадѣ».

Всѣ Микеладзе теперь толковали и шумѣли, какъ обиженныя пчелы въ ульѣ, по поводу строгаго осужденія тифлисскимъ окружнымъ судомъ одного изъ князей Микеладзе, извѣстнаго разбойника Георгія Микеладзе, когда-то офицера русской гвардіи, человѣка съ образованіемъ и очень способнаго, который давно уже прокутилъ свое послѣднее достояніе и теперь сталъ промышленать самыми дерзкими разбоями. Хозяинъ мой, какъ житель Тифлиса, посѣщалъ въ тюрьмѣ заключеннаго Георгія, самъ былъ на судѣ, и потому всѣмъ Микеладзе неудержимо хотѣлось выслушать отъ него что нибудь о бѣдномъ Георгіѣ, котораго

всѣ безъ исключенія искренно жалѣли, хвалили, любили и чуть не оплакивали.

Среди дворянъ сидѣлъ подъ дубомъ и рослый попъ, тоже изъ числа Микеладзе; его слово имѣло, повидимому, особенный вѣсъ въ глазахъ остальныхъ собесѣдниковъ; я хотѣлъ распросить его по-подробнѣе о церковныхъ древностяхъ Кулаша, но интересъ къ судьбѣ одного изъ Микеладзе до того былъ великъ въ немъ, что и онъ, подобно товарищамъ своимъ, былъ всецѣло погруженъ сердцемъ и мыслью въ рассказы о горестномъ процессѣ князя Георгія.

Мы посидѣли въ ихъ оригинальной кампаніи, любуясь поэтическими тѣнями стараго храма и стараго орѣха, капризно перепалывающими по освѣщенной луною площадкѣ, слушая встревоженные толки стариковъ, глубоко огорченныхъ безчестіемъ, которое было нанесено судебнымъ приговоромъ всему древнему княжескому роду ихъ.

Это чувство рода господствуетъ надъ всѣми другими общественными интересами Кулашей. Умереть какою нибудь популярный членъ рода, всѣ Микеладзе носятъ трауръ, воздерживаются отъ празднествъ и веселья. Обида одному Микеладзе считается общею обидою. Пренная исторія князей Микеладзе, судя по рассказамъ стариковъ, это сплошная междуусобная война съ разными княжескими фамиліями, безконечное чередованіе наслѣдственныхъ ссоръ и кровавой мести. Дѣдъ моего молодого хозяина напалъ на князя Гуріеля и взялъ въ плѣнъ его и 50 человекъ свиты, на пути ихъ изъ Мингреліи въ Гурію, за то, что князь этотъ, женившійся на одной изъ Микеладзе, не явился за нею, а оставилъ ее въ домѣ родителей.

Неудивительно, что эти воинственные средневѣковые вкусы до сихъ поръ никакъ не угаснутъ въ роду Микеладзе и что имя ихъ даже теперь часто попадаетъ въ разныхъ подвигахъ самоуправства и дикой удали. Еще на-дняхъ газеты печатали рассказъ о нѣкомъ князѣ Иванѣ Микеладзе, который втеченіи нѣсколькихъ дней велъ правильную войну съ своими крестьянами, изъ за владѣнія землею; при перестрѣлкѣ, княжеская дружина убила на смерть нѣсколькихъ крестьянъ и многихъ поранила, а сама осталась владычицей поля.

Въ прежнее время семейныя ссоры переходили тѣмъ легче въ настоящую войну, что князья жили, какъ и до сихъ поръ они живутъ въ Кулашахъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, окруженные своимъ крестьянствомъ и подвластными имъ дворянами, такъ что цѣлая мѣстность могла подняться и вооружиться сразу.

Въ Кулашахъ мы познакомились съ молодою княгинею Л. Ц., которая взяла съ насъ слово посѣтить ея домъ, верстахъ въ 25 отъ Кулашей, около Хони. Это уже самая глубь Имеретіи. Хони, одинъ изъ старинныхъ центровъ мѣстной жизни, теперь служитъ мѣстомъ пребыванія мирового судьи, судебного слѣдователя и разныхъ другихъ административныхъ лицъ. Въ Хони и почтовая контора. Хорошее шоссе идетъ къ нему отъ Кулашей, поэтому не было необходимости трястись верхомъ по жару и пыли, а можно было нанять въ Кулашахъ покойный фаятонъ.

Мы еще разъ проѣхали насквозь всѣ Кулаши, еще разъ налюбовались благосостояніемъ его крестьянскаго хозяйства, его безчисленными дворянскими усадьбами и сплошными зелеными садами, въ которыхъ онъ утопаетъ. Съ удивленіемъ увидѣлъ я, что половина Кулашей заселена евреями. Это тоже бывшіе крѣпостные Мивеладзе, поселившіеся въ Грузіи съ незапамятныхъ временъ. Кулашскіе евреи говорятъ по-грузински и не знаютъ болѣе никакого языка. Но они сохранили въ строгой чистотѣ свою древнюю религію, свой племенной типъ и свою племенную склонность къ торговлѣ. Черезъ нихъ Кулаши превратились въ постоянный базаръ. Лавочки на каждомъ шагу, со всѣмъ, что только хочешь. Черные пейсики толпятся на площади вокругъ своей синагоги, словно гдѣ нибудь въ Бердичевѣ.

Вообще Закавказье переполнено евреями. Есть сильныя историческія поводы думать, что само происхожденіе иберійцевъ, Иберіи, имѣетъ тѣсную связь съ потомками Евера или Ебера. Имеръ, по мнѣнію многихъ ученыхъ, только видоизмѣненіе имени Иберъ. Несомнѣнно, что типъ грузина глубоко проникнуть чертами еврея и что иногда эти два типа трудно различить. Въ языкѣ грузинскомъ, особенно же въ названіяхъ мѣстностей, также много еврейскихъ звуковъ. По сказаніямъ древнихъ историковъ, въ прежніе вѣка грузинское и армянское закавказье было еще сильнѣе заселено евреями.

И теперь еврейскія общины встрѣчаются въ такихъ глухихъ мѣстностяхъ, какъ дикая Сванетія, Дагестанъ и проч. Имеретія особенно обильна евреями. Крушеніе Іерусалима Титомъ тутъ однако не причемъ, потому что евреи уже жили въ Закавказьѣ за многіе вѣка до Рождества Христова, даже до плѣненія Вавилонскаго и Кирова освобожденія.

Мы весело проѣхали довольно длинную дорогу, бесѣдуя о разныхъ интересныхъ предметахъ съ моимъ молодымъ спутникомъ,

который вызвался проводить меня изъ своего дома не только въ Хони, но и дальше въ Мингрелію. Домъ княгини Л. Ц., одной изъ значительныхъ и богатыхъ владѣлицъ мѣстности, уже не имѣетъ въ себѣ ничего народнаго и характернаго, а устроенъ по общему типу европейскихъ домовъ. Только широкія низкія тахты, устланныя коврами, обложенныя цвѣтными мутаками, да красивые рѣзные камни изъ мрамора и слюды, въ персидскомъ вкусѣ, напоминаютъ, что вы въ Грузіи, а не въ Россіи. Княгиня еще молодая и красивая женщина, съ глазами настоящей грузинки, любезная и гостеприимная. Вообще, глаза грузинскихъ женщинъ—это что-то особенное, что-то до-нельзя прекрасное, неподдающееся никакому описанію. Кто не видалъ глазъ молодыхъ грузинокъ, тотъ не знаетъ, что значить человѣчскій глазъ, до какой обворожительности можетъ доходить его красота.

Мнѣ неособенно по душѣ типъ грузинской и вообще восточной красоты. Въ немъ слишкомъ мало того теплаго, дружественнаго настроенія, того жизненнаго сродства съ вашими собственными вкусами и потребностями, той чуткой отзывчивости на все, что вамъ дорого въ мірѣ, которые такъ привлекательны въ образѣ европейской женщины. Красота грузинки имѣетъ въ себѣ что-то статуарное, неподвижное, словно неспособное ни на какое мирное и плодотворное примѣненіе въ ежедневнымъ условіямъ жизни, ни на какую продолжительность и постоянство. Она представляется скорѣе какимъ-то страдательнымъ предметомъ восторга и наслажденій.

Но тѣмъ не менѣе самый симпатичный глазъ европейской красавицы покажется блѣднымъ, тусклымъ и холоднымъ передъ глазами хорошенькой грузинки.

Чудный разрѣзъ этихъ огромныхъ, широко раскрытыхъ глазъ, густая, глубокая, какъ бархатъ мягкая чернота ихъ диска, почти не оставляющаго мѣста синему бѣлку, длинныя, черныя рѣсницы, отбѣляющія его сверху и снизу изящными отгибами своихъ густыхъ и тонкихъ стрѣлъ и, наконецъ, въ тѣни этихъ рѣсницъ, волшебный блескъ и сверкающая свѣжесть глазныхъ влагъ, переливающихся своею упругою и прозрачною выпуклостью, будто поверхность какого-то таинственнаго чернаго озера,—все это производитъ на непривычнаго наблюдателя обаятельное впечатлѣніе. Кажется, будто что-то сплошь черное и вмѣстѣ огненное, что-то до краевъ полное влаги и свѣта, глядитъ на васъ и пронизываетъ васъ своими жгучими лучами.

У княгини Ц. было нѣсколько человѣкъ гостей; между прочимъ одинъ подлинный русскій, мѣстный мировой судья, весьма

общительный человекъ, отъ котораго я узналъ много интереснаго про обычаи и условія этого края; остальные были чистокровные грузины, въ томъ числѣ мѣстный судебный слѣдователь Э., въ которомъ однако университетское воспитаніе уже успѣло уничтожить почти всякій внѣшній слѣдъ грузина. Въ оживленномъ разговорѣ и неумолкаемыхъ разсказахъ прошелъ довольно длинный обѣдъ, также очень мало напоминавшій Грузію, а къ вечеру все наше общество согласилось перекочевать верстъ за семь, въ домъ родственника княгини, князя С. Ц., который тоже былъ въ числѣ гостей и зазвалъ къ себѣ всѣхъ насъ.

Цулукидзе, какъ Мивеладзе и другія княжескія фамиліи Имеретіи, тоже живутъ почти сплошными гнѣздами, составляя изъ себя своего рода дворянскіе кланы.

По дорогѣ мы ознакомились съ замѣчательными древностями Хони. Церковь ея считается одною изъ старѣйшихъ за Кавказомъ, старше Гелатской, и представляетъ много оригинальнаго. Между прочимъ въ ней видѣлъ я икону св. Георгія, изображеннаго пѣшимъ, безъ коня, глубочайшей древности. Не только кипарисовая доска ея стлѣла въ трутъ и крошится отъ прикосновенія пальцевъ, такъ что нижній край ея кажется обглоданнымъ, но даже самое золото сплошнаго оклада ломается и сыпится какъ гнилушка. Икона эта въ 1 аршинъ высоты и пользуется громаднѣмъ почитаніемъ. До какой степени стара церковь, можно убѣдиться изъ того, что на стѣнахъ ея ограды, прямо на голыхъ камняхъ, успѣли вырасти огромныя деревья смоковницы и гранатника. Вообще сила здѣшной растительности кажется сверхъестественною, непохожею ни на что, къ чему мы привыкли. На большой площади Хони, передъ церковью, стоятъ, на примѣръ, три титаническія дерева, липа и чинары, можетъ быть тысячелѣтняго возраста. Обхватить ихъ могутъ развѣ пять, шесть человекъ; вѣтки ихъ толщиною своею превосходятъ самыя могучіе дубы нашихъ лѣсовъ, а въ добавокъ ко всему, на нихъ, какимъ-то чудомъ, выросли огромныя деревья другой породы, тоже считающія себѣ не одно столѣтіе. На одномъ я могъ разсмотрѣть цѣлое тутовое дерево, толстую чинару и густо-переплетенный, безконечно развѣтвившійся плющъ, стволъ котораго въ Имеретіи и Мингреліи не уступаетъ толщиною никакому дереву. На другомъ видна была смоковница, обильно усыянная зелеными плодами, и кромѣ того, большой дикій камень въ нѣсколько пудовъ вѣсу, плотно вросшій въ стволъ.

Деревья эти историческая знаменитости; смотрѣть ихъ нарочно приѣзжаютъ въ Хони.

Въ домъ князя С. Ц. мы прїѣхали уже поздно, по закатѣ солнца. Старинный домъ этотъ совершенно своеобразной и по здѣшнему роскошной архитектуры, съ большими балконами, со множествомъ рѣзныхъ украшеній между колонъ и съ живописнымъ фронтономъ. Громадный зеленый дворъ, покрытый деревьями, стелется по обычаю передъ нимъ, и въ его зеленой тѣни незамѣтно прячутся разныя жилы постройки усадьбы.

Вся компанія наша безцеремонно расположилась на дворѣ, кто на стульяхъ и лавкахъ, кто на коврахъ и прямо на травѣ, вокругъ чая, плодовъ и угощеній всякаго рода; только надвинувшаяся черная ночь заставила насъ перебраться на балконъ въ гостиную.

Собственно, это не балконъ, а отертая спереди, глубокая просторная комната, въ родѣ нашихъ залъ, служащая для танцевъ, игръ и бесѣдъ.

Живописная и оригинальная рѣзба, ярко раскрашенная въ персидскомъ вкусѣ, сплошь покрываетъ потолокъ этой залы, съ середины котораго спускается, вмѣсто лампы, таковой же оригинальный цвѣтной фонарь. Деревянныя крашенныя тахты идутъ кругомъ. Въ гостиной, убранной по-европейски, сейчасъ же появились «нардъ» — персидскія кости съ большою раскладною доскою, и обыкновенныя наши шашки, въ которыя принялись играть дамы и кавалеры. Молодой хозяинъ принесъ также книжку на грузинскомъ языкѣ и сталъ громко читать отрывки изъ знаменитой поэмы Руставели «Барсова кожа», которую знаетъ чуть ли не наизусть каждый грузинъ, особенно каждая грузинка. Замѣчательно, что въ этой восточной странѣ женщины гораздо грамотнѣе и литературнѣе мужчинъ. Въ то время, какъ въ Грузіи нетрудно встрѣтить довольно богатыхъ князей, неумѣющихъ читать и писать, каждая грузинская мать обязана не только умѣть читать сама, но еще непременно научить читать свою дочь. Молодые грузины посылаются въ гимназіи и школы гораздо болѣе по настоянію матерей, чѣмъ по желанію отцовъ.

Можетъ быть, въ этомъ сказывается до сихъ поръ примѣръ великой царицы Тамары, при которой Руставели сочинилъ свою поэму и которая отличалась особенною любовью къ образованію. Я видѣлъ у княгини Ц. портретъ царицы въ ея юности и готовъ согласиться, что она была самымъ счастливымъ олицетвореніемъ грузинскаго духа. По крайней мѣрѣ, все что есть характернаго и прекраснаго въ физическомъ типѣ грузинки, во-

площено съ полнымъ совершенствомъ въ прелестномъ образѣ этой царицы-красавицы.

На балконѣ, куда прямо дышала темно-синяя звѣздная ночь, ударилъ веселый бубень и раздались складныя хлопанья рукъ, которыми всѣ присутствующіе сопровождаютъ обыкновенно, будто акомпаниментомъ музыки, плавныя движенія лезгинки. Мы всѣ высыпали на балконъ.

Старики расходились, и одинъ изъ дядей молодого хозяина, схвативъ «даиры» — большой бубень, бойко выбивалъ на немъ лезгинку въ то время, какъ стоявшая кругомъ публика съ увлеченіемъ прихлопывала руками въ тактъ танцующимъ. Княгиня Л. сдѣлала только нѣсколько изящныхъ и ловкихъ круговъ, чтобы отереть танцы, за нею пошли уже всѣ. Даже маленькія дѣти ловко отплясываютъ лезгинку. Мнѣ очень понравилось отсутствіе жеманства и пустой конфузливости въ грузинскихъ дѣтяхъ, ихъ удивительное послушаніе старшимъ. По одному слову, даже кивку старшаго брата, младшіе братья и сестры, не раздумывая и не возражая, бросаются въ танцы, и вообще исполняютъ, что скажутъ старшіе; они же большею частію и прислуживаютъ старшимъ съ совершенною простотою и непринужденностію. Но въ грузинской семьѣ поражаетъ еще одно отрадное явленіе. Вы не видите въ ней никакой раздвоенности, никакой поволѣнной розни. Что любятъ, во что вѣрятъ старики, то любятъ, въ то вѣрятъ ихъ дѣти и внуки. Скептицизмъ, разочарованіе, рановременныя думы и заботы еще не проникли въ эту средневѣковую семью. Все общество еще живетъ одними и тѣми же привычками и убѣжденіями, которыя пока приходятся по плечу всѣмъ; внутренній міръ его не распатанъ, не сбитъ съ своихъ крѣповъ; если и есть въ немъ два поволѣнія, то все-таки нѣтъ двухъ разныхъ, двухъ враждебныхъ другъ другу, другъ друга отрицающихъ міровъ, какъ въ нашемъ современномъ обществѣ.

Конечно, такое единодушіе вызывается больше всего неподвижностью мысли и жизни; съ этой точки зрѣнія мы вовсе не восхваляемъ его. Но, тѣмъ не менѣе, мое непосредственное чувство, утомленное безысходными волненіями и рознью нашего собственнаго внутренняго міра, съ какимъ-то дѣтскимъ довольствомъ отдыхало въ этой атмосферѣ общественнаго простодушія.

Старики поютъ, пляшутъ, хохочутъ, съ одушевленіемъ участвуютъ во всѣхъ потѣхахъ молодежи, отъ которой отличаются

только съдыми усами, да тучнымъ тѣломъ. Молодежь смотритъ на нихъ съ дружелюбнымъ чувствомъ родства, какъ на себя самихъ, учится отъ нихъ, подражаетъ имъ. Веселье бьетъ здѣсь ключемъ, и простота здѣшней жизни, сравнительно съ изысканностью и искусственностью нашего собственнаго быта, только усиливаетъ способность здѣшняго человѣка безхитростно и безраздумно наслаждаться скромными радостями настоящаго.

Книжная отравка еще не разлита въ этихъ здоровыхъ мозгахъ; эти первобытные организмы еще питаются, не лжеумудрствуя, плодами древа жизни, не вкушая соблазнительныхъ плодовъ познанія добра и зла.

Матеріальная обстановка грузинскаго дворянства несравненно бѣднѣе и скромнѣе нашей. Она напоминаетъ гораздо болѣе быть нашихъ старыхъ деревенскихъ помѣщиковъ временъ Багрова-дѣда, чѣмъ нашу теперешнюю, до крайности усложнившуюся и удорожившуюся жизнь.

Дешевое обиліе простыхъ домашнихъ вещей и отсутствіе почти всего покупнаго, множество прислуги и домочадцевъ, почти неимѣющихъ занятій, но за то и вознаграждаемыхъ очень скудно,—вотъ общій характеръ здѣшняго помѣщичьяго быта; подумаешь, что въ немъ воскресъ нашъ до-реформенный деревенскій бытъ.

Столы гнутся отъ жареныхъ и вареныхъ мясъ, отъ куръ, индеекъ, поросятъ, барановъ, отъ домашнихъ огурцовъ, домашнего сыра, домашнего вина; но выписнаго ничего, даже у самыхъ богатыхъ. Ловаши растянуты по всему столу, у каждаго прибора, одинаково, у простаго мужика и у знатнаго князя; одинаково льется изъ глинянаго кувшина самодѣльное вино. Если и подается нѣчто въ родѣ суповъ и соусовъ, «чихиртма», «сацеви», то опять-таки изъ своего домашнего мяса, опять-таки всѣмъ доступное, что можно встрѣтить въ каждомъ маленькомъ духанѣ, не только въ разукрашенныхъ княжескихъ столовыхъ. Общность вкусовъ, привычекъ и всего вообще быта у дворянства и крестьянства Грузіи поражала меня не разъ. Здѣшнія кушанья, здѣшнія празднества, здѣшніе наряды, всѣ вообще здѣшніе нравы, дѣйствительно, безъ преувеличенія, можно назвать народными; въ сожалѣнію, этого рѣшительно нельзя сказать про наши русскіе нравы, гдѣ образованное сословіе во всѣхъ сторонахъ своей жизни, внутренней и внѣшней, въ своихъ убѣжденіяхъ, въ своихъ костюмахъ, даже въ рѣчи своей представляетъ словно отдѣльный отъ крестьянства народъ, часто чуждый и непонятный ему. Помѣщичество Грузіи до сихъ поръ

проводить свою жизнь очень сходно съ тѣмъ, какъ проводили ее наши дѣды крѣпостнаго времени. Пирушки, кутежи, охота, переѣзды цѣлымъ обществомъ другъ къ другу, — составляютъ ихъ главное занятіе, при которомъ не приходится удѣлять много времени и заботъ своему хозяйству. Оттого-то большинство небогатыхъ помѣщиковъ дошло теперь до жалкаго положенія.

Тѣ, которые побогаче, хотя сами мало занимаются хозяйствомъ, ведутъ его однако лучше; они обыкновенно имѣютъ управителей и дворецкихъ изъ бывшихъ княжескихъ дворянъ, особаго промежуточнаго сословія между крестьянами и князьями. Эти «княжескіе дворяне» представляютъ собою очень своеобразный остатокъ феодальныхъ отношеній Грузіи. Съ одной стороны, они сами имѣли крестьянъ и землю; съ другой стороны, они были обязаны разнаго рода службою своимъ князьямъ и считались имъ подвластными. Отношенія эти, впрочемъ, имѣли полусемейный характеръ и вѣроятно возникли на почвѣ старыхъ родовыхъ связей. Князья не имѣли права заставить своихъ дворянъ работать, потому что это сочлось бы за кровную обиду дворянину, за тяжкое нарушеніе его правъ. Но за то дворяне обязаны были услуживать князьямъ дома, завѣдывать ихъ имѣніемъ и дѣлами, сопровождать ихъ и семейства ихъ въ поѣздахъ или на войну, охотиться съ ними. Чѣмъ многочисленнѣе собиралась вокругъ князя свита этихъ дворянъ, чѣмъ богаче были ихъ одежды, кони и оружіе, тѣмъ больше славы и почета было князю.

Съ другой стороны, подъ крыло вліятельнаго и богатаго князя выгоднѣе было пріютиться дворянину; можно было легче нажиться на счетъ другихъ, получать щедрѣе подарки отъ самаго князя; въ нуждѣ, въ опасности, онъ былъ надежная защита своему васалу. Оттого-то имущество княжескаго дворянина не считалось его полною собственностью, а право на него имѣлъ еще и князь, способствовавшій прямо или косвенно пріобрѣтенію этого имущества. Когда въ 1867 году, вмѣстѣ съ освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ, княжескіе дворяне были освобождены отъ своей васальной зависимости отъ князей, то третья часть ихъ земель была передана князьямъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не состоялось добровольнаго соглашенія; даже изъ купленныхъ земель и земель полученныхъ въ приданое, княжескій дворянинъ долженъ былъ уступать часть своему патрону-князю.

Это сословіе княжескихъ дворянъ, напоминающее собою отчасти польскую шляхту и древнюю гелейту германскихъ воз-

дей, отчасти кліентовъ Рима,— до сихъ поръ остается въ тѣсныхъ бытовыхъ отношеніяхъ къ своимъ стариннымъ господамъ. Я видѣлъ ихъ и въ домѣ княгини Л., и въ домѣ князя С., въ ихъ воинственныхъ нарядахъ, съ торжественною и безмолвною важною исполняющихъ обязанности дворецкихъ и кравчихъ своего рода.

Они не садились за столъ, а дѣятельно обходили его, наблюдая за прислугою, подливая вино, приказывая подносить кушанье то тому, то другому, исполняя съ достоинствомъ всѣ отдаваемые имъ приказанія.

Вечеръ у князя С. закончился длиннымъ ужиномъ въ большой, характерно расписанной столовой, съ персидскими каминными и рѣзбою. Тотъ же строгій этикетъ въ разсаживаніи гостей и порядкѣ тостовъ; вездѣ первое мѣсто женщинѣ, старшинству лѣтъ, рѣдкому гостю.

Важная и молчаливая старушка, глава семьи, въ своей черной кружевной косынкѣ, повязанной подъ подбородокъ, председательствовала за столомъ, получая первыя блюда и первыя тосты. Вино лилось рѣвою, тулумбаши неутомимо провозглашались тосты и смѣшили публику своимъ остроуміемъ и забавными выходками; національныя пѣсни хоромъ подхватывались послѣ каждого осушеннаго стакана мужчинами, женщинами, дѣтьми, сопровождаемыя ударами бубна, которымъ усердно работала молодой хозяйнѣ. Даже старинныя тяжеловѣсныя «азарпешты» на длинныхъ ручкахъ изъ фигурнаго серебра, которыми прежде черпало и пило вино прямо изъ кувшина грузинское рыцарство, появились на столѣ и стали переходить отъ одного къ другому, хотя ясно было видно, что эта почтенная дѣдовская чара уже далеко не по плечу новѣйшимъ грузинскимъ желудкамъ.

Только къ разсвѣту добрались мы до своихъ постелей, со всѣмъ забывъ, что раненько придется отправиться въ путь.

Евгеній Марковъ.

ПОЛ-ДОРОГИ

Путь суровъ... Раскаленное солнце палитъ
Раскаленные камни дороги;
О горячій песокъ и объ острый гранитъ
Ты изранилъ усталыя ноги;
Истрадалась, измучилась смѣлая грудь,
Истомилась и жаждой, и зноемъ,
Но не думай съ тяжелой дороги свернуть
И забыться позорнымъ покоемъ!

Дальше, путникъ, все дальше,—впередъ и впередъ!
Отдыхъ послѣ,—онъ тамъ, предъ тобою...
Пусть подъ тѣнь тебя тихая роща зоветъ,
Наклонившись надъ тихой рѣкою;
Пусть весна разстелила въ ней мягкій коверъ,
И сплела изъ вѣтвей изумрудный шатеръ,
И царитъ въ ней, любя и лаская,—
Дальше, дальше и дальше, подъ зноемъ лучей,
Раскаленной, безвѣстной дорогой своей,
Мимолетный соблазнъ презирая!

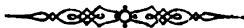
Страшенъ сонъ этой рощи, глубокъ въ ней покой:
Онъ такъ вкрадчивъ, такъ сладко ласкаетъ,
Что душа, утомленная скорбью больной,
Разъ уснувъ, навсегда засыпаетъ.
Въ этой чащѣ душистой дриада живетъ;

Чуть склонишься на мохъ ты,—съ любовью
 Чаровница лѣсная неслышно прильнетъ
 Въ полумгнѣ къ твоему изголовью...

И услышишь ты голосъ: «Усни, отдохни!..
 «Прочь мятежные призраки горя!..
 «Позабудься въ моей благовонной тѣни,
 «Въ тихомъ лонѣ зеленаго моря!..
 «Дологъ путь твой,—суровый, нерадостный путь...
 «О, къ чему обрезать эту юную грудь
 «На борьбу, на тоску и мученья?!
 «Другъ мой ввѣрся душистому бархату мха:
 «Эта роща вокругъ такъ свѣжа и тиха,
 «Въ ней такъ сладки минуты забвенья!..»

Ты, я знаю, силенъ:—ты безстрашноносишь
 И борьбу, и грозу, и тревоги,—
 Но сильнѣе открытыхъ разгнѣванныхъ силъ
 Этотъ тайный соблазнъ пол-дороги...
 Дальше-жъ, путникъ!.. Повѣрь, лишь ослабить тебя
 Мигъ отрады, мигъ грезъ и повоя,—
 И продашь ты все то, что ужъ сдѣлалъ, любя,
 За позорное счастье застоя!..

Ө. Юрьевъ.

Популярныя бесѣды о возможности лечиться по гомеопатическому способу въ отсутствіе врача.

Д. Гастрическая катаральная лихорадка.

Гастрическая катаральная лихорадка отличается отъ простой гастрической лихорадки, о которой мы говорили выше (см. болѣзни желудка), тѣмъ, что при этой болѣзни всегда пораженъ весь кишечный каналъ.

Большую частію болѣзнь эта появляется въ формѣ эпидемической, т. е. не отдѣльными единичными случаями, а въ болѣе значительномъ распространеніи, указывающемъ на развитіе болѣзни вслѣдствіе атмосферическихъ вліяній, такъ что погрѣшность въ діетѣ или простуда, въ силу этихъ вліяній, вызываютъ гастрическую катаральную лихорадку, тогда какъ при отсутствіи ихъ за ними послѣдовалъ-бы простой острый катаръ желудка или кишекъ.

Симптомы и теченіе.

Болѣзнь эта всегда бываетъ довольно продолжительная, она рѣдко переходитъ въ выздоровленіе раньше конца второй недѣли, а иногда тянется отъ 5 до 6 недѣль. Въ началѣ появляются симптомы катаральнаго пораженія желудка. Затѣмъ къ этому черезъ 1—3 дня присоединяются лихорадочныя явленія, сначала зябкость или ознобъ и потомъ жаръ. Лихорадочное

состояніе большею частію усиливается по вечерамъ, а къ утру нѣсколько спадаетъ. Кожа притомъ бываетъ преимущественно сухая. Языкъ всегда очень сильно обложенъ, бѣлый или желтоватый; аппетитъ совершенно отсутствуетъ. Стулъ въ началѣ болѣзни большею частію задержанъ, а на второй или третьей недѣлѣ бываетъ переходъ къ поносу, что обыкновенно означаетъ перемѣну къ лучшему и сопряжено съ уменьшеніемъ лихорадочныхъ явленій. Животъ притомъ обыкновенно нѣсколько вздутъ и чувствителенъ на оцупъ. При переходѣ въ выздоровленіе большею частью замѣчается появленіе пота и значительнаго осадка въ мочѣ.

Иногда въ этой болѣзни замѣчается раздраженіе печени; въ такихъ случаяхъ печень бываетъ нѣсколько увеличена въ объемъ, больные жалуются на горькій вкусъ во рту, имѣютъ особенное отвращеніе отъ всякой мясной пищи и получаютъ желтоватый цвѣтъ лица. Моча въ этихъ случаяхъ очень темная, буровато-оранжеваго цвѣта. (Желчная лихорадка, *febris biliosa*).

Въ другихъ случаяхъ особенно сильно накопленіе слизи въ кишкахъ (такъ называемая слизистая лихорадка, *febris gastrica mucosa*). Эта форма самая продолжительная и упорная изъ всѣхъ; больные обыкновенно очень апатичны и слабы, испражненія содержатъ значительное количество слизи, аппетитъ очень долго не возвращается и вслѣдствіе этого возстановленіе силъ происходитъ весьма медленно.

Привдказаніе.

Не смотря на свою значительную продолжительность гастрическая катаральная лихорадка весьма рѣдко принимаетъ дурной оборотъ, угрожающій жизни больнаго, кромѣ развѣ весьма слабыхъ, истощенныхъ субъектовъ и престарѣлыхъ людей, у которыхъ болѣзнь принимаетъ преимущественно характеръ слизистой лихорадки.

Леченіе.

Aconitum. Подходить развѣ только въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ началу болѣзни предшествовала явная простуда. Однако лекарство это показано и въ этихъ случаяхъ только въ началѣ, т. е. въ первые 24 или 48 часовъ. Полезнѣе всего въ это время давать его попеременно съ однимъ изъ слѣдующихъ лекарствъ.

Belladonna. При лихорадочномъ состояніи, усиливающимся

по вечерамъ, съ головою болью, краснотою (или иногда блѣдностью) лица, съ тошнотою или рвотою. Подходить больше въ началѣ болѣзни.

Врюпіа. Также соотвѣтствуетъ первому періоду болѣзни (первую недѣлю), особенно если являются припадки пораженія печени, горьковатый вкусъ, чувствительность праваго подреберья, желтоватый цвѣтъ лица, и когда болѣзнь появилась послѣ сильной досады или въ жаркое, лѣтнее время. Лихорадочное состояніе появляется послѣ обѣда. Головная боль, давящая или рвущая, облегчается при спокойномъ лежаніи.

Mercurius solubilis. Еще чаще чѣмъ *Врюпіа* подходит въ желчной лихорадкѣ (*febris biliosa*). Сильный жаръ, появляющійся вечеромъ и увеличивающійся до полуночи, сверлящая головная боль, чувствительность печени и желудка, желтоватый цвѣтъ кожи и глазъ, горькій вкусъ, горькая отрыжка, рвота желчью, сильнѣйшая жажда (особенно на кислое питье), безпокойство, желчно-слизистыя поносныя испражненія—все это симптомы соотвѣтствующіе меркурію.

Pulsatilla. Подходить чаще у женщинъ и дѣтей, когда лихорадка незначительна, днемъ зябкость, а вечеромъ жаръ, горькій вкусъ и отрыжка, отвращеніе отъ пищи, отсутствіе жажды, упадокъ духа и плаксивое настроеніе.

Antimonium crudum. Есть главное лекарство при такъ называемой слизистой лихорадкѣ, особенно когда лихорадка уже прошла или очень незначительна. Главные симптомы слѣдующіе: много слизи во рту и въ зѣвѣ; рвота слизью; слизистыя, тягучія испражненія; слизистый осадокъ въ мочѣ; кашель съ трудно отдѣляющеюся слизистою мокротою; большая апатія; зябкость; густо обложенный языкъ; чувство голода безъ аппетита; вздутость живота послѣ всякой ѣды; тошнота; сильный запоръ, иногда перемежающійся слизистымъ поносомъ; общая слабость и истощеніе.

Veratrum album. Подходить, когда рвота соединяется съ поносомъ. Часто съ пользою дается въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *Antimonium crudum* подходило, но недостаточно сильно подѣйствовало, а также и въ перемежку съ этимъ лекарствомъ.

Phosphori acidum. Соотвѣтствуетъ особенно второму періоду болѣзни, при незначительной лихорадкѣ, большой слабости и поносныхъ испражненіяхъ безъ всякой боли.

Nux vomica. Одно изъ самыхъ важныхъ лекарствъ во всѣхъ формахъ этой болѣзни, такъ какъ оно чрезвычайно сильно противодѣйствуетъ атоніи кишекъ. Соотвѣтствуетъ преимущественно

второму періоду болѣзни, когда лихорадка уже прошла, а желудочноыя и кишечныя симптомы не уступаютъ. При большой раздражительности больныхъ, геморoidalномъ расположеніи, и у людей, ведущихъ сидячую жизнь; подходитъ чаще у мужчинъ. Языкъ обложенъ, съ красными краями, кожа больше сухая; вкусъ горькій, или кислый, или гнилой; наклонность къ запору.

China. При медленномъ ходѣ болѣзни, когда симптомы принимаютъ перемежающійся характеръ; при поносѣ, появляющемся тотчасъ послѣ принятія пищи, которая появляется въ испражненіяхъ несвареную.

Digitalis. Подходитъ въ слизистой лихорадкѣ особенно тогда, когда пульсъ въ сповойномъ положеніи замедленъ, а при малѣйшемъ движеніи, напримѣръ, когда больной садеть въ постелѣ, возвышается сразу (напримѣръ съ 45 ударовъ на 100), и притомъ неправильный и измѣнчивый. При большой общей слабости съ упорнымъ запоромъ.

Діета.

Во время лихорадочнаго состоянія больныя обыкновенно сами отказываются отъ всякой пищи. Развѣ только иногда есть сильное желаніе съѣсть что нибудь пикантное или острое, что никогда не слѣдуетъ разрѣшать, такъ какъ эти вещи всегда вредно дѣйствуютъ. Самое лучшее давать молоко, а при сильной жаждѣ, чистую, свѣжую воду, или воду пополамъ съ молокомъ. Можно также для вкуса прибавлять къ водѣ немного краснаго вина или фруктоваго соку. Если нѣтъ поноса, или есть запоръ, то больныя обыкновенно хорошо переносятъ вареныя фрукты. При появленіи первыхъ признаковъ аппетита можно давать куринный бульонъ, затѣмъ прибавить яйцо въ сметку, затѣмъ вареную курцу или еще лучше цыпленка, и тогда уже перейти на говяжій бульонъ и мясную пищу. Переходы эти должны совершаться съ большою осторожностью, такъ какъ при малѣйшей погрѣшности въ діетѣ можетъ сдѣлаться рецидивъ. Въ періодѣ выздоровленія очень полезно старое вино въ небольшомъ количествѣ при каждомъ приѣмѣ пищи.

2. Воспаленіе кишекъ. Enteritis.

Причины воспаленія слизистой оболочки кишекъ бывають тѣ же самыя, какъ при остромъ катарѣ: погрѣшности въ діетѣ, сильно раздражающія или острыя вещества, переполненіе желудка, чрезмѣрное употребленіе спиртныхъ напитковъ, простуда

и, наконецъ, отравленіе. Мѣстное воспаленіе какой-нибудь части кишекъ можетъ также произойти отъ долгаго застоя твердаго кала въ этомъ мѣстѣ.

Кромѣ того воспаленіе кишекъ появляется въ видѣ осложненія при воспаленіи желудка или брюшины. Большею частію бываетъ поражена слизистая оболочка тонкихъ кишекъ и верхняя часть толстыхъ.

Въ началѣ болѣзни замѣчается (при вскрытіи) сильная краснота слизистой оболочки, а впоследствии образуются обыкновенно изъязвленія.

Симптомы и теченіе.

Сила симптомовъ зависитъ отъ степени распространенія воспалительнаго процесса. Когда только небольшая часть кишекъ поражена, то боль не очень значительная, лихорадка умѣренная, и бываютъ случаи, въ которыхъ болѣзнь быстро проходитъ, коль скоро удастся удалить причину.

При болѣе значительномъ распространеніи воспаленія, больные жалуются на очень сильную боль по всему животу, хуже всего около пупка; боль бываетъ жгучая, или рвущая, или рѣжущая и усиливается при малѣйшемъ прикосновеніи и при всякомъ движеніи больного, даже при дыханіи. Приэтомъ животъ бываетъ значительно вздутый.

Если поражены однѣ тонкія кишки, то больные страдаютъ всегда запоромъ; если же воспалены толстыя кишки, то бываетъ или запоръ, или поносъ, часто съ примѣсью крови и съ сильными потугами. Иногда замѣчается попеременно, то запоръ, то поносъ. Общія явленія при мало-мальски значительномъ распространеніи воспалительнаго процесса всегда весьма значительны и тревожны. Больные жалуются на нестерпимую жажду. Пульсъ очень ускоренъ, до 120, малый и даже неправильный. Кожа на тѣлѣ суха и очень горяча; конечности часто холодныя, на лбу липкій потъ. Апетитъ совершенно отсутствуетъ, языкъ слегка обложенъ, часто суховатый. Если болѣзнь еще усиливается, то являюся тошнота и рвота, нерѣдко съ запахомъ кала. Силы начинаютъ быстро падать, лицо мертвенно блѣдно, съ впалыми глазами, появляются обмороки, иногда конвульси, и смерть отъ истощенія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда къ воспаленію кишекъ присоединяется воспаленіе брюшины, смертельный исходъ обыкновенно довольно скоро кончаетъ страданія больного, если же образуются на слизистой оболочкѣ воспаленныхъ кишекъ изъязвленія, то ходъ болѣе медленный, но результатъ

часто тотъ же. Быстрое и полное исцѣленіе наблюдается сравнительно рѣдко.

Предсказаніе.

Воспаленіе кишекъ всегда опасно, такъ какъ даже въ такихъ случаяхъ, которые, повидимому, уже приняли совершенно благоприятный оборотъ, весьма легко дѣлаются рецидивы или же слѣдуетъ серьезное и упорное расстройство пищеваренія. Поэтому очень важно зорко слѣдить за появленіемъ первыхъ признаковъ воспаленія, которое иногда въ началѣ имѣетъ видъ простой боли. Такая ошибка очень опасна, такъ какъ употребленіе слабительныхъ, считающихся у многихъ невинными домашними средствами, которое при простой боли не имѣетъ особенно дурныхъ послѣдствій, при начинающемся воспаленіи кишекъ въ высшей степени вредно и опасно, такъ какъ неминуемо усиливаетъ раздраженіе кишекъ.

Леченіе.

Въ началѣ болѣзни самое главное лекарство *Aconitum*, который лучше всего дается въ водяномъ растворѣ въ довольно частыхъ приемахъ (черезъ 2 часа). Онъ особенно соотвѣтствуетъ той формѣ, при которой появляется продолжительный запоръ. Послѣ *Aconitum* бываетъ полезно, при запорѣ, давать *Bryonia*, которая также можетъ быть употребляема, въ перемежку съ *Aconitum*, черезъ 1—2 часа. Если же больные страдаютъ при воспаленіи поносомъ, то предпочтеніе заслуживаетъ *Belladonna*. Послѣ *Belladonna*, или же въ перемежку съ этимъ лекарствомъ, чаще всего подходитъ *Colocynthis*, при рѣжущихъ боляхъ въ тонкихъ кишкахъ, особенно около пупка, или же *Mercurius solubilis*, при натужномъ поносѣ съ выдѣленіемъ большого количества слизи.

Въ самыхъ опасныхъ случаяхъ, когда силы начинаютъ быстро падать, при жгучей боли въ кишкахъ, нестерпимой жаждѣ, появленіи холоднаго пота на лбу и большой впалости лица подходитъ *Arsenicum*.

Чрезвычайно благотворно при воспаленіи кишекъ, какъ вспомогательное средство, дѣйствуютъ согрѣвающие компрессы на весь животъ, которые мѣняются черезъ каждые 6—8 часовъ. При очень продолжительномъ запорѣ можно употреблять промывательныя изъ комнатной или тепловатой воды черезъ каждые 2—3 дня. Вообще не слѣдуетъ очень беспокоиться относительно запора, при воспаленіи, такъ какъ при ослабленіи воспали-

тельного процесса дѣйствіе кишекъ восстанавливается само собою. Внутреннее употребленіе слабительныхъ всегда безусловно вредно.

Діета.

На высотѣ болѣзни больные сами ничего не ѣдятъ. Для утоленія жажды свѣжая вода самое лучшее. Затѣмъ для поддержанія силъ можно давать молоко, если больные его переносятъ.

Какъ только появляется аппетитъ, то слѣдуетъ перейти на куринный, а затѣмъ, черезъ нѣсколько дней, на говяжій бульонъ, или овсянку на бульонѣ. Къ твердой пищѣ слѣдуетъ переходить съ большою осторожностію въ виду большой склонности этой болѣзни къ рецидивамъ. Самое лучшее начинать съ варенаго пыленка, затѣмъ переходить на жаренаго пыленка, мелкую дичь и говядину.

3. Воспаленіе слѣпой кишки. Typhlitis. Perityphlitis.

Слѣпая кишка гораздо чаще, нежели другія части кишечнаго канала поражается воспалительнымъ процессомъ самостоятельно и безъ другихъ осложняющихъ болѣзней. Это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что именно тутъ, на мѣстѣ перехода тонкихъ кишекъ въ толстыя, движущійся по пищевымъ путямъ калъ легче всего встрѣчаетъ препятствіе и застаивается, производя такимъ образомъ болѣе или менѣе значительное раздраженіе кишечныхъ стѣнокъ. Съ самой слѣпой кишки воспаленіе легко переходитъ на окружающую ее соединительную ткань (Perityphlitis), причѣмъ нерѣдко доходитъ до нагноенія и образованія нарыва, достигающаго иногда весьма значительныхъ размѣровъ.

Въ видѣ осложненія, воспаленіе слѣпой кишки встрѣчается иногда у женщинъ при воспаленіи матки и яичниковъ, особенно въ послѣродовомъ періодѣ.

Симптомы и теченіе.

Симптомы воспаленія слѣпой кишки бываютъ весьма различны, смотря по силѣ и распространенію воспалительнаго процесса. Въ самыхъ серьезныхъ случаяхъ болѣзнь начинается съ появленія весьма сильной, острой, рѣжущей боли въ правой подвздошной области. Стулъ совершенно задержанъ. Аппетита нѣтъ никакого. Животъ быстро вздувается и дѣлается чувствительнымъ на ошупь. Часто появляется рвота, которая, въ са-

мыхъ опасныхъ случаяхъ, даже иногда такъ сильна и продолжительна, что извергаемыя вещества имѣютъ запахъ кала. Лихорадочное состояніе весьма значительно, пульсъ скорый и малый, конечности холодныя и на лицѣ выступаетъ холодный потъ. Въ правой нижней части живота вскорѣ образуется опухоль, которая при перкуссии даетъ тупой звукъ. Если эта воспалительная опухоль разрѣшается безъ нагноенія, то мало-по-малу симптомы воспаления ослабѣваютъ, дѣятельность кишекъ медленно восстанавливается и больной выздоравливаетъ, причемъ однако всегда замѣчается очень большая склонность къ рецидивамъ. Въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ воспаленная соединительная ткань, окружающая слѣпую кишку, переходитъ въ нагноеніе и образуется въ правой подвздошной области нарывъ, исходъ бываетъ рѣдко смертельный, вслѣдствіе прободенія самой кишки или вскрытія нарыва въ брюшную полость и слѣдующее затѣмъ воспаление брюшины. Однако и въ тѣхъ болѣе благоприятныхъ случаяхъ, когда нарывъ вскрывается наружу, исходъ не всегда хорошій, такъ какъ нагноеніе истощаетъ силы больного, и притомъ почти всегда образуются сращения кишки съ окружающими частями и пищевареніе весьма значительно затрудняется.

Къ счастью, эта опаснѣйшая форма болѣзни встрѣчается не очень часто. Обыкновенно воспалительный процессъ развивается гораздо медленнѣе, боль сравнительно незначительна; вслѣдствіе застоя кала въ пораженной кишкѣ, является запоръ и мало-по-малу въ окружности ея образуется опухоль. Лихорадочное состояніе незначительно, или даже вовсе отсутствуетъ. Въ этихъ случаяхъ почти всегда удается предотвратить нагноеніе и совершенно исцѣлить болѣзнь при правильномъ леченіи. Продолжительность воспаленія слѣпой кишки бываетъ рѣдко менѣе двухъ недѣль. Въ серьезныхъ случаяхъ и при переходѣ въ нагноеніе болѣзнь, конечно, еще болѣе продолжительна.

Предсказаніе.

Самая острая форма воспаленія слѣпой кишки очень опасна, и если больной и не умираетъ на высотѣ болѣзни, то полное выздоровленіе все-таки составляетъ довольно рѣдкое исключеніе. Въ болѣе легкихъ случаяхъ, гдѣ есть достаточно времени для дѣйствія лекарствъ, раціональное гомеопатическое леченіе имѣетъ очень хорошіе шансы, и болѣзнь обыкновенно не представляетъ особенной опасности, хотя не слѣдуетъ упускать изъ виду, что

во всѣхъ случаяхъ наклонность къ рецидивамъ весьма значительна.

Леченіе.

При леченіи воспаленія слѣпой кишки слѣдуетъ имѣть въ виду, что, съ одной стороны, застои кала въ этомъ мѣстѣ часто бываютъ причиною воспалительнаго процесса, а съ другой стороны, и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ воспаление произошло отъ другихъ причинъ, эти застои всегда вредно вліяютъ на ходъ болѣзни. Весьма замѣчательно, что алопатическія слабительныя, которыми, къ сожалѣнію, такъ гордится старая школа и вѣрность дѣйствія которыхъ она всегда превозноситъ, въ этихъ случаяхъ почти всегда остаются безъ всякаго дѣйствія, кромѣ сильнаго раздраженія и безъ того уже раздраженной и воспаленной кишки.

При гомеопатическомъ леченіи тоже иногда приходится ждать нѣсколько дней до дѣйствія желудка, но тутъ громадное преимущество, что лекарства, способствующія разрѣшенію запора, вмѣстѣ съ тѣмъ противодѣйствуютъ воспаленію. Главное изъ нихъ *Bryonia*. Въ началѣ болѣзни, при значительномъ лихорадочномъ состояніи ее можно давать попеременно съ *Aconitum* (въ растворѣ, черезъ 1—2 часа), особенно когда болѣзнь открылась послѣ простуды. Когда образуется на мѣстѣ воспаленія опухоль, означающая переходъ воспалительнаго процесса на окружающую слѣпую кишку соединительную тканьъ, то необходимо давать *Mercurius solubilis* (опять-таки попеременно съ *Bryonia*), для предупрежденія нагноенія, а также для того, чтобы способствовать заживленію изъязвленій въ слѣпой кишкѣ, которыя пріятномъ обыкновенно образуются.

Когда воспалительные симптомы начинаютъ уступать, лихорадочное состояніе прекратилось, но опухоль въ правой подвздошной области все-таки не разрѣшается и вмѣстѣ съ тѣмъ наклонность къ запору еще значительна,—*Sulfur* самое подходящее лекарство и часто имѣетъ по-истинѣ поражающее дѣйствіе для разрѣшенія опухоли.

Кромѣ *Bryonia*, противъ запора еще слѣдуетъ имѣть въ виду *Nux vomica* и *Lycoperidium*, которыя послѣ прекращенія всѣхъ воспалительныхъ симптомовъ весьма полезны для регулированія дѣйствія желудка. Въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ образуется нарывъ, необходимо давать *Silicea* и *Hepar sulfuris*; однако при гомеопатическомъ леченіи съ начала болѣзни такой исходъ наблюдается крайне рѣдко.

Какъ вспомогательное паружное средство, всегда прекрасно дѣйствуетъ согрѣвающій компресъ. При значительномъ вздутіи и чувствительности всего живота компресъ кладется на весь животъ; если же чувствительность ограничивается правою подвздошною областью, то достаточно покрыть компресомъ только пораженную часть.

Діета.

Относительно діеты необходимо строго соблюдать всё правила, указанныя нами при воспаленіи кишекъ. Особенно важно послѣ прекращенія воспалительныхъ симптомовъ и при появленіи аппетита съ крайнею осторожностью переходить на твердую пищу, такъ какъ наклонность къ застоямъ кала въ слѣпой кишкѣ остается очень долго (даже нѣсколько мѣсяцевъ) и поэтому малѣйшая погрѣшность въ діетѣ можетъ вызвать рецидивъ.

4. Кровавый поносъ (Dysentery).

Дисентерію называется болѣзнь, которая, главнымъ образомъ, состоитъ въ воспаленіи слизистой оболочки толстыхъ кишекъ и въ особенности нижней части ихъ, т. е. прямой кишки. Обыкновенно различаютъ двѣ формы этой болѣзни: катаральную и эпидемическую дисентерію. Первая представляетъ слабѣйшую форму этой болѣзни и появляется единичными случаями; при ней мы находимъ простое катаральное воспаленіе слизистой оболочки толстой кишки. Эпидемическая дисентерія— сильнѣйшая и гораздо болѣе опасная форма этой болѣзни, при которой воспалительный процессъ на слизистой оболочкѣ имѣетъ характеръ дифтеритическій. Болѣзнь эта заразительна; зараза распространяется, какъ при холерѣ, черезъ испражненія. Эпидемическая дисентерія появляется преимущественно позднимъ лѣтомъ и осенью въ жаркіе и сухіе годы и поражаетъ преимущественно людей среднихъ лѣтъ. Простуда и ѣда сырыхъ, несомѣль спѣлыхъ фруктовъ—самыя обыкновенныя случайныя причины.

Симптомы и теченіе.

Въ началѣ болѣзни обыкновенно появляется поносъ, съ легкими коликами и общимъ нерасположеніемъ. Боль чувствуется особенно около пупка, распространяясь оттуда въ лѣвую подвздошную область, и усиливается при давленіи. Языкъ обложенъ и легко сохнетъ. Апетитъ совершенно отсутствуетъ. Испражненія сначала болѣе рѣдкія, но болѣе или менѣе быстро учаща-

ются и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаются менѣе обильными, причѣмъ появляются характеристичныя потужныя боли (такъ называемыя тенезмы) въ заднепроходной кишкѣ. Больной чувствуетъ какъ будто всё внутренности его выпираетъ, при сильнѣйшемъ жженіи въ проходѣ, причѣмъ отдѣляется весьма незначительное количество слизисто-кровянистой жидкости. Эти припадки, доводящіе первыхъ больныхъ до обмороковъ, съ выступленіемъ холоднаго пота на лицѣ и чрезвычайнымъ общимъ томленіемъ, повторяются обыкновенно весьма часто, даже каждыя 5—10 минутъ на высотѣ болѣзни. Характеръ испражнений бываетъ различный; при катаральной дисентеріи онѣ преимущественно слизистыя, съ небольшою примѣсью сукровицы или крови, и содержатъ маленькія бѣловатыя пленки (эпителий воспаленной вишки); а при эпидемической дисентеріи испраженія часто состоятъ изъ чистой крови и содержатъ весьма значительное количество бѣловатыхъ или сѣроватыхъ пленокъ, имѣющихъ поразительное сходство съ дифтеритическимъ выпотомъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзни принимаетъ дурной оборотъ, всё эти явленія постепенно усиливаются, животъ вздувается, пульсъ дѣлается очень частымъ и малымъ, больные быстро ослабѣваютъ, томимые невыносимою жаждою и поминутными тенезмами, съ непроизвольными изверженіями крови, появляется бредъ, наконецъ, коматозное, безчувственное состояніе и смерть. При благопріятномъ оборотѣ болѣзни тенезмы дѣлаются постепенно все рѣже и рѣже, количество крови и эпителий или выпота въ испраженіяхъ уменьшается, затѣмъ начинаютъ опять появляться въ нихъ калобразныя вещества и, мало-по-малу, стулъ принимаетъ обыкновенный нормальный характеръ.

Предсказаніе.

Крoвaвый поносъ, на ряду съ крупомъ и дифтеритомъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ болѣзней, въ которыхъ гомеопатія показываетъ свое преимущество надъ латинскою кухнею старой школы самымъ блистательнымъ образомъ. Я почти не могу себя представить, чтобы больной, страдающій дисентеріею, могъ умереть, если онъ съ начала болѣзни лечится гомеопатіею. Это относится даже въ самымъ серьезнымъ формамъ этой болѣзни. Во всякомъ случаѣ (кромѣ страшныхъ эпидемій, господствующихъ иногда въ тропикахъ, напримѣръ, въ Индіи, или, при очень неблагопріятныхъ условіяхъ, въ военныхъ госпиталяхъ въ военное время) смертельный исходъ дисентеріи при гомеопати-

ческомъ леченіи до того рѣдкое явленіе, что многіе врачи-гомеопаты (въ которыхъ и я принадлежу) никогда еще его не видѣли. Замѣчательно еще то, что при правильномъ гомеопатическомъ леченіи больные очень часто поправляются съ удивительною скоростью, т. е. въ нѣсколько дней, въ то время какъ при алопатическомъ леченіи періодъ выздоровленія нерѣдко тянется мѣсяцами.

Леченіе.

Самое главное лекарство при дисентеріи—*Mercurius corrosivus*. Патогенетическія свойства этого средства съ такою точностью соотвѣтствуютъ картинѣ этой болѣзни въ громадномъ большинствѣ случаевъ, что его можно считать специфическимъ лекарствомъ отъ дисентеріи, и блистательное дѣйствіе его всякому безпристрастному наблюдателю должно служить полномѣрнымъ подтвержденіемъ открытаго Ганеманомъ закона: *similia similibus curantur*. Его слѣдуетъ давать въ растворѣ, черезъ 1—2 часа. Кромѣ этого лекарства, иногда могутъ подходить еще слѣдующія:

Mercurius solubilis подходитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда испражненія болѣе слизистыя, съ незначительною примѣсью сукровицы или крови.

Colchicum—въ болѣе легкихъ случаяхъ, когда боль не очень значительна, при зябкости, съ незначительнымъ повышеніемъ температуры, и при натугѣ во время моченспусканія.

Ipecacuanha, когда натуга является преимущественно послѣ испражненія, при тошнотѣ и рвотѣ желчью.

Arsenicum—въ тяжелыхъ случаяхъ, когда испражненія дѣлаются гнилыми, буро-черноватаго цвѣта, съ влочьями слизистой оболочки, при сильномъ жарѣ, мучительной жаждѣ и быстромъ упадѣ силъ.

Plumbum подходитъ при появленіи паралича мышцъ задняго прохода, вслѣдствіе котораго больной чувствуетъ позывъ, но не можетъ удержать испражненія, которое выдѣляется произвольно.

Sulfur—въ періодѣ выздоровленія, для ускоренія заживленія остающихся въ кишкѣ изъязвленій и облегченія стула.

China—также во время поправленія больного, для ускоренія возстановленія организма послѣ значительной потери крови.

Диета.

Покуда испражненія кровянисты, всякая твердая пища должна быть строго избѣгаема. Слизистое питье или жидкая овсянка—самое лучшее. Какъ только испражненія принимаютъ лучшій

характеръ и боли начинаютъ успокоиваться, слѣдуетъ перейти на бульонъ (beef-tea) и жидкія или сырыя яйца и молоко, такъ какъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что при дисентеріи больные теряютъ громадное количество бѣла и поэтому необходимо по возможности поддерживать силы. Переходъ на обыкновенную пищу долженъ быть медленный и крайне осторожный.

5. Боль живота. Колика.

Подъ именемъ колики мы подразумѣваемъ особеннаго рода боль живота, которая является приступами и не происходитъ отъ какого бы то ни было болѣзненнаго измѣненія въ самыхъ органахъ пищеваренія.

Причины этой болѣзни бываютъ различны. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ колика бываетъ чисто нервная, происходящая отъ раздраженія симпатическихъ нервовъ, развѣтвляющихся въ желудкѣ и кишкахъ, особенно такъ называемаго солнечнаго сплетенія (plexus solaris). Эти случаи однако рѣдки. Чаще колика происходитъ отъ скопленія газовъ (Colica flatulenta) или отъ простуды и ревматическаго раздраженія мышечнаго слоя желудка или кишекъ (Colica rheumatica). Затѣмъ иногда колика происходитъ отъ присутствія глистовъ въ кишкахъ, особенно солитера; наконецъ, есть особаго рода колика, происходящая отъ отравленія свинцомъ (Colica saturnina).

а) Колика отъ накопленія газовъ.

Эта форма колики происходитъ или вслѣдствіе развитія большаго количества газовъ въ кишкахъ, или же вслѣдствіе запруженія сравнительно небольшого количества ихъ въ какомъ нибудь мѣстѣ. Употребленіе тяжелой, пучащей пищи или легко разлагающихся веществъ, а также душевное волненіе у нервныхъ особъ, легко вызываютъ ее. Боль обыкновенно тянущая, колющая, или рѣжущая; при наружномъ давленіи на животъ она не усиливается, а иногда даже уменьшается (что очень важно для различія этой болѣзни отъ начинающагося воспаленія). Боль занимаетъ различное пространство, иногда весь животъ, желудокъ и отдается даже въ груди. Животъ бываетъ болѣе или менѣе вздутый. Иногда при этомъ запоръ на низъ, но не всегда. При отхожденіи газовъ вверхъ или внизъ всегда замѣчается облегченіе. Продолжительность приступа не бываетъ очень значительна, но за то они очень легко повторяются.

ЛЕЧЕНІЕ.

Чаще всего подходят слѣдующія лекарства:

Chamomilla, особенно у дѣтей, при вздутіи живота, большимъ безпокойствѣ, частыхъ жидковатыхъ испражненіяхъ.

Carbo vegetabilis—при сильномъ развитіи газовъ и затрудненномъ отдѣленіи ихъ. Боль преимущественно въ верхней части живота и въ желудкѣ, и появляется вскорѣ послѣ ѣды.

Nux vomica.—Боль томящая, давящая, преимущественно въ нижней части живота, при запорѣ. Подходит особенно у людей, ведущихъ сидячій образъ жизни.

Bismuthum, когда боль особенно чувствуется въ желудкѣ и въ верхней части живота, съ отрыжкой и сильнымъ давленіемъ и жженіемъ въ желудкѣ. При этомъ головокруженіе и головная боль во лбу.

Cocculus, при щемящей или рвущей боли, особенно въ нижней части живота, съ вздутіемъ только нѣкоторой части его. Боль не облегчается при отхожденіи газовъ. Сильное давленіе внизъ, а также и на пузырь. Вздутіе желудка и отрыжка. Подходит особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда постоянно дѣлаются рецидивы.

Lusorodium подходит въ тѣхъ случаяхъ, когда колика является вслѣдствіе застоевъ въ кишкахъ при весьма упорномъ и продолжительномъ запорѣ. Приступы чаще бываютъ поздно вечеромъ или утромъ.

Veratrum часто помогаетъ при коликѣ, являющейся у истерическихъ женщинъ или у очень нервныхъ людей.

b) Ревматическая колика.

Эта форма колики всегда бываетъ послѣдствіемъ простуды, и чаще всего наблюдается во время лѣтнихъ жаровъ или въ концѣ лѣта, къ осени.

Приступъ обыкновенно является совершенно внезапно. Больной просыпается утромъ съ легкою рѣзью въ животѣ, которая весьма скоро переходитъ въ сильную боль. Боль эта преимущественно чувствуется около пупка и оттуда распространяется внизъ и особенно въ лѣвую сторону. Пароксизмы боли не очень продолжительны, но за то повторяются часто, иногда каждые полчаса. Боль щемящая, давящая, съ бурчаніемъ въ животѣ, при легкомъ дотрогиваніи снаружи усиливается, а при болѣе сильномъ надавливаніи скорѣе облегчается. Иногда боль такъ сильна, что больные громко кричатъ или, при выступленіи хо-

лоднаго пота, падають въ обморозъ. Наружное тепло и спокойное положеніе большею частію облегчаютъ больныхъ.

Стулъ нормальный или задержанный, или же бываютъ кашеобразныя испражненія, которыя не облегчаютъ боли. Языкъ чистъ, аппетитъ обыкновенно нормальный.

При отсутствіи леченія болѣзнь иногда продолжается 2—3 недѣли и возобновляется при малѣйшей простудѣ.

Леченіе.

Главное и поистинѣ специфическое лекарство противъ этой формы колики—*Colocynthis*. Нерѣдко успѣхъ этого средства чрезвычайно быстрый, и почти во всѣхъ случаяхъ больные выздоравливаютъ въ 24 часа. Приемы даются черезъ $\frac{1}{2}$ —1—2 часа.

Наружное тепло дѣйствуетъ при ревматической коликѣ всегда лучше въ сухомъ видѣ.

е) Нервная колика.

Сюда относятся тѣ случаи, въ которыхъ никакихъ болѣзненныхъ измѣненій въ органахъ пищеваренія нѣтъ и по совершенно неизвѣстнымъ причинамъ, безъ всякой зависимости отъ процесса пищеваренія, являются приступы боли живота. Боль обыкновенно сильнѣе всего около пупка, но распространяется и на весь животъ, и бываетъ нерѣдко весьма сильная, съ чувствомъ, какъ будто всѣ кишки перевернулись или раздражаются гвоздями.

Леченіе.

Самыя подходящія лекарства бываютъ *Circum* или *Plumbum*, особенно послѣднее.

d) Свинцовая колика (*Colica Saturnina*).

Эта форма всегда происходитъ отъ отравленія свинцомъ, а поэтому наблюдается у людей, работающихъ съ этимъ металломъ (у маляровъ, типографщиковъ и проч.), а также отъ употребленія средствъ для окрашиванія волосъ, содержащихъ свинецъ.

Весьма характерно при свинцовой коликѣ, что животъ сильно втянутъ и впалый, пульсъ замедленъ и запоръ чрезвычайно упорный. Боль особенно сильна въ желудкѣ и вокругъ пупка и оттуда лучеобразно распространяется по всѣмъ направлѣніямъ. При этомъ обыкновенно отсутствіе аппетита, тошнота,

рвота зеленымъ или темнымъ горькимъ веществомъ, боль при моченспусканіи или задержаніе мочи, одышка, голосъ глухой или беззвучный.

Другіе симптомы отравленія свинцомъ: рвущія ночныя боли въ конечностяхъ, дрожаніе рукъ, параличъ, слѣпота (Amaurosis), энцефалія и водянка.

Леченіе.

Самое главное и по-истинѣ специфическое лекарство противъ свинцовой колики—Ориумъ. Успѣхи, достигаемые этимъ средствомъ относительно разрѣшенія запора, въ высшей степени наглядно доказываютъ истину гомеопатическаго принципа: *Similia similibus!* Даже алопатія признала дѣйствительность Ориумъ'a противъ свинцовой колики, хотя конечно она предписываетъ сравнительно очень большіе приемы и вслѣдствіе этого имѣетъ гораздо менѣе удовлетворительные результаты.

Діета.

Какъ при всѣхъ страданіяхъ органовъ пищеваренія, такъ и при различныхъ формахъ колики, діета больныхъ должна быть тщательно регулирована. Всѣ пучащія и вообще тяжелыя вещи запрещаются и назначается больнымъ самая легкая и удобоваримая пища.

6. Суженіе и запоръ кишекъ.

Причины, которыя могутъ производить суженіе или совершенный запоръ какой нибудь части кишечнаго канала, бываютъ весьма разнообразны. Во первыхъ, болѣзненные процессы въ самой стѣнкѣ кишки, съ утолщеніемъ ея (какъ при рагѣ) или съ нагноеніемъ и послѣдующимъ образованіемъ рубца. Затѣмъ воспаленіе брюшины и образующіяся, вслѣдствіе его, сращенія кишекъ между собою, или сальника съ какою нибудь частью кишекъ. Въ третьихъ, сюда относится ущемленіе кишки, которое бываетъ двоякаго рода: 1) Внутреннее, при которомъ кишка или свертывается вокругъ своей собственной оси (заворотъ кишекъ), или же какая нибудь кишечная петля проскользаетъ черезъ одно изъ отверстій сальника и не можетъ сама собою оттуда освободиться, или, наконецъ, одна часть кишки заходитъ въ другую (Juvaginato). 2) Наружное ущемленіе происходитъ при грыжахъ, когда отверстіе, черезъ которое кишка вышла изъ полости живота, настолько суживается, что сообщеніе этой части кишекъ съ остальными совершенно прекращается.

СИМПТОМЫ И ТЕЧЕНІЕ.

При утолщеніи стѣнокъ кишки, она всегда только болѣе или менѣе суживается, а никогда не запирается совершенно.

Поэтому, хотя прохожденіе кала всегда значительно этимъ затрудняется, но все-таки запоръ не абсолютный. Если мѣсто суженія не находится слишкомъ далеко отъ прямой кишки, то испражненія имѣютъ особенную форму, соответствующую суженію, обыкновенно лентообразную. Конечно, испражненія бываютъ очень рѣдкія и обыкновенно вся часть кишекъ, лежащая выше мѣста суженія, расширяется и вздувается газами. Кромѣ того больные страдаютъ отрыжкой, иногда тошнотою и болью около того мѣста, гдѣ находится суженіе.

При совершенномъ запорѣ кишекъ, симптомы въ началѣ тѣ же самыя, какъ и при суженіи, запоръ на низъ, вздутіе и колика въ животѣ, отрыжка и тошнота. Затѣмъ является рвота. Съ появленіемъ этого симптома обыкновенно всѣ явленія быстро ухудшаются, въ особенности, если были употребляемы слабительныя лекарства. Боль и вздутіе живота усиливаются, рвота дѣлается все чаще и чаще; сначала извергаются пища, слизь и желчь, затѣмъ извергаемыя вещества принимаютъ болѣе и болѣе характеръ содержамаго кишекъ и калообразный запахъ (Miserege). Приѣмъ пищи и даже питья вскорѣ дѣлается совершенно невозможнымъ, такъ какъ немедленно вызываетъ страшную рвоту. Силы быстро падаютъ и по прошествіи 7—14 дней больные умираютъ въ ужасныхъ мученіяхъ, сохраняя обыкновенно до послѣдней минуты полное сознаніе.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда къ запору кишекъ присоединяется общее воспаленіе брюшины, больные умираютъ гораздо скорѣе, обыкновенно въ нѣсколько дней.

ПРЕДСКАЗАНІЕ.

Если уже суженіе кишекъ слѣдуетъ считать весьма серьезною болѣзью, такъ какъ питаніе организма значительно затрудняется, то совершенный запоръ кишекъ принадлежитъ къ самымъ опаснымъ для жизни страданіямъ. Предсказаніе, конечно, тѣмъ хуже, чѣмъ больше времени прошло съ начала болѣзни. Это особенно относится къ случаямъ ущемленія грыжи, такъ какъ, вслѣдствіе сильнаго давленія на кровеносныя сосуды, ущемленная часть кишки весьма скоро поражается гангреною съ неизбѣжнымъ и очень быстрымъ смертельнымъ исходомъ.

ЛЕЧЕНІЕ.

При сѣуженіи кишки леченіе, конечно, главнымъ образомъ направляется противъ упорнаго задержанія стула. Sulfur, Bryonia, Nux vomica и Lycopodium тутъ самыя главныя лекарства, отъ которыхъ можно еще ожидать нѣкотораго дѣйствія. Противъ вздутія живота, которое иногда весьма мучительно для больнаго, слѣдуетъ употреблять Carbo vegetabilis и Opium.

При совершенномъ запорѣ кишекъ, какъ то бываетъ вслѣдствіе заворота кишекъ и ущемленія грыжи, главное лекарство, способствующее успѣху необходимыхъ въ этихъ случаяхъ хирургическихъ манипуляцій, — Nux vomica, которое, если есть уже воспалительныя явленія, слѣдуетъ давать попеременно съ Belladonna, въ частыхъ приемахъ (черезъ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ часа). Для уменьшенія рвоты каломъ (Miseregre) Беръ рекомендуетъ Colocynthis, отъ котораго онъ нѣсколько разъ видѣлъ успѣшное дѣйствіе. Въ періодъ упадка силъ необходимо давать Veratrum и Arsenicum.

Кромѣ этого внутренняго леченія, необходимо немедленно, при первыхъ явныхъ признакахъ запора кишекъ, прибѣгнуть къ хирургическимъ манипуляціямъ. При ущемленіи грыжи слѣдуетъ стараться, посредствомъ методическаго, впрочемъ весьма осторожнаго давленія на грыжу, ввести ущемленную часть кишки обратно въ брюшную полость. Лучшее положеніе больнаго при этомъ съ высоко поднятымъ тазомъ и, сравнительно, болѣе низкимъ положеніемъ верхней части тѣла и головы. Если это не удастся, то слѣдуетъ еще сдѣлать попытку вправленія грыжи въ теплой ваннѣ (27—29° R.). Если всѣ попытки вправленія окажутся тщетными, то остается, какъ послѣднее средство, только операція, состоящая главнымъ образомъ въ кровавомъ расширеніи внутренняго ущемленнаго сообщенія грыжи съ брюшною полостью. Операція эта принадлежитъ къ числу трудныхъ и опасныхъ. При заворотѣ кишекъ также иногда удается, посредствомъ долгаго, методически произведеннаго массажа, возстановить правильное положеніе кишки. Если же всѣ наружныя манипуляціи не увѣнчаются успѣхомъ, то иногда прибѣгали къ операціи вскрытія брюшной полости, съ цѣлью расправленія ущемленной кишки. Однако шансы такой операціи такъ плохи, что выздоровленіе послѣ нея принадлежитъ къ рѣдкимъ исключеніямъ.

ДИЕТА.

При суженіи кишекъ, больного слѣдуетъ кормить преимущественно весьма легкою и притомъ жидкою пищею

Крѣпкій бульонъ, сырыя или совсѣмъ жидко сваренныя яйца и молоко тутъ на первомъ планѣ. Мясо, овощи и даже хлѣбъ допускаются развѣ только въ самомъ ничтожномъ количествѣ. Свѣжій хлѣбъ въ этихъ случаяхъ всегда очень вреденъ; скорѣе еще можно съ осторожностію давать сухари.

При совершенномъ запорѣ кишекъ объ ѣдѣ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Если рвота не слишкомъ сильна, то можно попытаться давать молоко, по весьма маленькому количеству (десертную или столовую ложку) черезъ каждыя $\frac{1}{2}$ часа или черезъ часъ. Польза, приносимая клистирами изъ бульона съ желткомъ яйца, къ сожалѣнію, весьма проблематична.

7. Геморой.

Гемороемъ называется болѣзнь, состоящая главнымъ образомъ въ расширеніи венъ прямой кишки. Болѣзнь эта одна изъ самыхъ обыкновенныхъ и распространенныхъ, и преимущественно происходитъ отъ неправильности кровообращенія въ животѣ, въ особенности въ печени. Геморой почти безъ исключенія встрѣчается у людей средняго возраста.

Наклонность къ этой болѣзни иногда, повидимому, бываетъ прирожденная, но въ большинствѣ случаевъ она бываетъ результатомъ извѣстнаго образа жизни. Всѣ тѣ обстоятельства, которыя способствуютъ переполненію брюшныхъ кровеносныхъ сосудовъ и затрудняютъ кровообращеніе въ нихъ, служатъ причиною геморoidalнаго страданія. Слишкомъ сытная и роскошная пища и слишкомъ покойная и сидячая жизнь въ числѣ причинъ гемороя встрѣчаются чаще всего. У женщинъ геморой бываетъ сравнительно рѣже, нежели у мужчинъ, вѣроятно потому, что, вслѣдствіе правильныхъ физиологическихъ изліяній крови при регулахъ, застои крови въ животѣ болѣе предупреждаются. Геморой, развивающійся иногда во время беременности, вслѣдствіе давленія на сосуды таза, въ большинствѣ случаевъ послѣ родовъ проходитъ скоро самъ собою. Неправильности и затрудненія кровообращенія въ другихъ органахъ, особенно въ легкихъ, также бываютъ причиною развитія гемороя. Такъ, геморой часто сопровождается расширеніемъ легкихъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о многихъ болѣзняхъ сердца. Весьма замѣчательно, что геморой очень легко развивается у людей, кото-

рые очень много ѣздятъ верхомъ. Очевидно поэтому, что верховая ѣзда, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ столь полезная для здоровья, неблагоприятно дѣйствуетъ на брюшное кровообращеніе.

Симптомы.

Образованію гемороидалныхъ шишекъ обыкновенно предшествуетъ въ продолженіи нѣкотораго времени общее чувство нерасположенія, уменьшеніе аппетита, чрезвычайная раздражительность, непріятное чувство полноты въ животѣ, тяжесть и давленіе въ головѣ, прерывистый и безпокойный сонъ, и иногда болѣзненные ощущенія и неправильности при мочеиспусканіи. Со всѣмъ тѣмъ почти всегда бываетъ довольно значительная склонность къ запору. Всѣ эти недуги нисколько не уменьшаются съ появленіемъ характерныхъ припухлостей или такъ называемыхъ гемороидалныхъ шишекъ; они даже, напротивъ, часто сами по себѣ причиняютъ больнымъ весьма значительныя страданія, такъ какъ очень легко раздражаются, а иногда даже воспаляются. При легкомъ раздраженіи ихъ появляется зудъ въ проходѣ, который подчасъ весьма мучителенъ, особенно ночью въ постели. При болѣе сильномъ раздраженіи или воспалительномъ состояніи, больные ощущаютъ жженіе и боль, которая можетъ дойти до весьма значительной степени. Часто больные не могутъ ни сидѣть, ни лежать, и только нѣсколько сносно чувствуютъ себя во время ходьбы. Ночью, въ теплотѣ постели, является несноснѣйшій зудъ, съ жженіемъ и болью въ шишкахъ. Такое раздраженіе гемороидалныхъ шишекъ обыкновенно является приступами и притомъ чаще всего весной и осенью, во время холодной и сырой погоды. Затѣмъ бываютъ болѣе или менѣе продолжительныя паузы, во время которыхъ больные сравнительно мало страдаютъ. Весьма значительное и быстрое облегченіе всегда слѣдуетъ, если нѣкоторые изъ находящихся въ шишкахъ кровеносныхъ сосудовъ, вслѣдствіе сильнаго напора крови, лопаются и происходитъ болѣе и менѣе значительное кровоизліяніе. Бываютъ случаи, въ которыхъ такія кровоизліянія повторяются въ правильныхъ промежуткахъ, иногда даже каждый мѣсяць. Въ другихъ случаяхъ вмѣсто крови отъ времени до времени отходить слизь (слизистый геморой) и при этомъ больные также чувствуютъ обыкновенно значительное облегченіе.

ПРЕДСКАЗАНИЕ.

Геморой самъ по себѣ никогда не бываетъ опасенъ для жизни, но страданіе это принадлежитъ къ числу самыхъ упорныхъ и, при значительномъ развитіи, иногда продолжается десятиами лѣтъ. Отчасти это зависитъ отъ особеннаго характера этой болѣзни, отчасти же и отъ того, что въ большинствѣ случаевъ больные не могутъ, а иногда и не хотятъ измѣнить свой образъ жизни, способствующій постоянному развитію геморою и под-держивающій его.

Леченіе.

Самыя лучшія лекарства при гемороѣ въ очень многихъ случаяхъ, это Sulfur и Nux vomica, которые съ большою пользою употребляются попеременно, и такъ какъ весьма часто леченіе при гемороѣ бываетъ продолжительное, то слѣдуетъ давать рѣдкіе приемы, напримѣръ, Sulfur утромъ и Nux vomica вечеромъ. Однако этими лекарствами рѣдко можно ограничиваться и потому мы должны разобрать всѣ употребительнѣйшія средства по-одиночкѣ:

Nux vomica подходитъ, когда геморой вызванъ употребле-ніемъ горячительныхъ и спиртныхъ напитковъ и сидячею жизнью, съ большимъ напряженіемъ умственныхъ способностей. Боль въ кишкахъ и въ поясницѣ, особенно при движеніи. Боль въ крестцѣ, недозволяющая больному выпрямиться и заставляющая его ходить съ согбеннымъ туловищемъ. Запоръ на низъ. Тщет-ные позывы на низъ. Головная боль, особенно въ затылкѣ.

Sulfur соотвѣтствуетъ почти всѣмъ симптомамъ геморои-дальнаго припадка и имѣетъ весьма сильное разрѣшающее дѣй-ствіе на печень и вообще брюшные завалы. Подходитъ и при слизистомъ гемороѣ; при постоянной натугѣ съ жидковатымъ или очень твердымъ испражненіемъ; при сильной, какъ бы вос-палительной боли въ проходѣ; при выпаденіи прямой кишки; боль въ крестцѣ и спинѣ, и при мочеиспусканіи, съ сильною натугою въ пузырь. Приливы къ головѣ и груди. Легкое вы-ступленіе пота съ чувствомъ общей слабости.

Lusorodium особенно хорошо дѣйствуетъ въ застарѣлыхъ случаяхъ, при большомъ объемѣ шишекъ, которыя болятъ срав-нительно мало. Упорное и долгое задержаніе стула, съ значительнымъ вздутіемъ живота и развитіемъ газовъ. Испражне-нія, состоящія изъ небольшихъ шарообразныхъ кусочковъ съ большимъ количествомъ слизи. Частые позывы на мочу, кото-

рая содержитъ слизь и даже слѣды крови. Цвѣтъ лица желто-сѣроватый.

Nitri acidum—при сильномъ приливѣ крови, когда шишки очень распухли, воспалены и болятъ; при сильномъ жилогіеніи и ощущеніи жара въ разныхъ частяхъ тѣла; при кровотеченіи и зеленоватомъ слизистомъ поносѣ.

Pulsatilla—при преобладающемъ катаральномъ состояніи желудка и кишекъ, и ослизеніи. Испражненія слизистыя съ примѣсью крови изъ шишекъ. Частые позывы на мочу и общаѣ слабость.

Belladonna—во время гемороидальнаго припадка очень важное средство, если приэтомъ: общее волненіе крови; приливъ къ головѣ, сильная боль спины; лихорадочное, безпокойное состояніе; сильныя колющія или стрѣляющія боли въ проходѣ; большая чувствительность шишекъ; задержаніе мочи, судороги въ прямой кишкѣ.

Arsenicum—также иногда великолѣпно дѣйствуетъ во время припадка, особенно при очень сильныхъ мѣстныхъ боляхъ, особенно жгучихъ, усиливающихся ночью или при движеніи. Шишки темнокрасныя, весьма чувствительны.

Carbo vegetabilis—по своему дѣйствию весьма близко подходитъ къ предыдущему лекарству. Оно особенно соотвѣтствуетъ тѣмъ случаямъ, когда замѣчается приливъ крови къ головѣ и даже кровотеченіе изъ носа, и когда больные постоянно жалуются на отдѣленіе слизи изъ прохода.

Противъ слишкомъ обильнаго кровотеченія изъ гемороидальныхъ шишекъ самое главное лекарство *Hamamelis virginica*. Затѣмъ могутъ еще подходить: *Arsenicum*, *Kreosotum*, *Sabina* и *Millefolium*.

При воспаленномъ состояніи шишекъ, съ отдѣленіемъ гноя, слѣдуетъ давать *Mercurius solubilis*.

Для женщинъ особеннаго вниманія вообще заслуживаютъ: *Ignatia*, *Sepia* и *Pulsatilla*.

Такъ какъ, при раздраженіи или воспалительномъ состояніи гемороидальныхъ шишекъ, мѣстныя страданія бывають весьма значительны и даже несносны, то въ большинствѣ случаевъ больные непременно требуютъ употребленія мѣстныхъ средствъ для облегченія. Тепловатыя припарки изъ льнянаго сѣмени, или примочки изъ ваннатоной воды въ этомъ отношеніи рекомендуются больше всего. Для облегченія испражненія бываетъ весьма полезно, при появленіи позыва, употреблять промывательное изъ тепловатой воды, особенно если стулъ очень твердый.

ДІЕТА.

Само собою разумѣется, что при геморой, происходящемъ отъ затрудненій кровообращенія въ брюшныхъ органахъ, все то должно быть запрещасмо, что вызываетъ или поддерживаетъ брюшное полнокровіе. На первомъ планѣ тутъ всѣ спиртные напитки. Замѣчательно приятно, что шампанскія вина въ большинствѣ случаевъ имѣютъ особенно дурное дѣйствіе.

Затѣмъ вообще должны быть избѣгаемы всѣ тяжелыя и пучащія блюда, а также всѣ острые и пикантныя вещи, которыя очень способствуютъ раздраженію пищеви. Кофе также имѣетъ часто неблагоприятное дѣйствіе. Легкая и питательная пища въ весьма умѣренномъ количествѣ и достаточная мѣра движенія всегда значительно способствуютъ леченію гемороя. Въ застарѣлыхъ случаяхъ для болѣе радикальнаго исцѣленія этой болѣзни приходится прибѣгать къ употребленію минеральныхъ водъ во время лѣтняго сезона, изъ которыхъ особенно хорошо дѣйствуютъ маріенбадскіе и карлсбадскіе источники.

8. Глисты.

Глистная болѣзнь одна изъ самыхъ распространенныхъ и часто встрѣчающихся; какъ дѣти, такъ и взрослые ей подвержены, если находятся въ условіяхъ, способствующихъ развитію и размноженію глистовъ въ кишкахъ.

Хотя въ новѣйшее время многіе врачи утверждаютъ, что расположеніе организма и въ особенности состояніе слизистой оболочки кишекъ не играютъ никакой роли при развитіи глистовъ въ человѣческомъ организмѣ, а что достаточно, чтобы зародышъ глиста попалъ въ кишки, для развитія его во всѣхъ безъ исключенія организмахъ, но тѣмъ не менѣе, безъ сомнѣнія, болѣе правильно мнѣніе Ганемана который утверждаетъ, что зародыши глистовъ преимущественно развиваются тамъ, гдѣ они находятъ удобную для себя почву, т. е. хроническій катаръ кишекъ. Иначе трудно было бы объяснить, почему при совершенно одинаковой пищѣ и вообще при однихъ и тѣхъ же гигиеническихъ условіяхъ, у одного глисты развиваются, а у другого нѣтъ.

Самые обыкновенныя глисты суть: аскариды или мелкіе глисты, круглые глисты, солитеръ или тесемочный глисть и, наконецъ, трихины.

а) Аскариды

Они встрѣчаются преимущественно въ прямой кишкѣ. Они обыкновенно имѣютъ длину $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$ дюйма, толщину крупной нитки и голову величиною въ булавочную головку. Число ихъ иногда весьма значительно и они бываютъ, какъ у дѣтей, такъ и у взрослыхъ. Самый постоянный симптомъ, производимый присутствіемъ аскаридъ, сильный и даже несносный зудъ въ заднемъ проходѣ, который, особенно у дѣтей, чрезвычайно сильно раздражаетъ нервы, и часто мѣшаетъ имъ спать.

Весьма важно это обстоятельство у дѣвочекъ, такъ какъ аскариды нерѣдко выползаютъ изъ прохода и производятъ сильнѣйшій зудъ въ половыхъ частяхъ, такъ что является величайшая опасность развитія онанизма. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ у дѣтей, страдающихъ аскаридами, появляются симптомы весьма серьезнаго пораженія центральной нервной системы, Витова пляска, и даже падушая болѣзнь. Однако, по уничтоженіи аскаридъ, эти симптомы обыкновенно вскорѣ исчезаютъ.

У взрослыхъ, кромѣ зуда въ проходѣ, а при очень большомъ развитіи аскаридъ, судорожныхъ сокращеній мышцъ прохода и частыхъ позывовъ на низъ, никакихъ симптомовъ не бываетъ.

Леченіе.

Противъ зуда обыкновенно весьма быстро помогаетъ Ignatia. Если вмѣстѣ съ тѣмъ у дѣтей появляется сильное общее безпокойство, лихорадочное состояніе и бессонница, то бываетъ полезно дать нѣсколько приѣмовъ Aconitum. Кромѣ этихъ лекарствъ, весьма полезно давать Cina и Mercurius solubilis, а если болѣзнь продолжительна и упорна—Sulfur.

Самое дѣйствительное средство для прямаго уничтоженія аскаридъ—елистиры съ чеснокомъ. (Allium sativum).

Чеснокъ обваривается кипяткомъ, затѣмъ этотъ настой прохладается и употребляется для промывательнаго.

b) Круглые глисты.

Этотъ глисть встрѣчается гораздо чаще другихъ. Длина его отъ 3 до 6 вершковъ, оба конца заострены и толщина въ серединѣ равняется гусиному перу. Обыкновенно онъ находится въ тонкихъ кишкахъ, однако иногда онъ странствуетъ и пробирается въ желудокъ и даже въ ротъ, причемъ бываетъ случай, что этотъ глисть попадаетъ въ гортань и такимъ образомъ

причиняетъ страшную опасность задушенія. Число круглыхъ глистовъ бываетъ различно; обыкновенно отъ 20 до 30, однако иногда гораздо больше, даже до 200.

Симптомы бываютъ весьма разнообразны. Обыкновенно дѣти очень блѣдны, съ синевами подъ глазами, зрачки расширены, является зудъ въ носу и въ заднемъ проходѣ, тошнота вдругъ подступающая и такъ же скоро проходящая, неровный и очень капризный аппетитъ и особенно сильный позывъ на хлѣбъ и на все мучное.

Языкъ бываетъ нѣсколько бѣловато-обложенный и притомъ нѣрѣдко мѣстами ярко-красный, что весьма характерно для этой болѣзни. Часто круглые глисты у дѣтей вызываютъ симптомы, имѣющіе большое сходство съ другими и притомъ очень серьезными болѣзнями: гастрическою лихорадкою, тифомъ, кровавымъ поносомъ и даже воспаленіемъ мозга.

Леченіе.

* Главное лекарство противъ страданій отъ круглыхъ глистовъ Cina, которая въ 30 дѣленіи часто дѣйствуетъ гораздо скорѣе и лучше, нежели въ матеріальныхъ приемахъ и особенно въ формѣ Santoninum. Кромѣ этого средства, слѣдуетъ еще имѣть въ виду слѣдующія:

Spigelia—при частыхъ болѣзненныхъ схватахъ въ животѣ, жадномъ голодѣ, періодической головной боли; при произвольномъ ночномъ мочеиспусканіи и отхожденіи слизи низомъ безъ настоящихъ испражнений.

Sabadilla приноситъ пользу въ самыхъ трудныхъ случаяхъ, когда глисты извергаются рвотою или, по крайней мѣрѣ, тошнота и рвота сопровождаются ощущеніемъ посторонняго тѣла въ глоткѣ.

Nux vomica—при вздутіи и чувствительности живота, при запорѣ и склонности къ рвотѣ, съ общею раздражительностью и ухудшеніемъ всѣхъ przypadковъ по утрамъ.

Mercurius solubilis—при слизистомъ поносѣ съ натугою.

Противъ расположенія къ развитію круглыхъ глистовъ слѣдуетъ употреблять *Calcaea carbonica* и *Sulfur* въ рѣдкихъ приемахъ.

с) Солитеръ.

Въ западной Европѣ большею частію встрѣчается *Taenia solium*, а у насъ гораздо чаще *Bothryoccephalus latus*. Разница между ними главнымъ образомъ та, что *Bothryoccephalus* нѣ-

сколько шире и болѣе плоскій. Длина тесемочнаго глиста очень различна; бываютъ экземпляры въ 50 и болѣе аршинъ длины. Голова очень мала, въ булавочную головку, затѣмъ слѣдуетъ шея толщиною въ нитку, длиною около $\frac{1}{2}$ дюйма, затѣмъ глестъ болѣе и болѣе дѣлается шире, до ширины обыкновенной тесьмы.

Симптомы, вызываемые присутствіемъ солитера, такъ неопредѣленны и разнообразны, что распознаваніе возможно только тогда, когда отходятъ его куски, что болѣею частію случается за нѣсколько часовъ до позыва на стулъ.

Есть случаи, въ которыхъ больные ровно ничего особеннаго не чувствуютъ, и только при отхожденіи частей солитера узнаютъ о присутствіи его въ своихъ кишкахъ. Чаше однако больные чувствуютъ отъ времени до времени какія-то особенныя боли въ животѣ около пупка, какъ бы отъ скручиванія кишекъ, которыя появляются особенно послѣ извѣстныхъ блюдъ (напримѣръ, послѣ соленаго, остраго или кислаго) и натопахъ.

Затѣмъ появляется тошнота преимущественно по утрамъ, и волчій аппетитъ съ чувствомъ сосанія подъ ложечкою. Въ другихъ случаяхъ больные, кромѣ того, жалуются на самыя разнообразныя явленія въ области нервной системы, на головную боль, головокруженіе, сердцебиеніе, бессонницу и проч., а иногда солитеръ вызываетъ даже эпилептическіе припадки.

Леченіе.

Старая школа знаетъ только одну методу леченія отъ солитера, а именно умерщвленіе и изгнаніе его посредствомъ противоглистныхъ лекарствъ въ массивной дозѣ. Самое лучшее изъ этихъ средствъ безъ сомнѣнія Koussou, въ формѣ порошка (Pulvis flogum Koussou), которое принимается слѣдующимъ образомъ: 2—3 чайныхъ ложки этого порошка насыпаются въ стаканъ, который затѣмъ наполняется водою. Черезъ 12 часовъ (утромъ) эта порція (которую нужно предварительно помѣшать) выпивается въ 2 приема, съ получасовымъ промежуткомъ. Послѣ 2—4-хъ часовъ, безъ всякаго слабительнаго, солитеръ обыкновенно выходитъ цѣликомъ.

Если отъ лекарства тошнить, то можно дать чашку чернаго кофе или немного лимоннаго соку.

Не подлежитъ сомнѣнію, что такое умерщвленіе солитера у больныхъ съ здоровымъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ совершенно рационально. Однако есть много случаевъ, въ которыхъ, при

слабомъ тѣлосложеніи или при другихъ болѣе серьезныхъ болѣзняхъ, больные не могутъ быть подвергнуты такому насильственному лечению. Кромѣ того, не подлежитъ сомнѣнію, что правильнымъ гомеопатическимъ леченіемъ можно исцѣлить большинство симптомовъ солитера безъ умерщвленія его, и есть даже случаи, что послѣ исцѣленія того болѣзненного состоянія кишечъ, которое способствовало развитію солитера, онъ самъ собою выходилъ цѣликомъ безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ. Бываютъ, наконецъ, и такіе случаи, хотя сравнительно рѣдко, въ которыхъ умерщвленіе солитера не удается. Въ этихъ случаяхъ глисть только раздражается и заболѣваетъ, и состояніе больныхъ весьма значительно ухудшается послѣ принятія лекарства.

По всѣмъ этимъ причинамъ очевидно, что при солитерѣ необходимо гомеопатическое леченіе, направленное, какъ противъ симптомовъ, вызванныхъ присутствіемъ глиста, такъ и противъ катаральнаго состоянія кишечъ, поддерживающаго его существованіе.

. *Mercurius solubilis* и *Sulfur* въ рѣдкихъ приѣмахъ всегда имѣютъ очень хорошее дѣйствіе. При золотушномъ расположеніи организма слѣдуетъ отъ времени до времени (1—2 раза въ недѣлю) вставлять по приему *Calcaea carbonica*.

Filix mas (въ низкомъ дѣленіи) весьма часто успокаиваетъ страданія, вызванныя присутствіемъ солитера.

Sabadilla—подходитъ при жгучей и сверлящей боли въ животѣ, обильномъ слюнотеченіи, заблоти, при ощущеніи какъ будто животъ ввалился, съ давящею рвотою и ощущеніемъ присутствія посторонняго тѣла въ глоткѣ.

d) Трихины.

Трихина есть маленькій, простымъ глазомъ едва различаемый, нитеобразный червячекъ, около одной пятой линіи длиною, свернутый спиралью и заключенный въ шарообразномъ пузырькѣ или капсулѣ. Онъ встрѣчается въ свиномъ мясѣ иногда въ громадномъ количествѣ, на примѣръ, въ одномъ лотѣ мяса отъ 1,000 до 100,000 пузырьковъ, расположенныхъ въ видѣ очень мелкихъ бѣлыхъ точекъ между волокнами мышць. Если такое, зараженное трихинами мясо попадаетъ въ желудокъ челоуѣка въ сыромъ видѣ (какъ, на примѣръ, въ видѣ колбасы или вестфальскаго окорока), то пузырьки, въ которыхъ заключаются трихины, распадаются, и эти червяки развиваются съ чрезвычайною быстротою. Уже черезъ 24 часа по поступленіи

въ кишку они достигаютъ половой зрѣлости, а на шестой день, самки, бывающія ростомъ почти въ пять разъ больше самцовъ, падаютъ. Это новое поколѣнiе, такъ называемыя кишечныя трихины, и причиняетъ болѣзнь. Онѣ не только накапливаются въ громадномъ числѣ въ кишкѣ, но пронизываютъ ея стѣнки и проникаютъ во всѣ другіе органы, преимущественно же въ мышцы всего тѣла, просверливая себѣ ходъ между волокнами. Сначала трихина лежитъ между мышечными волокнами, вытянувшись въ длину, но потомъ, достигнувъ извѣстнаго возраста, свертывается въ спираль, причемъ вокругъ нее, какъ-бы отъ выпота образуется капсуля, отвердѣвающая при помощи отложенія известковыхъ солей. Въ этомъ видѣ она можетъ прожить нѣсколько лѣтъ, пока не замретъ отъ продолжающагося известковаго отложенія, или пока не попадетъ, какъ, напримѣръ, изъ свиньи, въ другой животный организмъ, гдѣ она тотчасъ пробуждается, чтобы наплодить новое поколѣнiе. Понятно, что подобное поселеніе въ организмѣ должно вызвать весьма серьезную болѣзнь, которая нерѣдко даже кончается смертью. Первые симптомы обыкновенно показываютъ раздраженіе слизистой оболочки кишекъ, катаральное или даже воспалительное, боль живота и поносъ. Во время трихинной эпидеміи въ Плауэнѣ, въ Саксоніи, гдѣ было поражено этою болѣзнью около 30 человекъ, началомъ было ощущеніе разбитости въ тѣлѣ и боли въ членахъ. Затѣмъ черезъ нѣсколько дней, большею частію внезапно, оказывается опухоль въ лицѣ. Боли и лихорадка не давали больнымъ покою ни днемъ, ни ночью. Сильно больные не могли безъ боли пошевелить членами и лежали неподвижно; скорчившись. Къ этому присоединялись опухоли въ разныхъ другихъ частяхъ. Самые опасные случаи бывають тѣ, когда трихины проникають въ сердце. Расположившись между мышечными волокнами сердца, онѣ, конечно, вызываютъ воспаленіе, которое вскорѣ ведетъ къ параличу этого органа и къ смерти. Боли въ мышцахъ конечностей могутъ по своему характеру легко быть приняты за острый ревматизмъ.

Леченіе.

Если по счастью удастся въ первые часы послѣ їды трихинной свинины узнать объ этомъ, то, само собою разумѣется, необходимо наискорѣйшее искусственное возбужденіе рвоты, а затѣмъ, послѣ очищенія желудка, слѣдуетъ еще дать слабительное, для того, чтобы по мѣрѣ крайней возможности предупре-

дять дальнѣйшее развитіе трихинъ въ организмѣ. Какъ только трихины начали проникать въ мышцы, то лечение можетъ конечно быть только симптоматическое.

Можно пробовать *Rhus toxicodendron* и *Arnica* противъ боли и чувства разбитости въ мышцахъ; *Arsenicum*—противъ отека лица и ногъ. При значительной подкожной водянкѣ слѣдуетъ давать *China*, *Helleborus* и *Arsenicum*.

Наблюдений до сихъ поръ слѣлано еще очень мало, потому что, къ счастью, трихинная болѣзнь встрѣчается весьма рѣдко.

Діета.

Для предупрежденія развитія глистовъ въ организмѣ слѣдуетъ избѣгать употребленія всякаго сыраго мяса, а такъ какъ трихинная болѣзнь очень опасна, то сырую копченую ветчину слѣдуетъ ѣсть только тогда, когда не можетъ быть никакого сомнѣнія, что свинья была здорова. Въ городахъ, гдѣ нѣтъ возможности контроля надъ колбасниками, вѣрнѣе всего совершенно отказаться отъ сырой свинины.

Относительно діеты при глистной болѣзни вообще слѣдуетъ руководствоваться тѣмъ соображеніемъ, что необходимо избѣгать, съ одной стороны, всего того, что способствуетъ развитію и благосостоянію глистовъ, какъ напр. мучныя и сладкія вещества, а съ другой стороны, всего, что раздражаетъ глисты, не причиняя имъ впрочемъ никакого серьезнаго вреда, какъ напр. кислоты, соленыя и острыя вещества.

БОЛѢЗНИ БРЮШИНЫ. 1).

Воспаленіе брюшины. *Peritonitis*.

Болѣзнь эта весьма рѣдко встрѣчается, какъ самостоятельный патологическій процессъ, вслѣдствіе сильной простуды или весьма значительной контузіи, или же пораненія живота. Вслѣдствіе простуды, воспаленіе брюшины преимущественно наблюдается у женщинъ, которыя подверглись ей во время регулъ. Гораздо чаще воспаленіе брюшины бываетъ послѣдствіемъ другихъ бо-

1) Такъ какъ послеродовое воспаленіе брюшины (*Peritonitis purpuralis*) будетъ разсматриваться нами въ отдѣлѣ женскихъ болѣзней, а брюшная водянка (*Ascites*) въ отдѣлѣ водянки, то здѣсь намъ остается только простое воспаленіе брюшины.

лѣзненныхъ процесовъ, въ особенности воспаленій желудка, кишки, печени, селезенки, или матки. Самыя острыя и опасныя формы воспаленія брюшины наблюдаются вслѣдствіе прободенія желудка (при круглой язвѣ), или кишки (при гангренозномъ разрушеніи стѣнки кишки вслѣдствіе ущемленія). Въ этихъ случаяхъ выступленіе даже незначительнаго количества содержащаго въ этихъ органахъ въ брюшную полость бываетъ достаточно, чтобы вызвать общее воспаленіе брюшины.

Симптомы и теченіе.

Картина болѣзни бываетъ весьма различна, смотря потому, распространяется ли воспаленіе на брюшину во всемъ ея протяженіи, или же поражена только часть ея. Главныя симптомы слѣдующіе: лихорадочное состояніе, сильнѣйшая боль въ животѣ, рвота, и знаки и послѣдствія выпота въ полости живота. Острое общее воспаленіе брюшины почти всегда начинается съ сильнаго озноба, съ которымъ одновременно появляется боль въ животѣ. Боль эта весьма острая, рѣзущая или жгучая, не оставляетъ больныхъ ни на минуту и бываетъ такъ сильна, что больные не переносятъ даже давленія легкаго одѣяла на животъ. Больные всегда лежатъ на спинѣ, съ нѣсколькими притянутыми къ туловищу нижними конечностями, поверхностно дышатъ, такъ какъ всякое движеніе грудобрюшной преграды, производя давленіе на кишки, усиливаетъ боли, и говорятъ тихимъ голосомъ. Рвота причиняетъ больнымъ ужасающія страданія. Температура, по прошествіи первыхъ 24 часовъ, бываетъ очень высока (40° С. и выше) и пульсъ отъ 120 до 160, очень твердый въ началѣ, но затѣмъ легко дѣлается малымъ. При этомъ кожа сухая, языкъ большею частію чистый и суховатый, и больные томятся сильнѣйшею жаждою. Лицо больныхъ всегда выражаетъ тяжкое и глубокое страданіе; въ началѣ болѣзни оно бываетъ блѣдное, а затѣмъ иногда красное, иногда же во все время болѣзни остается мертвенно-блѣднымъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ началѣ появляется поносъ, который однако скоро переходитъ въ запоръ, составляющій общее правило для первыхъ восьми дней воспаленія. Моча всегда отдѣляется въ весьма уменьшенномъ количествѣ; иногда мочеиспусканіе сопровождается болью, или появляются частыя тщетныя позывы.

Вскорѣ послѣ появленія боли въ животѣ онъ начинаетъ вздуваться и затѣмъ, по мѣрѣ выдѣленія воспалительнаго выпота въ брюшную полость, звукъ перкуссіи въ тѣхъ мѣстахъ,

куда выпотъ собирается, т. е. надъ нижнею и боковыми частями живота, дѣлается болѣе или менѣе тупымъ, въ то время, какъ остальная часть живота, сильно растянута газами, даетъ тимпаническій звукъ при постукиваніи.

Большую часть больные сохраняютъ полное сознание во весь первый періодъ болѣзни, хотя иногда жалуются на сильную головную боль. Затѣмъ, въ трудныхъ случаяхъ, когда температура долго держится на большой высотѣ, являются сонливость и бредъ. Съ появленіемъ выпота боли въ животѣ обыкновенно уменьшаются и иногда даже совсѣмъ исчезаютъ.

Въ случаяхъ съ дурнымъ исходомъ температура однако остается очень высокая, пульсъ болѣе и болѣе ослабѣваетъ, вздутіе живота и одышка, вызванная сильнымъ давленіемъ растянутыхъ кишекъ на грудобрюшную преграду и легкія, усиливаются, появляется синеватый цвѣтъ губъ, лицо принимаетъ мертвенное выраженіе и больные умираютъ со всѣми знаками паралича кишекъ. Иногда болѣзнь кончается смертью уже черезъ 36 часовъ; чаще однако больные живутъ до 7-го дня. Если смерть не послѣдуетъ въ началѣ болѣзни, то исходъ главнымъ образомъ зависитъ отъ тѣхъ измѣненій, которымъ подвергается выпотъ. Онъ бываетъ троякаго рода: фибринозный, серозный и гноевидный. 1. Фибринознымъ выпотомъ называется клейкая, полупрозрачная бѣловинная масса, покрывающая тонкимъ слоемъ поверхность воспаленной брюшины и имѣющая большую наклонность организоваться, т. е. превратиться въ соединительную ткань. Эта форма выпота всегда появляется въ ограниченномъ количествѣ, но имѣетъ большую наклонность производить сращенія кишекъ между собою или же съ другими органами, лежащими въ полости живота.

2) Серозный выпотъ есть водянистая жидкость, отдѣляющаяся изъ переполненныхъ кровеносныхъ сосудовъ брюшины. Она всегда бываетъ мутная отъ содержимыхъ въ ней эпителиальныхъ клѣточекъ и фибринозныхъ частей.

3) Гноевидный выпотъ образуется всегда только при дальнѣйшемъ развитіи воспалительнаго процесса и въ очень тяжелыхъ случаяхъ.

Въ большинствѣ случаевъ встрѣчается выпотъ фибринозный и серозный вмѣстѣ, и такъ какъ для полного выздоровленія необходимо полное всасываніе выпота, то конечно исходъ болѣзни будетъ тѣмъ благополучнѣе, чѣмъ менѣе твердыхъ частей въ выпотѣ и чѣмъ онъ водянистѣе. Такого рода выпотъ иногда очень быстро (въ 3—4 дня) можетъ всосаться совершенно.

Приэтомъ обыкновенно замѣчается обильное отдѣленіе мочи. Образованіе большаго количества гноя въ брюшной полости всегда очень опасно, и въ этихъ случаяхъ гной пролагаетъ себѣ путь или въ кишку, или-же наружу, въ различныхъ мѣстахъ нижней части живота. Однако нерѣдко больные уже раньше умираютъ отъ изнурительной лихорадки.

Предсказаніе.

Воспаленіе брюшины, если оно общее, принадлежитъ къ числу самыхъ тяжелыхъ и опасныхъ болѣзней. Однако въ этой болѣзни гомеопатія самымъ блистательнымъ образомъ доказала и продолжаетъ доказывать свое безусловное преимущество передъ врачеваніемъ старой школы, при которомъ умираетъ до 75%. Переходъ выпота въ нагноеніе почти всегда предупреждается и вмѣстѣ съ тѣмъ гомеопатія даетъ возможность чрезвычайно облегчить и ускорить всасываніе выпота, что составляетъ самую важную и самую трудную задачу при леченіи этой болѣзни. Самое дурное предсказаніе даютъ тѣ случаи, въ которыхъ воспаленіе произошло отъ прободенія желудка или кишечъ. Если больной благополучно дожилъ до второй недѣли болѣзни, то шансы на выздоровленіе сравнительно хороши. Если-же всасываніе выпота не совершилось до конца четвертой недѣли, то опасность опять-таки очень велика. Самый вѣрный знакъ поворота къ лучшему есть улучшеніе пульса.

Леченіе.

Въ началѣ болѣзни, до появленія выпота въ брюшной полости, самое главное лекарство *Asopitum*, который слѣдуетъ давать въ частыхъ приемахъ (черезъ 1—2 часа). Если замѣчается приливъ крови къ груди и головѣ, рвота желчью, сильное вздутіе живота, то слѣдуетъ давать его попеременно съ *Belladonna*. Если, кромѣ рвоты, на первыхъ порахъ появляется поносъ, при блѣдности лица, холодности конечностей и упадкѣ силъ, то лучше давать *Veratrum album*.

Какъ только замѣчаются симптомы послѣдовавшаго выпота, то немедленно слѣдуетъ давать *Hyosia*. Это лекарство имѣетъ отличное дѣйствіе при воспаленіяхъ всѣхъ вообще серозныхъ оболочекъ и въ особенности брюшины. При употребленіи *Hyosia* серозный выпоть часто всасывается чрезвычайно быстро, а переходъ выпота въ нагноеніе предупреждается въ большинствѣ случаевъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ послѣ употребленія Вуоніа, выпотъ всасывается несовершенно и остаются въ полости живота твердыя массы, не производящія особеннаго раздраженія, слѣдуетъ давать Sulfur.

При мѣстномъ воспаленіи брюшины, показывающемъ склонность къ переходу въ нагноеніе и къ образованію нарыва, слѣдуетъ употреблять Mercurius solubilis, особенно если лихорадка является приступами, съ сильнымъ ознобомъ и обильнымъ потомъ, за которымъ не слѣдуетъ никакого облегченія.

Изъ остальныхъ лекарствъ могутъ еще быть употребляемы:

Arsenicum—при сильной и постоянной лихорадкѣ, большомъ безпокойствѣ больнаго, а также въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма обильнаго выпота, который очень медленно всасывается.

Opium—противъ запора и вздутія живота, которыя нерѣдко остаются послѣ всосанія выпота, если Nux vomica не оказалъ удовлетворительнаго дѣйствія.

China—въ періодъ начинающагося выздоровленія при явныхъ знакахъ развившагося малокровія.

Colocynthis—противъ колики, которая часто остается по прошествіи воспалительнаго періода болѣзни.

Для успокоенія страшныхъ болей всегда приходится прибѣгать къ употребленію наружныхъ вспомогательныхъ средствъ. Ледяные, холодные, полусогрѣвающіе и согрѣвающіе компрессы могутъ приносить пользу, но выборъ одного изъ этихъ средствъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ зависитъ отъ дѣйствія его на больнаго, которое бываетъ весьма различно.

ДІЕТА.

Въ началѣ болѣзни, кромѣ маленькихъ глотковъ холодной воды для утоленія жажды, или небольшихъ кусковъ льду при тошнотѣ или рвотѣ, ничего нельзя давать. Затѣмъ, на 2-й или 3-й день можно давать молоко, и очень слабымъ больнымъ немного куринаго бульону. По мѣрѣ уменьшенія воспалительныхъ симптомовъ необходимо поддерживать силы больнаго легкою питательною пищею для предупрежденія истощенія; слабымъ больнымъ слѣдуетъ давать по-немногу хорошаго вина. Покрывало больнаго должно быть легкое, и при сильной боли нерѣдко необходимо приспособить его такъ, чтобы оно не прикасалось къ животу.

Докторъ медицины В. фонъ-Дитманъ.

ОБЗОРЪ НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Антропология. (Введение къ изученію человѣка и цивилизаціи). Эд. Б. Тэйлора. Переводъ съ англійскаго доктора И. С. Ивина. С.-Петербургъ. Изданіе И. И. Вилибина и К^о. 1882 годъ.

Прежде чѣмъ обратиться къ самой антропологии Тэйлора, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о предисловіи къ русскому изданію этой прекрасной книги. Откровенно говоря, это пространное, крайне витіеватое предисловіе можно было бы обойти молчаніемъ, если-бы не одно, выходящее изъ ряда вонъ обстоятельство.

Предисловіе, написанное знающимъ человѣкомъ—очень хорошая, очень полезная вещь; но бѣда, «коль пироги начнетъ печи сапожникъ», да еще нечистоплотный сапожникъ—въ результатъ будетъ одна только грязь. Такимъ именно нечистоплотнымъ дѣломъ и является предисловіе къ русскому изданію названной выше книги Тэйлора. Да, именно нечистоплотнымъ, потому что такого безцеремоннаго, такого нахальнаго обращенія съ печатнымъ словомъ, какое обнаруживаетъ въ своемъ предисловіи редакторъ русскаго перевода «антропологии» Тэйлора—мы еще не встрѣчали. Сознаемъ, что обвиненіе очень тяжелое; но мы не только принимаемъ на себя полную отвѣтственность за него,—мы сейчасъ приведемъ рядъ неопровержимыхъ доказательствъ, изъ которыхъ каждый можетъ убѣдиться, что обвиненіе наше выражено еще въ очень мягкой формѣ.

Вотъ эти доказательства:

Предисловіе, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, посвящено общему историческому развитію антропологии, ея основныхъ задачъ, ея классификаціи и проч. Здѣсь встрѣчаются также весьма развязныя толкованія о «философской работѣ мысли», объ «аренѣ жизненной битвы за право мысли, за ростъ критики, за ея свободу», и многое другое въ томъ же родѣ.

Но, при ближайшемъ знакомствѣ съ содержаніемъ предисловія, эти красивыя слова оказываются пустою фразою, и изъ подъ внѣшней порядочности выступаетъ старательно прикрытая фальшь.

Откровенно говоря, вначалѣ мы никакъ не могли понять, отчего это предисловіе, не смотря на свою внѣшнюю порядочность, производитъ впечатлѣніе чего-то фальшиваго; многія мѣста изъ предисловія казались намъ чѣмъ-то очень близко знакомымъ; мы гдѣ-то встрѣчали ихъ. Загадка разъяснилась, однако, очень просто, когда мы заглянули въ статью «Антропологи въ Европѣ и ихъ современное значеніе», помѣщенную въ Отечественныхъ запискахъ 1869 года ¹⁾. Мы не только поняли тогда, откуда авторъ предисловія почерпнулъ свою мудрость, но и убѣдились, что имѣемъ дѣло съ рѣдкостнымъ образчикомъ того, что извѣстно подъ именемъ плагиата и что въ переводѣ означаетъ литературное воровство.

Судите сами:

Говоря въ своемъ (!) предисловіи о постепенномъ опредѣленіи приемовъ и методовъ «научной критики», о «противоположеніи критической и догматической мысли»,—редакторъ русскаго перевода книги Тэйлора замѣчаетъ: «Новая Европа въ XVII вѣкѣ поставила основной вопросъ критической мысли совершенно опредѣленно какъ свободу науки. Этотъ вопросъ, рѣшенный утвердительно, сначала въ предѣлахъ довольно тѣсныхъ, создалъ новую научную мысль. Но онъ неизбежно перешелъ въ другой: гдѣ предѣлы научной мысли? Весь XVIII вѣкъ былъ за то, чтобы отодвинуть эти предѣлы возможно далѣе, и передалъ XIX вѣку защиту своего рѣшенія въ такомъ видѣ: «нѣтъ вопроса, котораго наука не имѣла бы права воснудиться, прилагая къ нему свои критическіе методы». Но сторонники догматической мысли не хотятъ допустить основнаго положенія свободной науки. «Есть вопросы, говорятъ они,—которыхъ науч-

¹⁾ Т. СLXXXIII, отд. II, стр. 1—51.

ная критика касаться не должна и касаться которыхъ бесполезно, потому что они рѣшены разъ навсегда и притомъ бо-бѣе точно, чѣмъ могла бы наука рѣшить какой бы то ни было вопросъ. Это—всѣ вопросы, на которые даетъ свое рѣшеніе священное преданіе, неоспоримый авторитетъ». Сторонники критики выставляютъ на видъ историческія доказательства погрѣшимости авторитетовъ, заключаются ли они въ папскихъ энцикликахъ, или въ коранѣ, или въ ведахъ; выставляютъ на видъ противорѣчія въ преданіяхъ, ихъ различное пониманіе въ разное время. Но тутъ уже защитники преданія отрицаютъ всякую возможность спора, относя къ запрещеннымъ областямъ именно разборъ основательности освященныхъ авторитетовъ и преданій. Когда споръ дошелъ до этого фазиса, сторонники критики и догмата перестаютъ понимать другъ друга. Споръ переходитъ въ область жизни и вызываетъ борьбу аффектовъ. Противники смотрятъ одинъ на другаго, какъ на людей намѣренно извращающихъ истину. Теоретическій споръ обращается въ споръ нравственныхъ убѣжденій. На положеніе: этотъ вопросъ рѣшать не должно, возражаютъ столь же категорическимъ заявленіемъ: этотъ вопросъ рѣшать слѣдуетъ». (Предисловіе къ русскому изданію «Антропологін» Тэйлора, стр. VIII).

Приведенная здѣсь выдержка не помѣчена въ предисловіи вносными знаками и къ ней не сдѣлано никакого примѣчанія о томъ, что она позаимствована. Словомъ, каждый прочитавшій эту выдержку долженъ думать, что она принадлежитъ самому автору предисловія и впервые появляется на страницахъ этого предисловія. Редактору русскаго перевода книги Тэйлора было бы, конечно, очень желательно, чтобы иначе никто и не думалъ. Но, къ великому сожалѣнію, мы этого сдѣлать никакъ не можемъ,—не можемъ именно потому, что въ названной выше статьѣ «Антропологи въ Европѣ и ихъ современное значеніе» находимъ слѣдующее мѣсто:

«Для новой Европы, это (т. е. борьба между свободою мысли и установившимся преданіемъ) вопросъ существенный, какъ свобода науки. Поставленный въ XVII вѣкѣ, этотъ вопросъ создалъ новую Европу, когда получилъ утвердительное рѣшеніе. Но затѣмъ онъ преобразовался въ другой: гдѣ предѣлы науки? Весь XVIII вѣкъ боялся за то, чтобы отодвинуть ихъ возможно далѣе, и передалъ XIX вѣку защиту своего рѣшенія въ такомъ видѣ: «нѣтъ вопроса, котораго бы наука не имѣла права коснуться, прилагая къ нему свои критическіе методы». Но

вотъ здѣсь-то и выступаетъ оппозиція партіи преданія. Она противопоставляетъ категорическому утвержденію противниковъ столь же категорическое утвержденіе: «есть вопросы, которыхъ наука не имѣетъ права касаться и которыхъ касаться вовсе бесполезно, потому что эти вопросы уже рѣшены разъ навсегда и болѣе точно, чѣмъ могла бы наука рѣшить каковой бы то ни было вопросъ. Это всѣ вопросы, на которые даетъ свой отвѣтъ священное преданіе, неоспоримый авторитетъ». Противники выставляютъ на видъ историческія доказательства погрѣбности авторитетовъ, заключаются ли они въ папскихъ энцикликахъ, или въ ворапѣ, или въ ведахъ; выставляютъ на видъ противорѣчія въ преданіяхъ, ихъ недостоверность, ихъ различное пониманіе въ разное время. Но тутъ уже защитники преданія отрицаютъ вовсе всякую возможность спора, относя къ запрещеннымъ областямъ именно разборъ основательности освященныхъ авторитетовъ и преданій. Какъ только споръ дошелъ до этого фазиса, то партія науки и преданія перестаютъ понимать другъ друга.. Они смотрятъ одинъ на другаго, какъ на людей, на мѣренно извращающихъ истину... Ихъ требованія радикально противоположны. Одни говорятъ: эти вопросы рѣшать слѣдуетъ, другіе: ихъ рѣшать не должно». («Отечественныя Записки», 1869 г., т. CLXXXIII, отд. II, стр. 23—24).

Достаточно сопоставить вышеприведенную выдержку съ настоящей, чтобы видѣть, что первая, за исключеніемъ ничтожной перефразировки, составляетъ дословное воспроизведеніе послѣдней. Авторъ разсматриваемаго предисловія, редакторъ ученаго труда, присвоиваетъ себѣ чужія мысли, выдаетъ за нѣчто новое то, что болѣе двѣнадцати лѣтъ назадъ было напечатано въ журналѣ!

Но, да не подумаютъ читатели, чтобы только-что указанное мѣсто въ предисловіи къ русскому изданію книги Тейлора составляло единственный пунктъ, на которомъ основывается наше обвиненіе автора этого предисловія въ плагиатъ. Далекое нѣтъ. Нашъ авторъ большой охотникъ разсуждать «на чужой счетъ», находи, конечно, такое прекрасное занятіе наиболѣе для себя подходящимъ. И разъ выйдя на эту дорогу, ему разумѣется не приходится уже стѣсняться. Онъ и не стѣняется, а, напротивъ съ каждой новой страницей своего (!) «произведенія» становится все смѣлѣе и смѣлѣе по части присвоенія. Табъ, напри мѣръ, съ серьезною важностью онъ поучаетъ отъ своей собственной персоны:

«Въ новой Европѣ, съ XVII-го вѣка устанавливается міро-

созерцаніе, въ которомъ первое мѣсто занимаютъ факты реального наблюденія, высшая убѣдительность признается за аналогіями, почерпнутыми отъ сближенія подобныхъ фактовъ, высшая вѣроятность принадлежитъ обобщеніямъ, наименѣе нуждающимся въ вспомогательныхъ представленіяхъ чего либо чуждаго реальному опыту для сближенія реальныхъ фактовъ. Человѣческія свидѣтельства, гипотетическія существа получаютъ въ этомъ міросозерцаніи тѣмъ менѣе довѣрія, чѣмъ менѣе они аналогичны съ выводами реального наблюденія, и совершенно отвергаются, если не подходятъ подъ реальные наблюденія. Въ этомъ вся развитая часть нашихъ современниковъ видитъ успѣхъ человѣчества; можно доказать исторически, что распространеніе этого міросозерцанія совпадало съ укрѣпленіемъ или даже пробужденіемъ въ людяхъ сознанія своего достоинства, желаніемъ бороться за всестороннее улучшеніе своего положенія, за свое убѣжденіе, за свое развитіе, за свое достоинство».

Такъ говоритъ редакторъ русскаго перевода «Антропологіи» Тэйлора на IX—X страницахъ своего (!) предисловія, и говоритъ онъ все это отъ себя, яко-бы не подозрѣвая, что въ той же вышеупомянутой статьѣ «Антропологіи въ Европѣ» находится, между прочимъ, слѣдующее мѣсто:

«Въ новой Европѣ, съ XVII вѣка устанавливается міросозерцаніе, придающее высшую дѣйствительность фактамъ реального наблюденія, высшую убѣдительность аналогіямъ, почерпнутымъ изъ сближенія подобныхъ фактовъ, высшую вѣроятность обобщеніямъ, наименѣе пуждающимся въ вспомогательныхъ представленіяхъ чего-либо чуждаго реальному опыту для сближенія реальныхъ фактовъ. Человѣческія свидѣтельства, гипотетическія существа получаютъ въ этомъ міросозерцаніи тѣмъ менѣе довѣрія, чѣмъ менѣе они аналогичны съ выводами изъ реального наблюденія, и совершенно отвергаются, если не подходятъ подъ реальные аналогіи. Въ этомъ вся развитая часть нашихъ современниковъ видитъ успѣхи человѣчества, и можно доказать исторически, что распространеніе этого міросозерцанія совпадало съ увеличеніемъ благосостоянія обществъ, съ пробужденіемъ въ человѣкѣ сознанія своего достоинства и желанія бороться за улучшеніе своего положенія» («Отечественныя Записки», 1369 года, томъ CLXXXIII, отд. II, стр. 32—33).

Читатели видятъ, что вышеприведенная выдержка изъ разсматриваемаго «предисловія» составляетъ дословное повтореніе настоящей. Некрасиво! Тѣмъ болѣе некрасиво, что эти велерѣчивыя разсужденія автора предисловія о нравственныхъ

убѣжденіяхъ оказываются фальшью; что, толкуя о «пробужденіи въ людяхъ сознанія своего достоинства», онъ въ то же время эти самыя толкованія выдергиваетъ изъ другой статьи, напечатанной болѣе десяти лѣтъ назадъ, и выдаетъ ихъ за свое собственное измышленіе, яко-бы впервые появляющееся въ печати. Очень оригинальное примѣненіе къ литературной собственности закона десятилѣтней давности! Прошло болѣе десяти лѣтъ, какъ напечатана статья «Антропологи въ Европѣ», стало бытъ никому не возбраняется пользоваться ею, какъ своею собственностью.

И эта ворона въ павлиньихъ перьяхъ толкуетъ о «сознаніи своего достоинства»!

Но авторъ «предисловія» продѣлываетъ еще другую штуку: Цитируя рѣчи Гукера и Шафгаузена, онъ въ выносѣ замѣчаетъ:

«Не имѣя подъ руками оригиналовъ рѣчей Гукера и Шафгаузена, беремъ цитаты изъ «Отечественныхъ записокъ» 1869 года». Не оригинально ли въ самомъ дѣлѣ: онъ говоритъ, что беретъ эти цитаты изъ «Отечественныхъ Записокъ», и ни слова о томъ, что изъ тѣхъ же самыхъ «Отечественныхъ Записокъ» заимствуетъ вышеприведенныя выдержки. Авторъ «предисловія» не только утаиваетъ это послѣднее обстоятельство, но еще пытается «замести слѣды», пытается отвести глаза: глядите молъ, что я беру изъ вторыхъ рукъ, на то указываю, чужаго намъ не нужно. Хитро придумано! Хитро вотъ еще въ какомъ отношеніи.

Изъ вышеприведенной выноски къ рѣчамъ Гукера и Шафгаузена каждый можетъ заключить, что авторъ «предисловія» только названныхъ ученыхъ цитируетъ по «Отечественнымъ Запискамъ» 1869 года; оригиналы же рѣчей другихъ ученыхъ, слова которыхъ онъ также приводитъ въ своемъ «предисловіи», у него были «подъ руками». А между тѣмъ и это неправда. Изъ тѣхъ же «Отечественныхъ Записокъ», т. е. изъ той же статьи «Антропологи въ Европѣ», взяты слова и другихъ ученыхъ, напримѣръ, слова фонъ-Бера: «Всякая великая научная задача» и т. д. («Антропологи въ Европѣ», стр. 22—23; «предисловіе» стр. VIII). Съ какою цѣлью авторъ предисловія умалчиваетъ объ этомъ? Если онъ своимъ примѣчаніемъ къ рѣчамъ Гукера и Шафгаузена не имѣлъ въ виду вселить въ читателей убѣжденія, что слова другихъ ученыхъ взяты имъ изъ первыхъ, а не изъ вторыхъ рукъ, то отчего же онъ не говоритъ, что ци-

тируетъ по «Отечественнымъ Запискамъ» не только Гукера и Шафгузена, но и фонъ-Бера?

Однако, какъ бы ни были краснорѣчивы сами по себѣ всѣ вышеприведенные примѣры, они не даютъ еще полнаго понятія о той безграничной алчности къ чужому добру, какую обнаруживаетъ въ своемъ предисловіи редакторъ русскаго перевода книги Тейдора. Статья «Антропологи въ Европѣ» не могла удовлетворить его; повыдержавъ изъ нея, что ему требовалось, этотъ рыцарь безъ страха и упрека обращается затѣмъ къ другой журнальной статьѣ и обрабатываетъ ее такимъ же преисправнымъ образомъ.

Доказательство налицо:

На XIX страницѣ своего «предисловія», говоря объ условіяхъ возникновенія новой науки, авторъ замѣчаетъ: «Всякая новая наука возникаетъ изъ требованій жизни. Определенный кругъ задачъ обособляется практически, какъ взаимно-обуславливающія другъ друга данныя. Этими задачами занимаются потому, что онѣ нужны, а вовсе не потому, чтобы онѣ лежали въ идеѣ предмета. Потому эти задачи раздѣляются на группы для легчайшаго разбора ихъ, но еще вовсе не для болѣе яснаго пониманія ихъ теоретической зависимости. И уже впоследствии, когда, какъ результатъ ряда работъ, связь между рассматриваемыми задачами установилась само собою, приступаютъ къ рациональному распредѣленію науки на части, выдѣляя то, что составляетъ лишь вспомогательный элементъ, заимствованный изъ иной области, и то, что относится къ приложенію науки, а не ея сущности». Все это говоритъ авторъ рассматриваемаго предисловія отъ своего собственнаго имени, не дѣлая никакихъ вносныхъ знаменъ, никакого примѣчанія. Но думаетъ ли читатель, что приведенныя выдержки дѣйствительно составляютъ собственность предисловія, что онѣ впервые появляются на страницахъ послѣдняго? Такъ бы слѣдовало, конечно, думать, а между тѣмъ—увъ! не такъ на самомъ дѣлѣ. Каждый, кто дастъ себѣ трудъ заглянуть въ статью «Антропологическіе этюды», помѣщенную во II томѣ «Современнаго Обзорѣнія», издававшася въ первой половинѣ 1868 года, тотъ найдетъ въ ней, именно на 475 страницѣ, слѣдующее мѣсто:

«Вся новая наука, какъ все новое въ человѣкѣ, возникаетъ изъ требованій жизни. Определенный кругъ задачъ обособляется практически, какъ взаимно-обуславливающія другъ друга данныя. Этими задачами занимаются, потому что онѣ нужны, а вовсе не потому, чтобы онѣ лежали въ идеѣ предмета. По-

томъ эти задачи раздѣляются на группы для легчайшаго обзора ихъ, но вовсе не для яснѣйшаго пониманія ихъ теоретической зависимости, и уже потому, когда, вслѣдствіе ряда работъ, связь между вопросами установилась сама собою, приступаютъ къ рациональному распредѣленію науки на части, выдѣляя то, что составляетъ лишь вспомогательный элементъ, заимствуемый изъ другой области, и то, что составляетъ приложеніе науки, а не сущности ея».

Словомъ, буква въ букву тоже самое, что авторъ предисловія выдаетъ за свое собственное измышленіе.

Уснащая свое «прекрасное произведеніе» такимъ неподражаемымъ образомъ, авторъ до того увлекается въ погонѣ за чужимъ добромъ, что начинаетъ хватать безъ разбору, что ни попадетъ подъ руку, присвоивая даже такія замѣчанія, которыя имѣютъ лишь временное значеніе.

Такъ, въ названной выше статьѣ «Антропологическіе этюды» значится (стр. 474): «...антропология, какъ наука, не создана, но создается; ея задачи далеко-далеко не рѣшены, но онѣ опредѣляются; ея объемъ, ея подраздѣленіе еще не установлены, но мало-по-малу устанавливаются». А вотъ что говоритъ авторъ предисловія, конечно, отъ себя: «...антропология и до сихъ поръ не создана, но создается, опираясь на свои научныя требованія. Задачи ея далеко-далеко не опредѣлены вполнѣ, но опредѣляются въ самомъ процесѣ работъ надъ ними. Ея содержаніе, ея объемъ, ея подраздѣленіе составляютъ еще предметъ многочисленныхъ споровъ, но они постепенно уясняются» (стр. XIV).

Какъ видятъ читатели, автору предисловія нѣтъ никакого дѣла до дѣйствительно, а не мнимо-современнаго состоянія антропологии. Онъ не только оцѣниваетъ это состояніе чужими словами, выдавая ихъ за свои, но оцѣниваетъ ихъ словами, связанными четырнадцать лѣтъ назадъ. Словно за это время антропология не подвинулась впередъ ни на шагъ.

Редактору русскаго перевода книги Тейлора, повидимому, неизвѣстно, какъ много сдѣлано въ области антропологии за послѣднія 10—12 лѣтъ, не только относительно «опредѣленія ея задачъ», «уясненія ея объема и ея подраздѣленій», но и относительно ея «содержанія». Онъ редактируетъ переводъ труда, самымъ краснорѣчивымъ образомъ свидѣтельствующаго о существенныхъ успѣхахъ антропологии за послѣднее время, и вмѣстѣ съ тѣмъ трактуетъ объ этой «новой наукѣ», по журнальной статьѣ, напечатанной въ 1868 го-

ду, тщательно скрывая от своих читателей это последнее обстоятельство.

Авторъ предисловія обнаруживает не только крайне недобросовѣстное отношеніе къ своему предмету, но и полнѣйшее непониманіе тѣхъ вопросовъ, о которыхъ онъ толкуетъ съ такою развязностью. Это въ особенности рѣзко выступаетъ въ тѣхъ мѣстахъ предисловія, гдѣ авторъ дѣйствуетъ на свой страхъ, гдѣ онъ дѣйствительно «сочиняетъ», а не выдергиваетъ изъ чужаго.

Достаточно сослаться на слѣдующій весьма характерный примѣръ.

Обособляя антропологию отъ другихъ, ближайшихъ къ ней областей знанія—соціалогіи и исторіи, авторъ предисловія увѣряетъ, что антропологию—«наука о человѣкѣ, какъ естественной группѣ»—отличаетъ отъ соціалогіи, между прочимъ тѣмъ, что, въ противоположность послѣдней, «разсматриваетъ группы человѣка, какъ сходныя или различныя, вовсе не придавая значенія степени ихъ солидарности». Далѣе онъ говоритъ, что антропологию «отдѣляетъ отъ исторіи, какъ науки о прогрессивныхъ группахъ людей и о процесѣ ихъ прогресса, самымъ понятіемъ прогресса и его условій, составляющихъ характеристическую особенность исторической жизни» (стр. XXII).

Ни то, ни другое изъ этихъ подраздѣленій невѣрно. Во первыхъ, совершенно непонятно, какимъ образомъ антропологию, «не придавая значенія степени солидарности» человѣческихъ группъ, можетъ въ то же время разсматривать эти группы, «какъ сходныя или различныя», тогда какъ понятіе объ этихъ сходствахъ или различіяхъ идетъ рука объ руку съ понятіемъ о той или другой степени солидарности и прямо-таки обуславливаетъ послѣднее. Основательно ли съ строгонаучной точки зрѣнія обособлять антропологию отъ соціологіи тѣми признаками, которыми эти двѣ области знанія наиболѣе приближаются другъ къ другу и которые уже поэтому не могутъ служить отличительною чертою одной изъ нихъ?

Попробуйте отдѣлить понятіе о сходствахъ или различіяхъ человѣческихъ группъ отъ понятія о степени ихъ солидарности, попробуйте изучать одно изъ нихъ независимо отъ другаго, и тогда будетъ отнята всякая возможность уяснить происхождение не только наиболѣе сложныхъ, но самыхъ элементарныхъ, примитивныхъ формъ общежитія.

Согласно классификаціи автора предисловія, изученіе первичныхъ формъ общежитія не дѣло антропологіи. Но ограни-

чивать такъ антропологию значить вовсе не понимать ея задачъ. Редакторъ русскаго перевода книги Тэйлора словно не читалъ эту книгу или, съ высоты своего величія, третировать ее, какъ не заслуживающую вниманія. Иначе онъ не сталъ бы съ такою развязностью утверждать, что антропология, рассматривая группы человѣка, какъ сходныя или различныя, «вовсе не придаетъ значенія степени ихъ солидарности». Весь трудъ Тэйлора, въ особенности XVI глава, трактующая объ обществѣ, говоритъ противное. Или редакторъ перевода этого труда не считаетъ «Антропологию» Тэйлора антропологіей? Но тогда для чего было огородъ огородить, для чего было переводить и издавать этотъ трудъ?

Во вторыхъ, также мало основательно то обособленіе антропологии отъ исторіи, которое дѣлаетъ авторъ рассматриваемаго предисловія; мало основательно уже потому, что, по увѣренію автора, условія прогресса составляютъ «характеристическую особенность исторической жизни». Это, несомнѣнно, уже изобрѣтеніе самого автора. Но вѣдь согласно такому опредѣленію характеристической особенности исторической жизни, можно придти къ заключенію, что антропологъ, изслѣдующій условія прогрессивныхъ формъ доисторической жизни человѣчества, занимается глупостями, ибо въ доисторической жизни прогресса быть не могло.

Если прогрессъ начинается съ исторической жизни и составляетъ ея характеристическую особенность, то что же могло подготовить эту жизнь? Какимъ образомъ могла бы сложиться она, если бы въ доисторической жизни условія прогресса отсутствовали? Утверждать такую нелѣпицу, значить отрицать существованіе всякой генетической, преемственной связи между доисторической и исторической жизнью человѣчества. И такихъ элементарныхъ истинъ не знаетъ, или не хочетъ знать редакторъ перевода научнаго труда!

Словомъ, съ какой стороны мы ни стали бы рассматривать предисловіе въ русскому изданію антропологии Тэйлора, выдающимся качествомъ этого предисловія остается все то же крайне недобросовѣстное отношеніе автора къ избранному имъ предмету. Даже хуже, нежели недобросовѣстное: онъ не только беретъ на себя смѣлость трактовать о вопросахъ мало для него знакомыхъ, но онъ простираетъ свою дерзость еще дальше, — онъ выписываетъ изъ старыхъ журнальныхъ статей цѣлыя страницы, и ни слова о томъ не говорить. Дальше этого идти уже некуда и едва ли можно указать, хотя на одного литератур-

наго человѣка, который превзошелъ бы автора «предисловія» по части плагиата.

Просимъ читателей извинить, что намъ такъ долго пришлось возиться съ этимъ скандальнымъ предисловіемъ, но мы считали своею прямою обязанностью подробно разоблачить некрасивую продѣлку редактора русскаго перевода книги Тэйлора и показать, что подъ личиною внѣшней порядочности его предисловія, скрывается вѣчто совсѣмъ непорядочное, вѣчто такое, чему мы даже затруднились подобрать подходящее названіе. Дѣло критики позаботиться о томъ, чтобы подобныя продѣлки литературныхъ плагиаторовъ не проходили безнаказанно, чтобы они не пачкали своими грязными руками научныхъ трудовъ.

Намъ остается сдѣлать еще одно маленькое замѣчаніе. Дѣло въ томъ, что авторъ разсмотрѣннаго предисловія скрылъ свое имя подъ подписью «Редакторъ». Но на обертѣ русскаго изданія «Антропологіи» Тэйлора значатся только два имени—переводчика—д-ра И. С. Ивина и издателя—И. И. Билибина; ни на обертѣ, ни въ предисловіи не сказано, чтобы редакція перевода принадлежала третьему лицу. Мы, конечно, не можемъ знать, которому изъ двухъ, г. Ивину, или г. Билибину, утдно будетъ принять на себя отвѣтственность за скандальное предисловіе, но, во всякомъ случаѣ, смѣемъ думать, что не благодарилъ бы Тэйлоръ ни того, ни другаго, если-бы узналъ, какимъ предисловіемъ снабженъ русскій переводъ его книги.

Если-бы ни это предисловіе, не оставалось бы ничего, какъ только благодарить г. Билибина за изданіе въ русскомъ переводѣ «Антропологіи» Тэйлора.

Не только у насъ, но и на западѣ антропологическая литература очень небогата по части руководствъ, которыя обнимали бы собою не ту или другую область антропологіи, а всѣ основныя вопросы этой «новой науки», которые давали бы цѣльное понятіе о ея предметѣ, ея существенныхъ задачахъ. И это вовсе не потому, чтобы объемъ и задачи названной науки не были еще опредѣлены съ достаточною для того точностью, а потому, что этотъ объемъ и эти задачи крайне обширны и охватываютъ самую обширную, самую разностороннюю и самую сложную группу явленій.

Предметъ антропологіи, какъ справедливо замѣчаетъ Топпинаръ, не только изученіе физическихъ признаковъ человѣческой породы, физиологическихъ явленій, къ которымъ относится также и психическая жизнь, но и особенностей общественнаго устрой-

ства и, наконецъ, явленій историческихъ. И во всѣхъ этихъ случаяхъ, антропология преслѣдуетъ одну и ту же цѣль: она имѣетъ въ виду установить мѣсто человѣка въ ряду другихъ зоологическихъ группъ, опредѣлить отношеніе его къ окружающей средѣ, выяснитъ процессъ постепеннаго обособленія его изъ зоологическаго міра, изслѣдовать условія этого процесса, опредѣлить степень участія въ этомъ процессѣ обособленія не только окружающей среды, но и примитивныхъ требованій человѣческой жизни, какъ индивидуальной, такъ и общественной; показать, далѣе, въ какой мѣрѣ такое участіе могло содѣйствовать постепенной выработкѣ болѣе и болѣе совершенныхъ формъ общественнаго устройства, положившихъ, въ концѣ концовъ, начало исторической жизни.

Отсюда само собою ясно, какъ обширны задачи антропологии. Это наука о зародышевомъ, эмбриональномъ развитіи всей человѣческой природы, наука о развитіи всѣхъ зачаточныхъ формъ человѣческой дѣятельности, какъ физической, такъ и психической, какъ индивидуальной, такъ и общественной, бытовой.

Такимъ образомъ, антропология относится къ остальнымъ наукамъ о человѣкѣ, — социологии и исторіи, какъ эмбриология къ ученію объ индивидуальномъ, послѣ-родовомъ развитіи. И подобно тому, какъ для надлежащаго пониманія этого индивидуальнаго развитія необходимо знакомство съ эмбриологическими явленіями, и первое невозможно безъ послѣдняго, такъ точно, строго научное пониманіе социологическихъ и историческихъ явленій въ ихъ цѣлостности, необходимо предполагаетъ знакомство съ антропологіею и невозможно безъ содѣйствія послѣдней.

Если съ разсматриваемой здѣсь точки зрѣнія мы обратимся къ «антропологии» Тэйлора, то должны будемъ признать, что она отличается нѣкоторою неполнотою: физической природѣ человѣка удѣлено въ ней сравнительно мало мѣста, зоологическая часть антропологии разработана весьма скудно. Въ этомъ отношеніи «антропология» Топинара, также изданная въ русскомъ переводѣ (1879 годъ), значительно превосходитъ разсматриваемый трудъ Тэйлора. Но, взамѣнъ того, у Тэйлора несравненно полнѣе и всестороннѣе разработана психологическая часть, въ ея отношеніи къ бытовой дѣятельности доисторической жизни человѣка.

Читатели найдутъ въ антропологии Тэйлора очень обстоятельное изслѣдованіе о происхожденіи и развитіи языка, начинающая съ употребленія знаковъ и заканчивая членораздѣльною

рѣчью, очень интересныя данныя относительно происхожденія письменности. Въсѣтъ съ тѣмъ читатели также найдутъ въ этой книгѣ весьма подробный обзоръ самыхъ разнообразныхъ родовъ житейской техники, начиная съ наиболѣе грубыхъ, примитивныхъ, и заканчивая наиболѣе совершенными; сюда, между прочимъ, относится развитіе различныхъ орудій и оружій, различные способы добыванія пищи, начиная съ охоты и заканчивая земледѣліемъ,—постройка жилищъ, приготовленіе одежды, прядѣніе, тканье, добываніе огня, приготовленіе пищи, питья, кухонной посуды, домашней утвари и проч., и проч. Немало также поучительныхъ данныхъ сообщаетъ авторъ о происхожденіи изящныхъ искусствъ—поэзіи, музыки и музыкальныхъ инструментовъ, ваенія и живописи, танцевъ и игръ. Здѣсь (глава XII), между прочимъ, читатели найдутъ очень интересныя указанія въ пользу того, наприимѣръ, что «дикарямъ пляски представляются столь реальнымъ, что они ждутъ отъ нея дѣйствія на внѣшній міръ».

«Такъ, у индійцевъ-мандановъ, говоритъ Тэйлоръ,—когда охотникамъ не удалось найти буйволовъ, которые служатъ пищею племени, то каждый изъ нихъ выноситъ изъ своего жилища имѣющуюся специально на этотъ случай маску, сдѣланную изъ буйволовоу головы съ рогами и хвостомъ, висающимъ назадъ, и всѣ начинаютъ плясать «буйвола». Десять или пятнадцать пляшущихъ образуютъ кругъ, барабаны и стуча трещотками, съ пѣснями и завываніями; когда одинъ изъ нихъ утомляется, онъ дѣлаетъ видъ, что его убили стрѣлою изъ лука, и затѣмъ сняли шкуру и разрѣзали на части. Тогда другой, стоящій на-готовѣ съ буйволовою головою на плечахъ, занимаетъ мѣсто вышедшаго изъ круга. Такимъ образомъ пляска продолжается безостановочно, днемъ и ночью, иногда втеченіи двухъ-трехъ недѣль, пока, наконецъ, этимъ настойчивымъ усиліемъ не удастся приманить буйволовъ и на преріи не покажется какой нибудь табунъ.

Подобный примѣръ, замѣчаетъ Тэйлоръ,—«показываетъ, что на низшихъ ступеняхъ культуры люди пляшутъ для выраженія своихъ чувствъ и желаній». Такимъ же образомъ «варварамъ даютъ сюжеты для танцевъ различныя сцены охоты и войны, а ихъ жены, оставаясь дома, танцуютъ фетишискій танецъ, по дражающей битвѣ, для приданія силы и храбрости своимъ отсутствующимъ мужьямъ».

Подобное примитивное значеніе плясокъ, въ сравненіи съ тѣмъ, какое придается имъ у цивилизованныхъ народовъ, слу-

жить нагляднымъ свидѣтельствомъ въ пользу того, что даже такое увеселеніе, какъ танцы, беретъ свое начало изъ чисто-утилитарныхъ цѣлей: то, что пѣвогда практиковалось, какъ средство, какъ орудіе «дѣйствія на ви́шній міръ», съ потерю своего первоначального смысла, своего первоначального значенія, превращается въ одну изъ простѣйшихъ формъ изящнаго искусства.

Соотвѣтствующія явленія читатели встрѣтятъ въ той же главѣ въ ряду другихъ, не менѣе интересныхъ фактовъ, относящихся къ развитію музыкальныхъ инструментовъ. Что можетъ быть, повидимому, общаго между тетивою лука доисторическаго воина и такимъ чудеснымъ музыкальнымъ инструментомъ, какъ рояль? А между тѣмъ сравнительное изслѣдованіе показываетъ, что не будь лука, не было бы рояля, что послѣдній составляетъ конечную ступень развитія перваго. Вотъ какъ поясняетъ это развитіе Тэйлоръ:

«Зулусъ—говоритъ авторъ разсматриваемаго нами труда—презираетъ употребленіе лука, какъ боеваго оружія, приличнаго только трусу, но онъ пользуется имъ для музыкальныхъ звуковъ. Его музыкальный лукъ снабженъ кольцомъ, скользящимъ по тетивѣ для измѣненія тона, а также пустою тынкою, дѣйствующею какъ резонаторъ для усиленія слабаго звука, издаваемаго тетивою».

Представьте себѣ теперь инструментъ, у котораго дугообразная деревянная спинка, съ пустотою внутри, замѣняетъ одновременно и дугу лука, и импровизированный резонаторъ послѣдняго, причемъ поперегъ спинки, вмѣсто одной струны (первоначальной тетивы) натянута нѣсколько струнъ различной длины,—и вы получите древнюю египетскую арфу. И не только египетскую—«всѣ древнія арфы: асирійскія, персидскія и даже древне-ирландскія, дѣлались по этому плану». Но нетрудно замѣтить, въ чемъ состояло несовершенство этого устройства: сгибаніе деревянной спинки легко разстраивало струны. Пополненіе арфы переднею подпоркою, дѣлавшею весь остовъ негибимымъ и твердымъ, составляло дальнѣйшій существенный шагъ въ развитіи этого рода инструмента.

Тэйлоръ даетъ въ своей книгѣ изображенія музыкальнаго лука, древней египетской арфы и средне-вѣковой арфы съ переднею подпоркою, наглядно свидѣтельствующія объ указанной связи между этими инструментами, о томъ, «какъ постепенно шло развитіе этого изобрѣтенія».

«Нельзя допустить, замѣчаетъ далѣе Тэйлоръ,—чтобы арфа

съ переднимъ столбикомъ могла быть изобрѣтена ранѣе другихъ, такъ какъ никто не могъ бы оказаться столь тупоумнымъ, чтобы продолжать дѣланіе арфъ и не снабжать ихъ приэтомъ переднею подпоркою (замѣтимъ въ скобкахъ, что такимъ совершенно нерусскимъ оборотомъ рѣчи, какъ подчеркнутая нами фраза, изобилуетъ переводъ разсматриваемой книги), послѣ того, какъ однажды мысль о послѣдней пришла людямъ въ голову. Хотя арфа въ настоящее время изготовляется съ ббльшимъ совершенствомъ, нежели встарь, но все-таки все болѣе и болѣе утрачиваетъ свое старинное мѣсто въ музыкальномъ искусствѣ; причину этого легко усмотрѣть въ томъ обстоятельствѣ, что она вытѣсняется происшедшими отъ нея новѣйшими музыкальными инструментами. Самая форма большого рояля показываетъ, что это есть ничто иное, какъ арфа, которая положена на бокъ въ ящикѣ, и струны которой теперь перебираются не руками, но звучатъ подъ ударами молоточковъ, дѣйствующихъ съ помощью клавиатуры. Такова самая послѣдняя ступень развитія тетивы лука доисторическаго вонна.

Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ, то, что нѣкогда служило примитивнымъ утилитарнымъ цѣлямъ, развивается впоследствии въ предметъ изящнаго искусства.

Приведенныя выше мѣста изъ книги Тейлора могутъ дать понятіе о томъ методѣ изложенія, которымъ отличается разсматриваемый трудъ названнаго ученаго. Изслѣдуя ту или другую группу явленій доисторической жизни, онъ устанавливаетъ мѣсто каждой изъ нихъ, опредѣляетъ ихъ отношеніе другъ къ другу, ихъ генетическую преемственность, словомъ, изслѣдуетъ ихъ въ зависимости отъ идеи развитія. вмѣсто пестраго разрозненнаго сбора фактовъ, авторъ даетъ своимъ читателямъ цѣльную картину доисторическаго прошлаго. Передъ глазами читателя встаютъ и проходятъ другъ за другомъ предметы и событія этого прошлаго въ томъ порядкѣ, какъ они нарождались и слѣдовали одинъ за другимъ въ своемъ преемственномъ развитіи.

Благодаря такому приему изложенія, разсматриваемыя явленія приобретаютъ глубокой жизненный смыслъ. Читатель не только знакомится съ отдѣльными фактами, но онъ начинаетъ понимать и оцѣнивать ихъ значеніе въ общемъ ходѣ развитія доисторической жизни, онъ начинаетъ понимать, какимъ образомъ складывалась эта жизнь и что, главнымъ образомъ, содѣйствовало ея развитію. Читатель увидитъ, какъ исподволь направлялись усилія первобытнаго человѣка къ тому, чтобы

сбросить съ себя гнетъ окружающаго и заставить природу работать на себя,—онъ увидитъ также, какую существенную роль въ этомъ случаѣ играло развитіе житейской техники, которой, по справедливости, Тэйлоръ придаетъ такое важное значеніе. Онъ говоритъ, что лучше было бы опредѣлить человѣка, какъ «дѣлателя орудій», нежели какъ «употребителя орудій».

Дѣйствительно, искусство дѣлать орудія для борьбы съ окружающею природою обезпечивало уже за человѣкомъ побѣду надъ послѣдней и съ тѣмъ вмѣстѣ или, точнѣе, и потому именно дало ему возможность занять первое мѣсто среди животныхъ. Очень интересное замѣчаніе дѣлаетъ по этому поводу Тэйлоръ. «Было бы несправедливо, говоритъ онъ,—при сравненіи человѣка съ низшими животными, приписывать его превосходство надъ ними исключительно его уму, оставляя безъ вниманія превосходство его переднихъ конечностей, какъ орудій для техники». Несправедливо именно потому, что «рука человѣка, дѣлающая его способнымъ изготовлять оружіе и орудія и управлять ими для подчиненія природы своимъ дѣламъ, представляетъ одну изъ причинъ того, что онъ занимаетъ первое мѣсто среди животныхъ».

Это замѣчаніе наводитъ на мысль, что развитіе переднихъ конечностей человѣка, какъ орудій техники, шло рука объ руку съ развитіемъ послѣдней и, стало быть, находилось въ прямой зависимости отъ подчиненія природы дѣламъ человѣка, а не наоборотъ. Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ это «подчиненіе природы своимъ дѣламъ» обезпечиваетъ за человѣкомъ «первое мѣсто» и въ концѣ концовъ приводитъ къ тому, что «въ новѣйшее время человѣкъ стремится все болѣе и болѣе замѣнить роль работника, которую онъ игралъ въ ранніе періоды своего существованія, болѣе высокою обязанностію управителя или распорядителя міровою силою».

Подобныя указанія, въ пользу которыхъ Тэйлоръ приводитъ въ своей книгѣ многочисленныя свидѣтельства, даютъ читателю возможность уяснить себѣ основныя условія развитія исторической бытовой жизни человѣка,—условія, содѣйствовавшія постепенному улучшенію этой жизни.

Наконецъ, если-бы кто пожелалъ узнать, какое громадное значеніе для надлежащаго пониманія исторіи мысли и явленій общественной жизни представляютъ данныя антропологіи, тотъ найдетъ въ послѣднихъ главахъ разсматриваемой книги рядъ убѣдительныхъ и въ высокой степени интересныхъ указаний. И здѣсь Тэйлоръ остается вѣренъ общему плану своего

труда; и здѣсь, говорить ли онъ объ умственной жизни первобытнаго человѣка и его міросозерцаніи, изслѣдуетъ ли различныя формы его общежитія,—идея развитія является руководящей нитью. Авторъ не только описываетъ примитивное состояніе входящихъ сюда явленій, но указываетъ также, какимъ образомъ возникли и развивались эти явленія и каково отношеніе ихъ къ болѣе высшимъ проявленіямъ умственной дѣятельности человѣка и его историческихъ формъ общежитія... Да, книга Тэйлора — прекрасная книга; она многому научитъ cadaго, интересующагося вопросами антрологіи. Написана книга легко, хотя къ сожалѣнію переводъ мѣстами очень неуклюжъ. Впрочемъ, недостатокъ этотъ, такъ сказать, утопаетъ въ мастерскомъ изложеніи, каковымъ вообще отличаются труды Тэйлора.

Лекціи зоологіи профессора Поля Бера. Анатомія и физиологія. Переводъ съ французскаго д-ра Л. Н. Симонова. Предисловіе профессора И. Р. Тарханова. Съ 402 рисунками въ текстѣ. С.-Петербургъ. Изданіе И. И. Билибина и К^о. 1882.

Настоящія лекціи были читаны авторомъ втеченіи десяти лѣтъ (1869—1879 гг.) въ аудиторіи Сорбонны (въ Парижѣ) по желанію «Общества для средняго образованія молодыхъ дѣвицъ». Взятая за составленіе «Лекцій зоологіи» побудило автора глубокое убѣжденіе въ томъ, что «сообщить женщинамъ научное образованіе, укрѣпить ея сужденіе, дисциплинировать ея воображеніе, открыть ея умъ для воспріятія естественныхъ истинъ—вѣрнѣйшее средство предохранить женщину отъ мистическихъ преувеличеній, способствовать миру семейства и общества».

Спеціальная цѣль этихъ лекцій—распространеніе среди подрастающихъ женщинъ элементарныхъ анатомическихъ и физиологическихъ свѣдѣній. Собственно зоологическая часть предмета играетъ у автора подчиненную роль; онъ ограничивается изложеніемъ только основъ класификаціи и тѣми элементарными вопросами, которые представляютъ прямое отношеніе къ анатомо-физиологическимъ явленіямъ. Установивъ основы класификаціи, авторъ переходитъ, во второй лекціи, къ общему строенію живыхъ существъ, причемъ главнымъ образомъ обращаетъ вниманіе на анатомическіе элементы и ихъ біологическое значеніе, для уразумѣнія общихъ физиологическихъ явленій въ животномъ и растительномъ мірѣ.

Всѣ остальныя двѣнадцать лекцій посвящены физиологіи и

анатоміи млекопитающихъ и, главнымъ образомъ, человѣку. Здѣсь прежде всего, вслѣдъ за краткимъ описаніемъ общихъ признаковъ позвоночныхъ и ихъ раздѣленіемъ на классы, слѣдуетъ очеркъ наружнаго вида млекопитающихъ, кожи, скелета; затѣмъ слѣдуетъ изложеніе строенія мышцъ, пищеварительнаго аппарата и его отправленій. Въ дальнѣйшихъ лекціяхъ послѣдовательно рассматриваются: дыханіе и голосъ; кровь и кровообращеніе; всасываніе, отдѣленіе и выдѣленіе; питаніе; движеніе и нервная фізіологія, которой посвящены послѣднія пять лекцій. Всѣ эти свѣдѣнія кромѣ того дополняются описаніемъ нѣкоторыхъ наиболее выдающихся болѣзненныхъ уклоненій органовъ отъ ихъ нормальнаго устройства и нормальныхъ отправленій, что, рядомъ съ анатомо-фізіологическими явленіями, знакомитъ читателя и съ нѣкоторыми основными истинами гігіены.

Картиность изложенія, вмѣстѣ съ удачнымъ выборомъ при мѣровъ и мастерскимъ ихъ сопоставленіемъ, сообщаютъ лекціямъ Бера особенную прелесть. Книга написана такъ удобопонятно, такъ увлекательно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ просто, что едва-ли можно указать на руководство по элементарной фізіологіи, которое отличалось бы большею популярностію.

Но за всѣмъ тѣмъ нельзя сказать, чтобы лекціи Бера не отличались нѣкоторыми существенными недостатками. Сюда прежде всего относится весьма поверхностный обзоръ такой существенно важной функціи, какъ дыханіе, именно въ отношеніи къ окислительнымъ процессамъ.

Авторъ самъ въ своемъ предисловіи замѣчаетъ, что хотя «съ перваго взгляда кажется, что вновь открытыя факты, вновь построенныя теоріи и узнаются, и понимаются труднѣе, чѣмъ давно извѣстные факты и устарѣлыя теоріи, но на самомъ дѣлѣ вовсе не то». Словомъ, Поль Беръ не принадлежитъ къ многочисленной плеядѣ тѣхъ ученыхъ зайцевъ, которые боятся популяризаціи новой теоріи только потому, что она «новая»; но между тѣмъ, говоря о процессахъ окисленія, онъ излагаетъ ихъ въ духѣ старой теоріи, какъ прямое горѣніе. «Вы знаете, говоритъ онъ своимъ читателямъ, — что кислородъ участвуетъ почти во всѣхъ процессахъ горѣнія; если-бы онъ исчезъ изъ воздуха, у насъ не было бы ни огня, ни свѣта (авторъ упускаетъ изъ виду электрической свѣтъ); безъ него мы и всѣ вообще живыя существа, животныя и растенія, не могли бы жить. Кислородъ проникаетъ внутрь живыхъ существъ, соединяется съ веществами, образующими ихъ тѣло, видоизмѣняетъ ихъ, сжигаетъ ихъ

медленно: онъ поддерживаетъ жизнь, производя смерть». Словомъ, какъ разъ въ духѣ старой теоріи о прямомъ горѣніи.

Правда, далѣе авторъ говоритъ, что хотя часто сравнивали тѣло животнаго съ очагомъ, въ которомъ кислородъ воздуха поддерживаетъ горѣніе, «но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ очагѣ, какъ соединеніе кислорода съ углеродомъ дерева или каменнаго угля, такъ и образованіе угольной кислоты, происходитъ непосредственно; въ животномъ же организмѣ образованіе угольной кислоты есть только конечный результатъ очень послѣдовательнаго ряда множества сложныхъ химическихъ процессовъ». Едва-ли, однако, это замѣчаніе поможетъ читателямъ уяснить существенно важное различіе между прямымъ горѣніемъ и процессомъ образованія въ организмѣ углекислоты; едва-ли оно устранитъ въ читателѣ то совершенно ошибочное представленіе о роли кислорода въ функціи дыханія, съ которымъ связана мысль о прямомъ горѣніи.

Между тѣмъ всего этого легко было бы избѣжать, если-бы Поль Беръ, совершенно откинувъ старую теорію, больше удѣлил мѣста ученію о не прямомъ горѣніи. Самъ же авторъ сознается, что новыя теоріи понимаются и усваиваются учащимися не хуже старыхъ, «если только профессоръ знаетъ, какъ принятыя за дѣло». Но въ послѣднемъ всего менѣе можно прекратить Поля Бера, и потому тѣмъ болѣе приходится сожалѣть о такихъ упущеніяхъ, какъ только что указанный пробѣлъ.

Однако, какъ не значителенъ самъ по себѣ этотъ пробѣлъ, но въ лекціяхъ Бера существуетъ другой, еще болѣе важный, болѣе существенный. Едва-ли слѣдуетъ говорить, что въ жизни всякаго организма процессы размноженія играютъ такую же важную роль, какъ процессы питанія, роста и проч.; что знакомство съ первыми въ такой же мѣрѣ необходимо для пониманія элементарныхъ жизненныхъ явленій, какъ и послѣднихъ, и что поэтому обходить ихъ молчаніемъ въ угоду предразсудочной щепетильности—по меньшей мѣрѣ нелогично.

А между тѣмъ этотъ именно недостатокъ и замѣчается въ лекціяхъ Бера. Онъ ни слова не говоритъ о процессахъ размноженія, словно изученіе ихъ вовсе не составляетъ предмета физиологіи. Только въ одномъ мѣстѣ онъ упоминаетъ о «рожденіи клѣточекъ», и то ограничивается лишь замѣчаніемъ, что, по мнѣнію однихъ ученыхъ, «клѣточки зарождаются внутри полужидкаго, аморфнаго вещества, и что появленію ихъ предшествуетъ сначала образованіе грануляцій, а потомъ зерна»; по мнѣнію же другихъ, «такое самопроизвольное зарожденіе клѣточекъ не-

возможно; всегда и всякая клѣточка должна рождаться отъ клѣточки, существовавшей прежде нея, то посредствомъ внутренняго дѣленія, то почкованія». Вотъ и все, что узнаютъ читатели изъ лекцій Бера о процессахъ размноженія вообще и, въ частности, о размноженіи клѣточекъ, т. е., говоря проще, ровно ничего не узнаютъ; что такое это «внутреннее дѣленіе», чѣмъ оно отличается отъ наружнаго и въ чемъ состоитъ упоминаемое Беромъ «почкованіе» — все это такъ и остается неразъясненнымъ.

Вотъ почему никакъ нельзя согласиться съ профессоромъ Тархановымъ, что Поль Беръ въ своихъ лекціяхъ даетъ «почти полную физиологію, обнимающую главные факты этой науки». Вотъ развѣ г. Тархановъ станетъ утверждать, что явленіе размноженія не относится въ числу «главныхъ фактовъ», — тогда другое дѣло. Указывая на недостатки лекцій Бера, мы вовсе не думаемъ умалять ихъ достоинства. Мы не сомнѣваемся, что онѣ послужатъ прекраснымъ подспорьемъ каждому, желающему познакомиться съ элементарными явленіями жизни, не только молодымъ дѣвицамъ, но и ихъ молодымъ братьямъ, не только братьямъ, но и «многимъ паненкамъ и маменькамъ», говоря, словами самого Поля Бера.

Л. К. П—ъ.

ПРОПАВШІЙ ДОКУМЕНТЪ.

РОМАНЪ.

ДЭВИДА КРИСТИ МЮРРЕЯ.

ПРОЛОГЪ.

ГЛАВА I.

Старый Джо и молодой Джо, коренастый папаша и сухощавый сыночекъ, плелись себѣ рядкомъ по пыльной дорогѣ—старый Джо нѣсколько пригибаясь къ землѣ и шагая какъ понурая ломовая лошадка, а молодой Джо гордо выпрямляя голову и выступая смѣло, подобно лихому скакуну, не чувствуящему тяжести своего сѣдока. Картина эта такъ живо и отчетливо рисуется передъ моими глазами. Вижу я стараго Джо, одѣтаго въ бѣлый фризовой камзолъ такой непомятой тяжести и толщины, что старикъ смахивалъ на полярнаго медвѣдя, съ своими мозолистыми руками, настоящими здоровенными лапами, лѣнливо и дюже болтавшимися по сторонамъ и, повидимому, легко поднявшими бы не одну сотню фунтовъ; вижу его голубые глаза, сѣдые бакенбарды, глубокіе синеватые рубцы, словно татуировка испещряющіе все его лицо; вижу его спокойно шагающаго съ трубочкою во рту. Вижу и молодаго Джо съ его едва пробивающимся желтымъ пупкомъ надъ губою, похожимъ на первыя

перышки молодого птенчика; вижу его — голубоглазого, широкоплечаго, гибкаго и стройнаго, идущаго въ припрыжку рядомъ съ старикомъ. Молодой Джо былъ одѣтъ какъ всѣ джентльмены его времени (такъ какъ прошло уже около тридцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ отецъ и сынъ шли рядомъ въ послѣдній разъ), и представлялъ съ старикомъ разительный контрастъ. Старый Джо былъ весь проникнутъ невозмутимымъ благодушiемъ, какое подобаешь человѣку, крѣпко потрудившемуся на своемъ вѣку и теперь вкушавшему съ надлежащимъ достоинствомъ отъ плода своихъ старанiй. Во всей же фигурѣ юнаго Джо было что-то задирающее, что-то говорившее: только осмѣльтесь меня тронуть! хотя онъ въ то же время казался нѣсколько надутымъ, что, при существовавшихъ обстоятельствахъ, было весьма естественно. Никому не было извѣстно, велико ли состоянiе стараго Джо; но онъ твердо держался одежды и привычекъ своей молодости, одѣвался, какъ одѣваются по праздникамъ рудокопы, жилъ какъ рудокопъ, ходилъ на рудокопа, и гордился тѣмъ, что говорилъ подобно имъ. Молодой Джо, воспитанный въ одномъ изъ отдаленныхъ большихъ общественныхъ заведенiй и прiѣзжавшiй домой лишь на вакаци, терзался всѣмъ этимъ. Говорилъ онъ очень изящно, одѣвался какъ нельзя лучше, имѣлъ избраннымъ товарищемъ сына баронета; онъ всѣми силами души стремился въ миръ свѣтскiй и фешенебельный и думалъ, что будь у него только случай, онъ съумѣлъ бы блеснуть и тамъ. Старый Джо относился ко всему этому съ невозмутимымъ спокойствiемъ и, хотя нелишенный извѣстнаго чувства собственнаго достоинства, не имѣлъ и капли гордости. Встрѣться онъ съ первѣйшимъ изъ монарховъ, онъ заговорилъ бы съ нимъ какъ съ равнымъ, и это самымъ естественнымъ образомъ. Молодой же Джо, постоянно твердя о равенствѣ всего человѣчества, съ полнѣйшимъ и естественнѣйшимъ отсутствiемъ логики, всегда сильно негодовалъ на фамильярность кого-либо изъ старыхъ и менѣ счастливыхъ друзей своего отца. Онъ, конечно, имѣлъ право на подобное же сближенiе съ людьми, выше его стоявшими на ступени общественной; но, конечно, не имѣли этого права люди низшаго разряда.

Молодой Джо ненавидѣлъ свое имя и предпочелъ бы назваться Реджинальдомъ, Гербертомъ, Вальтеромъ, но уже никакъ не Джозефомъ, такъ вульгарно сокращавшимся. Онъ до нѣкоторой степени гордился своимъ отцомъ, хотя стыдился его одежды, его домашней обстановки, его разговора; но ничто не

казалось ему столь постыднымъ, какъ предстоявшее ему теперь зрѣлище.

Погода стояла лѣтняя, теплая и солнечная. Даже и здѣсь вездѣ лежали яркіе лучи лѣтняго солнца, здѣсь, въ самомъ сердцѣ черной угольной страны. Весело было взглянуть на то, какъ и въ этой мрачной провинціи природа украсила и сгладила всѣ тѣ царапины и рубцы, которыми испещрила ее тяжелая чело-вѣческая работа. Трудъ глубоко проникъ въ ея сердце, просверливъ всѣ ея внутренности и наложивъ на ея грудь такія непомятныя гнетущія тяжести. А между тѣмъ, ликъ ея вездѣ привѣтливо радостно улыбается; чего лишь коснется эта неутомимая рука, вездѣ разливаются ея неисчерпаемыя чары. Высокія багряныя наперстянки окаймляютъ дорогу; боярышникъ такъ и свѣтится своими бѣлоснѣжными цвѣтами; тамъ, высоко, высоко, надъ голубыми струйками поднимающагося дыма, жаворонокъ такъ и заливается своею звонкою пѣсенкою. Сегодня воскресенье и потому струйки дыма не такъ обильны и не такъ густы, какъ въ будни. Торжественное воскресное настроеніе нѣсколько вознулось и стараго Джо. Юный же Джо, такъ гордо и презрительно относившійся ко всему, злобствовалъ и на воскресенье изъ-за униженія и стыда, которые оно ему причиняло.

Отецъ съ сыномъ отправились слушать любимѣйшаго во всей той мѣстности проповѣдника. Проповѣдникъ этотъ былъ женщина, и, что ужъ скрывать, женщина эта была сама Ребекка Бушель, жена стараго Джо и мать юнаго. У молодаго Джо были очень ядовитыя мнѣнія относительно всѣхъ проповѣдниковъ женскаго пола, значительно обострившіяся вслѣдствіе личнаго неудовольствія. Что мать его проповѣдуетъ, да еще печатно заявляя объ этомъ предварительно; что она будетъ говорить публично, нисколько не скрывая своего прирожденнаго живописнаго и растянутаго акцента, — было величайшимъ огорченіемъ молодому человѣку, — огорченіемъ, съ которымъ онъ давно уже и тоскливо носился. И что хуже всего, мать его будетъ разглагольствовать здѣсь, на ряду съ этими масляными рожками проповѣдниковъ по профессіи, такъ хорошо ему знаемыхъ, съ ихъ порыжѣвшими рясами, съ сомнительною бѣлизною ихъ галстуконъ, съ непомятымъ объемомъ ихъ башмаковъ, надъ которыми выдѣлялись бѣлые чулки не менѣе сомнительнаго цвѣта; что она будетъ первенствовать на полево-мъ митингѣ, о которомъ повсюду разсланы самыя краснорѣчивыя и глазистыя объявленія, и что туда наберутся цѣлыя толпы набожныхъ и безчисленныхъ пасмышниковъ, многими изъ кото-

рыхъ онъ былъ знакомъ. Читатель пойметъ, что здѣсь идетъ рѣчь о «полевомъ митингѣ» въ ограниченномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ это былъ полевой митингъ безъ раскинувшаго стана и продолжавшійся всего одинъ день.

Когда отецъ съ сыномъ стали подходить къ мѣсту назначенія, вдругъ загремѣлъ хоръ музыки, заглушившій пѣсню жаворонка, и далеко по всей окрестности грянуло громкое, продолжительное алилуйя. Нельзя сказать, чтобы игралось и пѣлось особенно дурно, хотя тамъ и сямъ иногда и прорывались несвязные звуки. Обитатели Черной страны прирожденные музыканты, къ тому же здѣсь они пѣли и сердцемъ, и душою, и легкими. Кромѣ духовыхъ инструментовъ было здѣсь нѣсколько струнныхъ, и первую скрипку былъ портной.

— Ну, валай, Дэвидъ, кричалъ барабанщикъ, хватаясь за свои пальцы, — пусть твои локти летятъ какъ овечьй хвостъ! На что Дэвидъ одобрително киваетъ головою и погоняетъ какъ угорѣлый.

Пока музыка и хоръ неудержимо усердствуютъ, наши запоздавшіе путники умѣщаются на самомъ краю огромной толпы. Всего набралось около двадцати пяти тысячъ человекъ, и подобное сборище не могло не казаться внушительнымъ.

Мѣсто, выбранное для митинга, имѣло и свои удобства, и неудобства. Неудобство заключалось въ томъ, что толпа была раздѣлена на двое каналомъ; но за то возвышеніе, гдѣ возведена была платформа, поднималось на десять или на двѣнадцать футовъ надъ равниною, гдѣ собралась толпа, такъ что, сегодня по крайней мѣрѣ, ораторы были на виду у всѣхъ. Платформа представляла постройку первобытную, но простую, состоявшую изъ толстыхъ бревенъ, прибитыхъ одно къ другому; въ серединѣ же возвышалась другая, меньшая платформа, на которой собрались самые выдающіеся изъ устроителей митинга. Это было по большей части довольно разношерстное и грубоватое сборище, и присутствіе одной или двухъ массивныхъ женщинъ прибавляло не очень-то много изящества этой центральной группѣ.

Миссисъ Бушель, облаченная въ черное шелковое платье, рѣшительная, спокойная, невозмутимая въ лицѣ и во всей своей внушительной фигурѣ, важно засѣдала за непокрытымъ деревяннымъ столикомъ съ красными ножками, на которомъ стоялъ графинъ съ водою, стаканъ, лежала библія и было разбросано нѣсколько книгъ съ гимнами. Молодой Джо, различавшій тамъ и сямъ въ толпѣ своихъ знакомыхъ, краснѣлъ за сидѣвшую на платформѣ и глубоко возмущался ея присутствіемъ тамъ. Одинъ

лжентльментъ, сынъ сосѣдняго владѣльца угольныхъ копей, увидѣвъ молодого Джо, поймалъ его взоръ и, съ своею выгоднаго мѣста около входныхъ воротъ, многозначительно подмигнулъ молодому человѣку. По этому знаку и по легкому движенію головы, обращенному къ главной личности на платформѣ, бѣдняга понялъ въ чемъ дѣло и страшно покраснѣлъ; но голова его также гордо поднималась, а взоръ былъ такой же свирѣпый и вызывающій, хотя послѣднее относилось до нѣкоторой степени и къ его матери съ ея выдающимся положеніемъ. А старый Джо, съ своими массивными руками, болтавшимися на свободѣ, спокойно покуривалъ изъ глиняной трубочки, стоя рядомъ съ разъяреннымъ сыномъ. Эти религиозные обряды, совершаемые на чистомъ воздухѣ, представляли для стараго Бушеля своего рода прелесть: на нихъ не воспрещалось курить, а безъ успокоивающаго вліянія своей носогрѣйки, старику наилучшая проповѣдь всегда казалась непомѣрно скучною.

Стоя около отца, Джо, чувствовалъ, какъ все возрастаетъ дурное расположеніе его духа. Однако онъ крѣпился, желалъ выказать своимъ друзьямъ, что нимало не стыдится отца и матери и всего, что ихъ касалось. Только на кой чортъ носить его отецъ свой ужасный фризový камзолъ и курить изъ простой глиняной трубки, да еще въ такомъ многолюдномъ мѣстѣ и въ такое время; и зачѣмъ это мать его засѣдаетъ тамъ, посреди этихъ грубоватыхъ ораторовъ, передъ цѣлыми тысячами грубоватыхъ глазъ, устремленныхъ на нее? Онъ, конечно, не стыдился ихъ, какъ онъ искренно старался себя увѣрить. Вѣдь пришелъ онъ сюда по своей же доброй волѣ. И по мѣрѣ того какъ мысли эти пробирали его, онъ становился все недовольнѣе и злѣе.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ молитвъ и чтенія и послѣ того, какъ съ надлежащею торжественностью и грандіозностью былъ пропѣтъ гимнъ, миссисъ Ребека Бушель тяжелоვნно поднялась, произнесла свой текстъ и начала проповѣдь. Ученіе, которое она излагала, было сурово и непривѣтливо, хотя нѣсколько смягчено ея врожденною добротою, и молодой Джо хорошо зналъ, что большая часть рѣчи относилась къ нему. Присутствіе ея сына—сообщало рѣчи миссисъ Бушель какую-то страстную серьезность, и она черезъ него проповѣдывала толпѣ, а черезъ толпу—ему. Это также глубоко злило молодого Джо. Но вотъ проповѣдь кончилась; двадцать пять тысячъ паръ легкихъ стали усердно помогать оркестру воспроизвести одинъ изъ любимѣйшихъ гимновъ, и

волны его грандіозныхъ звуковъ далеко полились по полямъ, озареннымъ солнцемъ, и смягченные и нѣжные достигли города, лежавшаго за милою отсюда.

Толпа разбилась на отдѣльныя группы и направила свое набожное шествіе къ полуденному обѣду. Старикъ и его сынъ направились къ эстрадѣ.

— Джозефъ, сказала спускавшаяся Ребекка, — спрячь-ка свою трубку; и какъ это тебѣ нестыдно — въ воскресенье, да еще на митингѣ.

— Ничего, миссисъ, проговорилъ Бушель старшій. — Что за бѣда въ томъ, что я курю. И онъ невозмутимо продолжалъ сосать свою трубку.

Жена, его по долговременному опыту, зная безполезность всякой оппозиціи, принуждена была уступить, и съ серьезнымъ и нѣсколько недовольнымъ лицомъ удалилась, въ сопровожденіи достопочтеннаго Поля Скрида.

Теперь, когда я пишу этотъ разсказъ, достопочтеннаго Поля Скрида давно уже нѣтъ въ живыхъ, и потому никакая правда не въ состояніи уязвить его чувства. Однако слѣдуетъ сознаться, что онъ проповѣдовалъ грубую религію, что онъ поклонялся грубому богу, и что всѣ понятія, вмѣщавшіяся въ его грубомъ разумѣ, были относительно такъ же грубы. Онъ былъ всегда крайне серьезенъ и глубоко проникнутъ убѣжденіемъ, что всѣ его вѣрованія и воззрѣнія были точны и неоспоримы, и что все противорѣчающее имъ было несомнѣнно грѣховно. Онъ не былъ способенъ сдѣлать кому-либо сознательное зло. Съ виду онъ былъ неуклюжъ и костлявъ и производилъ вообще отталкивающее впечатлѣніе. Молодой Джо, злившійся вообще на многое и на многихъ, злился на достопочтеннаго Поля какъ-то исключительно, онъ просто ненавидѣлъ его. Достопочтенный же Поль, съ своей стороны, взиралъ на молодаго человѣка съ холодною строгостью святости, предвидѣвшей для него вѣчныя муки и наказанія.

Миссисъ Бушель направлялась домой подъ руку съ священникомъ, а мужъ и сынъ ея слѣдовали нѣсколько поодаль. Вдругъ показался изъ-за угла, прямо напротивъ нашего разрозненнаго квартета, юноша, весь сіяющій затѣями послѣдней моды и занимавшійся на ходу полезнымъ дѣломъ сбиванія тростью листьевъ изгороди. Вся дорога была переполнена разбѣянными группами возвращавшихся богомольцевъ, но всѣ, исключая юноши, шли по одному направленію. Онъ шелъ себѣ впередъ, останавливая на себѣ массу любопытныхъ взглядовъ, какъ вдругъ самъ

остановился передъ молодымъ Джо и, протягивая ему руку, покрытую изящною перчаткою, веселымъ и громкимъ голосомъ проговорилъ:

— Здравствуйте!

Джо, нѣсколько сконфуженный, отвѣтилъ на его привѣтствіе; старикъ же, не останавливаясь, повернулъ голову по направленію къ сыну и, не мало не стѣсняясь, своимъ ломаннымъ нарѣчіемъ приказалъ сыну не опоздать къ обѣду.

— Это кто? спросилъ новоприбывшій. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые, сами того не замѣчая, орутъ такъ, что ихъ слышно чуть ли не на милю въ округности.

— Мой отецъ, отвѣчалъ молодой Джо такимъ же громкимъ голосомъ и съ видомъ оскорбленнаго самолюбія.

— Это кто? спросилъ, въ свою очередь, старый Джо, возвращаясь и подходя къ молодымъ людямъ, стоявшимъ другъ противъ друга.

— Мистеръ Сидней Честонъ, отвѣтилъ молодой Джо, — старшій сынъ сэра Сиднея Честона. Мой отецъ, мистеръ Честонъ.

— Какъ вы поживаете? спросилъ старый Джо, не вынимая трубки изо-рта. И все время руки его съ самымъ невозмутимымъ спокоевствіемъ ютились на днѣ его фризовыхъ кармановъ, а голова кивала баронету самымъ простодушнымъ образомъ.

— Я совершенно здоровъ, отвѣчалъ мистеръ Честонъ. — Ну, а какъ поживаете вы?

— Я здоровъ какъ пивной котель, отвѣчалъ старый Джо, не замѣчавшій сатирическаго тона своего собесѣдника. Онъ сперва было на минуту нѣсколько взъерошился отъ его безцеремоннаго: «Это кто?» но видя веселость и непринужденность молодаго человѣка, не обратилъ на это вниманія. Молодому же Джо неистово хотѣлось дать мистеру Сиднею Честону хорошую затрещину. — Да, да помню, Джо говорилъ какъ-то объ васъ, добродушно прибавилъ старикъ. — Послушайте вы, хотите придти пообѣдать съ нами?

— Очень сожалѣю, отвѣчалъ молодой козелъ, — но я уже приглашенъ.

— Хорошо, хорошо, сказалъ старикъ, кивая ему головой. — Такъ смотри же, Джо, не опоздай. Прощайте, молодой человѣкъ!

— Прощайте, папаша, громко и весело закричалъ ему въ слѣдъ мистеръ Честонъ. Молодой Джо былъ страшно избѣшенъ. — Оригинальная старая птица твой папаша, разсуждалъ будущій баронетъ, нѣсколько болѣе сдержаннымъ голосомъ.

— Мнѣ кажется, отвѣчалъ быстро и вполголоса молодой Джо,—что едва-ли мнѣ умѣстно выслушивать подобныя мнѣнія.

— Ахъ, милѣйшій мой, шутливо отвѣчалъ мистеръ Честонъ,—вѣдь надо же когда нибудь начать. Только вы начинаете теперь, а мы начали сотню лѣтъ тому назадъ. Вотъ и вся разница.

— Можетъ быть, съ принужденностью отвѣчалъ молодой Джо. Отвѣтъ его былъ нѣсколько неясенъ даже ему самому; однако онъ чувствовалъ, что исполнилъ свою обязанность и въ то же время какъ будто облегчился отъ части накопившагося за все утро сплина.

— Ну, что вы злитесь, говорилъ мистеръ Честонъ,—я никому не помѣшаю обозвать моего папашу смѣшною старою птицею. Да онъ и дѣйствительно таковой. Право, пресмѣшная старая птица! Большинство отцовъ всегда забавнѣйшія старыя птицы. Повѣрьте, мы сами со временемъ будемъ такими же.

Молодой Джо, нѣсколько смягченный и сильно порывавшійся измѣнить неприятный для него сюжетъ разговора, спросилъ, что привело его пріятеля въ ихъ сосѣдство. Богомольцы все еще запружали улицу, и Честонъ, взявъ Джо подъ руку, повернулъ съ нимъ въ сторону, на узкую дорожку, лежавшую между засѣянными полями, гдѣ яркій цвѣтъ краснаго мака, растущаго въ изобиліи, придавалъ картинѣ больше красоты, нежели подавалъ надеждъ на хорошій урожай.

— Я гошу у стараго Мульдинга въ Голисъ, говорилъ Честонъ;—сегодня всѣ они отправились въ церковь, а я рѣшился прогуляться въ одиночку, и надо сознаться, я доволенъ своею прогулкою, такъ какъ я видѣлъ двѣ вещи, произведшія на меня глубочайшее впечатлѣніе.

— Во первыхъ? спросилъ молодой Джо, стараясь хоть съ виду напустить на себя нѣсколько веселости, ради уязвленнаго самолюбія.

— Во первыхъ, отвѣчалъ Честонъ:—прелестнѣйшее личико, какое мнѣ когда-либо пришлось узрѣть; красавицу горной провинціи, розу, выросшую на искусственной горѣ шлака и золы.

— О! произнесъ Джо задумчивымъ голосомъ.

— Пріятное зрѣлище номеръ первый, весело продолжалъ Гестонъ, словно обращаясь къ цѣлой аудиторіи,—привело къ пріятному зрѣлищу номеръ второй. Номеръ первый, одѣтый въ прелестнѣйшій, хотя и не условленный модой костюмъ, по всѣмъ вѣроятіямъ отправлялся или въ церковь, или въ часовню, тѣмъ болѣе, что онъ несъ молитвенникъ и казался ужасно на-

божнымъ и серьезнымъ. Не опасаясь быть укореннымъ въ неприличіи моего поведенія и бывъ отъ природы награжденъ естественнымъ влеченіемъ ко всему прекрасному, я закурилъ сигару и зашагалъ за нею. Скоро мы добрались до какого-то многолюднѣйшаго полевого митинга, гдѣ моя красотоочка встрѣтила свою мать, или какого нибудь другаго стараго дракона женскаго пола, и я потерялъ ее изъ виду. Но я узналъ, гдѣ она живетъ, и пойду еще разъ полюбоваться на нее.

Молодой Джо, еще неизмѣнный дѣйствительныхъ основаній опасаться чего-либо, спросилъ однако съ нѣкоторымъ страхомъ, хотя стараясь говорить небрежно:

— Кто же эта прелестная молодая особа?

— Она живетъ, отвѣчалъ Честонъ, вдаваясь въ мелодраматическій тонъ,—хотя и не знаю въ качествѣ чего, подъ вывѣскую «Сарацнинова Голова» и прозывается божественнымъ именемъ Діаны или Дины. Да, именно Дины. Я слышалъ, какъ драконъ, ея попечитель, бранилъ ее за то, что она опоздала.

На лицѣ молодого Джо выступила краска, частію отъ недовольства, частію вслѣдствіе затруднительнаго положенія. Онъ принужденно засмѣялся.

— Да, она хорошенькая дѣвушка; затѣмъ онъ быстро, какъ бы въ избѣжаніе дальнѣйшихъ распросовъ по этому поводу, спросилъ:—что же было пріятнымъ зрѣлищемъ номеръ второй?

— Пріятнымъ зрѣлищемъ номеръ второй, сказалъ Честонъ съ громогласною веселостью,—была какая-то слониха, въ черномъ шелку, державшая рѣчь толпѣ. Увѣрю васъ, продолжалъ онъ смѣясь отъ души,—это была такая забавная картина, она сама и ея разглагольствованіе, что ради таковой стоило совершить путешествіе даже къ сѣверному полюсу. Но, я думаю, вы сами были тамъ и слышали ее. Вы, кажется, и шли оттуда. Что же касается меня, то я отправился прямо къ Сарацниновой Головѣ, проводивъ до самыхъ дверей мое маленькое божество, а затѣмъ направился обратно въ Голисъ.

И оскорбленная гордость, и ревнивый страхъ, и страшная злоба такъ выпѣли въ молодомъ Джо, что онъ едва сдерживался.

— Вы, кажется, всѣхъ здѣсь знаете, спросилъ Честонъ, все еще пребывавшій въ самомъ отчужденномъ расположеніи духа и, повидимому, наслаждавшійся звукомъ своего собственнаго голоса,—кто была эта слониха?

Тутъ молодой Джо не выдержалъ и, весь покраснѣвъ отъ бѣшенства, отвѣтилъ:

— Это была моя мать, сударь! Втеченіи какихъ-нибудь десяти минутъ вы надругались надъ моимъ отцомъ и надъ моею матерью и описали мнѣ, какимъ образомъ вы прослѣдили ту дѣвушку, которую я люблю, до ея дома... и... и... и вотъ я вамъ что на это скажу, Честонъ. Потрудитесь-ка мнѣ выплатить съ первую возможность тотъ долгъ, который еще за вами, и не трудитесь раскланиваться со мною больше. Добраго утра!

И злосчастный молодой человекъ зашагалъ домой послѣднѣйшимъ шагомъ, съ лицомъ, похожимъ на піонъ, и съ глазами, полными слезъ.

Честонъ постоялъ минуту ошеломленный, словно невидимая лавина обрушилась на него. Затѣмъ онъ со всѣхъ ногъ пустился за своимъ огорченнымъ собесѣдникомъ и поймалъ его за плечо въ то самое время, какъ тотъ собирался перелѣзть черезъ первую изгородь.

— Любезный другъ, кричалъ онъ, едва переводя дыханіе:— ради Бога простите меня! Я ничего не зналъ, и ни за какія блага не позволилъ бы себѣ этого сдѣлать. Пожалуйста, простите! Прошу у васъ сто тысячъ разъ прощенія!

Молодой Джо освободился отъ его руки и вскочилъ на изгородь. Однако онъ уже нѣсколько смягчился. Онъ чувствовалъ потребность въ симпатіи и участіи, а Честонъ былъ, видимо, сконфуженъ и огорченъ своею выходкою. Но какъ онъ теперь повернется и покажетъ горячія слезы, уже лившіяся по его щекамъ? Честонъ, вслѣдъ за нимъ, перескочилъ заборъ, на бѣгу все преслѣдуя его своими извиненіями, наконецъ, захватилъ его за плечи и насильно повернулъ. Въ эту минуту молодого Джо охватилъ внезапный порывъ стыда изъ-за слезъ, еще наполиившихъ его глаза, и онъ, давая полный просторъ своему бѣшенству, хватилъ извиняющагося со всего размаху и затѣмъ, широко размахивая руками надъ растаявшимъ Честономъ, спрашивалъ его, не хочетъ ли онъ еще?

— Во имя всѣхъ чертей, да! заревѣлъ только что какавшійся, и вскочивъ на ноги, онъ быстрымъ движеніемъ сбросилъ съ себя сюртукъ и шляпу на траву, поджидая новаго нападенія.

Съ минуту оба стояли другъ противъ друга въ оборонительномъ положеніи. Затѣмъ Честонъ опустилъ руки.

— Это вполнѣ моя вина, Бушель, сказалъ онъ—и потому я драться не буду. А тому, что вы меня прибили, я не удивляюсь. Забудемъ же это совершенно, и дайте вашу руку, старина; ну дайте же!

Молодой Джо конфузливо протянулъ руку, лепеча без-

связныя извиненія въ родѣ: съ утра очень разсерженъ и т. под., и пошелъ своею дорогою.

«У него вуча денегъ, размышлялъ будущій баронетъ, когда жалкій Джо, наконецъ, удался.—Ну да и платиться за это ему здорово приходится, бѣднягѣ, нечего сказать».

ГЛАВА II.

Мистеръ и миссисъ Бушель, вмѣстѣ съ достопочтеннымъ Полемъ Свридомъ, засѣдали за обѣденнымъ столомъ. Его украшала пара куръ и баранья лопатка, изготовленная наканунѣ, дабы не осквернить излишнимъ трудомъ святости воскреснаго дня, между тѣмъ какъ горячіе овощи изображали собою нѣкоторую уступку религіозныхъ правилъ въ пользу гостепріимства.

— Что же, будемъ мы ждать Джозефа? спросилъ старикъ. Въ отсутствіи гостей, Джозефъ былъ обыкновенно Джо, и условная форма была опять-таки нѣкоторою уступкою, ради присутствія достопочтеннаго Поля.

— Если Джозефъ не приходитъ во-время къ обѣду, замѣтила миссисъ Бушель, — то можетъ обойтись и совсѣмъ безъ него.

— Пустяки, хозяйка, добродушно отвѣтилъ старикъ; — развѣ кто либо уходилъ отъ насъ голоднымъ, если мы только имѣли чѣмъ накормить. Впрочемъ, если ты хочешь, мы начнемъ и безъ него.

Молитва была уже произнесена достопочтеннымъ Полемъ, въ безмолвіи крошившимъ свой хлѣбъ, пока длилось это совѣщаніе, и любовно поглядывавшимъ на баранью лопатку. Миссисъ Бушель сидѣла на своемъ хозяйскомъ мѣстѣ и немедленно принялась за разрѣзку холодныхъ куръ.

Въ эту минуту вошелъ молодой Джо, еще несовсѣмъ успокоившійся и очень разгоряченный быстрою ходьбою. Миссисъ Бушель все въ томъ же безмолвіи отрѣзала курицы и ему и поставила передъ нимъ его тарелку. Онъ взялся за вилку и ножикъ, скорѣе для того, чтобы скрыть свое волненіе, нежели въ видахъ удовлетворенія аппетита, котораго вовсе не имѣлось у него. Достопочтенный Поля укоризненно удержалъ его руку

и медленно поднялся. Всѣ трое наклонили головы, пока священникъ произносилъ вторую, добавочную молитву:

— Да будетъ мистеръ Джозефъ искренно благодаренъ Господу за тѣ блага, которыя Онъ на него днесъ ниспосылаетъ. Это показалось новымъ оскорбленіемъ молодому Джо, и остатки его аппетита окончательно улетучились. Послѣ тщетной попытки надъ холодною курицею, онъ слегка отодвинулъ тарелку.

— Джозефъ, произнесла его мать съ невозмутимою строгостью:—лучше служить Богу, нежели мамонѣ. Я не могу преступать воскреснаго дня въ видахъ удовлетворенія твоихъ тѣлесныхъ стремленій.

— Да я и не прошу васъ стряпать для меня, матушка, отвѣчалъ молодой человѣкъ, едва сдерживая снова закипавшія въ немъ чувства;—курица очень хороша, но я совсѣмъ не голоденъ. Вотъ и все!

Мать вздохнула и вздохъ ея ясно выражалъ слѣдующее: я остаюсь при своемъ убѣжденіи. Отецъ положилъ руку на плечо молодаго человѣка.

— Ты какой-то печальный и разстроенный все утро сегодня. Скажи, въ чемъ дѣло? Здоровъ ли ты?

— Да, я дѣйствительно несовсѣмъ здоровъ, батюшка, отвѣчалъ молодой Джо.

Куда дѣвалась строгость миссисъ Бушель; она глядѣла на сына глазами, исполненными нѣжной материнской любви и горячаго участія.

— Да у тебя, какъ я вижу, лихорадка, Джозефъ, сказала она.—Выпей-ко стаканъ вина и прилягъ.

— Я также думаю, что лучше прилечь, отвѣчалъ молодой Джо для того, чтобы поскорѣе отъ нихъ отдѣлаться, хотя и сознавая свое лицемеріе.—Такъ если вы мнѣ позволите, я пойду и нѣсколько прилягу. Нѣтъ, нѣтъ не надо вина, матушка!

— Быть можетъ, произвесь достопочтенный Поль:—это дѣйствіе могущественной рѣчи, слышанной нами сегодня.

Миссисъ Бушель покачала головой и опять вздохнула. Этотъ второй вздохъ ясно говорилъ: я лишь смиренное орудіе.

— Будемъ думать что такъ, сударыня, сказалъ достопочтенный Поль, въ то же время и принимая, и отклоняя ея самоуничженіе.

— Малый совсѣмъ здоровъ, проговорилъ старый Джо, протягивая вилку за кускомъ холодной баранины.

— Ты и о своемъ здоровьѣ недостаточно заботишься, Джозефъ, сказала миссисъ Бушель, накладывая баранины достопоч-

тенному Полю.—Ты всегда таковъ, Джозефъ. Я попросила бы васъ, мистеръ Серидъ, сказать нашему Джо назидательное слово.

— Непремѣнно, сударыня, сказалъ достопочтенный Поль, положивъ прѣломъ руку на кувшинъ съ пивомъ.

Все это было сказано въ отсутствіи молодого Джо. Онъ же пока охлаждался у себя въ комнатѣ сигарой, размышляя объ утреннихъ событіяхъ съ чувствомъ огромнаго недовольства собою. Онъ искренно презиралъ себя за то, что рѣшился напомнить о долгѣ, и ненавидѣлъ себя за то, что ударилъ своего бывшего школьнаго товарища и всегда добродушнаго, веселаго пріятеля. Однако ему казалось, что во всемъ этомъ, а равно и въ остальныхъ его прегрѣшеніяхъ, виноваты его родители, хотя и тутъ совѣсть не переставала грызть его.

А достопочтенный Поль размышлялъ въ то же время о внушительномъ словѣ, обѣщанномъ имъ для назиданія молодого Джо; по мѣрѣ того, какъ онъ о немъ думалъ, онъ становился все строже и строже въ своемъ сужденіи о характерѣ, поведеніи и о будущихъ духовныхъ надеждахъ послѣдняго, и потому онъ встрѣтилъ предметъ своихъ размышленій въ состояніи духа самаго пророческаго негодованія. Старикъ ушелъ наверхъ для совершенія своего послѣобѣденнаго обычнаго сна, а миссисъ Бушель почивала въ задней гостиной, когда молодой Джо, почти крадучись, спустился внизъ, снялъ свою шляпу съ вѣшалки и направился въ выходной двери. Достопочтенный Поль, также крадучись, показался въ дверяхъ передней гостиной, и на ципочкахъ подошелъ къ молодому человѣку.

— Прощу позволенія поговорить съ вами? произнесъ онъ съ таинственною важностью.

— Позволяю, отвѣтилъ молодой Джо. Сигара привела его въ нѣсколько лучшее расположеніе духа, но онъ ненавидѣлъ достопочтеннаго джентльмена, какъ уже было выше замѣчено, и все снова забушевало въ немъ.

Священникъ отправился на ципочкахъ обратно въ гостиную и молодой Джо, также крадучись, подобно заговорщику, послѣдовалъ за нимъ. Ходить такимъ образомъ было обыкновеніемъ всего дома, пока старшій Бушель почивалъ.

— Мистеръ Джозефъ, сказалъ достопочтенный Поль,—ваша матушка поручила мнѣ поговорить съ вами серьезно.

— О чемъ же это? спросилъ молодой Джо, у котораго глаза уже начинали злобно сверкать.

— О вашей душѣ, сказалъ достопочтенный Поль.

— Вотъ какъ, протянулъ Поль, испуская отчаянный вздохъ; — что же вы намѣрены о ней сказать?

— Есть всё основанія предполагать, произнесъ достопочтенный Поль, — что вы находитесь въ грѣховномъ, нераскаянномъ состояніи.

— Относительно чего бы это? спросилъ опять молодой Джо; — я очень раскаиваюсь въ нѣкоторыхъ вещахъ и совѣмъ не раскаиваюсь въ другихъ.

— Вы противитесь Духу, произнесъ священникъ торжественнымъ шопотомъ; — вы пренебрегаете способами получить благодать; вы издѣваетесь надъ путемъ къ спасенію; вы предаетесь открытому распутству.

— Что такое? закричалъ Джо. И вопросъ этотъ прозвучалъ съ ужающею ясностью, подобно пистолетному выстрѣлу посреди сдерживаемыхъ звуковъ віолончеля.

— Я зорко слѣдилъ за вами, сказалъ священникъ, — вы вчера провели цѣлый часъ въ пивной!

— Неправда! горячо вступился за себя молодой Джо, — я только прошелъ черезъ пивную, чтобы идти въ бильярдную.

— Безполезная и грѣховная трата времени, сказалъ достопочтенный Поль.

— Есть вещи, отвѣчалъ молодой Джо, не безъ нѣкотораго высокомерія, — на счетъ которыхъ мы съ вами никогда не сдѣмся. Я совершенно отвергаю ваше право слѣдить за мною; но вѣдь всякое животное руководится своимъ врожденнымъ инстинктомъ, къ тому же я не въ силахъ помѣшать этому. Вы гость моего отца, мистеръ Скридъ, и я не имѣю права съ вами ссориться. Скажу вамъ одно: если хоть нѣсколько интересуетесь моимъ душевнымъ спасеніемъ, то воздержитесь отъ возбужденія во мнѣ гнѣва. Я кажется выразился правильно, по вашему. Затѣмъ добраго утра, сударь!

Гнѣвъ достопочтеннаго Поля Скрида нѣсколько сдерживался извѣстнымъ чувствомъ самообладанія и увѣренности въ своей власти. Онъ говорилъ себѣ, что онъ обязанъ гнѣваться, и самъ вѣрилъ въ это. Но, не смотря на то, что онъ считалъ себя по-своему хорошимъ человѣкомъ, въ немъ былъ порядочный запасъ трусости и подлости.

Молодой Джо уже направлялся къ дверямъ, со шляпою въ рукахъ, когда священникъ загородилъ ему дорогу, протянувъ одну руку къ стѣнѣ, другою же ухвативъ край двери.

— Я никакимъ образомъ не отступлюсь отъ совершенія своей обязанности, мистеръ Джозефъ, произнесъ онъ медленно

и ударяя на каждомъ словѣ, какъ обыкновенно говорятъ люди, получившіе уже въ зрѣлнхъ лѣтахъ кое-какое образованіе.—Я не отступаю отъ своего долга и не убоюсь вашего дерзкаго пренебреженія. Моя обязанность предупредить васъ, и я дѣлаю это безбоязненно. Если вы не послушаете моихъ внушеній, то я принужденъ буду прибѣгнуть къ помощи другихъ. Я уже сообщилъ вамъ, что я ворко слѣжу за вами. Я былъ свидѣтелемъ вчера вечеромъ вашего прощанья съ той несчастной дѣвушкой, которую вы стараетесь совратить.

— Какъ! произнесъ молодой Джо, взявъ октавою выше своего обыкновеннаго голоса и говоря довольно сдержанно.

— Я говорилъ съ нею, сказалъ достопочтенный Поль,—я увѣщевалъ ее. Теперь же, имѣя въ виду спасеніе ея души и вашей собственной, я сообщу вамъ и ея родителямъ о томъ, что я знаю касательно этого дѣла.

— А, такъ вы скажете? произнесъ Джо тѣмъ же сдержаннымъ тономъ.

— Я успѣлъ уже убѣдиться въ томъ, что бесполезно обращаться къ могущимъ быть въ васъ благороднымъ инстинктамъ, произнесъ достопочтенный Поль.— Что же касается дѣвушки, которую вы ищите опутать вашими сѣтями, то я убѣдился, и относительно ея, въ неимѣніи инаго способа предохранить ее, кромѣ неусыпнаго надзора.

Въ эту самую минуту произошло нѣчто неожиданное, крайне поразившее троихъ. И трудно рѣшить, кто изъ нихъ оказался болѣе изумленнымъ, а только заявляю о случившемся. Молодой Джо ударилъ достопочтеннаго Поля, препровождая его цѣликомъ въ объятія Бушеля—старшаго, въ эту минуту входившаго въ комнату. Отецъ и сынъ посмотрѣли другъ на друга съ нѣмымъ ужасомъ черезъ полурастаянувшую фигуру священника, такъ какъ молодой Джо изумился собственному поступку не менѣе самого достопочтеннаго Поля. Однако, разъ совершивъ подобный поступокъ, слѣдовало по возможности оправдать его.

— Что все это значить? грозно спросилъ старикъ.

— Этотъ человѣкъ, сказалъ молодой Джо, презрительно указывая на священника, приложившаго ко рту носовой платокъ,—имѣлъ дерзость сказать мнѣ, что онъ уже давно слѣдитъ за мною. Онъ говоритъ, что видѣлъ вчера вечеромъ, какъ я цѣловалъ одну хорошенькую дѣвушку, и заявилъ, что расскажетъ объ этомъ ея матери и моей, для того, чтобы за нами хорошенько присматривали. И онъ имѣлъ дерзость сказать мнѣ,

что ничто, кромѣ усиленнаго надзора, не спасетъ добродѣтели моей... моей... дѣвушки... которую я люблю.

О, неразумный и трусливый молодой Джо! и теперь не было еще слишкомъ поздно: одно честное, откровенное слово могло бы спасти тебя, но ты не рѣшился его выговорить.

— И потому что проповѣдникъ слова Божія, къ тому же старый человѣкъ, обращается къ тебѣ съ честнымъ совѣтомъ и укоромъ, ты спибаешь его съ ногъ! И ты дѣлаешь это въ домѣ отца своего, да еще въ воскресный день!

— Онъ оскорбилъ одну особу, одну даму, которую я искренно и глубоко уважаю. Я, впрочемъ, не хотѣлъ его ударить; я только хотѣлъ выйти изъ комнаты, а онъ стоялъ въ дверяхъ и не пропускалъ меня. Ну если-бы кто сталъ чернить репутацію моей матери до вашего замужества, неужели вы бы его не поколотили?

Старый Джо, невольно вспоминая грѣшки своей молодости, когда онъ нерѣдко, вслѣдствіе болѣе пустыхъ причинъ, не стѣснялся раздавать колотушки вправо и влѣво, не чувствовалъ себя вправѣ быть въ подобномъ случаѣ слишкомъ строгимъ. Однако онъ все-таки сознавалъ, что было нанесено оскорбленіе, которое, такъ или иначе, слѣдовало загладить. Онъ былъ разсерженъ, но еще болѣе озадаченъ, и стараясь скрыть свое затрудненіе, нарочно привидывался еще сердитѣе. Что же касается до молодого Джо, то онъ началъ сознавать себя опаснымъ человѣкомъ, настоящимъ мятежникомъ. Онъ сегодня успѣлъ поколотить уже двоихъ, и теперь страшно стыдился своего подвига. Одинъ изъ побитыхъ былъ къ тому же его лучшимъ другомъ, другой же былъ человѣкъ пожилой и не имѣвшій права, благодаря своей профессіи, отвѣчать ему тѣмъ же. Но чѣмъ сильнѣе онъ стыдился, чѣмъ постыднѣе въ глазахъ остальныхъ долженъ былъ показаться его послѣдній поступокъ, тѣмъ необходимѣе казалось ему облечься въ полнѣйшее презрѣніе ко всѣмъ и ко всему, и дуться, по возможности сохраняя все свое достоинство.

Послышалось шуршанье шелковаго платья и въ дверяхъ комнаты, рядомъ съ мужемъ, появилась миссисъ Бушель. При одномъ видѣ своей матери молодой Джо понялъ всю безнадежность своей самозащиты и опустился на диванъ.

— Что случилось? спросила миссисъ Бушель.

— Вашъ сынъ, произнесъ достопочтенный Поль Сквидъ, отнимая ото рта платокъ, — отвѣтилъ на увѣщаніе, которое вы просили меня ему сдѣлать, побоями.

— Не боями, сказалъ виновникъ съ дивана, ожесточаясь, а однимъ только ударомъ.

— Я не знаю, сказалъ священникъ, — получилъ ли я одинъ ударъ или нѣсколько. Я еще весь потрясенъ подобнымъ насилиемъ.

— Джозефъ, произнесла подошедшая ближе миссисъ Бушель: — оставь этотъ домъ и никогда болѣе не возвращайся въ него.

— Очень хорошо, отвѣчалъ молодой человекъ, вставая. Даже въ ту минуту сердце матери такъ и порывалось къ нему, но сперва ей предстояло исполненіе обязанности и всякая нѣжность должна была теперь смолкнуть. Къ тому же она знала, что сейчасъ-же вступится мужъ; да ей и во снѣ не снилось, что ея единственное дѣтище можетъ когда-либо поженуть ее, даже по ея собственному приказанію.

— Что за пустяки! сердито проговорилъ старикъ. — Это ужъ мое дѣло, выгонять ли сына изъ дома или нѣтъ. Справедливость прежде всего. Положимъ, что Джо виноватъ; но вѣдь намъ еще неизвѣстны подробности дѣла. Ну, ваше преподобіе, теперь ваша очередь. Говорите, чтъ знаете.

Но мистеръ Скридъ молчалъ и миссисъ Бушель все еще уповавшая на вмѣшательство мужа, обратилась вторично къ сыну:

— Оставь нашъ домъ, Джозефъ.

— Очень хорошо, опять проговорилъ молодой Джо, и вышедши изъ комнаты, онъ поднялся наверхъ и началъ укладывать свои пожитки.

Между тѣмъ священникъ разсказалъ всю исторію, и съ своей точки зрѣнія разсказалъ ее справедливо.

— Самъ мистеръ Бэнксъ, человекъ неотличающійся благочестіемъ, сказала миссисъ Бушель, — но Дину я знала еще крошечнымъ ребенкомъ, и она, какъ мнѣ кажется, прекраснѣйшая дѣвушка. Я давно знала, что Джо и она любятъ другъ друга, и всегда думала, что изъ этого что нибудь выйдетъ.

— Къ чорту все это, ваше преподобіе! Да и какая бѣда, если молодой поцѣлуетъ свою возлюбленную, и какое вамъ дѣло чернить ее въ его глазахъ, сказалъ въ сердцахъ старый Джо.

— Я исполнилъ свой долгъ, съ достоинствомъ проговорилъ мистеръ Скридъ.

— Прощать есть обязанность каждаго христіанина, сказала миссисъ Бушель, испуганная звуками, исходившими сверху, гдѣ

молодой Джо усердно увязывалъ сундукъ.—И вамъ самимъ это хорошо извѣстно. Но я заставлю Джозефа на колѣняхъ просить у васъ прощенія, или же онъ покинетъ нашъ домъ.

— Я согласенъ принять его извиненіе, произнесъ достопочтенный Поль, съ дѣйствительнымъ усиліемъ въ пользу милосердія, стоимъ ему таки порядочно.

Миссисъ Бушель поднялась по лѣстницѣ и вошла въ спальню сына. Онъ въ то время поспѣшно обыскивалъ карманы стараго свѣтлаго пальто, и когда вошла его мать, онъ бросилъ его на постель, такъ какъ держалъ его съ вывороченными карманами. Однако то, чего онъ искалъ, еще не было найдено, и онъ, не обращая вниманія на присутствіе матери, видимо продолжалъ искать, проворно перебирая разные документы, старыя письма, вырѣзки изъ газетъ и многое другое, лежавшее въ отворенномъ ящикѣ комода; наконецъ, словно откладывая розыски до болѣе благоприятнаго времени, онъ свалилъ всѣ бумаги въ дорожный мѣшокъ, который и заперъ на ключъ, стянувъ его предварительно ремнями. Мать, повидимому, спокойно и холодно слѣдила за его движеніями, сердце же ея шептало ей со-всѣмъ иное.

— Джозефъ! рѣзко проговорила она, такъ и стремясь къ нему всѣмъ своимъ существомъ.

— Что угодно, матушка? спросилъ онъ, на мгновеніе поднявъ на нее глаза.

— Пойди внизъ и проси прощенія у мистера Скрида, а иначе ты долженъ оставить нашъ домъ.

— Просить его прощенія за то, что онъ оскорбилъ меня! съ горечью воскликнулъ молодой Джо.—Нѣтъ, матушка, поворно благодарю! Что же касается до моего ухода изъ этого дома, то я на это готовъ и даже желаю это сдѣлать. Онъ давно уже пересталъ быть мнѣ пріятнымъ, со всѣми его священниками и молитвенными митингами.

— Знаешь ли ты, къ чему ты стремишься? строго спросила миссисъ Бушель, оскорбленная этимъ послѣднимъ намекомъ.—«Разумный сынъ радуется своего отца, неразумный же презираетъ мать свою. Отказывающійся отъ ученія презираетъ свою душу, внимающій же укору получаетъ вразумленіе». Сейчасъ пойди внизъ и проси прощенія у мистера Скрида, или же уходи изъ нашего дома.

— Очень хорошо, матушка, сказалъ молодой Джо. Такимъ образомъ миссисъ Бушель вернулась внизъ, ничего не добившись.

— Джозефъ, сказала она, обращаясь къ мужу:—я ничего съ нимъ не подѣлаю. Поговори-ка съ нимъ ты.

Старикъ снизу позвалъ сына, и Джо спустился съ сундукомъ на спинѣ и съ дорожными мѣшками въ рукѣ. Онъ оставилъ ихъ за дверями гостиной и вошелъ туда мрачный и сердитый.

— Я все-таки слышалъ рассказъ лишь одной стороны, сказалъ старый Джо, стараясь быть справедливымъ.—Что можешь сказать ты въ свое оправданіе?

— Да я уже сообщилъ вамъ все, что имѣлъ сообщить, отвѣтилъ молодой Джо.—Онъ былъ дерзокъ и вывелъ меня изъ терпѣнія. Я сперва ему сказалъ, что не имѣю правъ ссориться съ нимъ, такъ какъ онъ гость моего отца; затѣмъ я пожелалъ ему добраго дня, но онъ удержалъ меня, сдѣлавшись еще болѣе дерзкимъ.

— Ну, послушай-же, Джо, сказалъ старикъ:—извинись поскорѣе передъ мистеромъ Скридомъ, да отнеси-ка эти вещи обратно наверхъ; будь-же молодцомъ—и забудемъ всю эту исторію.

— Я самъ не прошу мистеру Скриду, проси онъ хоть сто разъ моего прощенія, проговорилъ молодой Джо, сознавая себя въ ту минуту неустрашимымъ мученикомъ;—что-же касается моихъ извиненій, то это окончательно немислимо.

— Въ такомъ случаѣ уходи вонъ отсюда, сказала миссисъ Бушель, все еще продолжая обманывать себя, воображая, что поступаетъ справедливо.

— Вы мнѣ позволите прислать за вещами? сказалъ молодой Джо, указывая на сундукъ и на мѣшокъ.—Прощайте, батюшка! Прощайте, матушка! А вамъ, сударь, совѣтую припомнить заслуженное наказаніе, какое я вамъ нанесъ вотъ этою рукою, первый разъ какъ вамъ вздумается опять быть дерзкимъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Скриду.

И молодой Джо вышелъ, бросивъ этотъ послѣдній, заключительный вызовъ. Онъ чувствовалъ себя очень несчастнымъ и очень сконфуженнымъ; но каждый изъ троихъ оставшихся внутренно сознавалъ, что онъ все-таки былъ безусловно виноватъ. Да и всѣ были нѣсколько сконфужены тѣмъ, что участвовали въ этой жалкой ссорѣ. Достопочтенный Поль чувствовалъ, что зашелъ дальше относительно молодаго человѣка, чѣмъ того требовалъ его долгъ. Мать раскаявалась въ своемъ жестокомъ рѣшеніи и плакала о томъ, что не прибѣгла къ болѣе мягкимъ мѣрамъ. Отецъ сердился на себя, что допустилъ молодаго Джо уйти. Да и самъ юноша, какъ мы это сейчасъ видѣли, былъ

душевно разстроены и огорчены своимъ поведеніемъ. Однако нечего и говорить, что всѣ четверо въ настоящую минуту сюрѣ согласилась бы продѣлать всю сцену съизнова, нежели допустить въ себѣ хоть тѣнь вины.

Едва-ли молодой Джо былъ въ состояніи анализировать тогда свои чувства. Онъ очень любилъ своего отца и очень имъ гордился, не смотря на воспитаніе, во многомъ способствовавшее ослабленію семейныхъ узъ. Къ матери же онъ чувствовалъ гораздо меньшую привязанность. Молодому Джо всегда казалось, что между ними совсѣмъ не существовало симпатіи, и хотя его отрицательная опытность касательно этого предмета была несомнѣнно весьма и весьма ограничена, но она представляла болѣе нежели достаточную преграду въ дѣлѣ усиленія этой привязанности. Сожалѣю, что намъ придется имѣть очень мало дѣла съ этой суровой кальвинисткой, такъ какъ для человѣка, близко ее знаваго, она представляетъ интересный и поучительный типъ. Въ ней было сокрыто несравненно больше любви, чѣмъ кто-либо могъ предполагать, и она любила свое единственное дитя съ такою страстною нѣжностію, что день и ночь только и молилась о томъ, какъ бы не сдѣлать его своимъ «идеаломъ». Такимъ образомъ ей удалось такъ хорошо скрыть свою любовь, что молодой Джо выросъ подъ впечатлѣніемъ, будто самое присутствіе его ей уже непріятно.

И такъ бѣдный молодой человѣкъ поплелся изъ родительскаго дома съ тяжелымъ сердцемъ и съ твердымъ намѣреніемъ больше туда не возвращаться. Мрачно глядѣла на него будущность, такъ какъ онъ не былъ подготовленъ въ какому-либо спеціальному дѣлу или занятію, да и не подмѣчалъ пока въ себѣ никакихъ способностей или наклонностей, могущихъ принести ему пользу. Въ карманѣ у него было всего десять фунтовъ, да могло набраться, при продажѣ кое-какихъ его личныхъ драгоценностей, еще до пятидесяти. Тяжелая безысходность рисовалась яркими красками передъ его встревоженнымъ взоромъ, и не смотря на свое рѣшеніе ни за что не возвращаться, онъ чувствовалъ очень опредѣленное желаніе, чтобы отецъ теперь погнался за нимъ и насильно удержалъ бы его хоть за ухо или за плечо. Тогда онъ охотно бы вернулся, вернулся бы даже постыдно, лишь бы только стыдъ этотъ казался принудительнымъ. Но никто за нимъ не гнался, ни чей усовѣщивающій голосъ не раздавался за нимъ въ слѣдъ, и бѣдный молодой Джо пошелъ дорогою стыда и горя, какою пошла и до него не одна тысяча лучшихъ и худшихъ людей, и все

лишь за неимѣніемъ небольшой доли разумнаго мужества, и вслѣдствіе отсутствія со стороны другихъ единаго родственнаго слова, единаго дружественнаго увѣщанія.

А въ пустынной воскресной улицѣ не представлялось для него ничего ободряющаго, ничего манящаго къ себѣ. Посрединѣ лежала собаченка и занималась ловлею мухъ, жужжавшихъ на солнышѣ вокругъ нея. У молодаго Джо явилось желаніе дать собаченкѣ хорошаго пинка, но онъ воздержался отъ этого и понуро и угрюмо шагалъ дальше. Считалось крайне предосудительнымъ и даже безнравственнымъ въ этомъ укромномъ міровомъ уголѣ курить въ воскресенье на улицѣ, но Джо, чувствуя, что онъ обреченъ покинуть городъ, могъ позволить себѣ преступить его правила и постановленія, вслѣдствіе чего закурилъ сигару и этимъ ожесточился уже окончательно. Онъ избралъ дорогу, ведущую промежъ жалкихъ луговъ, чахлая трава которыхъ была отравлена испареніями сосѣдняго химическаго завода, и шелъ все далѣе, между почернѣвшими и бурными кустами, пока не добрался до канала. Искусственные холмы поднимались высоко по обѣимъ сторонамъ его, съ одной сплошь поросшіе кустарниками и спускался къ самой водѣ, съ другой же тянулся бечевникъ, весь зеленый, за исключеніемъ одной узкой тропы. Вода была стоячая, иначе можно было считать это мѣстечко за весьма изрядный образецъ англійскаго рѣчнаго пейзажа. Искусственные крутизны были довольно внушительны и даже нѣсколько неприступны, а главное ихъ достоинство было то, что онѣ закрывали обезображенную плоскую мѣстность, ихъ окружавшую. Молодой Джо сталъ ходить взадъ и впередъ по бечевнику, съ видомъ человѣка назначившаго свиданіе. Онъ ждалъ уже около часа, пока наконецъ не показалась изъ-за отдаленнѣйшаго пригорка стройная женская фигура, вся въ бѣлой кисеѣ и въ большой соломенной шляпѣ. Онъ стоялъ къ ней спиною; новоприбывшая побѣжала тихонько на ципочкахъ по откосу и съ веселымъ смѣхомъ закрыла ему глаза руками.

— Отгадай, кто это? радостно проговорила она.

Но молодой Джо ничего не отвѣчалъ. Тогда выраженіе лица дѣвушки быстро измѣнилось. Она отняла свои руки и увидала, то что она уже почувствовала раньше: онѣ были влажны отъ слезъ. Она обвила одною рукою его шею, а другою взяла его лѣвую руку и спросила съ нѣжнымъ участіемъ:

— Что случилось, Джо, дорогой мой? Скажи мнѣ, въ чемъ дѣло?

Молодой Джо обернулся, крѣпко поцѣловалъ ее и взялъ обѣ ея руки. Слезы еще виднѣлись въ его унылыхъ глазахъ, и дѣвушка устремила на него взоръ, полный страха и тревожнаго ожиданія.

— Я принесъ тебѣ дурныя вѣсти, Дина, проговорилъ, наконецъ, Джо.—Родители выгнали меня изъ дома, и я принужденъ идти куда-нибудь и проложить себѣ дорогу.

— Выгнали тебя изъ дома? переспросила Дина, широко раскрывъ свои каріе испуганные глаза.

— Да, выгнали изъ дома, мрачно подтвердилъ Джо.—Но не бойся, Дина, я съумѣю позаботиться о насъ обоихъ. Я приищу себѣ какую-нибудь работу и стану трудиться до изнеможенія, но не дамъ никакой нуждѣ коснуться тебя.

— Выгнали изъ дома? опять спросила Дина.—Кто-же выгналъ тебя?

Джо рассказалъ ей объ утреннихъ событіяхъ съ нѣкоторымъ естественнымъ преувеличеніемъ.

— Ты видишь, моя дорогая, что мнѣ не остается ничего иного, какъ уходить и искать себѣ счастья.

— Но, Джо, сказала Дина,—ты не долженъ былъ ударить его, тѣмъ болѣе, что онъ уже пожилой человѣкъ. Не лучше-ли было-бы, дружочекъ, пойти назадъ и сказать, что ты жалѣешь о случившемся?

— Боже мой, Дина! воскликнулъ Джо,—прошу тебя не говорить этого: «не долженъ былъ». И какъ могу я идти домой и сказать, что я сожалѣю о своемъ поступкѣ, когда я вовсе о немъ не сожалѣю; да будь оно и такъ, неужели мнѣ пойти обратно и сказать имъ это для того, чтобы они подумали, что я Богъ вѣсть какъ испугался, и самъ не способенъ проложить себѣ дорогу.

Дина съ минутою стояла серьезная и задумчивая, затѣмъ сказала:

— Я думаю не говорить отцу о томъ, что мы уходимъ?

— Голубушка моя, сказалъ молодой Джо,—теперь я не могу взять тебя съ собой. Т. е. не могу взять сейчасъ-же. Сперва я долженъ уйти одинъ, приискать себѣ какое-нибудь занятіе и устроить для тебя гнѣздышко. Вѣдь не можемъ-же мы бѣжать такимъ образомъ, подобно неразумнымъ дѣтямъ. Но это лишь на самое короткое время, Дина, родная моя, голубушка, не плачь! Вѣдь мы разлучаемся на самое короткое время; будь спокойна, я ужъ объ этомъ позабочусь.

— Я не вижу никакой пользы быть замужемъ, проговорила

Дина, безнадежно опускаясь на насыпь и утирая глаза своимъ маленькимъ кисейнымъ передникомъ,—какая польза быть замужемъ, если жена не можетъ уйти съ своимъ мужемъ, когда его выгоняютъ изъ роднаго дома и ему негдѣ прилонить голову. О Джо, ты меня не оставишь здѣсь, ты не будешь такъ жестокъ! Нѣтъ, Джо, у тебя не хватаетъ духу этого сдѣлать.

Джо опустился съ нею рядомъ на поросшія травою валъ и началъ ее успокаивать, чувствуя себя ужасно виновнымъ. Дина сперва не поддавалась утѣшенію, хотя ласки его невольно успокаивали ее. Но вскорѣ горе замѣнилось маленькою кокетливостью, и молодой Джо увидѣлъ, что побѣда была почти на его сторонѣ.

— Ужь пожалуйста не увѣрай меня, Джо, что твои выгнали тебя навсегда, сказала хорошенькая Дина,—я знаю лучше тебя. Вотъ поймай ихъ на словѣ и попробуй уйти на недѣлю, ты увидишь, какъ они обрадуются твоему возвращенію.

Молодой Джо вполне оцѣнилъ справедливость подобнаго замѣчанія, но оно такъ противорѣчило героическому настроенію его духа, что онъ презрительно и мрачно отвергъ его.

— Это неособенно хорошо съ твоей стороны, Дина, сказала Джо, желая сохранить за собою роль огорченнаго и обиженнаго,—такъ легко относиться въ такому серьезному дѣлу. Я не хочу ронять себя въ своихъ собственныхъ глазахъ и просить, чтобы меня приняли обратно; нѣтъ, ни за что на свѣтѣ! Даже ради тебя, дорогая моя, не могу я этого сдѣлать. Нѣтъ, для тебя я буду работать, буду бороться съ жизнью, но даже ради тебя я не способенъ на подлость.

Это «ради тебя» было сказано съ такою нѣжностью и въ голосѣ его звучало столько самоукора, что дѣвушка обвила его шею руками и поцѣловала его.

— Я знаю, что ты благороденъ и рѣшительнъ, дорогой мой, сказала она,—и я никогда не скажу ничего, чтобы заставило тебя отступить отъ этихъ двухъ качествъ. Нѣтъ, ни единого слова, Джо! И я неблагодарная дѣвчонка, что заставила тебя думать, будто это мое горе, когда на дѣлѣ оно только твое. Да и вправду, какое-же мнѣ особенное горе продолжать жить по прежнему дома съ отцомъ и матерью, до тѣхъ поръ, пока ты не призовешь меня. Не такъ-ли, Джо? Нѣтъ, дорогой мой, я больше не буду горевать о себѣ самой!

Онъ прочелъ въ ея сердцѣ и горячую любовь, и самоотверженіе, и въ головѣ его мелькнула мысль о томъ, что онъ долженъ быть несовсѣмъ дурной человѣкъ, если заслуживаетъ

такую искреннюю любовь. Это нѣсколько успокоило его и въ то-же время внушило больше довѣрія къ правотѣ своего дѣла. Такимъ образомъ онъ заставилъ смолкнуть свою совѣсть и даже началъ обходиться съ нею нѣсколько свысока.

— А можетъ быть все это къ лучшему, сказалъ онъ. — Человѣкъ не долженъ зависѣть отъ всѣхъ и каждаго. Онъ долженъ самъ умѣть о себѣ позаботиться. И я пойду работать и бороться съ жизнью для тебя, Дина, и это поможетъ мнѣ справиться. Когда-же я совью для тебя гнѣздышко... и онъ улыбнулся, созерцая уже оконченную работу, оконченную пока лишь въ воображеніи.

— Ничего, если и не важное гнѣздышко для перваго раза, милый мой, сказала Дина, прижимаясь къ нему въ порывѣ восхищенія; она гордилась всѣмъ: его мужествомъ, его несчастьемъ, его любовью.

— Да, сначала не очень важное, сказалъ Джо, — но впоследствии цѣлый дворецъ.

Онъ сказалъ это, улыбаясь, и она смѣялась его шуткѣ, но минутою спустя оба опять стали серьезны. Не легко-таки оказалось разставаніе. Когда наступила эта тяжелая минута, Джо прижалъ ее къ груди, а она, судорожно рыдая, обнимала его.

— Иди же, милый говорила она, стараясь быть храброй. — Иди и Богъ да благословить тебя, хорешій, дорогой, ненаглядный мой Джо!

При видѣ такого мужественнаго горя, молодой Джо совсѣмъ растаялъ.

— Да, сказалъ онъ, — я и пойду, только я пойду домой, попрошу прощенія у Скрида и я... я скажу отцу, Дина, что мы обвѣнчаны, и если онъ изъ-за этого совсѣмъ со мною расорится, то пусть дѣлаетъ, какъ знаетъ; но я по крайней мѣрѣ буду сознавать, что поступилъ, какъ честный человѣкъ, а не какъ трусъ. Если онъ все-таки выгонитъ меня, то я стану трудиться съ чистою совѣстью и съ увѣренностію, что исполнилъ свой долгъ.

Сознаюсь, что женщины всегда были для меня загадкою и что я вообще ихъ очень мало понимаю; но я постоянно замѣчалъ за ними одну постоянно встрѣчающуюся особенность. Если вамъ разъ удалось пробудить въ женщинѣ увѣренность въ ея охраняющей силѣ и опасности, чувство, свойственное даже самымъ беспомощнымъ женщинамъ относительно самыхъ

устойчивыхъ и твердыхъ людей, то она будетъ оберегать васъ отъ малѣйшаго укола или царапины цѣною самыхъ опасныхъ для себя ранъ или поврежденій. Вотъ почему и Дина отказалась отъ этой справедливой и честной жертвы.

— Нѣтъ, нѣтъ! говорила она, ласкаясь къ нему и въ душѣ боготворя его уже изъ-за одного обѣщанія поступить по справедливости.— Не серди его какимъ либо разговоромъ обо мнѣ, дорогой мой! Да вѣдь ты самъ знаешь, мой ненаглядный, что не будь это ему неприятно, ты бы уже мѣсяцъ назадъ сообщилъ ему все, говорила она, сознательно убивая свои лучшія надежды.— Такъ къ чему же говорить ему теперь, когда онъ и безъ того опечаленъ.

— Да мнѣ все равно, сказалъ Джо, чувствуя себя настоящимъ героемъ.— Вѣдь уже худшаго, чѣмъ онъ сдѣлалъ, мнѣ онъ не сдѣлаетъ. Я пойду и поступлю по совѣсти.

Но Дина удерживала его.

— Нѣтъ, говорила она.— Я не допущу, чтобы ты погибъ изъ-за меня, Джо. И она такъ усердно его упрашивала, что онъ уступилъ, вкусивъ, такимъ образомъ, всю сладость героическаго поступка и не подвергаясь притомъ ни малѣйшей опасности,—сладость которую случалось испытывать и мнѣ самому.

И они опять обнялись и поцѣловались. Джо отеръ ей глазки и взволнованнымъ голосомъ, самъ весь въ слезахъ, обѣщалъ писать ей часто.

— Вѣдь ты уйдешь недалеко отсюда, не такъ ли, дорогой мой? спрашивала Дина, стараясь снова быть храброй.

— Да, да, успокоивалъ онъ ее,—недалеко.

— И вотъ еще что, Джо, дорогой мой, говорила она послѣ минутнаго молчанія и новыхъ несчетныхъ ласкъ и поцѣлуевъ:— не можешь ли ты дать мнѣ мое свидѣтельство о бракѣ?

Она шепнула ему этотъ вопросъ на-ухо, а онъ любовно наклонился надъ нею.

— Конечно, конечно, моя голубушка, отвѣчалъ онъ;— да я и сегодня собирался тебѣ его принести, только ужасно торопился. Оно уложено въ моемъ дорожномъ мѣшкѣ, но я тебѣ его непременно пришло.

— Ты не сердись на меня за то, что я его спросила, Джо?

— Сердиться мнѣ, когда я и безъ того такъ виноватъ передъ тобою? сказалъ онъ;— намъ слѣдовало бы обвѣщаться открыто. Но я вознагражу тебя за это, Дина, вѣдь ты въ этомъ увѣрена?

И такъ они разстались посреди увѣреній, ласкъ, надеждъ и раскаянiя съ его стороны. Джо опять взобрался на обрывъ и оттуда посылалъ ей поцѣлуй. Она отвѣчала ему тѣмъ же и скрылась за кустами.

ГЛАВА III

Миссисъ Бушель сдѣлала все, что было въ ея силахъ, чтобы загладить ужасное оскорбленiе, нанесенное священнику ея сыномъ. А старый Джо сидѣлъ себѣ пока, покуривая въ безмолвiи, и будучи сильно возбужденъ всею этою исторiею, испивалъ болѣе виски съ водою, нежели это могло быть ему полезно. Вдругъ ему блеснула одна свѣтлая мысль и онъ, весь красный и разгоряченный, вышелъ изъ дома. Сперва онъ шелъ тою же дорогою, какую избралъ молодой Джо часа два тому назадъ, только онъ свернулъ нѣсколько, не доходя облѣсѣваго луга и громко позвонилъ у дверей щеголеватого дома, стоявшаго нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги. Чистенькая служанка отворила ему дверь.

— Дома братъ Джорджъ? спросилъ старикъ.

— Дома, сударь, сказала дѣвушка и повела его въ богато-убранную гостиную, гдѣ сидѣлъ, въ креслѣ, у камина, съ виду очень порядочный человѣкъ, съ ногъ до головы одѣтый въ черное сукно.

— Джо-зефъ, произнесъ этотъ очень порядочный человѣкъ, раздѣляя его имя на два отдѣльные и съ промежуткомъ произнесенные слога, — какъ ты поживаешь?

— Джорджъ, сказалъ старый Джо, садясь, — со мною случилась бѣда.

— Неужели бѣда, Джо-зефъ, произнесъ порядочный человѣкъ съ самымъ невозмутимымъ хладнокровiемъ.

— Да, проговорилъ старый Джо, потирая свои сѣдые волосы огромною ладонью. — Я въ большомъ горѣ. Моя Ребекка выгнала моего Джо изъ моего дома, а онъ и впрямь послушался и дѣйствительно ушелъ.

— Скажи на милость, процѣдилъ братъ Джорджъ, тѣмъ же деревяннымъ тономъ, какъ и прежде.

— Да, сказалъ опять старый Джо, — онъ и впрямь послушался и ушелъ.

— За что же она его выгнала? спросилъ братъ Джорджъ.

Старый Джо разсказалъ ему всю исторію вкратцѣ и по-просту, и братъ изрѣдка кивалъ головою, чтобы выразить свое вниманіе къ разсказу. На дѣлѣ же, передаваемое ему интересовало его больше, нежели казалось. Онъ былъ въ дѣйствительности почти такимъ же деревяннымъ, какимъ онъ выглѣдѣлъ, но онъ имѣлъ замѣчательную способность не упускать выгоднаго случая. Деньги онъ видѣлъ телескопическимъ и въ то же время микроскопическимъ глазомъ; онъ чувствовалъ ихъ, онъ чуялъ ихъ подобно гончей, чующей добычу. Джо Бушель составилъ себѣ состояніе при помощи очень выгоднаго предпріятія, имѣлъ по крайней мѣрѣ четверть миліона, а проживалъ едва-ли двадцатую часть своего дохода. Джорджъ занялъ у брата, чтобы начать кое-какія дѣла по подрядамъ; онъ работалъ усердно, жилъ скудно, отказывая себѣ во всемъ, и такъ какъ большая часть состоянія его была составлена помощію вымогательства и вѣлчества, то рабочій народъ ненавидѣлъ его, что было ему извѣстно и что до нѣкоторой степени даже радовало его, такъ какъ оно свидѣтельствовало о его способности къ дѣлу. Это было существо низкое и сваредное, но необладавшее инстинктами активной безчестности. Онъ сповойно, но глубоко ненавидѣлъ молодого Джо потому, что тотъ со временемъ унаслѣдуетъ состояніе своего отца. И не оттого, чтобы Джорджъ когда либо имѣлъ надежду или виды на это состояніе, но прямо потому, что онъ ненавидѣлъ всѣхъ богатыхъ, и былъ способенъ возненавидѣть самыя стѣны какого нибудь банка, только изъ-за того, что за ними хранится много денегъ. И вдругъ, первый разъ въ жизни, его воображенію, хотя и смутно, стала рисоваться надежда или, скорѣе, еще только мечта о томъ, что быть можетъ, со временемъ, къ нему перейдетъ все состояніе его брата Джозефа. Вотъ эта самая смутная надежда и была причиною того, что разсказъ стараго Джо заинтересовалъ его брата.

— Вотъ видишь ли, Джорджъ, сказалъ старикъ, покончивъ съ своимъ разсказомъ, — о чемъ я попрошу тебя. Пойди ты, разъищи мнѣ Джо и возьми его сперва къ себѣ, а главное не принимай никакихъ отговорокъ. Пусть онъ останется у тебя денекъ, другой, пока не поуляжется гнѣвъ Ребекки, а тамъ пускай и возвращается ко мнѣ. Понимаешь?

— Понимаю, сказалъ братъ Джорджъ, — понимаю. А между тѣмъ онъ понималъ больше и дальше, нежели предполагалъ. Онъ, конечно, не желалъ вреда никому; но возможное ли дѣло, чтобы молодой человѣкъ послушался его увѣщаній? Да быть этого не можетъ! Ну а если этотъ заблудшій юноша откажется

его послушать, не станеть ли его отсутствіе источникомъ выгоды для его дяди?—А гдѣ онъ? спросилъ дядя, сообразивъ предварительно все вышеизложенное.

— Видишь ли, сказалъ старый Джо, въ смущеніи потирая себѣ руки,—мы и сами хорошенько не знаемъ, гдѣ онъ именно. Но онъ хотѣлъ прислать за своими вещами.

— А, проговорилъ братъ Джорджъ,—понимаю.

— И я думаю, снова началъ старый Джо,—что онъ прилететь за ними сегодня же вечеромъ. Нашъ Джо вѣчно торопится и все-то ему всегда къ спѣху.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Джорджъ,—не пойти ли мнѣ сперва къ вамъ?

— Именно объ этомъ я собирался тебя просить, отвѣтилъ старый Джо. И они вышли вмѣстѣ.

— Смотри, ни слова хозяйкѣ, прибавилъ Джо.— Джорджъ кивнулъ въ отвѣтъ, въ то же время перебирая въ тяжеловѣсномъ умѣ своемъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли сдержать это обѣщаніе или нѣтъ. Что будетъ выгоднѣе? Онъ ни за что бы не рѣшился ограбить молодого Джо; онъ никого бы не рѣшился ограбить. Воровство поступокъ противозаконный, и хотя методъ совершенно непосредственнаго перевода собственности ближняго въ свой карманъ считался имъ вещь крайне предосудительною, за то придумываніе какого-либо хитраго, косвеннаго плана для приведенія въ исполненіе того же намѣренія считалось имъ вещь весьма похвальною, а самое осуществленіе подобнаго плана—поступкомъ, которымъ слѣдовало гордиться. Короче сказать, братъ Джорджъ былъ настоящій дипломатъ и обладалъ нѣкоторыми несомнѣнными дипломатическими способностями. Онъ умѣлъ, на примѣръ, лгать съ самымъ примѣрнымъ, съ самымъ невозмутимымъ спокойствіемъ, удалявшимъ всякое подозрѣніе. Долголѣтняя практика, конечно, значительно помогла ему развить и усовершенствовать этотъ талантъ, но первоначальнымъ происхожденіемъ его онъ былъ обязанъ самой своей натурѣ. Онъ былъ настолько непроницаемый, что могъ служить прекраснымъ образцомъ торійскаго министра. Его почтенная наружность, гладко вѣбритая, за исключеніемъ весьма почтенныхъ сѣдыхъ бакъ, обладала неподвижностью маски. Такъ какъ онъ не имѣлъ обыкновенія лгать безъ существенной къ тому надобности, то его обыкновенно считали правдивымъ человѣкомъ. Впрочемъ не онъ играетъ въ нашей исторіи роль мерзавца, не имѣющей между прочимъ и претензіи изобразить такового вполне,—и всѣ, знавшіе его, считали его человѣкомъ весьма порядочнымъ, обязан-

нымъ всѣмъ исключительно своей неутомимой дѣятельности и энергіи и дѣлавшимъ честь своему положенію въ обществѣ. Деревянная неповоротливость его манеръ и внушительно-торжественная протяжность его разговора были главною причиною вѣры всей семьи въ его премудрость, и во всѣхъ важныхъ семейныхъ дѣлахъ онъ былъ неоспоримымъ авторитетомъ.

Достопочтенный Поль Скридъ уже оставилъ домъ, когда братья вошли въ него. Миссисъ Бушель сидѣла въ кухнѣ; передъ нею была открыта огромная библія и она съ усердіемъ и вѣрою отыскивала себѣ утѣшеніе въ изрѣченіяхъ Аввакума. Есть люди, находящіе христіанскую философію въ пѣсняхъ Соломона и выносящіе удовлетвореніе даже изъ чтенія Екклесіаста, и миссисъ Бушель принадлежала къ таковымъ. Но въ эту горестную минуту едва-ли могла ее утѣшить и успокоить филиппика противъ халдеянъ, «этого злобнаго и безразсуднаго народа».

— Братъ Джорджъ, произнесла она, когда вошла сія почтенная особа:—Джозефъ былъ у тебя за совѣтомъ?

— Ребеккеръ, отвѣчалъ братъ Джорджъ съ подобающе торжественностью,—тебѣ извѣстно, какъ я всегда придерживаюсь правды, одной только правды, и потому скажу, что насколько мнѣ самому извѣстно, Джозефъ пришелъ именно съ подобнымъ намѣреніемъ.

— «Зачѣмъ, читала миссисъ Бушель, прослѣживая указательнымъ пальцемъ обличительныя строки въ огромной библіи,—зачѣмъ показываешь ты мнѣ неправосудіе и разоблачаешь предо мною скорбь и печали? Меня окружаетъ хищничество и насиліе, со всѣхъ сторонъ возникаетъ борьба и смуты. Вотъ почему законъ ослабѣлъ и правосудіе изсякло: ибо нечистивые замышляютъ противъ праведныхъ и происходитъ потому неправильное осужденіе».

— Ну не сердись, Ребеккеръ, говорилъ братъ Джорджъ успокоивающимъ тономъ,—мальчики всегда будутъ и останутся мальчиками; что съ нихъ возьмешь?

— Не будь они мальчиками, они и не были бы ими, сказалъ старый Джо, съ отгнѣвомъ своего обычнаго юмора.

— Джозефъ! укоризненно проговорила миссисъ Бушель.

— Беккей, душа моя! сказалъ старый Джо, наклоняясь надъ ея стуломъ и кладя свою тяжелую руку ей на плечо.

Она вся встrepенулась отъ этой мольбы, такъ какъ въ

сердцѣ ея было много женской нѣжности. Затѣмъ она вдругъ выпрямилась и опять повела пальцемъ по увѣщательному тексту.

— Вотъ мой руководитель, Джозефъ, произнесла она не твердымъ голосомъ, такъ какъ она была очень разстроена и ея «мирскія влеченія», какъ она ихъ называла, сильно волновали ея сердце.

Старый Джо отодвинулся отъ спинки ея стула, а братъ Джорджъ усѣлся съ выраженіемъ глубочайшей премудрости на лицѣ и съ выжидательнымъ видомъ человѣка, у котораго не премѣнно попросить совѣта. Нѣсколько минутъ царствовало молчаніе; затѣмъ миссисъ Бушель подняла голову и спросила:

— Что ты совѣтуешь сдѣлать, братъ Джорджъ?

— Вотъ видишь ли, сказалъ братъ Джорджъ, многозначительно подмигивая старому Джо:—мой совѣтъ не спѣшать, а сперва хорошенько обдумать.

— Да, сказалъ старый Джо, кивая на брата;—повременитъ день-другой, и онъ навѣрное одумается.

— Джозефъ, сказала миссисъ Бушель съ обычною торжественностью:—если ты предполагаешь, что разрывъ этотъ можетъ загладиться инымъ способомъ, нежели его раскаяніемъ, то ты будешь тщетно дожидаться этого. И не думай, чтобы я измѣнила свое рѣшеніе. Въ подобномъ случаѣ слѣдуетъ поступать по долгу, вотъ мое послѣднее слово.

Джо, присворбно кивая головою, смотрѣлъ на брата Джорджа, и Джорджъ отвѣчалъ ему тѣмъ же. Дѣла начинали принимать для брата Джорджа весьма благопріятный оборотъ, и если все еще пока было подернуто туманомъ неизвѣстности, то можно было все-таки ожидать, что со временемъ туманъ этотъ разсѣется. Не смотря на это пріятное внутреннее сознаніе, братъ Джорджъ смотрѣлъ на брата съ невозмутимою торжественностью. Ему сильно хотѣлось обратиться съ серьезною просьбою къ невѣсткѣ, увѣщевая ее быть по-нисходительнѣе, чтобы этимъ способомъ заставить ее еще рѣшительнѣе высказать отреченіе отъ своихъ же желаній, но только онъ опасался подобнаго эксперимента.

— Беккей, заговорилъ опять старый Джо, расчувствовавшійся еще болѣе вслѣдствіе недавнихъ возліаній:—Беккей, вѣдь ему ужъ больно плохо пришлось. Священникъ наговорилъ ему всякихъ непріятныхъ вещей про его возлюбленную; чего же удивительнаго, что Джо на это обидѣлся. Беккей, онъ спросилъ меня передъ тѣмъ, какъ ты вошла въ комнату, что бы я сдѣлалъ, если-бы кто наговорилъ мнѣ всякихъ вещей про тебя до

нашей свадьбы. Полагаю, что я не очень-то посмотрѣлъ бы на того, кто мнѣ это сказалъ, кто онъ тамъ ни будь, и, добавивъ онъ, ударивъ кулакомъ одной руки по ладони другой,— такъ бы его славно отволоктилъ, будь я хоть убитъ въ слѣдующую минуту.

Братъ Джорджъ мрачно закивалъ головой, какъ-бы одобряя сказанное, такъ какъ оно казалось ему нетребующимъ подтвержденія аргументомъ въ пользу молодаго Джо. Но миссисъ Бушель оставалась непреклонна.

— Я сказала свое послѣднее слово, Джозефъ. Онъ ударилъ проповѣдника слова Божія, да еще въ родительскомъ домѣ и въ воскресенье, и если подобный поступокъ не требуетъ извиненія, то мнѣ больше ничего не остается сказать.

Братъ Джорджъ опять утвердительно закивалъ, такъ какъ и подобный взглядъ на вещи казался ему непреложнымъ.

— Повремени, онъ одумается. увѣщевалъ старій Джо.

— Пусть его одумывается, Джозефъ, сурово проговорила мать.—Когда наскучать ему скитанія блуднаго сына, онъ опять къ намъ вернется, только думаю, что сперва придется таки ему довольно круто.

Съ этими словами она вышла изъ комнаты, а старій Джо съ мрачнымъ и опечаленнымъ лицомъ подвинулъ къ брату стаканъ съ виски и табакъ. Оба угрюмо молчали, пока кто-то не постучалъ въ дверь.

— Кто тамъ? спросилъ старій Джо, вставая.

— Да насколько мнѣ самому извѣстно, одинъ молодчикъ по имени Боукеръ, отвѣчалъ голосъ съ темной улицы.

— Войдите, Уильямъ, сказалъ старій Джо дрожащимъ голосомъ.— Что же вамъ требуется?

— Да сынъ вашъ въ гостиницѣ Дедлея, сказалъ мистеръ Боукеръ, входя въ кухню,—и онъ прислалъ меня за своими вещами. Онъ говоритъ что сегодня же вечеромъ ѣдетъ въ Брюмпажемъ, а завтра утромъ въ Лондонъ.

— Пойди-ка въ нему, да поговори съ нимъ словечко, Джорджъ, сказалъ старій Джо.—Не пускай мальчика дальше Брюмпажема. Пусть онъ тебѣ скажетъ, гдѣ онъ тамъ остановится, и мы уже позаботимся о немъ. Только смотри, Джорджъ, не говори ему, что я на него не сердить. Смотри же! Говори ему все какъ будто отъ одного себя. Понимаешь?

— Понимаю, сказалъ братъ Джорджъ. Могло ли что-либо быть сподручнѣе и удобнѣе подобнаго порученія для порядочнаго человѣка, желавшаго упрочить за собой кабую-нибудь вы-

году и въ то же время боявшася совершить преступленіе? Вѣдь въ данномъ случаѣ на совѣсть его не могло лечь даже и тѣни лжи. Ему оставалось лишь одно—говорить всю правду, исполняя такимъ образомъ предписанія и въ то же время нарушая ихъ. Миссисъ Бушель была неумолима и требовала извиненія; мужъ же ея желалъ казаться очень разсерженнымъ. А Джорджъ отлично понималъ, что въ настоящую минуту никакого извиненія не добьешься отъ племянника, и потому не безъ удовольствія помышлялъ о свѣтлыхъ надеждахъ въ будущемъ.

Молодой Джо сидѣлъ угрюмый и одинокій въ курительной въ гостиницѣ Дедлея, поджидая возвращенія своего посланнаго, когда вошелъ дядя Джорджъ и съ торжественнымъ видомъ сѣлъ противъ него.

— Пресеверная эта исторія, Джо-зефъ, произнесъ онъ, покачивая головой.—Твой отецъ и мать все мнѣ рассказали. Не могу связать, что бы ты былъ совершенно неправъ, т. е. окончательно; но, знаешь ли, подобный поступокъ ужасенъ, просто ужасенъ! Только, видишь ли, мой милый, продолжалъ онъ, стараясь поддѣлаться подъ искренній и участливый тонъ, сейчасъ же подѣйствовавшій на бѣднягу, не смотря на всю свою ненатуральность, такъ у него наболѣло и изныло сердце:—кровь все-таки гуще воды, и тамъ что ни говори и не дѣлай, а ты все-таки остаешься моимъ племянникомъ, а я твоимъ дядею. Ну скажи же ты мнѣ, что ты теперь намѣренъ дѣлать? Дома тамъ на тебя ужасъ какъ злы, страшно и вспомнить.

— Пойду самъ трудиться и прокладывать себѣ дорогу, связалъ молодой Джо.—Я не боюсь!

— Еще бы! чего жъ тебѣ бояться, такому здоровому молодчинѣ! Какая же тутъ боязнь. Но дѣло не въ томъ, голубчикъ; а скажи ты мнѣ вотъ что: какъ ты пойдешь съ пустымъ карманомъ.

— Да у меня кое-что наберется. Я не то чтобы совсѣмъ безъ денегъ, отвѣчалъ Джо.—Къ тому-же мнѣ еще немного должны.

— Ну положимъ, что и такъ, хотя, скажу по правдѣ, ты такой же горячій, какъ твой отецъ съ матерью. А скажи мнѣ, куда ты для примѣру собираешься?

— Да мнѣ бы хотѣлось въ Америку, если-бы только удалось, промолвилъ молодой Джо.

— Вотъ тебѣ на! въ Америку? Ужъ не будетъ ли больно далеко?

— Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше, съ горечью проговорилъ Джо.

— Нѣтъ, нѣтъ, Джозефъ, сказалъ дядя Джорджъ, — не говори этого. Но ужь если ты рѣшилъ это, то я... Нѣтъ, нѣтъ, Джозефъ, пустое, и не думай объ этомъ!

— Да, я хочу и побѣду! сказалъ Джо. — Хотя бы мнѣ пришлось заработать свой переѣздъ. Тамъ, въ Америкѣ, по крайней мѣрѣ свободно, мѣста много.

— Ну, полно-же говорить глупости, сказалъ дядя Джорджъ.

— Да ей-же Богу! воскликнулъ молодой человѣкъ, вскакивая и уже ощущая въ себѣ пылъ счастливаго изслѣдователя; — вотъ увидите сами, глупости это или нѣтъ. Говорю я вамъ, сударь, что сдѣлаю, и сдѣлаю!

— Только я никакъ не допущу, чтобы ты зарабатывалъ свой переѣздъ, проговорилъ дядя Джорджъ; — нѣтъ, этому не бывать, пока у тебя есть дядя, который въ состояніи помочь тебѣ. Нѣтъ, нѣтъ, Джозефъ, этому уже никакъ не бывать!

— Вы очень добры, дядя, говорилъ Джо, — но я не могу принимать отъ васъ помощи. И онъ внутренно изумлялся тому, какъ это онъ до сихъ поръ не замѣтилъ, что дядя Джорджъ такъ добръ.

— Обожди-ка здѣсь маленько, сказалъ благодѣтельный дядя, вставая и лисей походкой пробираясь вонъ изъ комнаты; онъ вскорѣ вернулся съ листомъ почтовой бумаги и съ чернильницей, молча усѣлся и сталъ писать медленно и тяжеловѣсно. Затѣмъ онъ вытащилъ записную книжку, изъ которой, послѣ продолжительнаго обыска, вынулъ штемпельную росписку. Уставясь во всѣ глаза на Джо, онъ памочилъ ее объ языкъ, приклеилъ къ бумагѣ и, растопыривъ локти и наклонивъ голову къ столу бокомъ, также медленно сталъ подписывать этотъ документъ. Джо слѣдилъ за всѣмъ этимъ, не понимая, для чего все это дѣлается, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, листъ, сперва тщательно просушенный у огня, не очутился въ его рукахъ. У Джо выступили на глазахъ слезы умиленія, и не столько ради подарка, какъ ради доброты дарящаго.

— Благодарю васъ, дядя, сказалъ молодой Джо, — да благодарить васъ Богъ за вашу доброту; вы мой единственный другъ.

— Если-бы они знали, что я такимъ образомъ помогъ тебѣ, они бы мнѣ никогда этого не простили, сказалъ его единственный другъ, въ эту минуту дѣйствительно говорившій правду. — Но куда бы ты не пошелъ, Джо-зефъ, помни всегда, что я тебѣ другъ. Смотри, пиши мнѣ всегда, непременно пиши.

Засимъ, благодѣтельный дядя пожалъ руку племянника и оставилъ его одного. Молодой Джо сидѣлъ, упершись локтемъ о столъ и глядѣлъ ему вслѣдъ съ любовью и признательностію. И какъ это онъ до сихъ поръ не умѣлъ оцѣнить дядю Джорджа?

— Добрѣйшій человѣкъ! громко произнесъ онъ въ порывѣ энтузіазма; — прекраснѣйшее, благороднѣйшее существо!

И онъ положилъ въ карманъ данный ему чекъ на сто фунтовъ, съ горячими слезами благодарности.

ГЛАВА IV.

Молодой Джо сидѣлъ на своей постелѣ въ воннатѣ, занимаемой имъ въ Дидлейской гостинницѣ, поздно вечеромъ того же памятнаго для него воскресенья, съ сердцемъ, еще преисполненнымъ благодарности великодушному дядѣ, и съ головою, наполненною думами о своемъ неожиданномъ и новомъ положеніи. Съ помощію такихъ блестящихъ средствъ для начала, ему казалось просто невозможнымъ потерпѣть неудачу. На дѣлѣ, какъ всякому извѣстно, неособенно далеко уѣдешь съ сотнею фунтовъ; но для начинающаго это все-таки довольно кругленькая сумма, и молодой Джо уже видѣлъ себя въ воображеніи богатымъ.

«Такъ или иначе, но я съумѣю составить счастье моей милой Диночки, думалъ онъ. Мысль о ней преслѣдовала его и наполняла его душу самымъ жгучимъ раскаяніемъ. — Бѣдное дитя, говорилъ онъ себѣ, — надо непременно послать ей брачное свидѣтельство». Съ этими словами онъ открылъ свой дорожной мѣшокъ, вывалилъ всѣ беспорядочно всунутыя туда бумаги на коверъ и принялся отыскивать свидѣтельство о бракѣ между Джозефомъ Бушелемъ, холостымъ, и Диною Бэнксъ, дѣвицею. Сперва онъ сталъ быстро и увѣренно перебирать бумаги, затѣмъ на лицѣ его показалось нѣкоторое недоумѣніе, и онъ перебралъ ихъ вторично и на этотъ разъ внимательнѣе; наконецъ, осмотрѣвъ въ отдѣльности каждый клочокъ, онъ вывернулъ всѣ свои карманы, открылъ сундукъ, перебралъ его содержимое, но все-таки безуспѣшно, и кончилъ тѣмъ, что усѣлся на его крышкѣ, среди своихъ разбросанныхъ вещей, и въ досадѣ на неудачу перебилъ всюю пятернею свои спутавшіяся волосы.

«Къ чорту все это! воскликнулъ Джо. — Я увѣренъ въ томъ,

что оно гдѣ нибудь тутъ. Надо будетъ поискать днемъ». Съ этимъ обѣщаніемъ, даннымъ себѣ въ утѣшеніе въ виду почти вѣрной потери, онъ раздѣлся и легъ въ постель. Ночь прошла для него почти безъ сна, такъ какъ умоляющее лицо Дины не покидало его ни на минуту, и онъ чувствовалъ себя поочередно то подлецомъ, то героемъ, вспоминая сцену съ священникомъ. Свѣча догорѣла и потухла. Луна бросила въ его комнату одинъ изъ своихъ лучей, скользнувшій тихо-тихо по ковру и тихо-тихо поднявшійся вдоль камина, а Джо все не переставалъ ворочаться и вздыхать; лучъ добрался, наконецъ, до зеркала, поползъ вдоль стѣны, тихо спустился къ окну и свѣтъ его померкнулъ и погасъ окончательно. Тогда ласточки, поселившіяся подъ кровлею у водосточныхъ трубъ, начали чиривать, и заря стала заниматься. Джо поднялъ штору, закурилъ сигару и сталъ вглядываться въ послѣдній разъ въ столь хорошо знакомую ему улицу. Послѣдній сознательный взглядъ. По крайней мѣрѣ всякій разъ, какъ воспоминаніе рисовало ему впослѣдствіи картины прошлаго, оно неизмѣнно рисовало ему и эту картину, съ сѣрымъ, едва занимавшимся днемъ, чуть-чуть освѣщавшимъ запертыя ставни лавокъ, даже съ неизмѣнно звучащимъ въ ухахъ его всякій разъ мѣрнымъ шагомъ городского стража, стерегшаго пустынную улицу.

Что же касается меня самого, то я долженъ сознаться, та или иная причина такъ часто заставляли меня измѣнять весь образъ жизни и начинать ее съизнова, что ощущенія мои относительно этого предмета совершенно притупились. Но въ настоящую минуту, стараясь мысленно поставить себя на мѣсто молодого Джо, я невольно переношусь въ тотъ періодъ, когда я впервые испыталъ на себѣ всѣ впечатлѣнія этого грустнаго и въ то же время вдохновляющаго фазиса моего существованія. Припоминаю я тѣ сердечныя томленія и безграничное чувство свободы, — сожалѣнія о прошлыхъ заблужденіяхъ и искреннѣйшія обѣщанія исправиться въ будущемъ, — теплую дружбу къ повинутымъ друзьямъ, надежду съ ними встрѣтиться и твердое намѣреніе вернуться торжествующимъ побѣдителемъ.

Все это переполняло сердце молодого человѣка, и не будь тѣхъ неприятныхъ сообщеній дяди Джорджа о настроеніи его отца съ матерью, онъ охотно бы вернулся домой, чтобы проститься, съ затаенною надеждою на то, что прощаніе совсѣмъ не состоится. Стыдъ тянулъ его въ обѣ стороны, то домой, то прочь отъ своихъ. Въ концѣ концовъ онъ рѣшилъ, что нечего было и думать о возвращеніи. Онъ сталъ улаживать вещи,

сперва тщательно и съ особымъ вниманіемъ, но когда дошелъ до бумагъ, которыя собирался было просмотрѣть снова, то самъ не зная почему, бросилъ ихъ всѣ, какъ попало, въ мѣшокъ со словами: «дорогой ихъ еще переберу», и сталъ уныло дожидаться пробужденія жизни въ гостинницѣ.

При первомъ звукѣ отворяемыхъ дверей онъ позвонилъ и спросилъ у заспаннаго и неопрятнаго лакея росписаніе поѣздовъ въ Лондонъ. Въ тѣ времена желѣзная дорога еще не доходила до окраины городовъ Черной провинціи, но почти изъ всѣхъ ихъ отправлялись omnibusъ къ большой Ньюстритской станціи въ Бирмингамъ, тогда считавшейся чудомъ искусства, вслѣдствіе своей огромной стеклянной крыши, и постоянно привлекавшей огромныя толпы зѣвакъ. Оказалось, что diligencъ отправлялся лишь часа черезъ четыре. Онъ спустился и усѣлся одинъ въ мрачной столовой, куда явилась, наконецъ, дѣвица въ папильоткахъ и, на его просьбу дать ему позавтракать, принесла, часъ спустя, невзрачную сѣроватую яичницу съ ветчинною и какою-то урну британскаго металла, на подобіе погребальной, заключавшую жидкое, темноватаго цвѣта вещество, которое дѣвица въ папильоткахъ обозвала кофеемъ. Засимъ онъ все также уныло потребовалъ счетъ и, приказавъ послать съ omnibusомъ свой багажъ, дошелъ самъ пѣшкомъ. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ, онъ становился все бодрѣе и увѣреннѣе. Въ настоящее время города до того разрослись, что многіе изъ нихъ, пожалуй, скоро встрѣтятся и сольются, а нѣкоторые изъ живущихъ теперь быть можетъ увидятъ, какъ Лондонъ, соединившись съ своими разбросанными по всей средней Англии частями, образуетъ одинъ общій и гигантскій городъ. Но въ тѣ времена кругомъ центральнаго Бирмингама было еще много полей и роцъ, и то тамъ, то сямъ, заяцъ перебѣгалъ дорогу Джо, а разъ онъ остановился, наблюдая за хорькомъ, бѣжавшимъ вдоль изгороди, гоняясь за сѣрымъ кроликомъ. Черный дроздъ заливался на сосѣднемъ вязѣ, и любопытныя головы жеребятъ перетягивались черезъ калитки, отдѣлявшія ихъ отъ дороги; солнце ярко сіяло и дулъ теплый вѣтеръ. Джо не желалъ никакому существу на свѣтѣ, и самое горе пока легко давалось ему. Онъ шагаль дальше, напѣвая отрывки любимыхъ пѣсенъ и помышляя о самыхъ грандіозныхъ намѣреніяхъ. Въ Калифорніи было такъ много золота. Джимъ Бруксъ, сынъ портнаго изъ Гайстрита, нашелъ же тамъ слитокъ, вѣсившій двѣсти унцій. Золотопромышленность представляла тогда легчайшее и вѣрнѣйшее средство къ обогащенію, и сколь многимъ удавалось

нажитъся этимъ способомъ. Отчего же не удастся и ему? Пѣсни Генри Ресселя были тогда въ большомъ ходу и молодой Джо весело откликался жаворонку и дрозду словами одной изъ любимыхъ предприимчивою молодежью пѣсенокъ, звучавшей въ ушахъ столь многихъ изъ тогдашнихъ переселенцевъ и искателей счастья.

Онъ размѣнялъ чекъ дяди Джорджа въ Ллойдскомъ банкѣ и все на золото, вѣроятно подѣ впечатлѣніемъ своихъ золотыхъ мечтаній о неистопаемыхъ пріисвахъ. Кредитная бумага такой жалкій посредникъ между богатствомъ и бѣдностію. Ее можно, конечно, обратить въ золото, но сама по себѣ она не имѣетъ его магической силы и прелести. Самъ я не особенный любитель денегъ, а между тѣмъ есть и для меня что-то притягивающее въ звонѣ золотыхъ монетъ; въ шуршаніи же кредитныхъ бумагъ мнѣ всега слышится какое-то шипѣніе, какой-то шелестъ, шепчальцѣй мнѣ: «я скоро улечу». Уложивъ свой свертокъ золота въ кожаный мѣшокъ, а затѣмъ во внутренній карманъ жилета, Джо направился къ станціи, поджидая прихода дилижанса. Случилось такъ, что въ силу стараго обыкновенія дѣлать все осмотрительно, не торопясь, или же вслѣдствіе какой-либо другой случайности, но рожекъ стараго Тома раздался въ Ньюстритѣ съ четверть часа позднѣе обыкновеннаго, когда поѣздъ уже пыхтѣлъ, собираясь уходить. Джо, предварительно запасшійся билетомъ, позвалъ носильщика, впопыхахъ приказавъ ему сдать вещи на лондонскій поѣздъ, успѣлъ еще при себѣ велѣть наклейть билетъ, едва самъ не опоздалъ и былъ поглощенъ темнотою тунеля, раньше чѣмъ осмотрѣлся на своихъ сосѣдей. Свѣтъ, снова ворвавшійся, обнаружилъ цвѣтущую фізіономію мистера Сиднея Честона, протанувшаго ему руку съ громкимъ привѣтствіемъ. Джо пожалъ ее нѣсколько сконфуженно, но пріятель его, видимо, хотѣлъ обратить въ шутку происшествіе предъидущаго дня, и намѣренно старался быть дружелюбнѣе и привѣтливѣе обыкновеннаго. Въ Ковентри они остались вдвоемъ и, подкупивъ кондуктора пол-кроною (какъ это обыкновенно дѣлали всѣ молодые британскіе джентльмены до того счастливаго дня, когда внукъ Бригелая Шаридана подарилъ насъ курильными вагонами), они стали усердно курить. Пришлось такъ, что Джо наконецъ расчувствовался и, извинившись вторично, излилъ передъ собесѣдникомъ все свое сердце, продолжая начатый разговоръ такимъ образомъ:

— Я въ чертовски-сѣверномъ положеніи, дружище! Сказать

по-правдѣ, я весь день вчера былъ въ ужаснѣйшемъ расположеніи духа, иначе я ни за что бы не обошелся такъ дурно съ тобою.

— Пожалуйста, больше ни слова объ этомъ, сказала Честонъ.— Я совсѣмъ не имѣлъ намѣренія тебя оскорбить, но все-таки былъ кругомъ виноватъ.

Молодые люди еще разъ пожали другъ другу руку и Джо продолжалъ:

— Когда я вернулся домой, то засталъ тамъ священника. Признаться, онъ человѣкъ недурной и я очень жалѣю о случившемся; но дѣло въ томъ, что я былъ страшно золъ, а онъ наговорилъ мнѣ дерзостей, ужасно надоѣлъ мнѣ и еще больше озлилъ меня, я и приволотилъ его!

Честонъ всѣми глазами уставился на Джо и вдругъ разразился громкимъ хохотомъ.

— Свирѣпый же ты, Бушель, нечего сказать, смѣялся онъ.— Вѣдь за это слѣдуетъ отлученіе отъ церкви и тому подобныя штуки.

— Онъ дисидентскій священникъ и, проговорилъ Джо сконфуженнымъ голосомъ, — человѣкъ, котораго я вообще очень уважаю.

Непочтительный Честонъ такъ и заливался самымъ неудержимымъ хохотомъ; наконецъ, едва переводя духъ, спросилъ:

— Вотъ-то, я думаю, поднялась изъ-за этого суматоха?

— Еще какая! печально проговорилъ Джо.— Мать велѣла мнѣ извиниться, или же оставить домъ и никогда больше не возвращаться. Я не могъ извиняться. Это было совершенно невымыслимо.

— Еще-бы, по принужденію, продолжалъ смѣяться Честонъ.— Будь извиненія такъ же дешевы какъ черника, я и тогда не извинился бы по принужденію. Ну, и что-же?

— Ну, однимъ словомъ, дѣло все кончилось тѣмъ, что я теперь на дорогѣ въ Америку.

— Быть не можетъ! воскликнулъ Честонъ.

— Да, тупо проговорилъ Джо, — я теперь на дорогѣ въ Америку. Затѣмъ, нѣсколько приободрившись, онъ прибавилъ:— я попытаю счастья у Тихаго океана, тамъ, въ золотыхъ приискахъ.

— А знаешь-ли, воскликнулъ Честонъ, оглядывая его завистливымъ взоромъ:— я бы и самъ не прочь отъ этого. Вотъ бы штуку удрать! Да нѣтъ, грустно прибавилъ онъ, — отецъ и слушать не станетъ. Но скажи, ты вѣдь дѣйствительно отправляешься? И когда?

— Да, я дѣйствительно отправляюсь и теперь, сейчасъ же, отвѣчалъ Джо.

— Не забылъ ли ты, что я тебѣ кое-что долженъ? сказалъ Честонъ, стараясь намѣренно загладить этимъ вчерашнюю некрасивую выходку Джо.—Тридцать фунтовъ, если не ошибаюсь. Заѣзжай-ка теперь ко мнѣ, и я тебѣ ихъ отдамъ.

— Нѣтъ, сказалъ Джо, также стараясь позабыть неприятное воспоминаніе;—если тебѣ все равно, Честонъ, то лучше оставь ихъ у себя, пока я самъ не спрошу. Теперь у меня денегъ довольно; но современемъ легко можетъ случиться въ нихъ недостатокъ, и тогда онѣ мнѣ пригодятся. Будь моимъ банкиромъ; когда деньги мнѣ понадобятся, то я за ними пошлю.

— Хорошо, сказалъ Честонъ, и разговоръ перешелъ на Калифорнію, о которой оба сообщили другъ-другу что знали, и сообщенія эти, по большей части, настолько уклонялись отъ правды, что даже переходили въ область чудеснаго.

— Но что принудило тебя ѣхать черезъ Лондонъ? спросилъ Честонъ.—Вѣдь ближайшая дорога лежитъ на Ливерпуль.

— Такъ-то такъ, сказалъ Джо.—Но—и онъ нѣсколько покраснѣлъ—все это случилось такъ неожиданно... и, поправдѣ сказать, я окончательно рѣшился лишь сегодня, идя въ городъ, чтобы поспѣть къ этому поѣзду. Лондонъ какъ-бы первый пунктъ, куда всѣ стремятся, и представляетъ изъ себя въ нѣкоторомъ родѣ ось, спицы которой расходятся во всѣ стороны.

— Что-жъ, по моему рѣшительно безразлично, куда именно отправляется человѣкъ, лишь бы самъ онъ былъ способный, предприимчивый и не отступался отъ разъ предпринятаго, сказалъ Честонъ съ тѣмъ счастливымъ спокойствіемъ и съ тою непоколебимою увѣренностью, которая характеризуетъ большинство молодыхъ англичанъ, удивляющихъ свѣтъ своею рѣшительностью, отважностью и неустрашимостью.

— Да я и во всякомъ случаѣ не допущу себя упасть духомъ, храбро проговорилъ молодой Джо.—Деньги еще не составляютъ всего на свѣтѣ; не удастся добыть много, съумѣю обойтись и съ малымъ.

— Конечно, конечно, отвѣчалъ Честонъ;—къ тому же папаша твой навѣрное скоро образумится. Вѣдь ты, кажется, единственный сынъ?

— Я ихъ единственное дитя, отвѣчалъ Джо голосомъ, нѣсколько дрожавшимъ отъ волненія.—Да, мнѣ не слѣдуетъ оста-

ваться тамъ слишеомъ долго; оба они уже стары, неособенно ерѣпки, жаль было бы вернуться и не застать ихъ въ живыхъ.

— Ты долженъ имъ писать, успокоивалъ его Честонъ.

Съ этой минуты разговоръ совсѣмъ не клеился. Молодой Джо опять начиналъ падать духомъ. Однако теперь, когда первый шагъ уже сдѣланъ, было совершенно немислимо возвращаться, не предпринявъ предварительно хоть что-нибудь. Остальная часть дороги до Лондона прошла почти въ безмолвіи. Сейчасъ-же по прибытіи, оба отправились получать свой багажъ. Первымъ получилъ свой Честонъ; послѣ долгаго промежутка появилась одна изъ собственности Джо—его сундукъ. Наконецъ, весь товарный вагонъ былъ разгруженъ, но мѣшка все-таки нигдѣ не оказалось.

— Его вѣрно выгрузили въ Ручби, сударь, отвѣчалъ кондукторъ на требованія молодого человѣка.—Мы пошлемъ за нимъ; а куда прикажете вамъ его доставить?

Джо далъ адресъ одной изъ гостинницъ въ Ковентгарденъ и отправился туда на извозчикѣ. Честонъ сопровождалъ его и они отобѣдали вмѣстѣ. На слѣдующее утро Джо освѣдомился о ближайшей и прямѣйшей дороги въ Калифорнію, и узналъ впрочемъ весьма мало дѣйствительно примѣнимаго на практикѣ, для самого себя, такъ какъ не имѣлъ и понятія о томъ, какъ взяться за дѣло; онъ только бродилъ по докумъ, останавливая на себѣ взоры тѣхъ моряковъ, которые въ данную минуту обрѣтались въ бездѣйстви. Онъ рѣшилъ, что лучше всего ѣхать прямо въ Нью-Йоркъ; а ужъ оттуда отправиться на прінски. Дорога до Нью-Йорка, по крайней мѣрѣ, была хорошо извѣстна. Побродивши такимъ образомъ, онъ вернулся въ гостинницу съ намѣреніемъ узнать, не прислали ли его мѣшка, и если да, то немедленно послать Динѣ свидѣтельство о бракѣ. И странно, съ той самой минуты, какъ мѣшокъ пропалъ, молодой Джо рѣшилъ, что свидѣтельство непременно въ немъ, хотя до того, пока мѣшокъ былъ еще въ его владѣніи, онъ горестно увѣралъ себя, что его тамъ не было.

Мѣшка въ гостинницѣ не оказалось. На станціи ничего о немъ не было извѣстно; тоже и на второй день, и на третій. На четвертый же, въ ночь, быстроходный влиперъ «Ориноко» пошелъ внизъ по Темзѣ, а мѣшокъ такъ и не отыскался, и съ нимъ пропала послѣдняя надежда Дины на душевное спокойствіе. Однако молодой Джо думалъ иначе. Честонъ стоялъ съ нимъ на палубѣ, собираясь проводить его до Гринвича, чтобы нѣсколько успокоить его и поддержать его мужество.

— Выпьемъ же бутылку шампанскаго, Бушель, за обоюдное счастье, весело говорить Честонъ. Джо согласился: они спустились въ камуту и пили посреди смѣха, веселаго чоканья, обоюдныхъ пожеланій и свѣтлыхъ надеждъ.

— А теперь пью за здоровье мидландской Розы и вмѣстѣ за здоровье одного джентльмена, который скоро вернется съ карманами, набитыми золотомъ.

Джо смѣялся нѣсколько натянуто и пилъ, шепча въ свой стаканъ дорогое ему имя. Онъ былъ бы непрочь рассказать Честону все, но что-то удерживало его; какой-то страхъ разчувствоваться, или какое-то ребяческое опасеніе показаться сентиментальнымъ или неохотно увѣжающимъ въ эту послѣднюю, рѣшительную минуту.

— Смотри, сообщи мнѣ, какъ ты устроишься, говорить Честонъ, и, отвѣдя его въ сторону, прибавилъ:—когда деньги понадобятся, то спроси непременно.

— Непременно, отвѣчалъ Джо. И, снова чоканье стакановъ снова всякія пожеланія. Вино веселитъ сердце, поселяетъ улыбку на лицѣ и приводитъ въ движеніе всѣ тѣ внутреннія струны, на которыхъ играетъ нѣжность и надежда, грусть и торжество. На палубѣ провожавшій оркестръ игралъ «прощай, дорогая», «прощаніе переселенца», «дружнѣй ребята, веселѣй»—и все это представляло какую-то странную смѣсь веселаго съ печальнымъ. Они видѣли спокойные береговые огни и мерцающіе огни клипера отсвѣчивающіеся въ прозрачной мглѣ рѣки, которые такъ часто потомъ будутъ рисоваться въ воображеніи, да и теперь уже кажутся чѣмъ-то знаменательнымъ и новымъ. Вотъ Гринвичъ и «прощай родина!»—маленькое судно отплываетъ обратно вверхъ по рѣкѣ, а большое—угрюмо подвигается впередъ, все дальше и дальше, къ самому морю.

И вотъ молодой Джо почувствовалъ себя одинокимъ первый разъ въ жизни; къ тому же онъ никогда еще не бывалъ на морѣ и невыносимо страдалъ физически. Достопочтенный Поль Скридъ былъ уже отомщенъ вполне, и будь онъ свидѣтелемъ всѣхъ терзаній своего врага, онъ навѣрно бы простилъ. Бѣдный Джо искренно вѣрилъ въ такія минуты, что не было рѣшительно ничего на свѣтѣ, для достиженія котораго стоило подвергать себя этой ужасной, безпомощной тошнотѣ и дурнотѣ, этому бесполезному протесту всего организма противъ вселенной, становящейся вдругъ отвратительной и невыносимой. Несчастный Джо лежалъ на своей койкѣ, съ опухшими глазами, съ зеленовато-блѣднымъ лицомъ и съ отчаяніемъ въ сердцѣ. Изъ сотни

можетъ быть одинъ подвергается всѣмъ пыткамъ морской болѣзни и надо же было, чтобы вся эта прелесть выпала на долю злосчастнаго Джо. Однако, къ концу путешествія, онъ почувствовалъ себя нѣсколько лучше и, наконецъ, совсѣмъ оправился и даже повеселѣлъ.

Не успѣлъ онъ высадиться въ Нью-Йоркѣ, какъ подавляющее чувство одиночества заступило мѣсто пріятному и возбуждающему ощущенію полнѣйшей независимости. Онъ былъ уже такъ давно въ отсутствіи, а между тѣмъ еще ни разу не написалъ Динѣ; вотъ почему онъ счелъ недостойнымъ себя писать ей теперь, пока не достигъ чего-либо, могущаго вознаграждать ее за его продолжительное отсутствіе и молчаніе. Онъ нѣсколько упалъ духомъ, когда увидѣлъ, что въ сущности онъ почти также далекъ отъ Калифорніи, какъ и былъ прежде, и что не имѣетъ средствъ добраться до нея. Къ тому же люди, къ которымъ онъ обращался съ распросами, представляли ему очень неблагоприятные доводы относительно успѣха его дѣла; деньги его улетучивались съ поразительною быстротою, и хотя дѣла было вдоволь для тѣхъ, кто умѣлъ работать, но Джо умѣлъ лишь ничего дѣлать и такимъ образомъ остался безъ всякаго дѣла. Онъ написалъ Честону и дядѣ Джорджу. Честонъ сдержалъ слово и прислалъ ему долгъ, но и эти деньги также быстро испарились. Дядя Джорджъ, съ своей стороны, написалъ письмо, которое онъ имѣлъ предосторожность сдать на почтѣ въ Бирмингамѣ, для того, чтобы мѣстный почтмейстеръ не узналъ адреса молодого человѣка. Въ этомъ посланіи онъ подробно изложилъ свое глубочайшее сожалѣніе о томъ, что братъ и невѣстка его все еще неумолимы. Онъ говорилъ, что рѣшеніе Джо эмигрировать окончательно возстановило ихъ противъ него, и что, вслѣдствіе этого, пропала всякая надежда на примиреніе. Пишущій распространился о своемъ участіи въ положеніи молодого Джо, но денегъ ему не послалъ.

Затѣмъ настало для него въ Нью-Йоркѣ нѣсколько тяжелыхъ голодныхъ дней, и онъ принужденъ былъ наняться истопникомъ на кирпичномъ заводѣ за нѣсколько миль отъ города. Работа эта бое-какъ поддерживала его существованіе, но еще нечего было и думать о томъ, чтобы вызвать Дину. И такъ проходили дни, недѣли и мѣсяцы, а онъ все не писалъ Динѣ. Новыя угризенія совѣсти стали одолевать его, но жизнь его была и безъ того такъ тяжела, лишенія такъ неисчислимы, что воспоминанія мало-по-малу стали терять для него свою силу. Спусти нѣсколько мѣсяцевъ онъ сдружился съ какимъ-то проходивцемъ

и ушелъ съ нимъ въ отдаленныя колоніи, гдѣ, ведя грубую, скитальческую жизнь, самъ значительно загрузбѣлъ и отростилъ себѣ длинную бороду. Никто бы не призналъ теперь въ этомъ полудикомъ человѣкѣ молодаго шеголеватого Мидлэндскаго дэида, который впрочемъ и самъ какъ-бы не узнавалъ себя больше.

Къ тому времени ему стало и совѣстно, и страшно писать Динѣ. Объ ней онъ часто и много горевалъ; думалъ о ней съ глубочайшею пѣжностью, но все-таки не рѣшался писать, и началъ надѣяться на то, что она его забудетъ, сочтетъ умершимъ и устроитъ свою жизнь помимо его. Въ одномъ изъ своихъ рѣдкихъ писемъ къ дядѣ Джорджу, онъ такъ много говорилъ о Динѣ, что старая лиса возымѣла подозрѣніе о томъ, не замышляетъ ли онъ вернуться домой. Онъ написалъ ему въ отвѣтъ, что Дина Бэнксъ вышла замужъ, и съ этой поры пересталъ получать письма отъ племянника. Это обстоятельство сильно его порадовало, такъ какъ онъ чувствовалъ, что съ каждымъ днемъ росла его надежда на полученіе состоянія брата.

ГЛАВА V.

«Сарацинова Голова» былъ веселенькій и уютный постоялый дворъ, гласившій на вывѣсѣхъ объ удобномъ помѣщеніи и о тщательномъ уходѣ за людьми и за скотомъ, что онъ и исполнялъ весьма добросовѣстно. Полъ былъ старательно усыпанъ пескомъ; въ огромномъ каминѣ пылало огромное количество угля, что составляетъ обыкновеніе всѣхъ мѣстностей, гдѣ добываютъ уголь и гдѣ онъ, слѣдовательно, дешевъ. Крѣпкіе дубовые брусья поддерживали потолокъ, а къ нимъ были привѣшаны жирные куски ветчины, продѣлывавшіе послѣдній періодъ своего копченія, лоснящіяся луковицы въ сѣткахъ или на бичевкахъ и, почтенныхъ размѣровъ, въ парусинныхъ мѣшкахъ. Столы тамъ были темные дубовые, замѣчательной прочности, сильно потерты, вслѣдствіе безцеремоннаго обращенія, а по краямъ немилосердно изрѣзанные, отъ нечего дѣлать, варманными ножами. Тяжеловѣсныя деревянные скамьи, отполированныя спинами многихъ поколѣній посѣтителей, были способны носить на себѣ еще много новыхъ поколѣній. Настоящее собраніе, состояло изъ людей; одѣтыхъ въ толстыя фланелевыя куртки, разстегнутыя и выставяющія на

показъ дешевую войлочную подкладку, съ тяжелыми башмаками, по большей части спереди незашнурованными, и съ большущимъ смятымъ языкомъ, висающимъ напередъ, точно онѣ чувствовали еще сильнѣйшую жажду, нежели ихъ носители, съ войлочными пляшами невозможной формы, на подобіе таза, безъ малѣйшей претензіи на какой-либо бортъ,—все это это сидѣло, курило и пило, погруженное почти въ животное блаженство. Замѣчательно было то, что большинство этихъ людей носило на лицѣ какіе-то странные узоры, точно они были татуированы, а рисовка уже на половину стерлась. Каждый изъ нихъ, по крайней мѣрѣ однажды, ощутилъ на себѣ руку смерти. Но все это было дѣломъ обыденнымъ, ежедневнымъ, которому придавали вообще очень мало значенія.

Это была общая комната «Сарацина» и помѣщавшаяся собственно внѣ линіи его личныхъ и непосредственныхъ наблюдений. Самъ же онъ раскачивался, съ своею распушею рожей, величественнымъ тюрбаномъ, несмѣтными драгоценными камнями и желчными глазами, надъ болѣе красивымъ окномъ на другомъ углу, и за этимъ ярко освѣщеннымъ, разукрашеннымъ окномъ находилось что-то схожее съ библіотекою, но гдѣ на полкахъ, вмѣсто книгъ, помѣщались бутылки съ крѣпкими напитками. Комната была маленькая, но вся она, съ своимъ ярко пылающимъ каминомъ, съ красною занавѣскою у окна, съ блестящею, стеклянною посудою и съ позолотою ярлыковъ, такъ и сіяла теплотою и уютностью въ этотъ непривѣтливый зимній вечеръ.

На дворѣ сердито завывалъ вѣтеръ и «Сарацинъ» усердно раскачивался взадъ и впередъ, ржаво скрипя и покрививая на разыгравшуюся непогоду и на дождь, время отъ времени неистово стучавшій въ оконныя рамы. Все это способствовало тому, что теплота и уютность внутри комнаты казались вдвое привѣтливѣе и находящіеся въ ней лишь ближе подвигались къ огоньку. Въ комнатѣ было трое. Съ одной стороны, каминна сидѣла пожилая женщина, а съ другой—молодая. Между ними помѣщался на креслѣ старикъ, съ видимымъ наслажденіемъ грѣвшій свои протянутыя ноги. Это былъ блѣдный и толстый человѣкъ, съ сѣдыми волосами и очень округленнымъ брюшкомъ. Время отъ времени онъ жирными руками похлопывалъ по этому жирному брюшку, какъ-бы этимъ одобряя свои пищеварительные органы. Старушка была такая румяная, чистенькая и опрятная, въ большомъ старинномъ чепцѣ, съ туго наврахмаленными кружевными краями и съ бѣлымъ шелковымъ платкомъ, аккуратно свращеннымъ на плечахъ. Молодая женщина была кра-

сива, но озабочена и нѣсколько блѣдна; глаза же ея могли показаться внимательному наблюдателю болѣе свыкшимся со слезами, нежели съ веселостью и смѣхомъ.

— Даниель, спросила старушка, — который часъ?

Старикъ провелъ ласкающею рукою по своей округленной фигурѣ и вытаскилъ толстые часы.

— Скоро десять.

— Пора бы этимъ молодцамъ и убираться, проговорила старушка.

— Да, согласился старикъ; — я думаю, что ты права, хозяйка, кажется и пора. Онъ отодвинулъ ноги отъ огня и сталъ ихъ убѣдительно поглаживать, какъ-бы спрашивая: «Что, понесете меня?» Однако, ноги повидимому отъезались, такъ какъ онѣ опять улеглись на рѣшетку камина, а руки ихъ владѣльца стали опять безмолвно содѣйствовать усилямъ его пищеварительныхъ органовъ. Продолжительный вздохъ, казалось, свидѣтельствовалъ о томъ, что въ нихъ идетъ очень усиленная работа, и что онъ никоимъ образомъ не хочетъ ихъ торопить или тревожить.

— А знаешь что, нашъ Даниель, добродушно проговорила его жена: — ты съ каждымъ днемъ становишься все лѣнивѣе и лѣнивѣе.

— Чего же тутъ удивительнаго, соглашался Даниель; — гдѣ же человѣку въ мои года становиться бодрѣе.

— Миѣ стыдно за тебя, Даниель, сказала старуха полу-шутя, полу-серьезно. — Дина, посвѣти-ка отцу и отправь его спать. Дѣвушка повиновалась. Старуха, отложивъ въ сторону вязанье, до той минуты приводившее въ движеніе ея полные бѣлые пальцы, уперлась локтями въ ручки кресла и сдѣлала движеніе, чтобы подняться. Къ тому времени на лицѣ ея, послѣ нѣкоторой внутренней борьбы, показалось ласковая улыбка. Ея спокойный и добродушный взоръ слѣдилъ за лѣнивыми движеніями дочери, пока та проходила по комнатѣ; но вдругъ руки ея какъ-бы невольно опустились и она откинулась назадъ съ лицомъ, на которомъ странно мѣшались испугъ и подозрѣніе. Дѣвушка сняла съ камина подсвѣчникъ, еще разъ перешла комнату за клочкомъ бумаги, вернулась, зажгла свѣчу и дала ее старику. Затѣмъ, нагнувшись къ нему, она поцѣлова его въ щеку и опять усѣлась въ своемъ уголку. Мать встала и вышла изъ комнаты. Минуту спустя раздался ея голосъ.

— Слушай, Уильямъ, мать навѣрное сидитъ и поджидаетъ тебя. Тебѣ же, Джорджъ Бетель, уже съ часъ какъ надо быть

въ постелѣ. А ты, Томась, сегодня на ночномъ дежурствѣ, и тебѣ давно пора уходить.

— Поставьте-ка намъ еще полеружки, тетушка, упрасивалъ сильнѣмъ голосомъ одинъ изъ молодцовъ.—Вѣдь придется то всего по полу-пинтѣ на брата.

— Сегодня не получите больше ни единой капли, возвратила старуха съ необычайною для нея рѣзкостью.

— Хозяюшка, отвѣтилъ первый, въ которому она обратилась:—право не слѣдъ посылать Тома домой въ трезвомъ видѣ. Его старуха въ этому не привыкла. У нея, чего добраго, съ перепугу приключится припадокъ.

— Ха, ха, ха! раздалось въ кружкѣ, но старуха сурово и даже грозно вскинулась на нихъ.

— Уильямъ Бокеръ, проговорила она,—ты хуже всѣхъ остальныхъ, хотя и моложе ихъ. И въ городѣ и во всѣмъ околдѣхъ хорошо извѣстно, что никто еще не напивался до-пьяна въ «Сарациновой Головѣ»; нието, повторяю, ни Томась Хауль, и никто иной.

— Хозяюшка, сказалъ шутникъ, стараясь придать голосу умилостивительный оттѣнокъ:—что это вамъ вздумалось сердиться на шутку. Къ тому же сегодня мы не то что пьяны, а словно и совсѣмъ не пивши; что же касается меня, то я люблю упиться хоть на половину. Гуль всеобщаго одобренія покрылъ это замѣчаніе, и всѣ казалось сочувствовали этому золотому правду. Но старушка была неумолима.

— Пьяны-ли, или не пивши, рѣзко и рѣшительно отчеканила она,—но вамъ придется уходить какъ вы есть.

— Ну и уйдемъ, сказалъ безбородый Бокеръ.—Вѣдь она намъ все одно, что мать родная, и ужъ если что скажетъ, такъ тому и бывать. Доброй ночи, хозяйюшка, и не гнѣвайтесь, какъ говорилъ Томъ вѣтряной мельницѣ послѣдній разъ, какъ наткнулся на нее.

— Доброй ночи, хозяйюшка, повторялъ каждый изъ веселыхъ собесѣдниковъ проходя мимо нея. Она отвѣчала каждому поименно:

— Доброй ночи, Минадабъ! Доброй ночи, Эбенезеръ! Доброй ночи, Месхабъ! перебирая такимъ образомъ цѣлый списокъ страннѣйшихъ именъ, пока послѣдній не прошелъ черезъ сѣни и не очутился на дождѣ. Она потушила свѣчи, накрѣпко заперла двери за удалившимися гостями и вернулась въ маленькую комнату. Старикъ уже отправился навверхъ, и дѣвушка собиралась за нимъ послѣдовать. Лѣстница, съ своими чисто-

вымытыми и посыпанными пескомъ ступенями, упиралась прямо въ эту уютную комнату, и мать, затворивъ дверь, прислонилась къ ней спиной и устала на Дину. Дочь, кротно хотя и нѣсколько испуганно, глядѣла на нее.

— Наша Дина, проговорила мать, — я должна поговорить съ тобою. Сядь-ка лучше. Дѣвушка повиновалась. — Съ тобою что то неладно. Скажи мнѣ, въ чемъ дѣло?

— Да ровно ничего, матушка, усталымъ голосомъ протянула Дина.

— Нѣтъ, дочка, сказала миссисъ Бэнксъ подходя, ближе и нагибаясь къ ней; — меня трудно обмануть; я вижу что что-то не такъ.

— Да право, матушка, ничего, повторила Дина, нѣсколько озадаченная; — я просто скучаю, вотъ и все.

— Дина, тебѣ не обмануть старой и опытной женщины. Съ тобою что-то случилось, и случилось что-то ужасное. Сейчасъ же признайся мнѣ во всѣмъ.

— О, матушка, проговорила Дина встревоженнымъ шопотомъ, — неужели-же я умру?

— Да, пожалуй, лучше было бы и умереть, проговорила мать. Дина поблѣднѣла и глаза ея широко раскрылись отъ испуга, но при этихъ словахъ она вспыхнула и закрыла лицо руками. Она сидѣла, вси съезжившись и наклонившись, и красныя пятна покрывали даже ея шею и уши.

— Неужели-же? рыдала она; — неужели?

— Дина, Дина, скверная ты дѣвчонка, говорила мать. — Скажи же мнѣ, кто тому виною? Дина склонялась все ниже и ниже, подобно беззащитному существу, содрогающемуся отъ прикосновенія пальцемъ. Мать схватила одну изъ ея рукъ и пыталась отнять ее отъ лица, но Дина такъ рѣшительно и упрямо склоняла голову и такъ крѣпко прижимала къ себѣ руки, что мать не была въ силахъ что-либо сдѣлать. — Скажи мнѣ сейчасъ, кто онъ! строго повторила она, отпуская ея руку. — Не Джо-ли Бушель это, тотъ, который чуть не уморилъ съ горя отца и мать? Такъ онъ и тебя погубилъ?

— О, матушка, воскликнула Дина, вдругъ опустившись передъ нею на колѣни и хватывая старуху обѣими руками, — насъ обвинчали въ Востонской церкви еще наканунѣ Троицы.

Мать Дины также опустилась на колѣни и устала на молодую дѣвушку.

— Ты обвинчана? Наканунѣ Троицы? Ты? съ молодымъ Джо Бушелемъ?

— Да! вѣсклинула молодая дѣвушка; вдругъ она опустилась на полъ и снова, закрывъ лицо, горько зарыдала.

Старуха опустилась рядомъ съ нею и, ухвативъ ее за талию, старалась приподнять; но Дина не шевелилась.

Такъ лежали онѣ нѣкоторое время на колыбняхъ и обѣ плакали.

— Дина, шептала ей мать: — я лишь сегодня догадалась объ этомъ, когда ты проходила по комнатѣ за свѣчкою для отца. Тогда я вдругъ поняла. И какъ мнѣ жаль тебя, Дина; какъ тебѣ достанется отъ отца, и что скажутъ сосѣди. О, неразумная ты, глупая ты; зачѣмъ было не связать, что ты замужемъ! А теперь онъ ушелъ и одному Богу извѣстно куда.

— Онъ непременно вернется, рыдала Дина; — если онъ только въ живыхъ, то непременно вернется.

— Развѣ тебѣ о немъ ничего неизвѣстно? спросила удивленная и испуганная мать.

— Ничего, плавала Дина, — ничего, съ самаго дня его отъѣзда. Матушка, неужели же ты думаешь, что онъ умеръ? Говорять, что онъ уѣхалъ въ Америку, а тамъ мало ли что могло случиться, да онъ могъ и утонуть. Будь онъ живъ, онъ не поступилъ бы такъ; а онъ еще обѣщалъ прислать мнѣ мое свидѣтельство, и между тѣмъ — ни слова.

— Дина, прошептала мать въ ужасѣ, — такъ у тебя нѣтъ даже свидѣтельства?

— Нѣтъ, отвѣчала Дина, не переставая плавать; — онъ обѣщалъ прислать мнѣ его въ тотъ самый день, какъ уѣзжалъ.

Тогда мать громко разрыдалась.

— Дина, ты погибшая дѣвушка, а я — несчастная, опозоренная старуха!

Безсмертный докторъ Маригольдъ замѣчаетъ, что при отцѣ его «не очень-то придерживались церковныхъ регистратуръ». Что же касается бѣдной Дины и ея матери, то онѣ и не подозрѣвали о существованіи чего либо подобнаго. Даже и теперь встрѣчаются въ той части Англїи, гдѣ онѣ жили, женщины, считающія брачное свидѣтельство единственною гарантіею ихъ чести.

Эти добрыя души предполагаютъ, что съ его утратою утрачивается и смыслъ брачной церемонїи и что, вслѣдствіе этого, дѣтей ихъ могутъ признать незаконными. И странно, что этотъ оригинальный предразсудокъ не ограничивается однимъ низшимъ классомъ. Люди средняго сословія, даже нелишенные нѣкотораго образованія, крѣпко придерживаются этого убѣжденія.

Тридцать же лѣтъ тому назадъ, оно, вѣроятно, было общераспространеннымъ.

Миссисъ Бэнксъ, хозяйка «Сарапиновой Головы», не отличалась особенною природною изобрѣтательностью или же сильно развитымъ воображеніемъ. Романовъ она никогда не читала, да и вообще все ея чтеніе ограничилось безсмертными аллегоріями Бенъяна. Въ наши дни существуетъ Вильки Колинзъ, съумѣющій снабдить каждаго, при надобности, самымъ отборнымъ и подходящимъ планомъ или сюжетомъ; да и врядъ-ли найдутся, въ настоящее время, какія бы то ни было жизненныя условія, на которыя не встрѣтишь разъясненія въ одномъ изъ твореній современнаго воображенія.

Однако, нужда кого не научить, а здѣсь нужда представлялась грозная и неминуемая. Во что бы то ни стало, а репутація семейства должна была быть спасена и, въ подобномъ случаѣ, дозволено все, за исключеніемъ развѣ преступленія. Вѣдь ложь будетъ самая дозвольтельная и самая честная, если матери удастся выдать ребенка дочери за своего собственнаго, для того, чтобы этимъ спасти ея репутацію. Во всякомъ случаѣ, всѣ матеріальныя траты на содержаніе ребенка падутъ на «Сарапина», а плечи его достаточно сильны и помѣстительны, чтобы выдержать не одну подобную тяжесть.

Дина была единственною дочерью и, такимъ образомъ, принимая участіе въ обманѣ, она никого не обижала. Старуха медленно и обстоятельно обдумывала этотъ планъ и, наконецъ, передала его Динѣ.

— Дина, дорогая моя, большое у насъ горе, по надо съумѣть съ нимъ справиться. Узнай объ этомъ отецъ, оно, пожалуй, убьетъ его, и потому мы ему лучше ничего не скажемъ.

— Да какъ же это возможно? спросила растерянная и блѣдная Дина.

Старуха въ двухъ-трехъ словахъ передала ей о своемъ намѣреніи.

— Да, надо будетъ его увѣрить, что ребенокъ мой.

Дина приэтомъ вся содрогнулась. Въ ней вдругъ проснулся тотъ поразительный и таинственный инстинктъ, присущій всѣмъ матерямъ, и ей казалось, что ея еще нерожденнаго ребенка отнимаютъ у нея. Мать, будучи сама матерью, поняла ее и успокоила.

— Не бойся, онъ останется совсѣмъ твоимъ. Однако, придется сказать Даніелю, что я его ожидаю. Вотъ-то, я думаю, онъ удивится! А ты, когда настанетъ время, должна будешь

уѣхать въ деревню; я же поѣду навѣстить тебя. Затѣмъ ты напишешь отцу, будто я захворала и не могу вернуться. А тамъ, когда все кончится, мы вернемся вмѣстѣ и такимъ образомъ никто и не догадается.

Съ самой минуты признанія Дины, у матери не было и тѣни сомнѣннй относительно правдивости ея разсказа. Она всему безпрекословно повѣрила, и когда Дина разсказала ей всѣ подробности и сообщила о причинахъ, побудившихъ молодаго Джо къ сохраненію тайны, она совершенно простила дочери ея безразсудный поступокъ, хотя и сильно негодовала на самаго бѣглеца.

Прошла зима, впродолженіи которой Дина почти не выходила изъ своей комнаты. Даніель не высказывалъ относительно этого особеннаго удивленія, а если и случалось что спросить про нее, то жена безъ труда и удовлетворительно для него объясняла дѣло. Да и какъ могло ему придти въ голову, что въ «Сарациновой Головѣ» затѣвается заговоръ, похожій на вступительную сцену любой мелодрамы. Началась весна, а съ нею настало и ожидаемое время.

— Нашъ Даніель, сказала миссисъ Бэнксъ своему мужу:— нашей Динѣ что-то несовсѣмъ здоровится; не замѣтилъ ли ты этого и самъ?

Даніель былъ прекраснѣйшій мужъ и во всемъ всегда соглашался съ женою. Двадцатипятилѣтняя семейная жизнь доказала ему, что всегда лучше придерживаться умиротворительной политики.

— Да, согласился Даніель,— я и самъ это замѣтилъ.

— Я думаю, не послать ли ее въ Варденбери для перемѣны воздуха. Какъ ты думаешь, Даніель?

— И отлично, хозяйка! сказалъ сговорчивый старикъ.— Это, можетъ быть, ей нѣсколько и поможетъ, бѣдняжкѣ.

— Пожалуй и поможетъ, Даніель, сказала миссисъ Бэнксъ.— Вотъ мы завтра и поѣдемъ.

Подобная поспѣшность нѣсколько опѣшила Даніеля. Обыкновенно въ «Сарациновой Головѣ» каждый вопросъ обсуждался, пересуждался, откладывался, вторично обсуждался и пересуждался и, наконецъ, приводился въ исполненіе лишь тогда, когда въ какомъ-либо менѣе тяжеловѣсномъ семействѣ о немъ давно бы забыли и думать. Однако онъ не противился. Онъ привыкъ по своему философствовать относительно женщинъ.

— Женцина, говаривалъ онъ:— все одно, что свинья. Ее и не поведешь, и не погонишь, а предпринимать и то, и другое равно тяжело.

И такъ, по обыкновенію, Даниэль молчалъ и лишь похлывалъ себя по жилету, поощряя свой пищеварительный аппаратъ и предоставляя событіямъ идти своимъ чередомъ.

До Варденбери было не менѣ тридцати миль и Даниэль смутно зналъ, что онъ лежалъ гдѣ-то по дорогѣ въ Ковентри. У миссисъ Бэнксъ были тамъ родственники и она втеченіи всего своего замужества посѣтила ихъ два или три раза. Даниэль обыкновенно говаривалъ про себя, что «онъ не изъ значительныхъ путешественниковъ». Онъ родился въ «Сарадиновой Головѣ» и никогда не былъ дальше Бирмингема. Но хотя онъ и не могъ похвастаться своими путешествіями, но будь онъ человѣкомъ общительнымъ, могъ бы легко похвастаться чѣмъ-то инымъ, а именно, что находится подъ башмакомъ у супруги; однако, онъ несомнѣнно былъ лишенъ извѣстныхъ супружескихъ чувствъ.

— Матушка, совѣтовалъ онъ:—я бы на твоёмъ мѣстѣ поваще не поѣхалъ въ Варденбери. Подумай о твоёмъ положеніи!

— Самъ ты думай о своёмъ положеніи, старая деревянная башка, а мнѣ не мѣшай и не суйся не въ свое дѣло! возразила его жена.

— Ну, какъ знаешь, сказалъ Даниэль.

Миссисъ Бэнксъ торопливо отправилась къ Динѣ, сообщить ей, что все устроено, и помочь ей собраться въ путь. А хозяйнѣ «Сарадина» нисколько не смутился и не обидѣлся откровенностью жены; мало того, онъ и самъ подтвердилъ бы ея строгую критику, вызови она его на это.

Настало утро и Дину потихоньку провели заднимъ дворомъ. Мать была съ нею. Кудлатый мальчишка-конюхъ по имени Джабецъ повезъ ихъ на станцію желѣзной дороги и вернулся одинъ. На слѣдующее утро Даниэль получилъ письмо съ извѣщеніемъ о томъ, что миссисъ Бэнксъ собирается провести день-другой въ Варденбери.

— Ужъ я зналъ, что такъ и будетъ, говорилъ Даниэль.— Разъ только отпусти ихъ, а тамъ и сиди себѣ, и дожидайся, пока имъ заблагодарасудится вернуться.

У него не было и тѣни подозрѣнія; въ жизни не пришлось ему прочесть ничего романчнѣе какойнибудь винной или водочной фактуры, а въ театрѣ онъ никогда не бывалъ. Да и съ какой стати было подозрѣвать ему жену, или дочь? За письмомъ прошла цѣлая недѣля, и вотъ онъ получаетъ извѣстіе о томъ, что сталъ отцомъ вторично. Старость его была благословлена сыномъ. Онъ выпилъ въ честь сего событія нѣсколько лишнихъ

стакановъ и расхаживалъ съ полнымъ достоинствомъ и даже съ нѣкоторою важностью, а на лицѣ его то и дѣло появлялась невольная улыбка блаженства. Подъ вечерокъ, какъ и всегда, собрались сосѣди. Даніель сообщилъ имъ свою новость и принималъ поздравленія. Онъ возсѣдалъ въ своемъ обширномъ креслѣ, упершись руками на брюкъ своей толстой палки, — сидѣлъ съ растопыренными локтями и смотрѣлъ на всѣхъ съ такимъ величіемъ, словно заслужилъ не только ихъ поздравленія, но и одобреніе и хвалу цѣлаго міра. На лицѣ его такъ и читалось: «еще какъ могъ бы похвастаться, да не хочу!» Кружки съ виномъ то и дѣло осушались, но надо же было вдоволь упиться въ честь новорожденного. И Даніелю не приходилось отставать отъ другихъ, но вино мало на него дѣйствовало; онъ давно привыкъ къ нему и не боялся его послѣдствій. Только улыбка его выступала все чаще и чаще — и вотъ и все. Когда же настало время запирать трактиръ и онъ остался одинъ, онъ не выдержалъ и далъ полный просторъ своей радости и своему торжеству. Онъ обѣими руками ударилъ палкою о полъ, поднялся на ноги и долго и громко смѣялся.

— Ха, ха, ха! услаждался сіяющей и весь трясущійся отъ смѣха Даніель, — даромъ что старый пещь, а какой же я еще молодецъ!

Кудлатый Джабецъ долженъ былъ въ этотъ вечеръ пособить хозяину добраться до постели, но на слѣдующее утро старикъ вернулся къ своему обычному спокойствію и невозмутимо, даже нѣсколько флегматически, поджидалъ жену съ новорожденнымъ. Рѣдкая переписка нимало не смущала его; не часто приходилось ему получать письма, да и самъ писать онъ былъ не гораздъ. Дина написала всего разъ или два и этимъ и ограничилась; а черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ отъѣзда мать и дочь вернулись съ ребенкомъ. Было поразительно, до какой степени поправилась Дина. Куда дѣвалась ея недавняя тяжелая и лѣнивая походка? Теперь она выступала бодро и энергично. Лицо ея опять оживилось, вся она расцвѣла, а въ глазахъ не было и слѣда прежней тоски. Кажется, никогда еще не бывало, чтобы сестра такъ горячо и безгранично привязалась къ позднорожденному брату, отнимавшему у нея большое состояніе, такъ какъ старый Даніель, имѣвшій очень порядочныя деньги, нимало не скрывалъ своего намѣренія оставить все или почти все новорожденному. Онъ до смѣшнаго гордился малюткою, часто самъ качалъ его люльку, любовался попытками его отстранить отъ себя всякое прикосновеніе воды и мыла, или же крикли-

выми требованіями ребенка, чтобы его ласкали и цѣловали, въ чемъ никогда не отказывала ему старшая сестра его Дина. Старикъ иногда былъ пораженъ горячностью и обиліемъ поцѣлуевъ, которыми она покрывала все красное тѣлце, пухлое личико и ручки малютки. Сама миссисъ Бэнксъ и дочь такъ старательно и усердно ходили за нимъ, что даже иногда спорили о томъ, кому придется держать его.

Однажды Даніель услышалъ слѣдующій, происходившій между ними разговоръ.

— Дина, говорила мать полусердитымъ и полуумоляющимъ тономъ:—что же ты никогда не дашь мнѣ поняичить ребенка?

— Потому что онъ мой, произнесла Дина вызывающимъ голосомъ.

— Что съ тобою, Дина? воскликнула миссисъ Бэнксъ при видѣ стоявшаго у двери старика.—Можно подумать, что ты его мать. Говорю тебѣ, дай мнѣ ребенка!

Объ значительно переглянулись. Дина поняла и отдала маленькаго Джорджа. Но каждый день она едва не выдавала себя. По цѣлымъ часамъ сидѣла она надъ кроваткою, пристально глядясь въ красное толстенное личико, отыскивая и находя въ немъ сходство съ отсутствующимъ тамъ, гдѣ мы съ вами не нашли бы ни малѣйшаго. Странно, какъ присутствіе ребенка вознаграждало ее за отсутствіе его отца, а между тѣмъ, сколько было горя и въ этой радости: ребенокъ никогда не назоветъ ее «матерью»!

ГЛАВА VI.

Когда Ребекка Бушель поднялась въ спальню сына, укладывавшаго свои вещи, явившись съ послѣднимъ, окончательнымъ своимъ рѣшеніемъ, то она увидѣла на его постелѣ старое свѣтлое пальто съ вывернутыми карманами. Джо слѣшно отыскивалъ по этимъ карманамъ пропавшаго свидѣтельства и, не найдя его, бросилъ пальто въ сторону. На слѣдующее утро мать вошла въ покинутую сыномъ комнату. Все оставалось въ томъ же беспорядкѣ, какъ и въ минуту его ухода. Ящики были вынуты изъ комода и кое-какъ брошены на полу одинъ на другой. Мать инстинктивно стала приводить все въ порядокъ, втихомолку проливая горячія слезы. Затѣмъ, опустивъ глаза и оглянувшись на окружающее, чтобы посмотрѣть все ли при-

брано, она замѣтила пальто, брошенное поперекъ постели. Она стала расправлять его съ прирожденною акуратностью и, увидѣвъ дыру въ одномъ изъ кармановъ, вынула иголку и нитку и, сѣвъ на постелѣ, начала чинить ее; затѣмъ, бережно сложивъ пальто, она заперла его въ одномъ изъ ящичковъ комода, расправила подушки и занавѣску кровати и вышла изъ комнаты.

Впослѣдствіи эта пустая комната стала свидѣтельницею многихъ горючихъ материнскихъ слезъ и усердныхъ молитвъ, когда, по прошествіи нѣсколькихъ тяжелыхъ мѣсяцевъ, о Джо еще ничего не было извѣстно. Сколько разъ, стоя здѣсь на колѣняхъ, думала она о всѣхъ искушеніяхъ и опасностяхъ, которыми онъ, быть можетъ, подвергается, и не разъ открывала она завѣтный ящикъ комода, гдѣ лежало его пальто—единственная реликвія, оставленная ей сыномъ. По обоюдному соглашенію, и мужъ, и жена мало говорили объ отсутствующемъ; но старый Джо иногда не выдерживалъ и, покачивая головою, произносилъ:

— Беккей, ты была слишкомъ сурова съ нимъ.

— Джозефъ, отвѣчала ему тогда Ребекка:—кто любитъ сына своего, тотъ наказуетъ его.

— Такъ-то такъ, отвѣчалъ на это старый Джо,—но ты все-таки обошлась съ нимъ слишкомъ круто.

Тяжело приходилось Ребеккѣ въ подобныя минуты; она уходила въ комнату сына и тамъ изливала свое горе въ слезахъ и молитвахъ. Старый Джо, примѣтивъ это, вскорѣ пересталъ ее попрекать.

Достопочтенный же Поль Сьридъ не былъ настолько сдержанъ.

— Богу угодно, говаривалъ онъ,—чтобы избранныхъ его посѣщало несчастіе, дабы они не слишкомъ предавались радостямъ міра сего.

И множествомъ подобныхъ плоскостей онъ старался утѣшить безутѣшную, растравляя рану, которую и само время едва-ли могло залечить. Достопочтенный Поль былъ отличный человѣкъ и каждочасно стремился сдѣлаться еще лучше, но во всей его топорно-грубой натурѣ не было и капли такта. Въ юности я самъ имъ восхищался и теперь еще почитаю его память, но въ глубинѣ души я такъ страстное желаніе переселить всѣхъ ему подобныхъ на какой-либо отдаленный островъ, подальше отъ всѣхъ непринлежащихъ къ ихъ сектѣ и непридерживающихся ихъ правилъ и воззрѣній. Однако, шесть мѣсяцевъ спустя послѣ отъѣзда молодого Джо изъ роднаго города, священникъ поступилъ настолько благородно, насколько это было

въ его силахъ. Обѣдая разъ съ старымъ Джо и съ его женою, онъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

— Мистеръ Бушель и вы сударыня, произнесъ онъ съ нѣкоторою формальною, что, впрочемъ, было довольно естественно въ данный моментъ:—увѣренность, что мы сами способствовали нашей карѣ, прибавляетъ ей тяжесть. Одна часть моихъ прегрѣшеній заключается въ томъ, что я былъ причиною тяжелаго и незаслуженнаго горя людямъ, которыхъ я глубоко уважаю и которые безъ единого слова укора переносятъ его. Хотя я думалъ, что поступаю согласно своей обязанности, какъ проповѣдникъ слова Божія, но я лишь мстил за нѣкоторыя оскорбленія и необдуманныя остроты, обращенныя противъ меня вашимъ, нынѣ скитающимся сыномъ. Я говорилъ ослабленный гнѣвомъ и горечью, и, какъ я теперь достаточно въ этомъ убѣдился, говорилъ, не имѣя на то достаточныхъ основаній. И вотъ я пришелъ къ убѣжденію, друзья мои, что хотя, къ несчастію, не въ моихъ силахъ исправить теперь сдѣланное мною зло, но моя прямая обязанность показаться въ немъ передъ вами и униженно просить вашего христіанскаго прощенія. Я, съ своей стороны, давно уже простилъ ударъ, которымъ вашъ сынъ отвѣтилъ на мои злобныя и грубыя слова. Надѣюсь, что и онъ простилъ мнѣ. Каюсь въ своемъ проступкѣ и униженно и съ глубокою горестью прошу вашего прощенія.

Никогда еще не чувствовала миссисъ Бушель подобнаго нерасположенія въ достопочтенному Полю, какъ въ эту минуту; такъ какъ сама она давно уже разсудила объ этомъ дѣлѣ и простила, а подобное обращеніе только снова разбредило старую рану.

— Ваше преподобіе, сказалъ старый Джо,—прошу васъ, ни слова объ этомъ больше. Здѣсь всѣ кругомъ виноваты.

— Ахъ, Джозефъ, сказала миссисъ Бушель, у которой на глазахъ навернулись слезы:—теперь то ужъ поздно; но я была бы счастливѣйшею женщиною, если-бы ты тогда не дозволилъ мнѣ быть столь жестокою къ бѣдному Джо.

— Самъ я виноватъ. Не я ли хозяинъ въ своемъ домѣ? проговорилъ старый Джо.—Да, его слѣдовало тогда на мѣстѣ же повололѣть немножко и предать все дѣло забвенію.

Мужъ и жена, вспоминая въ послѣдствіи исповѣдь священника, не могли не оцѣнить его искренняго и благороднаго поступка, но ни онъ и ничто иное не могло вернуть имъ сына, и всѣ трое начали думать о немъ, какъ о мученикѣ, окруженномъ ореоломъ какой-то святости. Всѣ сосѣди, конечно, знали о слу-

чившемся и каждый разъяснял его по-своему. Прихожане достопочтеннаго Поля стояли за него; остальные же, т. е. большинство, были на сторонѣ молодаго Джо и возводили его на степень героя и мученика. Вздумай молодой человекъ вернуться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ былъ бы принятъ съ тѣми почестями, какія обыкновенно воздаютъ возвращающимся воинамъ и губернаторамъ колоній.

Бывало Ребекка, покончивъ свои хозяйственныя занятія, которымъ она усердно предавалась, не смотря на большія средства мужа, обыкновенно усаживалась за свою библию и вся погружалась въ религиозныя размышленія. Пока молодой Джо былъ еще съ нею, онъ часто огорчалъ ее, и сердце ея нерѣдко сжималось отъ страха при мысли объ его будущности. Теперь же эти продолжительныя бдѣнія стали невыносимо тяжелы ея материнскому сердцу. Старый Джо, предпочитавшій кухню, мрачно сидѣлъ у огня, покуривая свою неизмѣнную трубку. И его думы были не изъ веселыхъ; хотя онъ и не испытывалъ всѣхъ душевныхъ терзаній своей жены, за то проблески религиозной надежды, озарявшіе иногда ея душу, были совѣмъ ему неизвѣстны. Иногда къ нимъ заходилъ братъ Джорджъ и тотъ, не смотря на всю свою безсердечность, испытывалъ что-то похожее на угрызения совѣсти при видѣ горя, которому онъ такъ усердно поспособствовалъ. Повторяю, что я не имѣю намѣренія изображать Джорджа самыми темными красками. Въ немъ не было достаточнаго инстинкта добродѣтели, для того, чтобы быть вполне негодяемъ. Во всей натурѣ его не было ничего такого, противъ чего онъ могъ бы согрѣшить.

«Самое лучшее, что могло съ нимъ случиться, размышлялъ про себя дядя, относительно племянника, такимъ образомъ стараясь оправдать себя въ собственныхъ глазахъ.—Это сдѣлаетъ его человекомъ и онъ будетъ обязанъ мнѣ одному. За то едва ли я когда увижу свои сто фунтовъ. Ну, да я всегда былъ безразсудно щедръ и расточителемъ». Такъ размышлялъ Джорджъ, успѣшно усыпляя при этомъ свою и безъ того сговорчивую совѣсть.

Съ каждымъ днемъ становилось замѣтнѣе, что горе убиваетъ стариковъ и на Ребеккѣ отразилось оно прежде, такъ какъ страданіе ея были сильнѣе. Она впала въ уныніе. Все хозяйство, завѣдываемое ею съ такою любовью, перешло теперь въ чужія руки; большую часть времени проводила она теперь въ спальнѣ и старый Джо чувствовалъ себя еще болѣе повинутымъ у своего одинокаго огонька.

Ребенка вообще любила молодежь и хотя сама не обладала качествами, которыя могли бы привлечь ее, но всегда горько жаловалась на ея нерасположеніе. Теперь же, въ это тяжелое для нея время, Дина Бэнксъ стала ея лучшимъ другомъ и утѣшителемъ. Неувлюжая служанка, не смотря на всю свою готовность помочь, только мѣшала въ комнатѣ больной. Дина же, ловкая, спокойная, скоро стала ей незамѣнима, да и сама молодая дѣвушка начала къ ней искренно привязываться.

Дину также немало привлекала туда надежда что-либо услышать о своемъ мужѣ. Но извѣстій не приходило никакихъ, и только годъ спустя, въ самый день его отъѣзда, миссисъ Бушель въ первый разъ заговорила о немъ.

— Сегодня ровно годъ, сказала она, — какъ ушелъ мой бѣдный мальчикъ.

Дина, хорошо помнившая этотъ день, вздрогнула и поблѣднѣла. Ребенка, лежа съ закрытыми глазами и скрестивъ свои худыя руки, продолжала такимъ образомъ:

— Всѣ мы жалкія и слѣпныя созданія, Дина, и только въ одномъ можемъ быть увѣрены; все же остальное въ рукахъ Божіихъ.

Затѣмъ она нѣсколько времени лежала спокойно, а Дина вся дрожала, сидя около нея. Ничто не было въ состояніи поколебать любовь Дины къ Джо; ни то, что онъ ее покинулъ, ни то, что не сдержалъ даннаго ей слова, ни опасеніе быть опозоренной, ни даже то обстоятельство, что судьба отняла у нея ребенка, ничто не измѣнило ея любви. Повѣрить о немъ чему-либо дурному она была не въ состояніи, она опасалась несчастій, которыя могли его постигнуть.

— Теперь же, сказала старуха, — мнѣ недолго осталось жить; тамъ же, гдѣ я буду скоро, я о немъ, быть можетъ, узнаю чтонибудь.

— Нѣтъ, говорила Дина, слегка положивъ руку на лобъ Ребенки, — вы должны дождаться его еще здѣсь. Если онъ только живъ, то вернется, онъ не можетъ не вернуться. И Дина горько зарыдала.

Ребенка открыла глаза и протянула ей руки.

— Дина, бѣдная моя! Это было все, что она выговорила.

И Дина внезапно и инстинктивно поняла всю глубину сердечной доброты этой строгой старой кальвинистки, поняла всю силу ея нѣжности. Она склонилась надъ постелью, тихонько прижалась лицомъ къ груди Ребенки, и обѣ горячо и долго плакали.

— Я давно знала, говорила Ребекка, — что ты его любила и что онъ любилъ тебя. Онъ все-таки былъ добрый мальчикъ и сердце у него было хорошее, и только благодаря моей суровости, онъ не поладилъ съ религіей. Слезы обильно лились изъ глазъ старухи, но она продолжала тѣмъ же твердымъ голосомъ:

Когданибудь онъ вернется, Дина, и тогда ты ему скажешь, что мать его все, все ему простила и сама умоляла простить ей передъ смертью все, въ чемъ она провинилась передъ нимъ.

Затѣмъ она опять замолчала и лишь тихонько трепала Дину по щекамъ, стараясь осушить ея слезы. Дину вдругъ охватило желаніе совнаться ей во всемъ, разсказать всю исторію своего замужества и рожденія сына; но она удержалась, боясь встревожить и безъ того слабую женщину. Къ тому же ее останавливали и страхъ передъ строгими понятіями особы, подобной миссиесъ Бушель; а неимѣніе брачнаго свидѣтельства окончательно убѣдило ее молчать, въ виду того, что ее, пожалуй, сочтутъ за женщину дурнаго поведенія. Вокорѣ она нѣсколько успокоилась и опять усѣлась около кровати. Нѣсколько времени обѣ молчали. Ребекка лежала съ закрытыми глазами, словно спящая, и Дина тихо поднялась, собираясь выйти изъ комнаты, какъ вдругъ больная повернула въ ней голову, говоря:

— Дина, дорогая, Джо оставилъ послѣ себя одну единую вещь. Ты найдешь ее въ верхнемъ ящикѣ комода въ сосѣдней комнатѣ. Это сѣрое пальто. Принеси мнѣ его, пожалуйста, сюда; мнѣ хочется еще разъ передъ смертью посмотреть на него. Это все, что отъ него осталось.

Дина вошла въ сосѣднюю комнату, отыскала пальто и вернулась. Ребекка взяла его въ свои слабыя руки, какъ могла развернула, и нѣжно разглаживала его складки.

— Это платье Іосифа, сказала она. — Когда злые сыновья хотѣли увѣрить, что Іосифъ умеръ, они принесли одежду его Іакову говоря: вотъ одежда Іосифа. Но онъ не умеръ; онъ былъ въ Египтѣ, и отецъ его увидѣлъ богатымъ и довольнымъ.

Она впала въ забытѣе и воображала, что сынъ стоитъ передъ нею.

— Будь добръ къ отцу твоему, Іосифъ, когда вернешься изъ Египта, и помни мое желаніе, чтобы ты женился на Динѣ.

Затѣмъ она нѣсколько задремала, и Дина, исполненная страха и ужаса, спустилась въ кухню, гдѣ, въ сумрачномъ безмолвіи, сидѣлъ старый Джо, съ потухшею трубкою въ зубахъ и съ взоромъ, устремленнымъ на холодный пепель камина.

— Въ ней большая перемѣна, мистеръ Бушель, проговорила Дина.

Старый Джо горестно покачалъ головой.

— Я зналъ, что все скоро кончится, тихо, какъ-бы про себя проговорилъ онъ;—я давно ужъ зналъ, что это будетъ.

Они молча пошли наверхъ. Ребекка все еще дремала. Вскорѣ умирающая полуоткрыла глаза, оглядѣлась вокругъ, никого больше не узнавая, слабо ухватилась за платье, лежавшее въ ея рукахъ, и въ послѣднемъ проблескѣ сознанія, посѣтившемъ ее въ этой жизни, она узнала его.

— Это была одежда Юсіфа, проговорила она, и съ этими словами скончалась.

Старый Джо словно окаменѣлъ и никто не могъ рѣшить, горюетъ онъ или нѣтъ. Похороны пришлось на воскресенье и за гробомъ шли только двое: старый Джо и его братъ.

Послѣ похоронъ оба сидѣли у камина, когда старый Джо обратился къ брату съ словами:

— У меня было написано завѣщаніе въ пользу сына... И онъ вынулъ документъ и показалъ его брату.—Все было сдѣлано какъ слѣдуетъ и засвидѣтельствовано нотаріусомъ. Въ немъ значится, что все послѣ смерти моей Ребекки должно перейти сыну моему Джозефу, за исключеніемъ тысячи фунтовъ, назначенныхъ брату моему Джорджу. Теперь-же кажется у меня нѣтъ сына, и куда все пойдетъ мнѣ безразлично.

При этомъ сообщеніи сердце брата Джорджа исполнилось радости. Дѣла начинали принимать очень благопріятный оборотъ для брата Джорджа. Хотя онъ однимъ только словамъ и не придавалъ особаго значенія, но онъ вѣдь ничего не стоить, и почему бы не потратить нѣсколько громкихъ словъ на брата и на его печаль.

— Твои отеческія чувства, Джозефъ, какъ говорится, играютъ на твоихъ сердечныхъ струнахъ. Но вѣдь мало-ли молодыхъ людей пропадало на нѣкоторое время, а черезъ годъ или хоть со временемъ возвращались. Можетъ быть онъ совсѣмъ и не въ Америкѣ. Не пошелъ ли онъ въ солдаты.

— Онъ ни разу никому не писалъ во все время своего отсутствія, проговорилъ Джо.

— Это правда, сказалъ братъ Джорджъ, не проявляя при этомъ ни малѣйшаго стыда;—не одинаго слова, насколько мнѣ это извѣстно.

Старшій братъ въ безмолвіи глядѣлъ въ огонь, сидя съ опущенными на колѣни руками, въ которыхъ онъ держалъ за-

вѣщаніе. Вдругъ онъ медленно и спокойно разорвалъ его пополамъ, сложилъ обѣ половинки еще разъ и разорвалъ ихъ снова. Затѣмъ онъ тѣмъ же усталымъ движеніемъ взялъ вочергу, сдѣлалъ въ огнѣ небольшое углубленіе, положилъ туда ключья бумаги и снова засыпалъ ихъ горящимъ углемъ.

Братъ Джорджъ, дабы скрыть блаженную улыбку, нагнулся надъ своимъ ставаномъ виски. Вообще выраженіе лица его рѣдко мѣнялось; но какъ было воздержаться въ подобную минуту, когда поступокъ стараго Джо давалъ ему предвкусить ожидаемое счастье. Сердце его до такой степени переполнилось радостью, что она не могла не отразиться на его лицѣ. Но улыбнись онъ хоть до ушей, старый Джо едва бы это замѣтилъ.

— Ровно черезъ годъ, сказалъ Джо, все такъ-же пристально и неподвижно глядя въ огонь.—Ровно черезъ годъ.

— Что ровно черезъ годъ? спросилъ тотъ.

— Былъ годъ какъ онъ ушелъ, въ тотъ самый день какъ она умерла, тихо проговорилъ онъ.—Ровно черезъ годъ. И онъ снова долго молчалъ.

Кого не потрясло бы это глубокое, безысходное горе одинокаго старика; но деревянная натура Джорджа нимало не смутилась, онъ лишь потрепалъ брата по плечу и поздравилъ его.

— Очень радъ, что ты такъ благоразуменъ, Джозефъ, и напрасно не печалишься.

Старый Джо медленно поднялъ на него глаза, медленно опустилъ голову и прошепталъ:—Ровно черезъ годъ.

— Выпей-ка стаканъ грогу, сказалъ Джорджъ. Онъ самъ его не пилъ и потому щедрился на него.—Это согрѣетъ и успокоитъ тебя.

Онъ снялъ котелокъ съ огня, приготовилъ стаканъ и поставилъ его около брата.

— Ея дѣвичье имя было Джонсъ, сказалъ старый Джо.—Насъ вѣнчали въ приходской церкви. Моя Ребекка была мнѣ доброю женою цѣлыхъ тридцать пять лѣтъ... Да, доброю женою.

— Да, согласился братъ Джорджъ:—она была очень представительная женщина и экономная хозяйка. Да, Джо, она была всѣмъ этимъ, но теперь, безъ сомнѣнія, ей тамъ еще лучше.

На эту откровенную похвалу не воспослѣдовало отвѣта со стороны вдовца; братъ Джорджъ погрузился въ размышленіе о томъ, какъ велико состояніе старика.

Вдругъ посреди молчанія раздался тихій шопотъ.

— Что тебѣ? спросилъ Джорджъ.

— Ровно черезъ годъ, опять пропенталь старый Джо и прибавилъ громче:—Мнѣ что-то не можется, Джорджъ, а пойду наверхъ и прилягу.

— Вотъ и отлично, сказалъ братъ Джорджъ,—а я подожду здѣсь, пока ты отдохнешь.

Старый Джо тихо побрелъ изъ комнаты, весь какъ-то съживившись, съ руками, болтавшимися какъ плети; шелъ онъ тяжелою, неровною поступью. Джорджъ сидѣлъ, погруженный въ самыя свѣтлыя мечты. Двѣсти пятьдесятъ тысячъ фунтовъ! Ну положимъ хоть и двѣсти тысячъ! И какія радостныя видѣнія носились передъ этимъ деревяннымъ, тупымъ человѣкомъ, липоннымъ всякаго воображенія, всякаго истиннаго пониманія о наслажденіяхъ жизни. Какъ согрѣвали онѣ его холодное, безчувственное сердце.

Насталъ вечеръ. Джорджъ спокойно напился чаю въ гостиной брата, затѣмъ вернулся въ кухню, усѣлся у огня, курилъ и попивалъ свой виски, пока совсѣмъ не стемнѣло, такъ что онъ не могъ больше различать клубовъ дыма, поднимавшихся надъ его головой. Онъ позвалъ служанку, одиноко сидѣвшую въ задней кухнѣ.

— Сара, пойдѣ-ка наверхъ, да позови хозяина.

Дѣвушка вѣбжала по лѣстницѣ и постучала у двери спящаго. Отвѣта не послѣдовало и она постучала вторично. Она закричала Джорджу, что хозяинъ ей не отвѣчаетъ.

— Значить, ужъ больно крѣпко уснулъ, сказалъ братъ Джорджъ.—Пусть его спать, а я пойду домой.

Онъ одѣлъ свою шляпу, повязаную вѣпомъ, спокойно вернулся домой и заснулъ сномъ праведника. Во снѣ такъ и мерещились ему двѣсти тысячъ фунтовъ. Утромъ, сидя за завтракомъ, онъ казалось видѣлъ ихъ въ самыхъ лучахъ лѣтнаго солнца и жадно ловилъ ихъ глазами. Вдругъ раздался послѣшній стукъ у двери и служанка Джорджа, занятая въ кухнѣ, предоставила самому хозяину отворить дверь. На порогѣ стояла служанка его брата, блѣдная и испуганная.

— Я побѣжала за докторомъ, едва лепетала она въ ужасѣ,—и онъ сказалъ, что онъ вѣрно умеръ еще раньше вашего ухода вчера вечеромъ.

Джорджъ отшатнулся къ противоположной стѣнѣ.

— Умеръ! воскликнулъ онъ задыхаясь.—Кто умеръ?

— Вашъ братъ, Джозефъ, сказала дѣвушка.

Этимъ и кончается прологъ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

„КАРТИНЫ МИНУВШАГО“

СТИХОТВОРЕНІЯ И ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ

А. А. НАВРОЦКАГО (Н. А. ВРОЦКАГО).

СОДЕРЖАНІЕ.

Вѣсто предисловія.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Изъ волжскихъ преданій: 1) Коромыслова башня.—2) Князья могила.—3) Утесъ Стеньки Разина.—Новгородъ.—Псковъ.—Архимандритъ Порфирій.—Иванъ Грозный подъ Псковомъ.—Иванъ разбойникъ.—Печальникъ Русской земли.—Бояринъ.—Патріархъ Никонъ.—Бояринъ Кикинъ.—Патріархъ Гермогенъ.—Смерть Петра Великаго.—Двѣ жертвы.—Картина грядущаго.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ.

Стенька Разинъ.—Царевна Софья.—Послѣдняя Русь.—Боярское правленіе.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Памяти Царя-Освободителя.—Примѣчаніе.

Цѣна два руб., съ пересылкою два р. 50 к.

Складъ изданія въ главной конторѣ журнала «Русская Рѣчь»
С.-Петербургъ, Средняя Подъяческая, 1.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ предъидущемъ обзорѣніи нашемъ, мы говорили о желательныхъ и возможныхъ послѣдствіяхъ назначенія новаго начальника Кавказскаго края и предстоявшей перемѣны системы управленія этимъ краемъ. Въ то время, когда мы писали наше обзорѣніе, не существовало еще достаточно опредѣленныхъ данныхъ, которыми должно обусловиться новое управленіе краемъ и обозначиться различіе его отъ той системы, которая господствовала въ немъ до упраздненія намѣстничества. Нельзя сказать, чтобы эти данныя и въ настоящее время опредѣлились уже вполне; во всякомъ случаѣ высочайше утвержденное въ истекшемъ мѣсяцѣ мнѣніе государственнаго совѣта, относительно правъ, которыя должны быть предоставлены новому начальнику Кавказскаго края, по его званію главноначальствующаго по гражданскому управленію этимъ краемъ, даетъ уже этимъ извѣстную опредѣленность, достаточно обозначающую предѣлы его власти и различіе ея отъ того полномочія, которымъ пользовалась она еще въ недавнее время. Вслѣдствіе дѣйствительнаго существованія извѣстнаго рода мѣстныхъ особенностей края, предѣлы этой власти въ томъ видѣ, какъ они опредѣлены въ упомянутомъ нами высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта, хотя и значительно сужены, сравнительно съ предѣлами власти бывшаго намѣстника, принадлежавшаго притомъ въ членамъ императорской фамиліи, являются все-таки значительно болѣе широкими, чѣмъ вообще предѣлы власти генераль-губернаторовъ въ остальныхъ частяхъ Россіи. Настоящій правительственный актъ, мы не считаемъ однако окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса объ основныхъ началахъ управленія Кавказскимъ краемъ и смотримъ на него, какъ на мѣру,

такъ сказать, предварительную, переходную къ большому сближенію съ общими началами управленія государства, необходимую лишь временно, для избѣжанія слишкомъ рѣзкаго перехода, впредь до полного выясненія дѣйствительнаго характера мѣстныхъ условій и степени дѣйствительнаго значенія мѣстныхъ особенностей, вообще, по нашему мнѣнію, обыкновенно значительно преувеличиваемаго. Къ этой мысли насъ приводитъ, между прочимъ, то, что въ самомъ правительственномъ актѣ выражено по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ правъ, что онѣ представляются новому начальнику края лишь временно, причемъ опредѣленъ даже самый срокъ этой временности, именно годичный. Вообще, рассматривая упомянутое выше высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о правахъ, предоставляемыхъ новому начальнику Кавказскаго края, мы видимъ, что права эти распадаются на три категоріи. Во первыхъ, на права, существовавшія при бывшемъ намѣстничествѣ и сохраняемыя за новымъ управленіемъ, какъ мы сказали уже выше, временно, на срокъ одного года. Сюда принадлежатъ: 1) право объявленія въ край всѣхъ повелѣній и распоряженій верховной власти, помимо общаго порядка; 2) право отмены постановленій губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, съ предоставленіемъ частнымъ лицамъ обжалованія распоряженій по сему предмету правительствующему сенату; 3) право назначенія собственной властью пенсій и единовременныхъ пособій, слѣдуемыхъ по закону; 4) сохранить временно, и только по самымъ важнымъ дѣламъ, право представленія непосредственно императорскому величеству проектовъ новыхъ узаконеній или распоряженій; 5) оставить право опредѣленія времени введенія мировыхъ судебныхъ учрежденій въ мѣстностяхъ, занимаемыхъ горскимъ населеніемъ. Во вторыхъ, на права, вновь предоставляемыя начальнику края, каковы: 1) право воспрещенія жительства въ предѣлахъ Кавказскаго и Закавказскаго края, согласно постановленіямъ высочайше утвержденного 14 августа 1881 г. положенія объ усиленной охранѣ; 2) право заявленія подлежащимъ министрамъ втеченіи четырехмѣсячнаго срока о непримѣнности распространенныхъ на Кавказскій край общихъ по имперіи мѣропріятій; 3) право увѣдомленія подлежащихъ министровъ о встрѣченыхъ по отношенію къ ихъ распоряженіямъ неудобствахъ, причемъ таковое право не останавливаетъ самаго приведенія означенныхъ распоряженій въ исполненіе. Первое изъ этихъ правъ, едва-ли можно назвать новымъ. Несомнѣнно, что имъ всегда могла пользоваться, да и пользовалась, конечно, прежняя власть намѣстника края. Что же касается до двухъ другихъ, то намъ кажется, что они представляютъ скорѣе ограниченіе прежде существовавшаго права, чѣмъ предоставленіе новаго. При существованіи намѣстничества, никакія мѣропріятія относительно Кавказа со сто-

роны центральнаго правительства не могли имѣть примѣненія безъ предварительнаго согласія намѣстника, а потому ему и не было никакой надобности въ четырехмѣсячномъ срокѣ для заявленія подлежащимъ министрамъ о непримѣнимости этихъ мѣропріятій или встрѣчаемыхъ къ тому неудобствахъ, тѣмъ болѣе, что министерства вовсе не составляли для намѣстника, особенно для послѣдняго намѣстника, обязательной посредствующей инстанціи. Наконецъ, въ третьихъ, на тѣ права, которыми пользовался бывшій намѣстникъ Кавказа и которыя вовсе отиѣняются для новаго начальника края. Эти весьма важныя права суть слѣдующія: 1) право начальника края входить, въ установленномъ порядкѣ, къ высшей законодательной и исполнительной власти по всѣмъ дѣламъ управленія; 2) право непосредственнаго руководства учрежденіями всѣхъ вѣдомствъ, помимо подлежащихъ министерствъ; 3) право назначенія собственною властью и представленія объ опредѣленіи лицъ по судебному вѣдомству, и 4) право отвода недвижимымъ и безземельнымъ лицамъ дворянскаго и всѣхъ вообще высшихъ сословій Закавказскаго края участковъ свободныхъ земель въ аренду на двадцать четыре года, въ размѣрѣ отъ двадцати до шестидесяти десятинъ, а также разрѣшать по Черноморскому округу отчужденіе свободныхъ казенныхъ земель въ частную собственность, участками въ однѣ руки до трехъ тысячъ десятинъ, за продажную цѣну по десяти рублей за десятину. Отиѣна трехъ первыхъ изъ упомянутыхъ правъ имѣетъ весьма важное, существенное значеніе. Она въ значительной степени упраздняетъ правительственную обособленность края и вводитъ его до извѣстной степени въ общую сферу государственнаго управленія, послѣдствіемъ чего, само собой, явится прекращеніе многихъ административныхъ аномалій, существовавшихъ въ кавказскомъ намѣстничествѣ. Не менѣе важна и отиѣна четвертаго права, права полномасштабнаго распоряженія мѣстной власти государственнымъ достояніемъ — землею, которое въ послѣднія двадцать лѣтъ практиковалось на Кавказѣ въ такомъ размѣрѣ, какой, по объему, едва-ли уступить приобрѣвшему печальную извѣстность расхищенію земель оренбургскому генералъ-губернаторству. Непривлекательныя, но тѣмъ не менѣе крайне поучительныя подробности раздачи и присвоенія кавказскихъ земель ожидаютъ еще своего разоблаченія, отъ котораго они почему-то ускользали до сихъ поръ. Въ общемъ онѣ извѣстны уже однако настолько, что прекращеніе практиковавшагося на Кавказѣ способа распоряженія государственнымъ добромъ давно уже являлось вопіющею необходимостью. Отиѣна упомянутаго четвертаго права, если и не возвратитъ государству потеряннаго, то, по крайней мѣрѣ до извѣстной хотя степени сохранить остальное.

Что касается до существа, формы и объема тѣхъ преобразованій,

въ которыхъ такъ настоятельно нуждается наша кавказская окраина, то разработка всѣхъ вопросовъ по этому предмету возлагается на особую комисію, которая имѣетъ быть образована при начальникѣ края, подъ его предсѣдательствомъ, съ участіемъ представителей различныхъ министерствъ. Мы отъ души желаемъ успѣха этой комисіи въ работахъ по разрѣшенію предстоящихъ жизненныхъ для Кавказскаго края вопросовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не желаемъ и скрывать нѣкотораго рода опасенія относительно возможнаго при упомянутомъ составѣ комисіи характера ея работъ. Можетъ быть опасенія эти и не оправдаются; чему, конечно, мы первые будемъ очень рады; но высказать ихъ теперь же, заблаговременно, считаемъ однако нашею обязанностію. Комисія эта, насколько по крайней мѣрѣ извѣстно, будетъ состоять изъ мѣстныхъ членовъ, вѣроятно по назначенію начальника края, и лицъ—предполагаемъ также—командированныхъ отъ центральныхъ управленій разныхъ министерствъ. Мѣстные члены, конечно, будутъ избраны изъ среды лицъ, занимавшихъ наиболее крупныя посты при прежнемъ управленіи и, слѣдовательно, болѣе или менѣе, волею или неволею, причастны и хотя бы нравственно отвѣтственные за всѣ тѣ порядки, которые господствовали до сихъ поръ на Кавказѣ, и, во всякомъ случаѣ, настолько сжившіеся съ ними, что, по общему свойству человѣческой природы, не могли въ относительной мѣрѣ, болѣе или менѣе, не утратить чувствительности къ безобразію этихъ порядковъ, просто въ силу человѣческой способности привыкать ко всему, даже помимо своекорыстнаго побужденія поддерживать и отстаивать эти порядки, для многихъ изъ нихъ весьма благопріятны. Мы, конечно, далеки отъ мысли предполагать, чтобы въ числѣ мѣстныхъ членовъ не нашлось уже вовсе людей, способныхъ стать выше своекорыстныхъ требованій личнаго интереса; но привычка къ извѣстному *status quo*, иногда помимо воли, примиряетъ со многими дурнымъ и ослабляетъ ощущеніе и сознаніе неприглядныхъ сторонъ этого дурнаго, и заставляетъ бояться всякаго нарушенія этого привычнаго *status quo*, какъ чего-то неизвѣстнаго, рискованнаго, незаконнаго. Поэтому мы и думаемъ, что мѣстные члены, даже при полной доброй волѣ, едва-ли могутъ въ должной и необходимой степени отнестись критически къ существующимъ порядкамъ и безъ посторонняго, безпристрастнаго указанія намѣтить все, что въ нихъ, въ этихъ порядкахъ, подлежитъ отмѣнѣ или преобразованію. Но, спрашивается, откуда же придетъ къ нимъ это указаніе? Конечно, уже не отъ тѣхъ, внесавшихъ къ нимъ откуда-то изъ столицы представителей министерствъ, чужихъ, заѣзжихъ людей, незнакомыхъ съ краемъ и его мѣстными особенностями, которые сами окажутся въ немъ, какъ въ лѣсу, съ своими теоретическими, отвлеченно-канцелярскими воззрѣніями

и понятіями. Очевидно, слѣдовательно, что для цѣлесообразнаго и рациональнаго разрѣшенія подлежащихъ комисіи вопросовъ необходимъ третій факторъ, котораго указанія и фактическія разъясненія, основанныя на точномъ и безпристрастномъ изученіи настоящаго положенія края могли, съ одной стороны, освѣжить притупленное привычкой сознание мѣстныхъ практиковъ, а съ другой — дать почву петербургскимъ теоретикамъ, въ лицѣ представителей министерствъ. Этимъ указующимъ факторомъ можетъ быть только то, о чемъ мы говорили уже въ предыдущемъ обзорѣннн нашемъ, т. е. предшествующая занятіямъ комисіи всесторонняя сенаторская ревизія; а вопросы для разъясненія и предметовъ для провѣрки этой ревизіей кавказская окраина наша представляетъ непочатый уголь, гдѣ, по справедливому замѣчанію одной изъ нашихъ газетъ («Русскія Вѣдомости»), какъ сорныя травы на благодатной почвѣ широко и глубоко пустили свои корни рутина, нежеланіе или неумѣніе возникнуть глубоко въ потребности различныхъ частей населенія, отсутствіе контроля со стороны общества, подавленіе всякой гласности и стремленіе къ поддержанію лишь внѣшняго порядка, которыя не могли содѣйствовать упроченію русскаго вліянія и благосостоянію мѣстнаго населенія. За исключеніемъ немногихъ, главныхъ путей, край страдаетъ отъ недостатка дорогъ, хотя на этотъ предметъ и расходуются ежегодно значительныя суммы. Злоупотребленія мелкихъ административныхъ агентовъ подрываютъ въ туземцахъ довѣріе и уваженіе къ русской администраціи вообще. Система раздачи земельныхъ участковъ чиновникамъ не могла не возбуждать неудовольствія въ болѣе интеллигентномъ классѣ туземнаго населенія. Предпочтеніе, которое оказывалось одной народности передъ другими, оскорбляло послѣднія и, поддерживая рознь, не сопровождалось въ то же время и возростаніемъ русскаго вліянія. Недостаточность мѣръ къ развитію просвѣщенія возбуждала и возбуждаетъ недовольство въ средѣ болѣе культурныхъ народностей, и въ то же время поддерживаетъ отчужденіе отъ русскихъ въ средѣ болѣе враждебныхъ, покоренныхъ мусульманскихъ народностей. Все это обнаружить, изслѣдовать въ причинахъ и послѣдствіяхъ, раскрыть и указать, можетъ только всесторонняя сенаторская ревизія; потому-то, повторяемъ, мы считаемъ ее необходимою для того, чтобы результаты трудовъ предполагаемой комисіи по предмету необходимыхъ для края преобразованій не оказались, если не мертворожденными, то малопродуктивными паліативами.

Изъ газетныхъ сообщеній извѣстно, что населеніе Тифлиса встрѣтило новаго начальника края, по прибытіи его въ этотъ городъ, съ большою торжественностію. Отвѣчая при этомъ случаѣ на привѣтственные рѣчи представителей города и грузинскаго дворянства, князь

Дондуковъ-Корсаковъ, если вѣрить тѣмъ же газетнымъ сообщеніямъ, сказалъ, будто бы, между прочимъ, что въ правительственной дѣятельности своей въ краѣ онъ будетъ слѣдовать примѣру князя Воронцова. Покойный князь принадлежалъ несомнѣнно къ числу выдающихся государственныхъ людей нашихъ и его государственная дѣятельность во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ, конечно, подражанія. Но отдавая должную справедливость достоинствамъ и заслугамъ князя Воронцова, нельзя не сказать, что, можетъ быть вслѣдствіе своего воспитанія и другихъ обстоятельствъ жизни, онъ, по своимъ воззрѣніямъ и симпатіямъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ называютъ русскими иностранцами или, правильнѣе, европейцами. Этотъ европеизмъ вовсе не то, что въ средѣ нашей интеллигенціи называется западничествомъ. Это особенный нравственный ношибъ, присущій только нашей аристократіи, воспитанной за границей, или хотя и дома, но иностранцами. У многихъ изъ людей этого сорта такой европеизмъ вовсе не исключаетъ патріотизма и преданности Россіи и горячаго желанія и стремленія служить на благо ей всѣми своими силами, но у нихъ нѣтъ сердечной связи съ нею; ихъ европеизмъ выражается, главнымъ образомъ, въ духовномъ отчужденіи отъ всего русскаго, въ крайнемъ пристрастіи ко всему иностранному, въ предпочтеніи всего, а въ томъ числѣ и людей, чужому, въ исканіи популярности не въ средѣ русскаго народа, а въ средѣ иностранцевъ и чужаковъ. Таковъ былъ и князь Воронцовъ, и нельзя сказать, чтобы это свойство его мировоззрѣнія не отражалось до нѣкоторой степени на его государственной дѣятельности, и, можетъ быть помимо воли его, нрѣдко во вредъ національнымъ интересамъ Россіи и русскаго народа. Въ Одессѣ и вообще въ Новороссійскомъ краѣ, своимъ неумѣреннымъ благоволеніемъ и покровительствомъ иностранцамъ какой-бы ни было національности, а въ числѣ ихъ и всякимъ пришлымъ проходивцамъ, онъ оскорблялъ иногда самолюбіе русскихъ и нарушалъ ихъ матеріальные интересы. Всѣ бывшіе до него правители Кавказскаго края, хотя можетъ быть далеко уступали князю Воронцову въ государственныхъ способностяхъ, имѣли гораздо болѣе вѣрный и цѣлесообразный взглядъ на внутреннюю, такъ сказать, правительственную политику въ краѣ, на отношенія Россіи и русскихъ къ туземному равноплеменному населенію. Не отдавая предпочтенія ни одному изъ истинныхъ племенъ предъ другими и не обижая ни одно изъ нихъ, но сохраняя между ними, такъ сказать, равновѣсіе, они умѣли, безобидно для нихъ, высоко держать надъ ними русское знамя. Такая политика, не оскорбляя туземцевъ, казалась намъ да и была въ дѣйствительности совершенно естественною и справедливою и приучила уважать русское имя, стремиться къ сближенію съ русскими. Вступивъ въ званіе на-

мѣстника Кавказа, князь Воронцовъ первый отступилъ отъ этой разумной политики и нарушилъ установленное ею равновѣсіе, перенеся и сюда свое неумѣренное благоволеніе и покровительство всему нерусскому, хотя здѣсь не было къ тому даже того предлога якобы высшей культурности, которою можно оправдываться по отношенію къ чужакамъ изъ Европы. Этимъ неумѣреннымъ и неполитическимъ покровительствомъ мѣстнымъ элементамъ онъ возбудилъ въ средѣ ихъ небывалыя притязанія, а русскихъ поставилъ въ какое-то унижительное, чуть не подчиненное положеніе, не господствующаго элемента, а лишь охранной стражи, обязанной защищать, но не властвовать. При этомъ администрація края быстро перешла въ руки туземцевъ и началось давленіе на русскихъ. Въ особенности усилилось значеніе и вліяніе на дѣла края армяны, которые, благодаря своему проницательному характеру, успѣли приобрести особое расположеніе князя Воронцова, даже въ ущербъ болѣе прямодушныхъ грузинъ. Другая ошибка князя Воронцова, по справедливому замѣчанію одной изъ нашихъ газетъ («Свѣтъ», № 58), состояла въ томъ, что онъ далъ то положеніе Кавказскому краю, при которомъ тамъ на Россію стали смотрѣть, какъ на дойную корову, и дошло до того, что эта дойная корова, во благо Кавказскаго края, держала тамъ подъ ружьемъ 230,000 солдатъ (уже при князѣ Барятинскомъ) и ежегодно издерживала изъ собственнаго кармана до 40 миліоновъ рублей, кромѣ сборовъ, получаемыхъ съ Кавказа. Это было совершенное истощеніе средствъ Россіи въ пользу инородческихъ элементовъ. Эти ошибки князя М. С. Воронцова были такъ очевидны, что о немъ многіе и теперь говорятъ, какъ о замѣчательно умномъ человѣкѣ, но человѣкѣ не русскомъ. Кратковременное управленіе Кавказомъ Муравьева Карскаго не могло исправить помянутыхъ ошибокъ его предшественника, а князь Барятинскій, хотя и не въ такой степени, но держался по отношенію къ туземцамъ системы князя Воронцова, которая далеко не была оставлена и въ послѣднія двадцать лѣтъ. Вотъ почему, вполне сочувствуя заявленію князя Дондукова-Корсакова, (если только онъ дѣйствительно сдѣлалъ подобное заявленіе), что въ своей правительственной дѣятельности, онъ будетъ слѣдовать примѣру князя Воронцова, мы желали бы, чтобы это подражаніе не простиралось и на ошибки этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго государственнаго дѣятеля, въ дѣятельности котораго, не впадая въ его ошибки, можно найти многое, достойное подражанія. Говоря все это, мы далеки отъ всякаго желанія какой либо несправедливости, какой либо обиды мѣстнымъ элементамъ края. Въ средѣ этихъ элементовъ есть много людей весьма способныхъ, которыми слѣдуетъ пользоваться. Изъ этой среды вышло немало лицъ, которыя оказали существенныя и почтенныя заслуги государству

которые заслуживаютъ наибольшаго вниманія и уваженія къ нимъ. Мы искренно отвращаемся отъ нарушенія чьихъ бы то ни было законныхъ и справедливыхъ правъ даже въ пользу русскихъ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы позволительно было, изъ желанія популярности въ средѣ туземцевъ, жертвовать интересами и достоинствомъ русскихъ людей! Мы желаемъ только, чтобы новый начальникъ края, въ отношеніи своей внутренней политики въ краѣ, возвратился къ той, безобидной для всѣхъ и вполне цѣлесообразной системѣ равновѣсія, которая господствовала до князя Воронцова; чтобы общія интересы и достоинство Россіи и русскаго народа не приносились въ жертву исключительно мѣстнымъ интересамъ края и его инородческаго населенія.

Отъ пламенной Колхиды перенесемъ теперь, читатель, за ледяныя финскія скалы. Изъ благодатной страны солнца, гдѣ подъ жаркими лучами его зрѣетъ виноградъ и смоковница, гдѣ по склонамъ громадныхъ горныхъ хребтовъ и въ глубинѣ образуемыхъ ими долинъ шумятъ роскошныя лѣса чинара, дубъ и орѣшникъ, гдѣ живописныя побережья ласкаютъ волны теплыхъ морей,—перекинемся въ страну безконечныхъ тундристыхъ равнинъ, едва согрѣваемыхъ на короткое время маломощными косвенными лучами солнца, гдѣ широко раскинулись непроглядныя чащи мрачной хвои, а пустынное побережье омываетъ студеныя воды негостепріимнаго ледовитаго моря. Поразительнъ контрастъ между этими двумя странами; но для перехода изъ одной въ другую намъ нѣтъ надобности брать заграничнаго импорта; и тамъ, и тутъ, мы будемъ у себя дома, нужно только перешагнуть чрезъ всю ширь европейской Россіи. Изъ всѣхъ народовъ земнаго шара, только намъ, русскимъ людямъ, да развѣ еще гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки возможно созерцаніе такихъ контрастовъ, не выходя изъ предѣловъ своего отечества.

Край, куда мы приглашаемъ теперь нашихъ читателей, какъ они вѣроятно догадались уже, это наша сѣверная европейская окраина, это Архангельская губернія, громаднѣйшая изъ нашихъ губерній, раскинувшаяся отъ границъ Норвегіи до Уральскаго хребта, отдѣляющаго Европу отъ Азіи. Сурова природа этого края, но она не была ему мачихой-обидчицей, обдѣльщицей. Угрюмая и непривѣтливая къ нему съ виду, на дѣлѣ, и по отношенію къ этому краю, она является тою же доброю, заботливою матерью, какъ и для благодатныхъ странъ юга. Взамѣнъ яркаго солнца и всѣхъ тѣхъ благъ, которыми она одарила этихъ любимыхъ балованныхъ дѣтей своихъ, она не обидѣла и края-пасынка и щедро надѣлила его своеобразными и богатыми дарами, способными не только обезпечить существованіе его обитателей, но и доставить имъ относительно широкое благосостояніе. И если сѣверный край нашъ не пользуется этимъ благосостояніемъ, если напротивъ того

онъ въ настоящее время далѣе отъ него, чѣмъ былъ когда-то, хотъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, и втеченіи этого полулѣтка бѣднѣетъ все болѣе и болѣе,—то всего менѣе можно винить въ этомъ природу, которая остается все тою же, неизмѣнно щедрою въ дарахъ своихъ; дѣйствительная же причина постепеннаго упадка и обѣдненія нашей сѣверной окраины заключается въ той заброшенности, если можно такъ выразиться, которой подвергся этотъ край съ начала настоящаго столѣтія; въ отсутствіи правительственной заботливости и вниманія къ его нуждамъ и интересамъ и постоянно возрастающаго вслѣдствіе того, такъ сказать, уединенія этого края отъ остальнаго государства и полнѣйшаго преданія его въ руки иностранной эксплуатаціи. И надо сказать, что нигдѣ въ Россіи эта иностранная эксплуатація не отразилась такъ разрушительно на отечественную торговлю, промышленность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на народное благосостояніе вообще, какъ въ Бѣломорскомъ краѣ. Между тѣмъ, край этотъ обладаетъ всѣми данными для самаго широкаго развитія не только собственнаго мѣстнаго благосостоянія, но и для содѣйствія общегосударственному преуспѣванію по истинѣ нельзя не удивляться тому невниманію, съ которымъ относятся столь продолжительное время къ этому послѣднему обстоятельству, которое было понято и оцѣнено по достоинству еще Петромъ Великимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, рассматривая карту европейской Россіи, нельзя не замѣтить, что изъ всѣхъ морей нашихъ въ этой части свѣта, только на одномъ Бѣломъ морѣ Россія является полною хозяйкою и нераздѣльною обладательницею его, никѣмъ и ничѣмъ нестѣсняемою въ правѣ свободнаго движенія, какъ въ предѣлы, такъ и за предѣлы этого исключительнаго русскаго моря. Только на Бѣломъ морѣ нѣтъ узкихъ проходовъ и выходовъ изъ него, подобныхъ зундамъ Балтійскаго и Дарданеламъ Чернаго морей, находящихся во власти недружелюбныхъ и ревнивыхъ къ Россіи иноземцевъ, отъ произвола которыхъ зависить во всякое время запретить эти выходы не только для нашего флота, но и для нашей морской торговли. Не смотря на суровый климатъ, въ которомъ цѣликомъ лежитъ какъ Бѣлое море, такъ и прилежацій къ нему край, и море это, и край этотъ богаты разнообразными дарами природы, разработка которыхъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, можетъ доставить благосостояніе населенію, далеко болѣе многочисленному, чѣмъ-то, которое живетъ въ этомъ краѣ въ настоящее время. Это тѣмъ болѣе справедливо, что русское населеніе здѣсь, состоящее большею частію изъ потомковъ смѣльныхъ и предприимчивыхъ древнихъ новгородскихъ колонистовъ, до сихъ поръ сохранило многія качества своихъ предковъ. Это вообще народъ смысленный и промышленный, неутратившій въ конецъ энергію, даже при тѣхъ тя-

железыхъ условіяхъ, которыми постоянно обставлялась его жизнь въ послѣдніи 40—50 лѣтъ, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и неудачныхъ мѣропріятій.

Было время, когда Бѣлое море составляло существенный выходъ Россіи въ Европу. Въ это время оно честно сослужило свою историческую службу нашему отечеству. Есть люди, думающіе, что служба эта окончена уже навсегда и никогда болѣе не потребуетъ. Желательно, чтобы такое мнѣніе не уворенилось, потому что это было бы великою государственною политическою ошибкою.

Было время, когда Бѣломорскій край былъ оживленъ значительнымъ промышленнымъ движеніемъ, а населеніе его пользовалось, относительно, значительнымъ благосостояніемъ и даже зажиточностію. Геній Петра Великаго, а за нимъ Екатерины Великой умѣлъ оцѣнить значеніе Бѣломорскаго края; оба они употребляли однѣ и тѣ же мѣры для развитія торговаго значенія нашего сѣвера. Мѣры эти носили характеръ той системы, которую въ Англіи начали проводить еще съ 1650 года (билль Кромвеля), и которая, дѣйствуя безъ перерыва и до настоящаго времени, привела это государство на ту высокую степень торговаго значенія, на которой оно находится нынѣ. Система эта, какъ извѣстно, отличается строго покровительственными мѣрами отечественной торговлѣ и промышленности. Петръ, поощряя всѣми зависящими отъ него мѣрами развитіе бѣломорской торговли и желая, по своему обыкновенію, подать примѣръ своимъ подданнымъ, принялся даже за торговлю самъ. Онъ завелъ, на собственный счетъ, два корабля и производилъ на нихъ торговлю, подъ фирмою купца Соловьева. Мѣры, принятія Петромъ и Екатериною, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Въ послѣдніе годы ея царствованія, главный городъ края, Архангельскъ, имѣлъ купеческую биржу и усѣбно соперничалъ съ Ригею по заграничной торговлѣ; въ немъ было болѣе тридцати чисто русскихъ конторъ, производившихъ эту заграничную торговлю на собственныхъ корабляхъ, построенныхъ на бѣломорскихъ верфяхъ русскими строителями. Этихъ верфей было иногда нѣсколько, и онѣ славились и за моремъ прочностію и хорошими мореходными качествами построенныхъ на нихъ судовъ, которыхъ ежегодно спускали отъ 15 до 20, и суда эти охотно покупались иностранцами. Все это было и прошло, и теперь нѣтъ на Бѣломъ морѣ ни судостроенія, ни русскаго торговаго флота, когда-то довольно значительнаго,—говоря относительно, нѣтъ даже и самостоятельной русской торговли; за то существуетъ и процвѣтаетъ въ самыхъ почтенныхъ размѣрахъ эксплуатація иностранцами, въ руки которыхъ почти безраздѣльно перешла вся бѣломорская торговля,—выражаясь принятою фразою,—по зависящимъ отъ нея обстоятельствамъ. Первый ударъ благосостоянію

Архангельска и всего сѣвернаго края нанесенъ былъ вскорѣ послѣ смерти Екатерины II ея пріемникомъ. Въ 1797 году, императоромъ Павломъ заключенъ уже былъ съ Англіею трактатъ на основаніи равноправности. Трактатъ этотъ имѣлъ для сѣверной нашей торговли самыя печальныя послѣдствія. Послѣдствія не замедлили обнаружиться. Черезъ 15 лѣтъ, въ Архангельскѣ не было уже ни одного русскаго торговаго дома. Когда-то богатые въ Архангельской губерніи рыбный и соляной промыслы мало-по-малу пришли въ упадокъ, и населеніе края въ большей части забыло вкусъ чистаго настоящаго хлѣба. Есть люди, которые и это явленіе находятъ нормальнымъ; но мы опять желаемъ, чтобы такое мнѣніе не укоренилось, потому что это было бы великою государственно-экономическою ошибкою.

Мы не имѣемъ въ виду въ настоящемъ обзорѣни разсматривать въ подробности, какъ и почему съ Бѣломорскимъ краемъ случилась такая метаморфоза, какъ и почему, обладая вполне достаточными данными для матеріальнаго благосостоянія, дошелъ онъ до настоящаго неотраднаго своего состоянія. При неотрицаемости самаго факта, въ настоящее время, единственнымъ благовременнымъ вопросомъ намъ кажется лишь вопросъ о томъ, какъ и чѣмъ, скорѣе и легче всего, можно помочь обѣднвшему краю выйти изъ своего печальнаго экономическаго разстройства; кажется, какъ мы замѣтили уже выше, что, помимо интересовъ государственныхъ вообще и мѣстныхъ въ частности, простое чувство справедливости требуетъ не откладывать разрѣшеніе этого вопроса далѣе. Не слѣдуетъ забывать, что изъ всѣхъ благъ, которыя доставили Россіи благоприятныя событія и плодотворныя преобразованія прошедшаго царствованія, почти ничего не досталось на долю Бѣломорскаго края. По отсутствію въ немъ крѣпостнаго состоянія, крестьянская реформа не имѣла для него почти никакого значенія; до него не достигли еще ни земскія учрежденія, ни новый судъ; его не коснулись желѣзныя дороги, изрѣзавшія изъ конца въ конецъ европейскую Россію. Должны же, наконецъ, и на этотъ забытый и обойденный край обратиться правительственная заботливость и вниманіе общественное, тѣмъ болѣе, что, благодаря своимъ естественнымъ богатствамъ, край этотъ какъ нельзя болѣе способенъ вознаградить съ избыткомъ и частную предприимчивость, и правительственныя пожертвованія, которыя могутъ быть для него сдѣланы.

Прекратить это забвеніе, этотъ обдѣлъ Бѣломорскаго края правительственною заботливостію и вниманіемъ и поставилъ себѣ, кажется, задачей нынѣшній начальникъ Архангельской губерніи Н. М. Барановъ, прибывшій въ настоящее время въ Петербургъ съ цѣлою, весьма обширною программой представленій и ходатайствъ о нуждахъ и инте-

ресахъ вѣреннаго его управленію обширнаго края. Быстрый и блестящій служебный успѣхъ генерала Баранова, которымъ впрочемъ онъ обязанъ въ значительной степени несомнѣнными (что бы тамъ ни говорили) подвигами, оказанными имъ въ минувшую войну, создалъ ему, какъ извѣстно, и множество поклонниковъ и много враговъ, особенно въ средѣ морскаго вѣдомства, пытавшихся отрицать всякую заслугу этихъ подвиговъ и представить въ глазахъ общественнаго мнѣнія бывшаго командира «Вести» и «Россіи» лишь ловкимъ и счастливымъ карьеристомъ. Мы не имѣемъ въ виду принимать на себя защиту г. Баранова противъ подобнаго рода нареканій, тѣмъ болѣе, что общественное мнѣніе само по достоинству оцѣнило качество и сущность этой вражды. Не принадлежа ни къ безусловнымъ поклонникамъ, ни къ такимъ противникамъ Н. М., мы думаемъ, что самая наличность подобной крайности въ сужденіяхъ возможна только о лицѣ; все-таки болѣе или менѣе выдающемся. Во всякомъ случаѣ, за генераломъ Барановымъ нельзя не признать, что это человѣкъ энергіи и почина, какихъ у насъ, къ сожалѣнію, при нашей общественной дряблости, не только не существуетъ въ избыткѣ, а напротивъ постоянно чувствуется крайній недостатокъ. Если генерала Баранова, какъ общественнаго дѣятеля, и можно упрекнуть въ чемъ нибудь, то развѣ въ нѣкоторой излишней суетливости и торопливости; но и это, право, лучше той апатіи, того подчиненія рутинѣ и боязни всякаго почина, которая постоянно проявляются во всѣхъ дѣлахъ нашихъ.

Назначенный въ половинѣ минувшаго года начальникомъ Архангельской губерніи, Н. М. Барановъ и на новомъ посту своемъ явился тѣмъ же человѣкомъ энергіи и почина, въ какомъ именно давно нуждается этотъ богатый, но заброшенный и, вслѣдствіе того, обнищавшій край. Тотчасъ по прибытіи на мѣсто, новый начальникъ края, съ обычною ему торопливостью, образовалъ особую комисію изъ семидесяти членовъ, изъ лицъ болѣе или менѣе компетентныхъ по всѣмъ отраслямъ народной, общественной и экономической жизни края. Этой комисіи, подъ своимъ личнымъ предсѣдательствомъ, онъ поручилъ подробно и обстоятельно высказаться о всѣхъ нуждахъ и потребностяхъ края, выработать тѣ мѣры и преобразованія, которыя, по ихъ мнѣнію, желательны и необходимы для возможнаго удовлетворенія этихъ нуждъ и для дѣйствительнаго улучшенія народнаго быта въ губерніи во всѣхъ отношеніяхъ, по части хлѣбопашества, скотоводства, лѣсоводства, морскихъ промысловъ, судостроенія, торговаго мореходства, сухопутныхъ путей сообщенія, народнаго образованія и облегченія вообще условій жизни на сѣверѣ. Плодомъ трудовъ этой комисіи была обширная програма упомянутыхъ мѣръ и преобразованій, обнимающихъ всѣ вышеуказанные вопросы, съ которою генералъ Барановъ и отправился

въ Петербургъ, для личнаго ходатайства предъ высшимъ правительствомъ о возможномъ осуществленіи этой программы, какъ необходимой для экономическаго возрожденія этого обширнаго края. Помимо предстоящей бюрократической оцѣнки въ различныхъ канцеляріяхъ и кабинетахъ своихъ ходатайствъ, генералъ Барановъ счелъ полезнымъ подвергнуть ихъ суду общественнаго мнѣнія. Съ этою цѣлью, какъ въ Москвѣ, по пути въ Петербургъ, такъ и здѣсь, въ Петербургѣ, въ публичныхъ собраніяхъ, онъ прочелъ «Краткій обзоръ будущности нашего крайняго сѣвера», (такъ озаглавилъ онъ свои рефераты) въ которыхъ въ сжатомъ видѣ онъ познакомилъ публику обѣихъ столицъ съ содержаніемъ привезенной имъ, для представленія высшему правительству, записки о нуждахъ Бѣломорскаго края и предполагаемыми имъ мѣрами для удовлетворенія этихъ нуждъ. Интересъ предмета, понятно, какъ въ Москвѣ, такъ и здѣсь, собралъ на чтеніе генерала Баранова многочисленное общество, въ которомъ присутствовали многіе высшіе представители разныхъ правительственныхъ учреждений и ученыхъ обществъ, и которое съ полнѣйшимъ сочувствіемъ отнеслось, какъ къ личности лектора, такъ и къ его предположеніямъ по предмету оживотворенія нашей позабытой сѣверной окраины, что и выражало ему неоднократно громкими рукоплесканіями. Генералъ Барановъ началъ съ того, что «напомнилъ присутствовавшимъ, какъ пространенъ край, носящій названіе Архангельской губерніи, какъ онъ богатъ, какъ выгодно его географическое положеніе, и, въ то же время, какъ онъ бѣднѣетъ, гложеть. Напомнилъ онъ и о прошломъ этого края; о томъ, что первыми эксплуататорами его богатствъ были новгородцы, что его коснулася могучая дѣятельность Петра Великаго, давшая толчокъ его развитію, и что онъ дѣйствительно развивался до первой четверти нашего столѣтія, но съ тѣхъ поръ быстро началъ приходить въ упадокъ. «При ближайшемъ изслѣдованіи причинъ упадка, слава Богу, говорилъ Н. М. Барановъ,—я убѣдился, что всѣ эти причины не коренныя и что ихъ можно поборотъ». Вотъ почему учрежденная на сѣверѣ комисія «не имѣла своею задачею составленіе надгробной эпитафіи надъ обширнѣйшею изъ областей Россіи, а, напротивъ, изысканіе способовъ отстранить искусственные тормазы, которые десятиами лѣтъ ложились на пути къ процвѣтанію русскаго приокеанья» («Голосъ», № 52 сего года). Перейдя затѣмъ къ существу дѣла и прежде всего къ вопросу о хлѣбопашествѣ и вообще земледѣліи и скотоводствѣ въ Архангельской губерніи, «Н. М. Барановъ сообщилъ слѣдующій удивительный фактъ: въ губерніи имѣется до 72.000,000 дес. земли, а крестьяне юридически не надѣлены землею; фактически же они владѣютъ на душу отъ $\frac{3}{4}$ до 1 дес. и съ такихъ надѣловъ должны и прокармливаться, и нести подати. Такіе незна-

чительные участки, разумѣется, не допускаютъ не только развитія хлѣбопашества и скотоводства, но порождаютъ равнодушіе среди крестьянъ къ своему хозяйству при мысли, что воздѣлываемая ими земля не есть ихъ собственность. Поэтому комисія ходатайствуетъ о безотлагательномъ надѣленіи крестьянъ землею, въ размѣрѣ 30 дес. на душу, въ видахъ привлеченія переселенцевъ; о правѣ пользованія ими такими же надѣлами; о воспособленіи по предмету устройства образцовой молочной фермы въ Холмогорскомъ уѣздѣ, которая могла бы способствовать поддержанію породы холмогорскаго скота и развитію молочнаго хозяйства среди мѣстнаго населенія, вмѣсто того, чтобы продавать скотъ на убой въ Норвегію». Замѣчательно, что развитіе хлѣбопашества въ Архангельской губерніи было усиленною заботою министерства государственныхъ имуществъ въ сороковыхъ годахъ, особенно во время продолжительнаго, семнадцатилѣтняго завѣдыванія этою частью въ губерніи, недоброй памяти, знаменитаго разореніемъ поморь, г. Левицкаго. Извѣстно, что далеко не вся Архангельская губернія, по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, способна къ хлѣбопашеству; а г. Левицкій хлопоталъ о водвореніи этого хлѣбопашества не въ Шенкурскомъ, напримѣръ, уѣздѣ, а именно тамъ, гдѣ сама природа противопоставляетъ неодолимыя къ тому препятствія, именно, въ Поморьѣ, и чтобы «приохотить» къ нему поморь, онъ запретилъ имъ исконную промышленность ихъ — судостроеніе, обложивъ его невозможными налогами. «Результатомъ такихъ мѣръ, говоритъ г. Долинской въ своей книгѣ «Сѣверъ Россіи» (стр. 28),—было то, что поморы, вмѣсто хлѣба, вынуждены ѣсть мохъ, древесную кору, солому и другія питательныя вещества, о которыхъ сказано въ началѣ доклада. Десятки тысячъ ихъ, вмѣсто работы, ходятъ за сборомъ милостины, обременяя собою страну и государство. Между тѣмъ, свобода промышленности судостроенія, при всѣхъ благоприятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, легко доставила бы этимъ несчастнымъ настолько матеріальныхъ средствъ, чтобы не только ѣсть чистый, здоровый хлѣбъ, но они могли бы пить вино, чай и кофе, подобно финляндцамъ и норвежцамъ, при сравнительно худшихъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ обитаемой послѣдними мѣстности. Нельзя насиловать мѣстной народной промышленности по однимъ кабинетнымъ расчетамъ. Смотря же на такое насиліе со стороны практической, не угодно ли увѣрить простой русскій народъ, что это не болѣе, какъ одишь лишь теоретическія умозрѣнія бюрократовъ, и что здѣсь нѣтъ задней цѣли — покровительствовать иностраннымъ интересамъ во вредъ интересовъ русскихъ. При знакомствѣ съ нашими административными порядками, нельзя даже и удивляться подобнымъ странностямъ; онѣ весьма естественны, когда части одного и того же недѣ-

лимаго дѣла разрабатываются и обсуждаются въ 20 департаментахъ семи министерствъ, завѣдывающихъ земледѣліемъ, разными отраслями промышленности и торговли». Память объ этомъ полѣтѣ—любитель кѣ-бопашества на побережьи Ледовитаго моря и до сихъ поръ сохраняется среди поморовъ.

Перейдя затѣмъ къ лѣсной промышленности, генералъ Барановъ сообщилъ, что «подъ государственными лѣсными дачами въ Архангельской губерніи числится до 60.000,000 дес., изъ которыхъ, безъ всякаго истощенія лѣсовъ, можно было бы выпускать до 3.000,000 деревь. Въ настоящее же время вывозится оттуда только около 720,000 бревень ежегодно и, не смотря на это, раздаются жалобы на обезлѣсеніе. Причину такого положенія дѣла Н. М. Барановъ видитъ въ неправильномъ взглядѣ министерства государственныхъ имуществъ на эту отрасль государственнаго хозяйства. Закономъ предоставлены широкія льготы, въ отношеніи выбора дачъ, участковъ, большихъ сроковъ для работъ, разсрочекъ въ платежахъ, лицамъ, покупающимъ лѣсъ на сумму свыше 10,000 р. Меньшія льготы предоставлены покупателямъ свыше суммы 1,000 р., а мелкіе покупатели вовсе не имѣютъ никакихъ льготъ. Крупнымъ же капиталистамъ переданы въ аренду казенныя лѣсопильные заводы, чрезъ что мѣстное населеніе поставлено въ батрачное положеніе въ отношеніи къ этимъ капиталистамъ. Поэтому комисія ходатайствуетъ о предоставленіи мелкимъ покупателямъ казеннаго лѣса льготъ, одинаковыхъ съ крупными предпринимателями и контрагентами, и объ устройствѣ бѣльшаго числа лѣсопильныхъ заводовъ по разнымъ лѣснымъ мѣстностямъ, для того, чтобы вырубка распредѣлялась равномернѣе на все лѣсное имущество. Виѣстѣ съ тѣмъ комисія ходатайствуетъ о поощреніи смолокурнаго производства дозволеніемъ пользоваться для него вершинникомъ, пнями и корнями, засаривающими лѣса» («Голосъ», № 52 сего года). Какъ на большое мѣсто въ жизни нашего Бѣломорскаго края, требующее усиленнаго врачеванія, генералъ Барановъ указалъ на плохое, въ качественномъ отношеніи, состояніе мѣстной администраціи и вообще правительственныхъ агентовъ. Нѣтъ людей годныхъ, знающихъ, надежныхъ не въ смыслѣ полицейской благонадежности, а въ смыслѣ способностей и нравственныхъ качествъ. Жалоба на недостатокъ хорошихъ служилыхъ людей не нова и слышится она далеко не изъ одной Архангельской губерніи; раздается она и изъ Сибири, да чуть ли и не отовсюду изъ «мѣстъ и не столь отдаленныхъ»; такъ едва-ли можно удивляться, что ихъ не обазывается въ мѣстахъ столь отдаленныхъ, какъ Архангельская губернія, или Сибирь. При общемъ отсутствіи у насъ избытка въ хорошемъ матеріалѣ для службы, въ особенности на низшихъ административныхъ ступеняхъ, понятно, что все, что мало-мальски по-

лучше, находить себѣ помѣщеніе внутри Россіи, а на дальній востокъ и сѣверъ идти большею частію, такъ сказать, оборыши. Поэтому комисія совершенно основательно находить, что для привлеченія на службу въ Архангельскую губернію лучшихъ дѣятелей необходимо особыя льготы и поощренія. Мѣра эта, какъ извѣстно, далеко у насъ не новая. Она практиковалась издавна у насъ не только по отношенію къ Сибири, Кавказу, но даже къ Западному и Привислянскому краямъ, хотя и нельзя сказать, чтобы гдѣ нибудь особенно успѣшно достигала своей цѣли; это доказываетъ, конечно, что для образованія хорошаго служебнаго персонала льготъ и преимуществъ по службѣ недостаточно, а нуженъ вмѣстѣ съ тѣмъ, во первыхъ: тщательный выборъ, а затѣмъ — постоянный контроль за дѣятельностью служащихъ и контроль не со стороны одного только подлежащаго начальства въ іерархической постепенности, которое само не можетъ быть изъято отъ наблюденія, такъ какъ въ верхахъ оно часто требуетъ отъ подчиненныхъ только формальнаго благополучнаго обстоянія, а въ срединѣ чаще всего исповѣдуетъ извѣстный догматъ «рука руку моему и обѣ чисты бываютъ». Потому то мы и говоримъ, что одинъ контроль непосредственнаго, всегда болѣе или менѣе заинтересованнаго начальства недостаточенъ. Необходимъ контроль третьяго лица, такъ сказать, посторонняго вѣдомства, которое, по своему положенію, невольно сдѣлается неприятымъ высшей мѣстной административной власти своими докучными сообщеніями ей о неправильной или неприглядной дѣятельности его низшихъ агентовъ. Кто же у насъ можетъ быть такимъ независимымъ контролеромъ? Формально, если хотите, у насъ существуютъ два рода органовъ подобнаго контроля. Однимъ изъ нихъ является прокурорскій надзоръ въ томъ видѣ, какъ онъ учрежденъ уставами 1864 года. Недавно еще одна газета указывала на это орудіе, какъ на средство для обузданія казнокрадства. Но дѣло въ томъ, что институтъ прокурорскаго надзора, по предмету независимости въ своихъ отношеніяхъ къ высшей мѣстной администраціи, въ послѣдніе годы, подвергся значительному измѣненію до такой степени, что не нравиться этой власти сдѣлалось и для него далеко безразлично въ смыслѣ служебной карьеры. Другимъ независимымъ отъ мѣстной власти органомъ всесторонняго правительственнаго контроля считался институтъ жандармскій. Такова, по крайней мѣрѣ, намъ кажется, была основная цѣль этого учрежденія, долженствовавшего возстановить собою петровскій институтъ фискаловъ; но если мы не ошибаемся, если это дѣйствительно такъ, то слѣдуетъ сказать, что институтъ жандармскій никогда, а всего менѣе въ послѣднее время не осуществлялъ своею дѣятельностью вышеупомянутой цѣли. Учрежденіе это, какъ извѣстно особенно въ настоящее время, всецѣло поглощено одностороннею дѣя-

ательностью по наблюденію за политической благонадежностью, по розысканію, открытію и разслѣдованію тайныхъ злоумышленій того же исключительно политическаго характера, а всякое служебное или не служебное противозаконіе, всякое зло, не имѣющее указаннаго нами исключительнаго характера, повидимому, вовсе не входитъ въ кругъ его наблюденія и висколько его не интересуеетъ, что и доказывается такимъ повсемѣстнымъ обиліемъ разныхъ подобнаго рода не политическихъ расхищеній казеннаго и общественнаго достоянія превышенія и бездѣйствія власти и всякаго рода мелкихъ и крупныхъ злоупотребленій, въ родѣ, на примѣръ, фишеровскаго, токаревскаго и многихъ подобнаго рода дѣлъ, въ родѣ расхищенія казенныхъ земель, или таганрогскихъ таможенныхъ продѣлокъ, длившихся безнаказанно многіе годы, о чемъ лица мѣстнаго жандармскаго института не могли, конечно, не знать и не разузнать въ подробности при малѣйшемъ въ тому желаніи, и притомъ настолько своевременно, чтобы не дать развиться столь вопіющимъ злоупотребленіямъ до тѣхъ размѣровъ, до которыхъ они достигли съ теченіемъ времени, вслѣдствіе вольнаго или невольнаго попустительства со стороны обоего рода «очей и ушей» высшаго правительства. Есть, впрочемъ, и помимо этихъ официальныхъ органовъ контроля надъ служебной нравственностью, еще одинъ органъ неофициальный, вполне независимый отъ лицъ и независимый отъ качествъ собственно личности, такъ какъ онъ въ сущности безличенъ,—это контроль общественнаго мнѣнія, но этотъ контроль, какъ извѣстно, не пользуется у насъ ни особеннымъ расположеніемъ и довѣріемъ, ни необходимою свободою для надлежащаго проявленія себя, а потому и не въ состояніи принести всей той пользы, которую возможно ожидать отъ него. Такимъ образомъ, контроль надъ исправностью, добросовѣстностью и знаніемъ дѣла служащихъ въ томъ видѣ, въ какомъ этотъ контроль существуетъ у насъ въ настоящее время, не можетъ служить достаточнымъ обезпеченіемъ добропорядочнаго состава служебнаго персонала. Для достиженія этой цѣли остается, слѣдовательно, только возможно тщательный выборъ служащихъ, который, въ свою очередь, возможенъ лишь при существованіи конкуренціи; но когда дѣло касается службы въ такомъ отдаленномъ и малопривлекательномъ край, какъ Архангельская губернія, то понятно, что такая конкуренція можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если эта служба будетъ обставлена такими преимуществами, которыя способны привлечь не однихъ оборышей, не находящихся нигдѣ для себя мѣста, но и людей достойныхъ, а поступившихъ на эту службу заставили бы дорожить ею, и если не по сознанію долга, то хоть изъ опасенія потерять хорошее мѣсто, добросовѣстно исполнять свои обязанности.

Резюмируя за симъ, въ возможно сжатомъ видѣ, дальнѣйшее содержаніе рѣчи генерала Баранова, какъ она появилась въ газетахъ («Голосъ», № 52 сего года) всѣ остальные предположенія, выработанныя комисіею семидесяти для улучшенія и развитія благосостоянія Архангельской губерніи, сводятся въ сущности къ слѣдующимъ мѣрамъ ходатайства, осуществленіе которыхъ предъ правительствомъ и составляетъ цѣль его настоящаго пріѣзда въ Петербургъ:

Образованіе Запечерскаго уѣзда, съ возведеніемъ села Усть-Цильмы въ уѣздный городъ.

Возведеніе запятатаго города Колы по прежнему въ уѣздный городъ.

Соединеніе уѣздныхъ городов Архангельской губерніи телеграфнымъ сообщеніемъ.

Учрежденіе реального училища въ Архангельскѣ и увеличеніе числа народныхъ школъ въ губерніи.

Учрежденіе періодическихъ съѣздовъ поморовъ для обсужденія экономическихъ вопросовъ края.

Проложеніе нѣсколькихъ почтовыхъ дорогъ въ губерніи, гдѣ въ настоящее время не существуетъ никакихъ сообщеній; и

Введеніе въ Архангельской губерніи института мировыхъ судей, взамѣнъ существующей тамъ судебной организаціи.

Осуществленіе всѣхъ или даже нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ мѣръ, по словамъ генерала Баранова, можетъ однако лишь до нѣкоторой степени способствовать оживленію края; но этого далеко недостаточно, чтобы сдѣлать его дѣятельно полезнымъ факторомъ всеобщей жизни государства. Если взглянуть на прошлое сѣвера, то нельзя не замѣтить, что торговля и промышленность Архангельска падали по мѣрѣ улучшенія путей сообщенія въ имперіи. Это улучшеніе не коснулось однако сѣвернаго края, который такимъ образомъ осталось какъ бы отрѣзаннымъ отъ внутреннихъ рынковъ Россіи и потому все болѣе и болѣе теряетъ свой, когда-то оживленный промышленный и торговый характеръ. Только соединеніе желѣзною дорогою бассейна Сѣверной Двины съ бассейномъ Волги можетъ снова поправить дѣла и дать правильное направленіе развитію нашего сѣвера и поднятію его на ту высоту, на которой онъ долженъ стоять по отношенію къ экономическимъ интересамъ государства. Поэтому представители крайняго сѣвера ходатайствуютъ о проведеніи желѣзной дороги отъ селенія Котласъ, на сѣверо-двинскомъ бассейнѣ, до селенія Кукарка на рѣкѣ Вяткѣ.

Особенное значеніе, стратегическое и торговое, Н. М. Барановъ приписываетъ Мурманскому берегу, представляющемуся, по его словамъ, единственнымъ берегомъ, омываемымъ моремъ, которое не мо-

жетъ быть заперто для русскихъ судовъ ни льдами, ни политическими преградами. Море по Мурманскому берегу никогда не замерзаетъ на протяженіи 800 верстъ, а между тѣмъ на немъ не существуетъ до сихъ поръ порта для стоянки судовъ. Всѣ мѣры, которыя до сихъ поръ принимало правительство для заселенія и вообще для развитія Мурманскаго берега, не принесли жалаемой пользы и даже обратились во вредъ русскимъ интересамъ на сѣверѣ. Вслѣдствіе этого комисія постановила ходатайствовать:

О безусловномъ запрещеніи ввоза иностранныхъ напитковъ на Мурманъ, причиняющихъ страшный вредъ русскимъ промышленникамъ, которые проживаютъ на такъ называемый норвежскій ромъ весь своей зароботокъ.

О недопущеніи на Мурманъ и Новую Землю колонистовъ иностранцевъ.

Объ учрежденіи должности инспектора рыбныхъ промысловъ и о заведеніи маленькаго пароваго судна, которое должно быть въ распоряженіи этого инспектора.

Объ устройствѣ порта въ Териберкѣ.

О проведеніи телеграфа черезъ главныя мѣста поселеній Мурманскаго берега и соединеніи его съ одной стороны, съ Архангельскомъ, а съ другой—съ пограничною станціею въ Норвегіи.

Объ устройствѣ въ трехъ пунктахъ берега пріемныхъ больничныхъ кокоевъ.

О возобновленіи разрушеннаго въ XV вѣкѣ норвежцами Печерскаго монастыря и объ устройствѣ монастырскаго скита на Новой Землѣ, которому поручить содержаніе Новоземельской спасительной станціи и пріюта для промышленниковъ, которые вынуждены будутъ зимовать на островѣ; и

Объ измѣненіи устава Мурманскаго парокходства, по окончаніи срока субсидіи, и о допущеніи къ совершенію срочныхъ рейсовъ по Бѣлому морю и мурманскому берегу единовременно нѣсколькимъ судохозяевамъ.

Признавая китобойный и рыбный промыслъ за лучшую шволу для моряковъ, а Мурманскій берегъ и другія части сѣвернаго приокеанія самыми богатыми и лучшими мѣстностями для развитія означенныхъ промысловъ, комисія полагаетъ необходимымъ обратить на эти промыслы серьезное вниманіе, въ виду печальныхъ результатовъ, представленныхъ въ прошломъ году рыбнымъ промысломъ въ Архангельской губерніи. Изъ всего количества рыбы, ввезенной въ Бѣлое море, 73% приходилось на норвежскую рыбу и только 27% на долю русскихъ рыбопромышленниковъ. Что же касается китобойнаго промысла, то

онъ дѣлаеть миліонеровъ изъ норвежскихъ промышленниковъ. Комисія въ отношеніи этихъ промысловъ ходатайствуетъ:

О наложеніи пошлины весьма малаго размѣра на норвежскую рыбу, ввозимую въ порты Бѣлаго моря.

О воспрещеніи иностранцамъ бить китовъ на Мурманѣ и о поощреніи русскаго китобойнаго промысла.

О доставленіи возможности поморамъ знакомиться съ новѣйшими способами рыбной ловли, употребляемыми у Нью-Фаундленда и Лабрадора; и

О предоставленіи нѣкоторыхъ льготъ тѣмъ отъ русскихъ рыбопромышленниковъ, которые перейдутъ отъ своихъ «допотопныхъ» судовъ къ судамъ болѣе совершенныхъ типовъ, употребляемыхъ европейцами и американцами.

По отношенію къ развитію торговаго мореплаванія на сѣверѣ, о государственной важности котораго было неоднократно столько говорено, комисія постановила ходатайствовать о содѣйствіи со стороны правительства, по примѣру Франціи, разными льготами и субсидіями судовладѣльцамъ, объ облегченіи имъ кредита и объ образованіи общества взаимнаго страхованія судовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, должны быть приняты мѣры къ облегченію плаванія на русскихъ сѣверныхъ моряхъ, какъ, на примѣръ: устройство маяковъ, увеличеніе гидрографическихъ знаковъ и пересмотръ лопманскихъ правилъ для Бѣлаго моря, весьма уже устарѣвшихъ.

Въ заключеніе своего сообщенія, Н. М. Барановъ коснулся болѣе или менѣе распространеннаго мнѣнія въ Россіи, что нашъ сѣверъ запродавъ иностранцамъ. Нѣтъ, сказалъ онъ, сѣверъ не запродавъ, а придавленъ вліяніемъ иностраннаго капитала, борьба съ которымъ возможна только привлеченіемъ, при содѣйствіи правительства, русскихъ капиталовъ и русской частной предпримчивости». Въ настоящее время пока еще нельзя обходиться и безъ иностранныхъ капиталовъ. Въ примѣръ Н. М. Барановъ представилъ англійскую компанію по вывозу дѣса изъ дачъ, прилегающихъ къ онежскому порту. Вывозъ этого дѣса есть единственный заработокъ мѣстнаго населенія. Контрактный срокъ компаніи кончается въ 1883 г. «Всею душою желаю видѣть, сказалъ Барановъ,—какъ во всей Россіи, такъ и на Онегѣ, русскихъ производителей, а все же оставиваюсь въ своемъ ходатайствѣ о возобновленіи контракта съ англичанами, такъ какъ если не появится, въ замѣнъ иноземцевъ, на угрюмой Онегѣ, русскій капиталистъ, то ропщущее нынѣ на нихъ населеніе останется безъ хлѣба, а однимъ чувствомъ независимости прокормиться нельзя». Мы думаемъ, однако, что опасеніе генерала Баранова относительно неавки русскаго капиталиста на смѣну ан-

гліійской компаніи онежскаго лѣснаго торгоа едва-ли основательно. Извѣстно, что и въ то время, когда онежскій лѣсной промыселъ отдавался англійской компаніи, были уже русскіе конкуренты, предлагавшіе казніѣ даже болѣе выгодныя условія, но иностранцы, какъ это нерѣдко бываетъ, одержали верхъ. Найдутся, безъ сомнѣнія, и теперь русскіе охотники взять на себя это выгодное дѣло, особенно если для русскаго предпринимателя будутъ сохранены тѣ же благодатныя условія контракта, какими пользуется въ настоящее время англійская компанія. Но дѣло въ томъ, что возобновлять этотъ пресловутый контрактъ на тѣхъ же условіяхъ даже и для русскаго предпринимателя едва-ли позволительно, по крайней его невыгодности и для казны и для мѣстнаго населенія. Этотъ контрактъ, какъ извѣстно, родной, хотя и младшій (по размѣру цифры) братъ скандальной памяти знаменитаго когда-то контракта американца Уайненса по ремонту николаевской желѣзной дороги, заключеніемъ котораго въ свое время прославилось вѣдомство путей сообщенія, отъ котораго правительству пришлось потомъ откупаться миліоннымъ пожертвованіемъ и благодаря которому, Уайненьс и въ настоящее время является главнымъ акціонеромъ и, въ этомъ качествѣ, чуть не хозяиномъ нашей николаевской, самой доходной въ мірѣ, желѣзной дороги. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ печати нашей появилось нѣкотораго рода разоблаченіе тайны заключенія контракта съ англійской компаніей онежскаго лѣснаго торгоа. Изъ этого разоблаченія можно было догадаться, что если контрактъ этотъ по размѣру капитала и уступаетъ контракту Уайненса, то по характеру своему составляетъ такой же подвигъ мѣстной лѣсной администраціи, какой совершило вѣдомство путей сообщенія, заключая контрактъ съ только что упомянутымъ американскимъ гражданиномъ.

Рефератъ генерала Баранова служить новымъ подтвержденіемъ старой истины: ничто не ново подъ луною. Просматривая вышеприведенный перечень мѣръ, проектированныхъ архангельскою комисією семидесяти для подъема благосостоянія Архангельской губерніи, невольно приходится сказать съ Фамусовымъ: «Ва! Знакомые все, если не лица, то вопросы!» Дѣйствительно, кто слѣдитъ за внутренней жизнью Россіи, тому всѣ эти вопросы, всѣ эти пожеланія и ходатайства не могутъ быть незнакомы. Вообще въ Вѣломорскому краю нельзя приложить пословицу: «Дитя не плачетъ, мать не разувѣетъ». По мѣрѣ того, какъ край экономически падалъ, это заброшенное дитя Россіи не переставало плакать, горько плакать, взывая о помощи къ матери-Россіи. Несправедливо было бы сказать, что мать оставалась глуха къ этому плачу своего дитяти. Вопросы о помощи ему поднимались и въ царствованіе Александра I, особенно во время управленія существовавшимъ тогда министерствомъ торговли графа Румян-

цева, много хлопотавшаго о развитіи морскихъ рыбныхъ и китоловнаго промысловъ въ сѣверномъ океанѣ. Поднимались эти вопросы и въ царствованіе Николая, но съ особенною настойчивостью возбуждались они почти во все продолженіе минувшаго царствованія, можно сказать даже, что, втеченіи послѣднихъ 25 лѣтъ, они почти не сходили съ очереди, какъ въ печати, такъ и въ разныхъ учено-экономическихъ обществахъ, благодаря настойчивымъ стараніямъ извѣстныхъ защитниковъ нашего сѣвера, гг. Сидорова, Латкина, Данилевскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Но вопросы объ улучшеніи экономического положенія нашего сѣвера принадлежатъ, повидимому, къ тѣмъ, если такъ можно выразиться, пролятымъ вопросамъ (есть у насъ и такіе), разрѣшеніе которыхъ въ удовлетворительномъ смыслѣ безусловно полезно для Россіи и почему либо кажется невыгоднымъ или хотя только неудобнымъ для интересовъ иностранцевъ. Надъ вопросами подобнаго рода, можно подумать, таготеетъ какое то заклятіе. Всѣ знаютъ, всѣ чувствуютъ, что разрѣшеніе полное и положительное необходимо, и тѣмъ не менѣе разрѣшеніе это заставляетъ ждать себя болѣе или менѣе долго, или замѣняется какимъ нибудь паліативнымъ замазываніемъ, хотя точно также для всѣхъ понятно, что промедленіе ухудшаетъ положеніе дѣла, а замазываніе ничему не помогаетъ. Бывали случаи, что вопросы подобнаго рода, тѣмъ или другимъ путемъ, достигали высочайшаго возрѣнія и высочайшая воля, въ виду очевидной пользы и благопотребности ихъ для государства, высказывалась самымъ сочувственнымъ образомъ, въ смыслѣ возможно безотлагательнаго положительнаго разрѣшенія ихъ; высказывалась, говоримъ, такимъ образомъ воля царя-самодержца и... не исполнялась, и разрѣшеніе даннаго вопроса какъ-то и почему-то отлагалось, оттягивалось. Примѣровъ подобнаго рода страннаго факта можно указать немало. Возьмемъ на выдержку хоть постройку желѣзныхъ дорогъ къ Севастополю и къ Либавѣ, которыя стояли въ числѣ первыхъ, намѣченныхъ къ сооруженію, когда, послѣ крымской войны, рѣшено было приступить къ постройкѣ нашей желѣзнодорожной сѣти. Дорога отъ Москвы къ Черному морю вошла, какъ извѣстно, въ сѣть, постройку которой приняло на себя французское общество, подъ предводительствомъ знаменитаго Колинъона; отъ Θεодосіи начаты были уже земляныя работы. Послѣдствія показали, что вся эта французская афера, обработанная Наполеономъ, Морни и Колинъономъ, имѣла въ виду, главнымъ образомъ, затормозить постройку желѣзныхъ дорогъ въ Россіи; и когда, достигнувъ отчасти этой цѣли и набивъ карманы нашими деньгами, шайка иноземныхъ строителей убралась изъ Россіи, оставивъ намъ въ наслѣдство неблагополучное главное общество русскихъ желѣзныхъ дорогъ, прямая дорога къ Черному морю на Севастополь пошла на оттажку и лишь едва чрезъ 10 лѣтъ слыш-

комъ была, наконецъ, построена. Еще рельефнѣе въ этомъ отношеніи судьба либавской дороги, проектированной также, какъ одна изъ первыхъ желѣзныхъ дорогъ нашихъ. Постройка ея состоялась лишь тогда, когда сдѣлано было все, что нужно для отвлеченія отъ нея грузовъ на Кенигсбергъ.

Мы сказали выше, что правительство наше не оставалось глухо и безучастно къ нуждамъ нашего сѣвернаго края, особенно въ минувшее царствованіе. Покойный государь, во время посѣщенія имъ Архангельска, съ полнѣйшимъ сочувствіемъ отнесся къ представленіямъ по этому предмету тамошняго губернатора г. Арендаренко, человѣка умнаго, знавшаго ввѣренный ему край и горячо желавшаго пособить ему. Въ видахъ удовлетворенія этихъ нуждъ, проектированы были даже нѣкоторыя мѣры въ родѣ, напримѣръ, колонизаціи Мурманскаго берега, съ субсидіями и льготами, которыя обратились въ бенефисъ однихъ норвежцевъ да нѣсколькихъ семей финляндскихъ чухонъ; но русскимъ помораѣмъ эта колонизація, какъ увидимъ ниже, принесла болѣе вреда чѣмъ пользы, развитіемъ въ средѣ ихъ усиленнаго пьянства, благодаря устроенной норвежскими колонистами обширной торговлѣ ромомъ. Позднѣе, въ тѣхъ же видахъ учреждено было также субсидированное общество бѣломорскаго срочнаго пароходства, которое, благодаря отсутствію контроля, послабленіямъ и равнодушію мѣстной администраціи, не исполняло своихъ обязательствъ и не приносило почти никакой пользы нашимъ промышленникамъ на Мурманѣ въ періоды промышленности. Въ тѣхъ же видахъ воспособленія краю приняты были и нѣкоторыя другія мѣры, столь же малоуспѣшныя. Въ 1870 году, кажется во время посѣщенія края великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, возникъ даже вопросъ объ основаніи на крайнемъ сѣверѣ на островѣ Кильдинѣ города. Выбрано была даже и мѣсто, составлены были подробные планы будущаго города. Но понятно, что подобное дѣло, при существующихъ условіяхъ, могло кончиться только одними разговорами, чѣмъ дѣйствительно оно и кончилось. Замѣчательно, что всѣ предпріятыя правительствомъ вышеупомянутыя мѣры, и заселеніе Мурманскаго берега, и учрежденіе срочнаго пароходства между этимъ берегомъ и Архангельскомъ, и наконецъ, устройство порта на незамерзающемъ берегу сѣвернаго океана, дѣйствительно необходимы для оживленія края, для развитія его промышленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и экономическаго благосостоянія его населенія, что доказывается между прочимъ тѣмъ, что всѣ эти мѣры фигурируютъ въ числѣ тѣхъ, съ ходатайствомъ о принятіи которыхъ пріѣхалъ генераль Барановъ. Оказались же онѣ безплодными или мертворожденными, независимо отъ того, что были осуществлены въ высшей степени неумѣло и непрактично, главнымъ образомъ, потому, что приняты онѣ были безъ

должнаго пониманія истинныхъ причинъ упадка Бѣломорскаго края. Въ этомъ смыслѣ онѣ, и при наилучшемъ выполненіи, являлись бы не существенными и паліативными средствами воспособленія края.

Въ этомъ отношеніи особенно поучительна колонизація Мурманскаго берега. Берегъ этотъ, омываемый ледовитымъ океаномъ, съ незапамятныхъ временъ составляетъ собственность Россіи на пространствахъ 400 верстъ по прямому направленію. Проходящій вблизи его гольфстремъ дѣлаетъ бухты и заливы его незамерзающими зимою тѣмъ долѣе, чѣмъ ближе къ Норвегіи, съ которою граничатъ здѣсь наши владѣнія. По старымъ картамъ, граница наша доходила до мыса Вересь; но въ 1826 г. норвежцы, за взятку, данную нашимъ межевщикамъ, причемъ старшій изъ нихъ, штабъ-офицеръ, получилъ шубу и 2,000 риксталеровъ (чего норвежцы вовсе не скрываютъ), успѣли уговорить ихъ отнестъ эту границу на 70 верстъ по прямому направленію къ востоку, а по берегу около 500 верстъ. Вслѣдствіе такой частной сдѣлки къ Норвегіи отошли Позрѣйскій, Нювдемскій и Ровдинскій никогда незамерзающіе заливы («Бесѣды о сѣверной Россіи» стр. 224 и 225). До половины 60-хъ годовъ настоящаго столѣтія, Мурманскій берегъ не имѣлъ постоянного населенія и только лѣтомъ посѣщался нашими промышленниками, а зимою приволачивали къ нему въ незначительномъ числѣ наши лопари. Въ 60-хъ годахъ управлявшему тогда Архангельскою губерніею князю Гагарину пришла дѣльная мысль водворить въ этомъ пустынномъ краѣ осѣдлое населеніе, и въ 1868 г., съ этой цѣлю, онъ исходатайствовалъ особыя льготы для желающихъ поселиться осѣдло на Мурманскомъ берегу. Льготы эти заключались въ денежной ссудѣ 150 р. на шесть лѣтъ, въ освобожденіи на 8 лѣтъ отъ всякихъ податей и въ правѣ беспошлиннаго провоза иностраннымъ товаровъ. Въ 1876 году, льготы были не только возобновлены, но и увеличены, на примѣръ, кромѣ ссуды въ 150 р., разрѣшено выдавать переселенцамъ безвозвратныя пособія до 200 р. на семейство; купцамъ и богатымъ крестьянамъ, торгующимъ по купеческимъ свидѣтельствамъ, дозволено открывать торговныя факторіи, съ правомъ привозить беспошлинно иностранные товары. Къ сожалѣнію, дозволеніе селиться на Мурманѣ предоставлено было не только русскимъ, но и иностранцамъ, чѣмъ и воспользовались норвежцы, успѣвшіе при этомъ захватить лучшія мѣста. Еще къ большому сожалѣнію, контингентъ переселяющихся къ намъ норвежцевъ далеко не отличается добропорядочностію и въ числѣ ихъ немало субъектовъ, ушедшихъ изъ Норвегіи отъ заслуженныхъ наказаній. Вотъ что говоритъ о норвежскихъ выходцахъ на нашъ Мурманскій берегъ корреспондентъ газеты «Голось» (№ 57 сего года). Въ настоящее время, на Мурманѣ образовалась 21 колонія, съ населеніемъ въ 782 человекъ; изъ нихъ: русскихъ 326, норвежцевъ 154 и финлянд-

цовъ 302 человѣка. Лучше всѣхъ живутъ финляндцы—люди чрезвычайно трудолюбивые и трезвые. Норвежцы свою дѣятельность обратили на эксплуатацію русскихъ промышленниковъ, съ которыми они ведутъ значительную торговлю иностраннымъ ромомъ, вымѣнивая на него рыбу за весьма низкую цѣну. Этотъ же ромъ и съ тою же цѣлью наполняетъ склады русскихъ фактористовъ. Словомъ, ромъ—это бичъ мурманскихъ промышленниковъ. Они пропиваютъ предметы своего промысла, теряютъ удобное время для производства лова рыбы, буйствуютъ, безобразничаютъ, совершаютъ преступленія, вообще, развращаются и не получаютъ отъ промысловъ того дохода, который могли бы получить, если бы не былъ допущенъ привозъ на Мурманъ иностраннаго рома. Достоинно вниманія, что сами промышленники, вызванные бывшимъ губернаторомъ Коніаромъ въ 1880 году, въ одинъ голосъ просили воспретить привозъ рома на Мурманъ, мотивируя эту просьбу разореніемъ отъ него, и г. Коніаръ ходатайствовалъ объ этомъ передъ министерствомъ, представивъ обращеніе привозимаго на Мурманъ рома. Медицинскій департаментъ, произведя изслѣдованіе, призналъ его вреднымъ для потребителей; но до сихъ поръ ввозъ рома на Мурманъ не воспрещенъ, и до сихъ поръ бѣдныя промышленники спавиваются норвежцами и богатыми русскими поморами.

Такимъ образомъ, опытъ поселенія на Мурманѣ норвежцевъ оказался неудачнымъ. Поселяя ихъ здѣсь, надѣялись, что они научатъ нашихъ промышленниковъ лучшимъ приемамъ лова рыбы; но во первыхъ: норвежцы и не думали заниматься промыслами на Мурманѣ, а во вторыхъ, они селились здѣсь для того, чтобы поскорѣе составить капиталецъ на счетъ нашихъ промышленниковъ и убраться восвояси, что многими изъ нихъ уже и сдѣлано.

Вредъ, наносимый нашимъ промышленникамъ норвежскими переселенцами увеличивается еще тѣмъ, что, не занимаясь сами промыслами, они предоставляютъ пользоваться своимъ правомъ на ловлю въ нашихъ водахъ пришлымъ норвежцамъ, и прогнать хищниковъ невозможно, потому что они объявляютъ судно и снасти собственностью колониста, а себя его работниками и, по окончаніи лова, уѣзжаютъ домой въ Норвегію. Мурманскія поселенія въ административномъ отношеніи подчинены кольскому исправнику, который, при содѣйствіи единственнаго, имѣющагося въ его распоряженіи становаго, очевидно не можетъ имѣть должнаго наблюденія за порядкомъ въ колоніяхъ на протяженіи 500 верстъ вдоль берега. На такомъ же разстояніи находится и ближайшій судъ въ г. Кеми. Такимъ образомъ на Мурманскомъ берегу фактически существуетъ полное отсутствіе власти, что, понятно, немало способствуетъ свободѣ и безнаказанности, вредной для колоніи, дѣятельности норвежскихъ выходцевъ и посѣщающихъ ихъ земляковъ. Если мы прибавимъ къ этому,

что въ колоніяхъ нѣтъ ни школъ, ни больницъ, нѣтъ даже церкви, кромѣ единственной древней церкви Св. Бориса и Глѣба почти на границѣ Норвегіи, то мы увидимъ, до какой степени халатно велось столь важное и долженствовавшее быть столь полезнымъ для края дѣло какъ колонизація Мурманскаго побережья.

Архангельская комисія семидесяти по вопросу о заселеніи Мурманскаго берега проектировала: вовсе не допускать селиться на немъ иностранцамъ, субсидію же на первоначальное обзаведеніе для русскнхъ увеличить до 600 р., воспретить совершенно ввозъ туда рома и вмѣсто острова Кальдана устроить портъ при становищѣ Териберкѣ. Но, во первыхъ, сумма, асигнуемая ежегодно на пособіе переселенцамъ, не превосходитъ, какъ извѣстно, 2,000 р. Слѣдовательно, по проекту комисіи ее хватитъ не болѣе, какъ на трехъ переселенцевъ въ годъ, что очевидно не обѣщаетъ особенно быстрого заселенія края. Что же касается до порта, то мы полагаемъ, что будь то на Кальданѣ или въ Териберкѣ, во всякомъ случаѣ затѣя эта пока преждевременна, и думать объ этомъ будетъ время, когда мѣстность достаточно заселится и разовьется въ промышленномъ отношеніи, тогда сама жизнь покажетъ, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ выгоднѣе и удобнѣе устроить портъ.

Мы выше сказали, что колонизація Мурманскаго берега не удалась, вслѣдствіе неумѣлаго и безпечнаго веденія дѣла; но если-бы она велась и болѣе разумнымъ образомъ она все-таки не дала бы особенно крупнаго результата относительно подъема благосостоянія и благоустройства края, какъ всякая отрывочная мѣра, выхваченная, такъ сказать, изъ середины, не опирающаяся на тѣ данныя, которыя необходимы для полнаго успѣха и обезпеченія ея упроченія и развитія. Всегда и во всемъ, особенно въ вопросахъ народно-экономическаго характера, всякое дѣло для успѣшнаго веденія его необходимо начинать сначала, а не изъ середины; всѣ же вышеупомянутыя мѣропріятія суть именно, такъ сказать, срединныя мѣры, которыя могутъ принести всевозможную отъ нихъ пользу лишь тогда, когда исполнятся все, что логически и должно имъ предшествовать.

Дѣло въ томъ, что упадокъ нашего сѣвернаго края обуславливается прежде всего и болѣе всего уединеніемъ его отъ остальной Россіи, разобщеніемъ съ нею. Упадокъ этотъ, можно сказать, начался съ того времени, когда Архангельскъ пересталъ быть единственнымъ выходомъ Россіи къ морю въ Европу, со времени присоединенія къ Россіи балтійскаго побережья. Онъ усилился съ устройствомъ воднаго сообщенія каналами Поволжья съ балтійскими портами. Все это не могло бы однако окончательно убить Бѣломорскаго края. Онъ процвѣталъ еще, пока пути сообщенія во всей Россіи находились въ одинаковомъ съ нимъ первобытномъ состояніи; тогда въ путевомъ от-

ношеніи Архангельскій портъ имѣлъ даже нѣкоторое преимущество передъ балтійскими портами, благодаря широкой сѣверо-двинской системѣ и болѣе прочнымъ и продолжительнымъ зимнимъ путямъ на сѣверѣ. Но по жѣрѣ того, какъ улучшеніе сообщеній распространялось въ государствѣ, не касаясь сѣвернаго края, торговля, а съ нею и капиталы все болѣе и болѣе сворачивали отъ Бѣлаго моря и окружающаго его края; стали падать, торговое судостроеніе, и мореплаваніе, особенно, когда, послѣ смерти Екатерины Великой, правительственное покровительство всецѣло обратилось на иностранцевъ. Всѣ эти обстоятельства пагубно отразились и на морскихъ промыслахъ. Число промышленниковъ, которыхъ по свидѣтельству Ломоносова въ его время ежегодно собиралось на Мурманѣ до 10,000 душъ, уменьшилось до 3,000, а въ настоящее время ихъ собирается и того менѣе. Окончательное паденіе Бѣломорскаго края совершилось и дало себѣ чувствовать въ послѣднее двадцатипятилѣтіе, когда желѣзнодорожная сѣтъ, связавъ прямыми и быстрыми сообщеніями всѣ части государства и между собою, и съ морями, усилило и ускорило ихъ взаимнодѣйствіе, оставивъ одинъ сѣверный край нашъ совершенно въ сторонѣ, осудивъ его на безпомощную уединенную жизнь при тѣхъ средствахъ обмѣна своихъ произведеній, которыми онъ могъ довольствоваться прежде, когда и остальные части государства не обладали лучшими, но которыя въ настоящее время являются уже для нихъ анахронизмомъ. Отсюда, понятное дѣло, что первымъ шагомъ къ возрожденію края должно быть прекращеніе отчужденности его не только экономическаго, но и физическаго разобщенія съ остальной Россіей, устройствомъ удобныхъ съ нею путей сообщенія. Безъ этого нельзя разсчитывать на успѣшную колонизацію края добропорядочнымъ русскимъ народомъ, а не норвежскими отбросками; нечего думать и объ устройствѣ порта на сѣверномъ океанѣ. Безъ этого, наконецъ, никакія школы, никакіе банки, никакія льготы и поощренія не оживятъ богатый, но захудалый Бѣломорскій край нашъ, не пробудятъ въ немъ производительности, не привлекутъ въ него капиталы и промышленную предпріимчивость. Вопросъ о путяхъ сообщенія вошелъ, какъ мы видимъ, въ число жѣръ, проектированныхъ архангельской комисіей семидесяти. Но редакція этого вопроса показываетъ, что ни комисія, ни предсѣдатель ея, генералъ Барановъ, не уяснили себѣ должнымъ образомъ сущность этого жизненнаго для нашего сѣвернаго края предмета. Они ходатайствуютъ о проведеніи давно уже проектированной вятско-двинской желѣзной дороги и о проведеніи нѣсколькихъ внутреннихъ путей сообщенія. Вся суть этого ходатайства, видимо, сосредоточена на вятско-двинской дорогѣ.

Но двинско-вятская дорога не вошла, какъ извѣстно, во вновь со-

ставленную въ недавнее время сѣть предполагаемыхъ къ постройкѣ желѣзныкъ дорогъ; слѣдовательно, она остается пока дѣломъ болѣе или менѣе близкаго будущаго. Но если-бы даже допустить немедленную постройку ея, все-таки дорога эта для сѣвернаго края нашего, при всей своей экономической важности и пользѣ, будетъ имѣть только частное значеніе, почти такое же, какъ и сѣверная Двина. Разобщеніе южной и западной части этого края съ западною и среднею Россією и съ обѣими столицами останется то же. Словомъ, двинско-вятская дорога, какъ ни желательно скорѣйшее сооруженіе ея, далеко не въ состояніи удовлетворить всѣмъ условіямъ, необходимымъ для содѣйствія развитію благосостоянія всего сѣвернаго угла Россіи. Для этого надо обратиться къ другимъ средствамъ, болѣе доступнымъ по состоянію края, чѣмъ дорогія желѣзныя дороги. Къ счастью, здѣсь сама природа не только указываетъ, но и, такъ сказать, подготовила другіе, болѣе легкіе и дешевые пути сообщенія, которыми слѣдуетъ только воспользоваться, не откладывая этого дѣла далѣе. Нельзя отрицать, что экономическая (не говоря о государственной) задача возрожденія Олонецкаго и Вѣломорскаго края разрѣшится въ значительной степени соединеніемъ Вѣлаго моря съ Онежскимъ озеромъ; достаточно взглянуть на карту, чтобы убѣдиться, что такое соединеніе совершенно прекратитъ столь вредное въ экономическомъ и даже въ государственномъ отношеніи уединенное положеніе нашего европейскаго сѣвера отъ остальной Россіи и доставитъ ему непосредственное водное сообщеніе, не только съ Балтійскимъ моремъ, но и, путемъ маринской системы, съ Волгою и, такимъ образомъ, частію въ тунгѣ лежанія, частію крайне плохо извлекаемныя естественныя богатства этого забытаго края, найдутъ, наконецъ, широкую разработку и сбытъ, которые, въ свою очередь, доставятъ благосостояніе именно той части сѣвернаго края, которому даже соединеніе Вятки съ Двиною не принесетъ особенной пользы. Въ виду удобствъ, предоставляемыхъ здѣсь самою природою, для устройства подобнаго соединенія, цѣлымъ рядомъ озеръ и рѣкъ, какъ бы обозначающихъ направленіе искусственнаго сообщенія Вѣлаго моря съ Онѣгою, надо удивляться, какъ эта благодѣтельная по своимъ послѣдствіямъ и столь легкая и дешевая задача до сихъ поръ не получила надлежащаго разрѣшенія. Это тѣмъ болѣе удивительно, что вопросъ о такомъ сообщеніи далеко не новъ. Его провидѣлъ еще орлиный взглядъ Петра Великаго, о немъ и думала Екатерина II, его государственную пользу и необходимость признавали императоры Александръ I, Николай I и Александръ II. Вопросъ этотъ поднимали и ходатайствовали объ его удовлетворительномъ разрѣшеніи министры: графы Румянцевъ, Киселевъ и Бенкендорфъ; о томъ же хлопотали начальники Архангельской губерніи—Арендаренно и князь

Гагаринъ. Еще въ первые годы текущаго столѣтія, дѣло соединенія Бѣлаго моря съ Онежскимъ озеромъ было уже рѣшено правительствомъ въ положительномъ смыслѣ и исполненіе его поручено было управлявшему тогда путями сообщеній генералу де-Воляну, которымъ представлены были проекты этого сообщенія; но за наступившими тогда войнами съ Наполеономъ дѣло это было оставлено и забыто. Не разъ, впрочемъ, оно поднималось и потомъ; не разъ и потомъ произведены были изысканія, какъ относительно наилучшаго направленія, такъ и стоимости сооруженія канализованнаго сообщенія Бѣлаго моря съ Онежскимъ озеромъ, какъ со стороны частныхъ лицъ, такъ и по порученію правительства. Со стороны первыхъ извѣстны проекты и ходатайства купеческаго сына Антонова въ 1824 году и, затѣмъ, г. Ляшевича и купца Бородулина въ 1832 году. Что касается до правительства, то для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ неоднократно были посылаемы разные лица, даже по высочайшимъ повелѣніямъ; такъ, при императорѣ Николаѣ посланъ былъ флигель-адъютантъ капитанъ-лейтенантъ Козорскій, а при покойномъ государѣ, также флигель-адъютантъ, полковникъ Лашкаревъ. Покойный государь, послѣ посѣщенія Архангельска въ 1858 году, чрезвычайно заинтересовался этимъ дѣломъ и относился къ нему съ полнымъ сочувствіемъ, вслѣдствіе чего министерствомъ путей сообщенія, для ближайшаго техническаго изслѣдованія вопроса на мѣстѣ, командированы были въ 1859 году капитанъ Лебедевъ и архитекторскій помощникъ Бушъ. Наконецъ, уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ, соединеніе воднымъ путемъ Бѣлаго моря съ Онегомъ предполагала взять на себя частная компанія, во главѣ которой стоялъ извѣстный строитель г. Губонинъ. Мы не знаемъ, почему дѣло это въ то время не состоялось; но, во всякомъ случаѣ, все нами сказанное несомнѣнно доказываетъ, что вопросъ о соединеніи воднымъ сообщеніемъ Сѣвернаго океана, чрезъ Онежское озеро, съ одной стороны, съ Балтійскимъ моремъ, съ другой—съ Волгою, втеченіи болѣе чѣмъ шестидесяти лѣтъ почти не сходитъ со сцены и, какъ мы видѣли, нельзя пожаловаться на недостатокъ признанія пользамъ и необходимости удовлетворительнаго разрѣшенія этого вопроса для края и для всего государства. Что же это доказываетъ? Исторія и экономическая наука отвѣчаютъ на это, что когда въ жизни страны (все равно въ какомъ бы то ни было отношеніи, въ экономическомъ ли общественномъ) втеченіи продолжительнаго времени, постоянно и настойчиво, при каждомъ случаѣ, подымается одинъ и тотъ же вопросъ, то одно это обстоятельство служить уже несомнѣннымъ признакомъ, что вопросъ этотъ не случайный и не произвольный, но представляетъ для страны существенное, жизненное значеніе. Разъ, что вопросъ обнаружилъ уже подобный характеръ настойчивости, уклоняться отъ его удо-

влетворительнаго разрѣшенія становится иногда болѣе чѣмъ ошибкою и падаетъ тяжелою отвѣтственностью на тѣхъ людей, которые не хотятъ или не умѣютъ отнестись съ должнымъ вниманіемъ къ требованіямъ народной жизни и отличить случайное отъ существеннаго. Пожертвованія, которыхъ иногда требуетъ удовлетворительное разрѣшеніе подобнаго рода вопросовъ, не могутъ и не должны служить въ такихъ случаяхъ поводомъ къ уклоненію отъ этого рѣшенія или оправданіемъ его. Пожертвованія государства безвыгодны только тѣ, которыя дѣлаются въ силу одностороннихъ частныхъ интересовъ или теоретическихъ кабинетныхъ соображеній, создающихъ вопросы искусственные. Но когда вопросъ имѣетъ характеръ общій и стоитъ на чисто практической почвѣ, то тѣмъ самымъ онъ обезпечиваетъ государству выгоду потребной для него затраты, если не немедленно, то въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Да и велико ли пожертваніе, котораго требуетъ отъ государства осуществленіе столь важнаго дѣла, безъ котораго никакія мѣропріятія для возстановленія въ суровомъ, но богатомъ край разрушеннаго его благосостоянія не принесутъ ему прямой и дѣйствительной помощи. По всѣмъ произведеннымъ до сихъ поръ изслѣдованіямъ и вычисленіямъ, водяное сообщеніе Бѣлаго моря съ Онежскимъ озеромъ потребуеетъ канализаціи не болѣе какъ на протяженіи сорока верстъ, въ общей сложности, даже при самой сложной системѣ, проектированной Лебедевымъ, предполагавшимъ необходимость сооруженія что-то около восьмидесяти шлюзовъ — число, очевидно, несоизмѣрное съ протяженіемъ и съ высотой водораздѣла, и значительно ограничиваемое другими изслѣдованіями — даже и при этой системѣ, расходъ, исчисленный Лебедевымъ, не превышаетъ 3¹/₂—4 миліоновъ рублей. Что же значить эта, даже для настоящаго убогаго состоянія нашихъ финансовъ ничтожная сумма сравнительно, во первыхъ, съ тою пользою, которую она принесетъ, а во вторыхъ, съ тѣми громадными пожертвованіями, которыя дѣлались и дѣлаются для другихъ частей Россіи на постройку желѣзныхъ дорогъ? Или сѣверный край нашъ уже такой пасыновъ Россіи, что для него нельзя сдѣлать и этого, относительно, умѣреннаго пожертванія?

Въ ряду возраженій, которыя до сихъ поръ тормазили вопросъ о соединеніи Бѣлаго моря съ Онежскимъ озеромъ, одно изъ главныхъ заключалось въ томъ, что, по суровости климата сѣвернаго края, время навигаціи въ немъ такъ непродолжительно, что не стоитъ затрачивать значительный капиталъ на устройство воднаго въ немъ сообщенія. Существующія данныя показываютъ, однако, что возраженіе это совершенно несостоятельно. По выводамъ изъ извѣстныхъ наблюденій за болѣе или менѣе продолжительное время (относительно Сѣверной Двины, на примѣръ, за 133 года), собраннымъ въ «Трудахъ архангель-

скаго статистическаго комитета» (за 1867 и 1868 г., выпускъ 2-й), вскрытіе и замерзаніе рѣкъ сѣвернаго края Европейской Россіи представляетъ слѣдующія среднія цифры:

	Среднее вскрытіе.	Среднее замерзаніе.	Срокъ навиг.
Сѣверной Двины.	2 мая.	24 октября	175 дней.
Онеги.	21 апрѣля.	12 ноября.	199 >
Пинеги.	29 апрѣля.	30 октября.	185 >
Вага	21 апрѣля.	3 ноября.	196 >
Кема	26 апрѣля.	19 октября.	174 >
Мезени	10 мая.	14 ноября.	188 >
Печеры (верхъ) .	1 мая.	24 сентября.	146 >

Такимъ образомъ, среднее навигаціонное время, по внутреннимъ водамъ Сѣвернаго края, можно считать въ 180 дней въ году, т. е. почти шесть мѣсяцевъ. Цифру эту тѣмъ болѣе можно принять для предполагаемаго сообщенія Бѣлаго моря съ Онежскимъ озеромъ, что весь этотъ водяной путь лежитъ южнѣе и западнѣе всѣхъ упомянутыхъ нами рѣкъ, что имѣетъ извѣстное значеніе относительно времени вскрытія и замерзанія водъ. Вообще можно сказать, что навигація по водяному сообщенію между Бѣлымъ моремъ и Онежскимъ озеромъ можетъ быть немногимъ менѣе продолжительна, нежели по Невѣ, а 4—5 мѣсяцевъ въ году удобнаго сообщенія въ самую горячую и удобную для всякаго рода дѣятельности пору, вполнѣ достаточно, чтобы оживить и развить производительность края.

Говоря вообще, чтобы судить хотя съ приблизительною вѣрностью объ относительной выгодности такого предпріятія, какъ устройство искусственнаго сообщенія между двумя мѣстностями, нужно разсмотрѣть, чѣмъ и въ какомъ количествѣ эти мѣстности могутъ между собою обмѣниваться и какъ велико можетъ быть, по существующимъ даннымъ, движеніе народонаселенія. Поэтому, въ данномъ случаѣ, помимо второстепенныхъ статей, главные предметы производства и обмѣна края, которые должно дать предполагаемое сообщеніе, суть продукты лѣснаго и морскаго промысловъ, а главный предметъ сплава—хлѣбъ, который требуется не только для собственнаго потребленія, но и для вывоза за-границу.

Оставляя въ сторонѣ второстепенные продукты лѣснаго промысла, обратимъ вниманіе только на главный изъ нихъ, собственно на лѣсной товаръ. Торговля лѣсомъ и смолою и теперь занимаетъ весьма видное мѣсто въ видахъ отпущенной торговли изъ бѣломорскихъ портовъ. Но отпускъ этихъ продуктовъ далеко ниже того, чѣмъ онъ могъ бы быть по богатству источниковъ. Лѣса, какъ извѣстно, идутъ по всему сѣверу европейской Россіи, только въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ; они занимаютъ огромную площадь около 40 миліо-

новъ десятины. Но это огромное количество лѣсовъ въ весьма значительной части остается почти неприводительнымъ для торговли по недостатку путей для сплава. Только лѣса ближайше къ Бѣлому морю и къ рѣкамъ въ него впадающимъ, находятъ сбытъ въ бѣломорскихъ портахъ и идутъ за-границу. Хотя цифра этого вывоза съ нѣкоторымъ колебаніемъ постоянно возрастала въ теченіи послѣднихъ 12-ти лѣтъ, тѣмъ неменѣе, при улучшеніи путей сплава, она могла бы идти несравнено выше.

Южная часть Олонецкой губерніи сплавляетъ свои лѣса къ Балтійскому морю. Казна, которой исключительно принадлежатъ всѣ эти лѣса, получаетъ въ настоящее время валоваго съ нихъ дохода среднимъ числомъ ежегодно по Олонецкой губерніи около 314,000 р. (по показаніямъ управленія государственныхъ имуществъ Олонецкой губерніи въ памятной книгѣ за 1877 г. А. А. Мальте, стр. 231), а по Архангельской слишкомъ 200,000 р. (по показанію Н. Козлова). Но въ показанныхъ нами цифрахъ почти вовсе не принимаютъ участія значительныя лѣсныя пространства Кемскаго и Повѣнецкаго уѣздовъ, въ количествѣ болѣе 6.968,514 десятины превосходнаго строеваго и корабельнаго лѣса, большею частію до сихъ поръ еще почти не тронутаго, за совершенною невозможностью къ вывозу, потому что пересѣкающія это пространство, постоянно или временно, сплавныя рѣки и рѣчки не имѣютъ свободныхъ выходовъ къ морямъ, впадая во внутреннія, многочисленныя въ краѣ озера. Такимъ образомъ, вывозъ лѣса изъ этого пространства закрытъ въ настоящее время водораздѣломъ, отдѣляющимъ бассейнъ Бѣлаго моря отъ Балтійскаго, а къ сѣверу, къ Бѣлому морю, порогами рѣкъ, препятствующими сплаву. Это-то, нынѣ мертвое для лѣсной промышленности пространство и должно быть пересѣчено предполагаемымъ къ устройству искусственнымъ воднымъ сообщеніемъ Бѣлаго моря съ Онежскимъ озеромъ, и открытъ громаднымъ лѣснымъ богатствамъ свободный выходъ къ обширнымъ морямъ.

Изъ дѣлъ лѣснаго департамента («Матеріалы для статистики и географіи Архангельской губерніи» г. Козлова) видно, что на этомъ пространствѣ около семи миліоновъ десятины превосходнаго строеваго лѣса, и что, безъ малѣйшаго его истощенія и съ соблюденіемъ всѣхъ научныхъ и практическихъ требованій правильнаго лѣснаго хозяйства, можно ежегодно вырубать около 1.200,000 отличныхъ строевыхъ большешрннхъ деревьевъ и въ такихъ, притомъ именно мѣстностяхъ, изъ которыхъ въ настоящее время нѣтъ сплава, но въ которыхъ, съ проведеніемъ канала, получится полная возможность удобнаго и дешеваго сплава въ этотъ каналъ, а черезъ него и къ морямъ.

Обращаясь, затѣмъ къ доходамъ собственно канала и руководствуясь тѣми самыми нормальными исчисленіями, которыми руководствуется нынѣ министерство государственныхъ имуществъ, т. е. что объемъ каждаго строеваго дерева заключаетъ въ себѣ среднимъ числомъ до 20 куб. ф., а по Арнольди («Справочная книга для лѣсничихъ») каждый кубическій футъ дерева (сосны и ели) вѣситъ среднимъ числомъ одинъ пудъ, откуда 1.200,000 строевыхъ деревьевъ составляетъ 24 міліона пудовъ, полагая умѣренную плату за прогонъ лѣса по каналу 1 коп. съ пуда, получится 240,000 руб. дохода отъ одного лѣснаго матеріала. Въмѣстѣ съ развитіемъ вывоза и сбыта лѣснаго товара изъ упомянутой нами непроизводительной нынѣ мѣстности, въ такой же или близкой къ тому пропорціи и по той же причинѣ усилятся въ ней добыча и вывозъ прочихъ продуктовъ разнаго рода мѣстныхъ промысловъ: смолы, песку, скипидару, звѣра и пернатой дичи; особенно же смолы, которая, въ видахъ отпуска товаровъ изъ Бѣломорскихъ портовъ, составляетъ относительно весьма крупную цифру, довольно близко подходящую даже къ цифрѣ лѣса. Кромѣ лѣса, другой, едва ли еще не болѣе обильной источникъ богатства сѣвернаго края составляютъ, какъ извѣстно, морскія промыслы, рѣчные и озерныя ловли. Какъ по officialнымъ свѣденіямъ, такъ и по отзывамъ компетентныхъ лицъ въ печати и въ засѣданіяхъ учено-экономическихъ обществъ, морскіе промыслы сѣвернаго края значительно упали сравнительно съ прежними временами. Этотъ упадокъ нашихъ бѣломорскихъ рыбныхъ промысловъ обуславливается, конечно, не однимъ отсутствіемъ удобнаго сообщенія съ внутренними, особенно съ столичными рынками, а цѣлою совокупностію весьма многихъ, вредно дѣйствующихъ причинъ; но отсутствіе сообщеній составляетъ одну изъ главнѣйшихъ между ними, и степень вреднаго вліянія ея, можно видѣть изъ донесенія командированнаго въ 1858 году, по высочайшему повелѣнію, для осмотра сѣверныхъ губерній флигель-адъютанта А. Г. Лопкарева («Бесѣда о сѣверѣ Россіи» стр. 216), изъ котораго оказывается, что въ настоящее время изъ Бѣлаго моря провозится зимнимъ путемъ къ Повѣнцу (на сѣверномъ берегу Онежскаго озера) соленой и сушеной рыбы до 100,000 пудовъ, и отъ Повѣнца къ Бѣлому морю до 200,000 пудовъ хлѣба. Но означенный размѣръ далеко не соответствуетъ дѣйствительной потребности и только необходимость вынуждаетъ ограничиваться имъ. И рыба и хлѣбъ ждуть по 3—4 мѣсяца въ Сумѣ и въ Повѣнци зимняго пути, причемъ рыба въ значительномъ количествѣ за это время истребляется напрасно отъ порчи, а хлѣбъ остается безъоборотнымъ капиталомъ, тогда какъ, при существованіи водянаго сообщенія Бѣлаго моря съ Онежскимъ озеромъ, товаръ, тотчасъ послѣ лова, въ несравненно болѣе значительномъ количествѣ могъ бы идти въ столицы,

а идущій отъ Рыбинска и зимующій у города Вытегры хлѣбъ могъ бы въ значительной части направиться къ Сумскому посаду ¹⁾ который могъ бы тогда сдѣлаться Одессою Бѣлаго моря.

Въ запискѣ Архангельскаго губернскаго статистическаго комитета о соединеніи Бѣлаго моря съ Балтійскимъ находимъ между прочимъ слѣдующее: «Нынѣ всякій пудъ тяжести изъ Петербурга въ Архангельскъ обходится за провозъ отъ 80 коп. до 2 рублей, тогда какъ съ устройствомъ канала онъ будетъ обходиться, примѣрно, отъ 28 до 30 коп., причежъ рыба не лежала бы 3—4 лѣтнихъ мѣсяца, не отправленная въ Петербургъ, подвергаясь порчѣ».

Такимъ образомъ, владѣя богатѣйшими источниками рыбныхъ промысловъ и въ томъ числѣ Бѣлымъ моремъ, которое одно, при удобствѣ сообщеній (и вслѣдствіе того привлеченіи туда рукъ и капиталовъ и ускореніи оборотовъ капиталовъ) могло бы съ избыткомъ снабжать всю сѣверную и западную половину Россіи, до Москвы включительно, превосходною и дешевою рыбою, мы сами въ настоящее время уплачиваемъ иностранцамъ отъ 2 ¹/₂ до 4 миліоновъ рублей за рыбу, привозимую къ намъ только черезъ портъ Балтійскаго моря и по сухопутной западной границѣ. Такъ, изъ издаваемыхъ министерствомъ финансовъ «Вѣдакъ торговли» видно, что среднимъ числомъ, по двѣнадцатилѣтней сложности, западная Европа доставляетъ намъ рыбы на 3,115,680 руб. въ годъ.

Надо замѣтить, что при недостаткѣ рыбы въ Балтійскомъ морѣ, рыба этого моря, въ приведенныхъ нами цифрахъ, занимаетъ самое ничтожное мѣсто; вся же масса привоза въ Балтійскихъ портахъ дѣлается, главнѣйшимъ образомъ, изъ Нѣмецкаго моря и изъ того же Сѣвернаго океана, вокругъ Скандинавскаго полуострова. Съ прибрежій же Балтійскаго моря значительная часть привозной рыбы идетъ внутрь Россіи по желѣзнымъ дорогамъ и другимъ внутреннимъ путямъ. Слѣдовательно, при устройствѣ удобнаго и дешеваго внутренняго воднаго сообщенія Бѣлаго моря съ Онежскимъ озеромъ, а чрезъ него, водою и потомъ желѣзными дорогами, со всею Россією, доставка русской бѣломорской рыбы, по меньшей мѣрѣ, не будетъ обходиться дороже рыбы, привозимой къ Балтійскимъ портамъ изъ заграничя, ко всемъ тѣмъ пунктамъ, до которыхъ проникаетъ теперь этотъ продуктъ. Если, такимъ образомъ, хоть половина той суммы, которую теперь мы выплачиваемъ иностранцамъ, достанется Бѣломорскому на-

¹⁾ Г. Лошкаревъ полагалъ конечнымъ пунктомъ воднаго сообщенія Бѣлаго моря съ Онежскимъ озеромъ на сѣверѣ Сумскій посадъ. Перенесеніе этого пункта въ Сороки, при устьѣ рѣки Выгъ, какъ полагаетъ Лебедевъ, не мѣняетъ существа дѣла тѣмъ болѣе, что этотъ путь короче.

селенію, то и это уже будетъ огромный выигрышъ въ государственной и народной экономіи.

Послѣ рыбы въ разныхъ видахъ и особенно сельдей, трески и семги, другіе продукты бѣломорскихъ промысловъ являются уже статьями второстепенными, значеніе которыхъ находится въ тѣсной связи и зависимости отъ рыбныхъ промысловъ, и развитіе или упадокъ добычи которыхъ обуславливается тѣми же обстоятельствами и, между ними, степенью удобства сбыта, а слѣдовательно и путей сообщенія. За всѣмъ этимъ, между второстепенными продуктами Сѣвернаго морскаго промысла нельзя не упомянуть о такихъ, какъ, напримѣръ, ворванное сало и рыбій жиръ. Количество перваго изъ нихъ, добываемаго изъ морскихъ звѣрей, каковы: киты, тюлени, моржи, бѣлухи, которыми такъ богатъ Сѣверный океанъ, съ его губами и заливами, несмотря на относительно значительное требованіе его, какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи, представляетъ довольно жалкія цифры. Правда, сбытъ этого продукта въ Западную Европу встрѣчаетъ значительную конкуренцію въ сильно покровительствуемомъ тамъ собственномъ китобойномъ промыслѣ. Такъ, напримѣръ, въ видахъ этого покровительства, въ Англіи иностранное ворванное сало обложено весьма высокою пошлиною, а во Франціи оно вовсе запрещено къ ввозу; сверхъ того, оно встрѣчаетъ себѣ соперника въ Сѣверо-Американскомъ и норвежскомъ ворванномъ салѣ. За всѣмъ тѣмъ требованіе и потребленіе этого продукта въ Европѣ, да и у насъ, достаточно велико, и развитіе производства его по Бѣломорскому побережью было бы весьма выгодно. Но и это развитіе также тормазится до известной степени отсутствіемъ прямаго сообщенія съ Балтійскимъ моремъ. Тоже самое должно сказать и о рыбьемъ жирѣ, добыча котораго, при богатствѣ бѣломорскихъ тресковыхъ лововъ, представляетъ крайне бѣдную цифру. Намъ неизвѣстно количество этихъ продуктовъ, потребляемое внутреннею промышленностью; что же касается вывоза ихъ за границу, то цифра, находящаяся нами въ «Видахъ торговли» весьма неутѣшительна. Въ послѣдніе 15—16 лѣтъ она колеблется между 90 и 60 тысячами пудовъ въ годъ, относительно ворванного сала, на сумму отъ 250 до 160 тысячъ рублей, въ этомъ числѣ среднимъ числомъ половина вывозится изъ Бѣломорскихъ портовъ; что касается до рыбьяго жира, то цифры вывоза его еще ничтожныѣ. Главными потребителями этихъ продуктовъ нашихъ за границею является Прусія и затѣмъ Англія, не смотря на то, что Англія получаетъ собственнаго ворванного сала изъ своихъ американскихъ и австрійскихъ колоній отъ 945,000 до 1,250,000 п. ежегодно.

Надо сказать, что добыча ворванного сала на Бѣломорскомъ побережьи не только не дѣлаетъ успѣховъ, но находится въ упадкѣ, даже

сравнительно съ прошлымъ столѣтїемъ. Въ сочиненїи г. Небольсина объ этомъ предметѣ, изданномъ въ 1850 году, находимъ, что черезъ Архангельскій портъ отправлено было за границу ворваннаго сала съ 1767—1769 годовъ, среднимъ числомъ, 52,713 пудовъ, а съ 1793—1795 годовъ 43,918 п., т. е. не менѣе, чѣмъ въ 1876—1877 годахъ.

Однако г. Козловъ («Матеріалы для статистики Архангельской губерніи») говоритъ, что и въ настоящее время Бѣломорскій край нашъ высылаетъ въ столицы и во внутреннія губерніи сухимъ путемъ до 1.000,000 п. товаровъ рыбнаго и звѣринаго промысла. По мнѣнію же архангельскаго статистическаго комитета и г. Лощкарева, относительная незначительность цифры этой обусловлена, главнымъ образомъ, трудностью сбыта и отсутствїемъ путей сообщенія, а съ устройствомъ путей цифра внутренняго вывоза должна значительно усилиться. Полагая, что оно только удвоится, получимъ до 2,000,000 п. цѣннаго груза, который долженъ пройти по предложенному водяному сообщенію. Если принять самую дешевую изъ нынѣ существующихъ провозныхъ платъ за проходъ подобныхъ товаровъ къ водянымъ путямъ, т. е. по 6 коп. съ пуда, то въ доходъ канала поступитъ еще до 120,000 рублей, что, вмѣстѣ съ вышеприведенными 240,000, составитъ 360,000 рублей.

Что касается движенія хлѣбнаго товара по предлагаемому водяному сообщенію Бѣлаго моря съ Онежскимъ озеромъ въ настоящее время, то оно не можетъ быть опредѣлено съ достаточною вѣрностью. Цифры, сюда относящїеся, очевидно будутъ подвержены извѣстному колебанію. Но цифры эти будутъ имѣть вліяніе прежде всего на измѣненіе цѣнъ на хлѣбъ въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ, въ силу котораго движеніе хлѣбныхъ грузовъ можетъ усиливаться или уменьшаться, то изъ Бѣлаго моря въ Олонецкую губернію, то изъ Вознесенскаго посада къ Бѣлому морю, когда хлѣбъ, вслѣдствіе какихъ нибудь причинъ, вздорожаетъ въ Вятской губерніи, то, наконецъ, степени требованія хлѣба въ сѣверныя части Финляндіи и цѣнъ на него въ портахъ Балтійскаго моря, изъ которыхъ онъ туда доставляется въ настоящее время. Въ числѣ товаровъ, которые также необходимо должны будутъ идти по каналу отъ Бѣлаго моря въ Олонецкую губернію и количество которыхъ также опредѣлить теперь невозможно, должно считать заграничную соль, такъ какъ этимъ продуктомъ и теперь Архангельская губернія снабжаетъ Олонецкую.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о возможномъ пассажирскомъ движеніи по предполагаемому водяному сообщенію. Основываясь на существующихъ уже официальныхъ данныхъ, по отчетамъ 2-го округа путей сообщенія, въ настоящее время, въ лѣтніе мѣсяцы, ежегодно отправляется черезъ Петербургъ въ Соловецкій монастырь на богомолье до 12,000 человекъ. Предполагая, что, съ устройствомъ

удобнаго сообщенія, число это, конечно, увеличится и, присоединяя сюда проѣзжающихъ съ другими цѣлями чрезъ Петербургъ и вообще Онежское озеро въ Архангельскъ и другіе порты Бѣлаго моря, число это безъ преувеличенія можно положить въ 15,000 человекъ, а въ оба пути—до 50,000. Считая за провозъ на пароходахъ отъ Петербурга до Архангельска и до Соловокъ (на разстояніи болѣе 1,000 верстъ) плату, среднимъ числомъ, за каждаго пассажира съ кладью 10 р., получимъ цифру дохода отъ пассажирскаго движенія, доходящую до 500,000 р.

Исходя изъ того несомнѣннаго положенія, что никакія мѣропріятія, съ цѣлію поднятія экономическаго благосостоянія сѣвернаго края, не могутъ возымѣть всей своей силы и принести все предполагаемую отъ нихъ возможную пользу, пока не будетъ прекращено то уединеніе, то экономическое отчужденіе этого края отъ остальнаго государства, мы желали доказать, что архангельская комисія ошибочно полагаетъ, что цѣль эта будетъ достаточно достигнута устройствомъ вятско-двинской желѣзной дороги, которая соединитъ Бѣломорье съ Поволжьемъ и вообще восточною частію Россіи. Этимъ путемъ можно, конечно, облегчить и усилить отпускъ изъ архангельскаго порта хлѣбнаго товара; но онъ не откроетъ выхода продуктамъ сѣвернаго края во внутрь Россіи и, слѣдовательно, не дастъ толчка его собственной производительности, по той причинѣ, что въ рыбномъ товарѣ Поволжье не нуждается, имѣя достаточно собственнаго; лѣсной же товаръ сплавомъ вверхъ, по сѣверной Двинѣ, обойдется дорого. Естественный источникъ лѣснаго товара для Поволжья составляютъ сѣверовосточныя губерніи съ путемъ по Камѣ, а затѣмъ, въ видѣ запаса на будущее время, почти непочатое лѣсное богатство Печерскаго края, которое, для выхода на Волгу, ожидаетъ недорогога и нетруднаго, по мѣстнымъ топографическимъ условіямъ, водянаго сообщенія, устроить которое, чуть не 50 лѣтъ тому назадъ, предлагалъ уже г. Латвинъ. Такимъ образомъ, устройство вятско-двинской желѣзной дороги, требуя относительно значительныхъ расходовъ, свойственныхъ вообще этого рода путямъ, только отчасти устранить уединеніе отъ Россіи ея сѣверной окраины, которая, по экономическимъ географическимъ условіямъ своимъ, требуетъ главнымъ образомъ связи съ столицами, съ западною и центральною Россією, а эта связь и притомъ всего края, а не одной только его придвинской части, можетъ быть достигнута болѣе дешевымъ, чѣмъ желѣзная дорога, способомъ, а именно, какъ мы говорили выше, водянымъ сообщеніемъ Бѣлаго моря съ Онежскимъ озеромъ. Войдя по этому предмету въ нѣкоторыя подробности, мы имѣли въ виду доказать, во первыхъ, широкое экономическое значеніе этого сообщенія вообще; а во вторыхъ, что устройство его представляетъ

далеко небезвыгодное предпріятіе для частной предпримчивости, особенно если правительство, въ виду общегосударственной пользы его, окажетъ ему извѣстнаго рода содѣйствіе; хотя съ точки зрѣнія именно этой общегосударственной пользы слѣдуетъ желать, чтобы правительство взяло это дѣло на себя, а не передавало его въ частныя руки, тѣмъ болѣе, что водяное сообщеніе Бѣлаго моря, единственнаго изъ нашихъ морей въ Европѣ, выходъ изъ котораго не находится въ рукахъ иностранцевъ, съ Финскимъ заливомъ и центральною Россіею, можетъ имѣть для нея политическое значеніе, распространяться о которомъ мы, въ настоящее время, не будемъ.

Закончимъ нашу рѣчь еще однимъ замѣчаніемъ. Могутъ сказать, что водянымъ сообщеніемъ можно пользоваться только во время навигаціи, т. е. втеченіи 4—5 мѣсяцевъ, тогда какъ желѣзная дорога служить постоянно. Это совершенно вѣрно вообще, но, по отношенію къ вятско-двинской дорогѣ, слѣдуетъ сказать «не служить», а лишь «можетъ служить». Дѣйствительно, въ виду того, что дѣятельность помянутой дороги будетъ обуславливаться главнымъ образомъ дѣятельностью архангельскаго порта, которая опредѣляется тѣмъ же временемъ 4—5 мѣсяцевъ навигаціи, то можно навѣрное сказать, что и вятско-двинская желѣзная дорога будетъ работать главнымъ образомъ только втеченіи того же періода времени или лишь немного болѣе.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

ВЪ ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГИИ ЖИВОТНЫХЪ.

(Чувство, инстинктъ и умъ животныхъ).

«Всѣ люди, обращающіе вниманіе на поступки животныхъ, объясняютъ ихъ способностями, болѣе или менѣе сходными съ своими собственными. Мало того, что существа всѣхъ высшихъ порядковъ проявляютъ несомнѣнные признаки удовольствія и страданія, но все наше обращеніе съ животными основано на томъ, что онѣ раздѣляютъ съ нами такія болѣе сложные чувства, каковы: страхъ, привязанность, гнѣвъ, даже любопытство, ревность и месть. Иныя изъ этихъ чувствъ проявляются въ тѣлесныхъ признакахъ, носящихъ совершенно человѣческую окраску, съ чѣмъ долженъ согласиться всякій, кому доводилось осознать дрожащія конечности и трепещущее сердце перепуганнаго щенка, или кто видѣлъ въ «Выраженіи оцущеній» Дарвина изображеніе чимпанзе, у котораго отняли его фрукты и который высказываетъ свое дурное расположеніе духа надутіемъ губъ, представляющимъ карикатуру того же выраженія у ребенка. Далѣе, низшія животныя обнаруживаютъ ясно выраженную волю, которая, подобно человѣческой, есть не только желаніе, но равнодѣйствующая или результатъ взвѣшиванія нѣсколькихъ желаній, такъ что если два человѣка одновременно зовутъ собаку въ разныя стороны, то они могутъ раздвоить ея волю на тотъ манеръ, который напоминаетъ намъ гипотетическаго осла-философа, умершаго съ голоду между своимъ сномъ и водою.

Что касается способности памяти у животных, то, без сомнѣнія, намъ всёмъ представлялось много удобныхъ случаевъ для наблюденія, какъ она прочна и точна. Иныя вещи, запоминаемыя животными, могутъ быть объяснены просто ассоцірованіемъ понятій вслѣдствіе привычки, какъ, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда лошадь выдаетъ обновленіе своего прежняго хозяина останавливаться у каждаго кабака; это можетъозна чать только, что ворота или знакомая дверь внушаютъ животному воспоминаніе объ отдыхѣ и оно останавливается. Но наблюденія надъ грезящею собакою заставляютъ насъ думать, что какъ и въ нашихъ грезахъ, передъ ея сознаніемъ проходятъ изъ складовъ памяти цѣлыя вереницы представлений. Память, при которой возможно такое воспроизведеніе прошлаго, представляетъ источникъ опытности, изъ котораго черпается пониманіе настоящаго и предвидѣніе будущаго. Употребленіе памяти минувшаго, какъ средства для контролизированія будущаго, представляетъ великую умственную способность у человѣка, но въ простой и элементарной формѣ эта способность встрѣчается и у низшихъ животных»¹⁾.

Въ этихъ словахъ знаменитаго англійскаго ученаго собраны всѣ выдающіяся черты психическихъ проявленій животныхъ въ томъ видѣ, какъ онѣ принимаются современною сравнительною психологіею, но въ нихъ же, въ этихъ словахъ, содержится и та слабая сторона, тотъ спорный пунктъ, который служитъ и продолжаетъ служить камнемъ преткновенія при оцѣнѣ самаго метода данной науки. Весь вопросъ въ томъ именно и состоитъ—имѣемъ ли мы право объяснять поступки животныхъ «способностями, болѣе или менѣе сходными съ своими собственными?» Имѣемъ ли мы право по сходству поступковъ заключать о сходствѣ причинъ, ихъ обуславливающихъ?

Злоупотребленіе антропоморфическою точкою зрѣнія въ психологіи было недавно рѣзко выставлено на видъ извѣстнымъ англійскимъ ученымъ Льюисомъ въ его «Изученіе психологіи». Изъ того, что животныя «поступаютъ, какъ поступаемъ мы при сходныхъ обстоятельствахъ, мы толкуемъ ихъ дѣйствія, какъ бы наши собственные. Однако это очевидная ошибка», говоритъ Льюисъ. Это значитъ объяснять явленія по однимъ внѣшнимъ признакамъ.

Но дѣло въ томъ, что пока мы руководствуемся исключительно внѣшними признаками, не касаясь ихъ причинъ, до тѣхъ поръ антропоморфизмъ неизбеженъ. «Такимъ образомъ, неразвитый человѣкъ видитъ во всѣхъ явленіяхъ природы отраженіе своихъ собственныхъ

¹⁾ Тэйлоръ, «Антропология», переводъ съ англійскаго Ивана, 1882 г., стр. 52—53.

состояній: вѣтеръ «воетъ», ручеекъ «журчитъ», громъ «гремитъ», а планеты «притягиваютъ» другъ друга. Но когда умъ нашъ переходитъ отъ внѣшнихъ признаковъ къ причинамъ, тогда становится ясно, что нерационально ожидать однихъ и тѣхъ же дѣйствій отъ совершенно различныхъ, одна отъ другой, причинъ. Анатомическія изслѣдованія, открывающія передъ нами глубокія различія между человѣческимъ и животнымъ организмомъ, поддерживаются еще далѣе психологическими изслѣдованіями, обнаруживающими значительную разницу между опытностію человѣка и животныхъ, такъ что, не смотря на нѣкоторое сходство, ихъ душевныя состоянія специфически разнятся между собою»¹⁾).

Танымъ образомъ, если при оцѣнкѣ психическихъ способностей животныхъ необходимо принимать во вниманіе не только сходство внѣшнихъ признаковъ, но и сходство самой природы организаціи, то само собою разумѣется, что чѣмъ болѣе послѣдняя удалится отъ человѣческаго организма, тѣмъ менѣе, но одинаковымъ поступкамъ животного и человѣка, мы можемъ заключать о тождественности причинъ, ихъ обуславливающихъ.

Приводимъ примѣръ, которымъ Льюисъ поясняетъ настоящее положеніе. Собака травитъ крысу, крыса защищается и кусается, собака приспособляетъ всѣ свои движенія къ каждому движенію своей добычи, рычитъ отъ ярости, пожираетъ и перевариваетъ мясо, отбрасывая непереваримыя части: волосы, кости и проч. Мы объясняемъ дѣйствія собаки посредствомъ подобныхъ же дѣйствій, извѣстныхъ намъ по отношенію къ самимъ себѣ. Мы предполагаемъ, что собака имѣетъ чувства, подобныя нашимъ, и что чувства эти вызываютъ и сопровождаютъ ея движенія. Предположеніе наше основывается на знаніи большаго сходства между органами и тканями участвующими въ дѣйствіяхъ собаки и человѣка. По объективному сходству дѣйствій мы заключаемъ о субъективномъ сходствѣ причинъ, и обратно: изъ сходства въ органическихъ причинахъ мы дѣлаемъ заключеніе о сходствѣ субъективныхъ чувствъ. До сихъ поръ все ясно. Но разсмотримъ теперь полипа, проглатывающаго червяка или водяного жука, одолаивающаго своего врага и вводящаго жертву въ свою внутренность, а потомъ, высосавъ удобоваримыя части, выдѣляющаго неудобоваримую скорлупу или кожу. Дѣйствія его съ внѣшней стороны чрезвычайно похожи на дѣйствія собаки, овлаждающей крысой, и результаты сходны. Должны ли мы заключить изъ этого, что полипъ чувствуетъ то же, что и собака. Можемъ ли мы отсюда вывести сход-

¹⁾ Д. Г. Льюисъ, «Наученіе психологіи», русскій переводъ, 1880 годъ, стр. 142.

ство въ чувствованіяхъ, объясняющее сходство въ дѣйствіяхъ. Приступая къ провѣркѣ вывода, мы должны сознаться, что заключеніе наше было поспѣшно».

Дѣло въ томъ, что при сходствѣ внѣшнихъ признаковъ, здѣсь наблюдаются весьма существенныя различія въ органическихъ условіяхъ. «Строеніе тѣла собаки и полна имѣютъ только самое общее сходство; ихъ механизмъ и опытность такъ различны другъ отъ друга, что только при обширномъ знаніи подробностей и обширной теоріи органическаго развитія, мы можемъ привести ихъ къ одной общей рубрикѣ» ¹⁾.

Но затрудненіе еще болѣе увеличивается, аналогія еще болѣе становится проблематичной, если мы обратимся къ растеніямъ, гдѣ также встрѣчаются нѣкоторые явленія (чувствительность стидливой мишени и т. п.), происхожденіе которыхъ у животныхъ приписывается психической способности. Имѣемъ ли мы право, въ виду такого сходства, признать и въ растеніяхъ соотвѣтствующую способность? Нѣкоторые ученые нисколько въ томъ не сомнѣваются, считая подобное признаніе не только возможнымъ, но и необходимымъ. «Какъ общія анатомія и физиологія, чтобы быть закончены ими, должны обнимать собою и растительное царство, такъ точно,—говоритъ Вигноли,—и сравнительная психологія животныхъ, чтобы прочно обосноваться, должна расширить свои границы и проникнуть въ психическую жизнь растительнаго царства» ²⁾.

Далѣе тотъ же ученый замѣчаетъ: «Если психическая способность въ ея элементахъ будетъ приписываться исключительно человѣку, то животное царство уничтожится, и самъ человѣкъ станетъ неразъяснимой загадкой; если ограничивать ее только человѣкомъ и животнымъ міромъ, то растительное царство окажется еще болѣе непонятной тайной; общія органическая наука, и сама психологія будутъ невозможны или неполны» ³⁾.

¹⁾ Тамъ же; стр. 128—129.

²⁾ Tito Vignoli: *Über das Fundamentalgesetz der Intelligenz im Thierreiche*. Leipzig. 1879; стр. 68-я.

³⁾ Тамъ же. О психической способности у растений см. также Boscovits: *L'ame de la plante*. Вудъ того мнѣнія, что «жизнь растений не эпокаъ лишена психической стороны». (Основанія «физиологической психологіи». Стр. 1014-я). Можно было бы указать и на многихъ другихъ современныхъ ученыхъ, разделяющихъ ту же точку зрѣнія. Нѣкоторые идутъ еще дальше и готовы допустить существованіе психической способности не только у растений, но даже въ минералахъ. Такъ, напримѣръ, по мнѣнію Гемавта «l'instinct gouvernant, dirigeant la matière minérale ne saurait faire d'avantage» (*De l'instinct et de l'intelligence*. Paris 1880. стр. 13-я).

Въ какой мѣрѣ, однако, подобное расширеніе границъ сравнительной психологіи можетъ быть допустимо, въ виду указанной выше проблематичности аналогій, основанныхъ на сходствѣ однихъ внѣшнихъ признаковъ? Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Льюисъ говоритъ:

«Есть весьма достойные писатели, которые приписываютъ душу растеніямъ точно такъ, какъ и животнымъ. Гипотеза эта лежитъ внѣ всякаго опроверженія, потому что она лежитъ внѣ возможности быть доказанной. Но я утверждаю, что если мы станемъ надѣлать растенія и полипы душой, то мы обязаны отрицать, что душа эта похожа на нашу собственную; тождество будетъ заключаться только въ томъ общемъ сходствѣ ихъ организма и нашего, которое обнаружится при разложеніи обоихъ на дифференцирующуюся протоплазму. Приписывая чувствительность всѣмъ живымъ организмамъ, мы имѣемъ ту выгоду, что, такимъ образомъ, мы связываемъ въ одно цѣлое всѣ наши понятія объ органическихъ явленіяхъ; но признавая это общее единство, мы не должны упускать изъ виду значительныя различія въ органическихъ явленіяхъ и тѣ особенности, которыя вытекаютъ изъ дифференціаціи чувствительности, зависящей отъ сложности условий. Признавъ разъ, что каждое явленіе есть функція его условій, вы признаете, что замѣтныя измѣненія органическихъ условій, обнаруживающіяся при разнообразномъ строеніи животныхъ, должны производить рѣзкія различія въ явленіяхъ чувствованія. А потому мы à priori убѣждены, что растеніе, или полипъ не могутъ имѣть одинаковыя чувствованія съ собакою и человѣкомъ; даже признавая ихъ за первыми, для насъ остается вполне непонятнымъ, какого они свойства»¹⁾.

Мы считали необходимымъ указать здѣсь на эти общія замѣчанія, такъ какъ они позволяютъ установить болѣе правильную точку зрѣнія на методъ и задачи сравнительной психологіи. Въ самомъ дѣлѣ, все вышесказанное можетъ быть сформулировано въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Признаніе элементарныхъ психическихъ способностей за всѣми живыми организмами научно настолько, насколько оно «связываетъ въ одно цѣлое всѣ наши понятія объ органическихъ явленіяхъ»; на сколько оно отвѣчаетъ ученію о единствѣ органической жизни. Но оно вовсе не научно, если приводится въ доказательство тождества душевныхъ способностей.

¹⁾ Льюисъ, «Изученіе психологія», стр. 130.

2) Сходство во внѣшнихъ признакахъ, въ поступкахъ и дѣйствіяхъ, независимо отъ сходства въ строеніи организаци и условіяхъ ея жизнедѣятельности,—не даетъ права заключать о сходствѣ или тождествѣ психическихъ способностей, которымъ эти поступки приписываются. Отсюда уже прямо слѣдуетъ, что

3) Задача сравнительной психологіи животныхъ состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы доказать тождественность между психической природой животныхъ и человѣка, а въ томъ, чтобы, исходя изъ общихъ законовъ развитія, выяснитъ условія проявленія той и другой психики и опредѣлитъ ихъ генетическое отношеніе другъ къ другу. Задача сводится къ установленію не тождества, а степеней развитія и значенія преемственности.

Наконецъ, въ виду того же втораго положенія, необходимо признать, что:

4) Поступки животныхъ тѣмъ менѣе могутъ быть объясняемы психическими способностями, сходными съ нашими, чѣмъ болѣе животное удалится отъ человѣка по строенію своей организаци и условіямъ жизнедѣятельности послѣдней. Стало быть, всего менѣе подобное объясненіе приложимо къ простѣйшимъ животнымъ, дѣйствія которыхъ, хотя бы по внѣшнимъ признакамъ и сходны съ человѣческими, психологія должна свести къ простѣйшимъ, первичнымъ психическимъ способностямъ, а не искать ихъ причину въ сложныхъ свойствахъ человѣческой психики.

Таковы общія основныя положенія, которыхъ не можетъ и не должна игнорировать сравнительная психологія и по соответствіи которымъ устанавливается уже право оцѣнки степени ея научности. И дѣйствительно, если исходя изъ выше формулированныхъ основныхъ положеній, мы обратимся къ современному состоянію сравнительной психологіи, насколько выражено оно въ новѣйшихъ ученіяхъ о психическихъ способностяхъ животныхъ, то усмотримъ важный шагъ впередъ въ указанномъ выше направленіи. Мы найдемъ несомнѣнныя попытки ограниченія антропоморфизма, этой ахилесовой пятки сравнительной психологіи,—попытки изслѣдованія явленій въ зависимости не только отъ внѣшнихъ признаковъ ихъ, но и въ связи съ условіями ихъ опредѣляемости. Мы найдемъ болѣе строгую оцѣнку характера психической дѣятельности животныхъ, рядомъ съ устраненіемъ тѣхъ преувеличеній о высокихъ проявленіяхъ данной дѣятельности, како-

выя обмененно приписываются не только нѣкоторымъ высшимъ позвоночнымъ, но даже нѣкоторымъ насѣкомымъ. Въ этомъ отношеніи въ особенности обращаетъ на себя вниманіе новый трудъ Бастіана, какъ по богатству собранныхъ въ немъ новѣйшихъ наблюденій, такъ и по разработкѣ этого матеріала. Размѣры нашей хроники не позволяютъ намъ входить въ подробный обзоръ новаго труда Бастіана, а тѣмъ болѣе въ подробную характеристику современныхъ ученій о психической жизнедѣятельности животныхъ. Мы ограничимся здѣсь фактической стороны предмета, пользуясь главнымъ образомъ данными, собранными въ книгѣ Бастіана ¹⁾.

Чувства служатъ основою всей психической жизни животныхъ, а потому само собою разумѣется, что изслѣдованіе относящихся сюда явленій должно составлять начало животной психологіи.

Факты показываютъ, что внѣшнія чувства животныхъ представляютъ многочисленныя стадіи развитія, начиная съ самой низшей, несовершенной, и оканчивая наиболѣе совершенной; въ особенности относительно тонкости, остроты.

Въ то время, какъ у низшихъ животныхъ, червей, моллюсковъ и проч., зрительныя впечатлѣнія отличаются крайнею ограниченностію, у птицъ чувство зрѣнія достигаетъ необычайнаго развитія. Остротою зрѣнія онѣ превосходятъ всѣхъ остальныхъ животныхъ. «Соболь, говоритъ Бюфонъ,—пара въ поднебесьѣ, очень ясно различаетъ по цвѣту перья въ жаворонка, пріотившагося на пригоркѣ, на разстояніи гораздо большемъ того, на какомъ могли бы замѣтить этого хищника собака или человекъ. Коршунъ, поднимающійся на такую высоту, что совершенно скрывается съ нашихъ глазъ, видитъ оттуда ащерицъ, мышей, маленькихъ птичекъ, и намѣчаетъ себѣ жертву, на которую и спускается».

Тоже наблюдается и относительно чувства слуха. У большинства безпозвоночныхъ способность распознавать различнаго рода звуки развита крайне слабо ²⁾. «Я не разъ, говоритъ Леббокъ ³⁾,—очень осторожно приближался къ журавлю, находящемуся въ покойномъ состояніи, и производилъ надъ нимъ самый сильный и самый рѣзкій звукъ, каковой могъ извлечь изъ простой свирѣли, свистка для собакъ, скрипки, своего собственнаго голоса,—и все это безъ всякихъ послѣдствій».

¹⁾ Charlton Bastian, «Le cerveau, organe de la pensée chez l'homme et les animaux», Paris, 1882 г. См. его же статью въ «Revue Scientifique» № 20, 1881 г., стр. 609—612.

²⁾ «Nature» (англ.) 1878 г., p. 540 и 568.

³⁾ John Lubbock, «Les moers des fourmis. Traduis de l'anglais par Battandie. Algiers», 1880 г., p. 18, 42.

Леббокъ обращался даже къ содѣйствию микрофона. Онъ помѣстилъ его на муравейникъ, но хотя и очень ясно слышалъ передвиженіе муравьевъ, до его уха не долеталъ никакой другой звукъ. Тѣмъ не менѣе Леббокъ не думаетъ, чтобы муравьи были совершенно лишены чувства слуха и не могли бы издавать нивалкихъ звуковъ. Вѣроятно, по его мнѣнію, предположить, что они слышать и издаютъ звуки, какъкъ им не слышимъ. Того же мнѣнія и другой ученый, Ландоа, по наблюденіямъ котораго пчелы несомнѣнно обладаютъ чувствомъ слуха и издаютъ звукъ въ родѣ «тютъ, тютъ, тютъ»¹⁾.

Но наиболѣе совершеннаго развитія чувство слуха достигаетъ ослатами среди позвоночныхъ животныхъ, причемъ по тонкости слуха первое мѣсто занимаютъ ночныя птицы и травоядныя млекопитающія. Такъ, по Свайнсону, «лось, неотличающаяся ни ловкостію, ни быстротою движеній, тѣмъ не менѣе успѣваетъ во-время уйти отъ своихъ преслѣдователей, благодаря именно тонкости слуха; объ оленѣ можно также сказать, что это животное надѣлено очень тонкимъ слухомъ». Бастіанъ, приводящій эти и послѣдующія слова Свайнсона, замѣчаетъ отъ себя: «Тонкость слуха у лошадей, голеней и морскихъ свинокъ—замѣчательна».

Если мы обратимся теперь къ чувству осязанія, то увидимъ, что у различныхъ животныхъ оно развито весьма различно; оно слабо у низшихъ формъ и достигаетъ иногда парадоксальной интенсивности среди нѣкоторыхъ высшихъ позвоночныхъ. У рыбъ и пресмыкающихся чувство осязанія плохо развито и весьма мало локализовано въ той или другой специальной части тѣла. Напротивъ, у птицъ это чувство отличается значительнымъ развитіемъ и хорошо локализовано. По Свайнсону, органомъ осязанія у птицъ служатъ лапы и клювъ, «это въ особенности, говоритъ онъ, замѣтно у хищныхъ, когти которыхъ приспособлены къ схватыванію и удержанію добычи. У другихъ птицъ, какъвы: утки, бекасы, органомъ осязанія является именно клювъ, который они погружаютъ въ тину для добыванія пищи; верхній кончикъ его челюсти мягкій и часто, кромѣ того, покрытъ тонкой пленкой, что позволяетъ заключить о замѣчательной его чувствительности».

Что касается четвероногихъ животныхъ, то большинство изъ нихъ, въ отношеніи чувства осязанія, значительно уступаетъ птицамъ. Какъ на исключеніе слѣдуетъ указать на хоботъ слона, отличающійся очень тонкимъ осязаніемъ. Но самымъ замѣчательнымъ примѣромъ развитія чувства осязанія являются перепонки крыльевъ летучей мыши, а

¹⁾ Приведено у Л. Бюхнера: «Aus der Geistesleben der Thiere. Dritte vermehr. Auflage», Leipzig, 1880 г., стр. 305.

также кожа ея шире ихъ ушей. Чувствительность этихъ частей поистинѣ парадоксальна: она можетъ замѣнить летучей мыши зрѣніе, такъ что, будучи ослѣпленной, послѣдняя продолжаетъ летать и легко уклоняется отъ встрѣчающихся на пути препятствій. Извѣстенъ знаменитый опытъ Спаланцани: онъ ослѣпилъ летучую мышь и она продолжала летать между протянутыми по комнатѣ нитями, не дѣлаясь за нихъ.

Дѣйствію вниманія, что вышерассмотрѣнными внѣшніи чувства, достигая наибольшаго развитія именно среди высшихъ позвоночныхъ, относятся вмѣстѣ съ тѣмъ къ числу тѣхъ, на которыхъ, выражаясь словами Бастіана, покоится у человѣка большая часть его познаній внѣшняго міра. Напротивъ, обоняніе, далеко не играющее такой же важной роли въ развитіи человѣка, оказывается значительно развитымъ не только среди другихъ позвоночныхъ, но и среди беспозвоночныхъ, у которыхъ въ особенности оно обнаруживается съ значительною интенсивностью. Правда, у такихъ существъ какъ черви и большинство моллюсковъ, чувство обонянія, по мнѣнію Бастіана, отсутствуетъ, или, если и имѣется, то въ крайне зачаточномъ состояніи. Есть причины полагать, что оно существуетъ у брюхоногихъ моллюсковъ, у различнаго рода каракатицъ и у многихъ ракообразныхъ. Но наивысшимъ и самымъ совершеннымъ развитіемъ обонянія отличаются насѣкомыя, у которыхъ это чувство оказывается едва-ли не преобладающимъ надъ всѣми остальными.

Такъ, Леббокъ ¹⁾ показалъ, что хотя муравьи и обладаютъ способностью распознавать цвѣта, тѣмъ не менѣе главнымъ руководящимъ чувствомъ этихъ насѣкомыхъ является обоняніе, а не зрѣніе. Какую важную роль у муравьевъ играетъ обоняніе, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ одного писателя, цитируемаго Бастіаномъ: «Я часто, говорить этотъ писатель ²⁾,—дѣлалъ опытъ, уничтожая запахъ на пространствѣ только нѣсколькихъ дюймовъ (рѣчь идетъ о запахѣ, оставляемомъ муравьями на почвѣ), что приводило муравьевъ въ замѣшательство; каждый изъ нихъ, перешедшій одинъ дюймъ или меньше, возвращался къ товарищамъ, ища потерянный путь, пока наконецъ не удавалось ему перебѣжать указанное разстояніе».

Что пчелы и бабочки при посѣщеніи цвѣтковъ руководствуются не только зрѣніемъ, но и обоняніемъ, объ этомъ одинъ ученый сообщаетъ слѣдующіе любопытные факты ³⁾: Обыкновенныя пчелы и бабочки,

¹⁾ Lubbock, «Les mœurs des fourmis».

²⁾ «Journal of Linn». Soc., vol. XIII (Zool), p. 239 и 244. «Nature» 1873 г., p. 444.

³⁾ «Nature», octobre 1877 г.

посѣщая втеченіи извѣстнаго времени опредѣленную разновидность цвѣтговъ, не садятся на другую разновидность; напримѣръ, пчела, садясь на краснояркій гераниумъ, не посѣщаетъ другаго вида или разновидности, точно также она никогда не смѣшиваетъ яркокраснаго гераниума съ другимъ цвѣткомъ такой же окраски. «Я никогда не замѣчалъ, говорить этотъ наблюдатель, — чтобы пчела перелетала съ лилии на аморелись или обратно», хотя оба эти цвѣтка, прибавимъ отъ себя, одинаково окрашены. Очевидно, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ пчела руководствуется не столько зрѣніемъ, сколько обоняніемъ.

Другой ученый, Джебъ (Gabb) ¹⁾ передаетъ очень интересныя факты, свидѣтельствующіе объ остротѣ обонянія бабочекъ. Во время экскурсій этого ученаго, его слуги-индійцы часто брали съ собою въ путь бродило, приготовленное изъ маисовой муки; они размѣшивали его водою и приготовляли себѣ особаго рода напитокъ. Въ одну изъ такихъ экскурсій, по прибытіи въ узкую котловину на берегу источника рѣки, спустя нѣсколько минутъ какъ индійцы обратились къ своему бродилу, путешественники увидѣли приближеніе самыхъ блестящихъ бабочекъ, до того совершенно отсутствовавшихъ. Оказалось, что онѣ почуяли по вѣтру запахъ маисоваго тѣста и летѣли на него. Это открытіе дало возможность Джебу употреблять маисовое тѣсто, какъ приманку для поимки этихъ бабочекъ, которыя также очень охотно шли на душистый запахъ спѣлаго или гнилаго банана. Другимъ не менѣ замѣчательнымъ примѣромъ тонкаго обонянія у бабочекъ могутъ служить лепидоптеры; если посадить въ ящикъ неоплодотворенную самку названной породы, самецъ прилетитъ къ ней, гдѣ бы и на какомъ разстояніи ни находился ²⁾.

Всѣ подобныя факты свидѣлствуютъ, что чувство обонянія — какъ говоритъ Бастіанъ, — «у большинства насѣкомыхъ очень тонко и по своей остротѣ едва-ли не превышаетъ то же чувство у всѣхъ другихъ животныхъ».

Обращаясь къ позвоночнымъ, прежде всего необходимо указать на рыбъ, чувство обонянія которыхъ отличается очень высокимъ развитіемъ. По мнѣнію Лесенеда, это чувство служитъ имъ какъ бы органомъ зрѣнія; благодаря именно его содѣйствію, онѣ отыскиваютъ себѣ пищу, распознаютъ своихъ враговъ на громадномъ разстояніи и преодолеваютъ непроницаемый мракъ морской пучины ³⁾.

Что касается птицъ, то хотя у нѣкоторыхъ изъ нихъ и предпола-

¹⁾ «Nature», fevrier 1878 г., p. 282.

²⁾ «Quarterly review of science», oct. 1877 г. и «Nature» 1878 г., p. 302 et 311.

³⁾ Kirby, «History Habits and Instincts of Animals», vol. II, p. 278.

галось очень тонкое обоняніе, какъ, нацримврь, у ястреба, но наблюденія Дарвина и другихъ ученыхъ показали, что предположеніе это очень ошибочно и что прежніе наблюдатели приведены были въ обманъ, приписывая факты остроты зрѣнія тонкости обонянія; на самомъ же дѣлѣ оказывается, что обонятельное чувство у большинства птицъ развито весьма слабо.

Но совсѣмъ не то представляютъ многія четвероногія, какъ дикія, такъ и домашнія животныя. У большинства изъ нихъ обоняніе развито очень хорошо, а у нѣкоторыхъ достигаетъ даже крайне поразительной интенсивности. У американскихъ бизоновъ обоняніе такъ тонко, что ни человекъ, ни собака не могутъ приблизиться къ этимъ животнымъ иначе, какъ противъ вѣтра. Верблюды, благодаря тому же чувству, въ своихъ переходахъ по знойнымъ песчанымъ пустынямъ, часто слышатъ воду на разстояніи миль ¹⁾. Норманъ говоритъ, что лягушки способны узнавать близость воды и инстинктивно поворачиваться къ ней. «Я часто имѣлъ возможность убѣдиться въ своемъ мнѣніи», замѣчаетъ онъ. Этотъ наблюдатель ²⁾, находя, близъ лужи, лягушекъ въ періодъ метанія икры, поворачивалъ ихъ въ сторону отъ воды, но онѣ тотчасъ же принимали свое первоначальное положеніе. Если же онѣ отходили отъ воды, онѣ вновь прыгали по направленію къ послѣдней, руководствуясь, очевидно, чувствомъ обонянія, подобно верблюдамъ, которые узнаютъ присутствіе воды на разстояніи одной мили.

Какимъ тонкимъ обоняніемъ отличается собака—знаетъ каждый; ея способность находить по слѣдамъ своего хозяина среди самыхъ многолюдныхъ улицъ достаточно уже свидѣтельствуеетъ о развитіи этого чувства. Очень интересный случай сообщаетъ Бастианъ со словъ доктора Гудженса ³⁾, у котораго былъ песь Парисъ отъ знаменитой англійской дворовой собаки Турка. Этотъ песь питалъ какую-то особенную ненависть ко всѣмъ, безъ исключенія, мясникамъ и мяснымъ лавкамъ. Собравъ свѣдѣнія отъ перваго владѣльца Турка, Гудженсъ узналъ, что такая же антипатія существовала не только у послѣдняго, но у отца и дѣда этой собаки, а затѣмъ то же чувство унаслѣдовали отъ Турка и его дѣти, въ томъ числѣ и Парисъ. Ненависть Париса къ мясникамъ и мяснымъ лавкамъ была по-истинѣ изумительная. Собака эта не могла равнодушно посѣщать улицы, гдѣ помѣщалась мясная лавка, не могла спокойно идти мимо лавки, а всегда стремглавъ

¹⁾ Swainson, «Habits and Instincts of Animals», p. 49.

²⁾ White, «Natural History of Selborne», p. 407.

³⁾ «Nature», 1878 г., p. 281.

пролетала мимо нея. Если во время прогулокъ съ своимъ владѣльцемъ на пути встрѣчалась телѣга съ мясною тушею, собака страшно рвалась на цѣпи и ее едва можно было удержать.

Какъ-то разъ вечеромъ, любопытства ради, козиннѣ одной мясной лавки, одѣтый въ совершенно новый костюмъ, зашелъ къ Гудженсу поглядѣть Париса. Едва только гость успѣлъ показаться въ домѣ, какъ собака стала бѣшено вѣдаться и пришла въ такое неистовство, что стоило большаго труда удалять ее. Во время пребыванія Гудженса въ Гестингсѣ, та же самая собака бросилась однажды на господина, входившаго въ отель. Гудженсъ былъ удивленъ такою неожиданною выходкою своего Париса и извинился передъ господиномъ, замѣтивъ ему, что въ первый разъ онъ видитъ, чтобы собака его бросалась на незнакомыхъ, и что исключеніе составляютъ одни только мясники; незнакомецъ отвѣтилъ, что торговля мясомъ и есть его профессія.

Едва-ли можно указать на другой, болѣе убѣдительный примѣръ тонкаго чутья, какимъ отличаются собаки. У лошадей чувство обонянія въ свою очередь развито очень сильно, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ слѣдующій рассказъ Дарвина ¹⁾: «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говорить этотъ ученный,—я путешествовалъ въ почтовой каретѣ, и каждый разъ, когда приходилось проѣзжать мимо постоялаго двора, лошади сами собою останавливались у воротъ, и это повторялось у каждаго трактира. Это заинтересовало меня и я спросилъ у кучера о причинѣ такихъ остановокъ; онъ объяснилъ мнѣ, что его коренникъ-кобыла, не смотря на то, что съ давнихъ лѣтъ она слѣпая, останавливается у всѣхъ воротъ трактировъ, которые онъ по дорогѣ посѣщалъ во время прежнихъ своихъ разъѣздовъ. Я провѣрилъ заявленіе кучера, и дѣйствительно лошадь хорошо знала всѣ эти мѣста и останавливалась прежде, чѣмъ кучеръ успѣвалъ осадить остальныхъ лошадей». Дарвинъ не сомнѣвается, что этотъ слѣпой коренникъ узнавалъ мѣста прежнихъ посѣщеній своего хозяина, благодаря своему обонянію.

Привода этотъ рассказъ Дарвина, Бастіанъ замѣчаетъ отъ себя, что благодаря именно сильному развитію чувства обонянія у нѣкоторыхъ животныхъ, послѣднія обладаютъ способностью отыскивать мѣсто своего постоянного пребыванія, какъ бы далеко отъ него ни находились; напр. кошка или собака, находясь въ какой нибудь неизвѣстной мѣстности, приходятъ домой по дорогѣ, которая раньше не была имъ извѣстна. Такимъ же образомъ перелетныя птицы, благодаря тому же чувству, возвращаются изъ-за моря въ тѣмъ самымъ крн-

¹⁾ «Nature», 1873 г., р. 360.

шамъ, къ тѣмъ трубамъ и къ тѣмъ кустарникамъ, въ которыхъ и на которыхъ онѣ въ прошлую весну свивали свои гнѣзда и высиживали дѣтенышей.

Едва-ли впрочемъ факты, подобныя только что указаннымъ, могутъ быть приписываемы исключительно чувству обонянія; напротивъ, существуетъ не мало въ высокой степени интересныхъ наблюдений, которыя заставляютъ признать у животныхъ особое чувство, чувство направленія (*sens de direction*). Это чувство отличается очень сильнымъ развитіемъ у нѣкоторыхъ животныхъ; оно присуще также, хотя и въ сравнительно слабой степени, и человѣку, причѣмъ у различныхъ индивидуумовъ обнаруживается далеко не съ одинаковою интенсивностью—слабо у цивилизованныхъ и весьма значительно у нѣкоторыхъ дикихъ или полудикихъ человѣческихъ расъ.

Такъ, Дарвинъ, со словъ Врангеля, сообщаетъ о замѣчательной способности нѣкоторыхъ туземцевъ сѣверной Сибири, запоминать всѣ подробности пути, пройденнаго по льду, какъ бы разстояніе ни было значительно,—способности, усвоенной туземцами благодаря постояннымъ ихъ странствованіямъ по льду, гдѣ они не могутъ руководствоваться особенными примѣтами дороги, помимо неба и замерзшаго моря.

Индійцы сѣверной Америки, въ свою очередь, отличаются такою же способностью отыскивать дорогу не только среди лѣсныхъ чащъ, но и въ пустыняхъ, гдѣ царствуетъ полнѣйшее однообразіе. Д. С. Мериль ¹⁾ пишетъ изъ Канзаса: «Я знавалъ проводниковъ и охотниковъ, жившихъ въ равнинахъ и въ горахъ на западѣ отъ насъ, которые въ своихъ охотахъ на бизоновъ и другихъ дикихъ животныхъ, какъ бы далеко ни уходили отъ мѣстъ своей стоянки, какъ бы значительно ни уклонялись отъ нея въ ту или другую сторону, никогда не сбивались съ пути и всегда возвращались въ свой станъ прямою дорогою. На вопросъ, какимъ образомъ они этого достигаютъ, они говорятъ, что это дѣлается помимо ихъ сознанія».

Очень интересный случай сообщаетъ Генри Форде ²⁾ въ своихъ путешествіяхъ въ Соединенныхъ Штатахъ сѣверной Америки, именно въ западной Виргиніи. По его словамъ, туземцы-охотники, знающіе лѣсистыя горы этой области, подвергаются иной разъ испугу, вслѣдствіе котораго совершенно перестаютъ понимать что дѣлать; ихъ способность легко ориентироваться въ окружающей мѣстности моментально улетучивается. Они убѣждены, что потеряли дорогу, что слѣ-

¹⁾ «Nature», 1873 г., p. 77.

²⁾ «Nature», 1873 г., p. 433.

дуютъ по направленію противоположному тому, какого желали. Ни доводы товарищей, ни видъ мѣстности, ни замѣченное положеніе солнца не въ состояніи побѣдить этого чувства самообмана, обыкновенно сопровождающагося сильною нервозностью, общимъ расстройствомъ, упадкомъ силъ и безотчетнымъ страхомъ. Состояніе это превращается также внезапно, какъ и наступаетъ.

Чувство направленія, способность легко ориентироваться въ незнакомой мѣстности, весьма мало развито у цивилизованныхъ народовъ, но болѣе у дикихъ и полудикихъ расъ, какъ это только что мы видѣли, и еще болѣе у многихъ животныхъ. Здѣсь эта способность проявляется иногда при такихъ необычайныхъ условіяхъ, что можно было бы усомниться въ достовѣрности сообщаемыхъ фактовъ, если-бы они не наблюдались людьми компетентными и вполне безпристрастными. Такъ, Дарвинъ ¹⁾ передаетъ очень интересный случай о верховой лошади, полученной имъ изъ Кента по желѣзной дорогѣ. «Въ первый день, говоритъ Дарвинъ,—когда я, сѣлавъ на ней прогулку на востокъ, хотѣлъ повернуть ее обратно домой, моя лошадь заунывилась, не обнаруживала никакого желанія войти въ конюшню и все ворочала въ обратную сторону». Это заинтересовало Дарвина; онъ повторилъ опытъ и каждый разъ, когда опускалъ поводъ, лошадь внезапно поворачивалась и начинала бѣжать рысью по направленію къ востоку, т. е. какъ разъ въ ту сторону, откуда была доставлена. Дарвинъ ѣздилъ на этой лошади каждый день втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ и она ни разу не пропустила случая поступить описаннымъ образомъ. Несомнѣнно лошадь чувствовала то направленіе, откуда она была приведена и гдѣ лежала мѣстность ея первоначальнаго пребыванія.

Другой, не менѣе интересный случай передаетъ Гоуайтъ ²⁾, (Hou Witt). Его другъ Мекинтошъ изъ Дарго, охотясь за дикими звѣрями, увлекся однажды до того, что совершенно потерялъ изъ виду своихъ товарищей, и нескорѣ бы замѣтилъ какъ заблудился, если-бы его лошадь вдругъ не отказалась идти, куда направлялъ ее сѣдокъ. Тогда Мекинтошъ предоставилъ лошади свободу; она тотчасъ же свернула въ сторону и, пробѣжавъ прямымъ путемъ рысью почти 10 миль, по совершенно незнакомой мѣстности, доставила его въ лагерь.

Та же замѣчательная способность наблюдается и у собакъ. Такъ, собака, отправленная Чарльзомъ Коббе ³⁾ изъ Ньюбриджа въ Дублинъ,

¹⁾ «Nature», 1873 г., p. 360.

²⁾ «Nature», 1873 г., p. 323.

³⁾ «Quarterly Review», octobre 1872.

въ то же утро прибѣжала обратно въ Ньюбриджъ и вновь очутилась въ своей канурѣ, пройдя дорогу совершенно ей незнакому. То же чувство направленія, говоритъ Бастіанъ,—въ высокой степени развито у другихъ животныхъ—у насекомыхъ, крабовъ, рыбъ, перелетныхъ птицъ, а изъ четвероногихъ, помимо упомянутыхъ выше,—у кошекъ, овецъ, ословъ и вѣроятно у многихъ другихъ. Весьма замѣчательный примѣръ крайняго развитія чувства направленія у осла, приводятъ Керби и Спенсъ ¹⁾ въ своемъ извѣстномъ введеніи въ энтомологію.

Въ мартѣ 1816 г., одинъ осель, приобретенный Дундасомъ, капитаномъ королевскаго флота въ Мальтѣ, былъ посаженъ для доставки въ Мальту на фрегатъ «Истеръ» капитана Фореста, выходившаго изъ Гибралтара. Въ небольшомъ разстояніи отъ Point de Gal, корабль врѣзался въ песокъ. Воспользовавшись сумятицей, осель бросился съ борта въ воду; его сочли погибшимъ, такъ какъ море было до того бурно, что шляпка, спущенная съ фрегата, потерялась. Между тѣмъ, спустя нѣсколько дней, осель благополучно явился прямо въ конюшню своего прежняго владѣльца, чѣмъ крайне удивилъ послѣдняго, предположившаго, что животное, вѣроятно, не было посажено на фрегатъ «Истеръ». Дѣло разъяснилось только послѣ того, какъ фрегатъ возвратился для починки; оказалось, что осель, бросившись съ борта съвшаго на мель корабля, не только счастливо добрался до берега, но безъ всякаго провожатаго, безъ всякой карты или компаса, нашелъ дорогу изъ Point de Gal въ Гибралтаръ, пройдя разстояніе болѣе 200 миль, причемъ, не смотря ни на гористую мѣстность, ни на другія препятствія, встрѣчавшіяся въ пути, онъ совершилъ свое путешествіе въ сравнительно короткій промежутокъ времени, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ, что не дѣлалъ большихъ поворотовъ, а все время шелъ на прямую.

Всѣ подобнаго рода факты не могутъ быть, замѣчаетъ отъ себя Бастіанъ,—объяснены ни развитіемъ обонянія, ни остротою зрѣнія; необходимо признать въ животныхъ существованіе особаго чувства, помогающаго имъ ориентироваться въ незнакомой мѣстности—чувства направленія (*sens direction*) къ мѣстамъ, гдѣ они родились, выросли и къ которымъ сильно привыкли. Само собою разумѣется, что признаніе такого особаго чувства вовсе еще не объясняетъ вышеприведенныхъ явленій; чѣмъ это за чувство направленія, какимъ образомъ оно руководитъ животныхъ, вопросы эти остаются неразъясненными. Конечно, послѣднее обстоятельство нисколько не устраняетъ значенія самыхъ фактовъ, которые во всякомъ случаѣ свидѣствуютъ о замѣчательно тонкой нервной воспримчивости животныхъ.

¹⁾ «Introd. to Entomology», 7 ed., 1860 г., p. 552.

Всѣ вышерассмотрѣнные явленія свидѣтельствуютъ несомнѣнно, что въ отношеніи развитія внѣшнихъ чувствъ, ихъ болѣе полного и всесторонняго проявленія, высшія животныя, болѣе низшихъ, приближаются къ человѣку. Но какъ было уже замѣчено, эти чувства служатъ основою психической жизни; должны ли мы отсюда заключить, что психическая жизнь высшихъ животныхъ болѣе приближается къ психической жизни человѣка, нежели низшихъ животныхъ? Если въ отношеніи даже внѣшнихъ чувствъ замѣчается наименьшее сходство между человѣкомъ и именно низшими животными, то въ виду общихъ положеній, изложенныхъ въ началѣ настоящей хроники, мы всего менѣе имѣемъ право объяснять поступки послѣднихъ нашими собственными поступками, всего менѣе имѣемъ право приписывать эти поступки высшимъ психическимъ способностямъ и, напротивъ, должны искать ихъ объясненіе въ элементарныхъ способностяхъ, гдѣ руководящимъ факторомъ являются простыя побужденія организма, а не сложные акты сознательной дѣятельности.

Какъ согласить однако это заключеніе съ тѣмъ общераспространеннымъ мнѣніемъ о высокомъ умственномъ развитіи, которое обыкновенно приписывается нѣкоторымъ низшимъ животнымъ, именно, нѣкоторымъ насѣкомымъ, каковы муравьи и пчелы. Что говорить факты? Дѣйствительно ли они подтверждаютъ это общераспространенное мнѣніе, или значеніе ихъ преувеличено и они свидѣтельствуютъ не столько о высокихъ умственныхъ способностяхъ названныхъ насѣкомыхъ, сколько о наклонности человѣка истолковывать поступки животныхъ съ антропоморфической точки зрѣнія?

Очень опредѣленный отвѣтъ дадутъ на поставленный вопросъ нѣкоторыя замѣчательныя наблюденія Дж. Леббока¹⁾ надъ пчелами, осами и муравьями. Наблюденія эти показываютъ наглядно, какъ преувеличены умственныя способности названныхъ насѣкомыхъ, дѣйствія которыхъ скорѣе могутъ быть объяснены элементарными унаслѣдованными побужденіями, нежели разсудочною дѣятельностью.

Приводимъ примѣры.

Желая обидѣть пчелу-матку, Дж. Леббокъ помѣстилъ ее временно съ нѣсколькими пчелами-работниками въ ящикъ, содержащій кусочекъ сотовъ. Въ этихъ новыхъ и непривычныхъ для пчелъ условіяхъ работники не обратили никакого вниманія на свою царю, такъ что спустя три дня, она напелъ ее совсѣмъ ослабѣвшей, безпомощной. Не смотря на то, что на другой день нѣсколько пчелъ по-

¹⁾ «Journal of Linn. Soc. (Zoology) vol. XII, XIII et. XIV, а также «Moeurs des fourmis».

явились съ запасомъ меда у самаго отверстія ящичка, гдѣ сидѣла несчастная ихъ царица, совершенно обезсиленная отъ голода, пчелы не обратили на нее никакого вниманія; а между тѣмъ та же самая матка вновь помѣщенная въ улей, тотчасъ привлекла къ себѣ вниманіе работниковъ громаднаго числа пчелъ, которыя заботливо стали за ней ухаживать.

Опытъ этотъ, конечно, рисуется уже въ нѣсколько иномъ свѣтѣ ту «любовь» и «привязанность» пчелъ къ своей маткѣ, которыя такъ усердно восхваляются нѣкоторыми наблюдателями. Разъ пчелы поставлены въ новыя, для нихъ необычайныя условія—эта «любовь» и «привязанность» смѣняются полнѣйшимъ индифферентизмомъ, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ, что вовсе, въ сущности, не эти высокія качества души, а простая привычка, выработанная цѣлымъ рядомъ предшествующихъ поколѣній, въ опредѣленныхъ условіяхъ пчелиной жизни, руководить работниками и побуждаетъ ихъ ухаживать за своей маткой; разъ эти условія, при которыхъ проавляется данная привычка, смѣнены новыми, руководящій факторъ отсутствуетъ и пчелы не обращаютъ никакого вниманія на свою матку.

Другой аналогичный примѣръ. Замѣтивъ, что нѣкоторыя изъ пчелъ усердно посѣщаютъ цвѣтки барбариса, Леббокъ помѣстилъ блюдечко съ небольшимъ количествомъ меда между вѣтвями этого кустарника; цвѣтки по прежнему продолжали посѣщаться пчелами, но ни одна изъ нихъ отъ 9^{1/2} ч. утра до 3^{1/2} ч. по полудни не обратила никакого вниманія на медъ, находившійся на блюдечкѣ. Тогда Леббокъ видоизмѣнилъ опытъ, онъ положилъ медъ въ одинъ изъ пучковъ цвѣтовъ барбариса; не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ пчелы съ жадностію набросились на лакомое блюдо и втеченіи 5 часовъ продолжали посѣщать кустарникъ.

Въ данномъ случаѣ опять-таки повторяется то же явленіе: новизна условій лишаетъ ихъ самой элементарной способности—умѣнья собирать медъ, что, конечно, весьма мало дѣлаетъ чести столь усердно восхваляемому уму этихъ наѣкомыхъ. Еще менѣе говорить въ пользу умственныхъ способностей пчелы слѣдующій фактъ, сообщаемый тѣмъ же Леббоккомъ. Этотъ остроумный изслѣдователь посадилъ одну пчелу въ стеклянный колоколь 18 дюймовъ длины и 6 ширины и обратилъ закрытою стороною къ окну. Втеченіи почти цѣлаго часа пчела прожужжала въ колпакѣ не зная какъ выбраться изъ него, такъ что Леббокъ принужденъ былъ самъ посадить ее обратно въ улей. Затѣмъ этотъ ученый посадилъ въ тотъ же колпакъ другую пчелу вмѣстѣ съ мухою; муха тотчасъ же вылетѣла, тогда какъ пчела втеченіи полчаса билась у закрытаго конца колокола и вылетѣла тогда, когда Леббокъ оборотилъ къ свѣту колоколь открытымъ концомъ. Опыты эти повторялись

нѣсколько разъ и постоянно получались тѣ же самые результаты. Какъ мало они говорятъ въ пользу догадливости и сообразительности пчелинаго ума, ясно само собой; муха, по крайней мѣрѣ, въ данномъ случаѣ, оказывается болѣе сообразительной. Далѣе, существуетъ мнѣнiе, что пчелы очень внимательны къ своимъ раненымъ товарищамъ, а также всегда старательно очищаютъ другъ друга, когда та или другая запачкается медомъ; «но я убѣжденъ, замѣчаетъ по этому случаю Леббокъ, — что если пчелы иногда и очищаютъ другъ друга отъ меда, то скорѣе ради самого же меда». Дѣйствительно, Леббокъ продѣлалъ слѣдующій опытъ: онъ утопилъ одну пчелу въ медѣ, а другую вымазалъ имъ; послѣдняя вскорѣ вычистилась, но не обратила, однако, никакого вниманiя на свою бѣдную подругу. Леббокъ помѣщалъ нерѣдко мертвыхъ пчелъ въ тѣ мѣста, куда обыкновенно прилетали пчелы за медомъ, но эти послѣднiя никогда не обращали ни малѣйшаго вниманiя на своихъ мертвыхъ товарищей; и хотя, замѣчаетъ названный ученый, «Лезанъ находить у пчелъ какую-то замѣчательную любовь, но мнѣ онѣ кажутся совершенно бездушными и относящимися другъ къ другу вполнѣ индифферентно».

Не болѣе высокими умственными способностями отличаются оса. Оса, надъ которою производилъ свои наблюденiя Леббокъ, до того усердно вымазалась медомъ, что не могла летать; тогда экспериментаторъ рѣшилъ вынуть ее самъ, для чего онъ посадил осу въ бутылку, до половины наполненную водою, и трясъ до тѣхъ поръ, пока не смылъ съ крыльевъ и другихъ частей ея тѣла весь медъ; затѣмъ онъ пересадилъ ее въ другую сухую бутылку и выставилъ на солнце. Когда оса совершенно обсохла, она тотчасъ же полетѣла въ свое гнѣздо, но, въ удивленiю наблюдателя, по прошествiи 13 минутъ вновь вернулась къ лакомому блюду, усѣвъ за это короткое время совершенно забыть о той встрѣчѣ, которую задалъ ей Леббокъ и каковую она рисковала испытать вновь. Такъ дѣйствительно и случилось; чтобы повторить опытъ, Леббокъ на этотъ разъ самъ вымазалъ осу медомъ и затѣмъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, вымылъ ее и выставилъ на солнце; послѣдняя, высохнувъ, хотя и улетѣла тотчасъ же въ свое гнѣздо, но тотчасъ же опять вернулась за медомъ, повторивъ тоже самое на слѣдующій день. Факты эти свидѣтельствуютъ, конечно, о крайне слабой памяти осы, о крайне слабой ея способности къ тому, что извѣстно подъ именемъ личнаго опыта.

Не менѣе поучительныя свѣдѣнiя сообщаетъ тотъ же Леббокъ о муравьяхъ, этикъ «умнѣйшихъ» насѣкомыхъ, которые, по мнѣнiю нѣкоторыхъ ученыхъ, какъ, напримѣръ, Фореля ¹⁾, занимаютъ такое же

¹⁾ L. Büchner: «Aus dem Geistesleben der Thiere», S. 46.

высокое мѣсто среди шестиногихъ членистыхъ, какъ человекъ среди млекопитающихъ.

Многочисленные рассказы о замѣчательномъ умѣ муравьевъ, ихъ любви другъ къ другу и инымъ, подобнымъ же высокимъ душевнымъ качествахъ—извѣстны каждому. Но едва-ли извѣстно каждому, въ какой степени преувеличены всѣ эти рассказы и какъ мало они, въ сущности, соотвѣствуютъ правдѣ. Тамъ, гдѣ главную роль въ дѣйствительности играютъ простѣйшія побужденія, руководимая часто то чувствомъ обонянія, то чувствомъ зрѣнія, тамъ усматриваютъ высшія способности души. Напримѣръ, много говорилось объ умѣнии муравьевъ отыскивать и запоминать дорогу,—умѣнии, яко-бы, свидѣтельствующемъ о значительныхъ умственныхъ способностяхъ этихъ насѣкомыхъ. Опыты Леббока, однако, показываютъ, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ муравьи руководствуются вовсе не памятью, а чутьемъ, обоняніемъ, которое, какъ мы видѣли выше, у нихъ весьма сильно развито. Одинъ изъ такихъ примѣровъ былъ уже нами упомянутъ; въ свою очередь, Леббокъ нашелъ, что достаточно провести черту палкою, камнемъ или пальцемъ черезъ дорогу, проложенную муравьями, и вообще такъ или иначе уничтожить запахъ, оставляемый ими по дорогѣ, чтобы привести муравьевъ въ замѣшательство; они теряютъ слѣдъ, и проводятъ немало времени въ поискахъ, прежде чѣмъ набредутъ на свой путь. Такимъ же образомъ, если раздавить на дорогѣ, проложенной муравьями, двухъ-трехъ ихъ товарищей, остальные приходятъ въ смятеніе; въ сильномъ возбужденіи, они бросаются то въ ту, то въ другую сторону, и все это вовсе не потому, чтобы ихъ поражаало зрѣлище своихъ мертвыхъ товарищей, а просто отъ сильнаго запаха ихъ раздавленного тѣла.

Далѣе, то же замѣчается и въ томъ случаѣ, когда какойнибудь муравей открываетъ новый запасъ пищи, и, по истеченіи нѣкотораго времени, къ тому же мѣсту мало-по-малу собираются и другіе муравьи: они руководствуются въ этомъ случаѣ все тѣмъ же чувствомъ обонянія, идутъ по слѣду своихъ товарищей, такъ что приписывать имъ особенную способность передавать другъ другу о случившемся фактѣ нѣтъ ровно никакого основанія. Дѣйствительно, какъ мало муравьи отличаются такою прославленной ихъ способностью—свидѣтельствуемъ слѣдующее интересное наблюденіе Леббока ¹⁾. «Если, говоритъ онъ,—помѣстить нѣсколько муравьевъ въ ящикъ и въ одинъ изъ угловъ этого ящика набросать немного мелкой земли, такъ, чтобы ее могли замѣтить два-три муравья, они идутъ сейчасъ за своими товарищами,

¹⁾ «Moeurs de Fourmis», p. 26.

каждый хватаетъ ближайшаго за ногу, причемъ послѣдній тотчасъ же свертывается въ клубочекъ и дозволяетъ дотащить себя къ тому мѣсту, гдѣ разрыта земля. Затѣмъ оба они, уже вдвоемъ, отправляются за новыми товарищами; каждый изъ нихъ повторяетъ ту же операцію, пока такимъ оригинальнымъ способомъ всѣ муравьи не узнаютъ о случившемся и общими усиліями не примутся за работу. Едва-ли можно тутъ допустить, чтобы муравьи практиковали такой неудобный способъ, если-бы они умѣли въ иной, болѣе легкой формѣ передавать другъ другу свое впечатлѣніе.

Какъ мало муравьи, въ сущности, обращаютъ вниманія другъ на друга внѣ условій ихъ общей работы—можно видѣть изъ того, что они совершенно индифферентно относятся къ товарищамъ, когда послѣдніе находятся въ какомъ нибудь критическомъ положеніи. Такъ, Леббокъ соединилъ муравейникъ небольшимъ мостиномъ съ сосудомъ, въ которомъ находилась пища. Мостикъ этотъ онъ посыпалъ землею и зарылъ въ нее до половины нѣсколькихъ муравьевъ; не смотря на то, что по этому мостику товарищи ихъ постоянно проходили за пищую, ни одинъ изъ нихъ не обратилъ никакого вниманія на зарытыхъ въ землю муравьевъ; ни одинъ изъ нихъ не обнаруживалъ попытки высвободить несчастныхъ изъ ихъ положенія.

Такимъ же образомъ, если Леббокъ ¹⁾ приклеивалъ того или другаго муравья къ деревянной пластинкѣ, прикрѣпленной къ муравейнику, товарищи этого муравья весьма рѣдко и то лишь случайно освобождали его изъ такого положенія.

Всѣ подобныя факты, конечно, мало говорятъ въ пользу тѣхъ душевныхъ качествъ, которыя приписываются муравьямъ; если они и оказываютъ помощь другъ другу, то только въ привычныхъ условіяхъ общей работы; они помогаютъ другъ другу, насколько того требуетъ жизнь всего муравейника; личная же помощь у нихъ отсутствуетъ.

Точно такимъ же образомъ крайне преувеличено мнѣніе объ изобрѣтательности этихъ насѣкомыхъ, о чемъ свидѣтельствуютъ опыты того же Леббока. Небольшой стеклянный сосудъ, въ которомъ находилась пища, окружался водою, затѣмъ полоскою бумаги Леббокъ ²⁾ соединилъ этотъ сосудъ съ муравейникомъ такимъ образомъ, что муравьи, отправляясь за пищею, должны были непремѣнно проходить черезъ мостикъ. Когда набралось ихъ на полоскѣ бумажки значительное количество, онъ нѣсколько приподнял ее со стороны муравейника; это

¹⁾ Тамъ же, стр. 13, 14 и т. д.

²⁾ Тамъ же, стр. 11—12.

обстоятельство крайне смущало муравьевъ; они бѣгали въ ту и другую сторону по мостику, но ни одинъ изъ нихъ не рѣшался спрыгнуть съ него въ муравейникъ, хотя расстояние, на которое Леббокъ приподнял мостикъ не превышало одной трети дюйма.

Нѣсколько разъ названный ученый повторялъ тотъ же опытъ и всегда съ одинаковымъ результатомъ. Очевидно, муравьи не то чтобы боялись разбиться, падаъ съ такой ничтожной высоты, но они просто не могли догадаться это сдѣлать.

Справедливость послѣдняго подтверждается другимъ опытомъ Леббока. Онъ помѣстилъ пищу въ сосудъ поверхъ муравейника и соединилъ первый съ послѣднимъ очень длиннымъ зигзагообразнымъ мостикомъ такъ, что проходя по немъ, муравьямъ предстояло совершить длинное путешествіе, прежде чѣмъ попасть изъ муравейника въ сосудъ съ пищею или обратно. Казалось бы, что для того, чтобы сократить путь и облегчить себѣ работу, муравьямъ было бы проще всего, очутившись въ сосудѣ съ пищею, сбросить послѣднюю въ муравейникъ и потомъ спрыгнуть самимъ туда же, тѣмъ болѣе что расстояние между сосудомъ и муравейникомъ, не превышало $\frac{1}{3}$ дюйма. А между тѣмъ, хотя Леббокъ повторялъ этотъ опытъ нѣсколько разъ, онъ никогда не видѣлъ, чтобы муравьи догадались упростить себѣ такимъ образомъ работу, напротивъ, каждый изъ нихъ, нагрузившись пищею, тащилъ ее по длинному мостику, не вида инаго ближайшаго пути доставить свой грузъ въ муравейникъ.

Мало того, расстояние между сосудомъ съ пищею и муравейникомъ было такъ мало, что муравьи, бѣгавшіе по муравейнику, едва не касались спиной къ висящему надъ ними сосуду и ни одинъ однако изъ нихъ не догадался взобраться на спину своего товарища и этимъ ближайшимъ путемъ проникнуть въ сосудъ съ пищею, или обратно спуститься въ муравейникъ. Наконецъ, чтобы облегчить муравьевъ, Леббокъ насыпалъ на муравейникъ земли совершенно достаточной для того, чтобы муравьи, собравъ ее въ кучу, могли соединить расстояние, отдѣляющее муравейникъ отъ сосуда съ пищею; но этотъ простѣйшій способъ проложить ближайшую дорогу къ пищѣ не пришелъ въ голову ни одному изъ этихъ «умныхъ» насекомыхъ; они по прежнему продолжали перетаскивать пищу черезъ длинный мостикъ, теряя непроизводительно и время, и трудъ.

Опыты эти, съ такою очевидностью свидѣтельствуютъ о крайней неизобрѣтательности, крайней недогадливости рассматриваемыхъ насекомыхъ, что объ особенномъ умѣ ихъ не можетъ быть и рѣчи.

Здѣсь впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что не всѣ муравьи отличаются такою недогадливостью, не всѣ они боятся сбрасываться съ вы-

соты, когда того требуютъ обстоятельства. Такъ Керби ¹⁾ сообщаетъ слѣдующій случай со словъ полковника Сисса, наблюдавшаго большихъ бѣлыхъ муравьевъ, обыкновенныхъ въ Индіи. Небольшой столъ помѣщавшійся въ одной изъ верандъ квартиры полковника, былъ нагруженъ фруктами, пирожками и различными консервами; чтобы предохранить эти яства отъ насѣкомыхъ, всѣ ножки стола были погружены въ сосуды съ водою. Эта предосторожность однако не привела ни къ чему, муравьи переплыли воду и набросились на лакомства. Тогда, чтобы избавиться отъ этихъ непрошенныхъ гостей, обратились къ другому средству, именно, обмазали ножки стола по выше воды терпентиномъ. Средство, повидимому, оказалось дѣйствительнымъ, такъ какъ втеченіи нѣсколькихъ дней лакомства оставались нетронутыми; но затѣмъ муравьи вновь появились въ большомъ количествѣ на столѣ, и на этотъ разъ не могли понять, какимъ образомъ эти насѣкомыя очутились на столѣ, пока полковникъ Сиссъ, часто находившійся у стола (должно быть тоже любилъ полакомиться) не замѣтилъ, что одинъ изъ муравьевъ упалъ съ потолка прямо на столъ; за этимъ смѣльчакомъ послѣдовали такимъ же порядкомъ и другіе его товарищи.

Само собою разумѣется, что хотя подобные факты и свидѣлствуютъ о нѣкоторой догадливости бѣлыхъ индійскихъ муравьевъ, но едва ли они даютъ право усматривать въ описанныхъ дѣйствіяхъ этихъ насѣкомыхъ проявленіе болѣе высокаго ума, чѣмъ какимъ отличаются другіе многочисленныя насѣкомыя. Совсѣмъ напротивъ; умъ муравьевъ, такъ сказать, коллективный умъ а не личный, если поступки ихъ и отличаются цѣлесообразностью, то это тѣ именно поступки и дѣйствія, которыя выработаны въ общей жизни предшествующихъ поколѣній; но тамъ, гдѣ дѣло идетъ о личной инициативѣ и личной изобрѣтательности, муравьи, подобно другимъ общественнымъ насѣкомымъ, не только не превосходятъ остальныхъ шестиногихъ членистыхъ, но даже значительно уступаютъ нѣкоторымъ изъ послѣднихъ.

Нерѣдко ссылаются въ доказательство ума муравьевъ и ицель на ихъ строительныя способности. Но здѣсь опять таки цѣлесообразность дѣйствій, выработанныхъ поколѣніями, отождествляется съ личной изобрѣтательностью, съ личной инициативой. То, что составляетъ результатъ инстинкта, т. е. врожденныхъ побужденій, врожденныхъ знаній, приписывается личному опыту, рассматривается какъ продуктъ индивидуальнаго развитія. Вотъ что говоритъ по этому поводу Вундтъ ²⁾. Если не всѣ наблюдатели объясняютъ ин-

¹⁾ Habits and instinct, vol. II, p. 251.

²⁾ «Основаніе «явіологической психологін». Переводъ съ нѣмецкаго. Москва, 1881 г., стр. 887—188.

стинеты дѣятельностью ума, «то это не оттого, чтобы въ строительныхъ инстинктахъ бобра и пчелы, или въ общественныхъ инстинктахъ муравьевъ, термитовъ и проч. нельзя было видѣть проявленіе ума; но, напротивъ, отъ того, что здѣсь слышимъ много ума; если-бы считать весь этотъ умъ продуктомъ индивидуальнаго развитія, то пришлось бы поставить его наравнѣ съ высшими проявленіями человѣческаго ума». (Само собою разумѣется отсюда не слѣдуетъ, чтобы инстинктивные дѣйствія животныхъ свидѣтельствовали о проявленіи посторонняго разума. «Оставляя въ сторонѣ неудовлетворительность этой точки зрѣнія въ психологическомъ отношеніи, мы укажемъ, замѣчаетъ далѣе Вундтъ,— только на ея противорѣчіе съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что при всей инстинктивности своихъ дѣйствій, животное все-таки опредѣляется индивидуальнымъ опытомъ и не рѣдко явственно проявляетъ известную степень размышленія и предупредительности, хотя эти проявленія у него основываются на сравнительно простыхъ ассоціаціяхъ представленій. Трудно предположить, чтобы посторонній разумъ не только опредѣлялъ инстинктивное дѣйствіе животныхъ въ общемъ, но и обусловливалъ проявленіе инстинкта въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, всегда указывая вѣрное средство для достиженія цѣли. Съ этой точки зрѣнія было бы непонятнымъ, почему животное въ индивидуальныхъ проявленіяхъ своего ума нерѣдко ошибается и иногда вдается даже въ самый грубый обманъ? Мы не можемъ не видѣть, что инстинктъ, проявляемый животными, весьма ограниченъ; животное всегда имѣетъ въ виду лишь ближайшее послѣдствіе своихъ дѣйствій, и только вслѣдствіе узкости горизонта, ограничивающаго представленія животныхъ, внѣшнія проявленія этого интеллекта представляютъ известную степень совершенства. Загадка интеллекта, заключающагося въ инстинктѣ, разрѣшится, если мы примемъ, что инстинктъ пріобрѣтается рядомъ безчисленныхъ поколѣній, изъ которыхъ каждое прибавляло къ богатству, собранному предками, лишь безконечно малую долю. Различныя степени развитія инстинкта частью представляются нашему наблюденію и теперь, въ различныхъ родахъ одного и того же семейства или порядка животнаго царства. Такъ, безыскусственныя постройки осъ и шмелей, очевидно, составляютъ низшую степень высокоразвитаго строительнаго искусства пчелъ».

Эти общія положенія, подтверждаемыя и раздѣляемыя другими современными психологами ¹⁾ устанавливають болѣе правильную

¹⁾ См. между прочимъ Эспивасъ: «Общественная жизнь животныхъ» Т. Vignoli: Über das Fundamentalgesetz der Intelligenz im Thierreiche. 1879; Georg Schneider: Der thierische Wille. Leipzig, 1880 и др.

точку зрѣнія какъ относительно понятія истинности, такъ и относительно различій послѣдняго отъ того, что извѣстно подъ именемъ ума. Вѣсть съ тѣмъ, эти же самыя положенія даютъ возможность понять, почему строительныя способности пчелъ, муравьевъ и другихъ насѣкомыхъ, отличающагося высокой цѣлесообразностью, тѣмъ не менѣе, не позволяютъ видѣть въ нихъ проявленіе ума, какъ продукта индивидуальнаго развитія. Напротивъ, они заставляютъ смотрѣть на подобнаго рода цѣлесообразность дѣйствій, какъ на продуктъ историческаго развитія, постепенно накопленнаго и передаваемаго изъ поколѣнія въ поколѣніе. Во всѣхъ такихъ случаяхъ, инстинктивная дѣятельность, унаслѣдованныя побужденія, играютъ преобладающую роль надъ личнымъ умомъ, личной инициативой животнаго, и тѣмъ болѣе преобладающее, чѣмъ ничтожное индивидуальное развитіе, индивидуальная опытность, въ сравненіи съ многолѣтнею опытностью предшествующихъ поколѣній.

У низшихъ животныхъ, гдѣ особь вноситъ наименьшую долю въ богатству, прибрѣтенному предшествующими поколѣніями, и гдѣ поэтому природенныя побужденія играютъ наиболѣе выдающуюся роль— у этихъ животныхъ инстинктъ является главнымъ руководителемъ ихъ дѣйствій и поступковъ; отъ того эти дѣйствія отличаются наибольшей машинообразностью, наибольшей рутинностью. Обратите вниманіе хотя бы на тѣхъ же муравьевъ въ ихъ цѣлесообразныхъ дѣйствіяхъ, вполне приспособленныхъ къ условіямъ ихъ общественной жизни. Личная индивидуальная опытность ихъ ничтожна, сравнительно съ природенными побужденіями; коллективный умъ преобладаетъ надъ индивидуальнымъ и тамъ, гдѣ проявляетъ свою дѣятельность первый, тамъ поступки этихъ животныхъ отличаются значительной разумностью; тамъ же, гдѣ преобладаетъ второй, тамъ наблюдается совершенно обратное.

Среди высшихъ животныхъ, указанное здѣсь отношеніе между историческимъ и индивидуальнымъ опытомъ, между унаслѣдованными побужденіями и личной инициативой уже болѣе измѣняются въ пользу послѣднихъ. Инстинктъ хотя и продолжаетъ играть преобладающую роль, но изъ за него все болѣе и болѣе выступаетъ индивидуальный умъ. Индивидуальный опытъ играетъ уже болѣе значительную роль и болѣе замѣтно руководитъ дѣйствіями животныхъ; ихъ поступки отличаются уже болѣею осмысленностью. Многочисленные факты изъ психической жизни позвоночныхъ животныхъ не оставляютъ въ томъ никакого сомнѣнія.

«Мозгъ и нервная система у птицъ—говоритъ Вастіанъ,—гораздо развитѣе, чѣмъ у насѣкомыхъ, и уже поэтому мы должны признать у первыхъ гораздо болѣею самостоятельность, гораздо болѣею вы-

борь дѣйствій, а также болѣе замѣтное проявленіе ума, эмоціи, воображенія и хотѣнія». Это вполне подтверждаютъ и факты, и наблюденія образа жизни многихъ пернатыхъ.

Вотъ что, между прочимъ, сообщаетъ Томасъ Эдварсъ о маленькой птичкѣ, извѣстной подъ именемъ камнешарки, главной пищей которой служатъ мелкія ракообразныя по берегу моря. Однажды, проходя вдоль морскаго берега, Эдвардсъ замѣтилъ на песѣ, въ небольшомъ разстояніи, двухъ камнешарокъ, очень хлопотавшихъ у какого-то предмета; подкравшись какъ можно ближе къ птичкамъ, онъ увидѣлъ, что онѣ сіяются перевернуть мертвую рыбу, превышавшую ихъ размѣрами, по крайней мѣрѣ, въ 6 разъ. Дѣло въ томъ, что верхняя сторона рыбы была уже объѣдена и надо было перевернуть ее на другой бокъ, не тронутый; объ этомъ именно и хлопотали камнешарки. Онѣ толкали рыбу клювомъ и грудью, но усилія ихъ оказывались тщетными; тогда, зайдя съ противоположной стороны, онѣ стали выгребать изъ подъ рыбы песокъ. Послѣ того, какъ, по усмотрѣнію ихъ, было выгреблено уже достаточное количество песку, онѣ перешли на другую сторону и снова начали толкать рыбу въ приготовленную ими ямку; но и на этотъ разъ ихъ трудъ не увѣнчался успѣхомъ. Не теряя надежды, онѣ снова принялись за работу съ тѣмъ, чтобы углубить и расширить подъ рыбою яму.

Во время этихъ работъ прилетѣла третія камнешарка и уже втроемъ онѣ дружно принялись рыть песокъ; затѣмъ, когда углубленіе достигло достаточныхъ размѣровъ, онѣ общими усиліями, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, столкнули наконецъ рыбу въ яму, такъ что послѣдняя перевернулась нетронутой стороной вверхъ. Цѣль была достигнута; а какого усилія стоило перевернуть имъ рыбу, видно уже изъ того—замѣчаетъ Эдвардсъ,—что, столкнувъ свою добычу въ яму, онѣ при этомъ сами едва не потеряли равновѣсія.

Едва-ли слѣдуетъ пояснять, что въ данномъ случаѣ камнешарками руководилъ ни одинъ инстинктъ, но и умъ, личная изобрѣтательность.

Другой писатель ¹⁾ передаетъ еще болѣе интересный случай о зобастыхъ голубяхъ, подбиравшихъ съ земли зерна овса, которыя падали изъ мѣшка, привязаннаго къ мордѣ лошади. Когда голуби подобрали съ земли всѣ зерна, одинъ изъ нихъ придумалъ такую хитрость: онъ бросился съ силою на лошадь и ударилъ ее крыльями по глазамъ; послѣдняя, понятно, встряхнула головой и зерна овса снова

¹⁾ Nature, 1873, p. 325.

посыпались на землю. Эта продѣлка повторялась каждый разъ, какъ зерна подбирались голубями. Само собой разумѣется, что подобной продѣлкой руководилъ уже никакъ не инстинктъ, а личная изобрѣтательность, ясное представленіе о цѣли дѣйствія.

Материнская любовь птицъ къ своимъ дѣтямъ хорошо извѣстна, и хотя главную роль здѣсь играетъ инстинктъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ несомнѣнны проявленія умственной дѣятельности. Уайтъ ¹⁾ говорить о птичкахъ мухоловкахъ, которыя строятъ свои гнѣзда на вѣющемся по стѣнамъ домовъ виноградѣ. Одна пара этихъ маленькихъ птичекъ, по оплошности или по какой другой причинѣ, помѣстила свое гнѣздо на голой вѣтвѣ. Молодые птенцы, во время сильнаго зноя, въ виду такой не предусмотрительности, очень страдали отъ тепловыхъ лучей, отражаемыхъ накаленной стѣной. Чтобы сколько нибудь исправить свою ошибку и облегчить страданіе своихъ, еще неоперившихся малютокъ, самецъ и самка одновременно порхали, въ наиболѣе жаркіе часы, надъ гнѣздомъ, предохраняя своими крыльями птенцовъ отъ знойныхъ солнечныхъ лучей.

Другой примѣръ той же материнской заботливости ²⁾: Однажды, во время сильнаго дождя, гнѣздо ласточки до того размякло, что отвалилось отъ стѣны и упало на землю вмѣстѣ съ пятью неоперившимися птенцами. Одна госпожа, подобравъ этотъ выводокъ, положила его въ корзиночку и выставила послѣднюю за окно своего кабинета. Къ своему удовольствію, она замѣтила ласточекъ, самца и самку, прилетѣвшихъ, въ скоромъ времени, съ кормомъ къ птенцамъ. Одинъ изъ этихъ птенцовъ былъ такъ слабъ, что еще долго послѣ того, какъ остальные оперились и вылетѣли изъ гнѣзда, продолжалъ оставаться въ немъ и сильно страдалъ отъ рѣзкаго, холоднаго сѣверовосточнаго вѣтра. Тогда родители рѣшились избавить его отъ такого неудобства: они принялись за работу и, въ короткое время, вылѣпили изъ земли противъ корзины стѣну, которая могла вполне защищать птенца со стороны вѣтра. Очевидно, въ данномъ случаѣ руководилъ ласточками не только строительный инстинктъ, но и умѣніе примѣнить его къ исключительнымъ условіямъ—фактъ, свидѣтельствующій объ умѣ. Но Бастианъ приводитъ въ своемъ сочиненіи, со словъ Бона, другой, еще болѣе интересный случай, свидѣтельствующій, что птицамъ присуще не только чувство мщенія, но и умѣніе зло мстить за нанесенную обиду. Пара воробьевъ вывела своихъ птенцовъ въ гнѣздѣ каменныхъ стрижей; спустя два дня, къ гнѣзду прилетѣло цѣлое стадо стри-

¹⁾ Natural History of Cebborne.

²⁾ «Illustrated Library», p. 154.

жей и разнесли все гнѣздо на части, не пощадивъ и самыхъ птенцовъ, которые были найдены подъ окномъ мертвыми.

Другой случай: пара ласточекъ свила себѣ гнѣздо подъ окномъ; но маленькіе пернатые разбойники-воробьи выгнали ласточекъ и завладѣли гнѣздомъ. Когда самка воробья положила нѣсколько яицъ и сѣла на нихъ, вдругъ слѣтѣлось нѣсколько ласточекъ и наскоро задѣлали отверстіе гнѣзда; замуравленная самка воробья понесла тяжелое возмездіе, она была найдена мертвою на яйцахъ.

По Свайнсону, многіе попуган очень хорошо извѣстны своею замѣчательною привязанностью другъ къ другу. Объ одной парѣ такихъ попугаевъ Бонне передаетъ, что когда самка заболѣла, за нею сталъ самецъ ухаживать; онъ носилъ ей кормъ въ глубину кѣтки и кормилъ ее. Но бѣдная подруга его не жила долго; она скоро умерла и несчастный самецъ бѣгалъ вокругъ нея въ сильномъ возбужденіи, старался открыть ей ротъ, чтобы дать поѣсть. Бѣдняга не могъ перенести разлуки и, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, умеръ.

Мы не станемъ здѣсь приводить другихъ многочисленныхъ фактовъ, такъ какъ и предъидущіе съ достаточною ясностію свидѣтельствуютъ о болѣе всесторонне-развитой, болѣе разнообразной психической жизни птицъ въ сравненіи съ тѣмъ, что наблюдается среди низшихъ животныхъ, напримѣръ, насѣкомыхъ. Здѣсь уже, очевидно, индивидуальный опытъ играетъ большую роль. А если мы обратимся теперь къ млекопитающимъ животнымъ, то увидимъ еще болѣе ясное проявленіе сознательной дѣятельности надъ безсознательною.

Головной мозгъ и нервная система этихъ животныхъ всего болѣе приближаются, по строенію, къ головному мозгу и нервной системѣ человѣка, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ показываютъ многочисленные наблюденія, ихъ психическія способности, въ свою очередь, наиболѣе приближаются къ психическимъ способностямъ человѣка.

Какая громадная разница наблюдается между дѣйствіями, напримѣръ, собаки и другими низшими животными! Тамъ, гдѣ первую руководитъ не только врожденныя побужденія, но и въ значительной степени личный опытъ—тамъ поступки послѣднихъ составляютъ всего болѣе продуктъ историческаго опыта, прирожденныхъ побужденій и всего менѣе являются результатомъ индивидуальнаго развитія.

«Спускаясь внизъ по разрядамъ организмовъ, мы находимъ, говорить Льюисъ,—что опытъ и механизмъ становятся проще и проще, пока, дойдя до низшихъ видовъ, мы не паталкиваемся на такіе организмы, къ которымъ уже возможно приложить гипотезу о чувствующихъ машинахъ. Движимые лишь непосредственными стимулами и всегда однимъ и тѣмъ же образомъ, онѣ не способны на то, что мы подразумеваемъ подъ словомъ опытъ; онѣ ощущаютъ и реагируютъ,

но никогда не влучиваются путемъ опыта измѣнять свои реакціи и предвидѣть будущіе результаты. Наблюдайте за улиткой: какъ, всѣ ея реакціи похожи на дѣйствія машины. Затѣмъ, поднимаемся выше, къ рыбѣ. Рыба чувствуетъ боль отъ врючка и бросается назадъ; но, избавившись отъ раздраженія, снова неоднократно возвращается къ приманкѣ, не смущаясь воспоминаніемъ объ испытанномъ ощущеніи и израженномъ ртѣ. Насколько иначе дѣйствуетъ собака! Если она, стараясь удовлетворить которой нибудь изъ своихъ потребностей, испытала боль, она уже съ осторожностью подходитъ къ причинившему ее предмету или, можетъ быть, и вполне подавляетъ свое желаніе, боясь возвращенія боли. Собака научается; рыба совсѣмъ неспособна научиться¹⁾.

И понятно, что тѣмъ болѣе животное отличается этой послѣдней способностью, тѣмъ болѣе оно вноситъ измѣненій въ поступки и дѣйствія, опредѣляемыя вражденными побужденіями, тѣмъ болѣе эти поступки отличаются осмысленностью.

Многочисленные рассказы объ умѣ собаки и ея замѣчательной привязанности, какъ къ человѣку, такъ и къ своимъ сотоварищамъ, извѣстны каждому и далеко уже не всегда могутъ быть объясняемы однимъ инстинктомъ. Свайнсонъ²⁾ рассказываетъ, что у одного священника въ Дембиджирѣ была собака ньюфаундлендъ, любимецъ и баловень всего дома. Этого самаго ньюфаундленда не разъ видѣли съ громадною костью, которую онъ таскалъ на сосѣдній дворъ фермы къ охотничьей собакѣ, привязанной въ конюшнѣ; наѣдавшись всегда досыта, ньюфаундлендъ заботился и о своемъ менѣе счастливомъ другѣ. Другой, недавно сообщенный случай³⁾ не менѣе интересенъ: У одного садовода была собака, которая, какъ обнаружилось, улучшая удобные моменты, всегда крапа морковь и уносила ее въ конюшню къ своему другу, лошади.

Подобно чувству дружбы, не менѣе сильно у собаки чувство ненависти. Поладивъ⁴⁾ изъ Монпелье рассказываетъ, что, посѣтивъ на нѣсколько дней своихъ родныхъ, жившихъ въ маленькой деревушкѣ въ 35 километрахъ (около 33-хъ верстѣ) отъ города, онъ взялъ съ собою и свою левретку суку, которая раньше никогда тамъ не была. У ближайшихъ сосѣдей его родныхъ была также собака сука. Съ первой же встрѣчи между двумя животными возникла, безъ всякой видимому причины, глубокая ненависть и вражда. Онѣ схватывались между собою при каждой встрѣчѣ, ежедневно, и ни угрозы, ни наго-

¹⁾ «Изученіе психологін», стр. 38.

²⁾ Habits and instincts of Animals, p. 72.

³⁾ Naturforscher 1880, № 31.

⁴⁾ Nature, 1873, aout 7.

нецъ самое время не могли улучшить отношеній между этими соперницами.

- Спустя годъ, Паладилъ вновь посѣтилъ ту же деревушку и, по примѣру прошлаго раза, опять взялъ съ собою левретку. За $\frac{3}{4}$ часа ѣзды до деревни собака вдругъ стала безпокойной и затѣмъ, какъ бы что-то вспомнивъ, съ быстротою бросилась впередъ, не обращая вниманія на крики хозяина, пытавшагося ее остановить. По прибытїи въ деревню, Паладилъ узналъ, что между его левреткой и прежней собакой сосѣдой вновь произошла страшная схватка; ненавистныя отношенія вновь возобновились.

Въ этомъ примѣрѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Бастианъ, заслуживаетъ вниманія не только самый фактъ внезапнаго возникновенія ненависти и вражды, но и воспоминаніе о немъ, которое, послѣ значительнаго періода времени, пробуждается подъ вліяніемъ простой ассоціаціи идей, и притомъ съ такою силою, что переходитъ въ непосредственное дѣйствіе,—явленіе, свидѣтельствующее о болѣе сложныхъ психическихъ процессахъ, нежели какія обыкновенно приписываются инстинкту. Также мало можетъ помочь намъ и инстинктъ для пониманія слѣдующаго случая сообщеннаго Дюро ¹⁾.

Знаменитый астрономъ Араго, застигнутый однажды бурей въ маленькой деревушкѣ на югѣ Франціи, нашель убѣжище у одного крестьянина, который, на просьбу дать что нибудь поѣсть, предложилъ жарить курицу на вертелѣ. Какого же было удивленіе Араго, когда онъ узналъ, что этотъ вертелъ, снабженный колесомъ, въ видѣ большаго бѣличьяго колеса, приводится въ движеніе приученными къ тому двумя собаками. Одна изъ собакъ, хотя и находилась на кухнѣ, но на попытку крестьянина заставить ее войти въ колесо, чтобы привести въ движеніе вертелъ, она, оскаливъ зубы, спряталась подъ лавку и, не смотря на всѣ увѣщеванія, продолжала упорствовать. На вопросъ Араго о причинѣ такого непослушанія, крестьянинъ отвѣтилъ, что собака обижена, такъ какъ ее заставляютъ работать не въ очередь. Очередь была за ея товарищемъ, котораго однако не было на лицо. Араго попросилъ отыскать отсутствующую собаку; ее позвали и она безпрекословно вошла въ колесо, и втеченіи 10 минутъ приводила въ движеніе вертелъ.

Тогда, чтобы провѣрить слова крестьянина, Араго остановилъ колесо и, освободивъ собаку, попросилъ крестьянина заставить войти въ колесо перваго пса, выказавшаго вначалѣ такое упрямство. Прика-

¹⁾ Ann. des sc. nat. t. XXO, 1831.

заніе было отдано, и животное, убѣдившись, что очередь теперь за нимъ, безпривословно вошло въ колесо и стало его вертѣть.

Чарльзъ Стюартъ Тэндоунъ ¹⁾ изъ Пертшира говоритъ, что, нѣсколько лѣтъ назадъ, на его фермѣ находилась собака Бодачь, обязанностію которой было стеречь въ поляхъ коровъ. Эта собака, съ замѣчательнымъ вниманіемъ всегда слѣдила за коровами, и если которая набудъ изъ нихъ переходила за черту участка, отведеннаго для пастбища, она тотчасъ же бросалась на корову, хватала за пятки и заставляла возвратиться назадъ. Кромѣ того, Бодачь зналъ нѣкоторыхъ коровъ по имени; одна изъ нихъ, Аджи, въ известное время года, должна была дойтия чаще другихъ, и стоило корошницѣ сказать: «Бодачь, пригони мнѣ Аджи», собака тотчасъ же убѣгала на лугъ, отыскивала Аджи и пригоняла ее домой.

«Душевные качества кошки, говоритъ Бремъ,—въ большей части случаевъ, не оцѣнены справедливо; ее считаютъ за невѣрное, хитрое и лукавое животное, и думаютъ, что никогда не слѣдуетъ ей довѣрять». А между тѣмъ, многіе факты свидѣтельствуютъ, что «мы обыкновенно слишкомъ низко цѣнимъ кошекъ, потому что ненавидимъ ихъ воровство, боимся ихъ когтей и очень высоко цѣнимъ врага ихъ—собаку. (Шейтлингъ). Въ самомъ дѣлѣ, существуютъ многочисленныя наблюденія, свидѣтельствующія не только о сравнительно высокомъ умѣ кошекъ, но и о томъ, что невѣрность, хитрость и лукавство не составляютъ исключительныхъ душевныхъ качествъ кошки.

Приводимъ два примѣра ²⁾.

«У одного господина, въ Вальтергаузенѣ, былъ котъ, приученный никогда ничего не брать со стола. Какъ-то разъ въ домѣ появилась новая собака; она очень любила лакомиться и съ этою цѣлью пригала на стулья и столы. Котъ смотрѣлъ на это нѣсколько разъ съ недовольною миною; наконецъ, однажды, онъ помѣстился около стола, и не успѣла еще собака вскочить на стулъ, какъ котъ уже очутился на столѣ и угостилъ лакомку хорошею попечиною». Кошка лѣсничаго Зальцмана была приучена не трогать комнатныхъ птицъ, которыя сидѣли въ клеткахъ на окнѣ. Одинъ изъ емъ котятъ выказалъ желаніе поживиться птицами, но его образумили нѣсколькими ударами и посадили на полъ. Кошка видѣла какъ попытку котенка, такъ и наказаніе, которое онъ понесъ. Но котенокъ не хотѣлъ отказаться отъ желанія полакомиться и не прекращалъ своихъ попытокъ. Кошка не спускала съ него глазъ и каждый разъ, когда онъ пробирался къ

¹⁾ Nature mai, 1879.

²⁾ Бремъ, «Жизнь животныхъ»; т. I, стр. 297—298.

окошке, вскакивала на стулъ и наносила довольно сильныя удары своему вѣтренному питомцу. Котенокъ высмотрѣлъ себѣ другую дорогу: онъ взобрался на бюро, стоявшее возлѣ окна, и бросился оттуда на птицу. Но кошка замѣтила это дерзкое предпріятіе, однимъ прыжкомъ очутилась на верху и наградила котенка такими пощечинами, что съ тѣхъ поръ продѣлки его прекратились».

Другой случай: «Кошка одного любителя птицъ принесла, къ великой радости хозяина, уже нѣсколько дней пропадавшую красношейку; она не только узнала эту птичку, но и поймала ее съ явнымъ намѣреніемъ обрадовать своего хозяина». О другой кошкѣ рассказываютъ, что она жила «въ весьма дружескихъ отношеніяхъ съ канарейкою своего хозяина и охотно позволяла ей садиться къ себѣ на спину и играть съ собою. Однажды хозяинъ этой кошки видитъ, что она быстро и повидимому, съ бѣшенствомъ бросается на канарейку, беретъ ее въ зубы и съ ворчаніемъ и мурлыканіемъ взбирается на бюро, съ канарейкою въ зубахъ. Подняли крикъ, чтобы спасти птичку, какъ вдругъ замѣтили, что въ комнату забралась чужая кошка; только тогда поняли, какъ велика была доброта ихъ кошки: она хотѣла защитить своего друга отъ другой кошки».

Всѣ подобныя факты представляютъ, конечно, несомнѣнныя доказательства кошачьяго ума. Мы выше уже приводили случай съ ласточками, доказывающій объ ихъ умѣніи сознательно пользоваться своимъ строительнымъ инстинктомъ.

Тоже наблюдается среди млекопитающихъ животныхъ, напр. бобра. Такъ бобръ парижскаго зоологическаго музея былъ застигнутъ на дворѣ въ своей клѣткѣ, въ одну изъ послѣднихъ зимъ, сильной снѣжной вьюгой. Падавшій въ изобиліи хлопьями снѣгъ грозилъ совсѣмъ закидать бѣднаго бобра. Послѣдній тотчасъ же собралъ всѣ вѣтки, какія валялись въ его клѣткѣ, вилелъ ихъ въ ея отверстія и затѣмъ сталъ задѣлывать эти отверстія всѣмъ, что было у него подъ «руками»; въ ходъ пошли объѣдки пиши, кости, яблоки и проч. Не довольствуясь этимъ, онъ собралъ весь снѣгъ, набившійся въ его клѣтку, и совершенно задѣлалъ имъ стѣнки послѣдней¹⁾.

Мы видимъ и въ этомъ замѣчательномъ случаѣ совершенно разумное и сознательное пользованіе животнымъ своимъ строительнымъ искусствомъ. Объяснять этотъ случай однимъ инстинктомъ и не видѣть въ немъ проявленіе ума было бы невозможно, какъ справедливо замѣчаетъ Вигноли.

¹⁾ Tito Vignoli: Über das Fundamentalgesetz der Intelligenz im Thierreiche, 1879. S. 149.

Въ виду всѣхъ изложенныхъ выше фактовъ, естественно предположить, что четверорукия животныя, ближайшія по своей организаціи къ человѣку, должны вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживать и наибольшее сходство въ своихъ душевныхъ качествахъ съ его психическими способностями. Многочисленныя наблюденія вполнѣ подтверждаютъ это предположеніе. Даже такой скептической психологъ, какъ Льюисъ ¹⁾, приводя примѣры изъ психической жизни обезьянъ, не могъ не допустить, что «животное обладаетъ способностью разсуждать, т. е. группировать опыты, составлять мнѣнія, выводы». Замѣчательный фактъ; говоритъ названный ученый, — «что чѣмъ болѣе естествоиспытатель изучаетъ привычки какаго нибудь животнаго, тѣмъ болѣе онъ придаетъ значеніе разуму, а не природнымъ инстинктамъ». И это, прибавимъ отъ себя, наблюдается въ отношеніи высшихъ животныхъ.

Любопытство обезьяны извѣстно всѣмъ, и въ какой дѣйствительно степени проявляется это чувство, видно изъ разсказа Дарвина, который передаетъ, «что обезьяны, не смотря на свойственный имъ страхъ къ змѣямъ, не могли удержаться, чтобы не поднять крышку ящика, въ которомъ находились ихъ враги, и не поглядѣть на нихъ». Льюисъ передаетъ со словъ Рейгера, что когда этотъ послѣдній предложилъ своимъ обезьянамъ яйца, «онѣ разбили ихъ въ дребезги, и такимъ образомъ лишили себя большей части содержимаго; впоследствии, онѣ слегка ударяли однимъ концомъ яйца о какой нибудь твердый предметъ и очищали кусочки скорлупы пальцами. Имъ часто давали куски сахара, завернутые въ бумагу. Рейгеръ иногда нускалъ въ пакетъ живую осу, которая жалила обезьянъ, когда тѣ спѣшили развернуть подачку; но послѣ того, какъ это случилось разъ, онѣ всегда подносили пакетъ къ уху, чтобы узнать, нѣтъ-ли въ немъ какаго движенія. Въ этихъ примѣрахъ, говоритъ Льюисъ, — мы замѣчаемъ явные результаты онта; многіе изъ низшихъ животныхъ, пресмыкающіяся и рыбы, впродолженіи всей своей жизни, не измѣнили бы своихъ пріемовъ, не смотря на такое лишеніе себя пищи, или страданіе при ея добываніи» ²⁾.

Кобсъ, имѣвшій молодаго орангъ-утанга, «однажды далъ ему половину апельсина; другую онъ спряталъ отъ него на высокой шкафъ и самъ улегся на диванъ; но такъ какъ движенія животнаго привлекли къ себѣ его вниманіе, то онъ только притворился спящимъ. Животное осторожно подкралось къ нему, убѣдилось въ томъ, что хозяинъ заснулъ, затѣмъ вскарабкалось на шкафъ, съѣло остатокъ апельсина, тщательно зарыло корку въ мусоръ, бывшемъ на рѣшеткѣ ка-

¹⁾ «Изученіе психологін», стр. 145.

²⁾ Тамъ же стр. 145.

мина, снова осмотрѣло хозяина, пригидывавшагося спящимъ, и затѣмъ улеглось на собственной постели». Такое поведеніе, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ отъ себя Тэйлоръ, у котораго мы заимствуемъ вышеприведенный рассказъ ¹⁾,—«можетъ быть объяснено только цѣлою цѣпью мыслей, требующихъ извѣстной доли того, что мы называемъ у себя разсудкомъ».

Ограничиваясь рассмотрѣнными фактами и наблюденіями изъ области психической жизни животныхъ, мы видимъ, что чѣмъ выше животное, чѣмъ сложнѣе строеніе его организаціи, чѣмъ болѣе эта организація приближается къ человѣческой, тѣмъ болѣе поступки и дѣйствія животныхъ являются продуктомъ индивидуальнаго опыта, индивидуальнаго развитія, и тѣмъ менѣе—однѣкъ только врожденныхъ побужденій. Такимъ образомъ, низшія животныя обнаруживаютъ въ своихъ дѣйствіяхъ наибольшую зависимость отъ инстинкта; затѣмъ, по мѣрѣ поднятія вверхъ по зоологической лѣстницѣ, эта зависимость постепенно ослабѣваетъ, пока, наконецъ, въ человѣкѣ не сокращается до минимальныхъ размѣровъ. Здѣсь уже личная дѣятельность, индивидуальное развитіе, служатъ почти исключительнымъ руководящимъ факторомъ поступковъ и дѣйствій. Прирожденныя побужденія отодвинуты на послѣдній планъ, а личная дѣятельность выступаетъ въ такой мѣрѣ впередъ, въ такой степени обособляется, что, въ концѣ концовъ, создается самосознаніе, человѣческое «я»; вмѣстѣ съ тѣмъ элементарная способность выбора дѣйствій развивается въ свободу дѣйствій. Этими двумя высшими психическими способностями, самосознаніемъ и свободою дѣйствій, и отличается въ своей основѣ духовное развитіе человѣка отъ психической жизни животныхъ ²⁾; оно именно владеть ту глубокую борозду, за предѣлами которой «человѣческій умъ переходитъ въ обширныя сферы мысли и чувства, никакихъ признаковъ приближенія къ которымъ умъ животнаго не обнаруживаетъ» (Тэйлоръ).

Эльпе.

¹⁾ «Антропология», 1882 г., стр. 53.

²⁾ Сравни. Tito Vignli: «Über das Fundamentalgesetz» и т. д., гл. XII.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Продолженіе романа г-жи А. Львовой «Наслѣдство» и поэмы г-жи Александры Львовой «Марина Мнишекъ» не появились въ апрѣльской книгѣ по неполученіи ихъ своевременно отъ авторовъ.

О П Е Ч А Т К И,

замѣченныя авторомъ въ поэмѣ Александры Львовой «Марина Мнишекъ».

Въ февральской книгѣ:

Стр.	Видѣно:	Слѣдуетъ:
133.	Ужель любима?	Ужель любимъ?
140.	Переливалась горячей	Переливалась горячей.

Въ мартовской книгѣ:

4.	Ея съ конями дождался У придорожнаго креста, И по степи съ ней рядомъ мчался	Ея съ конями дожидаться У придорожнаго креста, И по степи съ ней рядомъ мчатся,
32.	Пропала Русь, колы деревцо Жалиться будутъ.	Пропала Русь, колы деревца Жалиться будутъ.
36.	Дуду! вѣдь пляску.	Дуда! вѣдь пляску.

Издатель и отвѣтственный редакторъ А. А. Навроцкий.

РЕДАКЦІЯ „РУССКОЙ РѢЧИ“

С.-Петербургъ, Средняя Подъяческая, 1.

Журналъ «Русская Рѣчь» выходитъ въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, книжками отъ 25 до 30 и болѣе листовъ.

Подписная цѣна на годъ:

безъ доставки	15 р.
съ доставкой въ Петербургъ	16 —
съ пересылкой	17 —
за границу: въ Европу	} 18 —
Сѣверную Америку и Египетъ	

Въ прочія мѣста—по соглашенію съ Редакціей.

Допускается разсрочка платы по третямъ:

	при подпискѣ	къ 1 Маю	къ 1 Сентябрю
безъ доставки	7 р.	5 р.	3 р.
съ доставкой	8 —	5 —	3 —
съ пересылкой	9 —	5 —	3 —

Отъ Редакціи.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы журнала и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые получили билеты или выслали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію «Русской Рѣчи» съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія, уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ петербургскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ петербургскіе—50 к. и изъ петербургскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію и притомъ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложить къ подписной суммѣ 16 к. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ А. Навроцкій.

Главная Контора «Русской Рѣчи»

Средняя Подъяческая, 1.

AP
50

R314

v. 4

no. 4

1882

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

--	--	--

